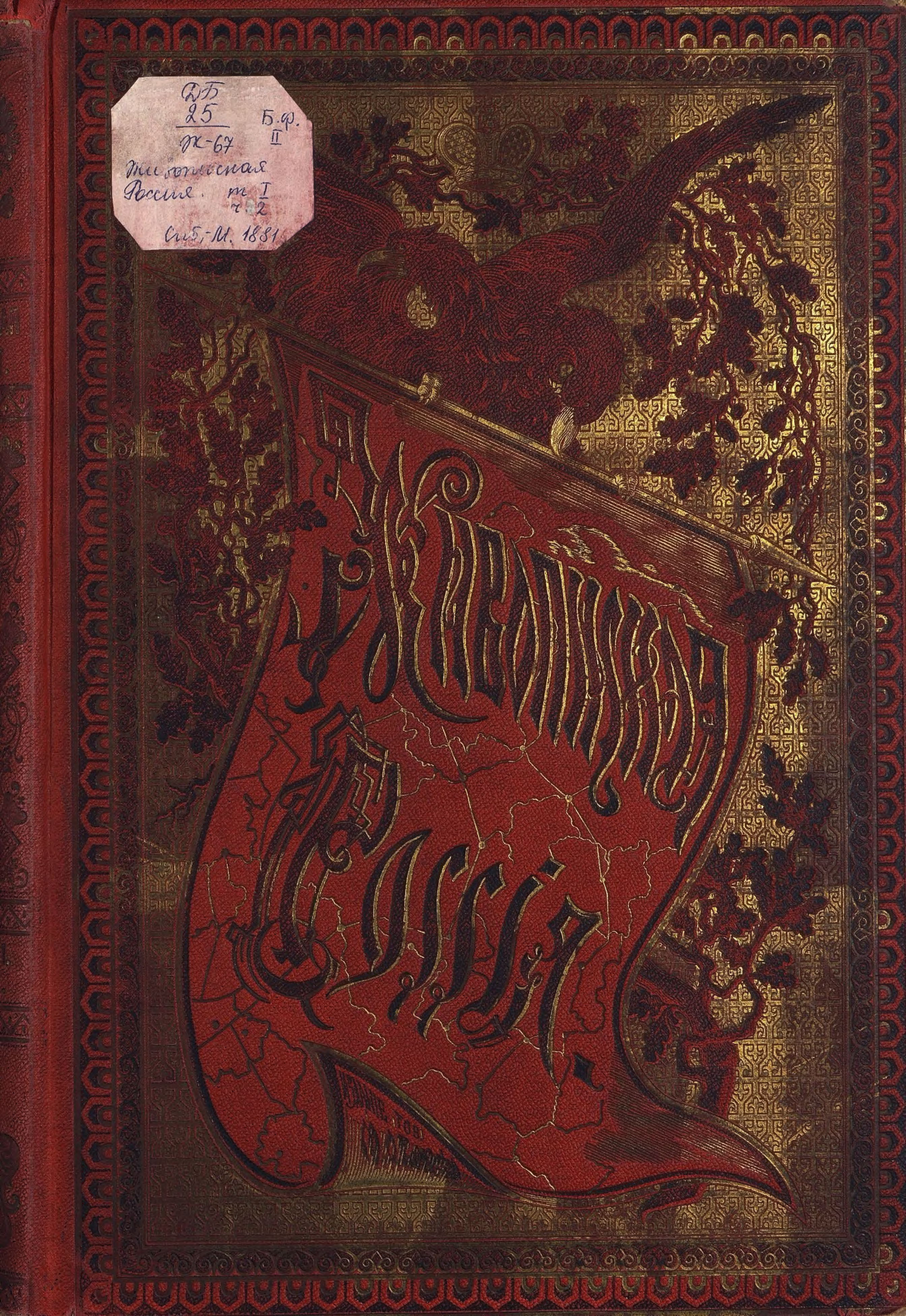
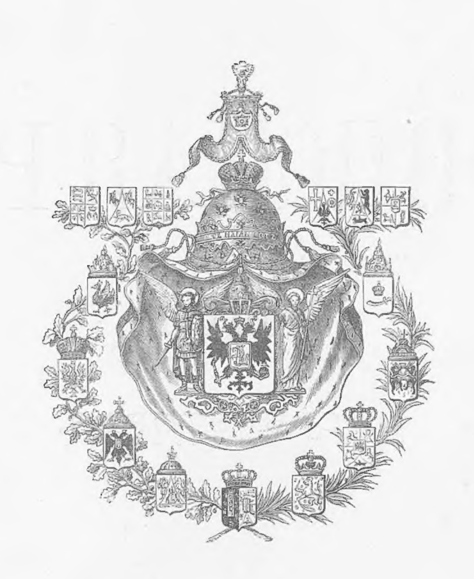

Живописная
Россія

ТОВАРИЩЕСТВО М.О. ВОЛЬФЪ
1883

ЖИВОПИСНАЯ РОССІЯ.

ТОМЪ I.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ЖИВОПИСНАЯ РОССІЯ.

ОТЕЧЕСТВО НАШЕ

ВЪ ЕГО

ЗЕМЕЛЬНОМЪ, ИСТОРИЧЕСКОМЪ, ПЛЕМЕННОМЪ, ЭКОНОМИЧЕСКОМЪ И БЫТОВОМЪ ЗНАЧЕНІИ.

ПОДЪ ОБЩЕЙ РЕДАКЦІЕЙ

П. П. СЕМЕНОВА,
ВИЦЕ-ПРЕДСѢДАТЕЛЯ ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

СѢВЕРНАЯ РОССІЯ.

ОЗЕРНАЯ ИЛИ ДРЕВНЕ-НОВГОРОДСКАЯ ОБЛАСТЬ. (Продолженіе).

СЪ 238 РИСУНКАМИ ВЪ ТЕКСТѢ И 29 ОТДѢЛЬНЫМИ КАРТИНАМИ, РѢЗАННЫМИ НА ДЕРЕВѢ.

ИЗДАНІЕ КНИГОПРОДАВЦА-ТИПОГРАФА М. О. ВОЛЬФА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ,
Гостиный дворъ, №№ 17 и 18.

МОСКВА,
Кузнецкій мостъ, д. Третьякова.

1881.

Дозволено цензурою. Спб., 3 марта 1881 г.

Печать типографіи Маврикія Осиповича Вольфа, въ Спб., Вас. Остр., 16 л., д. № 5.
Шрифты изъ словолитни его же.

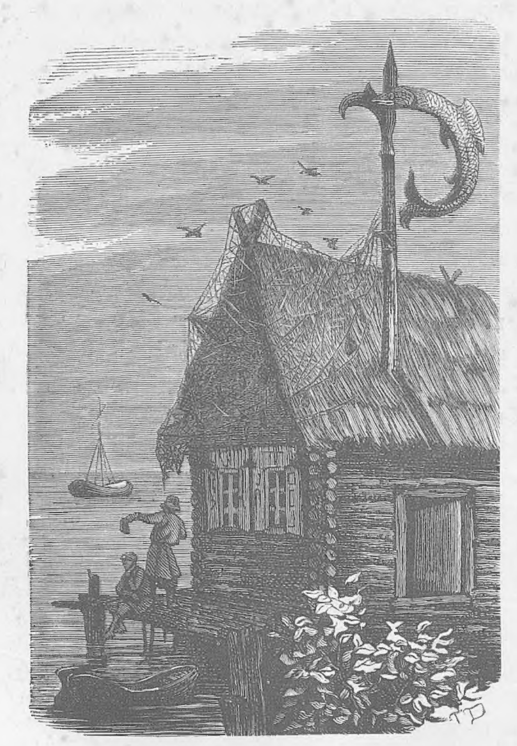
ОЧЕРКЪ IX.

НЕСТОРОВА ВЕСЬ И КАРЕЛЬСКІЯ ДѢТИ.

Инородцы Озерной области. — Миграціи финнскихъ народовъ. — Природа мѣстности. — Чудь, Карела и Саваксты — Откуда пошла Чудь. — Другія названія Чуди. — Весь. — Гдѣ и сколько живетъ Чуди. — Антропологическіе признаки. — Жилище. — Пища. — Языкъ и то культурное состояніе, въ которомъ находилась Весь при встрѣчѣ съ Русскими. — Вымираетъ ли Чудь. — Миѳологическіе остатки — Повѣрья. — Рожденіе. — Свадьба. — Похороны. — Обычаи. — Карела. — Разселеніе и число душъ. — Внѣшніе антропологическіе признаки. — Жилище. — Пища.

Въ полномъ довольствѣ и счастьѣ когда-то
Жили туземцы въ Карельской землѣ.
Рабства не вѣдали, жили богато,
Правилъ землею ихъ старый Тулле.
Но человѣкъ волосатый явился,
Загналъ въ пещеру сѣдаго Тулле,—
Сгинулъ старикъ, а пришлецъ водворился
Полнымъ владыкой въ Карельской землѣ.
Но не погибъ Карелякъ и въ неволѣ;
Въ дружбу сумѣлъ онъ съ пришельцемъ вступить,
Живо смекнулъ онъ, какъ быть въ новой долѣ—
Шкуру сумѣлъ на овчину смѣнить.

ИЗЪ КАРЕЛЬСКАГО ПРЕДАНІЯ.

Рыбачій домъ въ Олонецкой губерніи.

Ровно будто одинъ народъ живетъ и въ Финляндіи, и въ Балтійскихъ губерніяхъ, и въ нашей Озерной области, а какъ поразглядишь его попристальнѣе, какъ присмотришься и въ томъ и въ другомъ мѣстѣ къ обычаю народному, такъ и увидишь, что родъ-то тотъ, да порода другая. По даннымъ языка, а также и по находкамъ, сдѣланнымъ въ разное время въ курганахъ чудскихъ и могильникахъ, видно, что было время, когда всѣ нынѣшніе Финны жили гдѣ-то у подошвы Алтая, въ сосѣдствѣ и братствѣ съ тюрко-алтайскими племенами, съ которыми и до сихъ поръ еще представляютъ они много общаго въ анатомическомъ строѣ своемъ. Чего они между собою не подѣлили—того никто узнать доподлинно не можетъ, а только слѣдуетъ полагать, что не подѣлили они угодій, и первая ссора братьевъ произошла изъ-за простора да изъ-за хлѣба насущнаго. Не сразу, конечно, двинулись въ далекій путь уралоалтайскіе народы, извѣстные болѣе подъ именемъ Финновъ, и побуждаемые

Тюрко-алтайцами и будучи послабѣе ихъ, только отдалились на время отъ стародавнихъ своихъ сельбищъ; прошли года, и новый напоръ сильнѣйшихъ сосѣдей снова продвинулъ Финновъ далѣе на сѣверозападъ, а тамъ, захвативши горя и безкормицы, перевалили они наконецъ и черезъ «Киви-панда», а по нашему Уральскій хребетъ, что показался имъ запросто «Камнемъ-горою». Пошли отсюда Финны не скоро, а прежде пожили по обоимъ склонамъ «Киви-панда» и разошлись розно повидимому уже тогда, когда за голодовкою невтерпежъ стало имъ жить вмѣстѣ. Одна вѣтвь не захотѣла искать невѣрнаго счастія на новыхъ мѣстахъ и осталась почти у самаго перевала, а другая двинулась далѣе искать приволья и безбѣднаго житья. Тѣ, что пошли дальше на западъ, въ свою очередь, не ужились вмѣстѣ и снова раздѣлились на нѣсколько отраслей: одни снова остались на мѣстѣ и удовольствовались страною между Свирью, Бѣлоозеромъ, Весьегонскомъ (Вези-іаги, или водная рѣка) и Волховомъ, а другіе пошли на сѣверъ и затѣмъ на сѣверозападъ, чтобы положить начало финскому населенію Ботническаго и Финскаго побережій, вплоть до Ладожскаго озера на востокъ и до лопскихъ поселеній на сѣверъ; но и эти, покинувшіе свои сельбища въ Заволочьѣ, на великихъ сѣверныхъ волокахъ между Печорою, Двиною и Онегою, Финны не цѣликомъ ушли въ нынѣшнія мѣста жительства и притомъ отнюдь не за одинъ походъ совершили свое переселеніе, такъ какъ въ Петрозаводскомъ, Олонецкомъ и Повѣнецкомъ уѣздахъ Прионежскаго края они оставили снова часть своихъ однородцевъ, которые и понынѣ живутъ здѣсь подъ именемъ Кареловъ или «дѣтей Карельскихъ» нашихъ лѣтописей; нѣкоторая часть общей массы двинулась черезъ Волховъ, перешла въ систему Невы и отчасти Финскаго залива и подъ именемъ «Води» и «Савакотовъ» стала извѣстна Русскимъ; тутъ къ сельбищамъ Води подошли черезъ нѣсколько времени съ сѣвера сельбища финляндскихъ Финновъ, обогнувшихъ Ладогу, и такимъ образомъ снова пришли во взаимное соприкосновеніе двѣ группы, когда-то отдѣлившіяся другъ отъ друга ради исканія лучшихъ мѣстъ. Въ то же самое, время какъ одна финская волна двигалась на западъ, другая пошла къ Волгѣ и еще южнѣе и породила Финновъ приволжскихъ, прикамскихъ и присурскихъ.

Хоть и неприглядна страна, которую изстари повелось называть Іерви-маа или страною озеръ, хоть и нѣтъ въ ней роскошныхъ пастбищъ и пахатей, пригодныхъ для того человѣка, который уже поотсталъ отъ первичной заботы о сегодняшнемъ днѣ и задумался о томъ, что будетъ онъ ѣсть завтра и далѣе; но для того, кто еще не додумался до возможности жить благодаря разведенію прирученныхъ животныхъ и посѣву такихъ злаковъ, которые могутъ служить въ пищу человѣку, для того, кто искалъ промысловаго, и лѣснаго, и рыбнаго простора, какъ по лѣсамъ, такъ и по рѣкамъ и озерамъ, — для такого дикаря и воды и дебри были желаннымъ мѣстомъ, и издавна стремился туда потокъ народный, когда-то двинувшійся въ Европу изъ Азіи. Обширные лѣса давали и звѣря всякаго, и дичи вдоволь; раскинулись на цѣлыя тысячи верстъ привольныя озера, а изъ нихъ широкими лентами потекли рѣки отъ озера до озера, вплоть до самаго синяго моря; чуть ли не тысячи верстъ можно проѣхать по этой странѣ въ лодкѣ, благодаря тѣмъ протокамъ, которые словно нарочно устроены на этомъ безлюдьѣ и бездорожьѣ большими дорогами для промысловаго озернаго человѣка, который охотится за 5 дней пути отъ дома, рыбу ловитъ верстъ за восемьдесятъ отъ своей хаты, а сѣно косить привыкъ покрайней мѣрѣ дня за три отъ деревни.

Искони вѣковъ облюбилъ Финнъ воду и усѣлся своими жильями по воднымъ мѣстамъ, а Карела, и при томъ въ особенности олонецкая, такъ и вовсе водяной народъ. Послѣ долгихъ странствованій, послѣ долгаго исканія удобныхъ для поселенія мѣстъ, изъ всѣхъ Финновъ, какъ выше мы уже видѣли, въ Озерной области осѣли Весь, Карела и Савакоты, а потому ихъ-то описаніемъ мы и займемся въ этомъ очеркѣ и притомъ начнемъ съ Веси, которая для Финновъ княжества играетъ такую же роль, какую Болгары играютъ для насъ Русскихъ. Весь — древнѣйшій финскій народъ и въ языкѣ ея черпаютъ, какъ въ сокровищницѣ гельсингфорсскіе лингвисты свою премудрость и архаизмы своего языка. Люди, спеціально знакомые съ языкомъ

Весянъ, этого уцѣлѣвшаго обломка древности, прямо и безповоротно относятъ ихъ къ той группѣ Урало-алтайцевъ, которую принято называть въ наукѣ западнофинскою и которая по отношенію къ Финнамъ Финляндіи представляется какъ бы самымъ старшимъ ихъ братомъ; не недавно, и чуть ли не съ самой той поры, какъ зачалась русская исторія въ смыслѣ государственности, а не одной лишь общественности, познакомился русскій человѣкъ съ этими своими сосѣдями и сталъ исподволь селиться среди ихъ, благо народъ былъ мирный и только отступалъ передъ наплывомъ русскихъ, новгородскихъ переселенцевъ, въ исканіи приволья и простора прибывавшихъ въ ихъ страну. Встрѣтился онъ съ ними на рѣкѣ, на озерѣ, среди дремучаго лѣса, но при встрѣчѣ не обидѣлъ — всѣмъ де-тутъ у насъ простору много, проживемъ мы сосѣдями; задумался русскій человѣкъ надъ тѣмъ, что встрѣчные люди далеко не тѣ, что привыкъ онъ видѣть среди русскаго люда, и понялъ, что люди эти и чужаки ему, да и чудные какіе: и личина-то иная, и не казисты на видъ, и роста того не дали, и волосами будто потемнѣе вышли, и глазами выблѣднѣли, и раскосило ихъ, и скулы повыдались. Къ представленію о чудноватости и чужести невольно присоединилось и понятіе о чудовищности этихъ странныхъ, небольшихъ людей, живущихъ въ лѣсахъ и болотахъ, навѣрное знающихся съ лѣшимъ и съ водянымъ. Видимое дѣло, что, имѣя подъ рукою такія опредѣленія для встрѣчнаго человѣка, какъ чужакъ, чудной и чудовище, нечего было русскому посельнику задумываться долго надъ общимъ именемъ для всего чужероднаго народа, а потому и назвалъ онъ его «Чудью», что на всѣ три примѣты годится; зашло словечко въ Новгородъ Великій, а оттуда съ базара попало и въ свитки тѣхъ почтенныхъ старцевъ, что записывали въ наученіе молодымъ поколѣніямъ и дѣло, и бездѣлье, и фактъ, и примѣту, и про войну, и про дождь кровавый въ свои свитки, изъ которыхъ затѣмъ пошла исторія. Стали Новгородцы ѣздить для торгу въ разныя мѣста, заѣзжали и на югъ, гдѣ встрѣчались и съ греческими торговцами, которые на слово охотливы, а на наживу и того еще больше; умный Грекъ, что ѣздилъ по свѣту для собственной и чужой науки, изловилъ на лету мудрое словечко, записалъ въ свои таблетки и, переувравъ его, выдалъ въ формѣ «Скуфи», такъ какъ буквы *ч* не могъ найти въ своихъ литерахъ, да и зналъ, что рабы, которые въ его отечествѣ изъ тѣхъ же мѣстъ попадались, вѣчно вмѣсто *скафо* говорили *чахво;* ту же рабью привычку замѣтилъ и сородичъ того Грека, пересмѣшникъ Аристофанъ. Коль народъ — Скуфь, такъ и земля его—Скуфь (Скиѳія), такъ какъ иначе не могъ Грекъ и назвать страну, благо у него на дому, гдѣ поселились Віотійцы—тамъ и Віотія, гдѣ Ахеяне—тамъ Ахаія. Подхватили мудреное словечко у ученаго Грека, и пошла его Скуфь по свѣту, задавая собою постоянный вопросъ тѣмъ, которые хотѣли понять истинное значеніе этого слова. А между тѣмъ и самъ обозванный такимъ прозвищемъ народъ, да и ближайшіе сосѣди его и не думали покидать разъ уже вошедшихъ въ обычай названій; послѣднія такъ и дальше пошли и стали излюбленное ими прозвище варьировать на всякій ладъ, и пошли по всей Руси: и Чудь, и Чудки, и Чухари, и Чухонцы, и запросто Чушки, благо прозвище послѣднее давало возможность сострить насчетъ чужеродцевъ. Узналъ потомъ народъ русскій и другія отдѣльныя народныя прозвища того, что огуломъ называлъ онъ Чудью, провѣдалъ опять же Богъ вѣсть откуда особыя прозвища для Мокши, Суоми, Коми, Егры, обозвалъ ихъ Мордвою, Чухнами, Зырянами и Остяками и только за небольшимъ клочкомъ обширнаго финскаго народа оставилъ стародавнее прозвище Чуди, видоизмѣняя его иногда въ Чухарей. Однако лѣтописецъ прослышалъ и другое прозвище для этой народности и записалъ во многихъ мѣстахъ ее подъ именемъ «Веси», какъ и донынѣ зовутъ ее сородичи сѣверные. Самъ народъ этотъ однако врядъ ли когда зналъ, какъ называютъ его сосѣди финскіе и русскіе, и соблюлъ въ неприкосновенности свое настоящее и исконное прозвище, хотя и многое успѣлъ перенять у Русскихъ, живя такъ долго заодно съ сосѣдями. Звалъ онъ себя какъ-то странно, такъ что и самъ теперь едва объяснить можетъ, и только подбирая остатки своего древняго языка и по наведенію можетъ онъ иногда навести спрашивающаго на настоящее значеніе своего прозвища; онъ себя называетъ «Лудиникадъ» и сумѣетъ

отличить себя отъ сосѣдней Карелы, которая такъ на него похожа и внѣшнимъ обликомъ, и обычаями, и даже языкомъ.

Толкуютъ сами Чудяне свое прозвище такъ, что составилось оно изъ двухъ чудскихъ словъ, изъ которыхъ одно, а именно «лудь» значитъ—кости, а «игадъ»—старинный, древній, такъ какъ, говорятъ они, и теперь еще старость называемъ мы «ига», «игадъ». Если только такое объясненіе не есть плодъ досужей фантазіи, то по истинѣ не ошиблись Чудяне, назвавши себя такъ, а не иначе, такъ какъ они представляютъ собою чуть не самую древнюю отрасль всего финскаго племени и въ языкѣ ихъ сохранились самыя древнія формы нынѣшнихъ финскихъ словъ и формъ; тутъ-то, видно, и раздѣлились пришельцы на двѣ вѣтви, изъ которыхъ одна двинулась на сѣверъ къ перешейку между Ладогой и Онегой, а другая на западъ, по южному берегу Ладоги. Тогда станетъ совершенно понятнымъ, почему Карела ближе всего подходитъ къ Чуди, такъ какъ она отдѣлилась отъ послѣдней раньше всѣхъ остальныхъ народовъ финскихъ.

Карелы и Весяне.

Какъ нынѣшнихъ петербургскихъ и новгородскихъ Финновъ зналъ лѣтописецъ подъ именемъ «Води», такъ и Чудь онъ зналъ подъ именемъ «Веси»; прослышалъ онъ это послѣднее прозвище отъ ихъ же, вѣроятно, собратьевъ, такъ какъ по-русски «Весь» ничего не значитъ, тогда какъ по-фински имѣетъ значеніе; какъ во многихъ мѣстахъ дѣлали пришельцы, такъ вѣроятно поступили и Русскіе здѣсь: придя въ какую нибудь новую землю, они всегда старались узнать у туземцевъ, какъ называется вновь открытая ими земля, и для этого, указывая на землю, и задавали вопросъ; туземцы не понимали цѣли вопроса, да и самаго вопроса, полагали, что спрашиваютъ ихъ, какъ по ихнему земля называется, и сказывали, что земля по ихнему называется такъ-то; такимъ образомъ окрестили Крестоносцы Лифляндію, такъ же точно происходило дѣло и во многихъ другихъ мѣстахъ, такъ же точно случилось и съ Русскими, встрѣтившимися впервые съ Чудью, съ тою лишь разницею, что пришли они въ землю послѣднихъ по искони излюбленнымъ путямъ, по водѣ въ лодьяхъ, а потому при вопросѣ и должны были указывать на воду; вода по-чудски—*вези*, а отсюда и пошла лѣтописная Весь; даже и сѣверные одноплеменники Чуди называютъ ее Вепсами, передѣлавъ слово подстать своему говору. Толкуютъ однако и иначе происхожденіе слова «Весь», хотятъ его съ финскаго же языка вывести, да по своему, отъ глагола «веппаан», что значитъ—бросать, швырять, покинуть, и утверждаютъ, что Финны покинули Весь, оставили ее на прежнемъ мѣстѣ жительства, а сами ушли искать лучшихъ мѣстъ, удобныхъ для поселенія, на сѣверѣ и западѣ; говорятъ они, что и «лудьун» значитъ—двигаться, шевелиться, идти.

Съ давнихъ, незапамятныхъ временъ, когда еще и слыхомъ не слыхать было о Русскихъ, широкая Свирь, а по-чудски — Сюверелъ или Глубокая рѣка, служила гранью между поселеніями чудскими и карельскими, но повидимому грань эта не дѣлала розни, и народы эти жили между собою въ дружбѣ. Такъ и жили оба народа, пока корысть и поиски за одиночествомъ не двинули сюда Русскихъ; одни изъ нихъ шли въ невѣдомыя мѣста ради уединенія и спасенія души, другіе шли забирать земли и угодья ради наживы; это движеніе въ обоихъ своихъ проявленіяхъ, иноческомъ и чисто захватномъ, шло и совершалось по давно заведенному обычаю, по тому пути, котораго ни строить, ни расчищать не приходилось, а который указанъ самою природою и пролегалъ по теченію рѣкъ Свири, Ояти и Паши; рѣки эти глубоко врѣзывались внутрь страны и поневолѣ манили колонистовъ; въ особенности первая была и широка, и глу-

бока, и привольна для плаванія; понятно, что на нее прежде всего обратили вниманіе пришельцы и раньше заняли ее, основавъ лишь рѣдкія поселенія на устьяхъ рѣкъ Паши и Ояти и въ тоже время раскинувши по всей Свири цѣлую массу сельбищъ. Все это вело къ тому, что Весь поневолѣ раньше и больше была отодвинута отъ Свири, нежели отъ Паши и Ояти, а теперь успѣла обрусѣть уже и вся Паша, и только Оять да Ладва дальняя борются еще со всесокрушающимъ русскимъ вліяніемъ, хотя и оттуда съ каждымъ десятилѣтіемъ Чудь отодвигается въ смыслѣ инородности; держится еще чудская рѣчь и чудская повадка и въ глухой и дикой Бѣлозерщинѣ,

Чудское поселеніе близь Ояти.

гдѣ, пожалуй, и до сей поры не услышишь ни одного русскаго слова. До сихъ поръ уцѣлѣли эти мѣста отъ русскаго наплыва и вліянія, благодаря тому, что сама природа будто вступилась за ихъ національность и защитила отъ погибели; непроходимыя топи, скалистыя сельги и непролазные лѣса стоятъ на стражѣ этихъ чисто чудскихъ уголковъ; зимою не проѣхать туда за бездорожьемъ отъ снѣговъ, а лѣтомъ разойдутся болотца, и рѣдкій путникъ рискнетъ проѣхать въ самое сердце Чудской земли въ придуманномъ на ту нужду мѣстномъ экипажѣ — смычкахъ, гдѣ ему ни повернуться, ни ногами пошевелить невозможно.

Какъ бы то ни было, но и теперь еще Весь занимаетъ своими сельбищами весьма значительную территорію, обнимающую собою почти весь Лодейнопольскій уѣздъ Олонецкой губерніи, значительную часть Тихвинскаго и Бѣлозерскаго уѣздовъ Новгородской губерніи и часть Весьегонскаго уѣзда Тверской губерніи; какъ ни широко однако раскинулась Весь въ территоріальномъ отношеніи, населеніе здѣсь очень рѣдко въ силу самыхъ природныхъ условій, и, занимая пространство, почти равное площади Швейцаріи, количественно Весь не сравнится даже и съ жителями республики Андорра; всего Веси, если вѣрить даннымъ, собраннымъ администраціею, до 25,000 душъ обоего пола, но на самомъ дѣлѣ, говорятъ, ее больше, — тысячъ до 35.

Достаточно взглянуть лишь на Весина, чтобы сразу примѣтить ту разницу, которою онъ отличается отъ своего сосѣда—Русскаго; окружи Весина цѣлою толпою Русскихъ, да подбери еще къ нему и Русскихъ-то такихъ, что лицомъ почти въ него вышли, такъ и то выдаетъ его раскосость, свѣтлоглазость и скуластость, которыя у Русскаго замѣтишь лишь въ весьма малой мѣрѣ. Ростомъ Чудяне не особенно выдаются изъ среды окрестнаго русскаго населенія и принадлежатъ къ числу людей средняго роста, причемъ послѣдній колеблется между 37 и 39 вершками: видно, холодный климатъ и невзгоды не смогли вымельчить Чудь, какъ мѣстами вымельчились Русскіе, попавшіе даже и въ такія благословенныя страны, каковы Тамбовская и Воронежская губерніи; впрочемъ такой ростъ служитъ лишь на пользу Веси по той простой причинѣ, что ихъ рѣдко берутъ во флотъ, куда то и дѣло попадаютъ мѣстные Русскіе, которые противъ нихъ ростомъ не вышли, да заявились за то коренастѣе и уклюжѣе, т. е. именно такими, какіе требуются для флотской службы; нужда сдѣлала Чудянъ слабыми, а отсутствіе промысловъ — неуклюжими, недогадливыми и несмѣтливыми, и русскій человѣкъ, говоря о Веси, постоянно упомянетъ, что очень уже всѣ они «просты». Вполнѣ худыхъ среди Чуди мало, также точно какъ и такихъ, которыхъ можно причислить къ одутловатымъ и толстымъ; по большей части, Весь по сложенію своему представляетъ счастливую середину, хотя и выказываетъ скорѣе наклонность къ худобѣ, что легко можно объяснить далеко не блестящими условіями ихъ жизни, при наплывѣ болѣе смѣтливыхъ и изворотливыхъ Русскихъ. По цвѣту кожи, пожалуй, и не отличишь Весина отъ Русскаго, такъ какъ на открытыхъ мѣстахъ цвѣтъ этотъ является окрашеннымъ во второй отъ свѣтлѣйшаго тонъ, а на закрытыхъ — такъ и вовсе представляется въ тонѣ наиболѣе свѣтломъ, котораго иной разъ не найдешь и у несомнѣннаго Русскаго. Чрезвычайно интересно однако, что Чудяне, несмотря на частыя скрещиванія, не утеряли своей основной для кожи окраски и въ большинствѣ случаевъ даютъ свѣтлокоричневую или свѣтлобуроватую окраску, что лишь въ весьма рѣдкихъ случаяхъ можно наблюдать у Русскихъ.

Хоть и увѣряютъ про всѣхъ Финновъ вообще, что они бѣлокуры и бѣлобрысы, но это чисто съ вѣтру явившееся положеніе приходится повидимому оставить, такъ какъ всѣ послѣднія изслѣдованія клонятся къ тому, что Финны скорѣе темноволосы, въ виду того, что таковыми оказались Вогулы, Остяки, Самоѣды и Мордва. Оказывается, что и среди Чуди встрѣчается гораздо болѣе темноволосыхъ, нежели бѣлокурыхъ, точно также какъ и у Кареловъ, не говоря уже о Лопаряхъ и Мадьярахъ. Громадное большинство Чудянъ имѣетъ волоса самыхъ темныхъ тоновъ окраски, хотя у малолѣтковъ и подростковъ волосы и свѣтлы. Какъ и у всѣхъ почти остальныхъ народовъ борода, всегда окрашена на одинъ или два тона свѣтлѣе сравнительно съ волосами на головѣ, но все же и на бородѣ волосы у Чуди не могутъ быть признаны свѣтлыми; обыкновенно борода рѣдка и даже вовсе иногда отсутствуетъ, хотя бы по годамъ и должна бы уже вырости, а растительность на тѣлѣ почти никогда не встрѣчается, что составляетъ весьма характеристичный признакъ всего уралоалтайскаго племени, представители котораго постольку лишь обладаютъ болѣе роскошною волосатостью, по скольку они больше смѣшивались съ Русскими и другими хорошо обросшими народами.

Русскій человѣкъ, хоть и обладаетъ значительною наблюдательностью, но, какъ мы видѣли, вдался въ ошибку по части волосъ Чудина, да не ошибся за то, говоря о его глазахъ. Видя постоянно у своихъ сородичей преимущественно темные тоны глазной окраски, понятное дѣло, русскіе насельники должны были поразиться обычною блѣдностью тоновъ глазъ финскихъ своихъ сосѣдей и сдѣлать изъ этого обстоятельства особенную народную примѣту; насмѣшливыя выраженія въ родѣ «Чуди-бѣлоглазой», примѣнимаго ко всѣмъ Финнамъ вообще, и «желтоглазаго», какъ называетъ русскій человѣкъ въ Петербургѣ чухонца-хозяина своей закладки — все это весьма вѣрныя примѣты, которыя подтверждаются и при научномъ наблюденіи. Почти никогда не встрѣтишь между Чудью человѣка съ самымъ темнымъ тономъ окраски ириса всѣхъ воз-

можныхъ основныхъ цвѣтовъ, т. е. коричневаго, синяго, зеленаго и темносѣраго, и напротивъ того чаще всего самые блѣдные и средніе тоны; кромѣ того въ громадномъ большинствѣ случаевъ приходится наблюдать отсутствіе темносѣраго цвѣта, который у Чуди является лишь какъ исключеніе; коричневый цвѣтъ тоже встрѣчается очень рѣдко, а напротивъ того зеленоватый цвѣтъ замѣчается чуть ли не у 50 субъектовъ изо ста, причемъ однако нельзя считать этотъ зеленый цвѣтъ вполнѣ характеристичнымъ для народа, а скорѣе позднѣйшее обезцвѣчиваніе голубаго цвѣта, который также чрезвычайно часто наблюдается въ глазахъ Чуди; голубые глаза — глаза юношей и молодыхъ дѣвушекъ, а состарѣются они — и цвѣтъ ихъ глазъ приметъ вѣроятно зеленоватый оттѣнокъ. Та кудреватость, которая до такой степени рѣзко характеризуетъ нашу русскую, безпримѣсную голову, только крайне рѣдко встрѣчается среди Веси, да слѣдуетъ замѣтить, что въ этихъ рѣдкихъ случаяхъ кудреватость является какъ бы въ зародышевомъ положеніи и прямѣе всего должна быть отнесена къ вліянію помѣси съ прихожимъ русскимъ промышленникомъ; въ большинствѣ случаевъ волоса Чуди совершенно мочалообразны и не представляютъ даже и на вискахъ никакихъ закручиваній, часто встрѣчаемыхъ даже и у тѣхъ народовъ, которые отнесены Фридрихомъ Мюллеромъ къ числу гладковолосыхъ. Сразу и почти безповоротно опредѣляется уже съ перваго взгляда типичная для Чудянъ форма носа: носъ у Чуди и широкъ, и курносъ, и сплющенъ, и съ раздутыми ноздрями, и съ выступающею изъ-подъ носа мочкою; замѣчено также, что ноздри у Чудянъ не обладаютъ способностью расширяться въ иныхъ случаяхъ, когда онѣ расширяются напримѣръ у Русскихъ, т. е. въ моменты озлобленія, испуга и т. п. Губы Чудянъ наблюдались съ двухъ различныхъ точекъ зрѣнія, а именно со стороны относительной ихъ толщины, а также и со стороны направленія прорѣзи рта и слѣдовательно его положенія; оказывается, что Чудяне обладаютъ далеко не толстыми губами и весьма близко въ этомъ отношеніи подходятъ по своей толщинѣ къ губамъ Великоруссовъ, будучи въ то же время толще обычныхъ малорусскихъ губъ. По формѣ прорѣзи своей ротъ Чуди отнюдь не представляетъ собою какого либо типичнаго этническаго признака и расположенъ онъ въ громадномъ большинствѣ случаевъ совершенно правильно и только изрѣдка обладаетъ нѣсколько приподнятыми внѣшними углами. Ясное дѣло, что, не употребляя въ обиходѣ своемъ сладкаго, лишенный иногда, и при томъ весьма часто, возможности пить горячій чай, Чудинъ могъ бы обладать хорошими и здоровыми зубами, да и на самомъ дѣлѣ зубы его и велики и хороши; хотя и не принадлежатъ Чудяне къ Арійцамъ, однако зубы у нихъ не выдаются, рѣзцы вставлены вертикально и ничего отличнаго отъ зубовъ обыкновеннаго Великорусса не представляютъ. Лобъ у Чуди по большей части плоскій, а уклоняющійся вверхъ лобъ замѣчается лишь въ качествѣ исключенія; эта типичная для Чуди черта тѣмъ болѣе становится замѣтною, что у большинства мужчинъ и женщинъ, такъ называемая, надбровная выпуклость вполнѣ отсутствуетъ, также точно какъ и надпереносичная впадина. Чудяне обладаютъ очень красивыми бровями, которыя отлично одарены волосами; обыкновенно онѣ образовываютъ весьма рѣзко очерченную дугу и лишь крайне рѣдко вытянуты въ прямую линію, причемъ волосы на нихъ по большей части темнаго цвѣта. Къ числу наиболѣе характерныхъ и притомъ наиболѣе распространенныхъ среди Чудянъ этническихъ признаковъ слѣдуетъ несомнѣнно отнести, такъ называемую на языкѣ народномъ, «раскосость»: весьма рѣдко можно встрѣтить субъектовъ съ горизонтально расположенными прорѣзями глазъ, тогда какъ у большинства внѣшніе углы этихъ прорѣзей приподняты обыкновенно нѣсколько къ верху, составляя горизонталь 25—30°. Ротъ у Чуди малъ и красиво очерченъ, подбородокъ нѣсколько остръ, и все лицо угловатоострое, что зависѣло конечно отъ сильной скуластости; уши не велики и въ особенности у женщинъ хорошо очерчены, хотя и отдѣляются нѣсколько впередъ. Въ антропологическомъ отношеніи Чудь отличается отъ своихъ соплеменниковъ большою шириною лба; затѣмъ лицевой уголъ ея, по близости котораго къ прямому когда-то судили объ умственныхъ способностяхъ племени и человѣка, равняется лицевому углу Финновъ изъ Финляндіи и довольно великъ; по скуластости они зани-

маютъ послѣ Остяковъ слѣдующее мѣсто, а по выдавшимся салазкамъ первое мѣсто, что придаетъ ихъ лицу чрезвычайно угловатую форму. Чудяне въ большинствѣ являются очень коротко- и круглоголовыми, занимая въ этомъ отношеніи въ ряду остальныхъ народовъ финскаго происхожденія чуть ли не первое мѣсто. Таковъ обликъ Чудина въ отличіе отъ его сосѣдей.

Вьюгами, мятелями и холодомъ обездолила повидимому природа Чудина, но вмѣстѣ съ тѣмъ дала ему въ изобиліи и средства укрыться отъ этихъ напастей, такъ, какъ не суждено отъ нихъ укрываться нашему крестьянину центральныхъ губерній: лѣсу вокругъ народилось —

Озерной видъ.

дѣвать некуда, а въ лѣсѣ-то и есть его защита. Живя въ этомъ лѣсномъ привольѣ, обстроился Чудинъ такъ, какъ и средней руки состоятельному человѣку въ иномъ мѣстѣ не обстроиться; какъ онъ прежде жилъ, того мы не знаемъ, а теперь срубилъ онъ себѣ жилье на исконный новгородскій ладъ, но все-таки не совсѣмъ, а внесъ въ постройку и кое-что свое, что сразу обличаетъ въ хозяинѣ не русскаго озернаго человѣка, а инородца; до многаго въ постройкѣ и приладѣ онъ не додумался, а многое даже ему и не по вкусу пришлось, и устроился онъ, хоть на общій маперъ, а все же по-своему. Изба у него двухъ-этажная, да нижній этажъ не облюбилъ Чудинъ для жилья, а сталъ онъ туда складывать рухлядь всякую, кое-что по хозяйству, сѣти и прикладъ весь рыболовный, а зимою не задумался туда же свалить и полѣсовщину свою, уловъ, муку, толокно и рѣпу; тутъ же въ нижнемъ этажѣ или, какъ здѣсь выражаются, въ строѣ, помѣщается объемистый чанъ, въ которомъ непремѣнно уже находится мѣстное питье, общеупотребительное и любимое, принятое и желанное у Русскихъ, и у инородцевъ — рѣпный квасъ, о которомъ даже легенды въ области сложены. Въ виду того, что Чудинъ ушелъ жить въ надстрой или во второй этажъ, не потребовалось ему туда

внизъ и свѣта много, а оказалось возможнымъ прорубить въ строѣ и мало, и малыя оконца; не въ обычаѣ въ эти оконца стекла вставлять, а по большей части заткнуты они чѣмъ попало, только бы не очень уже настудить строй, такъ какъ стыдь оттуда проберется и въ надстрой и выживетъ оттуда жителей, хоть къ холоду они и привычны съ малолѣтства. Есть и еще одна характерная черта въ чудскомъ домѣ, и странное дѣло, почему русскій человѣкъ отчурался отъ одной хорошей чудской выдумки, которая пригодна была бы всякому; съ передняго фасада проложена подъ крышею чудской избы жердина, а на жердинѣ прилажена вяленина: 2—3 окорока мяса, а то, за недостаткомъ, такъ и другія какія нибудь части убоины. Чудь ѣстъ вяленину, а Русскій какъ-то на нее не падокъ, а потому и ѣстъ хуже Чуди. Наконецъ, признать чудское жилье можно еще и по отсутствію дымовой трубы, хотя во всѣхъ русскихъ окрестныхъ избахъ не найдешь и намека на черную топку; у Чуди всегда продѣлана въ крышѣ особая дверца — «хайло», такъ какъ иначе отъ дыма житья бы въ избѣ во время топки не было. Къ избѣ сбоку прилажены кое-какія приступочки (ступеньки), а по нимъ взбираешься и на крылечко; крылечко это очень мало, такъ что по русскому обычаю семьѣ низачто на немъ не умѣститься лѣтомъ обѣдать, на немъ вообще не очень-то и безопасно, такъ какъ оно безъ перилъ, да и слажено некрасиво, безъ крыши, на кривыхъ сваяхъ съ необчищенною корою и куда какъ неказисто на видъ — знать, не дошелъ еще Чудинъ умомъ до сознанія красоты. Неуклюжая дверь, часто безъ щеколды, ведетъ съ крыльца въ сѣни; у двери этой найдутся косяки, у оконъ же зачастую нѣтъ оконниковъ, а рамы прямо вставляются въ надрубки въ бревнахъ, такъ какъ пользы отъ оконниковъ не созналъ еще Чудинъ и пока обходится еще безъ нихъ; сѣни хоть и длинны бываютъ, а въ ширину захватываютъ не больше трехъ аршинъ и притомъ освѣщаются лишь тогда, когда отворяютъ входную дверь, такъ какъ наддвернаго оконца Чудь не дѣлаетъ, словно хочетъ побольше укрыться отъ свѣта. Тутъ же, вправо отъ двери и притомъ отъ нея весьма близко, прилаживается спускъ въ строй, но прилаживается плохо и будто на скорую руку; въ сѣняхъ четверо дверей, изъ которыхъ однѣ входныя съ крылечка. Налѣво отъ входной двери прорубается обыкновенно дверь, ведущая въ жилую горницу, и опять же съ косяками; чуть войдешь въ горницу, какъ тотчасъ же поневолѣ поразишься нѣкоторою особенностью, которая вполнѣ ясно доказываетъ, что хозяева не русскіе люди и не переняли даже у Русскихъ ихъ манеры устанавливать въ горницѣ мебель: прямо передъ дверью, между двумя окнами, стоитъ большой семейскій столъ, которому въ русской избѣ мѣсто назначено въ красномъ углу, подъ тябломъ. Вокругъ всей горницы, начиная отъ входной двери и вплоть до печки, тянется сплошная лавка, неудобная для спанья и крайне узкая, а надъ нею идетъ полица, куда прячутъ шапки рукавицы и всякую мелкую домашнюю рухлядь; если брать отъ печнаго угла, то въ противоположномъ углу помѣщается обыкновенно тябло со старинными, большею частью, иконами, такъ какъ послѣднія больше почитаются Чудянами, хотя и не всѣ они придерживаются старой вѣры; любитъ Чудинъ изукрасить тябельный уголъ разными картинами духовно-нравственнаго содержанія и литографіею раки Св. Александра Свирскаго, котораго всѣ, и Русскіе, и инородцы, знаютъ въ Озерной области за своего заступника при жизни и по смерти. Въ правомъ углу помѣщается громадная глинобитная печь, облицованная иногда кирпичемъ; глинобитная работа эта выполнена съ такимъ искусствомъ, что можно дивиться, увидавъ, какъ все это плотно и прочно сдѣлано; надъ челомъ этой печи, въ потолкѣ продѣлана дыра, закрываемая особою дверцею или заслономъ, а обокъ съ печью стоитъ уемистый чанъ, въ которомъ при нуждѣ рыбу чистятъ, а когда и руки моютъ; отъ внѣшняго выступа печи протягивается веревка, а на нее вздвигается занавѣска, отдѣляющая отъ горницы женское и дѣтское царство, гдѣ идетъ вѣчный гомонъ и куда не всякаго тоже впустятъ; все здѣсь уставлено горшками, плошками и другою посудою, а также слышится пискъ и визгъ дѣтей. Другая дверь изъ сѣней, расположенная напротивъ входной, ведетъ въ «пологу», гдѣ лѣтомъ спятъ семейскіе, а зимою хранятся припасы разные, шкурки и

тому подобные предметы. Наконецъ, четвертая дверь ведетъ «на сарай», расположенный обыкновенно во второмъ этажѣ; есть въ сараѣ полъ, сдѣланный изъ крупнаго накатника, и помѣщаются въ немъ кормъ для скотины, земледѣльческія орудія, телега, сани, дровни и смычки, коли имѣются; въ полу продѣланы двѣ или три двери, при посредствѣ которыхъ сарай сообщается съ «поскотницей» или дворомъ, помѣщающимся въ нижнемъ этажѣ; тутъ, въ поскотницѣ живетъ скотина, которой рѣдко много бываетъ у Чудина; какъ сказано выше, изъ поскотницы въ надстрой ведетъ обыкновенно лѣстница, безъ перилъ и сложенная кое-какъ, на-скоро. Со двора, со втораго этажа спускается на заднемъ фасадѣ избы «спускъ» или «взъѣздъ», сдѣланный опять же изъ накатника и служащій для прямаго сообщенія сарая съ землею. Вблизи отъ дома, шагахъ въ 30—40 отъ него, поставлена «ригэ», или гумно, сложенное безъ пути изъ криволѣсья, очень неряшливо, съ дверью и двумя дырами для выхода дыма; такая неряшливость постройки объясняется тѣмъ, что «ригэ» горятъ очень часто, а потому и не приходится особенно стараться въ ихъ постройкѣ; величиною она очень мала, такъ какъ и хлѣба-то родится у Чудина мало, и довольно ему его маленькой ригэ на его потребу. Есть и еще подлѣ чудскаго жилья своего рода особенность, вещь хозяйственная, обусловленная тамошнею нуждою, невозможностью собирать совершенно спѣлый хлѣбъ, изъ боязни, чтобы, пока ждешь его доспѣли, не побили все морозы: недалеко отъ деревни, а иногда и за нѣсколько верстъ отъ нея, протянулось маленькое поле, а у поля возвышается «зарода», то одному счастливцу принадлежащая, а то и цѣлой деревнѣ, благо немного на ней сушить приходится и хватитъ ея одной на всѣхъ однодеревенцевъ. Зарода — это двѣ тычины съ поперечными перекладинами, на которыя вѣшаютъ снопы для «дохода и доспѣли» на солнцѣ. Есть подлѣ избы и баня, для мытья и какъ жилье, излюбленное «кюлветь-ижанда», добраго божка, съ которымъ Чудь старается жить въ мирѣ и добромъ согласіи, а не то онъ хоть кого со свѣту сгонитъ.

Куда какъ богаты рѣки, рѣчки и озера чудскія всякою рыбою, а лѣса ихъ дичью и звѣремъ всякимъ, а Чудинъ все же таки ѣстъ не такъ, какъ бы подобало ему ѣсть на такомъ раздольѣ, и не потому, что лѣнится онъ для своей ѣды походить да поохотиться, а потому лишь, что смотритъ на свою ѣду, какъ на что-то неважное, и несетъ лучшій кусокъ либо въ городъ, либо къ скупщику. Ужь на что не взыскательна капуста, а и той не писано на роду у Чудина въ огородѣ расти, также точно какъ и луку, такъ какъ не могутъ эти русскіе любимцы справиться съ позднимъ тепломъ да съ раннимъ холодомъ; хрѣнъ не повкусу Чудину пришелся — не ѣстъ онъ его вовсе, хотя и хорошъ онъ въ этихъ мѣстахъ противъ цынготной болѣзни. За всѣ овощи эти несетъ тяжелую службу и идетъ во всякую ѣду рѣпа, которую русскій сѣверный острякъ величаетъ въ шутку своимъ «ананасомъ», — до такой степени она ему любезна: и въ уху онъ накрошитъ, и запечетъ ее, и паритъ, и варитъ, да не прочь и сырьемъ ѣсть; есть почетъ рѣпѣ и отъ Чуди, и безъ нея Чудинъ не сядетъ и за столъ; наконецъ либо онъ, либо Карелякъ первый умудрился сдѣлать изъ рѣпы квасъ или, вѣрнѣе, ту муть, что непривычному человѣку и не выпить и что вкусомъ смахиваетъ на имбирный квасъ. Горохъ Чудяне не долюбливаютъ, а держатся крѣпко ячменя, изъ котораго дѣлаютъ очень крупную крупу и пекутъ изъ нея калитки или пирожки; такимъ же почти почетомъ пользуются и бобы, которые опять-таки ѣдятъ всячески и лущатъ даже и ѣдятъ сырьемъ въ видѣ особаго лакомства. Великимъ подспорьемъ въ пищѣ являются для невзыскательнаго Чудина разные грибы, а въ особенности волнуха и рыжикъ, которыхъ и варятъ, и жарятъ, и солятъ впрокъ. Умудрилась Чудянка изъ гриба и свое парадное блюдо придумать — «сень»: для этого волнухи прежде всего варятъ и затѣмъ поджариваютъ вмѣстѣ съ конопляннымъ сѣменемъ на сковородкѣ; коли «сень» сдѣлана съ масломъ и мукою, то она называется уже «кобе»; даже и простые блины любитъ Чудинъ ѣсть не попросту, а нарѣжетъ намелко рыжиковъ, да и наложитъ ихъ на блинъ. Но главнымъ и самымъ любимымъ блюдомъ Чуди, а вмѣстѣ съ тѣмъ и самымъ отвратительнымъ для тѣхъ, кто не очень сильно голоденъ, слѣдуетъ признать такъ называемую «загусту»; придумала загусту голодовка,

а дѣлается она изъ мучныхъ остатковъ: пособеретъ хозяйка крылышкомъ эти остатки въ мучницѣ, всыплетъ въ воду, хорошенько взболтаетъ, и готова загуста — жидкій клейстеръ, бѣдовая ѣда. Ѣстъ Чудинъ въ опредѣленные сроки; нѣтъ у него того русскаго обычая, что стоитъ хлѣбъ и солоница весь день на столѣ, такъ какъ хлѣбъ здѣсь въ диковину. Часу въ девятомъ утра положено быть первой ѣдѣ, завтраку; тутъ припасено у доброй хозяйки и рѣдьки, и рѣпы, и хлѣбца ломотокъ, и мальи вареной (мелкая рыбешка) поставецъ; иная подсушитъ ее маленько на сковородкѣ и хвастается: «мы-де нынче малью жарили». Въ полдень бываетъ главная ѣда — обѣдъ, гдѣ уже безъ горячей стравы никакъ не обойдется, да приходится и побольше поѣсть, такъ какъ за ужиномъ ужь не ѣда, а только закуска, на что и изложена русская поговорка: чего за обѣдомъ горшокъ, того за ужиномъ на донышкѣ. Обѣдъ бываетъ разный, смотря по достаткамъ хозяевъ; готовятъ и щи, только безъ капусты за ея недостаткомъ, а съ картофелемъ и крошеною, вычищеною мальею; пекутъ блины съ рыбою, съ рыжиками, а то такъ и съ брусникою; подаютъ тоже и мясное, и рыбное: сиги соленые, мясо провѣсное, которое виситъ у Чудина подъ крышею. Понятное дѣло, что въ праздникъ расщедрится хозяйка и на муку и испечетъ рыбникъ, причемъ съ рыбы чешуи не снимаетъ. Кто побогаче, тотъ купитъ въ городѣ въ трактирѣ чаю спитаго и пьетъ его тутъ-же за обѣдомъ. Дичь не ѣдятъ, потому въ продажу идетъ, зайчину ѣсть не водится, а медвѣжатина — та же человѣчина, такъ какъ Чудинъ убѣжденъ, что медвѣдь прежде тоже былъ человѣкомъ, да наказанъ отъ Бога за свою гордость. Что остается отъ обѣда, то подаютъ на ужинъ, за который садятся часу въ девятомъ вечера, а послѣ ужина пора и спать — не жечь же свѣчи.

Если въ нынѣшнемъ чудскомъ языкѣ пособрать всѣ древнія слова, то можно получить весьма ясную и опредѣленную картину той степени культурности, на которой стояла Чудь въ моментъ встрѣчи своей съ Русскими и иными культурными народами, имѣвшими тогда уже исторію, и познать, во-первыхъ, съ какимъ запасомъ знаній явилась она въ Озерную область, а во-вторыхъ, что именно и у кого перенимала она и чему отъ кого научилась. Знала Чудь изъ домашнихъ животныхъ собаку, корову, быка и лошадь, но не имѣла понятія объ овцѣ и баранѣ; не имѣя подходящаго слова для обозначенія этихъ двухъ животныхъ, Чудь позаимствовалась имъ отъ чужестранцевъ, а именно познакомилась съ овцою отъ Шведовъ и назвала ее «ламбасъ», не различая еще овцу отъ барана, такъ какъ съ различіемъ этимъ она познакомилась видимо черезъ Русскихъ, принявъ для барана то же слово. Врядъ ли и козу водила Чудь и познакомилась съ нею черезъ Русскихъ, тогда какъ про свинью она видимо впервые узнала отъ Шведовъ, что видно и изъ самаго названія свиньи по-чудски — «сиги»; только поросенка указалъ Чуди Русскій, а потому и называется онъ «порсайнъ». Ясное дѣло, что если были у Чудянъ коровы, то занимались они, значитъ, и хозяйствомъ молочнымъ, что и доказывается между прочимъ тѣмъ, что въ языкѣ ихъ существуютъ выраженія для теленка, молока, доенія, масла и даже сыра. Познакомившись съ овцою черезъ Шведовъ, конечно, не могла Чудь научиться стричь овецъ у Русскихъ, а вѣроятно и этимъ позаимствовалась у первыхъ, что видно и изъ самаго названія шерсти — «villa», въ которомъ однако нѣкоторые лингвисты не могутъ воздержаться отъ того, чтобы не увидать русскую «волну». Домашней птицы Чудяне видимо не держали, а потому и переняли ея названіе отчасти у Русскихъ, а отчасти у Шведовъ; такимъ-то путемъ явились у нихъ: «ципутъ»—курица, «ханхъ»—гусь; можно было бы подумать, что Чудь знала утку домашнюю, такъ какъ въ языкѣ ея имѣется для обозначенія ея свое, доморощенное слово — «сорзь», но такое исключеніе объясняется тѣмъ, что Чудь знала только дикую утку, во множествѣ населявшую болота Озерной области, и умѣла называть только именно ее.

Принужденный вести преимущественно бродячую жизнь то вслѣдствіе миграцій своихъ, а то вслѣдствіе охотничьяго свойства своего быта, Чудянинъ конечно не могъ заниматься земледѣліемъ; можно усомниться даже въ томъ, чтобы онъ дѣлалъ въ то время запасы сѣна для

скота, такъ какъ и для этого продукта они переиначили русское слово и говорятъ «хена». Конечно, они могли знать о существованіи полезныхъ злаковъ, что доказывается присутствіемъ въ ихъ языкѣ такихъ словъ, какъ «кего» — мякина, «олгъ» — солома, «юведь» — зерно и даже «осра» — ячмень, но никогда не выражали они ихъ, такъ какъ названія хлѣбовъ, орудія обработки и принадлежности земледѣлія переняты ими отъ другихъ народовъ; такъ «пёльдъ», «одра» (соха), «агехъ» (едде), «кагръ» (овесъ) и «олудъ» (пиво) узнали они черезъ Шведовъ, тогда какъ черезъ Русскихъ познакомились съ возможностью «касартада», съ «чебъ», "тугодь» (яровое), «бабу» (бобъ), «ябко», «картофь», «хюмалъ, «нижо» (пшеница, низовой хлѣбъ), «люнадъ» (конопля, смѣшанная видимо со льномъ), «сирпъ», «кашъ», «лейба» и «суоль». Наконецъ, при посредствѣ давнишнихъ своихъ сношеній съ Водью, а черезъ эту послѣднюю и съ Литвою, Чудь научилась въ томъ же отношеніи кое-чему и у Литвы, что видно изъ «ваго» (борозда), «ругишъ» (рожь), «хернехъ» (жирнисъ — горохъ), «сигло» (секла—рѣшето), «яухъ» (явай—мука); переняла Чудь и одно орудіе отъ Литовцевъ, которымъ можно было не нагибаясь срѣзать колосья; въ отличіе отъ русскаго серпа, орудіе это назвали «литовкъ» — коса. Даже для выраженія «молоть» нѣтъ у Чуди подходящаго слова и пришлось составлять новое: такъ какъ прежде не мололи, а просто давили камнемъ, то и вышло «кивилъ яухтада» — т. е. камнемъ въ муку обращать. Если мы и найдемъ у Чуди нѣсколько терминовъ, относящихся къ земледѣлію, какъ напримѣръ *херехъ, куидъ, ауме, нерте, пюрну, сууримъ,* то это еще вовсе не доказываетъ того, что Чудь знала о всемъ этомъ именно въ такомъ смыслѣ: такъ «херехъ» значитъ прежде всего грязь, а отсюда уже навозъ, *куидъ* вовсе не только ленъ, а однозначуще съ финскимъ *куйтту*, что обозначаетъ всякое волокно; *ауме* и *нерте* обозначаютъ прежде всего вообще кучи, *пюрну* — есть вообще чуланъ, а слѣдовательно и амбаръ, и наконецъ *сууримъ* есть не что иное, какъ производное отъ *суури* — большой, крупный. Дошедши издавна до разработки металловъ, славившіеся еще во времена Нестора кузнецы — Финны, а слѣдовательно и Чудь, должны обладать богатымъ запасомъ словъ, относящихся къ металлическимъ производствамъ; и дѣйствительно, мы находимъ это богатство у Чуди. Все кузнечное производство было имъ прекрасно знакомо, такъ какъ для каждой мельчайшей подробности въ кузнечномъ дѣлѣ они имѣютъ свои слова; изъ металловъ знали они о мѣди и серебрѣ, тогда какъ про желѣзо узнали видимо отъ Русскихъ (рауда), а съ золотомъ и оловомъ познакомились черезъ Шведовъ (кюльдъ и цина). Слѣдуетъ замѣтить, что молотокъ по-чудски называется *киви*, т. е. камень, что указываетъ на тѣ времена, когда молоты дѣлались еще изъ камня. Въ пряжѣ и тканьѣ Чудь была не сильна, такъ какъ самая пряжа, напримѣръ, называется «лапе», а это значитъ и нитка вообще и даже проволока; *кера* не только не обозначаетъ именно клубка нитокъ, но вообще — куча, свертокъ, комъ; русское слово «ткать» было слишкомъ трудно для чудскаго выговора, а потому и говорятъ они «куттода»; самую ткань называютъ они вообще покрышкою — «кангасъ», а для холста прямо заимствовали готовое русское слово. Глаза Чуди могли разбирать лишь бѣлый, желтый, зеленый и черный цвѣта, тогда какъ синій переняли они отъ Русскихъ также точно, какъ и красный, который они и назвали по преимуществу «рускедъ», въ виду того, что сами облюбили синій цвѣтъ. Жила Чудь въ рубленныхъ и раздѣлявшихся на отдѣльныя горницы (танназъ) домахъ; слѣдуетъ однако полагать, что въ ихъ жилищахъ оконъ не было, а свѣтъ проникалъ только черезъ двери (уксъ); не было при домѣ ни сада, ни огорода, но была баня, хотя она и считается національно русскимъ изобрѣтеніемъ; не только для бани есть особое слово въ чудскомъ языкѣ, но имѣется даже и особый божокъ, ею завѣдующій. И красть-то было, вѣроятно, въ домахъ нечего, да и не предстояло въ кражѣ нужды, а потому и двери домовъ видимо не запирались; съ запорами и съ ихъ необходимостью познакомились Чудяне черезъ Шведовъ, что видно изъ слова «луколь» — замокъ, происходящаго отъ древне-скандинавскаго и готскаго — луканъ, со хранившагося до сихъ поръ въ англійскомъ — to luck. Ясное дѣло, что, находясь на низкой

Обрусѣвшій чудской поселокъ на р. Ояти.

ступени цивилизаціи, Чудь не торила дорогъ, а ходила тропами — «тіе», зимою ходили они по снѣгу на «сукси» — лыжахъ, а изъ экипажей были знакомы съ «реги» — дровни, тогда какъ съ санями и кнутомъ видимо спознались черезъ Русскихъ, что видно изъ словъ «сань» и «розге». Въ горницахъ у нихъ скамеекъ не было, хотя они и знали постель, которую называли спальницею — «удадъ»; для удобства клали они подъ головы подушки — «реэала» (изголовье); тутъ же въ комнатѣ стоялъ ушатъ («корвай» отъ «корва» — ухо), а при печкѣ былъ котелъ, ковшъ и не хватало лишь блюдъ, ложекъ и вилокъ. Одѣвался Чудинъ попросту; на немъ была рубаха (пайдъ), штаны (кидіадъ), онучи (хитрадъ), берестовыя лапти (вирзудъ), кожухъ (поіхъ), а на голову надѣвалъ онъ кошель (кукоръ); бабы просто ходили въ рубахахъ, такъ какъ слово юпка заимствовано изъ русскаго языка; волосы падали распущенные по плечамъ, такъ какъ и для косы слова своего не имѣютъ; на шеѣ у женщинъ, а также вѣроятно и у мужчинъ, во множествѣ висѣли бусы (кирь), а на пальцахъ у нихъ надѣты были большіе перстни (сормузъ); маленькія колечки переняла Чудь у Шведовъ и назвала ихъ «рипхайне». Очень понятно, что писать Чудь вовсе не умѣла, хотя, по всѣмъ вѣроятіямъ, подобно остальнымъ народамъ финскаго происхожденія, обладала какими нибудь знаками и тавровымъ письмомъ, что доказывается словомъ *кирвюшада* (писать), которое означаетъ прежде всего рисовать. Знали Чудяне о возможности плавать по водѣ въ лодкахъ (веннехъ), хотя по всѣмъ вѣроятіямъ толкались, а не гребли и не ѣхали на парусахъ, мачтъ не водружали; лодки свои они имѣли и находили необходимымъ просмаливать (тервестада) и употребляли въ разныя подѣлки веревки (ноорь).

Ни городовъ, ни селъ у Чуди не было; тѣмъ не менѣе Чудь признавала и мѣну, и торговлю, хотя и не имѣла ни особаго торгующаго сословія, ни опредѣленныхъ для торговли мѣстъ, ни наконецъ денегъ. Все, что касается охоты, было въ точности и въ подробности извѣстно Чуди, какъ видно изъ чрезвычайнаго богатства всякихъ охотничьихъ терминовъ; при томъ слѣдуетъ замѣтить, что они не только убивали дичь и звѣря, но умѣли уже дѣлать петли (рихмадъ) на мелкую дичь и пасти (ваксъ) на крупнаго звѣря. Особый интересъ представляетъ картина семейныхъ отношеній Чуди, которая семью называетъ также точно, какъ толпу и народъ (канза); имѣя свои собственныя слова для обозначенія членовъ семьи въ тѣсномъ смыслѣ этого слова и для акта женитьбы, Чудь переняла однако русскую свадьбу, приданое, жениха и невѣсту, такъ какъ «*найненъ*» просто означаетъ зрѣлую дѣвушку. Вѣроятно Чудь никого не изгоняла изъ страны, при своемъ поселеніи, такъ какъ не имѣетъ понятія о рабствѣ и слугахъ; лодейнопольская Чудь про внука не знаетъ, тогда какъ бѣлоозерская называетъ его большимъ сыномъ (суури пойгъ); также точно не умѣетъ первая различить и невѣстку по-своему, тогда какъ Бѣлозерцы прямо называютъ ее «нахайненъ тюттеръ» (малая дочь); знала Чудь и про тещу, и про зятя, и даже про деверя. Не знала Чудь и не вѣдала ничего о родинѣ, товариществѣ, дружбѣ, сосѣдствѣ, хотя чужака и сумѣла назвать «віерасъ». Всѣ слова, относящіяся до общественнаго устройства, несомнѣнно чудскаго происхожденія, за исключеніемъ конечно такихъ, которыя предполагаютъ уже болѣе цивилизованный порядокъ вещей; знали напр. Чудяне, что людей можно вѣшать — «рипнутада» на висѣлицѣ (рипнутезъ) и даже отрубить голову при случаѣ, но не вѣдали ровно ничего о палачѣ, судьѣ, законѣ, свидѣтелѣ, ростовщикѣ, и вора называютъ *варгасъ*, а господина — *бояръ*. Какъ обыкновенно ни печаленъ съ виду Чудинъ, однако и онъ по временамъ услаждался музыкою, играя на прямомъ берестяномъ рожкѣ (торвь) и на искривленномъ (сервудъ); былъ и еще одинъ инструментъ у Чуди — *кантелетъ*, но въ настоящее время во всемъ Лодейнопольскомъ уѣздѣ есть одинъ лишь человѣкъ, который не только съиграть можетъ на кантелетъ (родъ старинныхъ гуслей), но и сдѣлать его.

Не приходилось, видно, Чуди часто воевать, да и вообще она народъ не воинственный, а потому она и не имѣетъ въ языкѣ своемъ особыхъ словъ для обозначенія врага или войны; сосѣдей своихъ однако Чудинъ различать умѣетъ и Шведа называетъ *руотшенмесъ*, Русскаго —

венніанмесъ, Эстонца, Савакота и Водина изъ Петербургской губерніи — *віграсмесъ*, Кареляка — *каріанмесъ* и наконецъ Бѣлозерца — *бѣлозермесъ*. Какъ ни страннымъ кажется, что до сихъ поръ еще въ значительной чистотѣ сохранились такъ близко отъ русской столицы потомки Несторовой Веси, но тѣмъ не менѣе приходится засвидѣтельствовать тотъ фактъ, что между Чудью вовсе незамѣтно слѣдовъ вымиранія; дѣтопроизводительность Чудянокъ далеко не ограниченна, такъ какъ средняя дѣтопроизводительность равняется 8,4 ребенка на женщину; правда, что изъ этого числа дѣтей выживаютъ только 58%. Такимъ образомъ ясно, что не вымираніемъ суждено изойти Чуди, а между тѣмъ достаточно даже и поверхностно познакомиться съ ея жизнію, чтобы примѣтить, какъ съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе отступаетъ она передъ русскимъ вліяніемъ и постепенно русѣетъ. Но и въ этомъ несомнѣнномъ фактѣ быстраго и послѣдовательнаго обрусѣнія опять же не сводные браки и не метисація играютъ главную роль, а только необходимость поддѣлываться подстать болѣе культурной народности; мало-по-малу оставляется народная одежда, за нею вслѣдъ выучиваются, сначала по необходимости, а потомъ и въ силу моды, русскому языку, затѣмъ оставляютъ совершенно свой собственный языкъ, и недавній еще чудской домъ дѣлается вконецъ русскимъ. Топоръ лѣсопромышленника — вотъ орудіе обрусѣнія въ Чудскомъ краѣ, и едва пало подъ его ударомъ въ этой глуши дерево, какъ въ чудскомъ поселеніи начинаетъ уже слышаться русское слово; срубленъ лѣсъ — явилась въ чудскомъ поселкѣ церквенка, и не отличишь его уже отъ остальныхъ чисто-русскихъ: только скуластость да бѣлесоватость глазъ жителей напоминаетъ изслѣдователю, что здѣсь живетъ не исконная Русь, а инородецъ.

Мало что помнитъ Чудинъ изъ своего былаго и когда-то очень богатаго, повидимому, миѳологическаго прошлаго; теперь всякій Чудинъ только плечами пожимаетъ, когда назовешь ему Вэйнэмойнена, Ильмаринена или Похіолу, и увѣряетъ, что никогда и не слыхивалъ ничего о такихъ людяхъ; онъ и не знаетъ тѣхъ, кто прежде и притомъ сравнительно весьма еще недавно заправлялъ его судьбами, и покинулъ своихъ прежнихъ великихъ богинь и боговъ, ограничиваясь лишь мелкими своими былыми божками, которые все еще неизмѣнно живутъ съ нимъ, вмѣшиваются въ его дѣла и стараются то дѣлать добро, то насолить чѣмъ нибудь Чудину; всѣ эти божки, подъ сильнымъ вліяніемъ христіанства, успѣли уже принять въ народномъ воображеніи полную окраску обыкновенной чертовщины, но и подъ этою чуждою имъ формою все же всегда можно опредѣлить границы ихъ дѣйствія и т. п. Понятное дѣло, что ближе всего къ Чудину долженъ стоять тотъ славный малый, добрый божокъ, которому ввѣрена судьба дома; на такую дѣятельность обреченъ «кудинъ-пжандъ» или домовый хозяинъ, которому изъ любви и мѣсто отведено въ домѣ тепленькое и удобное, за печкою, гдѣ впрочемъ и у русскаго человѣка не безъ добраго божка; но не на одномъ лишь мѣстѣ жительства сошлись оба божка, а и на дѣятельности своей и на способахъ дѣйствія: и тотъ и другой наблюдаютъ за домомъ и его жителями, но оба шутники и весельчаки великіе, если только ихъ не разсердятъ поступки ими покровительствуемыхъ людей. Лучше бы и на свѣтъ тому человѣку не родиться, что не уважитъ кудинъ-пжанду; долго терпитъ онъ обиды людей, но если уже разсердится, напримѣръ, когда какой нибудь невѣгласъ отнесется къ нему безъ необходимаго почтенія, то бѣду сдѣлаетъ такую, что и вѣкъ помнить будешь; а за то, если уважитъ его хозяинъ, радъ онъ ему всякое добро сдѣлать: и скотинку его холитъ, и семью бережетъ, и даже, если огонь въ сѣно уронитъ кто-нибудь изъ семейскихъ, такъ и то кудинъ-пжандъ, откуда ни возьмись, явится и потушитъ пожаръ въ самомъ началѣ. Какъ только выстроитъ Чудинъ новую избу, такъ приходится кудинъ-пжанду поклоняться; добрый и путный человѣкъ не безъ ума тоже въ новый домъ перейдетъ, а по стародавнему обычаю, какъ привыкъ кудинъ-пжандъ; станутъ хозяинъ и хозяйка (а иногда и всѣхъ дѣтей для пущаго почета выстроятъ) лицомъ къ печкѣ, поклонятся по тому направленію трижды и просятъ умильно: «приди, старый, приди, молодой, приди, кормилецъ кудинъ-пжандъ, жить съ нами въ новомъ

мѣстѣ!» Коли не сердитъ на нихъ божокъ, то вслѣдствіе такого приглашенія конечно послѣдуетъ за ними, а чтобы ему меньше при переѣздѣ трудовъ было, захватитъ хозяйка изъ печки золы въ лукошко и уголекъ тлѣющій, спрячетъ и золу и уголь въ хлопокъ и несетъ кудинъ-ижанда въ новую избу, несетъ и почестливо, и бережно, чтобы вѣтеръ на стараго не дунулъ, дождь его не вымочилъ и дурной человѣкъ ему не досадилъ дорогою. А какъ придутъ въ новую избу, такъ и тогда надо знать, какъ поступить, такъ какъ дѣло еще не окончено; слѣдуетъ у порога пріостановиться и бережно переставить правую ногу черезъ порогъ, держа въ рукахъ цѣльную, свѣжую и непочатую ни съ какого конца коврпгу хлѣба да пѣтуха покраснѣе; затѣмъ полагается бросить пѣтуха въ избу, а ковригу забросить за печку и примѣчать потомъ, не крикнетъ ли пѣтухъ «кукареку!» Коли крикнетъ пѣтухъ—кудинъ-ижандъ, значитъ, соблаговолилъ перейти на новое мѣсто, не побрезговалъ новымъ запечьемъ; ясное дѣло, что въ этомъ обычаѣ коврига хлѣба — жертва божку, а пѣтухъ, какъ самъ домовикъ, его символъ и потому замѣняетъ его самого. Не одинъ лишь домъ однако пользуется привилегіею имѣть своего собственнаго хранителя и божка, и баня также обладаетъ хозяиномъ, съ которымъ и подавно слѣдуетъ жить въ мирѣ и согласіи, такъ какъ иначе куда какъ плохо придется неосторожному Чудину, съ нимъ въ чемъ нибудь не поладившему и въ чемъ нибудь ему не уважившему. Чудной какой-то этотъ банный хозяинъ, а по-чудски «кюлведь-ижандъ», и даже рѣдко кому удавалось увидѣть его; иной разъ и покажется онъ, да такъ неясно, въ такомъ словно туманѣ, что и не развѣдаешь, каковъ онъ съ обличья; иные сказываютъ, будто онъ и волосатый-то, и черный-то, и непригожій, а спросить у любой дѣвушки, что гадала о суженомъ въ «молодое солнце» (праздникъ Рождества), такъ, по ея разсказамъ, кюльведь-ижандъ вовсе не такъ страшенъ и сильно смахиваетъ на ея суженаго, ходитъ больше голый, бѣлъ и красивъ и обладаетъ всѣми ухватками парней — все бы баловалъ да щипался. Старухи увѣряютъ, что онъ ихъ не разъ по головамъ билъ въ банѣ, такъ что даже обезпамятѣетъ старуха, а не любящимъ женамъ садится онъ ночью на грудь подъ видомъ ихъ мужа, и гнететъ ихъ, и дышать имъ не даетъ; впрочемъ иногда онъ и мальченкамъ, и дѣвчонкамъ пряниковъ и орѣховъ въ банѣ надаетъ, только въ томъ-то и странность, что въ этихъ случаяхъ всегда тятька или мамка, глядишь, пятака не досчитаются. Кто кюльведь-ижанду не поклонится да не уважитъ, гдѣ поклономъ, а гдѣ и подносомъ, съ тѣмъ у него расправа коротка и судъ недолгій: взгонитъ онъ человѣка чуть не на самую каменку и подпалитъ, или обваритъ кипяткомъ, или задушитъ чадомъ; человѣкъ бывалый и знающій силу божка войдетъ въ баню, остановится еще на порогѣ, да и поклонится по направленію къ каменкѣ. «Позволь, старый батько, кюльведь-ижандъ, въ твоей банькѣ мнѣ попариться» — слѣдуетъ попросить старика. Для такого человѣка старый батько такого легкаго пара дастъ, что не баня будетъ, а лѣтній воздухъ.

Какъ ни мало сѣетъ хлѣба Чудинъ, а все же сѣетъ, собираетъ, сушитъ и молотитъ въ особой построечкѣ, что называется у Чуди—«ригхэ», а по нашему—ригою; сама по себѣ рига тоже не простоитъ, и ей понадобился свой особый покровитель—«ригхэ-ижандъ»; дѣятельность его тоже широкая и работы, и заботы ему не мало: въ пору надо жару пустить на снопы, замолотъ дать порядочный своему вѣрному поклоннику, который не позабудетъ и не пожалѣетъ первый снопъ ригачнику отдать на жертву, выбросить въ узенькое оконце, продѣланное въ стѣнѣ. Коли добрый хозяинъ почтетъ ригхэ-ижанда, такъ онъ и изъ одного снопа дастъ такой умолотъ, что въ иное время и изъ четырехъ, пяти сноповъ не выколотишь, а коли позабудетъ его, такъ уже не жди добра: и умолотъ будетъ скверный, и зерно спалитъ, да сгоритъ и рига. Въ лѣсу, на счастье, а то и на горе человѣку, смотря по его собственному поведенію, живетъ «метцъ-хиинэ», который всѣмъ смахиваетъ на нашего русскаго лѣшаго; всякій, кто входитъ за какимъ нибудь дѣломъ въ лѣсъ, долженъ почтить метцъ-хиинэ, а то и удачи ни въ чемъ не будетъ, да и самого-то шутникъ уведетъ въ такое мѣсто, откуда ни хода, ни гляда. А брось только въ первый же попавшійся кустъ нѣсколько зеренъ овса, серебра (или олова,

такъ какъ божокъ плохъ, видно, въ металлургіи—не отличитъ одно отъ другаго) и перьевъ, т. е. плодовъ отъ того, что на землѣ, подъ землею и въ воздухѣ, и метцъ-хиипэ принесетъ тому человѣку всякую прибыль. Безъ работы метцъ-хиипэ жить не можетъ ни минуты, и лучше задать ему какую ни на есть работу, хотя бы и пустую и никому ни на что не годную, а то отъ бездѣлья онъ непремѣнно сочинитъ и устроитъ какую нибудь штуку и подведетъ ни въ чемъ неповиннаго человѣка, если только этотъ послѣдній не «тедай-месъ» — вѣдунъ и знахарь, который всегда можетъ въ рукахъ держать «метцъ-хиипэ». Тедай-месъ можетъ всячески распоряжаться этимъ божкомъ; для него онъ и лисицу въ капканъ вгонитъ, и рябчика въ силокъ заведетъ. Слушается метцъ-хиипэ и пастуха деревенскаго, если только этотъ послѣдній позапасся, да взялъ у колдуна заговоръ на него; но и тутъ опять-таки нельзя оставлять его безъ дѣла, и знающій пастухъ всегда заставляетъ метцъ-хиипэ что нибудь дѣлать: то заставитъ сосну на волокна расщепать, то предложитъ ему озеро выпить, а одинъ пастушенко, говорятъ, когда не хватало божку работы, заставилъ его считать песокъ на днѣ «Онег-ламбы» и сразу на пять лѣтъ отъ него избавился. Такому пастуху, обладающему заговоромъ на метцъ-хиипэ, нечего о скотинѣ заботиться: онъ и накормитъ ее и пропащую, если такой грѣхъ случится, отыщетъ; бывало, что метцъ-хиипэ приводитъ подобную пропащую корову изъ-подъ Іерусалима, но бѣда, если пастухъ потомъ найдетъ пропадавшую скотину и труды божка сдѣлаются напрасными: изобьетъ онъ того пастуха и сживетъ со свѣта. — На что уже сильны всѣ эти божки, а все-таки посильнѣе ихъ будетъ старый «ведэ-хиипэ», который живетъ обыкновенно въ кружалахъ и водоворотахъ. Лучше и не проѣзжать мимо того мѣста, гдѣ живетъ этотъ чудской водяной, если не надумалъ заранѣе поклониться ему честь-честью. Онъ, старый, радъ бываетъ хлѣбу и охотникъ до табаку, а потому и слѣдуетъ ему бросить въ воду того и другаго; купаться ли пошелъ, плывешь ли на лодкѣ—спроси позволенья у ведэ-хиипэ, а иначе и не суйся; закупаетъ, потопитъ. Не прочь и даже особенно лакомъ ведэ-хиипэ на человѣчину, и коли буря застала, или запросто тонешь на рѣкѣ или озерѣ, или запруда не ладится, стоитъ лишь посулить старому какое нибудь человѣческое имя, чтобы избыть бѣды; онъ и самъ суленое возьметъ—ни у кого помощи не попроситъ и приходится лишь остерегаться, чтобы не назвать такое имя, которымъ зовется кто нибудь изъ родни, или изъ близкихъ. — На всякую бѣду, на всякій случай есть у Чудина особая, завѣщаемая ему старыми, бывалыми людьми, примѣта и ухватка; иной, кто не знаетъ всей этой премудрости, пожалуй, легко впросакъ попадетъ, а человѣкъ умный, да къ словамъ и наукѣ старыхъ людей примѣтливый ни за что подлѣ лошади во время грозы не станетъ, такъ какъ лошадь сдѣлалъ нечистый. Какъ ни много такихъ примѣтъ въ чудской мудрости понабралось, все же однако надоѣдаютъ имъ «лембой»—мелкіе чертенятки, которыхъ, кажется, вся задача въ томъ, чтобы чинить людямъ всякія пакости; терпятъ они тоже не мало отъ того тедай-меса, который особенно золъ и получаетъ въ силу своей злобы прозвище «нойда»; только послѣ его смерти приводится дышать легко, да и то если окуютъ его гробъ мѣдными обручами, заколотятъ его мѣдными гвоздями, да и въ пятки-то мертвецу гвоздей мѣдныхъ набьютъ, такъ какъ мѣдь — чистая и съ нею никогда никакая нечисть не справится, потому—она отъ Бога.

Родится Чудинъ такъ же точно, какъ и всякій другой человѣкъ, и та же знахарка принимаетъ новорожденнаго и непремѣнно громовою стрѣлкою (каменнымъ ножемъ) отрѣзаетъ ему ту связь, что соединяла его съ матерью. Изъ старины повелось среди Чудянокъ кормить грудью подолгу, пока у матери не хватаетъ уже силъ терпѣть и юный Чудинъ не искусаетъ ее въ кровь; зубы у дѣтей показываются только на второмъ году, а кормятъ ихъ грудью часто по два года. Никакихъ особенныхъ обрядовъ и торжествъ при рожденьѣ не полагается, такъ какъ, повидимому, и радоваться-то особенно нечего, что народился новый бѣднякъ на свѣтъ Божій. Въ 16 лѣтъ парня стараются уже всячески женить, а дѣвку и раньше того окручиваютъ, что однако вовсе не вліяетъ дурно на рожденіе дѣтей, такъ какъ среди Чуди нерѣдкость увидать шестнад-

патилѣтнихъ матерей. Безъ калыма сватовство и женитьба конечно не обходятся, при чемъ онъ доходитъ до 10 и болѣе даже рублей и передается прямо въ руки будущему тестю, который самъ однако никогда калымомъ не пользуется, а по возвращеніи молодыхъ отъ вѣнца отдаетъ цѣликомъ своей дочери на первое обзаведенье. Интересно, что калымъ этотъ называется почудски «верехійнэ-велгъ» или кровавый долгъ, что ясно показываетъ на стародавнее значеніе калыма, какъ платы за выдачу изъ семьи одной изъ кровныхъ ей женщинъ, а быть можетъ и дѣйствительно за пролитую кровь. Прежде, какъ разсказываютъ, были въ большомъ ходу браки уводомъ, но теперь старина мало-по-малу забывается, мало кто продолжаетъ ея придерживаться и если совершаются еще кое-когда уводы, то съ согласія родителей невѣсты. Начинается сватовство конечно съ обычнаго рукобитья, на которомъ невѣста со стаканомъ водки въ рукахъ обходитъ всю родню, потчуетъ каждаго гостя и жениха, который непремѣнно долженъ въ стаканъ опустить колечко или монету серебряную ради того, чтобы бракъ ихъ былъ такъ же крѣпокъ, какъ крѣпка водка, и такъ же свѣтелъ, какъ свѣтло серебро. Угостивши всѣхъ присутствующихъ, невѣста отходитъ въ уголъ, къ печкѣ, гдѣ и сидитъ цѣлый вечеръ, плача и причитая. Слѣдующій пиръ назначается всегда въ самый уже день свадьбы и притомъ непремѣнно въ томъ домѣ, гдѣ потомъ будутъ жить новобрачные; при этомъ братъ новобрачной, одѣтый въ вывороченную шубу, не подпускаетъ молодаго къ своей сестрѣ, отгоняетъ его, но дѣло кончается ко всеобщему удовольствію, такъ какъ въ концѣ концовъ братъ получаетъ монетку въ качествѣ отступнаго, а молодой дѣлается обладателемъ своей супруги и въ знакъ общности интересовъ ѣстъ съ нею изъ одной посудины и одною ложкою. Затѣмъ на молодую надѣваютъ праздничную одежду, берутъ подъ руки и выводятъ къ гостямъ, къ которымъ обращаются при этомъ съ вопросомъ: мила ли имъ молодая княгиня? На такой вопросъ, конечно, и круглый невѣжа отвѣтитъ утвердительно, а молодая при такомъ отвѣтѣ отвѣшиваетъ на каждую похвалу по земному поклону; молодой бѣжитъ за горшкомъ крутой каши, высоко поднимаетъ надъ головою горшокъ этотъ, ломаетъ его и откусываетъ кусокъ каши прямо отъ колоба. Не безъ символическаго значенія этотъ простой на первый взглядъ обрядъ, такъ какъ ломка горшка и укусъ служатъ дружкѣ и свахѣ сигналомъ къ тому, чтобы взять опять подъ руки молодую и увести въ ту горницу, гдѣ заблаговременно изготовлено для молодыхъ брачное ложе. Придя въ брачную горницу, дружко выхватываетъ изъ-за пояса плеть, изо всей силы ударяетъ ею по постели, укладываетъ какъ разъ на битое мѣсто молодую, а затѣмъ обокъ съ нею и молодаго, снова, но легонько ударяетъ молодую плетью и затѣмъ спрашиваетъ: «съ кѣмъ ты спишь?» По изстари заведенному обычаю, молодая не должна отвѣчать на этотъ разъ и оставить безъ отвѣта тотъ же вопросъ, повторенный дружкою послѣ новаго удара плетью; только по третьему спросу молодая отвѣчаетъ дружкѣ, называя по имени своего мужа, послѣ чего и дружко, и сваха оставляютъ молодыхъ и присоединяются къ гостямъ. Пиръ тянется всю ночь напролетъ, и количество выпиваемаго тутъ вина превосходитъ всякіе размѣры.

Карелы.

Чудинъ недолговѣченъ уже въ силу чисто-климатическихъ причинъ, а причины экономическія только еще болѣе сокращаютъ его среднюю жизнь, которая поэтому и опредѣляется обыкновенно въ пятьдесятъ лѣтъ. Когда Чудинъ не на шутку вздумаетъ умирать, старуха изъ его дома или же какое другое лицо изъ семьи, знающее обычаи народные и старинныя повадки, розыскиваетъ среди посуды чистый ковшъ, зачерпываетъ въ него воды и ставитъ

ковшъ на окошкѣ для того, чтобы душа покойника, по выходѣ ея изъ тѣла, могла обмыться отъ приставшей къ ней на землѣ нечисти. Когда ковшъ поставленъ, необходимо подергать покойника за ноги, чтобы онъ не потащилъ за собою еще кого нибудь изъ своей семьи. Справивши все это по порядку, мертвеца обмываютъ, одѣваютъ въ саванъ изъ холста и кладутъ на лавку, а не на столъ, такъ какъ въ послѣднемъ случаѣ онъ могъ бы сдѣлать собою всякую крошку хлѣба «мертвымъ кускомъ», гибельнымъ для того, кто съѣстъ его. Воду, которою обмыли покойника, зря выливать не приходится, а надо прежде выкопать ямку и влить туда эту воду (туда же кладутся и стружки, оставшіяся отъ постройки гроба); тутъ же надъ засыпанной ямкой сложатъ потомъ небольшой костеръ и сожгутъ его, чтобы огнемъ очистить это мѣсто. Поминки справляютъ различно, смотря по состоятельности семьи и по тому, какимъ расположеніемъ со стороны родственниковъ пользовался покойникъ при жизни; поминаютъ на 3, 6, 9, 12, 20, 30 и 40 дни, въ полугодье и въ годовщины, но въ большинствѣ случаевъ и притомъ охотнѣе всего устраиваютъ поминки въ 3 и 40 дни, и дальше одного года не идутъ воспоминанія объ умершемъ сородичѣ. На поминанье пекутъ обыкновенно рыбникъ, т. е. пирогъ съ цѣльною, запеченною въ него рыбиною совсѣмъ въ чешуѣ; берутъ этотъ рыбникъ съ собою, идутъ на могилу и зарываютъ на ѣду покойника. За обѣдомъ на долю покойника ставятъ особый приборъ, а если священникъ слишкомъ уже ретиво слѣдитъ за искорененіемъ языческихъ обрядовъ, то прячутъ подъ скатерть его излюбленную ложку. Коли покойникъ при жизни былъ человѣкъ добрый да хорошій, такъ онъ тихо и мирно спитъ въ своей могилѣ и никакого безпокойства своимъ сородичамъ послѣ смерти не причиняетъ; но чуть только отличался онъ при жизни нравомъ неспокойнымъ, такъ и послѣ смерти нескоро онъ угомонится и всенепремѣнно сдѣлается лембоемъ на несчастье своихъ родственниковъ.

Видно, Чудь издавна жила многотягольно, такъ какъ и до сихъ поръ замѣчается еще между Чудью стремленіе къ многотягольности; случается встрѣтить въ Чудской сторонѣ и притомъ въ особенности тамъ, гдѣ чудская старина осталась въ наибольшей чистотѣ, т. е. въ густо населенныхъ одною Чудью мѣстностяхъ, семьи въ 30 и даже болѣе душъ; такія семьи въ оправданіе своего нежеланія приступить къ дѣлежкѣ прямо и безповоротно говорятъ, что «слога—сильнѣе Бога». Вся семья держится конечно главою, который можетъ быть дѣдомъ при дѣтяхъ и внукахъ, старшимъ дядей при братьяхъ и племянникахъ и даже иногда (конечно довольно рѣдко) младшимъ дядей при старшихъ братьяхъ и племянникахъ; нигдѣ и не слыхано на Чуди, чтобы хозяйство въ семьѣ получила женщина, такъ какъ воззрѣнія Чуди на женщинъ не отличаются особенною охотою признать за бабами равныя съ мужчинами права. Не имѣя достатковъ, часто голодая, за отсутствіемъ лѣсосѣчной и другой работы, нельзя Чудину быть особенно гостепріимнымъ, хотя всегда Чудинъ радъ накормить захожаго человѣка; въ большей части случаевъ гостю предложатъ ночлегъ, но не станутъ навязывать ѣду, которой часто не хватаетъ и самимъ-то. По обычаю старинному, передаваемому изъ поколѣнія въ поколѣніе, всякій Чудинъ почтительно относится къ отцу и матери, но въ послѣднее время мало-по-малу замѣчается въ этомъ отношеніи порча нравовъ, благодаря вліянію русскихъ насельниковъ; слышатся уже чаще и чаще жалобы на отсутствіе почтенія къ старшимъ, а съ чужими стариками такъ и вовсе молодежь не церемонится. Женщина въ семьѣ не имѣетъ рѣшительно никакихъ правъ и несетъ на своихъ плечахъ лишь однѣ обязанности, которыхъ не мало; бабѣ не полагается ни продать, ни купить, и на всякое дѣло она должна испросить разрѣшенія или отъ хозяина, или отъ мужа своего, если дѣло касается не всей семьи, а лишь одной ихъ пары. Отецъ въ семьѣ является полноправнымъ владыкою и единственнымъ и притомъ вполнѣ безконтрольнымъ хозяиномъ всего имущества; если ему вздумается, онъ можетъ лишить любаго изъ членовъ семьи наслѣдства, и никто не станетъ, да и не смѣетъ корить его за несправедливость. Тѣмъ не менѣе обычай все же таки, хотя и весьма незначительно, ограничиваетъ права отца и заставляетъ его отказывать по смерти домъ младшему сыну. Коли

стрясется бѣда и умретъ у бабы мужъ, а дѣтей у нея не имѣется, то жена по мужѣ не наслѣдница и не даютъ ей даже и изъ вещей ничего; развѣ сжалится кто изъ родни, да на память выдастъ ей сапоженки или кожухъ какой нибудь рваный; даже постель и подушки, которыя она принесла съ собою въ приданое, должны остаться въ семьѣ мужа и никогда не могутъ быть ей выданы. Ясное дѣло, что если Богъ послалъ ей дѣтей, то она представляетъ собою уже зачатокъ новой семьи и потому имѣетъ право на полученіе равной съ своими дѣтьми части изъ оставшагося послѣ мужа имущества. При куплѣ и продажѣ повелось у Чуди такъ, что купленную вещь надо принимать изъ полы въ полу и кромѣ того, въ знакъ пріобрѣтенія права собственности надъ извѣстною вещью, сохою помахать, косою сдѣлать размахъ, потомъ подрѣзать на себѣ что нибудь и т. п., а при покупкѣ скотины непремѣнно нужно обвести покупку вокругъ себя до трехъ разъ. Крайне интересенъ и другой еще обычай, сохранившійся у Чуди и ведущій свое начало вѣроятно изъ сѣдой старины: никогда Чудинъ не станетъ клясться, подобно русскому человѣку, землею, а клянется всегда водою, которая, конечно, больше земли, кормитъ его и поитъ.

Живетъ Чудинъ лишь отчасти рыболовствомъ, продаетъ наловленную имъ рыбу скупщикамъ, но употребляетъ ее по большей части для домашняго обихода; и лѣто, и зиму проводитъ онъ въ лѣсу, куда ходитъ за полѣсованьемъ на дичь и звѣря. Но главнымъ заработкомъ для Чудина является лѣсная работа; на его счастье и на погибель его обособленности зашелъ въ его страну русскій лѣсопромышленникъ, которому понадобились дрова и бревна; Чудинъ рубитъ лѣсъ, подвозитъ его къ рѣкамъ, сплавляетъ его до сборныхъ мѣстъ и кормится кое-какъ отъ тѣхъ крохъ, которыя падаютъ со стола лѣсопромышленниковъ. Трудная работа, дурная пища и плохія гигіеническія условія жизни наложили на Чудина нѣкоторую печать свою: обликъ его всегда грустный, ходитъ онъ какъ-то неповоротливо, удали въ немъ нельзя найти и намека; давно позабылъ онъ свой народный инструментъ и довольствуется одною дудкою въ рѣдкихъ случаяхъ своего веселья; поетъ онъ рѣдко, а если и запоетъ когда нибудь пѣсню, то непремѣнно русскую, грустную, которую передалъ ему прихожій лѣсопромышленникъ. Праздники проходятъ у Чуди какъ-то вяло и грустно; нѣтъ на улицѣ радости и веселья и, проходя въ праздникъ по чудской деревнѣ, и не узнаешь, праздникъ ли на дворѣ или будни; даже и посидѣлокъ не бываетъ на чудской сторонѣ. Пока кое-какъ перебивается Чудинъ въ Озерной области, со всѣхъ сторонъ подвигается на него, какъ туча, русская колонизація, которая скоро совершенно изгладитъ даже и послѣдніе слѣды стародавней Несторовой Веси.

Совсѣмъ близко, по сосѣдству съ Чудью поселился Карелякъ, мало чѣмъ отличающійся отъ только-что описаннаго нами народа. Сами себя, несмотря на свое сходство съ Чудью, Кареляки однако умѣютъ отличать отъ послѣдней и называютъ Каріалайсетъ, изъ чего нашъ русскій человѣкъ совершенно неправильно сдѣлалъ «Карелу», не сохранивши въ словѣ этомъ типическаго и кореннаго акающаго звука, благодаря которому прозвище народное можетъ сдѣлаться совершенно понятнымъ. Издавна стали ученые люди стараться объяснить это народное прозвище, но, какъ и большинство подобныхъ попытокъ, старанія эти остались безъ результатовъ, такъ какъ, повидимому, искали вовсе не тамъ, гдѣ было нужно. Такъ напримѣръ Лербергу показалось, что Карелу такъ назвали потому, что карри или кареа по-ихнему обозначаетъ владѣльца стада. Уже въ XIII вѣкѣ знали ихъ датскія лѣтописи и саги, а Шведы называли Карелію — «Ярлъ-рики» потому, что король Олафъ отдалъ ее въ 1019 году въ приданое за своею дочерью Индигердою, вышедшею замужъ за князя Ярослава Владиміровича, а она, не имѣя возможности лично управлять отдаленною страною, назначила себѣ намѣстникомъ нѣкоего Рангвальда съ титуломъ ярла; въ силу этого послѣдняго обстоятельства большинство шведскихъ ученыхъ и до сихъ поръ увѣряютъ, что слово Карелія есть не что иное, какъ испорченное Ярелія. Есть еще и такіе, которые производятъ Карелію отъ слова «киръ», которое въ языкѣ сагъ означаетъ корову, но забываютъ при этомъ то обстоятельство, что

никогда народъ не принимаетъ для своего наименованія чужаго слова, для него непонятнаго. Байеръ почему-то увѣрялъ, что такъ назвался этотъ народъ просто лишь потому, что жилъ по берегамъ рѣки Корль, но и это мнѣніе не имѣетъ никакого основанія, и потому вопросъ о происхожденіи прозвища народнаго остается и до сей поры открытымъ и неразрѣшеннымъ.

Широко раскидывались карельскія сельбища въ стародавнія времена и обнимали собою всю страну Приладожскую и Онежскую вплоть до самой рѣки Онеги, гдѣ и до сихъ поръ

Карельская изба.

можно найти слѣды карельской старины въ названіяхъ селъ, рѣкъ и урочищъ. Быть можетъ, Карела тогда и не составляла еще одного цѣлаго и раздѣлялась на небольшіе народцы, сознававшіе однако общность своего происхожденія; но тѣмъ не менѣе возможность этихъ отдѣльныхъ народцевъ была извѣстна даже и сосѣдямъ своимъ Русскимъ подъ именемъ «дѣтей карельскихъ», которыхъ лѣтописцы русскіе считали дикарями. Съ давнихъ поръ бойкая на передвиженіе и охотливая на поживу новгородчина высылала тѣхъ, кому плохо жилось дома, на исканіе лучшихъ мѣстъ; эти первые колонизаторы конечно не могли особенно стойко утвердиться въ новомъ краѣ, и только въ значительно позднѣйшее время началась вполнѣ правильная земледѣльческая колонизація, а не временная, охотничья и ушкуйническая. Въ XVII вѣкѣ въ Карельской землѣ уже появляются значительныя русскія поселенія, и въ самомъ центрѣ былой Кареліи образуется значительное русское раскольническое ядро, вліявшее такъ сильно на все остальное раскольническое населеніе Россіи; шагъ за шагомъ двигалось это трудолюбивѣйшее изъ русскаго крестьянства населеніе, и по мѣрѣ его поступательнаго движенія русѣла та Карела, на которую судьба его наталкивала, такъ что въ настоящее время въ прежней чисто Карельской области, а именно въ Олонецкомъ и Петрозаводскомъ уѣздахъ, чисто карельское населеніе является лишь въ видѣ отдѣльныхъ острововъ среди совершенно обрусѣвшей и даже зачастую позабывшей свое происхожденіе Карелы, а въ Повѣнецкомъ уѣздѣ Олонецкой же губерніи сельбища карельскія сдѣлались совершенно русскими по всему теченію р. Выга и въ

окрестностяхъ самого города Повѣнца. Самая р. Выгъ, благодаря вліянію выговскихъ раскольническихъ обителей, утеряла вполнѣ значеніе карельской рѣки, и былыя карельскія волости Вожмосальма и Выгозерская иначе не называютъ себя, какъ русскими; этотъ Выгъ не только по населенію своему сталъ русскимъ, но и сдѣлался дорогъ всякому русскому по воспоминанію о походѣ Петра Великаго, когда онъ во главѣ своего войска перетащилъ нѣсколько морскихъ судовъ изъ Нюхчи на Бѣломъ морѣ въ Онежское озеро; тутъ на Выгу былъ имъ устроенъ «дикъ» или станція, и тутъ сказалъ онъ свое великое человѣческое слово о томъ, чтобы не смѣли преслѣдовать раскольниковъ, а этихъ послѣднихъ просилъ не молиться за него какъ «за царя», а молиться просто за раба Божія Петра. Теперь на этомъ дорогомъ для всякаго русскаго мѣстѣ стоитъ деревянный крестъ, простой, безхитростный, но срубленный мѣстными крестьянами, узнавшими о значеніи Выгорѣцкаго Петрова яма.

Паданы, столица Кареліи.

Кеппенъ дѣлитъ всю Карелу на четыре отрасли, которыя различаются между собою по языку, но ни въ одеждѣ, ни во внѣшнемъ своемъ видѣ не представляютъ ровно никакой разницы; сами Кареляки не всегда умѣютъ различать въ своей средѣ представителей этихъ четырехъ отраслей, и только въ наукѣ извѣстны Эвримойсеты, Савакоты, Ингримойсеты и Кареляки въ тѣсномъ смыслѣ этого слова. Всего Карелы насчитываютъ въ настоящее время около 290,000 душъ, причемъ на долю Эвримойсетовъ приходится 36,000, Савакотовъ — 49,000, Ингровъ или Ижоры — 18,000 душъ обоего пола, а остальное на долю собственно Карелы. По губерніямъ Карелы живутъ въ разныхъ количествахъ, а именно въ одной Финляндіи ихъ насчитываютъ 95,000 душъ, въ Олонецкой губерніи 55,000, въ Архангельской — 15,000, въ Новгородской — 34,000, въ Тверской до 90,000 и наконецъ въ Ярославской губерніи — 1,200 душъ обоего пола.

Трудно провести рѣзкую черту во внѣшности между общимъ, такъ называемымъ, великорусскимъ типомъ и типомъ Кареляка, который даже и отъ своихъ-то отсталъ по обличью на столько, что его ни въ какомъ случаѣ не отличишь по тѣмъ признакамъ, что признаны характеристичными для Урало-алтайцевъ. Карелякъ обыкновенно выходитъ изъ границъ, обозначенныхъ для людей средняго роста, и зачастую среди Кареляковъ можно встрѣтить рослыхъ мужчинъ (рослыя женщины встрѣчаются тоже), которымъ могли бы позавидовать даже и наши Ярославцы, отличающіеся вообще своимъ ростомъ. Кромѣ высокаго роста, Карелякъ выдается своимъ крѣпкимъ тѣлосложеніемъ, причемъ встрѣчаются жирные экземпляры и сухопарые весьма рѣдки; онъ прекрасно сложенъ, кости его правильно и хорошо развиты, онъ коренастъ и на работу споръ не хуже самыхъ большихъ крѣпышей изъ Русскихъ; тѣмъ не менѣе и среди Карелы одутловатость встрѣчается лишь въ качествѣ исключенія изъ общаго правила, тѣмъ болѣе, что число одутловатыхъ отъ пьянства весьма незначительно, какъ вслѣдствіе дороговизны водки, такъ и по-

тому, что значительная часть Кареляковъ принадлежитъ къ Ижорскому согласію безпоповщинской секты и слѣдовательно воздерживается отъ крѣпкихъ напитковъ. Цвѣтъ кожи чрезвычайно свѣтелъ по тону окраски и представляетъ собою всѣ свѣтлѣйшіе тоны свѣтлорозоваго цвѣта, со встрѣчаемою лишь изрѣдка желтизною, которая однако скорѣе всего происходитъ отъ загара на открытыхъ мѣстахъ и отъ желчности Карелы; свѣтлокоричневатость наблюдается очень рѣдко и отнюдь не можетъ быть признана отличительною для этого народа. Можно прямо сказать, что Карелякъ или темнорусъ, или прямо и безповоротно брюнетъ; бѣлокурые среди нихъ такъ же рѣдки, какъ и среди Негровъ, хотя въ малолѣтствѣ всякій Карелякъ проходитъ черезъ бѣлокурость, какъ и русскіе ребята; чаще всего встрѣчаются темные тоны орѣховокоричневатаго цвѣта, а также и оливковатаго, рѣже попадаются темногрязные волосы и почти никогда — красноваторыжіе. Борода по обыкновенію довольно густа и курчава, также какъ и волоса на головѣ довольно часто попадаются курчавые, хотя волокнистые волосы и составляютъ преимущественную отличительную черту Карелы. Брови прямо заявляются или самыми темными оттѣнками темногрязнаго цвѣта, или же темнокоричневыми; онѣ чаще всего густы и расположены больше въ струнку, а не дугою. Иногда, хотя и не особенно часто, встрѣчается у Кареляковъ и растительность на тѣлѣ, но вовсе не особенно развитая и притомъ чаще на рукахъ и ногахъ, нежели на груди. Касательно глазъ Карела тоже начинаетъ какъ бы отступать отъ общаго типа финскихъ народовъ, такъ какъ среди нихъ достаточно часто попадаются уже субъекты съ темнокарими и темноголубыми глазами; что несомнѣнно должно быть приписано скрещиваніямъ съ Русскими, которыя совершаются весьма охотно въ тѣхъ волостяхъ, гдѣ Русскіе живутъ вблизи отъ карельскихъ поселеній; гораздо болѣе чистота типа въ этомъ отношеніи сохранилась у тѣхъ отраслей Карелы, которыя живутъ ближе къ Петербургу, хотя тамъ и не слыхать вовсе о скрещиваніяхъ съ Русскими. Интересно, что и у Карелы ни сѣрыхъ, ни темногрязныхъ глазъ наблюдать не приходится и встрѣчаются лишь разные оттѣнки карихъ и голубыхъ глазъ. Въ особенности рѣзко отличается Карела отъ своихъ собратій по внѣшнему виду волосъ: не только нельзя сказать, что карельскіе волосы гладки, но скорѣе, и притомъ въ особенности въ обрусѣлыхъ волостяхъ карельскихъ, они являются по преимуществу кудреватыми, такъ что въ Паданской напримѣръ волости Повѣнецкаго уѣзда, при всемъ томъ, что Паданы были когда-то столицею Кареліи, гораздо чаще встрѣчаются кудрявые, нежели гладковолосые; иначе стоитъ дѣло у Савакотовъ и Ингровъ или Ижорцевъ, гдѣ, напротивъ того, кудреватость является въ качествѣ весьма рѣдкаго исключенія. Волосы на головѣ обыкновенно бываютъ довольно густы и при томъ сохраняютъ очень долго свой цвѣтъ, такъ что сѣдина является весьма поздно — чаще всего въ шестомъ десяткѣ. Растительность на подбородкѣ сравнительно достаточно богата, чѣмъ опять-таки Карела выдѣляется изъ числа своихъ собратьевъ, а нерѣдко можно у нихъ встрѣтить обросшую грудь и руки. Какъ явилось это отклоненіе отъ общаго типа у Карелы — до сихъ поръ еще не извѣстно, хотя и есть нѣкоторые намеки на давнишнее русское вліяніе. Носомъ однако Карела не отстала отъ своихъ сородичей: и широкъ онъ у нея выдался, хотя и не до безобразія, и курносъ; встрѣчаются однако и прямые, и орлиные носы, да рѣдко, тогда какъ въ Ингріи у Савакотовъ носъ видимо измѣнилъ отчасти свою форму благодаря громаднымъ ввозамъ инороднаго элемента въ видѣ незаконнорожденныхъ изъ воспитательнаго дома. Интересно, что и у Карелы при сильныхъ душевныхъ аффектахъ ноздри не раздуваются. Толстыя губы вовсе не составляютъ характеристической черты для Карелы, а ротъ представляетъ прямой и красивый прорѣзъ. Зубы чуть ли не всегда превосходны, хотя по большей части и не велики: рѣзцы расположены вертикально; вообще слѣдуетъ замѣтить, что Карела сказалась весьма красивымъ ртомъ, да и такимъ, что за рѣдкость и у красиваго Ярославца. Голова тоже ладно выкроена; лобъ по большей части плоскій, хотя бровныя выпуклости и надпереносная впадина не составляютъ уже рѣзкаго исключенія и попадаются даже развитыми до значительной степени. Брови славно снабжены волосами и рас-

положены надъ глазомъ по большей части дугою, такъ что опять диву дашься, какъ это Корелякъ съ виду вышелъ въ Русскаго; брови всегда окрашены потемнѣе волосъ на головѣ, а борода тона на 2 — 3 выдалась поблѣднѣе, хотя и здѣсь рыжебородый въ диковину. Хоть повидимому и не очень отличается отъ Русскаго Корелякъ, а все же таки выдала его раскосость, такъ какъ внѣшніе углы глазныхъ прорѣзей и у него нѣсколько приподняты, градусовъ на 15 — 20 отъ горизонтали. Лицомъ Корелякъ все еще угловатъ и изрѣдка овально круглолицъ, а уши у него по большей части отогнуты и не велики. Карела узколоба, но обладаетъ весьма открытымъ лицевымъ угломъ, чѣмъ заявляется со стороны своей культурности; уголъ этотъ достигаетъ $70^0/_0$, такъ что почти сходенъ съ угломъ Великорусса изъ примосковскихъ мѣстъ; по скуластости Карела заявилась стоящею между нынѣшними обитателями Финляндіи и ископаемыми черепами древней Води и отъ скулы до скулы у нея пришлось 117 мм.; эта скуластость, видно, на вѣчныя времена останется у нея и по ней можно будетъ всегда признать Урало-алтайца. Корелякъ круглоголовъ, хотя и уступаетъ въ этомъ отношеніи и Чуди, и Лопарямъ, и ископаемымъ Финляндцамъ; его головной показатель оказался равнымъ 80,29, что дѣлаетъ его круглоголовѣе Остяка, нынѣшнихъ Финляндцевъ, Эстонцевъ сѣверной Россіи.

Русскій человѣкъ какъ-то не особенно дружелюбно глянулъ на Кореляка, который всюду устроился лучше и хозяйственнѣе его и не въ примѣръ живетъ побогаче и почище; нѣкоторая завнсть при взглядѣ на житье-бытье кореляцкое сказалась даже въ нѣкоторыхъ мѣстныхъ поговоркахъ, которыя сложились среди русскаго населенія Озерной области; «гдѣ русскій сапоги съѣлъ», увѣряетъ Олончанинъ, — «тамъ Корелякъ руки нагрѣлъ» и затѣмъ восклицаетъ: «Кореляку-то не жизнь? Корелякъ, что свѣтлякъ — въ лѣсу живетъ». Да оно и дѣйствительно бросается всякому въ глаза: русскій человѣкъ все норовитъ сѣсть поближе къ озеру и кормится съ грѣхомъ пополамъ отъ рыбнаго промысла, а Корелякъ или устроился на хорошихъ смежныхъ мѣстахъ, или середь лѣса, гдѣ кормится въ избыткѣ охотою и разными лѣсными промыслами.

Жилье свое Корелякъ устроилъ такъ, что изба образуетъ полный квадратъ, такъ какъ любо ему, чтобы стѣны были ровныя и чтобы и съ виду изба была складная и ладная; вышины въ избѣ довольно и на большую семью; стѣны выведены на $2^1/_2$ и на 3 сажени, такъ какъ по разнымъ хозяйственнымъ соображеніямъ, а также и въ виду того, что Корелякъ не больно православенъ, а скорѣе норовитъ къ двуперстію и безпоповству и слѣдовательно нужны ему прятки отъ начальственнаго и поповскаго глаза, сдѣлалъ онъ подъ всю избу подполье; тутъ хранитъ онъ свою усладу — рѣпный квасокъ, чтобы былъ онъ всегда въ холодкѣ, тутъ же прячетъ онъ и продукты, которые заготовитъ на зиму лютую, на нуждишку свою. Избу свою раздѣлилъ онъ на два отдѣленія, на двѣ горницы; въ одной половинѣ Корелякъ и вся его семья работаютъ, тутъ жена его кушанье готовитъ, рыбку чиститъ, замѣсу мѣситъ, дѣтей обмываетъ, а въ зимніе холода и молоднкъ отъ скотинки держится въ теплѣ; навидалась эта горница всякаго горя и работы насмотрѣлась вдосталь, тогда какъ чистая горница никогда не увидитъ внутренней семейной жизни Кореляка, также какъ и тотъ, кого Корелякъ не допуститъ въ жилую и покажетъ лишь свою пріемную. Понятное дѣло, что не всякій Корелякъ сможетъ очиститъ большую избу; иной, побѣднѣе, не справился и съ такою уже, кажется, не великою роскошью, какова изба о двухъ горницахъ, и живетъ себѣ вѣкъ свой въ одной, которая служитъ и для семьи его, и для пріемовъ; все же такихъ бѣдняковъ мало, благодаря тому, что лѣса здѣсь въ волю и есть среди Карелы какое-то врожденное желаніе обстроиться получше и жить не въ свиномъ котухѣ, а будто и въ хоромахъ. Прямо, какъ войдешь въ избу, такъ направо придется большая печь, а вокругъ всей горницы тянутся лавка и полки; лавка очень широка, такъ что спать на ней можно весьма удобно, и содержится чисто, такъ какъ хозяйка непремѣнно уже хотя разъ въ недѣлю да соскребетъ и ее ножомъ и помоетъ; гдѣ нибудь въ

уголку, такъ чтобы мѣсто было поукромнѣе, приладила хозяйка свой шкафикъ — посудникъ, а то и запросто двѣ три открытыя полочки подъ посуду; посуда тутъ не хитрая, а только всегда чистая и моется, видимо, не въ великіе лишь праздники, а тотчасъ по употребленіи. Въ переднемъ углу повѣшенъ кіотъ или тябло, съ старописными по большей части въ настоящей Карелѣ иконами, а вокругъ тябла поразвѣшены разныя картинки апокрифическаго содержанія, очень цѣнимыя и Русскимъ, и Карелякомъ; можно здѣсь встрѣтить и «древо благочестно», гдѣ весь родъ князей Мышецкихъ изображенъ въ видѣ родословнаго дерева, а Мышецкіе князья дали нашей безпоповщинѣ, къ которой то тайно, то явно тянетъ Карела, главныхъ руководителей и наставниковъ; попадается тутъ и птица Сиринъ, и борьба души со смертью, и страшный судъ, и все это писано въ Лексинскомъ женскомъ безпоповщинскомъ монастырѣ въ Повѣнецкомъ уѣздѣ; подъ тябломъ, коли не боится хозяинъ гостя и не успѣлъ онъ заблаговременно припрятать опасную вещь, можно увидать «дымило» съ ручкою, безъ которой безпоповщинецъ и молиться не станетъ. По срединѣ горницы стоитъ обыкновенно столъ, а въ немъ сдѣланъ ящичекъ — было бы куда убрать и ложки, и ножи, и дорогую соль. Сѣни въ жильѣ карелядкомъ всегда холодныя, а крылечко придѣлано къ нимъ съ боку; на устройство перилъ особаго побыта нѣтъ и все зависитъ отъ зажиточности хозяина и расположенія его ко внѣшней красотѣ дома. Хоть и не отличается Кареляк особеннымъ богатствомъ, но тѣмъ не менѣе заявился онъ чрезвычайно домовитымъ; всю хозяйственную постройку свою помѣстилъ онъ такъ, чтобы была она у него подъ рукою и не приходилось ему или женѣ его много времени тратить на побѣгушки, въ которыхъ у насъ на Руси столько проходитъ дорогаго времечка; тутъ же за сѣнями приспособленъ у него сѣновалъ, а подъ бревенчатымъ поломъ этого сѣновала, въ которомъ для удобства свалки корма сдѣланы прорѣзи, помѣщается скотный дворъ или поскотница; прорѣзи устроены такъ, что приходятся какъ разъ надъ яслями, а то не равно кормъ попадетъ на землю и скотина безъ пути потопчетъ его. Въ сѣнцахъ устроена особая клѣтушка или горенка для храненія разнаго скарба и хлама, гдѣ хозяйкой является уже матерь семейства и хозяинъ вовсе не вступается въ эти дѣла, такъ какъ ему и безъ того дѣла довольно. Видно, вдосталь наболѣлись глаза карельскіе, что отстала Карела отъ курныхъ избъ, которыхъ почти и не встрѣтишь въ карельскихъ мѣстахъ, развѣ уже какой нибудь бѣдняга не сталъ убытчиться на кирпичъ и на известь. Двора у Кареляка нѣтъ и въ поминѣ, да, признаться, онъ ему и не къ пути при маломъ количествѣ скотины и при тѣхъ холодахъ, что стоятъ иногда въ Озерной области; научила его зимушка лютая грѣть скотину въ со всѣхъ сторонъ защищенныхъ застрояхъ, а не въ варкахъ, какъ повелось это у русскаго человѣка, который все удивляется, что корова у него поздно телится, а овца ягнится, а того не пойметъ, что надо скотинку въ теплѣ держать. Дорого достается Кареляку стекло, а потому и не подсилу ему паладить хорошее окно; богачъ, конечно, у себя окна стекляныя понадѣлалъ, а бѣднякъ не побрезгалъ и бычачьимъ пузыремъ. Окна по большей части дѣлаютъ не велики, чтобы по своей же охотѣ холоду въ избу зимою не пускать, да еще именно вслѣдствіе зимней стужи надумалъ Кареляк жить зимою чуть не кротомъ: какъ только первый морозъ хорошій захватилъ тихія ламбы (плесы), такъ Кареляк и за работу; заколачиваетъ досками свои окна до самыхъ верхнихъ стеколъ, только бы чуть-чуть свѣтъ проходилъ, да не очень уже въ избѣ днемъ темно было, и сидитъ всю зиму въ полутемнотѣ — благо ему не кружева плести, не рисунки выводить фигурные. Да не въ одномъ этомъ примѣчается та борьба, которую ведетъ Кареляк съ морозомъ, а и въ другихъ его мѣропріятіяхъ: избу свою онъ на зиму всегда съизнова конопатитъ то мохомъ, то паклею, смотря по своимъ достаткамъ, и смазываетъ ее по пазамъ глиною или въ иныхъ мѣстахъ и толченымъ мраморомъ съ навозомъ. Кареляк покрылъ хату свою тесомъ и пожалуй не на шутку удивится, если разсказать ему, что въ скотскую безкормицу русскій человѣкъ умудрился отъ голода скотину спасать, скармливая ему со своей же избы крышу. По инымъ мѣстамъ, хотя бы напримѣръ въ Новгородчинѣ и Валдайщинѣ, устроился Кареляк нѣсколько иначе, хотя и

Близъ Корельской деревни въ новгородской губерніи.

его хата значительно подходитъ къ той, что описана выше; здѣсь и потеплѣе, и поприводьнѣе, а потому ему и приходится меньше прятаться отъ мороза; тутъ и погода другая, и житье тоже по иному идетъ; хоть и не прочь Карелякъ новгородскій полѣсовничать, да негдѣ, и приходится ему всѣ силы свои направлять на земледѣліе. Все же жилье свое налаживаетъ онъ поближе къ рѣчкѣ да къ лѣсочку, а какъ пришлось ему поневолѣ отстать отъ бродячей жизни и, напротивъ, прикрѣпиться къ землѣ, такъ явилось поневолѣ и желаніе уберечь свои посѣвы отъ ухожаго звѣря и блудливой скотины, и огородилъ онъ деревни свои тыномъ.

Врядъ ли перенялъ Карелякъ у русскаго сосѣда свою охоту къ мытью и паренью, и по всѣмъ вѣроятіямъ охота эта прирожденная: въ силу этого всякій хозяинъ, сколько нибудь достаточный, непремѣнно ставитъ саженяхъ въ 20—30 отъ своей избы небольшую баньку для своего обихода; не поймутъ вотъ только Кареляки, какъ это можно въ печь залѣзать париться, гдѣ кирпичемъ убить можетъ и задохнуться не долго, если прогнѣвить чѣмъ нибудь баенника, а его прогнѣвить не долго и не хитро, если не знать, что его постоянно ублажать надо.

Савакоты.

Вѣроятно, въ стародавнія времена оболока карельская отличалась отъ русской во многомъ, но чтобы она отличалась отъ послѣдней въ значительной степени, это врядъ ли такъ когда нибудь было, такъ какъ совершенно однѣ и тѣ же причины обусловливали ея составъ и даже покрой; была можетъ кое-какая разница въ излюбленномъ цвѣтѣ, въ украшеніяхъ и прикрасахъ, но приходилось надѣвать все тотъ же длинный тулупъ, то суконный, то мѣховой. Верхняя овчинная одежда кроится у Кареляка всегда въ видѣ полушубка, т. е., другими словами, пускается покороче для того, чтобы какъ можно меньше мѣшала на работѣ; но Карелякъ не стыдится подъ этотъ полушубокъ надѣть суконный олений армякъ, такъ какъ пришлась ему по сердцу русская поговорка, будто «паръ костей не ломитъ». Шапка у него либо барашья, либо суконная изъ оленьей же шерсти желтоватаго оттѣнка, и притомъ напяливаетъ онъ ее и на уши и на лобъ; не соньетъ себѣ Карелякъ бѣличьей шапки, такъ какъ русская повадка и здѣсь сильна, и всячески норовитъ онъ все, что получше, въ люди продать, а себѣ похуже оставить. Рукавицы у него всегда съ варегами вязаными, причемъ покупаютъ ихъ либо въ городахъ, либо на большихъ ярмаркахъ, и везутъ ихъ съ Волги. Если къ этому прибавить сапоги высокіе изъ бѣлой, высмоленной кожи, которые по мѣстному убѣжденію никогда не промокаютъ, суконныя онучи да высокія валенки, такъ костюмъ Кареляка будетъ полонъ и притомъ тотъ именно костюмъ, что измышленъ имъ отъ холода и зимы студеной. Ясное дѣло, что, держа въ нѣкоторыхъ мѣстахъ оленей, а главное получая ихъ по дешевой цѣнѣ изъ Кемскаго уѣзда, могъ Карелякъ одѣться и въ олепьи шкуры и наладить себѣ костюмъ на манеръ поморскій; но все же такой костюмъ не преимущественно карельскій и перенятъ у Поморовъ цѣликомъ. Даже и сама Карелячка, принадлежащая къ тому полу, который всегда и всѣми былъ признаваемъ за блюстителя національности, въ этническихъ ли, или костюмныхъ чертахъ, даже и она поддалась вполнѣ чужому вліянію: только сравнительная бѣлоглазость да юпчонка какая-то, будто не совсѣмъ русская, выдаютъ въ ней Урало-алтайку, а иначе и по облику, и по оболокѣ не

отличить ее издали отъ нашей русской женщины, если взять послѣднюю изъ тѣхъ нашихъ губерній, гдѣ народъ живетъ поголоднѣе. Карелячка носитъ холщевую сорочку съ длинными и узкими рукавами, юпку, по преимуществу синяго цвѣта, а сверху надѣваетъ нашъ русскій сарафанъ, изукрашенный металическими пуговками на безпоповскій манеръ; башмаковъ женщины почти не носятъ вовсе, а облюбили болѣе длинные мужскіе сапоги изъ бѣлой, высмоленной кожи, такъ какъ зачастую работать приходится то въ болотѣ, а то и запросто въ водѣ; голову Карелячки не повязываютъ, а просто лишь накрываютъ платкомъ, двумя — сколько ихъ найдется у нихъ въ сундукѣ. Лѣтомъ костюмъ конечно нѣсколько измѣняется, но вовсе уже не такъ значительно. Мужикъ надѣваетъ тогда такъ называемую «понитку» или полукафтанъ, а голову покрываетъ низкою поярковою шляпою, а то такъ и оленья суконная сослужитъ заодно и лѣто и зиму; на ногахъ у него все тѣ же бѣлые сапоги, которыхъ одна Кимра изготовляетъ въ годъ на 200 т. рублей и отправляетъ въ Шунгу, на ярмарку; лаптей и вовсе не увидишь въ Карельской сторонѣ. Въ праздникъ, коли выйти въ большомъ карельскомъ селѣ на улицу, такъ подумаешь, что попалъ въ какой нибудь фабричный городъ, такъ какъ Карелякъ щеголяетъ тутъ въ красной рубахѣ и фабричной фуражкѣ, а Карелячка гуляетъ въ шерстяномъ сарафанѣ, высокихъ чулкахъ и бѣлыхъ сапогахъ; въ особенности интересно, что по костюму можно легко отличить холостаго Кареляка отъ женатаго; дѣло въ томъ, что холостые парни, по давно заведенному и непозабытому еще обычаю, выставляютъ надъ голенищемъ на показъ пальца на 2 — 3 ободокъ чулка, искусно связанный изъ разныхъ шерстей то шашечками, то въ клѣточку, а то и съ хвостиками и крестами. Щеголеватѣе всего одѣваются въ былой столицѣ Кареліи, въ Паданахъ, стоящихъ на Сегозерѣ — одномъ изъ самыхъ богатыхъ селъ карельскихъ, вслѣдствіе обилія рыбы, угодьевъ и положенія на сплавномъ пути.

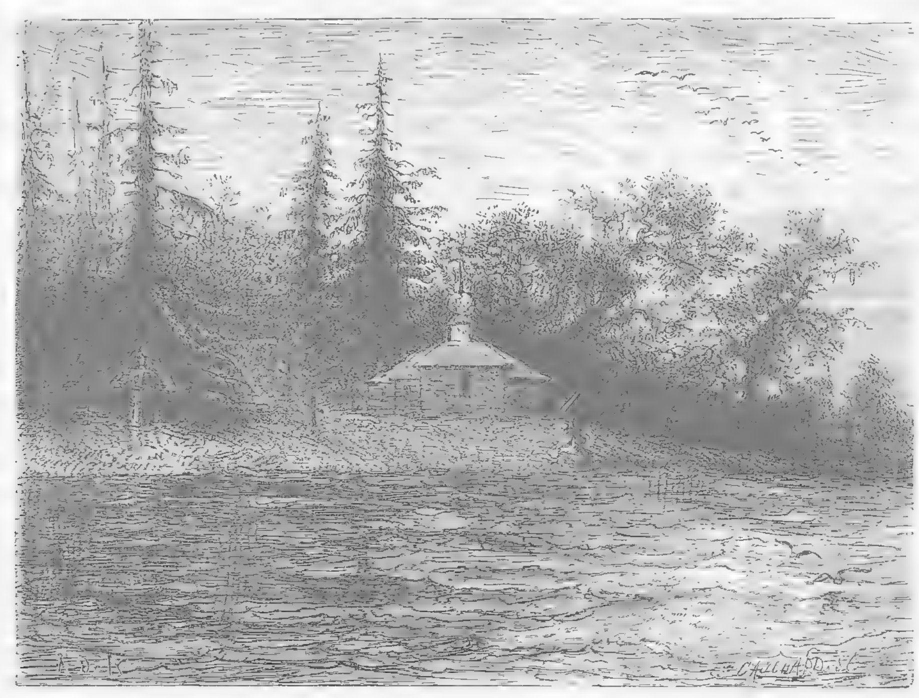
Питается Карелякъ хотя и не вовсе роскошно, но все же не въ примѣръ лучше нашего крестьянина, такъ какъ сама природа достаточно надѣлила Кареляка и рыбою, и пищею, и звѣремъ всякимъ; но въ поискахъ своихъ за лишнею копѣйкою, онъ охотнѣе продаетъ скупщику все, что получше, а на свой обиходъ оставляетъ лишь худшее. Хлѣбъ у Кареляка почти весь покупной; своего и на мѣсяцъ не хватаетъ и только развѣ новгородскій Карелякъ да петербургскій Ижорецъ и Савакотъ посчастливѣе тѣмъ, что могутъ разсчитывать мѣсяца три просуществовать на своемъ, непокупномъ, но куда какъ дорогомъ по массѣ потраченнаго труда хлѣбѣ; благодаря этому обстоятельству, однимъ изъ главныхъ расходовъ для Кареляка представляется покупка муки, которой требуется много, хотя онъ вообще и не особенно охотно живетъ многотягольными семьями и падокъ на дѣлежки. Овса однако все же родится больше, нежели ржи, а потому и привыкла Карелячка печь хлѣбъ пополамъ изъ ржаной и овсяной муки; даже и слово особое подобралъ Карелякъ въ своемъ языкѣ для своего половинчатаго хлѣба и называетъ его «коккой» или по нашему овсяникомъ. Кое-когда наваритъ хозяйка похлебки изъ сушеной мелкой рыбы и похлебка эта носитъ громкое названіе щей, хотя въ ней нѣтъ ни листочка капусты, къ этому супу она непремѣнно присоединитъ пареной или печеной рѣпы, покрошитъ картофеля, на праздникъ прибавитъ хозяйка къ этой снѣди соленыхъ окуней или плотвы — вотъ и весь обѣдъ карелякій. Понятное дѣло, что если ненарокомъ держитъ хозяинъ оленей, или вообще осенью, когда набьетъ отецъ дичи, или сынишка какъ нибудь утку подкараулитъ, ѣстъ Карела и мясо, да только рѣдко такіе дни выдаются, такъ какъ отецъ лучше не доѣстъ съ семьею, а сладкій кусокъ все же таки обратитъ въ деньги. Рыбу ѣстъ вся Карела охотнѣе вареную, нежели жареную и при томъ тщательно стараются чешуи не снимать и увѣряютъ, что въ такомъ видѣ она много вкуснѣе и больше даетъ навару; развѣ уже выпросишь изжарить рыбу, а то подавать будутъ непремѣнно вареную, такъ какъ даже смѣются надъ тѣми, кто ѣстъ жареную рыбу, увѣряя, что это равняется сыроястію. Одною изъ любимѣйшихъ снѣдей Кареляка слѣдуетъ несомнѣнно признать всвороженное молоко и рѣпу, наиболѣе употре-

бительною, — окуневую и другую малью и рыбешку, а любимѣйшимъ и единственнымъ пойломъ — рѣпный квасъ. Картофель сѣютъ олонецкіе Карелы рѣдко, да къ тому же и рѣдко онъ урожаистъ бываетъ, а больше все пропадаетъ отъ раннихъ утренниковъ въ іюлѣ мѣсяцѣ; напротивъ того, новгородская Карела, а также и петербургскіе Савакоты и Ижорцы охотно и помногу сѣятъ картофель, который въ ихъ мѣстахъ прекрасно родится и представляетъ для нихъ прекрасное подспорье въ смыслѣ ѣды и столованья; тамъ иныя деревни только и дышатъ картофелемъ, который везутъ въ Петербургъ или же продаютъ его скупщикамъ, изъ колонистовъ, выдающимъ ихъ за свое собственное, очень цѣнимое столичными жителями произведеніе.

Ѣстъ Карелякъ и три и четыре раза въ день, смотря по тому, что онъ дѣлаетъ; такъ напримѣръ, если онъ полѣсуетъ, такъ тутъ некогда объ ѣдѣ думать и благо разъ-то поѣсть достанется, такъ и то ладно, а когда онъ подлѣ дома копошится, то и четыре онъ раза поѣстъ въ день: коли выѣдетъ Карелякъ на тоню, такъ и ѣстъ уху чуть ему выдается свободная минута, не разбирая, сколько ему разъ въ день поѣсть придется. Пьетъ онъ умѣренно, хотя и потчуютъ его съ Руси сивухою, а со стороны сосѣдней Финляндіи — картофельно-моховою отравою; только Савакотъ да Ижорецъ пьетъ чуть ли не поисправнѣе всякаго Русскаго, такъ что приходится даже народу сосѣднему говорить про пьяницъ: «напился, какъ чухонецъ». Въ пріонежскихъ, сегозерскихъ и дальнихъ карельскихъ волостяхъ народъ пьетъ гораздо меньше уже потому, что почти сплошь вся эта Карела попала въ безпоповщину, а слѣдовательно и не падка въ силу твердаго убѣжденія на водку.

Сильно и почти постоянно долженъ работать Карелякъ для того, чтобы прожить какъ нибудь свою жизнь; вышелъ онъ коренастъ и силенъ, а потому ему и не на пагубу трудная работа, продолжающаяся всю жизнь; только подстоличные Карелы (Савакоты и Ижора) не несутъ тяжкихъ трудовъ, а пробавляются больше возкою въ городъ молока, сливокъ и яицъ; напротивъ того, сѣверный Карелякъ и лѣсъ рубитъ, и рыбу ловитъ, и полѣсуетъ, и разъ по восьми пашетъ землю, добытую имъ на огнищѣ, тщательно ее выборанниваетъ; коситъ сѣно зачастую верстъ за двадцать отъ роднаго села и въ концѣ концовъ, послѣ трудоваго, тяжелаго года выручитъ этимъ почти непосильнымъ трудомъ ровно столько, сколько едва можетъ хватить на то, чтобы съ грѣхомъ пополамъ прокормить семью. Прежде всего конечно въ страдную пору наступаетъ время сѣнокоса; уже 24 іюня, а то и за всю недѣлю до Петрова дня покидаетъ Карелякъ свой домъ со всею семьею, забираетъ косы и горбуши и переселяется на лодкѣ либо внизъ, либо вверхъ по рѣкѣ на свои покосы, расположенные пятка на 3 и даже на 4 верстъ отъ его жилища, а койкеницкіе крестьяне еще недавно косили за 60 верстъ отъ своего села. Сѣнокосъ и у насъ на Руси время веселья, огульной ѣды яичницъ и куръ и ухаживанья; то же самое можно наблюдать и у Карелы, съ тою лишь разницею, что тутъ цѣлымъ селомъ на покосъ не выѣзжаютъ по той уже простой причинѣ, что зачастую карельскія деревни состоятъ всего изъ одного двора и изъ одной семьи. Не успѣешь оглянуться, какъ дѣло близится уже къ Успеньеву дню, и значитъ пора налаживать лодку на обратный путь, такъ какъ настаетъ время собирать всякую штуку, пригодную для полѣсованія, и отправляться на добычу вплоть до середины октября, а коли есть охота, да нѣтъ удачи, такъ и до ноября. Въ самое послѣднее время своимъ умомъ дошелъ Карелякъ до такой ухватки, которую нигдѣ еще русскій человѣкъ не осилилъ; видѣлъ онъ давно, что выдалась подлѣ его деревни болотина жирная, которую затянуло грязью и ржавчиной. Карелякъ порѣшилъ, что воду можно согнать, а что грязь только дѣлу доброму поможетъ, да не по силамъ было ему одному за такое дѣло взяться и задумали они въ силу этого невиданное до селѣ никѣмъ дѣло: стали по три и по четыре хозяина дѣло дѣлать собща, осушали болотину за болотиной, сѣяли на ней уже не рѣпу, а прямо таки рожь и родилась она у нихъ безъ навоза самъ-пятнадцатъ. Кареляки повторили снова и снова свой опытъ и снова достигли тѣхъ

же блестящихъ результатовъ. Пошла въ ходъ артельная осушка; сталъ къ этой мудреной штукѣ приглядываться и русскій крестьянинъ — безпоповецъ, перенялъ хитрую выдумку бѣлоглазой Чуди, а теперь не нарадуется, увѣряя, что «се Господь умудряетъ младенцевъ». Не одною землею и полѣсованіемъ живетъ и кормится Карелякъ, а ходитъ въ отхожіе промыслы; то уйдетъ онъ зимою на вывозку бревенъ изъ лѣса къ ручьямъ и рѣчкамъ, а весною отправляется на выгонку тѣхъ же бревенъ къ лѣсопильнымъ заводамъ или же въ большія озера, гдѣ уже ихъ вяжутъ въ кошели и плоты и ведутъ пароходами дальше къ Пе-

Часовня близъ Евгоры на Сегозерѣ.

тербургу. Питается Карелякъ и отъ рыболовства и ловитъ рыбу то своимъ собственнымъ неводомъ, а то сходится еще съ нѣсколькими домохозяевами, строитъ на общій съ ними коштъ неводъ, рыбачитъ артелью и затѣмъ всю добычу дѣлитъ по числу участковъ, да одну лишнюю долю откладываютъ на церковь, на «Миколу многомилостиваго». Тоже вѣдь неводъ наладить дѣло не легкое и денегъ на него идетъ цѣлая уйма; требуется для него однѣхъ веревокъ 350 сажень, что при самыхъ дешевыхъ изъ нихъ становится рублей въ пятнадцать, да льна чесанаго купить надо на 35 р., да за выпрядку его отдать надо 8 р., да за все плетенье — не меньше 12 р., да за матку особо — 6 рублей, такъ что, какъ посчитаешь, то и выйдетъ, что добрый озерный неводъ становится въ 75 руб., безъ всякихъ приспособленій, которыя въ свою очередь тоже денегъ стоятъ. Такимъ неводомъ наловитъ артель въ иное время, когда заладится удача, пудовъ до 60 рыбы, которую продаетъ рублей за 95 — 100, т. е. сразу окупитъ стоимость снасти, а въ слѣдующіе затѣмъ ловы станетъ уже промышлять въ чистый барышъ. Не однимъ однако озернымъ неводомъ ловитъ Карелякъ рыбу и не брезгаетъ также мережами, крючьями и переметами; на эти не мудрые снаряды идетъ «хаукка» (щука), что бываетъ разныхъ сортовъ и вытягиваетъ отъ $^1/_2$ до 30 фунтовъ и стоитъ за фунтъ гдѣ 4, а гдѣ и 6 коп.; попадается и «аввень» (окунь), «лигна» (лещъ), «савну» (язь), «киникой» (ершъ), «сярги»

(плотва), «солатти» (салака), а изрѣдка попадется и «митикка» (минога), которой залеживаться не даютъ, а откладываютъ въ сторону, такъ какъ скупщикъ охотно даетъ за нее по 6 к. за фунтъ, свезетъ въ Питеръ и продаетъ тамъ за настоящую рижскую миногу.

Только съ перваго взгляда лѣса Озерной области представляются пустынею, но какъ походишь по нимъ, то увидишь, что они кишатъ звѣрьемъ всякимъ и дичью; могъ бы Карелякъ питаться мясомъ вволю, да судьба наслала и въ его сельбища скупщиковъ съ деньгами, которыя слаще для Кареляка, нежели сытная пища; и здѣсь сталъ онъ добывать насущный хлѣбъ свой изъ вторыхъ рукъ, изъ-подъ чужаго, пришлаго ума. Скупщикъ, какъ и вездѣ по Озерщинѣ, задаетъ Кареляку впередъ рублей 50 денегъ, зная навѣрное, что, если пропадаютъ деньги иногда за банками разными, то за Карелякомъ не пропадутъ и что наживешь отъ него, отъ простаго человѣка, рубль на рубль. Лишь только вернется полѣсовщикъ почти изъ трехмѣсячнаго промысла своего, какъ подвернется къ нему скупщикъ или же прикащикъ его и тотчасъ назначаетъ цѣну всякому сорту дичи; тутъ нехитрое дѣло услыхать, что пара рябчиковъ цѣнится въ 10 — 12 к., а за пару тетеревовъ даютъ 15 — 20 коп. Ясное дѣло, что никто полѣсовщика неволить не станетъ, самъ прикащикъ посовѣтуетъ ему попридержаться съ дичью и подождать обозначенія цѣнъ; но сколько ни жди — толку изъ этого жданья въ большей части случаевъ не выходитъ никакого, такъ какъ, понятно, всѣ скупщики между собою давно въ цѣнахъ сговорились и никто изъ нихъ не перебьетъ цѣны и не сдѣлаетъ надбавки; какъ ни вертись, сколько ни жди, а продать придется все по той же цѣнѣ, да еще пожалуй съ подожданьемъ и впросакъ попадешь, такъ какъ скупщикъ начнетъ товаръ хулить и увѣрять, что онъ успѣлъ уже тронуться, и сбавитъ еще цѣну. Не всегда скупщикъ чистыми деньгами платитъ, а напротивъ того норовитъ за товаръ товаромъ отдать и вѣчно набивается съ порохомъ, пульками и т. п. Въ этомъ случаѣ пара рябчиковъ у Кареляка сойдетъ и за 5 к., такъ какъ фунтъ пороху идетъ въ пяти четвертакахъ, а фунтъ пулекъ въ шести гривнахъ. Не безъ ума надо быть, чтобы дичь уложить въ дальній путь, а то привезешь въ Питеръ труху одну вмѣсто дичи; класть ее надо въ коробы и притомъ такъ, что наложатъ рядокъ дичи, а поверхъ ея настелютъ рядокъ соломы, а черезъ два или три такихъ ряда продернутъ черезъ весь коробъ палки, чтобы птица не слеживалась и не мялась; что ни сто паръ, то подвода новая, за которую хоть и не очень широко платятъ скупщики, а все не меньше 10 р. дадутъ, такъ что расходъ этотъ на каждую пару ляжетъ цѣлыми десятью копѣйками; если затѣмъ поставить въ счетъ свои харчи въ дорогѣ, да въ Питерѣ, да коневій прокормъ, то подвода и станетъ въ 21 рубль, а каждая пара самому обойдется въ 31 — 33 коп.; все это такъ будетъ, если не принимать въ разсчетъ, что петербургскіе купцы съ своей стороны подтянуть захотятъ, а такъ какъ невиданное дѣло, чтобы съ ихъ стороны не было прижимки, то на повѣрку и выходитъ, что не стать «бѣлоглазому» самому торговать соваться, а не въ примѣръ способнѣе и лучше продать на мѣстѣ дичь скупщику, а тамъ вези

Ижорцы около Нарвы.

онъ, какъ знаетъ. Въ силу этихъ-то соображенiй, при громадномъ богатствѣ дичи и питается Карелякъ отъ крохъ, падающихъ со стола скупщиковъ.

Коли спросить Кареляка, какой онъ вѣры, то услышишь въ отвѣтъ, что запросто русской. Расколъ безпоповства, устроивши свой главный прiютъ чуть ли не въ самомъ центрѣ Карельской земли, не могъ не влiять на Кареляковъ въ значительной степени; въ концѣ концовъ оказалось, что олонецкая Карела, да и часть новгородской заявилась «нѣтчиками» у Св. причастiя, т. е. другими словами оказалась принадлежащею къ безпоповщинѣ поморскаго согласiя; по всей Карелiи не встрѣтишь даже и на православныхъ церквахъ шестиконечнаго никоновскаго креста, а въ глухихъ мѣстахъ то и дѣло попадаются часовни былыхъ скитовъ раскольничьихъ, отчасти разрушенныхъ, а отчасти и до сихъ поръ еще не покинутыхъ доживающими въ нихъ свой вѣкъ отшельниками. Но ни новая Никонова вѣра, ни старинная князей Мышецкихъ не спасаютъ Кареляника отъ вѣчнаго, исконнаго недолюбника человѣческаго, который въ теченiе всей жизни человѣческой строитъ человѣку всякiя каверзы, не дастъ покоя, доживая въ качествѣ «кегно» или чорта свой вѣкъ, послѣ того какъ Карела перестала признавать въ немъ бога. Кабы кегно еще одинъ былъ, такъ тогда бы испола горя, а въ томъ-то и бѣда, что ихъ миллiоны, и нѣтъ такой вещи или такого мѣста, гдѣ не жилъ бы свой собственный кегно, которому дѣлать-то нечего и одна думушка — каверзничать. Вотъ вѣдь, кажется, на что уже простое дѣло жить себѣ тихо да смирно въ своемъ домѣ, а тоже, если не поладишь съ «куттпенъ-кегно», или попросту съ домовымъ, такъ лучше и на свѣтъ Божiй не родиться; ухитрится онъ такъ пристать, душить станетъ по почамъ. Иной русскiй человѣкъ, пожалуй, въ невѣдѣнiи своемъ подумаетъ, что лошадь такъ, безъ всякой причины заболѣла, а Кареляка не такъ-то легко надуть: онъ отлично знаетъ, что тутъ не обошлось дѣло безъ кегно и что это кегно ее ударилъ, не взлюбивши за что нибудь ее или ея хозяина. Опять тоже часто русскiе и притомъ въ особенности городскiе и чиновные люди толкуютъ, будто падучая — не что иное, какъ простая болѣзнь, но Карелякъ знаетъ, что это старый баловникъ кегно забрался въ человѣка, спасаясь отъ гнѣва Божiя и надѣясь, что Богъ не убьетъ его, сидящаго въ любимомъ Божiемъ творенiи. Тифъ схватитъ Карелякъ, и опять таки всѣ домашнiе увѣрены, что это кегно въ немъ поселился; сведутъ его въ баню и жарятъ его тамъ до такой степени, что кожа съ больнаго сходить станетъ: бываетъ, что кегно не вынесетъ жару и выйдетъ изъ больнаго, а чаще всего такъ случается, что старый разсердится и передъ выходомъ убьетъ тифознаго. Вотъ оспа не отъ кегно наслана, а сама по себѣ. Прививать оспу Карелякъ низачто не хочетъ, да еслибы и прививалъ, такъ все же таки при своемъ отношенiи къ этой лютой болѣзни не освободился бы отъ зараженiя; оспа является въ понятiи Карелы какимъ-то самостоятельнымъ миѳическимъ лицомъ, и народъ не иначе ее называетъ, какъ «Марья Ивановна желанная» или «Оспица матушка». Когда приключится у кого нибудь оспа, то вся деревня отъ мала до велика собираетъ, кто во что гораздъ, разные дары и отправляется въ зараженный домъ. «Здравствуй, Марья Ивановна!» говорятъ съ низкими поклонами пришедшiе, — «здравствуй на многiя лѣта! Благодарствуй, что посѣтила насъ, покорныхъ рабовъ твоихъ! не будь ты намъ злою мачихою, будь родною матерью! Ты лики-то порти, да въ гробы не клади! не побрезгай дарами нашими!» Все это сопровождается конечно учащенными поклонами, и дары подносятся больному, который по изстари установившемуся обычаю долженъ всего отвѣдать: и рыбника, и водочки. Затѣмъ дары съѣдаются пришедшими и сродниками больнаго, а самого оспеннаго ведутъ въ страшно натопленную баню, гдѣ и «выпариваютъ» оспу жаромъ въ 90°. Иной отъ такого леченья выздоравливаетъ, а большинство, конечно, умираетъ, и на Каличьихъ Островахъ въ 1873 году изъ 39 душъ населенiя умерло 19, благодаря такому отношенiю народа къ страшной гостьѣ. Вотъ тоже есть такiе люди, что смѣются, а уже на что вѣрная примѣта, чтобы, когда отелится корова или начнется посѣвъ, не отдавать ничего изъ дому, такъ какъ вмѣстѣ съ отданною вещью легко отдать и счастье; не годится тоже въ это время полы мыть и лавки, а то неравно вмѣстѣ съ

грязною водою выльешь и задачу; придетъ ежели сосѣдка вечеромъ, особенно послѣ заката солнечнаго, да попроситъ молока, такъ давать отнюдь не слѣдуетъ, такъ какъ, если иная хозяйка и разжалобится, то у нея коровы перестанутъ давать молоко. На всякое дѣло требуется знаніе обычаевъ, установленныхъ умными, старыми людьми, а безъ этого знанія пропадешь на свѣтѣ пропадомъ. Конечно иная неопытная бабенка легко можетъ веретено объ Пасху на столъ положить, да не годится такъ дѣлать, такъ какъ змѣй будетъ у нея съ той поры коровъ доить; или подастъ въ ту же Пасху какой нибудь неразумный человѣкъ милостыню — оно будто и ничего, а на самомъ дѣлѣ бѣдовое дѣло, и послѣ такого неосторожнаго поступка въ томъ домѣ все будетъ мимо рукъ идти, ни въ чемъ не будетъ прибытка, а все уплывать будетъ, какъ вода. На Купалу, какъ и вездѣ, и дѣвкамъ, и бабамъ, и парнямъ великая забота; купальскіе дни великіе дни! бабы должны идти на рѣку или на озеро ближнее мыть створцы и мѣдную посуду, такъ какъ если въ купальской водѣ ихъ помыть, то и кушанье будетъ цѣлый годъ на пользу и болѣзнь не завернетъ въ избу; дѣвкамъ тоже полагается на воду идти, такъ какъ и имъ надо купальскою водою помыться: помоются онѣ въ рѣкѣ, и понесетъ она объ нихъ добрую славу по свѣту, услышатъ ея похвалу женихи, что по изстари же заведенному обычаю ходятъ на Купалу къ рѣкамъ прислушиваться къ лепету волнъ, и пріѣдутъ за тѣхъ дѣвушекъ свататься. Хорошо тому жить, кто всѣ примѣты знаетъ, да гдѣ ихъ всѣ знать! знаютъ ихъ только развѣ «найбатъ» (колдуны), «тьетэйэтъ» (знахари) и «пэкіэтъ» (провидцы), а они своего знанія тоже всякому не передадутъ и не предупредятъ человѣка отъ бѣды. Вотъ хотя бы въ дорогѣ свинью встрѣтить — счастье, барышъ, а повстрѣчай на дорогѣ, самое ужь вѣрное изъ всѣхъ животное, собаку или бабу какую, хотя бы даже собственную жену, которая конечно уже худа мужу не пожелаетъ, — воротись лучше домой, если за какимъ нибудь дѣломъ, такъ какъ удачи ни въ чемъ не будетъ, а напротивъ того еще какая нибудь бѣда стрясется. Кому первому изъ семьи приведется весною увидать желанную залетную гостью — ласточку, тому подобаетъ тотчасъ умыться, и цѣлый годъ душа его будетъ также чиста, какъ эта безобидная птичка. Выѣхалъ Карелякъ на рыбную ловлю — первый уловъ самому съѣсть нельзя, а весь цѣликомъ продать, хотя бы покупатель давалъ за полупудовую палью грошъ мѣдный; попробуй не сдѣлать этого, попробуй хоть одну штуку салатты даромъ отдать — бѣда будетъ великая и придется домой ни съ чѣмъ возвращаться. Настало тепло послѣ Купалы — только бы купаться! а добрые люди не совѣтуютъ, такъ какъ между Купалой и Петропавломъ водяной чудачитъ, справляетъ свою свадьбу и скрываетъ отъ людей свои пиршества и безобразія зеленымъ сукровомъ, а глупые люди толкуютъ, будто это вода цвѣтетъ! разорветъ сукровъ купающійся, разсердится водяной, да и уволочетъ смѣльчака въ свое царство — и поминай его какъ звали. Вотъ въ Егорьевъ день искупаться хорошо для человѣка, да и то не въ рѣкѣ, а въ ручьѣ и притомъ въ такомъ ручьѣ, что течетъ съ юга на сѣверъ. Коли хочетъ хозяинъ, чтобы скотъ у него водился и не падалъ, стоитъ только сороку убить да повѣсить ее надъ дверями: кегно страхъ какъ не любитъ эту птицу — она все его передразниваетъ. А пусть-ка кто нибудь попробуетъ кошку помучить! не сладко ему придется отъ кегно; кошка приходится кегно другомъ и когда она мурлычитъ, то это она ему про людей разсказываетъ, сплетничаетъ; конечно, иной и не повѣритъ, а попробуй ка кошку въ темный уголокъ увести да приласкай ее противъ шерсти — то и дѣло будутъ искры сыпаться изъ глазъ кегно отъ злобы; поймай искорку да спрячь ее за пазуху, поближе ко кресту — и обратится она въ золото. Коли вздумаетъ Карелякъ сходить въ баню, попариться, такъ прямо съ прихода возьметъ новый, ни разу еще не употреблявшійся вѣникъ, положитъ его на лавочку, нальетъ въ шайку горячей и холодной воды, такъ какъ долженъ онъ непремѣнно позаботиться о хозяинѣ-банникѣ, который запаритъ человѣка, коли послѣдній его чѣмъ нибудь не уважитъ и безъ этой ухватки станетъ мыться. Когда помретъ кто нибудь въ домѣ, то на окопце непремѣнно для обмывки души слѣдуетъ поставить чашку съ водою и къ краямъ чашки лучинку положить — было бы по чему душѣ въ чашку взо-

браться; когда выносить станутъ покойника, то не худо набрать въ платокъ или хоть въ карманъ камешковъ, да и понакидать ихъ въ могилу, чтобы покойнику труднѣе было изъ земли выйти, а вернувшись домой послѣ похоронъ, слѣдуетъ, ставши посреди горницы, изо всей мочи камешки швырять въ углы, чтобы выгнать покойника, если онъ вздумалъ уже на мученье оставшимся въ живыхъ выйти изъ могилы. Иной неразумный человѣкъ, похоронивши сродника, тотчасъ и за ѣду примется, такъ это тоже и грѣхъ великій и бѣдовое дѣло! прежде подобаетъ очиститься, дотронувшись ладонями до печи. При рожденьѣ тоже не безъ примѣтъ и не безъ особыхъ обычаевъ; первымъ дѣломъ, какъ только въ домѣ родится ребенокъ, такъ больше уже дровъ и воды въ ту горницу не вносятъ, такъ какъ иначе зубовъ ребенокъ не сдѣлаетъ и водянка у него непремѣнно приключится; хорошо также положить при родахъ у самаго порога камень, такъ какъ отъ этого ребенокъ крѣпче становится и скорѣе ходить научится. Отъ всякой пропажи у Кареляка тоже есть средство и притомъ весьма вѣрное: коли пропадетъ какая нибудь вещь, такъ слѣдуетъ взять съ какой нибудь могилы земли и побрасывать ее передъ людьми: виноватый не выдержитъ такого испытанія и выдастъ себя смущеніемъ; коли пропадетъ животное, такъ стоитъ только взять кусокъ забытаго въ печи хлѣба, помянуть животное передъ образами, снести кусочекъ въ хлѣвъ — и скотина найдется. На что уже, кажется, трудное дѣло унять кровь изъ раны или изъ носу, но Карелякъ и передъ этимъ не остановится: возьметъ онъ то самое орудіе, которымъ онъ порѣзался, укуситъ лезвее до трехъ разъ и поплюетъ на свою рану — тотчасъ кровотеченіе остановится. Когда строятъ домовину, то стараются, чтобы по щепкамъ и стружкамъ никто не ходилъ, а то всегда, даже и въ оттепель, ноги будутъ зябнуть. Въ лѣсъ идти слѣдуетъ всегда поѣвши, а коли пойдешь въ лѣсъ голодный, то кукушка вшей напуститъ и вѣкъ отъ этой напасти не отбояришься. Коли вздумаетъ Карелякъ строиться, то также надо знать, какъ это дѣло дѣлать; прежде всего слѣдуетъ подъ первое бревно положить небольшаго болванчика изъ глины, съ руками и ногами, чтобы былъ онъ похожъ на человѣка, а затѣмъ подобаетъ примѣчать, какъ первая щепка ляжетъ: если щепка опрокинется на землю корою вверхъ, можно продолжать рубить избу, а коли невзначай да ляжетъ она корою внизъ, такъ лучше и не трудиться ставить домъ на этомъ мѣстѣ, такъ какъ либо сгоритъ онъ до тла, либо счастья живущимъ въ немъ не будетъ никакого. Ужь на что простая штука воротъ отъ рубахи, а коли толково съ нимъ обойтись, такъ мудреную онъ загадку угадать можетъ, такую мудреную, что иная бабенка за это и Богъ вѣсть чего бы не пожалѣла; какъ начнутъ его кроить, такъ слѣдуетъ обрѣзки на дверь положить и примѣчать потомъ, что будетъ: войдетъ въ дверь первымъ мужчина — родится въ домѣ томъ мальчикъ, а коли баба, то принесетъ хозяйка дѣвочку. Не хитра тоже штука иголка, а коли переломитъ ее невзначай дѣвушка, да возьметъ себѣ ушко, а кончикъ броситъ на дорогѣ, пойдетъ по дорогѣ парень, подниметъ кончикъ — и станетъ кончикъ по ушку болѣть, а парень сохнуть по дѣвкѣ.

Карельскій языкъ весьма немногимъ отличается отъ финскаго языка Финляндіи. Онъ облюбилъ въ особенности шипящіе звуки и говоритъ поэтому «микши» вмѣсто «миксп» (зачѣмъ); любитъ онъ также всячески смягчать твердыя согласныя и охотно замѣняетъ *к*, *п*, *т* звуками *г*, *б*, *д*, какъ напримѣръ въ такихъ словахъ, какъ «айгахъ» (вмѣсто «айкаанъ»), «піепембп» (вмѣсто «піепемпп») и «тьедэйэтъ» (вмѣсто «тіетэйэтъ»). Въ карельскомъ языкѣ не умѣютъ дѣлать различія между дѣйствительнымъ и страдательнымъ залогомъ въ окончаніи третьяго лица множественнаго числа глаголовъ и говорятъ «мо» «тулиммо», «тіо» «тулитта» и «хіо» тудьдихъ». Не любитъ Карелякъ также и звука *у* послѣ гласныхъ и охотно измѣняетъ его въ *в*, какъ напримѣръ говорятъ «хэтэвди» вмѣсто хэтеути», «повшу» вмѣсто «поусу». Окончаніе на носовую согласную послѣ длинной гласной онъ охотнѣе замѣняетъ придыхательнымъ *х*, укоротивъ предшествующую ему гласную, и говоритъ «шапоттихъ» вмѣсто «сапоттіинъ». Вообще карельскій языкъ считается обладающимъ древними формами нынѣшняго финскаго языка и изучаемъ финнологами также, какъ для изслѣдованія по языку русскому изучается церковнославянскій. Только

между собою говорятъ еще Карелы на своемъ родномъ языкѣ, но, за исключеніемъ дальнихъ карельскихъ волостей Повѣнецкаго уѣзда, всѣ Карелы превосходно говорятъ по-русски. Добрые люди пожелали, чтобы Карелякп имѣли и книги на ихъ родномъ языкѣ, и прежде всего принялись конечно за евангеліе; но къ сожалѣнію переводчиками явились люди совершенно къ этому дѣлу не подготовленные, и потому мало кто изъ Кареляковъ можетъ понимать переведенное для него священное писаніе. Понятное дѣло, что Карелякъ не могъ имѣть понятія о прелестяхъ новѣйшей цивилизаціи, а потому и не имѣлъ въ языкѣ своемъ подходящихъ словъ, но досужіе переводчики не задумались надъ этимъ и понадѣлали цѣлую массу словъ, въ родѣ: «бродягатъ», «дорогать», «командать, билетнойнъ, солдатайнъ» и т. п.; когда приходилось переводить въ катехизисѣ отдѣлъ подъ заглавіемъ «общія обязанности христіанина», то ловкій человѣкъ сдѣлалъ изъ этого: «мида пидавъ роата христинъ гейло кайкись эпзимэхзексэ, т. е. передалъ эти три русскія слова словами: что всякій день случается христіанину нужнымъ сдѣлать. Понятно послѣ этого, что никто этихъ будтобы карельскихъ книгъ не читаетъ, хотя ихъ и разсылаютъ даромъ въ карельскія волости.

Если бѣденъ хлѣбомъ русскій человѣкъ, то про Кареляка и говорить нечего; хлѣбъ доставать ему гораздо труднѣе, такъ какъ для того, чтобы разыскать себѣ мѣстечко для посѣва, Карелякъ зачастую принужденъ бываетъ уѣзжать верстъ за 20 отъ своего селенія, да и тамъ только послѣ почти неимовѣрныхъ усилій успѣетъ собрать самъ-третей свой скудный посѣвъ. Все бы это однако было бы иопола горя, да вздумали и Карелу привести на общее положеніе и дать ей надѣлъ въ 30 десятинъ на душу, не взирая на то, что Карелякъ до сихъ поръ не осѣлъ еще и не можетъ удовольствоваться никакимъ надѣломъ, а будетъ, едва лишь уѣдетъ начальство, снова разъѣзжать по всему Заонежью въ искательствѣ покосовъ и годныхъ для посѣва земель и охотиться тамъ, гдѣ ему заблагоразсудится. Плохо приходится теперь Кареляку, такъ плохо, что хоть волкомъ вой! а прежде ему жилось куда лучше, да люди стали хуже, бросили свои стародавніе обычаи и смѣются надъ тѣмъ, во что вѣрили отцы и дѣды. «Прежде», увѣряютъ Кареляки — «вся земля была карельская и были тогда Карелы сильны и богаты: сѣнокосы были по сажени, а палья была тоже по сажени и ловилась не неводомъ, а сачками. Жилъ тогда въ Карельской землѣ старикъ Тулле; жилъ онъ въ большой пещерѣ, и всѣ Тулле уважали, и былъ Тулле царемъ карельскимъ и держалъ въ страхѣ и Руотсалайновъ (Шведовъ) и Кайну (часть финской Финляндіи). Вышелъ разъ Тулле на сельгу прогуляться и увидалъ идущаго ему на встрѣчу волосатаго человѣка, всего покрытаго овечьею шерстью. Испугался того человѣка Тулле, такъ какъ никогда не видалъ въ свою жизнь ничего подобнаго; прибѣжалъ испуганный Тулле къ своимъ и сказалъ имъ великое слово: «много лѣтъ жилъ я на желтомъ свѣтѣ (бѣлый свѣтъ Кареляки называютъ желтымъ) и не видалъ еще овечьей шерсти на человѣкѣ; прячьтесь скорѣе и спасайтесь въ норы и подъ дома свои, заложите двери и окна, завалите двери, входы каменьями — этотъ человѣкъ-овчина принесъ вамъ конецъ вашъ!» а самъ спрятался въ свою пещеру, гдѣ жилъ и варилъ пищу, и пещера закрылась за нимъ сама такъ, что не видать было входа и выхода; а овчина прогнала оленя, испугала медвѣдя, угнала бобра изъ его домовъ, застращала лося, нагнала страхъ на хитрую рысь... ну какъ же тутъ было устоять Карелянину противъ человѣка-овчины! Такъ и до сихъ поръ о Тулле ничего не слышно; говорятъ добрые люди, будто онъ выходитъ иногда изъ щелья (скалы), подаетъ Кареляку руду и спрашиваетъ: «тутъ-ли еще человѣкъ-овца?» Никто не знаетъ, про что онъ спрашиваетъ, и не могутъ дать ему отвѣта, а онъ поглядитъ только на Кареляка и головою закачаетъ, и говоритъ: «тутъ онъ, тутъ! по всему видно!» и снова уходитъ въ свою пещеру. И силенъ этотъ человѣкъ-овчина, котораго такъ испугался старый Тулле! всѣ звѣри земли Карельской ушли отъ него, да и самъ Карелякъ бросилъ свои шкуры и, облекшись тоже въ овчину, того и гляди вовсе утеряетъ свои характеристическіе признаки и станетъ на благо родины трудиться рука объ руку съ страшнымъ прежде волосатымъ человѣкомъ-овчиною, который сталъ теперь его братомъ и сотовари-

щемъ. Не проснется ли тогда и богъ карельскій Тулле? не все же ему спать въ его пещерѣ. Быть можетъ, тогда всколыхнутся озера, болота карельскія, богатыя всякою дичью; зашумитъ лѣсъ, готовый на послугу своему насельнику, и Карелякъ, вспомнивъ своего стараго Тулле, возьмется за умъ. А пока все спитъ въ Карельской землѣ, какъ и спитъ самъ Тулле, да заснулъ и тотъ человѣкъ-овчина, который надѣлалъ столько хлопотъ и самому Тулле, и всѣмъ его поклонникамъ; кто знаетъ, быть можетъ, придетъ время, когда и человѣкъ-овчина проснется отъ своего богатырскаго сна и приложитъ вмѣстѣ со своимъ братомъ Карелякомъ руки къ тому непочатому углу богатствъ, которыя зарылъ старикъ Тулле въ Карельской землѣ.

В. Н. Майновъ.

Водяная курочка.

ОЧЕРКЪ X.

КАКЪ И ЧѢМЪ ЖИВЕТЪ РУССКІЙ ЧЕЛОВѢКЪ ВЪ ОЗЕРНОЙ ОБЛАСТИ.

Русское население Озерной области. — Чѣмъ питается человѣкъ въ Озерной области. — Земледѣліе. — Рыбная ловля. — Сводка и сплавъ лѣса. — Полѣсованье. — Внѣшній видъ русскихъ Озерной области. — Жилище. — Пища. — Демонологія. — Отношеніе къ церкви. — Обычаи: родины, свадьбы, похороны. — Народные праздники: Рождество, Масляница, Пасха, Троица. — Остатки народнаго русскаго эпоса.

Дебри дремучія, глушь непроглядная,
Почва безплодная, что здѣсь труда,
Силъ что здѣсь тратится, а безотрадная
Все-таки въ двери стучится нужда...
Но, будь одна лишь невзгода природная,
Жизнь все не такъ ужь была бы тяжка;
Есть еще горьшая язва народная —
Елка завѣтная въ дверяхъ кабака.

Великіе уроженцы Озерной области: А. С. Пушкинъ и Г. Р. Державинъ.

Уже давно замѣчено то обстоятельство, что похуже земля въ Озерной области — занята русскимъ человѣкомъ, а инородецъ поселился на что ни на есть лучшемъ сележномъ мѣстѣ. Еще великіе уроженцы Озерной области, которыми гордится вся Русская земля, запримѣтили это и не разъ упоминали въ своихъ великихъ твореніяхъ.

Хоть и любитъ русскій человѣкъ землю, хоть и копошится онъ и сѣетъ изъ году въ годъ рожь и овесъ на неподатливыхъ земляхъ стародавней Новгородчины, которыя обнимали всю Озерную область, тѣмъ не менѣе сама природа вынудила здѣсь человѣка шагнуть назадъ съ той ступени культурности, до которой додумался онъ и достигъ, и отойти отъ осѣдлаго земледѣльческаго состоянія къ быту рыболова и звѣролова. Рѣдко гдѣ отыщется въ Озерной области такой уголокъ, гдѣ хватаетъ хлѣба на цѣлый годъ, гдѣ земля дѣйствительно является для человѣка «матушкою», а не злою мачихою. — Но если земля не давала здѣсь вдоволь насельнику хлѣба, то манили его издалека лѣса обильные, рѣки широкія, озера раскидистыя. Съ давнихъ поръ, чуть не съ того полусказочнаго времени, когда по словамъ лѣтописцевъ вся жизнь новгородскаго государства выражалась въ постоянныхъ сварахъ и раздорахъ, люду новгородскому любо было покидать насиженное мѣсто

въ Новгородѣ, гдѣ былъ онъ подъ гнетомъ сильныхъ и богатыхъ, и идти искать въ новыя мѣста, «въ Чудь бѣлоглазую», какъ свободы, такъ и добычи; а гдѣ же и быть свободѣ, какъ не въ дебряхъ и болотахъ, куда и до сихъ поръ съ трудомъ проберешься; а гдѣ же и быть добычѣ, какъ не тамъ, гдѣ лѣса кишмя кишатъ пушнымъ звѣремъ, гдѣ рѣки и озера полны рыбою красною, гдѣ леща и теперь еще бросаютъ гнить по берегу, семги и сига не оберешься. Какъ не пойти поискать свободы и счастья, гдѣ столько добра про человѣка изготовлено, да некому всѣмъ тѣмъ добромъ пользоваться, такъ какъ живетъ тамъ народъ несуразный: въ берестяномъ котлѣ уху варитъ, не чистивши рыбу въ уху крошитъ, изъ себя раскосъ и бѣлоглазъ, тихъ, смиренъ, да на умъ неладенъ; научить того человѣка надо уму-разуму, какъ за дѣло взяться, такъ онъ же на тебя работать станетъ. И шелъ изъ Новгорода людъ недовольный, шелъ давно проторенными, любимыми путями новгородскими, шелъ больше на лодьяхъ по рѣкамъ и съ каждымъ годомъ все глубже и глубже врѣзывался въ селёжныя мѣста бѣлоглазой Чуди, которая изрѣдка защищалась отъ вторженія пришлецовъ, изрѣдка стояла за исключительное пользованіе своими озерами, лѣсами и рѣками, а по большей части уступала силѣ и культурности, хотя и не великой, а все же бо́льшей, нежели та, на которой стояли чудскіе народцы. За тѣми, кому въ Новгородѣ жилось плохо, шли въ эти мѣста и тѣ, кто не ждалъ отъ міра радостей, кто видѣлъ, что люди къ подобнымъ себѣ несправедливы и злы, и кто искалъ покоя душевнаго вдали отъ грѣховнаго міра горя и слезъ. Если и недовольцы новгородскіе сжились съ Чудью, то гораздо болѣе пользы для края принесли эти люди, проповѣдывавшіе любовь Христову ко всему человѣчеству. Простотою отношеній, любовью, истинно открытымъ для всѣхъ сердцемъ, трудолюбіемъ и желаніемъ добра они невольно обращали на себя вниманіе тѣхъ дикарей, въ чьей странѣ они селились, всякихъ «лопскихъ, чудскихъ и иныхъ дѣтей карельскихъ». У новыхъ пришельцевъ не было иного оружія, кромѣ слова любви и утѣшенія, не было иной силы, кромѣ силы нравственнаго превосходства. Какъ бы то ни было, но дикари не могли вполнѣ спокойно смотрѣть на приходъ новыхъ странныхъ людей; не обошлось дѣло безъ болѣе или менѣе печальныхъ недоразумѣній и столкновеній съ непрошенными гостями; дикарямъ дороги были и дебри ихъ, и рѣки и озера, которыхъ привыкли они считать испоконъ вѣка своею собственностью, и въ то время, какъ Новгородцы побѣдно двигаются все впередъ и впередъ по землѣ Чудской, Чудяне мстятъ этимъ страннымъ насельникамъ, не вѣдая, что мстятъ своимъ друзьямъ скорѣе, нежели врагамъ. Дикари жгутъ ихъ хижины, грабятъ «животишки», убиваютъ отшельниковъ; но со стороны послѣднихъ нѣтъ отместки, нѣтъ вражды, а только видны подавляющее терпѣніе и невозмутимая кротость, всепрощеніе; дикари удивлены, ошеломлены. Не-

Отъѣздъ Питерщика.

Русская трапеза.

вольно привлекаетъ человѣка простаго, безъискусственнаго то, что непонятно для него, изумительно. Чудяне съ любопытствомъ начинаютъ всматриваться ближе въ жизнь отшельниковъ; безконечная любовь поражаетъ ихъ, они начинаютъ привыкать къ нимъ, и, найдя въ нихъ, вмѣсто враговъ, своихъ благотворителей, свыкаются съ ними окончательно. Благодаря нашимъ двумъ колонизаторскимъ потокамъ, наряду со «страдомыми» деревнями богатыхъ новгородскихъ фамилій, устраивались цѣлые поселки изъ новгородскихъ недовольцевъ, а въ то же время отшельники ставили на мѣстѣ своего поселенія крестъ, часовню и «хижу убогую»; по мѣрѣ того,

Весна въ деревнѣ.

какъ становилось извѣстно ихъ жилище, къ нимъ собиралась братія, устраивался монастырь, расчищались пашни, и новые культурные передовые пикеты получали начало; около этихъ монастырей устраивались новые починки, поселенія, деревни.

Были и еще люди, которые не боялись углубляться въ лѣса Озерной области, — то были люди преслѣдуемые за исканіе истины; сюда, и при томъ въ самыя нѣдра дебрей, приходили стригольники новгородскіе, сюда же хлынулъ и расколъ, когда не стало ему болѣе житья на Москвѣ. Шелъ расколъ то по мелочи, а то такъ и цѣлыми десятками и заселялъ привольныя новыя мѣста.

Когда наконецъ зазорно стало Москвѣ, что подъ бокомъ у нея живетъ народъ, не признающій ея власти, и стала Москва все сильнѣе и сильнѣе напирать на новгородскія земли, а наконецъ и совсѣмъ сломила «мужиковъ новгородскихъ», не любо показалось ей оставлять этихъ мужиковъ на старыхъ, насиженныхъ ихъ отцами и дѣдами, мѣстахъ и по указу выра-

зителя мысли московской «обезлюдила» Москва исконную волость «Осподина Великаго Новгорода», выселивши нѣсколько тысячъ «мужиковъ новгородскихъ» по разнымъ закоулкамъ Московщины, благо полюбился старинный Новгородъ разнымъ Суздальцамъ да Ростовцамъ, которые быстро нахлынули на мѣста выводцевъ.

Въ силу всего этого и сложилось населеніе Озерной области розно, будто совсѣмъ оно не отъ одного пошло корня, будто не русскіе это люди. Въ исконной Новгородчинѣ и Псковщинѣ только изрѣдка набредешь на старинное новгородско-псковское населеніе, а ушло оно отъ религіозной и иной прижимки въ далекіе лѣса и дебри, пріютилось тамъ именно, гдѣ и теперь-то людямъ проѣзду нѣтъ, куда и въ нынѣшнее время развѣ невзначай только заглянетъ начальство. Всѣ стародавнія сельбища Новгородчины и Псковщины заняты теперь новоселами изъ Московско-Суздальской области, которые впрочемъ давнымъ-давно успѣли позабыть свое петуземное происхожденіе. Петръ Великій довершилъ дѣло, начатое московскимъ централизмомъ, и ввелъ еще новый элементъ въ описываемыя нами мѣста, допустивъ и всячески поощряя переселеніе въ Новгородчину жителей центральной полосы Россіи; мало того: ему нужны были силы и онъ не задумывался отыскивать ихъ даже и далѣе Москвы, такъ какъ по южному берегу Ладожскаго озера мы и до сихъ поръ можемъ наблюдать остатки малороссовъ, конечно до извѣстной степени обрусѣвшихъ, но тѣмъ не менѣе не утратившихъ еще вполнѣ своихъ характеристическихъ особенностей.

Хоть и силенъ человѣкъ, хоть и подчиняетъ онъ себѣ до извѣстной степени природу, но все же таки живетъ онъ такъ, какъ велитъ природа. Изъ степняка не можетъ выйти ни рыболовъ, ни полѣсовщикъ-охотникъ, а земледѣльцемъ на горахъ не проживешь. Такъ и здѣсь природа обусловила занятія жителей, и слѣдовательно бытъ ихъ сложился такъ, какъ подсказала природа. Сталъ лѣсной житель питаться отъ лѣса, приречный — отъ рыбнаго приволья, а пригородный, чуть снѣгъ землю покроетъ, глядишь и норовитъ поскорѣе снарядиться въ Питеръ, въ раздольное мѣсто для добытковъ; хоть и надрывается-плачетъ жена, а дѣлать нечего — надо добывать той же женѣ да дѣтямъ кусокъ хлѣба. Но исконная привязанность русскаго человѣка къ землѣ-кормилицѣ и къ земледѣлію сказалась въ Озерной области рѣзче, нежели гдѣ бы то ни было, и всячески старается русскій человѣкъ приспособить неплодородную почву къ любимому своему занятію. Чуть гдѣ выдалась изъ болотины луговинка — тотчасъ, глядишь, и вспашетъ ее крестьянинъ, и нужды нѣтъ, что раннія зимы и весенніе морозы побьютъ зелени и сгубятъ безъ пути тяжкій трудъ его, что «холодная» земля отнесется къ нему злою мачихою, и развѣ изрѣдка лишь отдастъ ему самъ-пятъ то, что онъ въ нее положилъ — житель описываемыхъ нами мѣстъ все же таки сѣетъ изъ года въ годъ и никогда не придетъ къ тому заключенію, что бросить надо земледѣліе и искать иныхъ заработковъ. Рѣдко однако приводится пользоваться крестьянину готовою луговиною, которую прямо вспахать можно и обработать; чаще гораздо случается, что вся земля вокругъ села представляетъ изъ себя одно сплошное болото, которое, прежде чѣмъ обработывать, приходится сначала подготовить къ тому, чтобы пользоваться имъ затѣмъ для посѣва. Много тутъ положитъ крестьянинъ труда своего, да и то не на выгоду свою, а скорѣе на поблажку. Облюбуетъ онъ мѣстечко и примѣчаетъ куда «земля клонится»; нѣтъ у него ни ватерпаса, ни нивеллира, а найдетъ онъ склонъ не хуже любаго землемѣра, благо дана ему отъ природы та сметка, что замѣняетъ у него знаніе; ковырнулъ лопатою здѣсь, ковырнулъ тамъ — и нашелъ «куда земля клонится», а коли найденъ склонъ, то канавки прокопать и воду спустить не трудно. Къ осени дѣло налажено и пахать можно, коли кочкарнику на облюбованномъ мѣстечкѣ немного, а коли выдалось болото съ кочками да съ корягами, такъ дѣло безъ огня не обойдется. Иной дѣловой человѣкъ пораньше съ весны работу начнетъ, такъ и съ кочками, пожалуй, къ осени справится, а по большей части либо самъ не успѣетъ, либо вода не вся съ луговины сойдетъ и тогда пахоту поневолѣ на будущій годъ откладывай. Сгорѣли и кочки, сожжены и коряги, да еще и пользу

собою принесли: удобрили землю мало-мальски — все не столько навозу потребуется, а при невеликомъ богатствѣ и то на руку. Вывезъ мужикъ навозъ на новое мѣстечко, взодралъ землю и засѣялъ на первый разъ рожью, благо землица новная, пожалуй, и уродитъ хлѣбца на семейскую потребу мѣсяцевъ на 5, на 6. И изъ году въ годъ такимъ-то побытомъ земледѣльствуетъ житель Озерной области на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ выдастся вокругъ его болото; живетъ впроголодь, такъ какъ и въ счастливые годы онъ на своемъ хлѣбѣ до половины не доживаетъ, а покупаетъ въ людяхъ. Иначе дѣло ведется въ мѣстахъ лѣсистыхъ да каменистыхъ; тутъ хотя пріемы почти тѣже, которые существуютъ вообще въ малоплодородныхъ губерніяхъ, если не считать нѣкоторыхъ особенностей въ земледѣльческихъ орудіяхъ и не принимать во вниманіе того огромнаго труда, который употребляется въ такихъ мѣстахъ, такъ сказать, на предварительную подготовку почвы для посѣва. Прежде всего, когда выберетъ крестьянинъ удобное мѣсто, гдѣ нибудь на покатомъ пригорочкѣ, начинаетъ онъ огораживать облюбованное мѣсто, наконецъ изгородь готова, и начинается подсѣчка молодика, который по сочности своей горѣть на корню не будетъ, а потому и долженъ быть непремѣнно подсѣченъ, сложенъ въ кучи, вылежаться, высохнуть, и тогда уже поджигай смѣло — сгоритъ. Большія-то деревья и подсѣкать ничего — сами сгорятъ. Когда огнище готово, то его зажигаютъ и преспокойно уходятъ домой — сгоритъ, дескать, само, возжаться тутъ нечего. Горитъ огнище, горитъ изгородь, загорится и окружный лѣсъ — небось! до лѣсничаго далеко! не увидитъ! да и увидитъ, такъ бѣда не велика: ну сгоритъ десятина, двѣ лѣсу, такъ вѣдь новый вырасти можетъ. Глядишь — подулъ вѣтерокъ, прошелъ дождичекъ — и лѣсъ пересталъ горѣть въ самую пору — всего десятины двѣ-три выгорѣло понапрасну. Начинается новая работа для крестьянина и при томъ работа куда не легкая! Собирается вся семья и таскаетъ съ пала или огнища камни, что наворочала природа не у мѣста, какъ разъ тамъ, гдѣ задумалъ крестьянинъ устроить свою пашню. Много натаскаютъ они каменьевъ; словно заборъ изъ камня наворотятъ они вокругъ будущей пашни, да и то большихъ не осилятъ, а мелозгу тàкъ и оставятъ: «не трожь, полежатъ! бороной захватимъ!» Смастерилъ-сладилъ крестьянинъ орало либо соху да борону и пошелъ по полю поѣзживать, и соха-то у него объ камушки позвякиваетъ да побрякиваетъ, а борона-то за нимъ на камушкахъ попрыгиваетъ да погромыхиваетъ; и разъ пропашетъ онъ пашню, и два, и три, а въ иномъ неудачливомъ мѣстѣ и четыре разъ вспахать не полѣнится по раскиданному навозу, безъ котораго земля ни зерна не дастъ ему за труды его нечеловѣческіе, а тамъ и станетъ выжидать Ильина дня, чтобы пронялъ Илья сыру землю дождичкомъ, чтобы громомъ да молоньей усытилъ ее и очистилъ ее подъ хлѣбушко. Въ иныхъ мѣстахъ, подальше на сѣверъ, такъ и Ильина дня не дожидаются, а норовятъ подъ Илью обсѣяться, чтобы «Ильина милость» застала зерно уже въ землѣ, да его бы изъ нея повытянула въ ростъ и плодъ. Да и трудно же запахивать негожую землицу приозерскую! Иной день и 25 ф. ржи не запашешь — очень ужь камень доѣдаетъ. И не одинъ мужикъ работаетъ до упаду на пашняхъ лѣсныхъ да каменистыхъ: баба тоже раздѣляетъ съ нимъ труды его, а въ иномъ мѣстѣ такъ и вовсе за мужика сходитъ и робитъ за него всякое дѣло — благо самъ онъ въ Питерѣ работаетъ, кормится. Хоть и много желѣза лежитъ въ землѣ въ Озерной области, но не осилитъ онъ дороговизны желѣзной бороны, а больше боронитъ онъ свою пашню тою бороною, что перешла къ нему отъ дѣдовъ и прадѣдовъ. Подѣлана эта борона изъ довольно толстыхъ вѣтвяковъ, у которыхъ оставлены съ одной стороны сучья, что покрѣпче; сучья эти называются «боронницами»; а для того, чтобы связать вѣтвяки вмѣстѣ, употребляются «вицы», гдѣ веревочныя, а гдѣ и берестяныя. Посѣвъ яри куда ранній! «сѣй овесъ въ грязь — будешь князь», толкуютъ крестьяне, да зачастую и платятся за слѣпую вѣру свою въ непогрѣшимость примѣтъ бывалыхъ людей и ихъ мудрости, выразившихся въ пословицахъ; лечь-то ляжетъ въ грязь овсяное зерно, а тутъ подвернется морозикъ, да и замететъ жидкую грязь-то — зерну изъ земли долго не вылѣзть, такъ и заглохнетъ оно подъ корочкою обледенѣвшей земли. Поздно посѣять опять тоже неладно — не успѣетъ

овесъ вызрѣть, какъ хлопнетъ его августовскій утренничекъ. Навозъ вывозить самое время въ іюнѣ. Рѣдко, рѣдко увидишь въ этихъ мѣстахъ, чтобы крестьянинъ сѣялъ старью, — всю поѣстъ ее и богатый даже, вѣдь и народится-то ея не Богъ вѣсть сколько, особливо тамъ, гдѣ лѣсовъ побольше, да посѣвернѣе. Къ августу мѣсяцу покончена жатва; радъ мужикъ новинѣ, сѣлъ онъ съ довольнымъ лицомъ съ семьею своею къ столу, широкимъ русскимъ крестомъ перекрестился и по невзыскательности своей наслаждается вволю щами изъ «своей» новой капусты и «своимъ» новымъ, свѣжимъ хлѣбомъ. Придетъ зима, и наслажденіе минуетъ: приведется хлѣбъ покупать привозный съ запахомъ, а то такъ и съ прѣлью.

Заторъ лѣса въ Сечежѣ.

Коли привелось человѣку поселиться на берегу рѣки или озера, то и Богъ ему велѣлъ отъ тѣхъ водъ кормиться, а такъ какъ водъ разныхъ во всей Озерной области не мало, то рыболовство и составляетъ громадное подспорье въ жизни крестьянина Озерной области. Что на какомъ нибудь Туломозерѣ, что въ Спасъ-Бискупцѣ на Ильмени—та же рыба водится и ловить ее все также крестьянинъ ухитряется. Рыболовство играетъ такую важную роль въ дѣлѣ сытости или голодности здѣшняго крестьянина, что пожалуй 20% всего населенія имъ только и живутъ, имъ только и кормятся. Во всѣхъ углахъ Озерной области рыбы ловится огромное количество, которое идетъ или въ продажу, или на собственный прокормъ, въ свѣжемъ, соленомъ, копченомъ, вяленомъ и сушеномъ видѣ. Жареная и вареная рыба составляетъ весьма важное подспорье въ невзыскательномъ столѣ крестьянина, который въ иныхъ мѣстахъ идетъ даже дальше, запекаетъ рыбу въ пироги-рыбники, а на сѣверѣ, въ иныхъ мѣстностяхъ, гдѣ хлѣбъ перестаетъ быть ржанымъ и скорѣе можетъ называться сосновымъ, употребляетъ ее въ сушеномъ видѣ вмѣсто хлѣба, на заѣдку и въ видѣ загребальной ложки. Рыбу отъ чешуи по большей части не очищаютъ. Рыба ловится разная, смотря по тому, гдѣ производится ловъ; въ большихъ озерахъ и рѣкахъ одна рыба ловится, а въ лѣсныхъ мелкихъ озерахъ попадаются окунь, карась даже, язь, подъязикъ, щука, плотица и иная мелкая рыба, которая «простора не любитъ». Эта рыба — «напастница»: когда напасть пришибетъ, т. е. хлѣбъ дорогъ, да и взять-то его негдѣ, другаго улова нѣтъ и звѣроловство невыгодно. Рыба напастница тѣмъ и хороша, что ей всегда уловъ есть. За то и ловятъ же ее безпощадно. Ясно, что съ году на годъ и напастницы становится все меньше, потому что молодикъ не успѣетъ дорости и выплодиться. Есть привольныя мѣста,

гдѣ ловится налимъ, харіусъ, лосось, таймень, форель, нерпа, палья, сигъ, семга, судакъ, лещъ, ершъ, ряпушка, корюшка, навага и т. п. Въ Бѣломорскомъ бассейнѣ Олонецкой губерніи, когда перевалишь гряду Масельгу, встрѣчаются туржа и пельма; на Бѣломъ озерѣ ловятъ массами снѣтковъ, сушатъ и отправляютъ громадными партіями въ Петербургъ, Москву и другіе большіе города Россіи; тѣхъ же снѣтковъ ловятъ не въ большомъ количествѣ на Выгозерѣ и Сегозерѣ, но приготовлять въ прокъ не умѣютъ, а запросто сушатъ въ печахъ, мелятъ на ручныхъ жерновахъ и засыпаютъ въ уху; а иногда для разнообразія замѣсятъ на снѣтковой

Хороводъ въ Бѣлозерскѣ.

мучицѣ и рыбникъ цѣлый. Чуть наступитъ весна, глядишь, настраиваетъ рыболовъ свою снасть, а иной до рыбки охотникъ, но не такой человѣкъ, чтобы жить ею да торговать и со скупщиками знаться, либо по бѣдности своей, либо по старости и одиночеству,—пойдетъ на рѣчку, да въ добромъ мѣстѣ и наладитъ гдѣ нибудь вентеря: оно и не больно-то хлопотно, а и охотку свою выполнитъ старый, да и съ ушицей будетъ, коли Богъ задачу пошлетъ.

Иное дѣло, когда рыбною ловлею кормятся. Тутъ и снарядъ иной, и приспособлено все къ дѣлу, а не къ забавѣ; ловъ въ такомъ случаѣ производится почти двадцатью различными способами смотря по богатству воды и по достаткамъ ловящихъ. Видимое дѣло, что смотря по богатству лова и количеству добываемой рыбы, а слѣдовательно и по величинѣ снаряда, измѣняется и стоимость его подѣлки; иной снарядъ и семья осилитъ, а на покупку иную приходится дѣлать слогу, складчину въ нѣсколько семействъ; бываетъ такое дѣло, что приходится и всею деревнею сбиться въ слогу, и тогда неводъ дѣлается мірской. Ловитъ въ здѣшнихъ мѣстахъ крестьянинъ и неводами различныхъ величинъ и свойствъ: и чапомъ, и керегодью, и калигами, и бродникомъ, и поѣздками; лѣтними почами ѣздятъ также лучить рыбу острогою, и такой способъ лова на всѣхъ озерахъ практикуется съ успѣхомъ — и повадливо, и душѣ охотно, весело. Такъ ли, этакъ ли, а только безъ рыбы и рыболовства пожалуй въ конецъ запропалъ бы русскій человѣкъ въ Озерной области, а теперь ѣстъ онъ ее съ семьею до отвалу, а избытки

и скупщикамъ продаетъ на потребу столичныхъ и иныхъ городскихъ лакомокъ. Правда, что не осталась рыбная пища безъ вліянія на здоровье крестьянина; рыба у него и хлѣбъ и мясо, на рыбѣ вся его жизнь построена — рыбная болѣзнь по Озерщинѣ и сказалась; только и слышишь, что червемъ (солитеромъ) человѣкъ болѣзнуетъ, только и видишь, особливо тамъ, гдѣ мука дорога и подвозъ ея неспособенъ, что сохнетъ человѣкъ и вянетъ «отъ рыбнаго червя». Въ широкихъ и въ малыхъ рѣкахъ Озерщины водится и еще одинъ житель, который хоть съ виду и не великъ, а вкусомъ удачливъ. Рака ловить — особая сноровка нужна, и тутъ опять дѣло мастера боится. Ловятъ его въ каменистыхъ рѣчкахъ Озерщины и въ большихъ и малыхъ ея озерахъ. Нарѣзалъ крестьянинъ палочекъ, чтобы онѣ до дна доставали, навязалъ къ концамъ говядины позабористѣе, да и натыкалъ палочки въ воду съ берега, а самъ по берегу ходитъ, да поглядываетъ, не подвинулся ли къ лакомому кусочку ракъ-черноусъ; тутъ его брать еще не время: чуть зашуми или воду замути — уйдетъ въ нору и наружу низачто не выползетъ. Коль сидитъ ловецъ на берегу смирненько да тихонько, такъ и ракъ храбрѣе за дѣло возьмется: насядетъ онъ на приманку и ѣсть ее станетъ — тутъ ужь только подхватывай его сочкомъ, да въ корзинку съ мохомъ складывай. Иное дѣло коли выдалось озеро или обычай сталъ отъ стариковъ — тутъ рака ночью больше лучить приходится. На это дѣло и баба годится, и дѣвка, и мальчикъ подростокъ; и старъ, и младъ наберутъ къ ночи сосновыхъ вѣтокъ или лучины посмолистѣе, да и идутъ къ рѣкѣ на веселую забаву; засучили бабы подолы, мальчонки штанишки долой, зажгли лучины и вѣтки и пошли они въ воду, освѣщая себѣ путь огнемъ, отъ котораго ни одинъ спящій черноусъ не спрячется; увидали его соннаго, да забрали руками въ кошолку, благо онъ сонный лѣнивъ да не увертливъ.

И иными промыслами питается житель Озерной области: сводитъ лѣсъ, сплавляетъ его и наконецъ въ немъ полѣсуетъ, охотится, бьетъ и птицу и звѣря. Лѣсъ рубятъ зимою и вывозятъ къ сплавнымъ рѣчкамъ, чтобы въ половодье выпустить его на полую воду и согнать къ большой рѣкѣ, гдѣ его свяжутъ въ кошели или плоты и сплавятъ до Питера или до другаго торговаго пункта. Быстро несутся десятки тысячъ бревенъ къ порогамъ, а сотня цѣлая рабочихъ съ баграми въ рукахъ отталкиваютъ ими отъ береговъ причаливающія бревна; все идетъ благополучно. Но вотъ и пороги; съ шумомъ и плескомъ перескакиваютъ бревна, словно игрушки, черезъ камни порога; но вотъ одно бревнушко зацѣпилось за камень — стало какъ-то нырять, да окунаться, да самою головою въ луду угодило и стало; къ нему пристало другое, третье, сотня, тысяча даже; одно на другое взгромоздились бревна — словно гора стала на порогѣ. Закопошился народъ на берегу, готовитъ лодку — надо разломать «заторъ». Лодка отчаливаетъ, ребятушки на всякій случай крестятся. Бойко вскакиваютъ они на заторъ и баграми начинаютъ разламывать его; бревно за бревномъ, словно въ бирюльки играютъ, отколупываютъ рабочіе отъ затора; послѣдній все уменьшается, — наконецъ остается всего десятокъ бревенъ. Тогда лодка отчаливаетъ и съ трудомъ догребаетъ до берега, а на заторѣ остается одинъ, много двое и притомъ самыхъ молодцовъ. На берегу снова крестятся, да такъ неистово, что словно за упокой души молятся. Вотъ заторщикъ—главный воротила всей артели колупнулъ, напослѣдокъ, бревно, на которомъ онъ стоитъ, отрывается и съ быстротою молніи несется внизъ по теченію. Молодчина крѣпко втыкаетъ въ бревно багоръ свой, устанавливается покрѣпче на ногахъ и, стоя, проносится по порогу. Крикъ одобренія вырывается у зрителей, да и есть чему, признаться!

Кажется, дала природа лѣсъ на потребу человѣку; какъ бы вокругъ его не питаться? а на самомъ-то дѣлѣ плохо питается русскій человѣкъ отъ лѣсу, такъ плохо живетъ, что почти ѣсть нечего. Все захватили въ свои руки капиталисты; всюду задатки сдѣлали изъ крестьянина кабальника, который при всемъ своемъ желаніи никогда не выйдетъ изъ денежной кабалы у хозяина лѣса и сплава; такъ чуть дышитъ русскій человѣкъ подлѣ того, что могло бы при другихъ условіяхъ даровать ему благосостояніе. Съ каждымъ годомъ все глубже и глубже

На требу!

врубается топоръ промышленника въ лѣса Озерной области, и тамъ, гдѣ еще недавно росло нетронутое чернолѣсье, теперь едва держится мелколѣсье, негодное даже и на дрова. Не говоря уже объ окрестностяхъ Петербурга, но даже и ближайшіе къ нему уѣзды другихъ губерній истощены лѣсомъ, и слѣдуетъ бояться, что очень скоро такой огромный районъ, каковъ Онежскій, будетъ совершенно лишенъ годнаго лѣса.

Громадный центръ Петербурга — этотъ страшный очагъ, сожигающій горючаго матеріала столько же, сколько его требуется для цѣлой трети Россіи, питается лѣсомъ со всѣхъ сторонъ, но главною питательною жилою для его отопленія и для дѣйствія его фабрикъ и заводовъ служитъ несомнѣнно Нева и вся система рѣкъ и озеръ, входящихъ въ ея бассейнъ. По всѣмъ берегамъ Онежскаго и по сѣверному берегу Ладожскаго озера падаютъ лѣса подъ топоромъ промышленника и сплавляются по направленію къ Петербургу, доходя до водъ Онежскаго озера розно, бревнами; здѣсь вяжутъ эти бревна въ кошели по 500 и болѣе штукъ и плавятъ до истока Свири; кошель новое изобрѣтеніе и состоитъ изъ бревенчатаго обода, связаннаго изъ бревенъ же и обхватывающаго собою цѣлую массу несвязанныхъ бревенъ; оно и дешевле, да и опасности въ бурю менѣе. Подошелъ кошель къ Свири — та̀къ его не проведешь и приходится вязать въ плоты съ «головнею» или «харчевою» напереди, гдѣ и народъ отъ непогоды укрыться можетъ, и незатѣйливый харчъ соблюдается, и набольшій у самоварчика балуется чуть ли не во весь путь. Изъ Свири плоты вступаютъ уже въ систему каналовъ, гдѣ встрѣчаются съ сясьскими, тихвинскими и волховскими плотами и слѣдуютъ дальше по Невѣ до Бѣляевскихъ, Громовскихъ и иныхъ биржъ, а зачастую загоняются въ Кронштадтъ на потребу заѣзжаго безлѣснаго Англичанина и Нѣмца. Иное дѣло дрова — ихъ не двинешь изъ Онеги, такъ какъ судовъ морскихъ на озерѣ нѣтъ, а рисковать въ сойминахъ да тихвинкахъ не всякій согласится; дрова чуть ли не всѣ рубятся по Сяси, Тихвинкѣ, Ояти, Волхову и ихъ притокамъ, да еще по русскимъ берегамъ Ладожскаго озера. Рубятъ лѣсъ и въ Псковщинѣ и сплавляютъ его по Чудскому озеру и дальше даже до моря, рубятъ его и во всей Новгородчинѣ и идетъ онъ то системами въ Петербургъ, то въ бассейнъ Волги, то на мѣстныя подѣлки: такъ Осташковецъ ухитрился особыя верхневолжскія суда изъ него строить, а Новгородецъ умудрился въ Соминѣ на соймину, а въ Тихвинскомъ уѣздѣ на тихвинку и въ Череповскомъ, по рѣкѣ Унжѣ на унжанку; все это лѣса съѣдаетъ много, работы крестьянской еще того больше, а крестьянинъ все не сытъ, не голоденъ и вѣчно работаетъ на всѣхъ.

На его же потребу народилъ Богъ въ лѣсу звѣря и птицы всякой, да все никакъ русскій человѣкъ дѣло въ руки свои не возьметъ, а и тутъ бьется изъ-за гроша мѣднаго, изъ-подъ подрядчика, скупщика и кулака. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ народъ отъ охоты живетъ, еще лѣтомъ начинаютъ разъѣзжать прикащики отъ крупныхъ торговцевъ; пріѣхалъ прикащикъ къ крестьянину — сейчасъ сѣли за самоваръ, какъ слѣдуетъ быть. «Да ты бы, Кузьма, у меня деньжонокъ взялъ!» предлагаетъ ласково прикащикъ. «На кой ихъ мнѣ?» отговаривается крестьянинъ, порѣшившій было отчураться отъ заѣзжаго скупщика и вести дѣло на свой страхъ, на вольныя цѣны. «Да, бери, коли даютъ — послѣ сочтемся на промыслѣ.» А тутъ мужику на умъ придутъ нуждишки разныя, да бабины причитанья о домашней бѣдѣ да недостачѣ. Всучитъ таки прикащикъ деньги, потому что въ томъ-то его и вся служба хозяину заключается. Такъ около октября мѣсяца снова ѣдутъ прикащики по селамъ, деревнямъ и поселкамъ. «Ну что, Кузьма? какъ дѣла? много ли наполѣсовалъ?» справляется прикащикъ у крестьянина опять таки за неизмѣннымъ самоваромъ. Начинается затѣмъ разсчетъ, какъ угодно прикащику — мужикъ въ накладѣ, прикащикъ радуется, что дѣло обработалъ, а въ барышахъ только скупщикъ одинъ, который возьметъ рубль на рубль. Бьетъ крестьянинъ всякую дичь и всякаго звѣря — бьетъ ихъ малопульною винтовкою или ловитъ настями и силками. Винтовка по большей части собственной подѣлки, покроя стариннаго. Часто стволъ привязанъ къ ложу веревочкою, а то и берестяною свивкою; капсюльный бой встрѣчается рѣдко. Изъ карабиновъ и двустволокъ

стрѣлять вовсе почти не умѣютъ, но изъ своей винтовки бьютъ напримѣръ бѣлку непремѣнно въ ротъ, чтобы не испортить шкурку; рябчика — въ голову, медвѣдя — между глазъ. Въ лѣсныхъ мѣстахъ почти всѣ занимаются полѣсованьемъ; мальчуга малый и тотъ поровитъ какъ нибудь сладить силокъ; иной у отца винтовку утащитъ, удеретъ въ лѣсъ съ однимъ зарядомъ, подкрадется къ бѣлкѣ, либо къ рябцу-ельнику или сосновнику и угодитъ выпалить навѣрняка, да такъ еще, чтобы и шкурки не продырявить. Кончается тѣмъ, что, къ годамъ пятнадцати-шестнадцати малый бьетъ безъ промаха и добываетъ себѣ у заѣзжаго купца на Шунгѣ ружьишко изъ тульскаго брака, а то пріобрѣтетъ его и отъ сосѣда, сколотившагося на что нибудь болѣе путное, чѣмъ его старинная «связная» лыкомъ винтовка. Съ этимъ смертоноснымъ, какъ для дичи, такъ и для охотника, оружіемъ бродитъ полѣсовщикъ цѣлыя недѣли по лѣсамъ и моховымъ болотамъ края, бьетъ и птицу, и звѣря и работаетъ будто на себя, а больше на купца скупщика. Сидитъ крестьянинъ на лабазѣ и поджидаетъ надъ падалью медвѣдя, бьетъ его изъ большепульной винтовки, борется съ нимъ и рогатиной и топоромъ; знаетъ всѣ повадки звѣря, словно и вѣкъ свой прожилъ съ нимъ; не брезгаетъ и выдрою, и горностаемъ. Рябца, тетерку и другую птицу бьетъ полѣсовщикъ для мяса, и только въ послѣднее время стали въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Олонецкой губерніи бабы собирать пухъ и перо, которые потомъ подкрашиваются немного (перо общипывается и во второй сортъ пуха идетъ) и продаются по 8 р. за фунтъ. Яйца берутъ на свой домашній обиходъ, а въ продажу не пускаютъ, да на этотъ товаръ и охотниковъ нѣтъ. Звѣриное мясо ѣстъ крестьянинъ самъ, кромѣ зайца, котораго почитаетъ нечистымъ, да медвѣдя, про котораго увѣряетъ, что онъ оборотень и былъ когда-то человѣкомъ; шкурку обдерутъ, да и пошлютъ къ умѣлымъ людямъ. На выдѣлку шкурокъ куда ловки Каргополы и Вологжане. Какъ только наступятъ холода, такъ и появляются по тѣмъ поселкамъ, гдѣ народъ издавна полѣсованьемъ занялся, «обиралы» или изъ мѣстныхъ богачей, или же изъ пріѣзжихъ прикащиковъ, которые собираютъ дичь и шкурки и подряжаютъ подводы или въ Шунгу на ярмарку, или прямо въ Петербургъ. Недолго полежатъ шкурки въ подвалахъ шунгскихъ; глядишь — черезъ денька три потянулись обозы въ Каргополь, а обдѣлаютъ ихъ — тогда ужь имъ вольный путь и на Москву, и въ Питеръ.

Суровый климатъ да нелегкая жизнь наложили свою печать на жителя Озерной области. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ рыбки есть вволю и гдѣ живется получше, тамъ и крестьянинъ заявился и ростомъ повыше, и лицомъ почище; тутъ можно встрѣтить людей ростомъ въ 1800 мм., красивыхъ, дебелыхъ, да и женщины за себя постоятъ — на мужской работѣ не примаются, грести станутъ — душа радуется—что ни взмахъ весла, то сажень съ лишечкомъ. Что ни дальше на сѣверъ подаешься, то народъ статнѣе становится, точно также, какъ и въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ осталось еще старинное исконное новгородское населеніе; бѣлозерщина славится своею красотою, а также и приильменьщина и приозерщина во Псковѣ. Поглядѣть если на бѣлозерскихъ женщинъ, когда онѣ выйдутъ въ хороводъ въ своемъ живописномъ костюмѣ — подумаешь, что тутъ-то именно и списалъ нашъ незабвенный поэтъ свой портретъ «русской славянки» — красавицы. Русые волосы, чистое, открытое лицо то съ карими, то съ голубыми (преимущественно темныхъ оттѣнковъ) глазами, съ богатою растительностью волосъ и привлекательною ихъ кудреватостью, большой, но правильный носъ—вотъ тотъ типъ, въ которомъ вездѣ и всюду узнаешь исконнаго жителя приозерщины. Но въ то же время и на ряду съ этимъ характернымъ типомъ является въ той же мѣстности наблюдателю и другой, совсѣмъ на него не похожій и носящій на себѣ всѣ признаки стародавней помѣси съ туземцами и тѣхъ еще неизвѣданныхъ вліяній, которыя оказываетъ одинъ типъ на другой безъ содѣйствія смѣшанныхъ браковъ или скрещиваній. Выцвѣлъ какъ-то здѣсь русскій человѣкъ глазами, явилась какая-то несвойственная ему раскосость глазъ, плечи усутулились, и ростомъ-то онъ сталъ какъ-то пониже, бороденка искрочилась и порѣдѣла — все обличье приняло внѣшній видъ сосѣда Финна, отъ котораго въ иныхъ случаяхъ и не отличишь русскаго человѣка.

Церковный сборщикъ.

Одѣлся русскій человѣкъ, какъ и вездѣ въ иномъ мѣстѣ, и только у бабы появилась смотря по мѣстности отличка, да и то лишь въ головномъ уборѣ; великорусскій кокошникъ во всѣхъ его переходныхъ формахъ, начиная отъ простой тугой ленты до торопецкаго шлыка съ подборами и подзатыльниками изъ низанаго бисера, а у иной побогаче и изъ цвѣтныхъ камней съ жемчугомъ, и только въ Бѣлозерьѣ выродился онъ въ вѣнецъ, такъ что бабы что царицы твои ходятъ. Кое-гдѣ по лѣсамъ запасся русскій человѣкъ особою выдумкою, которая тотчасъ выдастъ Заонежанина и череповскаго жителя; отъ комаринаго и мошкатнаго укуса приспособилъ онъ себѣ для головы особый полотняный башлыкъ, похожій впрочемъ болѣе на женскій монашенскій апостольникъ, называемый «куколемъ»; заѣла бы его мошкара проклятая безъ куколя! Есть и еще одна типичная особенность въ костюмѣ, которую принялъ русскій человѣкъ у туземца; увидалъ онъ, что Чудинъ поверхъ всякаго платья напяливаетъ на себя еще холщевый балахонъ, и любъ ему показался этотъ балахонъ, такъ любъ, что и самъ онъ тѣмъ облакомъ позаимствовался и Оятьскаго жителя иной разъ отъ кровнаго Чудина не отличишь.

Помолвка.

Поселился русскій человѣкъ въ Озерной области розно, смотря по достаткамъ, но по большей части типъ жилища все одинъ и тотъ же, и разница лишь въ томъ, что есть дома двухстройные, есть и одностройные (двухъ и одноэтажные). Живетъ крестьянинъ то маленькими деревнюгами (на сѣверѣ), то изрѣдка и большими селами, смотря по тому, нужна ли ему была слога или явился онъ въ край колонизаторомъ и піонеромъ, такъ что ему привольнѣе было занять и земли побольше, и охотничьяго приволья пошире. Въ рыбныхъ мѣстахъ встрѣчаются села большія — иначе и быть не могло, такъ какъ для рыбнаго лова требовались соединенныя силы и въ одиночку не осилить озернаго добраго невода. Селились здѣсь больше тамъ, гдѣ находили почву, возможную къ обработкѣ; чуть сележная земля выдалась, того и смотри, что нибудь увидишь зароды (пашни) или дымокъ, а гдѣ дымокъ да зароды, тамъ недалеко и деревня. Обидѣла природа землею, такъ не обидѣла она здѣшняго крестьянина строевымъ богатствомъ, лѣсомъ, а потому и поселился онъ въ большинствѣ случаевъ такъ, какъ иной помѣщикъ въ южныхъ мѣстахъ не селится. Видно, что выстроился онъ здѣсь надолго, что не уступитъ онъ никому своей осѣдлости, а напротивъ того всякую Чудь-бѣлоглазую споровился отогнать отъ своего сельбища подальше и занять ея сележную землю и покосы. Не боялся онъ здѣсь ни хановъ, ни баскаковъ, ни иной татарской силы, а потому и выстроился здѣсь хозяйственно, стойко и на многія лѣта. Первое, что сразу поражаетъ небывалаго человѣка — это необыкновенная чистота половъ, стѣнъ и утвари. Это не то, что хижина

Сговоръ.

нашего центральнаго и южнаго крестьянина. Здѣсь изба чистенькая, уютная, широко задуманная, ловко излаженная, удобная для ночлега, свѣтлая, теплая, безъ запаха прогорклаго дыма, съ печью; изба могущая, однимъ словомъ, легко поспорить съ любымъ постоялымъ дворомъ любаго уѣзднаго города. Кромѣ самаго жилья, у всякаго, даже у самаго небогатаго крестьянина найдется рига, баня и амбарушка. Жилую избу свою строитъ всякій небѣдный человѣкъ съ запасцемъ, чтобы хватило, видно, мѣста на всѣхъ малышей, а также и на тотъ случай, что сынъ придетъ въ возрастъ, настанетъ ему пора «въ домъ взять» — такъ чтобы и на нихъ хватило мѣста.

Въ особенности на сѣверѣ дробленіе семей и дѣлежки просто немыслимы, такъ какъ только большими семьями здѣсь и жить-то можно; природа сама здѣсь старается, чтобы не допускать дробленія дворовъ и хозяйствъ, и чуть ли не успѣшнѣе дѣйствуетъ, нежели всѣ мировые посредники, управы и другіе крестьянскіе доброжелатели. Подъ жилымъ домомъ понимаетъ здѣсь русскій человѣкъ избу, одно или двухъ-этажную, сѣнную связь и сарай съ дворомъ и хлѣвами. Изба всегда строится квадратная, а стѣны ея проведетъ хозяинъ въ длину сажени на три, на четыре. Полъ тоже зря настилать не станетъ, а подниметъ его сажени на полторы отъ земли и займетъ все подполье либо лѣтниками или лѣтними горницами, либо скарбовымъ кутомъ. — Въ самомъ жильѣ, въ горницѣ вышина отъ пола до потолка доходитъ до двухъ саженъ, такъ что дышать всей семьѣ есть чѣмъ. Оконъ въ избѣ много. Во всякой горницѣ, какъ издари повелось чуть ли не по всей землѣ Русской, есть «большой уголъ» — мѣсто почетное, такъ какъ здѣсь образа помѣщаются, да и свѣту больше. Въ заднемъ углу помѣщается громадная печь. Лавки и здѣсь по всѣмъ четыремъ стѣнамъ приспособлены для сидѣнья, а подъ ними зачастую найдутся и краморы. Устье печи всегда обращено къ заднему углу; къ другой сторонѣ печи, которая обращена къ двери, придѣлываются, пониже верхней площади печи полати, во всю длину ея лавка въ аршинъ шириною, называемая «прилавкомъ» — было бы гдѣ рабочему человѣку и привалиться, да Сну со Дремой помолиться.» Въ полу, зачастую, подъ прилавкомъ дѣлается прорубъ такой же величины, какъ и прилавокъ; надъ прорубомъ устраивается рундукъ въ поларшина вышиною отъ полу; затворяется онъ ставнемъ, который извѣстенъ подъ названіемъ «подпольницы»; внизъ же подъ полъ прилаживаются ступени, ведущія въ нижнія краморы. Если мужикъ живетъ побѣднѣе, то и уголковъ и краморовъ ему столько не нужно и потому нижней краморы у него не имѣется, хотя полъ и поднимаетъ онъ высоко надъ землею. Сѣнная связь пристраивается къ той стѣнѣ избы, въ которой вырублена дверь; она состоитъ собственно изъ сѣней и двухъ кладовыхъ, обращаемыхъ лѣтомъ въ лѣтнія горницы, а зимою въ краморы. Если хозяинъ человѣкъ запасливый, то онъ въ одной изъ кладовыхъ прорубитъ окна и устроитъ въ ней жилую чистую горенку или боковушу, безъ которой ни одинъ сколько нибудь состоятельный крестьянинъ здѣсь не обойдется: въ боковушѣ онъ спитъ послѣ обѣда, боковуша въ жары — укромное мѣстечко, гдѣ ни комаръ, ни муха не жалитъ и гдѣ прохладка дастъ сонъ тихій и спокойный; покройся потеплѣе, такъ пожалуй и зимою боковуша свою службу сослужитъ. Если изъ свѣтлаго чулана задумаютъ сдѣлать боковушу, то прежде всего сложатъ въ немъ кирпичную печку съ выводомъ, а стѣны при самой рубкѣ замшатъ, чтобы не сквозило; здѣсь уже нѣтъ ни полокъ, ни воронцевъ и лавки нерѣдко замѣняются самодѣльными стульями. Главную принадлежность этой горницы составляютъ самоваръ и небольшой шкафикъ съ чайными чашками: это вообще столовая, гостиная и пріемная комната. Вездѣ и повсюду въ Озерной области въ сѣняхъ на поларшина отъ самой избы прорубается дверь для выхода на улицу, гдѣ вдоль стѣны примощается крытое крылечко съ лѣстницею, а въ сѣверныхъ мѣстностяхъ той же области на противоположной стѣнѣ тоже прорубается дверь въ сарай и во дворъ; для спуска въ послѣдній устраивается особая лѣстница. Подъ тою половиною сарая, которая ближе къ избѣ, находится дворъ, а подъ даль-

Калики перехожіе.

нею ставятся хлѣвы, входъ въ которые устраивается со двора; тутъ скотинѣ и привольно и чисто; припасенъ телушникъ, чтобы уберечь молодикъ съ маткою отъ стужи. Для въѣзда съ улицы въ сарай дѣлается бревенчатая кладка или взъѣздъ. Въ сараѣ держатъ солому и сѣно, убираютъ туда же сани, дровни, сохи и всякій хозяйственную утварь. Въ Олонецкой и отчасти въ восточныхъ уѣздахъ Новгородской губерніи (Тихвинскомъ и Бѣлозерскомъ) иной крестьянинъ побогаче не удовольствуется и двумя этажами и дѣлаетъ еще одинъ надстрой; тутъ уже непремѣнно, кромѣ сѣнецъ, есть одна или двѣ боковушки, а въ иныхъ раскольныхъ мѣстахъ кельи, гдѣ либо отъ комаровъ и мухъ, либо въ послѣднемъ случаѣ отъ грѣховъ сего міра спасается хозяинъ. Видно, и по другимъ хозяйственнымъ пристройкамъ въ Озерной области, что лѣсомъ здѣсь хоть рѣки пруди; рига напримѣръ состоитъ изъ собственно риги и такъ называемаго гумна; ригу норовятъ срубить квадратную, а полъ въ ней на аршинъ отъ земли поднимаютъ, чтобы не прѣлъ, да чтобы можно было въ ней печь смастерить; печь выводятъ въ ней устьемъ пониже пола и употребляютъ на нее то отломки мѣстнаго камня, а то и просто кирпичъ; окна въ ригѣ прорубаются различныя: одно большое, чтобы снопы швырять было вольготно, а другое — поменьше для дыму; снопы кладутся не прямо на полъ, а на жерди. Баня состоитъ обыкновенно изъ двухъ отдѣленій — сначала сѣни, которыя предназначаются для раздѣванья и затѣмъ уже самая баня.

Пища — дѣло дневное: «попѣ быкъ, а на утро взвылъ!» толкуетъ русскій человѣкъ, а потому и ѣстъ онъ смотря по достатку и промыслу; мукой не богатъ онъ, а потому хлѣбъ и поберегаетъ. Рѣдко когда питается озерникъ всю зиму своимъ собственнымъ хлѣбомъ, а то больше все покупаетъ въ лавкахъ да по базарамъ привозный, — изъ Волжскаго низовья. Рыбы у озерника вдоволь; охотливъ онъ и на мясо, да не всегда оно у него имѣется; охотникъ изъ дичи рѣдко когда что зажаритъ или сваритъ; если иной дичи хоть и некуда продавать, а все же таки ѣсть ее русскій человѣкъ не станетъ; дичина частая — заяцъ, а только ѣсть его грѣхъ, такъ какъ заяцъ вѣдь прежде кошкой былъ, да и теперь, какъ его обдерешь, такъ на нее смахиваетъ; опять тоже вотъ и гагара: бьютъ ее на пухъ и перья, а мясо кидаютъ, такъ какъ ѣсть ее грѣхъ: она поганая, у нея изъ непоказаннаго мѣста ноги растутъ. И много чего не ѣстъ русскій человѣкъ, то потому, что грѣхъ, а то и не вѣсть почему, въ то время какъ сосѣдъ его Финъ не брезгаетъ и питается благодаря этому много лучше.

Пустаго мѣста русскій человѣкъ не оставилъ и чуть ли не всякую былинку снабдилъ своимъ особеннымъ божкомъ-чертикомъ, который, смотря по почтенію къ нему, является то добрымъ и милостивымъ, то злымъ и немилостивымъ. Всѣ рѣчки свои, лѣса, озера, лощинки и болота, а также и сележныя свои усадьбы и части ихъ населилъ русскій озерный человѣкъ всѣми возможными духами, которымъ и кличку далъ по тому, какое мѣсто жительства облюбилъ духъ и гдѣ поселился; даже убогую ригу свою и неизбѣжную баню не оставилъ онъ безъ нечистой силы и въ первой поселилъ вѣчно чѣмъ-то недовольнаго ригачника, а во вторую поселилъ, напротивъ того вѣчно веселаго банника, который вѣчно школьничаетъ, заигрываетъ съ моющимися бабенками и дѣвками, тузитъ строгихъ мужей, строитъ разныя каверзы съ подпившимъ мужикомъ, принадлежитъ къ чертямъ — славнымъ малымъ и по странному весьма совпаденію всегда походитъ и лицомъ и видомъ на одного изъ деревенскихъ парней, покрасивѣе, поудалѣе и нахальнѣе. Обиліе чертовщины надо было объяснить, и вотъ никогда не задумывающійся надъ объясненіемъ чего либо мудренаго русскій человѣкъ сплелъ цѣлую исторію о томъ, что у «Адамія» послѣ грѣха народилась цѣлая куча дѣтей, которыхъ ему показать на людяхъ стыдно было; вотъ онъ и придумалъ попрятать ихъ отъ Бога и ангеловъ: кого въ ригу, кого въ баню подъ каменку кого въ озеро, кого въ болото, а кого въ лѣсъ и въ бучило подъ мельницею. Однако Бога ему провести не удалось, осерчалъ Господь на Адамія не на шутку, да въ наказаніе зарокъ на нихъ и наложилъ, такъ на вѣчныя времена тамъ ихъ и оставилъ, гдѣ самъ отецъ ихъ запряталъ». Всякая чертовщина любитъ табакъ: хлѣбомъ чорта не корми, а коли

хочешь отъ чорта какой помощи, посыпь въ бучило этого зелья, онъ подхватитъ и всякую службу жертвователю отслужитъ. «Всѣ рѣки зельемъ опоганили, сынавии», толкуютъ озерные старовѣры и безпоповцы, намекая, что сильно надобится въ нынѣшнее время людямъ нечистая сила. Черти не все сидятъ безъ дѣла, и на нихъ долю работа выпадаетъ, благодаря тому, что человѣкъ безъ нихъ не обойдется: то надо уберечь скотину облюбленную, то рѣченку новую пробуравить, а то и иная какая подѣлка найдется: лютаго мужа во снѣ подушить, дѣвкѣ о полночь парнемъ любимымъ представиться, а парню — дѣвушкою, всю ночь вдовѣ молодой покою не дать. Есть лошади, коровы, состоящія подъ особымъ покровительствомъ и вѣдомствомъ того или

Дѣвичникъ.

другаго чёртенка, а изъ дикихъ животныхъ рѣдкое своего особаго покровителя имѣетъ, а всѣ помаленьку у чертей въ охранѣ; развѣ вотъ только сычъ, говорятъ, вѣдьминъ котъ, да гагара пользуется особымъ покровительствомъ водянаго; ее убить нельзя — водяной ее бережетъ. Главная работа въ здѣшнихъ водныхъ мѣстахъ выпала ужь конечно на долю водяныхъ, которые блюдутъ стародавнія воды, а иногда и новыя озера и рѣки дѣлаютъ; такого происхожденія очень много и рѣкъ, и ручьевъ, и озеръ; то ручей пробьетъ себѣ новое русло, то озеромъ раскипется недавняя болотина, то на старой рѣкѣ камней наворочаетъ, чтобы вода вся не вытекла, да чтобы его люди не тревожили. Но есть ручьи, родники и цѣлыя озера иного происхожденія: то Илья пророкъ громомъ подъ корень ударитъ и ручей потечетъ, то Егорій Храбрый съ конемъ проскачетъ, конь копытомъ ударитъ, и опять же изъ подкопыти родникъ побѣжитъ; то все воды священныя и помогаютъ отъ разныхъ болѣзней; да и отличить-то такія воды нетрудно: тутъ вода чистая, хоть глядись въ нее, а въ подѣлкѣ водянаго вода мутна и ржава.

Если мы попристальнѣе вглядимся въ отношеніе жителей Озерной области къ церкви, то увидимъ, что за немногими лишь исключеніями оно можетъ быть признано болѣе или менѣе безразличнымъ, или же чуть не враждебнымъ. Безразлично относится къ ней народъ торговый, подгородный, искусившійся въ злобѣ дня большихъ центровъ, а враждебно тотъ, что издавна объявилъ себя ея врагомъ, сожигался въ трубахъ и уходилъ отъ нея въ лѣса, т. е. старовѣръ-безпоповецъ. Гдѣ же въ иномъ мѣстѣ услышишь такую насмѣшку надъ попомъ и вообще церковникомъ, гдѣ же могли сложиться эти массы легендъ и анекдотовъ, глумящіяся если не надъ церковью, то надъ ея служителями. «У попа спереть—пять грѣховъ простится», говоритъ Новгородецъ съ Волхова, и хотя не вѣритъ въ дѣйствительность рѣченья, а все налаживаетъ, чтобы у попа украсть; попъ-де богатъ — безъ него ни родиться, ни жениться, ни въ домовину ложиться. При иномъ почтительномъ отношеніи къ дѣлу развѣ могъ бы сложиться такой анекдотъ: Встрѣтились двое крестьянъ, не видавшись очень

долго другъ съ другомъ. Всѣмъ землякъ: по головѣ землякъ! (опять таки раскольничій истовый покрой). Да ты чей? — «Ваньки Торбана сынъ!» — Такъ ты мнѣ побратень. Ну, какъ слѣдуетъ быть, поцѣловались. — Все ли дома по-добру по-здорову? — Всѣ по-здорову — сынишка не здоровъ малость сдѣлался, безъ ногъ, безъ рукъ; матка отъ батьки убѣгла; брата Ваську рѣшили... За что? — За горло! — Тьфу! дуракъ! не про то! за дѣло за како! — Дѣло-то плево, да судъ-то паскудный! церковку обокралъ: ризу, да дымило, да съ Христовой Матки кокошникъ снялъ! Рѣдко, рѣдко, да и то въ исконной Новгородчинѣ и Псковщинѣ, гдѣ какъ исключеніе осталось стародавнее населеніе, а все больше живетъ народъ пришлый, къ дѣламъ религіозной об-

Прибытіе колдуна въ деревню.

рядности относятся строго; и церквей настроятъ, и попа, и всякій обрядъ справятъ какъ положено по правиламъ церковнымъ, какъ повелось изстари, какъ дѣды и отцы — люди умные наказали. А больше все либо недосугъ, либо зазорно; дѣловой народъ за невременемъ отлынивает, а раскольникъ — за непринадлежностью. Только одинъ завѣтъ церкви, да и тотъ вѣдь не отъ церкви пошелъ, а «отъ самого Христа-Царя небеснаго», одинъ только завѣтъ исполняетъ и богатый и бѣдный, и великій и малый, никоніанинъ и безпоповецъ, и лодырь, и дѣлецъ: если кто воимя Христово питается, и накормятъ, и напоятъ, и отъ своихъ трудовъ праведныхъ что по силѣ дадутъ. Бѣда ли стряслась надъ человѣкомъ, или отъ рожденья онъ слѣпенькимъ родился — есть въ душѣ всякаго откликъ, особливо когда если вздумаетъ онъ не такъ, зря милостыни просить, а сказывать о божественномъ, пѣть сладкіе стихи духовные. Собралось такихъ небогъ пять-шесть штукъ во товарищахъ—«блаже скопомъ пѣть, пиже единогласіемъ», выискали себѣ мѣстечко попароднѣе и затянули своими дребезжащими голосами пѣсни про любимцевъ народныхъ: Егорія Храбраго, Алексія человѣка Божія и иныхъ. А подлѣ пѣвцовъ чашки понаставлены — ждутъ доброхотнаго дателя: авось замигаютъ бабьи глаза, услыша жалкія слова пѣсни, авось тронется сердце, услыша про скитанія и страданія Алексія Божія человѣка? застукаютъ объ деревянныя чашки копѣечки и тотчасъ разберетъ привычное ухо каликъ, много ли въ чашечку на нихъ долю попало. Ужь и нищему не подать — грѣхъ великій, а слѣпцу — каликѣ Божьему и вовсе зазорно передъ людьми и передъ Богомъ негоже. Сами калики утверждаютъ въ этомъ мнѣніи народъ русскій, который смотритъ на нихъ, какъ на Божьихъ посланниковъ, и словамъ ихъ придаетъ такую же вѣру, какъ и вообще всему «Божественному». Всѣхъ людей надѣлилъ Спаситель разными талантами, разными богатствами и всѣхъ отпустилъ отъ себя съ миромъ. Вѣчный заступникъ за нищую братію, вѣчный пособникъ слабаго противъ сильнаго, Іоаннъ Богословъ напомнилъ тутъ Христу, что забылъ Онъ про

нищую братью; хочетъ дать ей Христосъ и рѣки медвяныя, и другія прелести жизни, но Іоаннъ утверждаетъ, что все это отберутъ у нихъ сильные и богатые — не дадутъ имъ попользоваться благами и дарами Христовыми; «ты дай-ка имъ лучше свое имечко святое,» совѣтуетъ Іоаннъ, и Христосъ даетъ имъ свое имя для прокормленія. Ну какъ же не подать тому человѣку, который удостоился такой почести, какъ не поболѣзновать излюбленной Христомъ нищей братіи, «Христовымъ родственничкамъ», а иногда и «братикамъ». И сыплятся народныя копѣйки въ деревянныя чашки каликъ, юродивыхъ, нищихъ, странниковъ, слѣпыхъ и зрячихъ, колченогихъ и сухорукихъ, больныхъ и здоровыхъ, благо спросъ ихъ идетъ во имя Христово, благо ближе ихъ ко Христу никого нѣтъ.

Какъ почувствуетъ баба, что приведется ей въ скорости дать Озерной области новаго насельника, а Руси — новаго страдомника — должна баба по старому, издревле заведенному обычаю подготовиться; тутъ бабѣ попоститься цѣлую недѣлю полагается отъ старыхъ и умныхъ людей, потому хоть отъ Бога ей рожать и не вовсе заказано, а только и простору не дано, а лишь допущено, дозволено. На четвертомъ мѣсяцѣ гляди баба въ оба, какъ ребенокъ перевернется: коли въ полдень — быть ему полнымъ, на зарѣ — озорѣ (озорникъ), въ ночь — дочь. Коли вздумается ребенку перемѣнить положеніе въ избѣ у печки — дочь будетъ и хозяюшка, коль у порога — на выходъ скоръ будетъ ребенокъ, тѣмъ же путемъ скоро на погостъ понесутъ, на лавкѣ — лѣнивъ будетъ, въ полѣ — сильный, дюжій мужикъ будетъ, въ лѣсу — въ монахи пойдетъ, а въ закутѣ — въ тюрьмѣ насидится. На всякое мѣсто есть примѣта, и благодаря ей хорошая мать всегда знаетъ будущую судьбу своего ребенка. Когда же роды приступятъ, свѣчку вѣнчальную затеплить передъ иконами, а коли достатку хватаетъ да церковь близко, то и двери царскія въ церкви той отворить; ино дѣло толкуютъ знахарки и про другую споровку; говорятъ, хорошо бабочку поймать въ горницѣ, да на волю выпустить, муху жужжалицу изъ пауковой паутины выпутать, божью коровку, коли не парокомъ найдешь ее на спинку перевернутою, на ножки поставить, на листокъ посадить. Чтобъ силенъ, да крѣпокъ ребенокъ былъ, повелось изстари дать ему жвачки изъ ржанаго хлѣба и водочки капельку въ ротъ впустить. Родился наконецъ ребенокъ: отцу радость, а матери — вдвое того; мыть его надо тоже съ опаскою и не въ простой водѣ; на то и знахарка или бабка въ домѣ, чтобы все напередъ знать, все по закону сдѣлать. Коли положить въ воду крестовой травы да уголекъ изъ печи, то ребенокъ чистъ будетъ передъ Богомъ, да и домашній стародревній божокъ, что въ печуркѣ живетъ, любить его будеть и жаловать; тоже и, вынувъ ребенка изъ корыта, зря его не завертывай и въ колыбку не клади, а сунь прежде головою въ чело печи — было бы время съ нимъ домовому познакомиться, за свое признать, а то, бываетъ, не признаетъ, да ночью и задушитъ. Глядя по здоровью, мать или 9 дней лежитъ, или же и на третій встанетъ, но вплоть до молитвы въ большой уголъ не садится, ѣстъ и обѣдаетъ у печки, руками соли изъ солоницы не беретъ, пока «попъ отъ грѣха не отчитаетъ, молитвы не дастъ.» Такимъ-то побытомъ родится русскій человѣкъ въ Озерной области, а растетъ онъ также, какъ и вездѣ, развѣ съ тѣмъ лишь различіемъ, что воли и нагулу у него побольше и выходитъ онъ будто порослѣе другихъ и покрѣпче.

Сталъ отецъ съ матерью совѣтъ держать — настала пора парня женить, а дѣвку замужъ выдать. Иной человѣкъ позапасливѣе ужь успѣлъ и приглядѣть зятя будущаго или невѣстку, а только лучше его дѣло справитъ баба, которая, коли отецъ не дошелъ, то навѣрное уже все намѣтила. Потолковали родители съ сыномъ и порѣшили на общемъ совѣтѣ послѣ «подъемной» молитвы идти сватать. Первое дѣло — вывѣдать надо, захотятъ ли родители невѣсты свою дочь къ нимъ въ домъ отдать, а потому и начинаются засылы и подсылы, спросы да разспросы и въ концѣ концовъ является убѣжденіе, что мѣшкать нечего, родители не прочь, да и дѣвка согласна. Нарядятся хорошенько жениховы родители, чистенько пріодѣнутся, у иконъ отпуска возьмутъ, помолятся и идутъ за добрымъ дѣломъ въ невѣстинъ домъ, будто

Нищіе.

такъ, для сосѣдскаго погостья, для побывки у хорошихъ людей; идутъ, будто и не ихъ дѣло и бѣда, коли въ этомъ случаѣ да кто нибудь догадается, куда и зачѣмъ собрались родители! добрый человѣкъ, хоть и провѣдаетъ, да мимо пройдетъ, будто и не въ домекъ ему, а иной злой человѣкъ, съ кѣмъ изъ-за горшка ли баба повздорила или мужикъ о праздникъ поругался, такъ нарочно спроситъ: «въ чей, дескать, домъ идете?» ну, тутъ уже прямо домой идти полагается, потому отъ такого сватовства проку не жди, или на пропоѣ не сойдутся, или за ряднымъ поспорятъ и разойдутся, или же невѣста въ скорости зачахнетъ и помретъ, или женихъ съ кругу сопьется. Коли потайнымъ манеромъ удалось дойти до невѣстинаго дома, хорошо бываетъ матери за верею подержаться да ей поклониться, а отцу рукою дверной косякъ прихватить. Постучались, вошли; просятъ желанныхъ гостей присѣсть. У запасливаго хозяина и водочка на тотъ случай припасена и заѣдковъ найдется у бабы, а тутъ, глядишь, и у пришедшихъ тоже карманы топорщатся, и печаточка красная, а то такъ и двѣ выглядываютъ. Добрымъ побытомъ зашелъ разговоръ подходящій о тяжелыхъ временахъ, о ржицѣ, а въ иныхъ охотныхъ или рыбныхъ мѣстахъ о полѣсованьѣ и ловлѣ; прямо, зря на дѣло навалиться — скажутъ, человѣкъ безстыжій, неумный и съ добрымъ человѣкомъ обойтись не умѣетъ. Только исподволь подберутся собесѣдники къ дѣлу: у васъ-де товаръ есть, а у насъ покупщикъ на тотъ товаръ найдется; сладятъ дѣло въ принципѣ, да и пойдутъ перечетъ дѣлать объ рядномъ (приданомъ), о подаркахъ, о запоѣ и о количествѣ вина на всякую пирушку; коли дѣло въ Олончинѣ дѣется, то разговору о винѣ не бываетъ, такъ какъ тутъ вина не пьютъ и въ домъ берутъ и женятъ не для наживы и пированья, а чтобы добрую жену найти сыну, а дочери — мужа; тутъ уговоръ идетъ о приданомъ, а иногда, коли успѣлъ русскій человѣкъ отъ окружной Чуди позаимствоваться, то и о выкупѣ. Сладили дѣло честь-честью, на образа помолились, да и позвали невѣсту, а женихъ давно ужъ у воротъ хоронится, да ждетъ, чтобы его позвали; только было отецъ жениховъ за нимъ идти съ мѣста поднялся, а мальченка, братъ невѣстинъ, что въ дверь подглядывалъ, тутъ и есть; «давай, дѣдко, я его кликну?» Побѣжалъ, покликалъ; вошелъ парень въ избу, подвели его къ невѣстѣ, накрыли одною шубою, чтобы богато имъ напредки жилось и дружно, да сложно; руку невѣстину жениху въ руку вложили, да и благословили по стародавнему обычаю иконою.

Тутъ же на помолвкѣ сговорились родители, когда и сговору быть; рѣшено дѣло промежду себя, надо оповѣстить о семейномъ дѣлѣ добрымъ людямъ, скрѣпить ихъ присутствіемъ порѣшенный договоръ. Взялъ жениховъ отецъ благословенную икону, а мать припасла коровай чистаго ржанаго хлѣба да новую солоницу, положила ихъ на чистый, новый ручникъ и пошли они въ невѣстинъ домъ. Входъ имъ тоже не невозбранный, такъ какъ припасла невѣста изъ своихъ родственниковъ, что помоложе да побойчѣе, парня въ дружки, а дружка дѣло свое знаетъ исправно, чинъ чиномъ всю свадьбу справитъ и гдѣ можно, тамъ заставу жениху и роднѣ его поставитъ. Дружко ясно представитель невѣстинаго рода и хоть и забылъ про тѣ времена, когда приходилось воистину защищать дѣвку отъ чужеродниковъ, желавшихъ захватить ее въ свой родъ, однако чуть не на каждомъ шагу становится жениху и его семейнымъ поперекъ дороги и пропускъ даетъ только за выкупъ виномъ или деньгами. И тутъ въ сговорный день не успѣютъ еще жениховы родители подойти къ извѣстному дому, дружко поспѣваетъ ко входнымъ дверямъ и запираетъ ихъ, словно не будущая родня идетъ; заперъ дверь на запоръ, да и ждетъ гостей дорогихъ. «Что, — кричитъ, — за люди? за какимъ дѣломъ къ намъ пришли?» — Объяснятъ свое дѣло пришедшіе, а дружко и въ усъ себѣ не дуетъ: «не про васъ-де огородъ гороженъ, не про васъ пирогъ въ печь посаженъ». Такъ и этакъ объясняютъ сваты свою нужду: «мы-де сговорились и все дѣло, кажись, сладили.» «Ладили дѣла не ладно, родню позабыли» сказываетъ изъ-за дверей дружко. — Дѣлать нечего, начинаютъ родители жениха подкупать дружко посулами, а онъ крѣпко на своемъ стоитъ, не уступаетъ и дверей не отворяетъ. Наконецъ, послѣ долгихъ переговоровъ, выговоря себѣ иногда

и цѣлый полтинникъ, скажетъ дружко: «подождите, люди гожіе, гости прихожіе; запора мнѣ не поднять, нишь хозяйку позвать.» Подождутъ сваты маленько, глядь — и дверь отворяется, и встрѣчаетъ ихъ на порогѣ и ихъ будущая дочка, у которой хватило силы запоръ поднять, дверь отворить. Къ иконѣ она приложилась, вводитъ она въ избу дорогихъ гостей, родители ея гостей встрѣчаютъ и сажаютъ на почетное мѣсто.

Какъ сядутъ на сговорѣ за столъ, да какъ ударятъ по рукамъ на глазахъ людскихъ — тутъ уже отъ слова повороту нѣтъ и начинается пиршество. Вино по большей части на сговоръ припасаетъ жениховъ отецъ, а заѣдки готовитъ мать невѣстина, хотя зачастую и при-

Лупка яицъ въ Псковской губерніи.

носитъ женихова родня мучицу на пироги и другое тѣсто. Пьютъ и гуляютъ тутъ до поздней ночи: дѣвки — подружки пѣсню поютъ, невѣста съ волею дѣвичьею прощается, плачетъ, причитаетъ и будто горюетъ насказанно, а сама подчасъ и невѣсть какъ рада, что замужъ выходитъ за такого молодца добраго. Всякому гостю должна она привѣтъ сказать, должную заплачку сдѣлать, а то люди скажутъ: «вѣжества въ дѣвкѣ нѣтъ — неученая.» Да и не однимъ гостямъ отъ нея почетъ бываетъ, а плачетъ она, прощается и съ печкою и съ избою всею родительскою и съ косою своею дѣвичьею. Какъ ни гуляютъ родители и гости, а только тутъ же на сговорѣ и день свадьбы назначаютъ и обо всемъ сговорятся, что для новаго хозяйства требуется, а дружко какъ вьюнъ извивается: то невѣстѣ съ приговоромъ складнымъ въ стихъ подарки подаетъ, то отдарки гостей отбираетъ, то надъ женихомъ и роднею подшучиваетъ.

Денька за три до свадьбы положено быть дѣвичнику; было бы когда невѣстѣ съ подружками своими проститься, погулять дѣвушкѣ въ послѣдній разъ, оплакать свою волюшку дѣвичью предъ выходомъ замужъ, когда начнутся для нея куда неказистые дни и годы русскаго бабьяго житья. Тутъ никого изъ жениховой родни не присутствуетъ, да и свою-то родню не пускаютъ — только дружкѣ да свату почетъ: есть имъ входъ на дѣвичье веселье. Поютъ дѣвушки пѣсни прощальныя, а невѣста такъ и надрывается, такъ моремъ и разливается, чтобы люди не сказали: «ишь, обрадовалась замужъ-то выйти!» Въ иныхъ мѣстахъ ведется на дѣвичникѣ особый обычай, стародавній, смыслъ котораго ни одинъ крестьянинъ не знаетъ, обычай, переживній до сей поры изъ тѣхъ еще временъ, когда по словамъ ученыхъ людей невѣстъ брали не по выбору, а по выходу, какъ счастье укажетъ. Какъ только разъиграются дѣвушки на дѣвичникѣ — стукъ въ окошко. Вышелъ въ сѣнцы дружко и слышно, съ кѣмъ-то торгуется, упирается, войти не пускаетъ; знаютъ дѣвушки, а невѣста и пуще того, кто стучится

и просится, да нельзя прямо впустить, надо все по закону да по обычаю продѣлать. Вотъ дружко дверь отворилъ, входитъ снова въ избу, а за нимъ входитъ и женихъ нареченный съ лентами, подвѣсками разными, матеріей на платье и иными подарками. «Пришелъ», говоритъ дружко, — «этотъ чужой человѣкъ, сказываетъ — тутъ его овца заблудилась (иногда и ялочка)... допустите ли, чтобы свою овцу указалъ?» А между тѣмъ, еще до входа жениха, всѣ дѣвушки накрылись платками, только одна что-то будто рукою шевелитъ, словно знаки даетъ. Допустятъ жениха дѣвушки за пряники да орѣхи овечку искать, укажетъ онъ на свою зазнобушку, низко ей поклонится, а тамъ и всей честной компаніи. Что подарковъ принесъ съ собою, по

Игра въ жмурки.

принадлежности отдаетъ, а дольше сидѣть не смѣетъ и хоть и захотѣлъ бы, такъ дѣвушки засмѣютъ, защекочутъ и выгонятъ вонъ.

Настаетъ наконецъ и день свадьбы. Исподволь приготовилась женихова родня; бабы чуть не за два дня отъ печи не отходятъ: и пекутъ, и варятъ, и жарятъ — было бы чѣмъ угостить дорогихъ гостей, не ударить лицомъ въ грязь съ своимъ хозяйствомъ. Если церковь близко, такъ и то не годится въ нее вѣнчаться пѣшкомъ ходить. Не прямымъ путемъ ѣдутъ въ церковь, а проѣдутъ непремѣнно по селу, а за село выѣдутъ — остановки пойдутъ, станетъ дружко куражиться; то у лошади копыто обсохло — какъ бы не треснуло — полить надо, то сбруя оборвалась — починить надо — раскошеливайся женихъ, гдѣ на гривну, а то такъ и на цѣлый двугривенный. При выходѣ изъ избы невѣста должна упираться, хвататься за косяки и не даваться къ посадкѣ въ телегу или сани; чѣмъ усерднѣе она отбивается, тѣмъ ея родителямъ почету больше: сумѣли, дескать, дѣвку къ дому пріучить. Скачутъ въ церковь во весь духъ, и только остановки, причиняемыя дружками, нѣсколько задерживаютъ поѣзжанъ. Справитъ священникъ свадьбу, нельзя безъ того, чтобы его на почетный пиръ, на «княжой столъ» не позвать, а станутъ молодые выходить изъ церкви, дружко со свахою набросаютъ имъ подъ ноги хмѣлю, чтобы богато имъ жилось. Ждутъ, не дождутся родители до-

рогихъ гостей; все въ избѣ прибрано и прилажено, столъ накрытъ на всѣхъ поѣзжанъ и добрыхъ людей, что захотятъ почтить младоженовъ своимъ присутствіемъ на пиршествѣ. Чуть молодые въ сѣнцы, снога ихъ хмѣлемъ обсыпаютъ, а то, за недостаткомъ, такъ и мукою; набросятъ на нихъ и шубу все для тѣхъ же цѣлей, чтобы далъ имъ Богъ богатства. Отцы и матери на встрѣчу новобрачнымъ идутъ, принимаютъ ихъ съ иконою и хлѣбомъ-солью, а дружко уже свое дѣло дѣлаетъ, приговариваетъ направо и налѣво и въ иныхъ мѣстахъ живаго пѣтуха на глазахъ молодыхъ на-двое разрываетъ. Вотъ ужь и священникъ пришелъ и, какъ гость почетный и желанный, вмѣстѣ съ молодыми въ большой уголъ сажается, а все пиру начала не кладутъ, словно ждутъ кого-то, еще болѣе почетнаго гостя: всѣ поглядываютъ на дверь или на окошко: «Идетъ! идетъ!» кричатъ ребятишки, которыхъ на время пира изъ горницы повыгнали — не мѣшали бы, подъ ногами не путались. Двери настежь растворяются; хозяинъ съ хозяйкою съ поклонами и почтеніемъ встрѣчаютъ входящаго, приглашаютъ его къ столу и стараются всячески, чтобы онъ взглянулъ на молодыхъ справа, а не слѣва. Вошедшій — не простой человѣкъ, а колдунъ, слава котораго гремитъ по окрестностямъ, безъ котораго и свадьба не въ свадьбу и починъ не въ починъ; входитъ онъ не спѣша и осанисто, чуетъ онъ свою силушку могучую, что можетъ и человѣка испортить, и ему такъ или иначе насолить; горько попу, что колдуну больше почету, нежели ему церковнику, всталъ онъ даже съ мѣста отъ сердцовъ, да ничего, видно, не подѣлаешь; не измѣнишь того, что нажилъ русскій человѣкъ въ долгіе годы своей жизни. Хоть и не посадятъ колдуна подъ иконы, да и самъ-то онъ туда не полѣзетъ, потому тамъ сидѣть ему подъ святыней не годится. Послѣ пира, княжаго стола, дружко и сваха ведутъ молодыхъ на покой въ боковушу или въ холодникъ, гдѣ кормятъ ихъ кашей и ломаютъ надъ ихъ головами горшокъ. Черезъ полчаса молодыхъ поднимаютъ и если все обошлось счастливо, то начинается непомѣрный бой горшковъ и другой посуды — въ прообразъ удачи въ выборѣ невѣсты. Не скоро угомонятся родные новобрачныхъ, и еше цѣлую недѣлю идетъ у нихъ пиръ горой, разливное море то у того, то у другаго изъ родственниковъ.

Умираетъ приозерный русскій человѣкъ также точно, какъ и вездѣ на Руси, никому не сказавшись, ни у кого не отпросившись, за дальностью врача, за недостаткомъ медицинской помощи. Не лиха, впрочемъ, бѣда умереть безъ медицинской помощи — лиха бѣда умереть безъ покаянья, а и того утѣшенія нерѣдко лишенъ бываетъ обитатель Озерной области за дальностью погоста и поповки, гдѣ обитаетъ попъ. Какъ начнетъ умирать озерный человѣкъ, тотчасъ семейскіе ему свѣчу въ руку, положатъ его подъ икону, да и ну причитать, словно будто умирающій и не слышитъ, словно будто уже онъ и духъ испустилъ. Какъ только начнется агонія, такъ добрая хозяйка тотчасъ всѣ окна и двери запретъ и только одну печную отдушину откроетъ, чтобы выходящая изъ тѣла душа не узнала въ избу входовъ и выходовъ, чтобы не вздумала возвращаться въ домъ и семейскихъ тревожить; иное дѣло отдушина: ее запираютъ всегда на-глухо и открыта она бываетъ лишь во время топки, а когда топится, да дымъ изъ нея валитъ, то не только душа грѣшная, а и ангелъ чистый въ отдушину не заглянетъ. Передъ отдушиной ставятъ либо ковшъ съ водою, либо бадейку — было бы гдѣ душѣ отъ грѣховъ омыться, обѣлиться, а иная супруга, которая пожалостливѣе, такъ и чистый утиральникъ положитъ — было бы чѣмъ послѣ купанья и обтереться. Въ иныхъ мѣстахъ до такой степени опасаются возврата безпокойной души въ свой прежній домъ, что стараются ее снова водворить на прежнемъ мѣстѣ жительства, а именно дуютъ въ носъ и ротъ покойнику, а то такъ пожалуй еще и бабочку поймаютъ, да и впихнутъ усопшему въ ротъ — бабочка-де душа. Великая бѣда приключиться можетъ, если вздумаютъ, когда покойникъ еще въ хатѣ лежитъ, хату вымести; не ровенъ вѣдь часъ! такъ-то легко и душеньку его куда нибудь въ уголъ вымести; и рада бы душа изъ дома убраться, да нельзя — соръ мѣшаетъ. Хорошо, коли знаютъ въ домѣ, какъ и что при покойникѣ дѣлать надо, а то вѣдь есть и такіе дураш-

ные, что ногти покойнику или себѣ обстригутъ да куда нибудь выбросятъ, а вѣдь ногти-то эти всѣ куда какъ ему пригодятся: какъ станетъ онъ на хрустальную гору въ Виреѣ карабкаться, будетъ чѣмъ ему за гору цѣпляться. Да вотъ и еще есть одна статья, которой упускать изъ виду нельзя: впустятъ въ избу иной разъ курицу — и не увидишь, какъ она душеньку блудячую склюетъ; ужь на что кошка чистая (ее и въ алтарь пускаютъ), а только и ее къ покойнику въ горницу впускать не слѣдуетъ; игрунья она, зачнетъ съ душою — бабочкою играть, да непарокомъ и съѣстъ ее. Выносить покойника полагается ногами впередъ, а ежели головою впередъ понесутъ, то онъ въ избу назадъ вернется и уведетъ за собою еще кого нибудь изъ домашнихъ. Хорошо къ нему въ гробъ табаку листочекъ положить и какой нибудь по его спеціальности снарядъ; хоть оно, положимъ, у насъ у Русскихъ и не такъ повелось, да вотъ умный тоже народъ эти Чухны и Чухари, а именно такъ дѣлаютъ. Коли гвоздь изъ гроба насквозь пройдетъ и наружу вылѣзетъ — дурной знакъ! новая смерть предстоитъ, а потому и лучше стараться такъ гвозди забивать, чтобы они внутрь гроба входили.

Не удовольствовался русскій человѣкъ тѣми праздниками, которые установлены самою церковью, и ради веселья и справа стародавнихъ прадѣдовскихъ обычаевъ справляетъ нѣсколько такихъ праздниковъ, какихъ не найдешь ни въ однихъ святцахъ; да, признаться, и церковные-то праздники празднуетъ онъ по своему, по стародавнему уставу, а не такъ, какъ научали его праздновать церковники. Хоть и толкуютъ ученые люди, что будто слѣдуетъ новый годъ считать съ 1 января, а церковники и до сихъ поръ не совсѣмъ отдѣлались еще отъ счета съ сентября мѣсяца,—человѣкъ природы, русскій человѣкъ все еще считаетъ новый годъ съ момента обновленія природы, съ нарожденія весны, а по нашему — съ Пасхи. Ясное дѣло, что и весна по мѣсту глядя является гдѣ пораньше, а гдѣ и попозже, и въ Петрозаводскѣ напр. встрѣчаютъ ее только перваго мая. Почти по всей Озерщинѣ русскій человѣкъ вмѣстѣ съ нарожденіемъ весны празднуетъ и смерть зимы; радуется онъ теплынькѣ, а зиму-голодницу жжетъ безъ сожалѣнія въ видѣ чучела соломеннаго, а гдѣ такъ и запросто берестянаго. И до сихъ поръ еще въ пріонежскомъ краѣ, а также въ Бѣлозерщинѣ и въ пріильменскихъ мѣстахъ спозаранку соорудятъ чучело, посадятъ ее на шестъ, да и поставятъ на горкѣ, гдѣ усядутся потомъ всѣ и пируютъ до ночи, когда чучело или сожгутъ или же потопятъ, вовсе позабывши о томъ, что прообразуютъ сожженіе зимы теплыми лучами весенняго солнца или потопленіе ея въ теплыхъ водахъ весеннихъ дождей. Встрѣтивши весну, задумывается русскій человѣкъ о томъ, чтобы слюбиться, да веселымъ пиркомъ и за свадебку; весеннее дѣло — весеннія и мысли; тутъ печаль да слезы на умъ не пойдутъ, а все больше мысли радостныя, къ радости и клонятъ. Отъ старыхъ людей предѣлъ такой положенъ, чтобы сватное дѣло подгонять къ «красной горкѣ», которая по разнымъ мѣстамъ разно справляется, начиная отъ Ѳомина воскресенья и до вторника включительно; «красная горка — сватается спорко», сказываютъ старики и старухи, да вправду на что уже лучше всѣ брачныя дѣла затѣвать въ то время, когда дѣды и прадѣды, которые «вокругъ ракитова куста вѣнчались» и «вереѣ молились», справляли праздникъ тому самому божку-чудаку, что заправлялъ именно брачнымъ дѣломъ и звался по имени Ярилой. До сихъ поръ въ Озерной странѣ справляютъ на красную горку первый Ярилинъ праздникъ — рождество его пречестное, да и пречудное, такъ какъ не рождается, а каждый годъ отъ глубокаго сна пробуждается. Кое-гдѣ въ новгородскихъ лѣсныхъ мѣстахъ спятъ три ночи безплодныя бабы и дѣвки, что замужъ хотятъ, съ чурбачкомъ небольшимъ, подъ Ярилинъ образъ поддѣланнымъ, и сказываютъ, лучше того средства и придумать нельзя: у бабы родился ребенокъ, а дѣвка тотчасъ замужъ выйдетъ. Повелось тоже и вотъ что: какъ разъ въ Ѳомино воскресенье соберется народъ (и мужики и бабы) послѣ обѣда и идетъ толпою по тѣмъ именно домамъ, гдѣ въ томъ году были свадьбы, которые слѣдовательно посѣтилъ Ярилушка своею великою милостью; подойдетъ толпа къ дому, да и станетъ выкликать: «вьюнъ вьюница, отдай наши яйца!» Какъ скажутъ у окошка такое

словечко добрые люди, молодые должны чинъ-чиномъ—и яичекъ имъ дать, и кулича, да вдобавокъ и водочкой выкликающихъ попоить и пивомъ. Соберутъ такимъ-то побытомъ яицъ, и красныхъ сандальныхъ, и лукомъ выкрашенныхъ, и ну лупку дѣлать, катать яйца, а кстати и ѣсть ихъ безъ соли, безъ хлѣба. Чуть не со всего села соберутся ребятишки, устроятъ горушку, выставятъ по яйцу нà конъ, а тамъ и выкатываютъ другъ у друга свое богатство. Яйцо — символъ зарожденія, но обо всемъ этомъ и думать позабыли и катаютъ яйца, вовсе и не воображая, что этимъ они прообразуютъ. Кое-гдѣ по Озерной области собираютъ яйца и сырьемъ, сварятъ яичницу, да и пируютъ чуть не до вечера; это «вьюны» справляютъ, а вьюнъ здѣсь тоже къ тому клонитъ, чтобы овьюнить любящіяся пары. Кое-гдѣ еще ходятъ и на могилки, поѣсть, попить, погулять, да и покойниковъ попотчивать, выливая остатки на могилы. Есть и пѣсни свои на «красную горку» и изъ всѣхъ ихъ чаще всего поютъ пѣсню о сѣяніи проса, въ которой вовсе незавѣдомо вспоминаетъ народъ о тѣхъ временахъ, когда добрымъ молодцамъ подругъ брать приходилось уводомъ, силою, умычкою. Видно прежде, во времена сѣдой старины, и въ самомъ дѣлѣ на «красную горку» опарнвались попреимуществу. Не въ одну «красную горку» празднуютъ весну, а также и на Юрьевъ день, да оно и понятно, потому къ этому дню все же на сѣверѣ хоть кое-какая весна есть, а объ «красную горку» иной разъ и морозецъ бываетъ. Справятъ въ этотъ день утречкомъ мірской молебенъ надъ скотиною, окропятъ ее святою водою, да освященною вербою и повыгонятъ ее въ поле; хоть и не всегда еще травка есть на скотскую поживу, а все обычай справить нужно, такъ какъ тутъ покрайней мѣрѣ все сдѣлано, чтобы мору на скотъ не было: и святою водою покропили, и вербою хлестнули, а верба-то вѣдь въ стародавнее время прообразомъ молніи живоносной была. Тутъ, объ Юрьевъ день съ пастухами сговоръ бываетъ, а сами пастухи берутъ заговоры на скотину, чтобы звѣрь не съѣлъ и нечисть не коснулась; коли взятъ заговоръ умѣлымъ человѣкомъ, такъ ни одна-то коровенка не пропадетъ — тотчасъ лѣшій обратно пригонитъ; сказываютъ добрые люди — одну скотину изъ-подъ Іерусалима пригналъ лѣшій — такъ-то они на службу умному да почетному человѣку охотливы и горазды. Между тѣмъ весна забираетъ свои права и клонитъ дѣло къ лѣту; все зазеленѣло, все живое отъ сна воспрянуло, насталъ дѣвичій праздникъ—Семикъ. Вышли дѣвки въ лѣсъ, пришло время вѣнки завивать, о судьбѣ дѣвичьей задуматься и гадать на добра молодца, на женишка любаго. Тутъ и пѣсня особая поется о томъ, какъ дѣвица вьетъ вѣнокъ и спрашиваетъ, кому его носить, кому ей другомъ быть. Повивши вѣнки, съ пѣснями домой идутъ и берегутъ вѣнки до Троицына дня; впередъ идетъ дѣвица-кума съ березкою въ рукахъ, а березка та разукрашена лентами и узорочьемъ; не пожалѣютъ дѣвушки ту березку украсить получше, такъ какъ она вѣдь ихъ къ другу милому ведетъ, дорогу указываетъ и сама-то, пожалуй, березка не простая и должна изображать стародавнюю богиню, что сводитъ браки и заботится о продолженіи рода людскаго. Настаетъ наконецъ и Троицынъ день — начало «русальной недѣли», когда душеньки шатуньи, русалки свой праздникъ празднуютъ, по деревьямъ сидятъ, пѣсни поютъ, свои косы длинныя плетутъ, парней подкликаютъ, да въ омутъ ихъ заманиваютъ. На Троицынъ день ввечеру снова соберутся дѣвушки послѣ гулянья и хороводовъ, да съ семиковыми вѣнками и идутъ по озеру, бросятъ вѣнокъ на воду и примѣчаютъ: коли плаваетъ вѣнокъ — вѣнецъ не далекъ, коли въ воду канетъ — смерть или горе припадетъ (случится). Въ какую сторону вѣнокъ поплыветъ, въ той сторонѣ и замужемъ быть, только въ томъ-то и бѣда, что по рѣкѣ вѣнокъ все по теченію плыветъ, хоть и вверхъ по рѣкѣ милый живетъ. Послѣ гаданья опять соберутся на лужокъ, станутъ въ кругъ, за платки ухватившись, и ходя то впередъ, то назадъ, припѣвая славу Лелю, тому Лелю, что на то въ прежнія времена былъ поставленъ, чтобы за любовью людскою глядѣть и, чуть гдѣ парочку подмѣтитъ, ихъ на бракъ наводить, на доброе дѣло, на нарожденіе новыхъ служителей Лелевой матери — матушкѣ сырой землѣ. Вокругъ круга дѣвушекъ стоятъ парни и выглядываютъ себѣ невѣстъ. Хорошее время Троицынъ день тоже и на всякую

Ряженые.

любовь, на всякій складъ и ладъ; подружиться, побрататься, чрезъ травку-муравку или березку яичкомъ покумиться — самое время; цѣлый вѣкъ той дружбѣ быть, нельзя ее никому избыть. Какъ старинная волость Новгородская, не можетъ Озерная область не праздновать чуть ли не главному богу новгородскому Волосу, который, благодаря стараніямъ церковниковъ, принялъ въ народѣ обличіе св. Власія. На день его приноситъ народъ въ церковь масло, которое такъ волоснымъ и прозывается и идетъ на поповскую потребу. Великъ тоже праздникъ и Купалы; хоть онъ и на Ивана, да дѣло не въ Иванѣ, а опять таки въ свѣтломъ древнеславянскомъ божествѣ — лѣтнемъ, то тепломъ и плодородномъ, то жгучемъ и изсушающемъ солнышкѣ. Добрая

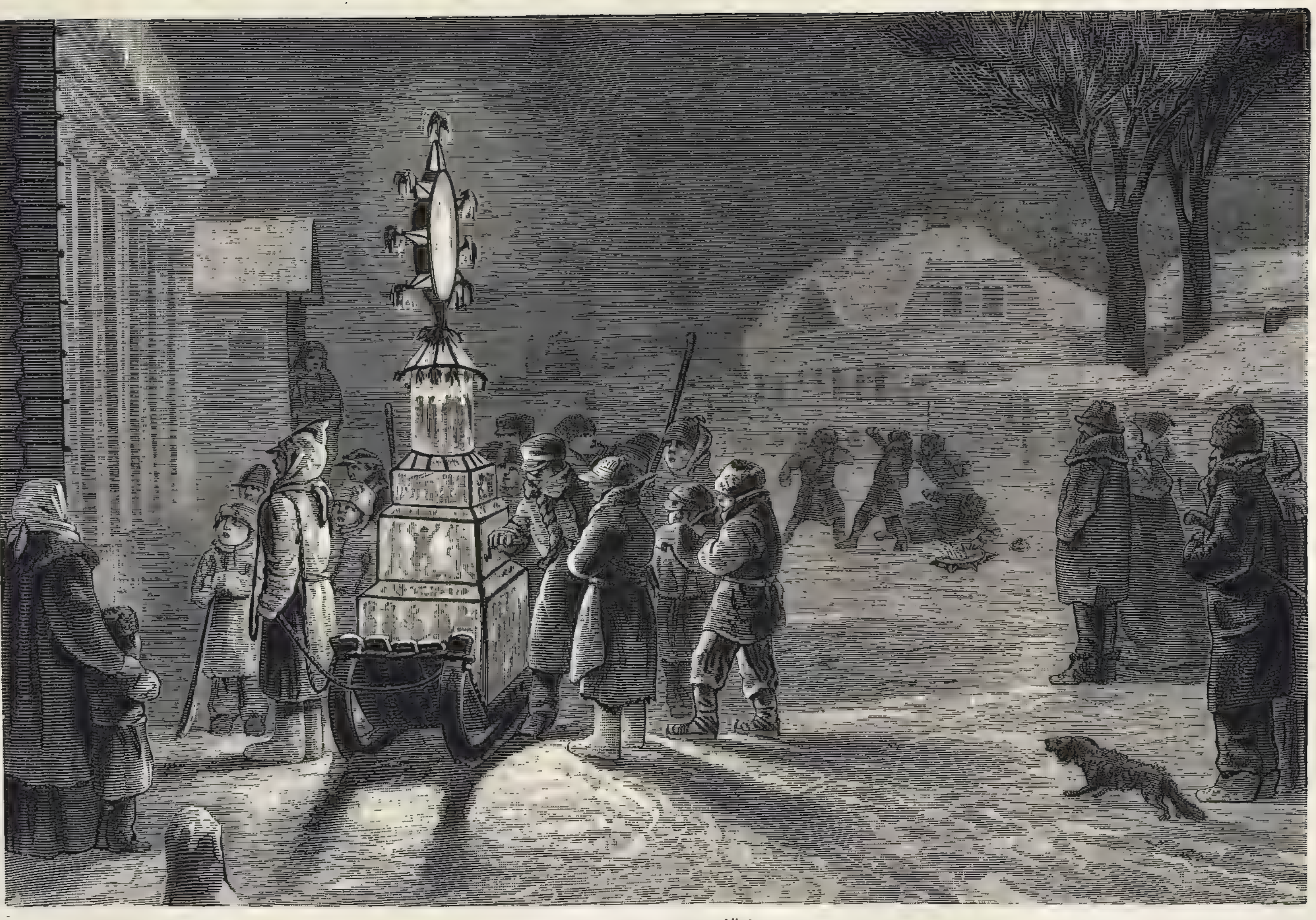

Святочныя гаданья.

вѣдунья, старушка ворожейка на Купалу запасъ своихъ лекарствъ знаетъ, пойдетъ въ лѣсъ и рветъ разныя травы, да все норовитъ папоротниковъ цвѣтъ сорвать, что расцвѣтаетъ всего лишь на одну минуту въ Купальскую ночь, да эту минуту подкараулить трудно и случится это лишь тогда, когда ракъ свиснетъ или клопъ избу подкопаетъ. Слыветъ Купало въ народѣ подъ названіемъ «лютыя коренья», а въ иныхъ мѣстахъ и «добрыя травы». Кое-гдѣ по Новгородчинѣ, а особенно близъ Ладоги и Тихвина, на Ивановъ день топятъ бани и, воткнувъ въ вѣники собранную траву иванъ-да-марья, парятся ею для здоровья; ходятъ также и купаться толпами цѣлыми, такъ какъ въ этотъ день вода всего больше цѣлительна. Въ другихъ мѣстахъ ввечеру дѣвки толкутъ ячмень, варятъ кашу, а на утро съѣдаютъ ее и странное дѣло! отъ каши той бабенка поносъ понесетъ, а дѣвка замужъ выйдетъ — не даромъ каша купальная, того самаго Купалы, что и самъ ненарокомъ во снѣ мать-сыру землю засталъ, кваску испилъ и квашню не закрылъ. Что Купало, что Ярило все одно, и тому же божку, только уже подъ именемъ Ярилы празднуютъ во всесвятское заговѣнье. Съ этимъ праздникомъ и кончается рядъ веселыхъ лѣтнихъ празднествъ народныхъ, носящихъ на себѣ до сихъ поръ нѣкоторый языческій отпечатокъ, и вплоть до святокъ народъ гуляетъ лишь по праздникамъ церковнымъ, да развѣ только «Оспожинки» попразднуетъ какой-то невѣ-

домой «Оспожѣ», которая подъ вліяніемъ христіанства приняла обликъ Богородицы. Святки или Коляда чуть ли не исконная уроженка новгородская и вѣроятно оттуда уже занесена въ разныя мѣстности Россіи, какъ о томъ въ пѣснѣ поется. Въ праздникъ Коляды всѣмъ гульба и веселье; дѣти всю ночь ходятъ подъ окнами «славить» и выпрашивать доброхотныхъ подачекъ, а взрослые наряжаются и гадаютъ. По всей Новгородской округѣ святки зовутся окрутниками, оттого, что бывалые люди окручиваются звѣрями и уродами и ходятъ по домамъ плясать и угощаться; коли на окнѣ въ избѣ свѣча поставлена — окрутниковъ ждутъ и рады имъ будутъ, а безъ свѣта не ходи не суйся, такъ какъ многіе по старой вѣрѣ живутъ и не любятъ «бѣсовскихъ игръ и плещеваній». Въ Тихвинѣ еще недавно снаряжали большую лодку, ставили ее на нѣсколько саней и возили по улицамъ на лошадяхъ, да не просто, а еще съ верховыми окрутниками. Въ лодкѣ этой сидѣли ряженые, шутили, смѣялись, городили чепуху и сыпали направо и налѣво прибаутками. Въ Торопцѣ, Псковской губерніи, святки слывутъ «субботками» и празднуются совсѣмъ по-своему. Дѣвушки собираются въ дома ко вдовамъ, гдѣ спозаранку уже наготовлено всякой стравы для желанныхъ гостей, для захожихъ людей; въ горницѣ устроены для захожихъ скамейки въ подвысь (одна выше другой), а посреди горницы ставится огромный бумажный фонарь, украшенный лентами, съ десяткомъ и болѣе свѣчей внутри. По бокамъ фонаря досужій мѣстный живописецъ понаписалъ да понаклеилъ Иродово мученье въ аду, и избіеніе младенцевъ, и ясли и царей, и даже страшный судъ. По сторонамъ горницы ставятся и для мужчинъ особыя скамейки. При входѣ мужчинъ дѣвушки величаютъ ихъ, а они отплачиваютъ за почесть подарками и угощеньемъ. Когда справится дѣвичья субботка, то фонарь отдаютъ парнишкамъ, которые впрочемъ иной разъ и свою «пещь» взбодрятъ, да еще и ухватистѣе дѣвичьей, потому прибавятъ уже непремѣнно рисуночекъ объ отрокахъ въ пещи. Подхватятъ мальченки этотъ фонарь, поставятъ его на санки и ѣздятъ по городу, останавливаясь передъ каждымъ домомъ для славленья. Славятъ и хоромъ и въ одиночку; для послѣдняго избирается самый шустрый паренекъ, который въ самодѣльныхъ стихахъ всю исторію объ Иродѣ разскажетъ, да съ такими ухватками и присмѣшками, что и старый человѣкъ и серьезный, а и тотъ не вытерпитъ и засмѣется.

Лучше времени нѣтъ, какъ святки для гаданья, да и какихъ только способовъ гаданья не придумали дѣвицы красныя въ стараніи своемъ извѣдать будущую судьбу, узнать откуда и чего ждать: вѣнца иль конца. И на воскъ-то гадаютъ, льютъ его въ воду, и на зеркало, и на спросъ и окликъ, и на песій лай, и даже что она уже глупая птица-пѣтухъ, а и того къ гаданью приспособили. Справили святки съ колядою, пославили и Таусеня на новый годъ и въ Крещенье, а тамъ и масляная близко, та масляная, что въ стародавнія времена праздновалась какъ смерть Марелы, зимы, и канунъ нарожденія юнаго весенняго божка. Кое-гдѣ по старинной Новгородчинѣ мясники еще не давно возили по городу быка на огромныхъ саняхъ, въ которыя запряжены нѣсколько десятковъ лошадей, но теперь мало-по-малу этотъ обычай вывелся и остался лишь въ одномъ Архангельскѣ. Обыкновенно съ середы уже сырной недѣли начинаются разныя масляничныя увеселенія; дѣвки съ парнями катаются на санкахъ до поздняго вечера. Есть и до сихъ поръ еще мѣста въ Бѣлозерскѣ, гдѣ сохранился стародавній обычай, теперь уже народу непонятный, а прежде имѣвшій громадное значеніе и бывшій вторымъ праздникомъ въ году: парни и дѣвушки собираются за городомъ на Морской полянкѣ, причемъ первые бываютъ верхами, съ вывороченными шубами, или иначе какъ нибудь наряженными и въ соломенныхъ колпакахъ на головахъ. Вечеркомъ приходятъ старики и старухи, таща по снопу соломы съ каждаго двора; снопы эти или просто, за недостаткомъ времени, складываютъ въ груды, или же справляютъ изъ нихъ нѣчто въ родѣ человѣка и затѣмъ сжигаютъ. Этимъ русскій человѣкъ хоть и незавѣдомо, но тѣмъ не менѣе все же таки прообразуетъ сожженіе и смерть зимы, а слѣдовательно и близкое наступленіе главнаго праздника, наиболѣе радостнаго дня, нарожденія юнаго бога, а съ нимъ вмѣстѣ и всей природы.

Пещъ Рожественокій фонарь.

И въ бытѣ народномъ, и въ говорѣ много осталось въ Озерщинѣ до-христіанской старины. Вмѣстѣ съ этою стариною осталось одно драгоцѣнное наслѣдіе отъ предковъ у жителя Озерной области, которое обрѣли въ недавнее сравнительно время, да и то не безъ спора приняли — все говорили, что это поддѣлкаподъ старину, никому и ни для чего негодная поддѣлка. Съ легкой руки такихъ почтенныхъ тружениковъ, каковыми были Кирѣевскій, Рыбниковъ и Гильфердингъ, нынѣ споръ о подложности или неподложности русскаго народнаго эпоса, представленнаго въ былинахъ, прекратился, и мало странъ найдется въ Европѣ, которыя могли бы похвастаться такою богатою народною эпическою поэзіею. Самъ народъ опредѣлилъ сущность той эпической пѣсни, которую онъ назвалъ былиною; дѣйствіе ея никогда не происходитъ въ какихъ нибудь сказочныхъ странахъ, и дѣятели и герои ея носятъ вообще характеръ будто бы и историческихъ лицъ. Былина всегда пріурочена къ извѣстному мѣсту и времени и носитъ сильный отпечатокъ русскаго національнаго духа. Всѣ былины раздѣляются на четыре совершенно опредѣленные цикла и касаются либо такъ называемыхъ стихійныхъ богатырей, либо младшихъ богатырей Владимірова времени, либо богатырей новгородскихъ, либо наконецъ событій позднѣйшихъ, когда уже богатыри переходятъ въ простыхъ людей и сама былина скорѣе принимаетъ характеръ простой исторической пѣсни. Стихійные богатыри всегда непремѣнно носятъ на себѣ отпечатокъ своего происхожденія; то народъ прямо излюбленныя рѣки свои одушевилъ и заставилъ дѣйствовать на пользу своей родины, то изъ горы вывелъ своего героя, который «и самъ какъ гора» или же котораго и сыра земля не держитъ, какъ Святогора. Любить ихъ особенно народъ не могъ, такъ какъ все-таки чуялась въ нихъ какая-то отчужденность отъ народа, стоянье особнякомъ отъ нуждъ и дѣлъ «земли святорусской», иногда даже и какое-то непонятное, словно врожденное желаніе напортить богатырямъ народнымъ и даже при случаѣ погубить ихъ. Едва только эти, такъ называемые, старшіе богатыри придутъ въ столкновеніе съ младшими, тотчасъ является у нихъ тайная мысль извести своего младшаго собрата, то лично, а то при помощи женъ своихъ, которыя зачастую имъ помогать-то помогаютъ, но не прочь и полюбить святорусскихъ добрыхъ молодцевъ. Ужь на что неразстанная чета была Святогоръ съ женою, которую берегъ онъ, какъ зеницу ока, а и тутъ жена Святогорова сумѣла «въ любовь войти» съ Ильею Муромцемъ и засадить послѣдняго съ карманъ къ обманутому мужу. Чуяли всѣ эти старшіе богатыри, что нарождается новое поколѣніе, которому они должны будутъ уступить дорогу, предъ которыми должны они будутъ уступать, а потому и относились не всегда особенно милостиво къ юнымъ, народившимся народнымъ силамъ; у всѣхъ младшихъ богатырей происходятъ постоянныя стычки съ разными Горынчищами, Тугаринами и Зміевичами которые однако рано или поздно всѣ погибаютъ уже потому, что они отжили вѣкъ свой и противъ нихъ дѣйствуетъ уже сама судьба. Яснѣе всего сказалась необходимость уничтоженія старшихъ богатырей именно въ той былинѣ, гдѣ разсказана гибель чуть ли не главнаго стихійнаго богатыря — Святогора. Ужь на что, кажется, подружился Святогоръ съ Ильею, побратался и призналъ въ послѣднемъ своего младшаго брата, а все какъ нибудь да старался извести его; набрели они съ Муромцемъ на гробъ въ степи, видно для кого-то поставленный здѣсь самою судьбою; легъ въ гробъ Илья — не по немъ гробъ пришелся — знать, не ему судьба здѣсь смерть и конецъ уготовила; легъ Святогоръ, прикрылся крышкой — по немъ гробъ вовсе сдѣланъ, ему тутъ и смерть писана, такъ какъ тотчасъ же явились обручи, скрѣпившіе крышку; младшій братъ, уже на что силенъ человѣкъ, хочетъ сбить обручи, по врожденному русскому добросердечію вызволить названнаго старшаго брата, да противъ судьбы не пойдешь! съ каждымъ ударомъ наростаютъ новые обручи — погибать приходится Святогору. Предъ концомъ своимъ хочетъ дунуть онъ на названнаго брата своего «мертвымъ духомъ», да уродился Илья, какъ и всякъ русскій человѣкъ, заднимъ умомъ крѣпокъ да со смѣкалкою и не позарился на то, что Святогоръ хотѣлъ вдунуть въ него свой духъ богатырскій. Пришло время, и сама судьба покончила съ старшими богатырями, родъ-племя которыхъ продолжало однако ковать ковы противъ

младшихъ богатырей, а вмѣстѣ съ тѣмъ и противъ всей земли святорусской; но зорко слѣдили за ними стражники ея — младшіе богатыри и почти всегда, въ концѣ концовъ, ухитрялись погубить общаго врага, злое отродье стихійныхъ богатырей. Не всѣ однако стихійные богатыри всегда относились недружелюбно къ богатырямъ младшимъ, и есть одинъ изъ стихійныхъ же, видимо, богатырей, который не только любъ и дорогъ народу, но вмѣстѣ съ тѣмъ есть чуть ли не самый облюбленный имъ послѣ Ильи Муромца богатырь. Ни въ одномъ эпосѣ народномъ не найдется такого чисто-народнаго типа, каковымъ является знаменитый Микула Селяниновичъ. Кто онъ и откуда явился — неизвѣстно, словно онъ съ неба упалъ, подобно тому плугу, который по скиѳскому преданію упалъ съ неба. Онъ пашетъ — вотъ задача его жизни; онъ изображаетъ появленіе цивилизующаго начала и осѣдлости, онъ самъ народъ, онъ по былинѣ и несетъ и можетъ поднять тѣ «сумочки переметныя», въ которыхъ лежитъ «тяга земли». Ясно, что такой странный богатырь долженъ былъ призвести сильное впечатлѣніе не только на простыхъ людей, но даже и на старшихъ богатырей, изъ которыхъ одному, извѣстному своимъ «вѣжествомъ» въ смыслѣ знанія вѣдунства, а именно Волху Всеславьичу, при рожденіи котораго: «подрожала мать сыра земля, сотряслося славно царство Индѣйское, а и сине море сколебалося». Не простой, значитъ, богатырь былъ Волхъ, если вся природа взволновалась при его рожденіи, а пришлось ему подивиться «Микулушкѣ» и уступить ему первенство. Встрѣтился Волхъ въ полѣ съ «ратаемъ», или плугаремъ, подъ видомъ котораго и былъ Микула, выполнявшій свое цивилизаторское призваніе; зазываетъ Волхъ ратая, который и пашетъ-то какъ-то странно, по-богатырски, такъ что «ѣхалъ Волхъ до ратая день съ утра до вечера, а не могъ онъ до ратая доѣхати». Не утерпѣлъ Волхъ, зоветъ этого страннаго богатыря, вершащаго непонятное для него, а потому, по его мнѣнію, и не подходящее дѣло, съ собою ѣхать въ побратимахъ, и Микула соглашается; но когда приходится вынимать изъ земли соху, то ни самъ Волхъ, ни вся его дружина не могутъ съ нею справиться, а только Микула Селяниновичъ одною рукою выдергиваетъ соху изъ земли и перебрасываетъ ее за ракитовъ кустъ. Уже по этому былинному мотиву замѣтно, что стихійной силы царство прошло и наступило время, когда главнымъ богатыремъ является пахарь, Селяниновичъ, — тотъ, однимъ словомъ, кто и можетъ поднять, да и дѣйствительно поднимаетъ «тягу земную». Ясное дѣло, что съ такимъ новымъ порожденіемъ старшаго богатырскаго цикла младшіе богатыри биться не могли по той причинѣ, что онъ самъ, видимо, стоялъ за то же дѣло, за которое стояли они, да и наконецъ всѣмъ извѣстно было на Руси, что съ нимъ биться нельзя, такъ какъ «весь родъ Микуловъ любитъ матушка-сыра земля». У такого-то отца конечно и дочки хороши должны были уродиться, но лучше всѣхъ и сильнѣе всѣхъ уродилась старшая — Василиса Микулишна, соединившая въ себѣ и силу непомѣрную, и ясный умъ, и хитрость, и новое совершенно для былинныхъ героинь чувство—вѣрность своему мужу въ силу любви. Василиса Микулишна, которая явилась къ Владиміру добывать своего мужа, изумила всѣхъ своей силой, ловкостью и преданностью, а въ тотъ вѣкъ такія женщины были рѣдкостью, какъ и нынѣ. Извелись наконецъ на землѣ святорусской всѣ старшіе богатыри, и вотъ, безъ переворотовъ въ природѣ, далеко на сѣверѣ, въ селѣ

Гаданье.

Карачаровѣ, у простыхъ людей крестьянскаго побыта нарождается сынъ съ роду уродикъ; ни встать онъ не можетъ, ни приподняться, и растетъ, и живетъ онъ на печи, гдѣ сиднемъ сидитъ тридцать лѣтъ и три года. Но не такая сидячая жизнь была на роду написана этому крестьянскому сыну — Ильѣ Муромцу, а суждено ему было стоять за Русскую землю и служить въ ней добру и правдѣ. Выполнителями этихъ велѣній судьбы являются какіе-то вѣщіе странники перехожіе, которые поятъ Илью и даруютъ ему сначала такую силу, что, по собственному его мнѣнію, если бы могъ онъ столбъ въ землю вбить да за него ухватиться, перевернулъ бы онъ всю землю, — а затѣмъ уменьшаютъ силу эту на половину. Съ момента ухода каликъ и выздоровленія Ильи начинается служба родинѣ этого излюбленнаго героя народной поэзіи, котораго весь народъ русскій прозвалъ «старымъ казакомъ» и считаетъ своимъ, народнымъ заступникомъ и защитникомъ. Да и дѣйствительно, симпатиченъ типъ этого богатыря, выразившійся въ былинахъ, которыя про него сказываютъ на сѣверѣ. Простившись съ родителями, Илья направляется къ тогдашнему центру русской жизни, къ стольному городу Краснаго-Солнышка свѣтла князя Владиміра, гдѣ можно всегда найти работу, гдѣ можно постоять за землю Русскую, защитить ее отъ всѣхъ враговъ, и миѳическихъ, и дѣйствительныхъ; но въ томъ-то и бѣда, что по дорогѣ въ Кіевъ проѣзда нѣтъ — свилъ себѣ гнѣздо Соловей-разбойникъ, стихійный богатырь, живущій то на семи, то на 12 дубахъ и, повидимому, олицетворяющій собою какую-то дѣйствительную силу, полонившую Русскую землю, силу, отъ которой ни проходу, ни проѣзду нѣтъ. Справился конечно Илья съ Соловьемъ, приторочилъ его къ сѣдлу своему и тронулся далѣе въ путь, не обращая вниманія на громадные выкупы, сулимые ему семьею Соловья: не для наживы народился Илья, а для добра и пользы. Встрѣтилась тутъ Ильѣ розстань, въ три разныя стороны дороги расходятся, и на каждой-то дорогѣ столбъ съ надписью, вѣщающей судьбу путника: тутъ поѣхать — голову сложить, тутъ — коня потерять, а тутъ богатымъ быть. Во всѣ три пути ѣздилъ Илья и доказалъ, что не всегда судьба управляетъ человѣкомъ, а иногда человѣкъ ею, если только онъ имѣетъ одну заранѣе предначертанную цѣль и стремится неизмѣнно къ этой цѣли; снова пришлось тутъ Ильѣ и отъ богатства и отъ почестей отказываться, — не завистливъ старый былъ на то и другое, — и наконецъ прибылъ онъ благополучно въ Кіевъ, гдѣ съ трудомъ допустили его на настоящее почетное мѣсто, такъ какъ богатырь крестьянскій сынъ всѣмъ былъ въ диковину, да и зазорно будто казалось сажать деревенщину съ собою. Отсюда начинаются подвиги Ильи: стоитъ онъ на стражѣ противъ всякихъ враговъ, бьется и съ Татарами, и съ разными чудищами, всюду и всегда стоитъ за правду, зачастую останавливаетъ начинавшаго уже деспотничать Владиміра отъ несправедливостей, никакихъ наградъ себѣ не беретъ и требуетъ лишь признанія своихъ доблестей отъ всѣмъ ему обязаннаго князя; но князь зазнался, да и испортился какъ-то: это уже не «Красное солнышко», а какой-то византинившійся предводитель дикарей, который является постоянно неблагодарнымъ и разъ до такой степени обижаетъ правдолюбца Илью, что послѣдній уходитъ изъ его златоверхаго терема и подымаетъ голь кабацкую на разграбленіе

Рябининъ, сказатель былинъ.

княжого терема; еле-еле удается наконецъ младшему брату Ильи (побратиму) уговорить расходившагося богатыря и помирить съ княземъ. Почти такимъ же расположеніемъ народнымъ, какъ и Илья Муромецъ, пользуется и Добрыня Никитычъ, женатый на дочери Микулы Селяниновича, Анастасіи. Этотъ герой народный также защищаетъ угнетенныхъ, стоитъ за правое дѣло и оберегаетъ Русь отъ разныхъ враговъ, но не пользуется все-таки такою безграничною симпатіею народною, какъ «старый казакъ» — герой, вышедшій изъ нѣдръ самого народа и какъ бы продолжающій задачу Микулы Селяниновича. Остальные богатыри почти всѣ носятъ отпечатокъ чего-то чуждаго народу и принадлежатъ повидимому къ той княжеской дружинѣ, которая съ народомъ рѣдко имѣла что нибудь общее, набиралась даже изъ иноземцевъ и люба народу быть ни въ какомъ случаѣ не могла; Чурила Пленковичъ — видимо далеко стоитъ отъ народа уже по самому богатству своему, Будиміровичъ — видимо иноземецъ, Дюкъ Степановичъ тоже чуждается народа, а Алекса Поповичъ такъ и вовсе не любъ и даже противенъ народу, какъ по своему происхожденію, такъ и по хвастливому и подленькому своему характеру. Какъ старшимъ, такъ и младшимъ богатырямъ долженъ былъ однако наступить конецъ. Случилось это какъ-то странно: наступила какая-то особенная сила, до той поры невиданная и неслыханная, противъ которой богатыри выходятъ биться, но сила эта не уничтожается, а все растетъ и растетъ, — и богатыри уходятъ въ землю, словно прячутся. Есть однако намекъ и на другой способъ уничтоженія богатырей, а именно чрезъ измѣну того, кому они вѣрою и правдою служили, самого Владиміра, который убиваетъ двухъ богатырей тайкомъ, и только Илья да Добрыня выказываютъ настолько смѣлости, что при немъ плачутъ надъ богатырскими тѣлами.

Былины новгородскаго цикла воспѣваютъ дѣла купца Садко и Васьки Буслаева. Первый — богачъ, забывшій дань давать водяному царю, ѣздящій на своихъ корабляхъ въ разныя земли, весельчакъ, поэтъ и такой музыкантъ, какіе встрѣчаются рѣдко. Водяной или морской царь, разсердившись на Садко, торгующаго столько лѣтъ бездани, безпошлинно, поднимаетъ на морѣ бурю; на Садко падаетъ жребій быть брошеннымъ въ воду, въ видѣ умилостивительной жертвы, и вотъ тутъ, явившись предъ грозныя очи морскаго царя, онъ силою музыкальнаго своего таланта до того увлекаетъ морскаго властелина, что тотъ хочетъ отдать ему свою дочь, но Садко спасается отъ этого счастья, хотя впрочемъ успѣлъ, съ помощью Николы Можайскаго, прихватить дочку царскую на землю. Съ именемъ другаго героя новгородскаго — Василья Буслаева, народный эпосъ соединяетъ живѣйшія воспоминанія о борьбѣ новгородскихъ партій, двухъ сторонъ Новгорода, раздѣляемыхъ рѣкою Волховомъ, а также о борьбѣ съ княжескою властью партіи народной и городской, во главѣ которой стоялъ Василій. Долго бьется на мосту волховскомъ Василій и одолѣваетъ совсѣмъ боярско-княжескую партію; не помогаетъ даже и заступничество «старчища — пилигримчища» съ колоколомъ вмѣсто шапки на головѣ, т. е. духовенства, которое всегда стояло противъ народа и за сильныхъ міра сего, и только заступничество Богородицы, посылающей мать Василья унять своего сына, спасаетъ его враговъ отъ конечной гибели. Не равняться однако Василью Буслаеву съ излюбленнымъ героемъ народной поэзіи съ Ильею Муромцемъ, который не только не поддавался судьбѣ, но часто нарочно задиралъ ее только для того, чтобы доказать, что умъ, сила воли и честность могутъ помочь человѣку побороть судьбу; Василій Буслаевъ гибнетъ именно отъ похвальбы своей надъ судьбою и, не перескочивъ черезъ поставленный ею камень, умираетъ. — Давно уже было извѣстно, что поются или, вѣрнѣе, сказываются на сѣверѣ былины и старины, но никому не удавалось послухомъ быть тому сказу, записать мотивы и отмѣтить всѣ особенности эпической русской народной музыки. Наконецъ, благодаря трудамъ Кирѣевскаго, Рыбникова и въ особенности Гильфердинга, погибшаго жертвою своего стремленія —записать побольше былинъ прямо изъ устъ сказателей, отъ схваченнаго имъ на трепкотѣ тифа, —собирать вновь стало почти нечего, и весь матеріалъ оказался на пользу общую напечатаннымъ. Сказатель — великъ человѣкъ и дѣло свое дѣлаетъ не зря, не безъ благословеннаго креста, не безъ помощи Божіей; старину сказывать онъ начи-

настъ, такъ благословится, словно священнодѣйствовать будетъ, и всѣ напряженно его слушаютъ, словно онъ имъ сказываетъ отъ божественнаго. Денегъ или инаго какого нибудь вознагражденія никогда сказатель не возьметъ, такъ какъ на дѣло свое смотритъ не какъ на шальную забаву, а какъ на даръ небесный, посланный ему «людямъ на послушанье и на поученье.» Сказываютъ былины больше заунывнымъ голосомъ на разные лады, которые зачастую напоминаютъ стародавніе раскольничьи скитные напѣвы. Наилучшимъ сказателемъ былинъ считается Рябининъ; почтенный старикъ этотъ знаетъ наизусть до 80,000 стиховъ, которые сказываетъ онъ съ толкомъ и притомъ съ такимъ почтеніемъ къ излагаемому имъ предмету, что рѣшительно напоминаетъ типъ старинпаго рапсода или барда. Рябининъ родомъ изъ Кижской волости, Петрозаводскаго уѣзда, Олонецкой губерніи, имѣетъ въ настоящее время 74 года отъ роду и удостоенъ Высочайшей награды — медали для ношенія на шеѣ на Станиславской лентѣ.

Но не однѣ только былины поются на сѣверѣ; слышится тамъ тоже и другая, опять же заунывная, опять же напоминающая церковные напѣвы мелодія, которая воспѣваетъ дѣла великія, страданія и жизнь вообще святыхъ, признанныхъ русскою церковью, или же вообще факты духовно-нравственнаго содержанія. Этотъ отдѣлъ памятниковъ народнаго творчества носитъ названіе «духовныхъ стиховъ», которые распространены гораздо болѣе былинъ и изъ Озерной области занесены во всѣ уголки нашей родины. Поютъ эти духовные стихи слѣпцы, калики, которые весь годъ бродятъ съ мѣста на мѣсто — изъ монастыря въ монастырь, съ ярмарки на ярмарку, изъ села въ село, ведомые маленькими мальчуганами-поводырями, которые тащатъ слѣпцовъ за собою за клюку. Калики вовсе не то, что сказатели — это не священнодѣйствователи, а люди промышленные, эксплуатирующіе охоту русскаго человѣка послушать о божественномъ: стихъ о прекрасной пустынѣ, о боѣ жизни со смертью, о царевичѣ индійскомъ Іоасафѣ, о Егоріѣ Храбромъ и устроеніи имъ земли святорусской, объ Алексіѣ человѣкѣ Божьемъ и наконецъ о Голубиной книгѣ, которую никто не только прочесть, но и приподнять не можетъ. Великое дѣло для каликъ — гдѣ, въ какомъ мѣстѣ сѣсть со своими деревянными чашечками для сбора подаяній; тутъ вездѣ бываетъ крикъ, шумъ, ругань на неизвѣстномъ никому, «херовомъ» или «офеньскомъ» языкѣ, и эти промышленники на народное нравственное чувство могутъ вселить отвращеніе, если не проникнуться сущностью духовнонравственнаго содержанія ихъ стиховъ. Наиболѣе любимыми стихами духовными надо считать Егорія Храбраго, Алексія и Голубиную книгу. Какъ Илья Муромецъ былины — устроитель правды на землѣ святорусской и заступникъ за все доброе и хорошее, такъ и Егорій Храбрый совершенно потерялъ ту физіономію, которую приписываетъ ему церковь, и напротивъ того принялъ обликъ какого-то сказочнаго, миѳическаго героя, такъ какъ руки у него «по локоть чиста серебра, а ноги чиста золота» и вообще вся внѣшность его напоминаетъ скорѣе какого-то титана, нежели святаго, прославленнаго церковью. Егорій разъѣзжаетъ по Руси и устрояетъ землю: волковъ рыскучихъ разгоняетъ, раздвигаетъ горы толкучія, устрояетъ пески сыпучіе, даетъ надлежащее направленіе рѣкамъ и вообще является зиждителемъ физическаго и нравственнаго порядка, въ силу чего и побѣждаетъ между прочимъ змія, который являлся представителемъ дикости и безурядицы. Другой облюбленный народомъ герой духовныхъ стиховъ отличается совершенно инымъ характеромъ. Угнетенный и нищенствующій народъ не могъ не воспѣть того, кто, будучи рожденъ отъ знатныхъ и богатыхъ родителей, презрѣлъ однако богатствомъ и роскошью, а также молодою и любящею женою, ушелъ въ пустыню и провелъ свою жизнь въ бѣдности, почти въ нищетѣ; только передъ смертью смиренный Алексій является снова въ домъ своихъ родителей, но его не узнаютъ, и онъ въ гноищѣ и рубищѣ оканчиваетъ дни свои въ какой-то сторожкѣ; тутъ только узнаютъ наконецъ, какой великій подвижникъ скрывался подъ лохмотьями нищаго, такъ какъ по всему городу разносится благоуханіе отъ блаженнаго тѣла.

Наконецъ любимѣйшимъ стихомъ, который поется вездѣ охотно и слушается такъже, является стихъ о Голубиной книгѣ, какой-то недосягаемой премудрости, которую читать можетъ одинъ

лишь Давыдъ Іессеевичъ. Гдѣ-то случилось необычайное явленіе — изъ тучи выпала книга громадныхъ размѣровъ и непонятнаго содержанія. Съѣзжаются къ книгѣ той всякіе цари и царевичи и другіе великіе міра сего, но никто читать книги не можетъ, да не только читать, а и раскрыть-то ее ни у кого силенки не хватаетъ. Выходитъ читать книгу Давыдъ Іессеевичъ, который по книгѣ и отвѣчаетъ на вопросы, предлагаемые ему Владиміромъ, интересующимся узнать, какая вещь въ мірѣ главная. Цѣлымъ рядомъ поэтическихъ образовъ отвѣчаетъ Давидъ, производя облака отъ думы Божіей, молнію отъ помысловъ Божіихъ, и наконецъ разсказываетъ, какіе звѣри главенствуютъ на землѣ, какія птицы и травы; такъ напр. плакунъ-трава всѣмъ травамъ мати, потому что стояла Богородица у креста Господня и плакала, а гдѣ слезки ея капали, выросла плакунъ-трава и т. п. Наконецъ недовольный еще отвѣтами Давида, Владиміръ обращается къ нему за разъясненіемъ видѣннаго имъ сна, который Давидъ разъясняетъ такъ, что правда съ кривдою вступили въ бой, кривда побѣдила правду, которая пошла подъ облаки, а кривда осталась на землѣ. Это поэтическое изображеніе «глубины» знанія, почему вѣроятно и книга самая называется «Книгою Голубиною», не встрѣчается ни въ одной изъ другихъ народныхъ литературъ и составляетъ отличительную черту русской народной поэзіи Конечно и Владиміръ и Давидъ замѣнили какія-то иныя, болѣе древнія личности, миѳическаго происхожденія, что явствуетъ уже изъ замѣны Владиміра какимъ-то Влатоманомъ.

Хвалятъ иные стихи пустыню, лѣса дремучіе и отшельничество, причемъ пѣвецъ наслаждается уединеніемъ и близостью человѣка къ природѣ и Богу; но хвалятъ также нѣкоторые стихи и смерть, какъ главное благо, посланное человѣку отъ Бога. «Нѣсть спасенья въ мірѣ! нѣсть! Лесть одна лишь править! лесть! Смерть одна спасти насъ можетъ! смерть! Нѣсть и Бога въ мірѣ! нѣсть! Счесть нельзя безумства! счесть! Смерть одна спасти насъ можетъ! смерть! нѣсть и жизни въ мірѣ! нѣсть! Месть одна лишь братьямъ! месть! Смерть одна спасти насъ можетъ! смерть!» Вотъ что поетъ русскій человѣкъ въ той же Озерной области, доведенный до полнаго отчаянія и природою, и иными сторонними обстоятельствами, которыя все болѣе и болѣе стѣсняютъ и благосостояніе его, и заботу о спасеніи души, врываясь въ сокровенныя мысли его и не давая ему молиться и вѣрить такъ, какъ онъ считаетъ нужнымъ. Такое-то богатство памятниковъ народнаго творчества породила Озерная область, и собрать это богатство удалось только послѣ многихъ лѣтъ труда тремъ труженикамъ науки, изъ которыхъ одинъ палъ даже жертвою любви своей къ наукѣ.

В. Н. Майновъ.

Выдра.

ОЧЕРКЪ XI.

ИСТОРІЯ ОСНОВАНІЯ ПЕТЕРБУРГА.

Водьская пятина. Борьба за обладаніе ею. — Столбовскій договоръ. — Сѣверная война. — Неудача Русскихъ подъ Нарвою. — Движеніе Русскихъ къ устью Невы. — Взятіе Нотебурга и Ніеншанца. — Первая морская побѣда надъ Шведами. — Основаніе Петербурга. — Взятіе Копорья. — Ходъ работъ по постройкѣ Петербургской крѣпости. — Первыя петровскія зданія. — Заложеніе Кронштадта. — Петербургъ въ 1704 г. — Дальнѣйшіе успѣхи Русскихъ. — Первая русская флотилія. — Заложеніе Адмиралтейскаго двора. — Петербургъ въ первые 5 лѣтъ своего существованія: лучшія его зданія и главные центры населенія; новая попытка Шведовъ противъ Петербурга. — Заселеніе ближайшихъ мѣстностей: Выборгская Сторона и Васильевскій островъ. — Дальнѣйшее развитіе Петербурга. — Перенесеніе города на Адмиралтейскую Сторону. — Загородные дворцы. — Петербургъ въ послѣдніе годы царствованія Петра Великаго. — Составъ его населенія и его отношеніе къ новой столицѣ и къ новымъ порядкамъ. — Мѣры правительства къ увеличенію и украшенію города. — Административныя и др. учрежденія. — Ништадтскій миръ. — Перенесеніе мощей Св. Александра Невскаго. — Смерть Петра Великаго. — Исторія Петербурга при ближайшихъ преемникахъ Петра Великаго. — Быстрое развитіе Петербурга при Елисаветѣ, Петрѣ III и Екатеринѣ II.

«Его Царское величество по взятіи Шлотбурга (Ніеншканца) въ одной милѣ оттуда, ближе къ восточному морю, на островѣ новую и зѣло угодную крѣпость построить велѣлъ..... и тое крѣпость на свое государское именованіе прозваніемъ Петербургомъ обновити указалъ...»

СМ. ПЕТРОВСКІЯ ВѢДОМОСТИ 1703 Г. ОКТ. 2.

Гробница Петра В. въ Петропавл. крѣпости.

Занимая собою поверхность болѣе или менѣе ровную и однообразную — великій озерной стокъ, съ рѣками: Невою, Наровою, Волховомъ, Сясью и Свирью, представляетъ собою почти открытую мѣстность и только изрѣдка прерывается грядами холмовъ. Не представляя такимъ образомъ никакихъ естественныхъ преградъ для человѣка, эта открытая поверхность съ незапамятныхъ временъ становится мѣстомъ, гдѣ совершаются разныя историческія событія и гдѣ, въ теченіе столѣтій, шла борьба двухъ народовъ — Шведовъ и Русскихъ для рѣшенія вопроса, кому изъ нихъ должно принадлежать первенство на сѣверѣ.

Эта однообразная сѣверная равнина, начиная отъ Наровы на з. до Ковжи на в., вмѣщаетъ въ себѣ обширные рѣчные бассейны, стоящіе въ неразрывной связи съ огромными озерами. Даже при поверхностномъ обзорѣ этой водной системы рельефно выступаетъ та особенность, что каждая рѣка прямо или косвенно является, такъ сказать, сточнымъ каналомъ изъ озера къ морю. Нарова уноситъ воды Пейпуса въ Финскій заливъ; Нева несетъ туда-же воды Ладожскаго озера, Волховъ переводитъ воды озера Ильменя въ Ладожское, откуда онѣ черезъ Неву текутъ въ Финскій заливъ; то же дѣлаетъ Свирь съ водами Онеги, а Ковжа съ водою Бѣлоозера. Почти каждая изъ этихъ рѣкъ, служа соединительнымъ звеномъ между двухъ озеръ, представляетъ прекрасный судоходный путь, несмотря

на свои пороги, которые въ иныхъ уже уничтожились, какъ въ Невѣ, въ другихъ еще многочисленны, напр. Волховъ (съ порогами Пчевскими и Волховскими) и Свирь (гдѣ пороги уничтожаютъ въ настоящее время); — наконецъ у третьихъ пороги замѣняются водопадомъ, какъ въ Наровѣ. Тѣмъ не менѣе уже издавна, при пустынности страны, эти рѣки служили единственными путями сообщенія, а въ настоящее время нѣкоторыя изъ нихъ, входя въ составъ Маріинской системы, служатъ для торговыхъ сношеній между сѣверною, среднею и даже южною Россіею. Но въ историческомъ отношеніи наибольшее значеніе имѣетъ Нева, такъ какъ она играетъ первостепенную роль въ исторіи древняго Новгорода и въ новѣйшемъ петербургскомъ періодѣ, который начинается съ основанія столицы на ея берегахъ.

Берега Невы съ лежащими на ней землями: Ижорской (Ингріей или Ингерманландіей) и Карельской, издавна составляли собственность Великаго Новгорода, подъ названіемъ Водьской пятины. Этимъ путемъ шла вся заграничная торговля Новгорода, главный источникъ его богатства; — и Новгородцы упорно отстаивали берега Невы отъ Шведовъ, которые съ XIII вѣка дѣлали постоянныя попытки овладѣть ими. Но эти попытки Шведовъ всегда кончались неудачей, и даже построенная ими въ 1300 году при устьѣ Охты крѣпость, съ хвастливымъ названіемъ Ландскрона — «вѣнецъ края», была срыта Новгородцами весною слѣдующаго года. Вслѣдъ затѣмъ въ 1323 году Новгородцы, въ свою очередь, построили крѣпость Орѣшекъ при истокѣ Невы, чтобы запереть ею Ладожское озеро отъ безпокойныхъ сосѣдей.

Во второй половинѣ XV-го вѣка, Водьская пятина вмѣстѣ съ Новгородомъ отошла къ Москвѣ, и только въ смутныя времена Шведамъ удалось на непродолжительное время овладѣть берегами Невы. Знаменитый Яковъ Делагарди, сподвижникъ Скопина Шуйскаго, не безкорыстно ополчился на защиту Россіи и, дѣйствуя на берегахъ Ладожскаго озера, съ цѣлью овладѣть Новгородомъ и всей Водьской пятиной (заключавшей въ себѣ земли отъ Волхова по обѣимъ сторонамъ Невы съ городомъ Орѣшкомъ и приневскими селеніями до границъ Финляндіи и Лифляндіи), — въ 1611 году послалъ своему королю донесеніе о необходимости построить шведскую крѣпость на Невѣ. Но планъ Делагарди былъ выполненъ уже по заключеніи Столбовскаго договора (въ 1617), по которому Ингерманландія съ четырьмя русскими крѣпостями: Ивангородомъ, Ямомъ, Копорьемъ и Орѣшкомъ, уступлена была Швеціи. Извѣстіе о Столбовскомъ мирѣ принято было съ великою радостью во всемъ Шведскомъ королевствѣ, такъ какъ вновь пріобрѣтенныя земли были не только важны для Швеціи въ торговомъ отношеніи, но и обезпечивали ея владычество въ Финляндіи.

Такимъ образомъ прибалтійскія русскія области, которыя въ это время были преимущественно населены Финнами (Водью и Ижорцами), окончательно перешли къ Шведамъ. Хотя шведское правительство отняло у нихъ старинныя льготы и стѣснило ихъ въ религіозномъ отношеніи, но тотчасъ-же приняло мѣры къ развитію ихъ промышлености и торговли. Съ этою цѣлью въ 1632 году король Густавъ II Адольфъ приказалъ построить городъ при впаденіи р. Охты въ Неву, который впослѣдствіи былъ укрѣпленъ и сталъ называться Нюэсканцемъ или по-нѣмецкому выговору Ніеншанцемъ (Невскимъ укрѣпленіемъ). Шестьдесятъ лѣтъ спустя, благодаря торговымъ привиллегіямъ, которыя были дарованы Ніеншанцу наравнѣ съ другими русскими городами королемъ Густавомъ Адольфомъ и его преемницей Христиной, Ніеншанцъ и Нарва (къ которой былъ присоединенъ Ивангородъ въ видѣ предмѣстья), судя по отчету 1693 года, представляли уже собою важные промышленные центры, такъ какъ въ нихъ строились хорошіе корабли и были превосходные пильные заводы. Сельское же населеніе въ покоренныхъ русскихъ областяхъ оставалось попрежнему въ самомъ жалкомъ состояніи, и, за исключеніемъ болѣе заселенныхъ мѣстъ у рр. Ижоры и Славянки, на далекомъ пространствѣ можно было встрѣтить только рѣдкія мызы и бѣдныя финскія деревушки изъ 2 — 3-хъ дворовъ. Шведское правительство, довольствуясь небольшимъ оброкомъ, мало заботилось о развитіи земледѣлія въ странѣ въ виду ея безплодной и болотистой почвы.

Городъ Ніеншанцъ былъ разоренъ въ самомъ началѣ Сѣверной войны; жители его бѣжали, и только незначительная часть ихъ осталась въ слободѣ подлѣ крѣпости, которая въ это время была исправлена по распоряженію шведскаго правительства, снабжена орудіями и съ трехъ сторонъ ея начатъ земляной валъ.

Сѣверная война, какъ извѣстно, была обнародована Петромъ 19-го августа 1700 года, тотчасъ по заключеніи перемирія съ Турціей. Хотя причины войны противъ Швеціи были выставлены совсѣмъ иныя, но главнымъ поводомъ къ ней было желаніе Петра овладѣть берегами Балтійскаго моря, потому что это былъ единственный путь для сближенія Россіи съ западной Европой, которое стало завѣтной мечтой царя послѣ его перваго заграничнаго путешествія.

22-го августа войска наши уже начали выступать изъ Москвы и Новгорода, чтобы идти на осаду Нарвы. Но опытъ скоро показалъ, что Петръ слишкомъ поторопился съ объявленіемъ войны и слишкомъ понадѣялся на свои силы. Прежніе стрѣльцы были большею частью уничтожены и разосланы по городамъ; изъ наличнаго обученнаго войска въ распоряженіи Петра былъ только одинъ Лефортовскій полкъ и два гвардейскихъ (прежніе потѣшные); всѣ же остальные полки были совершенно неопытны въ военномъ дѣлѣ; такъ какъ только въ предшедшемъ 1699 году произведенъ первый рекрутскій наборъ для составленія постоянной регулярной арміи. Изъ 32,000 поступившихъ тогда рекрутъ составлено было 27 пѣхотныхъ и два драгунскихъ полка; конное ополченіе было не лучше и состояло изъ дворянъ Московской, Новгородской и Смоленской губерній. Артиллерія была въ самомъ жалкомъ состояніи, и скоро обнаружился недостатокъ въ порохѣ и спарядахъ. Вдобавокъ осада начата осенью и «за позднимъ временемъ», какъ выразился впослѣдствіи самъ Петръ о Нарвскомъ дѣлѣ — «великій голодъ былъ, понежѣ за великими грязьми провіанта привозить было невозможно. Единымъ словомъ сказать можно: все-то дѣло яко младенческое играніе было, а искусства ниже вида.»

Но это «младенческое играніе» дорого обошлось русской арміи, которая была разбита на голову Карломъ XII; множество генераловъ и офицеровъ попало въ плѣнъ; и полки наши, обезоруженные и ограбленные непріятелемъ, потянулись почти вразбродъ къ Новгороду.

Вѣсть о Нарвской битвѣ поразила Россію. Народъ считалъ ее Божьимъ наказаніемъ за нововведенія Петра. Но виновникъ понесеннаго пораженія не потерялъ присутствія духа и тотчасъже принялъ мѣры, чтобы устранить его послѣдствія. Разбитые полки приведены въ порядокъ и сформированы новые изъ Татаръ, Калмыковъ, Башкирцевъ, Запорожцевъ, яицкихъ и низовыхъ казаковъ; въ Россіи объявленъ новый рекрутскій наборъ, и въ одну зиму отлито 243 мѣдныхъ орудія. Между тѣмъ Карлъ XII, увѣренный, что силы русскаго царя сокрушены окончательно, обратилъ свое оружіе противъ польскаго короля Августа, а для защиты своихъ областей со стороны Россіи оставилъ всего 15,000 войска, хотя въ это время русскій фельдмаршалъ Шереметевъ уже стоялъ подъ Псковомъ съ 30,000-мъ войскомъ; — другіе 10,000 были наготовѣ въ Новгородѣ подъ начальствомъ Апраксина. Однако, несмотря на такой перевѣсъ силъ, Шереметевъ, напуганный Нарвской битвой, долго не рѣшался напасть на Шведовъ и только послѣ настоятельныхъ повелѣній царя сталъ посылать противъ нихъ партіи; Шведы платили тѣмъ же, и взаимные набѣги продолжались цѣлое лѣто 1701 года. Наконецъ осенью Шереметевъ, ободренный нѣкоторыми успѣхами, рѣшился самъ напасть на главныя силы Шлиппенбаха и разбилъ ихъ у селенія Эрестфера (въ 40 верстахъ отъ Дерпта). Въ слѣдующемъ 1702 году, русскія войска одержали болѣе важныя побѣды. Въ іюлѣ разбиты были непріятельскія флотиліи на озерахъ Чудскомъ и Ладожскомъ, а вслѣдъ затѣмъ Шереметевъ вторично разбилъ войска Шлиппенбаха при мызѣ Гумельсгофѣ. Вся пѣхота непріятельская была уничтожена, и Шлиппенбахъ, съ небольшимъ числомъ кавалеріи, бѣжалъ къ Пернау; а войска наши вконецъ опустошили всю восточную часть Лифляндіи, такъ что Шереметевъ самъ доносилъ царю: «посылалъ я во всѣ стороны плѣнить и жечь; не осталось цѣлаго ничего, все разорено и пожжено.»... Въ то же время Апраксинъ, выступивъ изъ Ладоги, напалъ на войска Кронгіорта и разбилъ ихъ на р. Ижорѣ.

Извѣстія объ этихъ побѣдахъ Петръ получилъ на Бѣломъ морѣ и теперь увидѣлъ возможность идти дальше къ той цѣли, для которой началъ войну, т. е. — овладѣть берегами Финскаго залива. Но, не довѣряя еще своимъ силамъ и искусству своей арміи, Петръ рѣшился начать военныя дѣйствія не съ Нарвы, которую непріятель могъ подкрѣпить войсками, а съ пункта болѣе удаленнаго — съ крѣпости Нотеборга (прежняго Орѣшка).

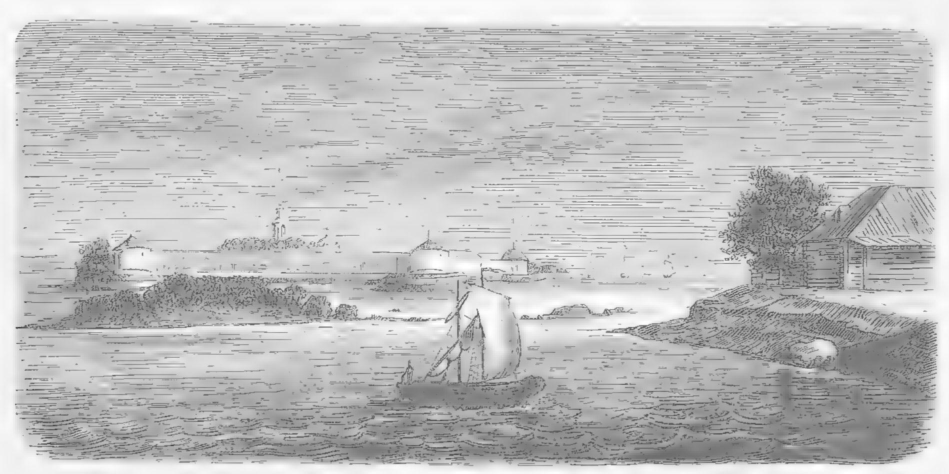
Крѣпость эта, выстроенная у истока Невы, совершенно запирала входъ въ нее изъ Ладожскаго озера. Гарнизонъ крѣпости простирался не свыше 500 или 600 человѣкъ, но она имѣла

Осада Нарвы.

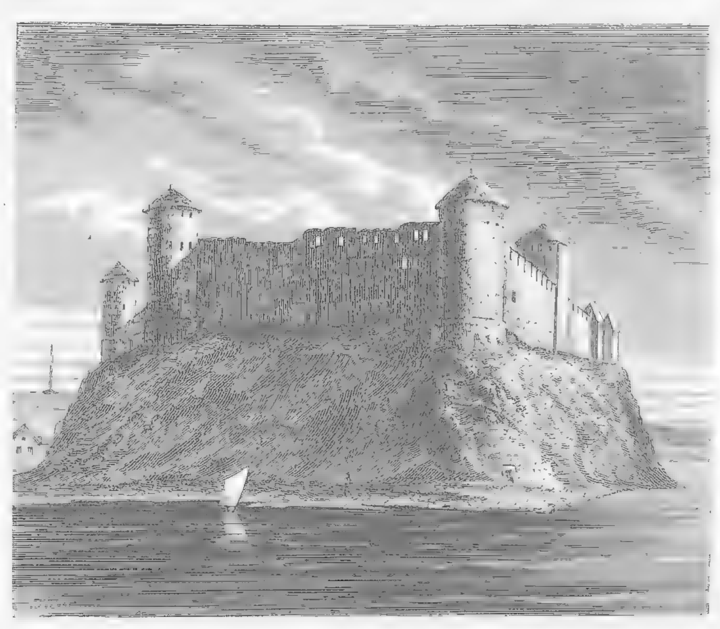
140 орудій и, находясь на острову, была совершенно обезпечена отъ атаки открытою силою. Несмотря на малочисленность гарнизона, Петръ сосредоточилъ здѣсь большую часть своихъ войскъ и до начала осады собралъ 50 лодокъ, построенныхъ имъ на Сяси и на Ладожскомъ озерѣ. Въ концѣ сентября 1702 года, Нотеборгъ былъ обложенъ со всѣхъ сторонъ и, послѣ отказа коменданта Шлиппенбаха сдать крѣпость безъ боя, начата была канонада. На третій день, жена коменданта прислала барабанщика съ письмомъ къ русскому фельдмаршалу отъ своего имени и отъ имени офицерскихъ женъ, съ просьбою дозволить имъ выйти изъ крѣпости, «гдѣ невозможно быть отъ великаго огня и дыма.» Это письмо принялъ самъ Петръ, находившійся въ это время на батареяхъ въ чинѣ бомбардирскаго капитана. Онъ отвѣчалъ письменно, что «къ фельдмаршалу не ѣдетъ, бывъ увѣренъ, что онъ не согласится опечалить шведскихъ дамъ разлукою съ мужьями; если же изволятъ оставить крѣпость, взяли бы съ собою и любезныхъ супруговъ.» Отвѣтъ этотъ не понравился осажденнымъ, и вслѣдъ за возвращеніемъ посланнаго, съ крѣпости открытъ былъ сильный огонь по русскимъ баттареямъ, который продолжался до вечера. То же повторилось въ слѣдующіе дни;—осада затянулась. Послѣ двухнедѣльной непрерывной пальбы Петръ рѣшился на штурмъ, но безъ успѣха и уже послалъ повелѣніе отступить, но его посланный не могъ пройти вслѣдствіе тѣсноты. По счастью, въ это время подоспѣлъ Меншиковъ съ свѣжимъ войскомъ и рѣшилъ дѣло въ пользу Русскихъ. Комендантъ, потерявъ большую часть своихъ людей, сдалъ крѣпость послѣ 13-тичасоваго боя.

Оставивъ въ завоеванной крѣпости сильный гарнизонъ, Петръ приказалъ исправить ея укрѣпленія и назвалъ ее Шлиссельбургомъ. Теперь до входа въ Балтійское море оставалось всего 60 верстъ; и входъ этотъ былъ защищенъ только слабою крѣпостью Ніеншанцемъ. Но время

Крѣпость Шлиссельбургъ.

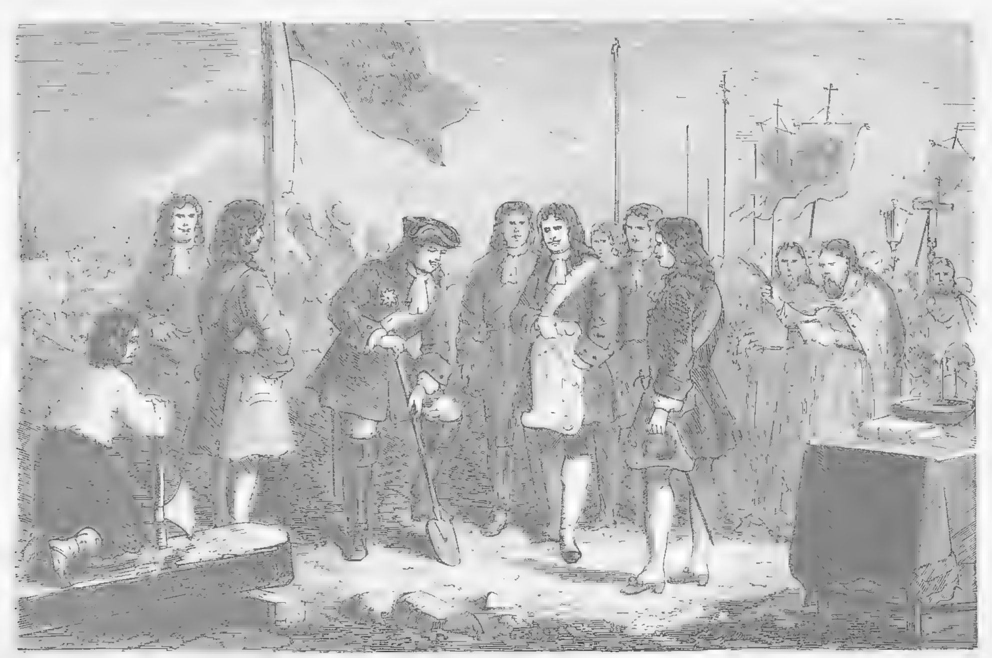
было уже осеннее; началась непогода и число судовъ оказывалось недостаточнымъ для предполагаемаго похода къ устью Невы. Петръ долженъ былъ отложить осаду Ніеншанца до весны.

Замокъ Ивангородъ.

19 марта 1703 г. Петръ пріѣхалъ въ Шлиссельбургъ, куда стали собираться полки съ начала апрѣля; но вскрытіе рѣкъ такъ замедлило походъ, что Шереметевъ прибылъ сюда не раньше 23-го. Выждавъ прихода фельдмаршала и не давъ ему даже дневки, Петръ послалъ его лѣвымъ берегомъ Невы осаждать шведскую крѣпость Ніеншанцъ, около которой и расположились наши войска 25 апрѣля. Гарнизонъ крѣпости состоялъ изъ 600 солдатъ подъ командою стараго полковника Аполлова и нѣсколькихъ офицеровъ; — пушекъ было всего 75 и 3 мортиры. На слѣдующій день пріѣхалъ къ войску и самъ Государь, а 1-го мая крѣпость сдалась на капитуляцію послѣ 12-ти-часоваго боя. Вечеромъ 2-го мая пришло извѣстіе о появленіи шведскаго флота на взморьѣ. Шведы, не подозрѣвая взятія Ніеншанца, ввели въ устье Невы два судна, «Астрель», о 14, и «Геданъ», о 15 пушкахъ. Петръ тотчасъ же приказалъ снарядить 30 лодокъ съ двумя полками

гвардіи и принялъ надъ ними начальство вмѣстѣ съ Меншиковымъ. — 6 мая, вечеромъ, лодки прибыли къ устью и скрылись за островомъ противъ нынѣшняго Екатерингофа. Ночь съ вечера была свѣтла, но потомъ нашла туча съ сильнымъ дождемъ, и Петръ воспользовался этимъ для нападенія: «половина лодокъ поплыла тихою греблею возлѣ Васильевскаго острова подъ стѣною лѣса и заѣхала Шведовъ съ моря, а другая половина пустилась на нихъ сверху.» Шведы увидѣли прежде тѣ лодки, которыя приближались къ нимъ вверхъ по

Закладка крѣпости Санктъ-Петербурга.

теченію Невы, и хотѣли уйти въ море, но Петръ преградилъ имъ дорогу. Послѣ нѣсколькихъ ружейныхъ залповъ онъ приказалъ идти на абордажъ, и первый взошелъ на бордъ «Астреля». Оба судна непріятельскія были взяты такъ скоро, что только 8 лодокъ успѣли принять участіе въ дѣлѣ. Съ торжествомъ привелъ Петръ къ покоренной крѣпости взятыя суда — трофеи своей первой побѣды на морѣ, и 19 человѣкъ плѣнныхъ (остальная команда 58 чел. была побита).

Вслѣдъ затѣмъ собранъ былъ «воинскій совѣтъ», на которомъ обсуждался вопросъ: слѣдуетъ ли снова укрѣпить Ніеншанцъ или выбрать для русской крѣпости иное мѣсто, такъ какъ укрѣпленія Ніеншанца были не сильны и плохо защищены природой? Совѣтъ рѣшилъ срыть Ніеншанцъ и построить крѣпость на новомъ мѣстѣ. Согласно съ этимъ «капитанъ бомбандирской», гласитъ современная реляція, «изволилъ осматривать близь къ морю удобное мѣсто для зданія новой фортеціи и изволилъ обыскать единый островъ (Jänni saari — заячій), зѣло удобный положеніемъ мѣста, на которомъ вскорѣ, а именно мая въ 16 день, фортецію заложили и нарекли имя оной Санктъ-Петербургъ.»

Овладѣвъ устьемъ Невы, Петръ уже не считалъ нужнымъ держать здѣсь все то количество войска, которое было собрано для похода, и тотчасъ же отправилъ половину его съ Шереметевымъ къ крѣпости Копорью, которая сдалась въ концѣ мая, а другую половину оставилъ при себѣ, для защиты отъ Шведовъ и постройки вновь заложенной крѣпости. Такимъ образомъ гвардія и русскіе полки, оставленные подъ начальствомъ Репнина, плѣнные Шведы и наскоро собранные каменьщики и плотники изъ ближайшихъ мѣстъ являются первыми строителями пер-

воначальной шестибастіонной земляной крѣпости, величаемой «Санктъ-Петербургомъ», такъ какъ созванные со всего государства рабочіе прибывали крайне медленно, небольшими партіями, и собрались только къ осени.

Для ускоренія работъ по больверкамъ надсматривали «знатныя особы». На одномъ изъ нихъ «для примѣра» былъ самъ Петръ, а на другихъ: Меншиковъ, оберъ-камергеръ Головинъ, Никита Зотовъ, князь Трубецкой и К. А. Нарышкинъ. Работа закипѣла при такомъ надзорѣ, и

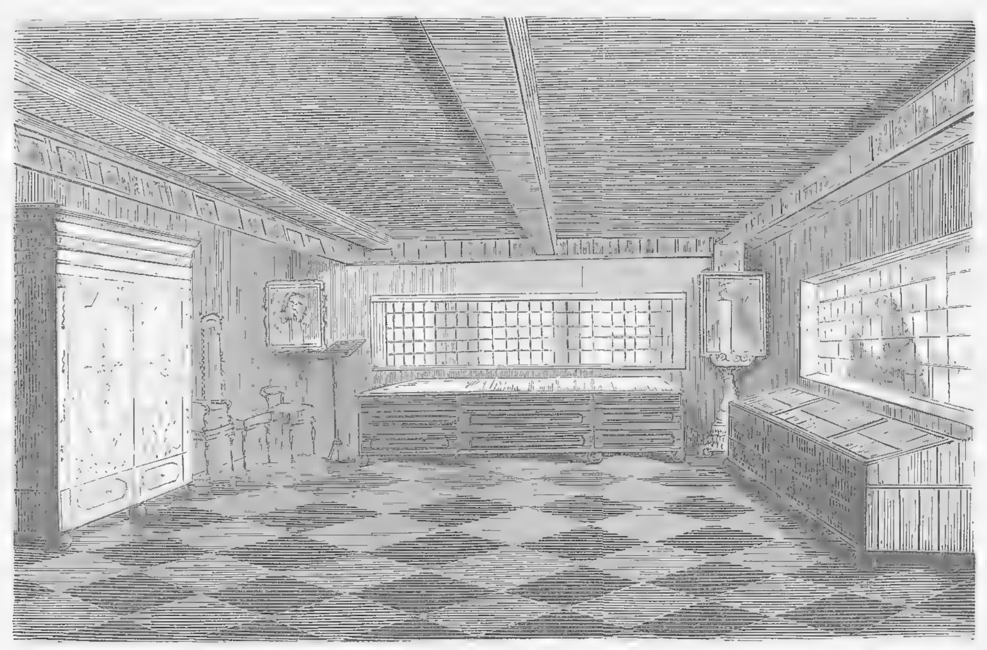
Домикъ Петра Великаго на Петербургской Сторонѣ.

уже 29 іюня, въ день Петра и Павла, Меншиковъ угощалъ Государя и его приближенныхъ въ новыхъ казармахъ, строившихся въ его больверкѣ, которыхъ нѣсколько уже сдѣлано было.

Но можно себѣ легко представить тѣ трудности, которыя должны были испытывать эти первые случайные рабочіе при возведеніи земляной крѣпости на низменномъ, болотистомъ острову, который при малѣйшемъ югозападномъ вѣтрѣ заливался водой. Нужно было натаскать земли, поднять грунтъ и осушить его прорытіемъ каналовъ. Вдобавокъ непривычные землекопы, большею частью не имѣя ни лопатъ, ни заступовъ, ни тачекъ, должны были подчасъ работать голыми руками, носить землю на себѣ въ рогожахъ, мѣшкахъ или даже въ полахъ платья. Къ этому еще нерѣдко присоединялся недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ, когда подвозъ ихъ замедлялся бурями на Ладожскомъ озерѣ; рабочіе въ этихъ случаяхъ едва не умирали съ голода, потому что трудно было достать что либо въ пустынномъ краѣ, покрытомъ лѣсами и болотами, гдѣ только мѣстами встрѣчались бѣдныя финскія деревни, рыбацкія хижины и заброшенныя мызы, изъ которыхъ бѣжали владѣльцы въ самомъ началѣ войны. Въ первое время рабочіе помѣщались въ шалашахъ на сосѣднемъ островѣ Ѳоминомъ, или Койву-саари (Березовый островъ, нынѣшняя Петербургская Сторона) и спали на голой землѣ, такъ какъ, по недостатку плотниковъ и каменьщиковъ, даже большинство служащихъ лицъ жило тогда въ палаткахъ. Только для канцеляріи и высшихъ сановниковъ были наскоро построены мазанковыя низкія зданія съ окончицами и дверями, добытыми изъ жилищъ прежняго города Ніеншанца и заброшенныхъ мызъ. Для царя на Ѳоминомъ же острову былъ устроенъ небольшой домъ съ двумя комнатами и кухней, раздѣленными узкими сѣнями; на крышѣ, въ видѣ украшенія, была укрѣплена деревянная мортира съ деревянными бомбами по сторонамъ. Недалеко отъ

домика Петра, саженъ двадцать вправо, находился довольно большой деревянный домъ Меншикова, похожій на кирку, гдѣ давались праздничные обѣды и банкеты.

Между тѣмъ Петербургъ былъ далеко не безопасенъ отъ Шведовъ; часть войска была постоянно подъ ружьемъ для защиты строившейся крѣпости. Не прошло и двухъ мѣсяцевъ послѣ ея заложенія, какъ вице-адмиралъ Нуммерсъ появился съ 9 кораблями близъ устья Невы между тѣмъ какъ генералъ Кронгіортъ прошелъ съ значительнымъ войскомъ къ берегамъ р. Сестры. Петръ былъ не въ силахъ отразить шведскій флотъ, за неимѣніемъ достаточнаго количества судовъ, и ограничился устройствомъ баттареи на Васильевскомъ островѣ, на мѣстѣ,

Комната въ домикѣ Петра Великаго.

нынѣшней Биржи, а противъ сухопутныхъ войскъ выступилъ самъ въ началѣ іюля и, одержавъ полную побѣду надъ Кронгіортомъ, прогналъ его къ Выборгу.

Вслѣдъ затѣмъ Петръ отправился на берега Свири, въ Лодейное Поле, гдѣ на вновь заложенной верфи, извѣстной подъ именемъ Олонецкой, еще со Святой строились фрегаты, шмаки, галіоты и другія военныя суда, которыя должны были послужить основаніемъ русскаго балтійскаго флота. Съ 1-го августа начался спускъ судовъ. Въ день Успенія Богородицы между прочимъ былъ спущенъ шмакъ «Велькомъ», названный такъ въ честь пріѣзда Меншикова въ Лодейное-Поле, а черезъ недѣлю фрегатъ «Штандартъ». Вскорѣ онъ былъ оснащенъ, и Петръ, 8-го сентября, пошелъ на немъ къ С.-Петербургу, въ сопровожденіи шести ластовыхъ судовъ. Царь почти не сходилъ съ своего фрегата, плавалъ по Невѣ и ждалъ только ухода Нуммерса, чтобы посѣтить Финскій заливъ. Наконецъ въ октябрѣ пришло извѣстіе, что шведская эскадра удалилась на зимовку въ Выборгъ. Петръ немедленно вышелъ въ море, гдѣ собственноручно измѣрялъ лотомъ глубину воды, не смотря на морозъ и плавающія льдины. Убѣдившись, что море къ сѣверу, со стороны Финляндіи, непроходимо для кораблей по камнямъ и мелямъ, а на югъ фарватеръ свободенъ, царь рѣшился построить здѣсь крѣпость для защиты Петербурга со стороны моря. Наиболѣе удобнымъ для этого мѣстомъ оказался пустынный островъ Котлинъ, или Рету-саари, лежащій при самомъ входѣ въ Финскій заливъ, въ 25 верстахъ отъ Петербурга.

Въ ту же зиму Петръ прислалъ Меншикову изъ Воронежа собственноручную модель Котлинской крѣпости, съ приказомъ немедленно приняться за постройку ея, не смотря на зимнее время. Меншиковъ повиновался; часть рабочихъ была тотчасъ же отправлена на пустынный островъ; весь матеріалъ, нужный для строенія, доставлялся изъ Петербурга на саняхъ, и работа шла такъ же дѣятельно, какъ лѣтомъ, такъ что въ короткое время на мѣстѣ, указанномъ Петромъ, возникла трехъ-ярусная деревянная баттарея, или башня, и главныя части укрѣпленія были окончены. Не менѣе усердно продолжалось въ эту же зиму сооруженіе Петербургской крѣпости и Петропавловскаго деревяннаго собора.

Такая масса работъ была теперь вполнѣ возможна, благодаря огромному количеству рабочаго люда, который въ это время по волѣ царя нахлынулъ въ Петербургъ со всѣхъ концовъ Россіи. Однако наплывъ рабочихъ, освободившій войско отъ непривычнаго дѣла и благопріятный для плановъ Петра, не уменьшилъ, а усилилъ бѣдствія этихъ невольныхъ піонеровъ дикаго края. Недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ сдѣлался еще ощутительнѣе; рабочіе, какъ въ Петербургѣ, такъ и на Котлинѣ, жили въ шалашахъ, не смотря на сильные вѣтры и морозы, и спали на мерзлой землѣ. «Ихъ новыя нагольныя шубы въ одну зиму обратились не только въ ветхія, но положительно — въ клочки; отъ нихъ отгнивали и отваливались цѣлыя полы; почти всѣ овчины носили на себѣ слѣды крови»... Народъ умиралъ въ такомъ множествѣ, что явилось убѣжденіе, что въ Петербургѣ чума, между тѣмъ какъ люди прямо гибли отъ непосильныхъ работъ, холода, сырости, недостатка пищи и дисентеріи. Хотя въ это время въ Петербургѣ было три врача нѣмца и существовала аптека, но она приносила мало пользы, такъ какъ запасъ лекарствъ преимущественно состоялъ изъ хрѣна и патоки. Народъ по обыкновенію искалъ спасенія въ винѣ, судя по тому, что, не смотря на скудное жалованье, получаемое войскомъ и рабочими (послѣдніе получали по полтинѣ на человѣка), продажа вина въ Петербургѣ по 1-е января 1704 года дала дохода 8,238 р. 20 алтынъ.

Помимо значительнаго числа съѣстныхъ и харчевенныхъ заведеній, о которыхъ мы не имѣемъ подробныхъ свѣдѣній, продовольствіемъ первыхъ невольныхъ обитателей Петербурга завѣдывалъ правитель канцеляріи князя Меншикова, дьякъ Онисимъ Щукинъ, который акуратно записывалъ все, что ему передавалось, начиная съ хлѣба и кончая свѣтильнымъ матеріаломъ. Рѣдкость мяса доказывается даже самымъ способомъ его распредѣленія. Такъ въ счетной книгѣ города Санктъ-Петербурга 1703 года между прочимъ записано, что «по особому указу» 24 декабря «для праздника Рожества Христова» отпущена была одна кадь солонины «великаго Государя жалованье» въ артиллерію бомбандирамъ, пушкарямъ и пушкарскаго чина людямъ. Двѣ кади выдано запорожскимъ казакамъ на 579 чел., по четыре кади на 7 гарнизонныхъ полковъ. Сверхъ того наличному духовенству изъ 12 душъ выдана была цѣлая кадь (10 пудовъ), Что же касается освѣтительнаго матеріала, то въ первую зиму было выдано изъ казны до 105,150 свѣчей. Отпускали: на корабли и буера, на 8 запорожскихъ карауловъ и рогатокъ, на 9 карауловъ отъ гарнизона и въ аптеку. Кромѣ того давали свѣчи столярамъ, токарямъ, паяльщикамъ, въ квартиру и канцелярію коменданта.

Сильная убыль рабочихъ обратила на себя вниманіе Петра, и 2 марта 1704 года изданъ былъ указъ о новомъ призывѣ рабочихъ съ 85 городовъ, съ посадовъ, дворцовыхъ волостей, помѣстьевъ, вотчинъ «всякихъ чиновъ людей, съ крестьянскихъ и изъ бобыльскихъ дворовъ взять работныхъ людей съ десяти дворовъ по человѣку», такъ что цифра выставленныхъ людей должна была дойти до 40 т. Цифра эта сдѣлалась почти нормальною для ежегодной поставки работниковъ въ теченіе слѣдующихъ 15 лѣтъ.

Въ концѣ марта того же 1704 года Петръ прибылъ въ Петербургъ съ береговъ Свири, и здѣсь въ его присутствіи освященъ былъ 1-го апрѣля крѣпостной соборъ, во имя Петра и Павла, новгородскимъ митрополитомъ Іовомъ. Церковь эта была деревянная и небольшая, но, по словамъ иностранцевъ, довольно красивая и окрашенная желтою краскою подъ мраморъ.

На высокой остроконечной колокольнѣ висѣло нѣсколько колоколовъ, и нарочно приставленный мастеръ «вызванивалъ на нихъ музыкальную піэсу», потомъ ударялъ въ колоколъ по числу часовъ. Подлѣ собора находилась лютеранская кирка Св. Анны.

Крѣпость въ это время была окончена. По срединѣ ея, вдоль острова, прорытъ былъ каналъ (уже несуществующій). По сторонамъ его находились небольшіе одноэтажные дома коменданта и плацъ-маіора, цейхгаузъ или арсеналъ, провіантскіе магазины, дома гарнизонныхъ офицеровъ, гарнизонная канцелярія, дома священника и церковнослужителей и казенная аптека. На Государевомъ бастіонѣ въ будни развѣвался крѣпостной флагъ, а въ праздники и торжественные дни — желтое знамя, съ изображеніемъ двуглаваго орла, держащаго въ носу и когтяхъ четыре моря: Бѣлое и Черное, Каспійское и Балтійское. Поднятіе и спускъ флага въ будни служили сигналомъ къ началу и прекращенію городскихъ работъ и сопровождались пушечнымъ выстрѣломъ изъ крѣпости, который кромѣ того производился въ 11 ч. утра, передъ обѣденнымъ временемъ. Устроенныя въ куртинѣ между Государевымъ и Меншиковымъ бастіонами ворота выходили на длинный подъемный мостъ, который служилъ сообщеніемъ крѣпости съ Ѳоминымъ или собственно Петербургскимъ островомъ, потому что здѣсь положено было начало городу.

Котлинъ островъ.

Почти одновременно съ С.-Петербургской крѣпостью окончена была Котлинская цитадель, 4-го мая.—Петръ отправился туда съ своими приближенными и митрополитомъ Іовомъ, осмотрѣлъ работы и, назвавъ воздвигнутое на морѣ сооруженіе Кроншлотъ, или Коронный замокъ, приказалъ прибавить къ нему баттарею изъ 14 пушекъ, а на мѣстѣ нынѣшняго города Кронштадта поставить 60 орудій. Предосторожность эта оказалась нелишнею, такъ какъ вслѣдъ затѣмъ новая крѣпость съ успѣхомъ отразила нападеніе Шведовъ.

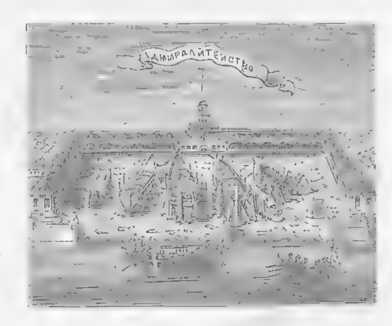
Лѣто 1704 года было особенно счастливо для Петра. Пали Дерптъ и Нарва. Войска Шлиппенбаха были разсѣяны; вся Ингерманландія покорена; Эстляндія и Лифляндія очищены отъ непріятеля. Доступъ къ морю былъ открытъ, и шесть крѣпостей: Нарва, Дерптъ, Ямбургъ, Кроншлотъ, Петербургъ и Шлиссельбургъ обезпечивали покоренныя провинціи. Окончательное устройство балтійскаго флота сдѣлалось теперь насущною необходимостью.

Крѣпость Кроншлотъ.

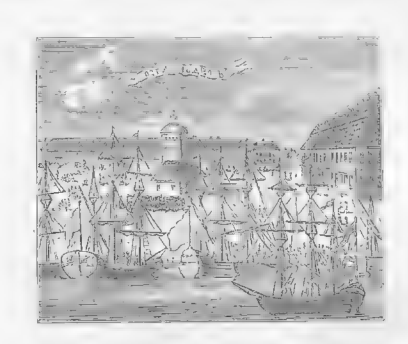
Въ сентябрѣ Петръ отправился на берега Свири, чтобы лично распорядиться возможно скорѣйшей отправкой въ Петербургъ гребныхъ судовъ и кораблей, построенныхъ на Сяси и олонецкой верфи. Но плаваніе судовъ было очень продолжительно: наступила глубокая осень; цѣлые 16 дней свирѣпствовалъ жестокій противный вѣтеръ съ снѣгомъ и дождемъ, такъ что только 18 октября, утромъ флотилія прибыла въ Петербургъ, гдѣ была торжественно встрѣчена пушечной пальбой. Самъ Петръ, неоднократно испытавшій бурю на Ладожскомъ озерѣ, послѣ этого случая еще болѣе увидѣлъ необходимость основать корабельную верфь ближе къ Финскому заливу. Но не такъ легко было найти удобное мѣсто. Царь съ Меншиковымъ побывали во всѣхъ невскихъ бухтахъ и заливахъ, цѣлую недѣлю почти не выходили изъ лодки, не смотря на осеннее время, пока наконецъ царь не рѣшился устроить верфь на лѣвомъ берегу Невы, противъ Васильевскаго острова. 5 ноября 1704 г. заложенъ былъ Адмиралтейскій домъ длиною 200 саж., а шириною въ 100, а черезъ годъ около Адмиралтейскаго двора стали возводить крѣпость изъ фашинъ,

(по плану Меншикова), появились первые дома корабельныхъ мастеровъ, избы рабочихъ, необходимые сараи, амбары, кузницы и т. п.

Собственно Петербургъ въ это время, какъ и во все первое десятилѣтіе своего существованія, оставался по-прежнему на правомъ берегу Невы. Въ короткій промежутокъ времени съ 1703-го по 1708 годъ около жилищъ царя и Меншикова уже появилось довольно много частныхъ домовъ, хотя преимущественно принадлежавшихъ приближеннымъ Петра и лицамъ, вызваннымъ въ Петербургъ службой или по монаршему назначенію. Всѣ эти дома были деревянные, безъ дворовъ и построены безъ плана; изъ нихъ выдавались своей величиной только дома: Брюса, Шафирова, Головкина, Зотова и другихъ вельможъ. Кромѣ того, благодаря наплыву мелкихъ торговцевъ, привлекаемыхъ дороговизною и разными льготами, множеству нѣмцевъ, бѣжавшихъ изъ своихъ разоренныхъ городовъ, плѣннымъ Шведамъ, разнымъ мастеровымъ и рабочимъ, здѣсь устроились цѣлыя слободы, носившія разныя названія. Но главнымъ центромъ населенія все-таки оставалась площадь передъ крѣпостью, на которой находился домикъ Петра и первая въ Петербургѣ австерія (родъ трактира, состоявшаго изъ окруженнаго галлереями двухъэтажнаго дома, въ которомъ продавалъсь отъ казны вино, карты, пиво, водка и табакъ), гостиный дворъ, состоявшій изъ нѣсколькихъ сотъ бревенчатыхъ лавокъ, и наконецъ сытный рынокъ. Тутъ стояли два ряда лавочекъ, гдѣ, такъ же какъ и на улицѣ, пирожники, хлѣбопеки и маркитанты выставляли свой товаръ, продавалось старое платье, лапти, веревки, сѣдла съ подушками изъ войлока и пр., и гдѣ всегда толпилось такое множество народа, что прохожіе должны были зорко слѣдить за своими кошельками. Позади сытнаго рынка, прямо противъ крѣпостнаго кронверка, располагались шалаши рабочихъ людей, а налѣво тянулась Татарская слобода, населенная Татарами, Калмыками и другими инородцами, высланными на постройку Петербурга. Подъ крѣпостью, на самомъ берегу Невы, стояло большое деревянное зданіе, крытое драныо и лубками — мытный дворъ, гдѣ по двумъ сторонамъ на улицу складывалось все, что относилось до домашняго хозяйства: горохъ, чечевица, бобы, крупа, мука, деревянная и глиняная посуда и т. п. Недалеко отсюда, на берегу же, построена была на сваяхъ бойня, но такъ низко, что всегда находилась въ опасности отъ наводненій. Застроенныя мѣста по лѣвую руку отъ бойни, по набережной р. Ждановки, звались Русской слободой. Здѣсь жили небогатые люди и лишь было нѣсколько красивыхъ, обнесенныхъ заборомъ домовъ: вице-губернатора, ландрихтера и другихъ чиновниковъ.

Видъ Адмиралтейства.

Гостиный дворъ.

Городскими постройками исключительно завѣдывалъ коммиссаръ Ульянъ Акимовичъ Сенявинъ, заслужившій довѣріе царя постройкой судовъ на Сяси (поселившійся въ Петербургѣ въ 1704 году), который съ отчетами о сдѣланныхъ работахъ ежегодно представлялъ царю свои соображенія относительно будущихъ работъ, вмѣстѣ съ смѣтою матеріаловъ. Получивъ разрѣшеніе царя на тѣ или другія постройки, Сенявинъ распоряжался совершенно самостоятельно; отъ него зависѣло распредѣленіе рабочихъ, отпускъ ихъ и т. п. Но для него наступало трудное время, когда высшій надзоръ, въ отсутствіе царя, переходилъ къ Меншикову, такъ какъ приходилось безусловно исполнять приказы царскаго любимца, хотя бы они были прямо во вредъ дѣлу. Меншиковъ, какъ баловень счастья, былъ крайне упоренъ и капризенъ въ своихъ требованіяхъ и не привыкъ стѣсняться въ этомъ отношеніи даже съ спеціалистами, такъ напр. онъ нерѣдко

замедлялъ, отклонялъ или прямо отвергалъ дѣльныя представленія искуснаго и знающаго Леблона, генералъ-интенданта всѣхъ построекъ въ Россіи.

Попеченіе и управленіе новаго приморскаго города, съ первыхъ же лѣтъ его существованія, было всецѣло поручено Меншикову, получившему, при дѣленіи Россіи на губерніи въ 1708 году титулъ губернатора новообразованной Ингерманландской губерніи. Понятно, что, при измѣнчивости населенія и исключительныхъ условіяхъ только-что возникающаго города, вниманіе правителя, согласно планамъ царя, было преимущественно обращено на заселеніе Петербурга и носило характеръ случайности. Бѣдственное положеніе десятковъ тысячъ рабочихъ, собранныхъ съ близкихъ и дальнихъ мѣстъ, отсутствіе жилищъ, недостатокъ продовольствія въ первые годы — все это не говоритъ въ пользу тогдашняго петербургскаго управленія. Между тѣмъ устранить зло было не во власти правительства; оно не имѣло на это достаточно средствъ и даже не могло надлежащимъ образомъ распорядиться съ тѣми, какія имѣлись у него, вслѣдствіе бѣдности и пустынности колонизируемой страны, несовершенства путей сообщенія и т. п. Но русскій народъ видѣлъ однѣ только дурныя стороны, страдалъ отъ нихъ и относился недовѣрчиво и враждебно къ великимъ замысламъ основателя Петербурга, считая ихъ пустыми затѣями. Въ это время, быть можетъ, одинъ только Петръ вполнѣ ясно сознавалъ необходимость жертвъ для достиженія своихъ цѣлей и, увлекаясь мыслью о томъ, чѣмъ Петербургъ можетъ сдѣлаться современемъ, не замѣчалъ того, что онъ представлялъ въ данный моментъ, его неудобствъ, суровости климата. Такъ напр., вернувшись въ Петербургъ въ 1706 году послѣ продолжительной отлучки, Петръ былъ такъ доволенъ всѣмъ, что видѣлъ и особенно окончаніемъ адмиралтейской верфи, что писалъ не разъ Меншикову въ армію: «Не могу не писать вамъ изъ здѣшняго Парадиза: истинно, что въ раю здѣсь живемъ..... О здѣшнемъ поведеніи сомнѣваться не изволь: ибо въ раю Божіемъ зла быть не можетъ.» Даже случившееся въ томъ году наводненіе произвело на царя совершенно своеобразное впечатлѣніе. «Третьяго дня, писалъ онъ Меншикову (11 сентября), вѣтромъ вестъ-зюйдъ-вестомъ такую воду нагнало, какой сказываютъ не бывало. У меня въ хоромахъ было сверху пола 21 дюймъ, а по огороду и на другой сторонѣ по улицѣ свободно ѣздили въ лодкахъ.... И зѣло было утѣшно смотрѣть, что люди по кровлямъ и по деревьямъ, будто во время потопа, сидѣли, не точію мужики, но и бабы. Вода, хотя и зѣло велика была, а бѣды большой не сдѣлала»....

Два года спустя царь считалъ Петербургъ уже настолько благоустроеннымъ, что захотѣлъ похвалиться имъ передъ членами своей семьи. По его желанію, весною 1708 года, отправились въ Петербургъ: обѣ царицы, Мареа и Парасковья, двѣ царевны, Анна и Екатерина Ивановны, любимая сестра Петра, Наталья Алексѣевна, князь Өедоръ Ромодановскій, князь Борисъ Голицынъ и будущая царица Екатерина Алексѣевна. 5 дней они были задержаны въ Шлиссельбургѣ дурной погодой и ладожскимъ льдомъ, и только 25 апрѣля могли опять двинуться въ путь. Царь возилъ гостей своихъ по всему городу, а 2-го мая отправился съ ними въ Кроншлотъ показывать флотъ. Но въ іюнѣ Петръ долженъ былъ поспѣшить въ армію, такъ какъ получено было извѣстіе о приближеніи Шведовъ къ русской границѣ. Вслѣдъ за нимъ выѣхало изъ Петербурга и царское семейство.

Въ августѣ того же года шведское сухопутное войско опять явилось подъ самымъ Петербургомъ. Шведскій генералъ Любеккеръ, обманувъ русскаго главнокомандующаго, благополучно переправился черезъ Неву съ своими войсками въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Шлиссельбурга. Но почему-то Любеккеръ не воспользовался своей удачей, и вмѣсто того, чтобы идти къ Петербургу, который онъ могъ уничтожить до тла, онъ отправился внутрь разоренной страны, и, по недостатку продовольствія, долженъ былъ отступить къ Копорью.

Такимъ образомъ новый приморскій городъ, столько разъ угрожаемый Шведами со времени своего существованія, теперь обязанъ былъ своимъ спасеніемъ слѣпому случаю. Принимая во вниманіе это условіе, нельзя не признать вполнѣ вѣроятнымъ предположенія нѣкоторыхъ изслѣ-

дователей, что мысль основать столицу въ Петербургѣ могла явиться у Петра только послѣ Полтавской побѣды, т. е. въ виду полной безопасности со стороны Шведовъ. По крайней мѣрѣ только съ этого времени начинаютъ выходить указы о переселеніи въ Петербургъ высшихъ государственныхъ сановниковъ, дворянъ, купцовъ и промышлениковъ изъ Москвы и другихъ городовъ, а также о перемѣщеніи высшихъ правительственныхъ мѣстъ, какъ гражданскихъ, такъ и духовныхъ, изъ прежней столицы. Одновременно съ этимъ, въ 1710 году, велѣно было скидать землю съ крѣпостныхъ бастіоновъ и возвести массивныя стѣны изъ камня, и отданъ приказъ «министрамъ, генераламъ и знатному дворянству» строить каменные дома въ Петербургѣ. Но приказъ этотъ плохо исполнялся; на Петербургской Сторонѣ построенъ былъ всего одинъ каменный домъ Головкина, на мысѣ Большой Невки, да въ крѣпости начато было длинное ма-

Церковь св. Троицы.

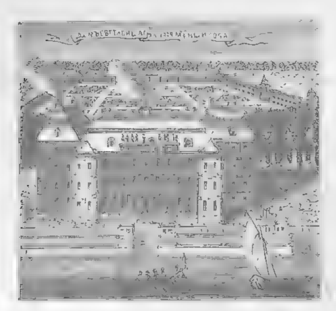
занковое строеніе для сената, который былъ помѣщенъ здѣсь въ 1711 году; всѣ же остальные дома были деревянные; изъ дерева же была построена Петромъ церковь св. Троицы (освященная 10 іюня 1711), на площади передъ крѣпостью, отчего и самая площадь съ этихъ поръ стала называться Троицкой.

Мѣстность на другомъ берегу Большой Невки (нынѣшняя Выборгская Сторона) была тогда мало заселена. Здѣсь всего было нѣсколько домовъ, изъ которыхъ одинъ принадлежалъ князю Черкасскому. Выше стояли госпитали для морскихъ и сухопутныхъ солдатъ и заводы. По лѣвую руку было русское кладбище и церковь св. Сампсонія, построенная царемъ въ память Полтавской побѣды.

Васильевскій островъ въ это время уже принадлежалъ князю Меншикову, который выстроилъ себѣ здѣсь великолѣпныя каменныя палаты, имѣвшія 57 саженъ въ длину. (Время постройки этого дворца вопросъ спорный: одни относятъ ее къ самымъ первымъ годамъ существованія Петербурга; большинство же къ 1710-му году; но послѣднее врядъ ли справедливо, потому что въ 1710 году въ залѣ этого дворца уже справлялась свадьба царевны Анны Ивановны). Все зданіе дворца (нынѣшнее Павловское училище) было-трехъ этажное итальянской архитектуры, крытое желѣзной красной крышей. Фронтонъ былъ украшенъ шестью большими статуями, а боковые выступы его съ балконами на Неву были увѣнчаны огромными княжескими коронами; по обѣимъ сторонамъ дома возвышались флигеля. Комнаты въ домѣ были со сводами; въ среднемъ этажѣ находилась огромная зала, гдѣ давались всѣ придворныя празднества, балы, обѣды, и справлялись свадьбы всѣхъ знатныхъ лицъ. Множество другихъ покоевъ, съ роскошной меблировкой, наполнены были серебряными сервизами и всевозможными драгоцѣнностями.

Нѣкоторые изъ этихъ покоевъ сохранены до сихъ поръ въ ихъ прежнемъ видѣ и только во время работъ редакціонныхъ коммисій по крестьянскому дѣлу въ 1859 — 1861 были предоставлены во временное распоряженіе коммисій. На главной лѣстницѣ бывшаго дома Меншикова до сихъ поръ сохранились вензеля, состоящіе изъ буквъ Р. и М.: императора Петра II и Маріи Меншиковой, нареченной невѣсты молодаго императора.

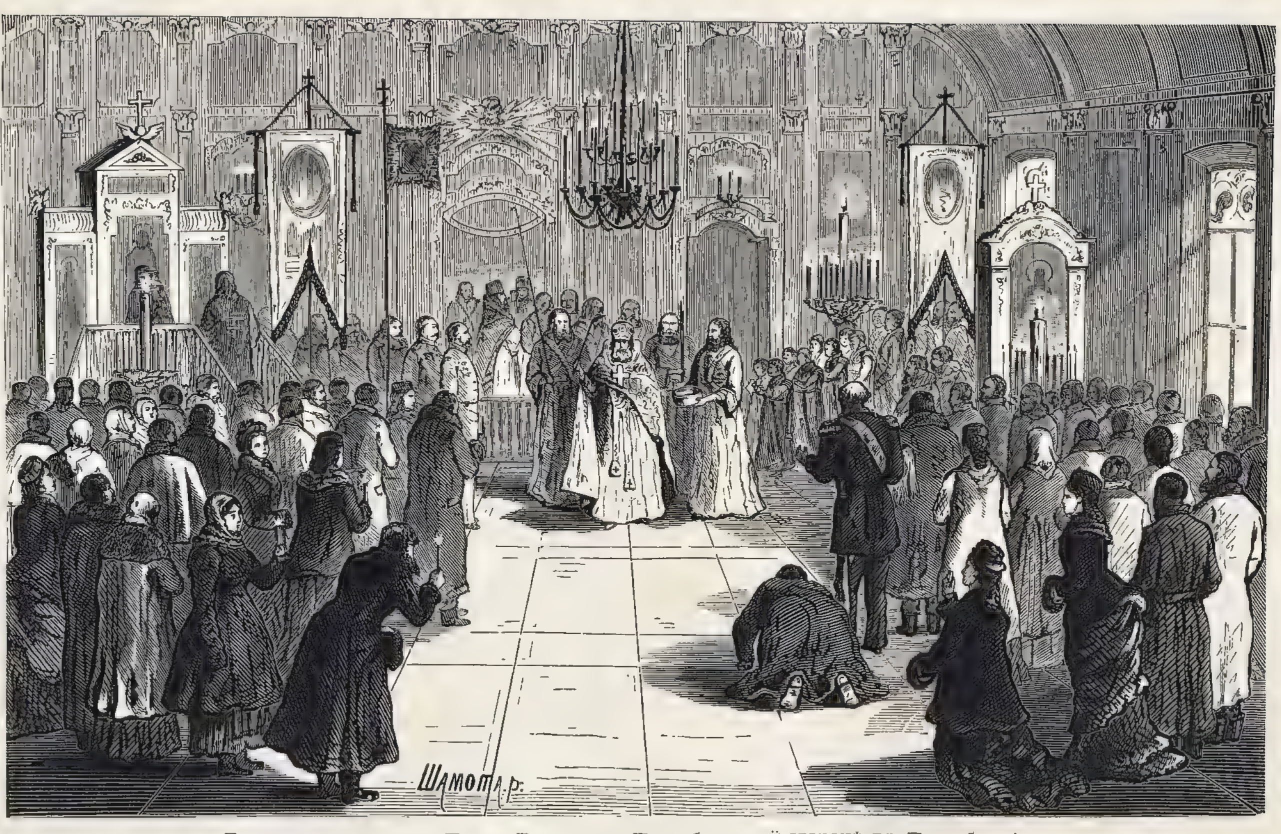
Отъ Меншиковскаго дворца къ нынѣшней Биржѣ прорытъ былъ каналъ къ деревянному двухъ этажному дому, называемому «посольскимъ». За каналомъ стояла княжеская церковь, каменная съ красивой колокольней. Около церкви, на набережной, находился большой каменный домъ маршалка князя Меншикова, Ѳедора Соловьева. Позади всѣхъ этихъ зданій до самой Малой Невы былъ разведенъ княжескій садъ, окруженный затѣйливыми рѣшетками, съ оранжереями, цвѣтниками и фонтаномъ. Направо за садомъ стояла вѣтряная мельница и жили княжескіе служители, архитекторы, мастеровые, садовники, а налѣво, позади главнаго дома, помѣщался скотный дворъ. Отъ сада Меншикова къ морю была сдѣлана длинная аллея, съ двумя рядами деревьевъ (Большой проспектъ), на концѣ которой, у самаго взморья, стоялъ деревянный домъ съ башней, служившей маякомъ для мимо идущихъ кораблей. Позади аллеи, въ линіяхъ, ближайшихъ къ Кадетской, была впослѣдствіи такъ называемая Французская слобода, гдѣ преимущественно жили иностранные мастеровые. На берегу Невы (гдѣ теперь садъ Соловьева) былъ рынокъ, называвшійся Меншиковымъ. (Рынокъ этотъ въ 1733 г. переведенъ былъ сначала на Большой проспектъ къ 20 линіи, а потомъ въ шестую линію, къ церкви св. Андрея, гдѣ существуетъ и теперь).

Домъ Меншикова.

Прежній деревянный домъ Меншикова на Петербургской Сторонѣ былъ отданъ въ распоряженіе знатныхъ гостей, посѣщавшихъ Петербургъ; здѣсь же въ 1710 году останавливался молодой герцогъ курляндскій, женихъ царской племянницы Анны, который въ первую же ночь по пріѣздѣ едва не погибъ отъ наводненія, а вслѣдъ затѣмъ былъ страшно испуганъ пожаромъ, такъ какъ въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ его дома сгорѣлъ огромный бревенчатый гостиный дворъ на Троицкой площади. Все строеніе было уничтожено менѣе чѣмъ въ часъ; купцы понесли большія потери, потому что, помимо огня, множество товаровъ было расхищено въ суматохѣ. 12 человѣкъ было поймано на мѣстѣ преступленія, и изъ нихъ четверо по жребію были немедленно повѣшены на углахъ гостинаго двора; тѣла ихъ, согласно тогдашнему обычаю, оставлены были на висѣлицахъ. Только въ 1713 году на Троицкой площади, на мѣстѣ прежняго, построенъ былъ новый гостиный дворъ — обширное мазанковое зданіе въ два этажа, крытое черепицей, съ большимъ пустымъ дворомъ внутри, который пересѣкался каналомъ. (Здѣсь помѣщалась первая книжная лавка въ Петербургѣ и первоначальная биржа, перенесенная около 1725 года въ особое зданіе передъ гостинымъ дворомъ.)

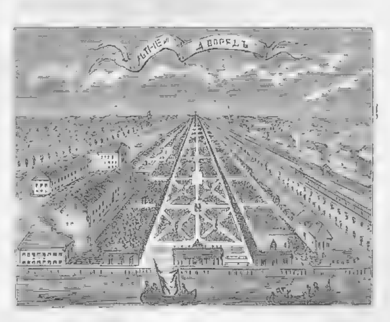
Однако, не смотря на первыя не совсѣмъ пріятныя впечатлѣнія, герцогъ курляндскій не могъ скучать въ Петербургѣ. 1710-ый годъ представлялъ собою рядъ непрерывныхъ празднествъ всякаго рода по случаю побѣдъ, одержанныхъ русскими войсками, взятія: Риги, Динаминда, Пернау, Ревеля, Выборга, Кексгольма; въ этомъ же году происходило торжество заложенія Александро-Невской лавры, основаніе купеческой и военной гавани въ Кронштотѣ и наконецъ свадьба самого герцога. Бракосочетаніе происходило въ церкви Меншикова, на Васильевскомъ острову, и въ залѣ его дворца приготовленъ былъ великолѣпный свадебный пиръ, въ которомъ принимала участіе вся царская фамилія. Двѣ недѣли спустя, въ той же залѣ отпразднована была знаменитая свадьба карликовъ, для которой были собраны карлики со всей Россіи.

Слѣдующіе 1711—1714 гг. особенно замѣчательны въ исторіи Петербурга, потому что ни прежде, ни послѣ въ Петербургѣ не было построено такой массы зданій. Петръ рѣшилъ

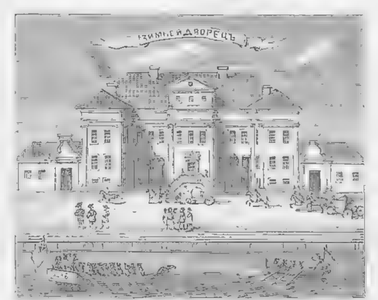

Внутренность церкви Пресв. Троицы, на Петербургской сторонѣ въ Петербургѣ.

окончательно перенести городъ съ Петербургской Стороны на такъ называемый Адмиралтейскій островъ, по сосѣдству съ корабельной верфью. Адмиралтейство въ это время хотя не отличалось изяществомъ, но уже было снабжено всѣмъ необходимымъ для постройки кораблей. Внутри его было большое четырехугольное мѣсто, застроенное съ трехъ сторонъ и открытое на Неву; здѣсь строились и спускались корабли на воду. Противъ открытой стороны находился большой въѣздъ или главныя адмиралтейскія ворота; надъ ними были устроены впослѣдствіи комнаты для засѣданій адмиралтействъ-коллегіи съ довольно высокою башнею. Кругомъ были зданія, наполненныя корабельными снарядами, избы мастеровыхъ, дома служащихъ, провіантскіе магазины, камера чертежей и т. п. Внутри и внѣ Адмиралтейства свалено было множество всякаго корабельнаго лѣса, но еще большее его количество лежало въ ближайшихъ каналахъ, откуда его брали по мѣрѣ надобности. Число этихъ каналовъ было теперь значительно увеличено, такъ какъ вся мѣстность по близости Адмиралтейства была болотиста, а нынѣшній Царицынъ Лугъ представлялъ собою поемный лугъ, который заливался водой при малѣйшемъ вѣтрѣ съ моря. Только кое-гдѣ встрѣчались болѣе высокія и сухія мѣста; на одномъ изъ нихъ при истокѣ р. Фонтанки въ Неву, гдѣ прежде находилась мыза Каноу съ тѣнистымъ паркомъ, Петръ построилъ себѣ лѣтній дворецъ, названный такъ отъ примыкающаго къ нему Лѣтняго Сада, основаніемъ котораго, вѣроятно, послужили остатки прежняго парка, такъ какъ иностранцы, видѣвшіе его пять, шесть лѣтъ спустя, врядъ ли величали бы «самъ только-что разведенный цвѣтникъ съ маленькими деревцами, не смотря на украшавшіе его статуи, фонтаны, гротъ и т. п. Лѣтній садъ во времена Петра состоялъ изъ нынѣшняго сада или такъ называемаго «нижняго» и соединялся мостомъ съ другимъ «верхнимъ садомъ», который находился за канавой, на мѣстности, окружающей позднѣйшій такъ называемый Михайловскій замокъ. Садъ этотъ игралъ видную роль въ царствованіе Петра; здѣсь часто бывалъ весь дворъ, давались разныя празднества и придворные лѣтніе балы въ устроенныхъ для этого галлереяхъ. Въ обыкновенное время здѣсь позволяли гулять всѣмъ петербургскимъ жителямъ; исключеніе было только для тѣхъ, кто носилъ сѣрый армякъ и въ особенности бороду.

Лѣтній дворецъ Петра Великаго.

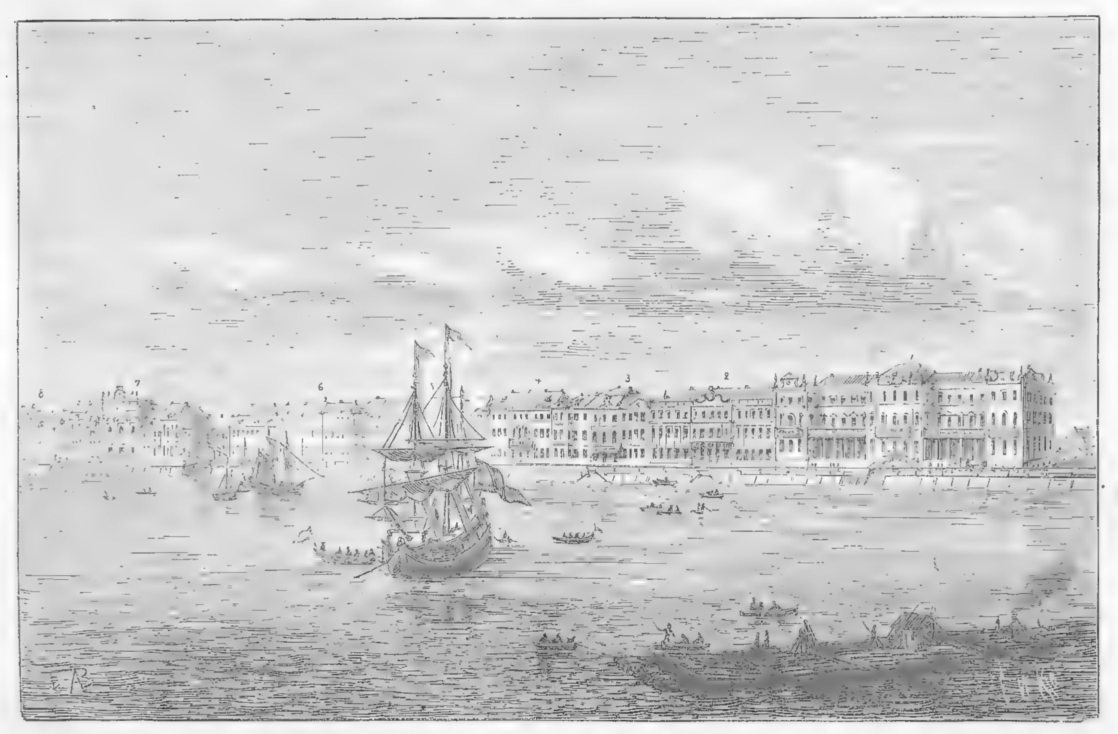

Зимній дворецъ Петра Великаго.

Почти одновременно съ Лѣтнимъ дворцомъ Петръ построилъ себѣ въ 1711 году Зимній дворецъ изъ небольшихъ палатъ съ шпицомъ, по голландскому обычаю (на мѣстѣ Преображенскихъ казармъ). Дворецъ былъ обращенъ фасадомъ на Неву, а по каналу къ нему примыкали мазанковыя службы. Вслѣдъ за государемъ стали переселяться на Адмиралтейскій островъ иностранцы и нѣкоторые изъ приближенныхъ Петра, которые поставили себѣ дома на набережной Большой Невы, какъ: князь Кантемиръ, Ягужинскій, Шереметевъ, князь Черкасскій, Гагаринъ и пр. Отъ государева дворца до Адмиралтейства разселились одни морскіе чины: противъ дворца черезъ каналъ вице-адмиралъ Крюйсъ, а у самаго Адмиралтейства — адмиралъ Апраксинъ. По другую сторону Адмиралтейства построена была деревянная церковь Исаакія, гдѣ въ 1712 году совершенъ былъ бракъ Петра съ Екатериной. На мѣстѣ нынѣшняго Мраморнаго дворца построенъ былъ двухъэтажный домъ съ галлереями, въ которомъ сначала была учреждена виноторговля, а въ 1714 году почтовый дворъ, гдѣ пріѣзжіе могли останавливаться до пріисканія

квартиры и гдѣ царь перѣдко угощалъ своихъ приближенныхъ по поводу различныхъ торжествъ. Въ этихъ случаяхъ пріѣзжіе должны были немедленно выбираться, хотя бы на улицу, не исключая и зимняго времени. Жившій въ почтовомъ дворѣ почтмейстеръ пользовался доходомъ съ писемъ (по 2 коп. съ письма); кромѣ того онъ имѣлъ привиллегію получать разные предметы безпошлинно и содержать недалеко отъ почтоваго двора трактиръ.

Желая по возможности расширить свою новую столицу, Петръ обратилъ вниманіе и на Московскую Сторону (нынѣшняя Литейная часть), которая въ это время представляла собою

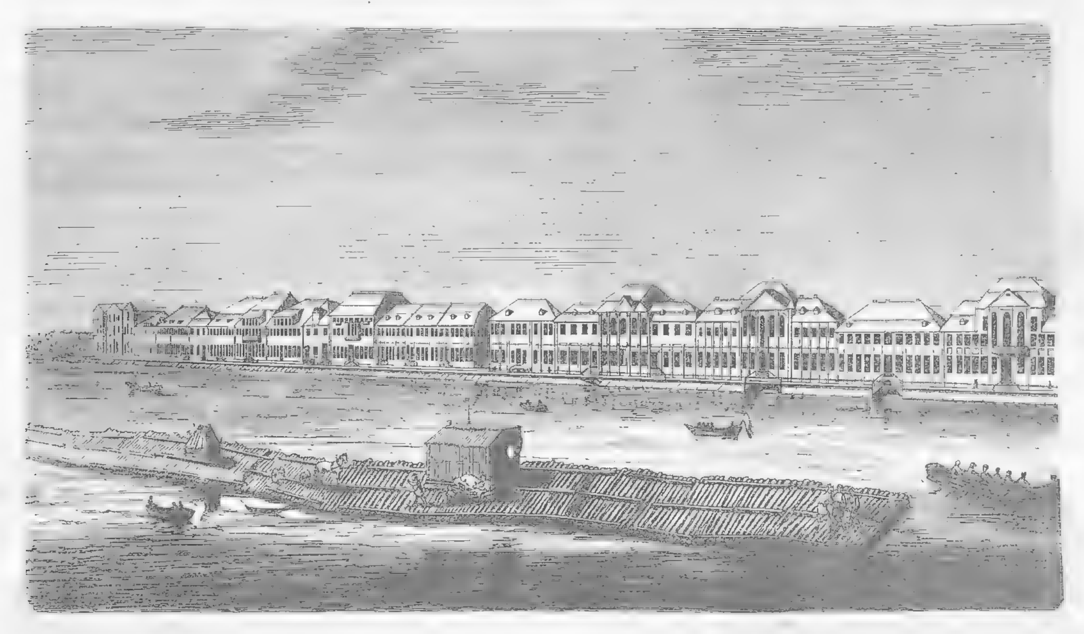

Набережная Невы отъ Зимняго дворца до дома М. Апраксина.

какъ бы полуостровъ, такъ какъ съ одной стороны къ ней примыкала Нева, а съ другой болотистыя топи. Здѣсь построенъ былъ въ 1712 году мазанковый дворецъ царевича Алексѣя Петровича съ черепичною крышею (около церкви Божіей Матери всѣхъ скорбящихъ), стоявшій рядомъ съ дворцомъ царевны Натальи Алексѣевны. По лѣвую сторону около дворца царевича жила царица Марѳа Матвѣевна, вдова царя Ѳеодора Алексѣевича. Кромѣ того на Московской же сторонѣ Петръ устроилъ тогда первый литейный дворъ, выписалъ изъ Москвы литейныхъ мастеровъ и заселилъ ими такъ называемую Литейную слободу. По близости ея былъ сооруженъ арсеналъ, «формальный и артиллерійскій» амбары. Однако, несмотря на усилія Петра, Московская сторона все-таки оставалась пустынной, и за нѣсколько лѣтъ только кое-гдѣ появились частные дома и то въ незначительномъ количествѣ.

Во времена Петра сообщеніе между различными частями города во все время навигаціи производилось исключительно водой, потому что мосты были только на Мойкѣ и Фонтанкѣ; и съ самыхъ первыхъ годовъ существованія Петербурга лицамъ разныхъ сословій раздавались отъ казны парусныя и гребныя суда съ тѣмъ, чтобы они оставались на вѣчныя времена у владѣльцевъ и въ случаѣ «утраты или обветшалости возобновлялись не только ими, но и потомками ихъ». Раздаваемыя петербургскимъ жителямъ суда строились на «партикуляръ-верфи», у нынѣш-

няго Солянаго городка. Кромѣ необходимости, Петромъ руководила въ этомъ случаѣ и другая цѣль: онъ хотѣлъ, во что бы то ни стало, обратить петербургскихъ жителей неустрашимыхъ и ловкихъ мореходовъ. Помимо обязательныхъ «экзерцицій» на Невѣ въ каждое воскресенье и при всякомъ попутномъ вѣтрѣ, устраивались еще «катанья на Невѣ» при всѣхъ праздниствахъ и торжествахъ, которыя были очень часты. Но Петръ не довольствовался этимъ и въ 1714 году сдѣлалъ, по словамъ Вебера, особенное распоряженіе, чтобы никто не смѣлъ плавать по Невѣ на веслахъ и чтобы постоянно употреблялись паруса; хотя съ людьми случались чуть-ли не ежедневно

Набережная Невы отъ Зимняго дворца до Лѣтняго сада при Петрѣ Великомъ.

несчастія и царю предлагали собрать деньги, чтобы устроить черезъ Неву мостъ на судахъ, но онъ «ничего не слушалъ и хотѣлъ силою принудить русскихъ къ мореходству».

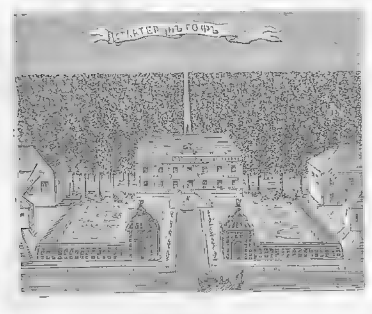
Неизвѣстно, насколько Петръ достигъ своей цѣли, но во всякомъ случаѣ жители Петербурга усердно пользовались своими лодками, какъ въ угоду царю, такъ и по неволѣ, потому что дороги, какъ въ самомъ городѣ, такъ и въ окрестностяхъ, были невыносимы вслѣдствіе болотистой почвы. На Московскую Сторону, кромѣ зимняго времени, нельзя было попасть иначе, какъ водой. Мощеніе улицъ, начатое еще въ 1710 году подъ надзоромъ Нѣмцевъ, подвигалось крайне медленно, такъ что послѣ дождя на иныхъ улицахъ почти нельзя было ни пройти, ни проѣхать. Во всемъ городѣ была только одна прямая, хорошо вымощенная дорога, прорубленная въ лѣсу отъ Адмиралтейства къ Александро-Невской лаврѣ. Это былъ нынѣшній Невскій проспектъ, въ то время состоявшій изъ двухъ аллей и называемый «Большая Перспективая». Дороги подъ Петербургомъ были, разумѣется, еще хуже и содержались такъ плохо, что весной и осенью на нихъ лежали десятками дохлыя лошади, павшія въ упряжи между трясинами. Иначе и не могло быть: петербургскимъ жителямъ было впору управляться съ городскими работами, а въ окрестностяхъ Петербурга, на далекомъ пространствѣ, только кое-гдѣ встрѣчались бѣдныя финскія деревни, а тамъ или одни пустыри, нескончаемый лѣсъ и топь. Зимою волки заходили въ городъ цѣлыми стаями, нападали на людей, домашній скотъ и особенно собакъ, которыхъ они разрывали не только у воротъ домовъ, но даже во дворахъ.

Необходимость заселить окрестности Петербурга сдѣлалась настолько очевидною, что Петръ

съ этой цѣлью роздалъ многія подгородныя земли и острова своимъ приближеннымъ и самъ построилъ цѣлый рядъ загородныхъ дворцовъ. Изъ нихъ первый по времени Екатерингофъ, подаренный царемъ Екатеринѣ и названный ея именемъ, былъ заложенъ въ 1711 году. Дворецъ царицы былъ деревянный и при немъ разведенъ садъ, въ которомъ Петръ учредилъ первое народное гулянье (1-го мая). Петръ построилъ и себѣ небольшой каменный дворецъ въ Екатерингофѣ, названный Подзорнымъ, такъ какъ, согласно преданію, на немъ была башня, съ которой царь любилъ смотрѣть въ зрительную трубку на проходившие по Невѣ корабли. Кромѣ того Екатеринѣ были подарены: Пулково, Славянка, Колпино и наконецъ мыза Сарская, названная впослѣдствіи Царскимъ селомъ. Въ то же время начатъ каменный дворецъ на Финскомъ или Карельскомъ берегу, между деревнею Лахтою и Сестрорѣцкомъ, и посажена дубовая роща, почему и самое мѣсто прозвано «Дубки». На другой сторонѣ залива Петръ выбралъ еще два мѣста для своихъ увеселительныхъ дворцовъ, одно въ 17 верстахъ отъ столицы, при р. Стрѣлѣ, по близости моря, которое онъ назвалъ Стрѣльной или Стрѣльною мызою и подарилъ Елисаветѣ Петровнѣ, а другое — въ 28 верстахъ отъ столицы, гдѣ царь построилъ для себя дворецъ, развелъ великолѣпный садъ съ фонтаномъ и назвалъ Петергофомъ. Соображаясь съ желаніями царя, князь Меншиковъ также построилъ себѣ огромный домъ на подаренной ему землѣ, въ 8-ми верстахъ отъ Петергофа, развелъ при немъ огромный садъ и назвалъ это мѣсто Ораніенбаумомъ.

Мостъ на Фонтанкѣ при Петрѣ Великомъ.

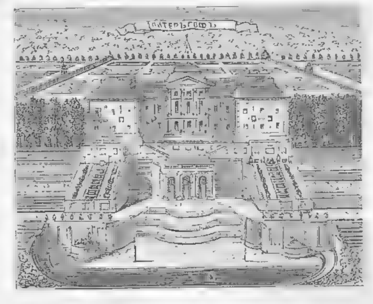
Екатерингофъ.

Крестовскій островъ былъ подаренъ царевнѣ Натальѣ Алексѣевнѣ, у которой былъ здѣсь загородный домъ, ей же достался и Петровскій островъ послѣ смерти кронъ-принцессы Шарлоты, супруги царевича Алексѣя. Каменный островъ принадлежалъ канцлеру Головкину; на Мишинѣ островѣ (Елагинѣ) стояла одна дача вице-канцлера Шафирова. На Аптекарскомъ островѣ находился только аптекарскій (нынѣ ботаническій) садъ и нѣмецкое кладбище.

Однако Петръ при всемъ своемъ желаніи не могъ заняться надлежащимъ образомъ окрестностями Петербурга и колонизація ихъ, несмотря на насильственное переселеніе нѣсколькихъ десятковъ крестьянскихъ семействъ, почти ограничилась постройкой однихъ увеселительныхъ дворцовъ, т. е. тѣмъ, что сдѣлано было самимъ Петромъ или подъ его непосредственнымъ наблюденіемъ. По его же указамъ преимущественно населялась и новая столица; но здѣсь Петръ приложилъ всю свою энергію, и число петербурскихъ жителей увеличивалось съ невѣроятною быстротою. По переписи 1714 года въ новой столицѣ оказалось 34,550 большихъ и малыхъ домовъ, хотя многіе изъ нихъ, по словамъ Вебера, «не трудно было разобрать въ два часа и перенести на другое мѣсто»; — и въ общемъ городъ представлялъ собою безпорядочную массу сдвинутыхъ другъ къ другу селеній, рядомъ съ красивыми каменными домами и огромными деревянными зданіями. Согласно этой переписи, всѣ имѣвшие дома и нѣкоторый достатокъ должны были навсегда остаться петербурскими обывателями съ правомъ выѣзжать изъ столицы не болѣе какъ на пятимѣсячный срокъ съ разрѣшенія сената; одни только бѣдняки отпущены были на прежнія мѣста жительства. Съ этого же времени особенно часто начали выходить постановле-

нія о высылкѣ въ Петербургъ лицъ разнаго званія: дворянъ, купцовъ, мастеровыхъ и пр. съ женами и дѣтьми.

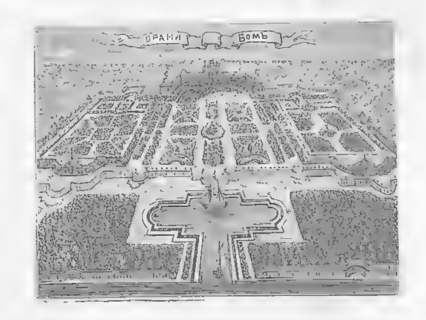
При этомъ правительство, руководствуясь единственно своими видами при переселеніи въ Петербургъ многихъ тысячъ разнаго народа, въ то же время хотѣло, чтобы всѣ частныя постройки переселенцевъ производились непремѣнно по тѣмъ образцамъ и системѣ, какія правились царю. Городскіе дома предписано было строить мазанковые «прусскою манерою и непремѣнно на каменномъ фундаментѣ; кровли слѣдовало дѣлать или черепичныя или изъ дерна «какъ въ Ингріи — по жердямъ скалою въ два дерна». Кровельныхъ мастеровъ должно было брать у оберъ-коммисара Сенявина. Неисполнявшіе этихъ постановленій имѣли быть наказываемы «яко явные преступники съ жестокостью». Деревянное строеніе, гдѣ такое дозволялось, должно было быть брусяное, а если изъ бревенъ, то снаружи обитое тесомъ и окрашенное «черленью» или расписанное подъ кирпичъ и т. п.

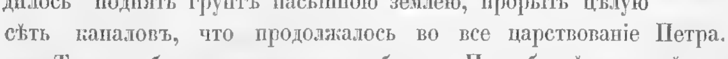
Петергофъ.

Въ 1714 году, Петръ, замѣтивъ, что въ городѣ по недостатку каменщиковъ и мастеровыхъ медленно и дорого строились каменные дома, запретилъ во всехъ государствѣ, кромѣ Петербурга, сооружать каменныя зданія. Для мощенія улицъ и въ постройкахъ нуженъ былъ дикій камень. Чтобы имѣть его въ готовности, было постановлено на всѣмъ судахъ, приходившихъ въ Петербургъ черезъ Ладожское озеро, также на всѣхъ подводахъ, ѣхавшихъ въ городъ, привозить такой камень и сдавать его Сенявину.

Суда, смотря по величинѣ ихъ, должны были привозить по 30, 20 и 10 камней; крестьянскіе подводы по 3 камня. На первыхъ камни должны были вѣсить по 10 и болѣе фунтовъ, на вторыхъ по 5 фунтовъ. Легковѣсныхъ привозить не дозволялось, за каждый недостающій камень платилось по гривнѣ.

Ораніенбаумъ.

Однако мощеніе улицъ несмотря на массу подвозимаго камня, попрежнему производилось крайне медленно домовладѣльцами, потому что городъ нѣсколько разъ распланировывался вновь, во всѣхъ направленіяхъ стояли вѣхи и никто не зналъ, какая улица и какой домъ будутъ оставлены въ прежнемъ видѣ. Вдобавокъ одного мощенія было недостаточно для осушки города; во многихъ мѣстахъ приходилось поднять грунтъ насыпною землею, прорыть цѣлую

сѣть каналовъ, что продолжалось во все царствованіе Петра.

Такимъ образомъ количество работъ въ Петербургѣ мало чѣмъ уменьшилось противъ первыхъ годовъ его существованія, и попрежнему ежегодно высылалось въ столицу около 40,000 человѣкъ. Хотя условія работы значительно измѣнились къ лучшему, рабочіе получали рубль вмѣсто прежней полтины, менѣе терпѣли отъ холоду и голоду и отдыхали въ зимнее время, по все-таки они шли въ новую столицу, какъ на каторгу, и ихъ препровождали туда какъ арестантовъ. Правда, нѣкоторые подъ конецъ и свыкались съ Петербургомъ, но большинство, по свидѣтельству иностранцевъ, сильно тосковало въ разлукѣ съ семьями и родиной, и число бѣглыхъ было постоянно довольно значительно.

Съ такой же неохотой и только въ силу царскихъ указовъ переселялись въ новую столицу дворяне и знатные вельможи, составлявшіе тогдашнее столичное общество, потому что это переселеніе, по ихъ словамъ, «лишало ихъ двухъ третей состоянія». Здѣсь они должны были тратиться на платья, заморскія вина и вещи, за все платить чистыя деньги, даже за дрова (въ

окрестностяхъ Петербурга съ 1718 года запрещали рубить лѣсъ), между тѣмъ какъ въ Москвѣ и въ прочихъ мѣстахъ Россіи они получали изъ своихъ деревень все необходимое для себя и своей челяди и тѣмъ существовали круглый годъ. При этомъ имъ приходилось выносить разныя неудобства, терпѣть отъ холода и сырости въ наскоро построенныхъ домахъ, которые могли быть плохой защитой во время наводненій, довольно частыхъ въ то время при низменныхъ берегахъ Невы, плохо укрѣпленныхъ сваями, фашинами и землею; ничѣмъ несдерживаемая вода грознымъ потокомъ врывалась въ городъ, вѣтеръ съ шумомъ срывалъ черепицы съ крышъ; по волнамъ Невы носились гонимыя бурей суда съ людьми, обломки разрушенныхъ заборовъ и жилищъ. Съ такими картинами трудно было свыкаться представителямъ московской Руси, которые до этого жили вѣками въ полной безопасности, въ своихъ теплыхъ и насиженныхъ хоромахъ. Сверхъ того, въ Петербургѣ ихъ ожидалъ крутой переворотъ во всемъ складѣ жизни, въ препровожденіи времени, во всѣхъ привычкахъ. Даже самыя увеселенія и празднества Петра не всегда могли нравиться русскимъ людямъ, потому что рядомъ съ торжествами, встрѣчавшими полное сочувствіе въ народѣ, какъ празднованіе побѣдъ, царскихъ именинъ, церковныхъ праздниковъ, было много такихъ, которыя шли прямо въ разрѣзъ съ старинной русской чопорностью и понятіями о приличіяхъ, какъ напр. развлеченія всешутѣйшаго собора, свадьба князя-папы, пиры и ассамблеи съ участіемъ женщинъ, спуски кораблей, при которыхъ русскимъ знатнымъ людамъ приходилось сидѣть рядомъ съ разными корабельными мастерами и нечиновными иностранцами, шестидневные уличные маскарады, наподобіе видѣнныхъ Петромъ въ Голландіи, катанье по Невѣ во всякую погоду, шутки на 1-е апрѣля въ видѣ мнимаго пожара и т. п. Конечно, русскаго человѣка не могло поражать гомерическое пьянство, которымъ сопровождались всѣ подобныя празднества, приневоливаніе гостей при угощеніи виномъ, запираніе дверей и воротъ — все это издавна велось въ русской землѣ; но русскихъ людей тяготило насильственное участіе во всѣхъ увеселеніяхъ, такъ что ни болѣзнь, ни семейныя обстоятельства не могли служить оправданіемъ чьего-либо отсутствія. Русскій человѣкъ привыкъ съ давнихъ поръ къ безусловному повиновенію высшей власти, но у себя дома онъ по крайней мѣрѣ чувствовалъ себя полнымъ хозяиномъ; теперь-же регламентація коснулась всего его существованія: постройки его дома, одежды, наружности, мѣста жительства и даже его увеселеній. Многіе возмущались такимъ насиліемъ, возлагали всѣ свои надежды на царевича, ненавидѣли Петра, но не смѣли открыто высказать своего неудовольствія, такъ какъ въ перемежку съ разными празднествами и пирами совершались жестокія казни, которыя наводили тѣмъ большій ужасъ на современниковъ, что царь въ подобныхъ случаяхъ не щадилъ самыхъ знатныхъ лицъ и наконецъ пожертвовалъ собственнымъ сыномъ. Даже самыя административныя реформы Петра не могли восхищать тогдашнее петербургское общество, какъ напр. сенатъ и коллегіи. Большинство сенаторовъ не имѣли ни достаточной подготовки, ни способностей для той обширной власти, которая была предоставлена имъ, и вдобавокъ, отличались непомѣрнымъ корыстолюбіемъ. Знаменитыя коллегіи, открытыя въ 1719 году (въ особомъ зданіи на Троицкой площади), вмѣсто прежнихъ московскихъ приказовъ, по словамъ иностранца Фокеродта, привели еще къ большей путаницѣ, особенно въ первое время. Русскіе въ коллегіяхъ долго не могли свыкнуться съ новыми порядками и уяснить себѣ ихъ сущность, а Нѣмцы не могли оказать имъ помощи, отчасти по незнанію русскаго языка, а также потому, что шведскія учрежденія были извѣстны немногимъ изъ нихъ. Не менѣе чуждою была и табель о рангахъ, и весь бюрократическій порядокъ, введенный Петромъ. Прежнія злоупотребленія въ управленіи существовали во всей силѣ, и въ этомъ едва ли не болѣе всѣхъ виновенъ былъ петербургскій губернаторъ Меншиковъ. Также мало приносили пользы попытки Петра по образованію, потому что для этого требовалось время, между тѣмъ только въ 1715 году открыто было первое учебное заведеніе въ Петербургѣ—такъ называемая «морская академія», послѣ которой основана «словенская школа» въ Александро-Невскомъ монастырѣ. Типографія, перенесенная въ Петербургъ въ 1714 году, состояла всего изъ одного типографскаго станка,

Свадьба карликовъ при Петрѣ Великомъ.

(Съ гравюры XVIII вѣка).

и только нѣсколько лѣтъ спустя, она была расширена и заведены еще три типографіи: въ Александро-Невскомъ монастырѣ, при сенатѣ и морской академіи (двѣ послѣднія были очень незначительны). Изъ книгъ, продававшихся тогда въ Петербургѣ съ 1712—22 г., всего лучше шелъ календарь съ предсказаніями на каждый мѣсяцъ и на цѣлый годъ вообще, а изъ гравюръ — изображенія царя. Библіотека, заведенная Петромъ, послужившая началомъ нынѣшней академической библіотеки, составилась изъ книгъ, пріобрѣтенныхъ во время занятія нашими войсками остзейскихъ городовъ, а также изъ библіотекъ: царевича Алексѣя, Андрея Виніуса и др. Сперва библіотека помѣщалась въ лѣтнемъ царскомъ дворцѣ, а потомъ перенесена въ домъ Кикина, любимца царевича, отобранный въ казну и находившійся на берегу Невы противъ охтинскихъ слободъ, въ то время уже заселенныхъ плотниками и разными мастеровыми. Въ домѣ же Кикина въ 1719 году помѣщена была знаменитая кунстъ-камера. Но и здѣсь Петръ остался вѣренъ себѣ и, только-что положивъ первое начало русскому образованію, уже представлялъ себѣ картину того, чего можетъ оно достигнуть въ будущемъ. Въ 1724 году, какъ извѣстно, Петръ Великій утвердилъ уставъ объ учрежденіи Академіи Наукъ въ Петербургѣ и поручилъ привести его въ исполненіе нѣмцу Блюментросту.

Однако въ Петербургѣ, помимо обрусѣвшихъ иностранцевъ, былъ одинъ классъ населенія, который искренно сочувствовалъ Петру и которому была прямая выгода селиться въ Петербургѣ. Это были русскіе купцы, торгаши, промышленники и ремесленники разнаго рода; первыхъ привлекали въ Петербургъ дороговизна и разныя льготы; вторыхъ — масса постоянной работы. Вдобавокъ они пользовались прямымъ покровительствомъ царя, который во все свое царствованіе заботился о заведеніи фабрикъ и заводовъ и послѣ своего путешествія въ Голландію пришелъ къ ясному сознанію, что въ благосостояніи торговаго и промышленнаго класса заключается главный источникъ государственнаго богатства и что промыслы могутъ процвѣтать только при «свободномъ, самостоятельномъ» развитіи ихъ безъ вмѣшательства «стороннихъ» властей. Отъ бурмистерской палаты Петръ сдѣлалъ важный шагъ впередъ устройствомъ магистрата въ 1722 г., сперва въ Петербургѣ, «въ примѣръ другимъ городамъ, а потомъ въ Москвѣ и тако въ протчихъ», снабженныхъ «добрыми регулы, ибо сіе есть», по словамъ указа, «едино изъ потребнѣйшихъ дѣйствъ, чего всѣмъ коллегіямъ, а наипаче коммерцъ-коллегіи желать довлѣетъ.» Но главная заслуга магистратовъ заключалась не столько въ «добрыхъ регулахъ», сколько въ возстановленіи выборнаго начала и городскаго самоуправленія. Составъ городскихъ магистратовъ складывался изъ президента, бургомистровъ и ратмановъ. Всѣ они избирались изъ среды обывателей, «самыхъ пожиточныхъ и добрыхъ». Управленіе магистрата было совѣщательное, а кругъ его дѣятельности не только финансово-полицейскій, но и судебный. Магистратъ долженъ былъ «того смотрѣть, чтобы было правосудіе» и «вѣдать судомъ и расправою всѣхъ купеческихъ и ремесленныхъ людей». Далѣе на него возлагалось подробно описать всѣхъ жителей въ городахъ и кто какой промыселъ имѣетъ; къ нему-же относились всѣ торговыя и маклерныя дѣла, квартирныя повинности и другіе налоги и пошлины съ гражданъ. Сверхъ этого магистрату предоставлялось, что «если имъ будетъ усмотрѣно, какіе гражданскіе уставы и регулы... которые такой важности суть, что оные во всѣхъ городахъ могутъ быть благопотребны, то такіе обстоятельно сочинить и Сенату объявить», послѣ одобренія котораго они входили уже въ законную силу. Такимъ образомъ это учрежденіе хотя и носило на себѣ отпечатокъ бюрократическій, заимствованный съ чуждаго образца, однако, при правильномъ, безостановочномъ развитіи, магистраты заключали въ себѣ извѣстныя данныя къ образованію самостоятельнаго городскаго управленія. Такъ бы оно вѣроятно и случилось, еслибы реформы Петра не пріостановились при ближайшихъ его преемникахъ (до Екатерины II), которые не только искажали, отмѣняли, но даже нерѣдко шли въ разрѣзъ съ предначертаніями великаго преобразователя. Несравненно менѣе былъ удаченъ введенный одновременно съ магистратами уставъ о цехахъ, который оказался мертворожденнымъ при самомъ его появленіи, такъ какъ онъ

былъ взятъ цѣликомъ изъ нѣмецкихъ постановленій и не имѣлъ для себя надлежащей почвы въ развитіи русской промышленно-ремесленной среды. Этимъ объясняется и слабое исполненіе правилъ устава, хотя форма цеховаго управленія сохранилась въ своей силѣ до позднѣйшаго времени.

Но изъ всѣхъ реформъ, касавшихся столицы, наиболѣе законченною и успѣшною по своимъ результатамъ является учрежденіе полицейскаго управленія въ Петербургѣ, въ 1718 году, когда для «лучшихъ порядковъ» назначенъ былъ первый петербургскій генералъ-полиціймейстеръ Девіеръ. По словамъ Беркгольца, Девіеръ былъ родомъ итальянецъ, сперва онъ служилъ скороходомъ, потомъ былъ деньщикомъ (флигель-адъютантомъ) царя и славился строгостью и быстротою въ исполненіи царскихъ повелѣній. При назначеніи на должность генералъ-полиціймейстера ему даны были пункты, какъ «врученное дѣло управлять». Въ двѣнадцати статьяхъ были изложены обязанности полиціи о наблюденіи за правильностью построекъ въ городѣ, чистотою на улицахъ и переулкахъ, порядкомъ на торговыхъ площадяхъ и рынкахъ. Полиція должна была осматривать три раза въ году печи въ зданіяхъ, уничтожать «шишки, зернь, карточную игру», хватать людей подозрительныхъ, отбирать отъ домохозяевъ свѣдѣнія о пріѣзжающихъ и отъѣзжающихъ, учреждать ночныхъ караульщиковъ, «которые бы ходили по ночамъ съ трещотками какъ обычай въ другихъ краяхъ»; наконецъ отводить квартиры солдатамъ по домамъ обывателей, безъ различія званія. Вслѣдъ затѣмъ, въ добавленіе къ этимъ статьямъ издано было много частныхъ постановленій, которыя главнымъ образомъ касались городскихъ построекъ и внѣшняго порядка на улицахъ. Такъ въ 1719 г. замѣчено было, что коровы, козы и свиньи, ходя по улицамъ и другимъ мѣстамъ, портятъ дорогу и деревья, почему велѣно держать пастуховъ. Въ слѣдующемъ году запрещено извощикамъ ѣздить на невзнузданныхъ лошадяхъ и т. п. Охрана деревьевъ составляла предметъ особой заботы Петра I. По его распоряженію было запрещено рубить большія деревья въ городѣ, хотя бы они находились посреди улицы. Что же касается рынковъ, то полиція должна была наблюдать не только за порядкомъ, но и за свѣжестью съѣстныхъ припасовъ, и постановлено было, чтобы всѣ торгующіе въ Петербургѣ съѣстными припасами по улицамъ и въ лавкахъ «ходили въ бѣломъ мундирѣ по указу..... а мундиры бы дѣлали по образцу, какъ въ мясномъ и рыбномъ рядахъ у торговыхъ людей». Рядомъ съ этимъ умножено было число врачей, учреждены госпитали, больницы, богадѣльни и, въ предупрежденіе повальныхъ болѣзней, леченіе сдѣлано обязательнымъ для всѣхъ; приняты также строгія мѣры противъ нищенства, а противъ «воровскихъ приходовъ и всякихъ непотребныхъ людей» въ 1720 году устроены шлагбаумы. Они были надѣланы по концамъ каждой улицы, опускались ежедневно вечеромъ въ одиннадцатомъ часу, а подымались послѣ пробитія утренней зари въ крѣпости. Въ продолженіе ночи черезъ шлагбаумы пропускались только воинскія команды, знатные люди, лекаря, священники, повивальныя бабки и посланные по дѣламъ службы, и всѣ они должны были имѣть при себѣ фонари. А изъ «подлыхъ» велѣно было пропускать «развѣ, кто за крайнею нуждою пойдетъ, одинъ съ фонаремъ (спрося его), а если пойдутъ два, три и болѣе человѣкъ, тѣхъ брать подъ караулъ»..... Съ 1721 года начали освѣщать петербургскія улицы фонарями, которыхъ (кромѣ бывшихъ на Васильевскомъ острову) требовалось 595, по образцу стоявшихъ у императорскаго дворца. По смѣтѣ, освѣщеніе улицъ и содержаніе фонарщиковъ тогда стоило 21,438 рублей.

На пожарную часть было обращено особенное вниманіе, и, благодаря этому, несмотря на множество деревянныхъ зданій, пожары были невелики и скоро прекращались. На всѣхъ городскихъ башняхъ помѣщались постоянные караульщики днемъ и ночью, которые едва замѣчали пламя въ какомъ-нибудь зданіи, то «начинали набатъ, повторяемый на всѣхъ колокольняхъ и били тревогу въ барабаны». На пожаръ, согласно царскому указу, тотчасъ же сбѣгались тысячи плотниковъ, которыми былъ полонъ Петербургъ, и солдаты подъ страхомъ жестокаго наказанія за неповиновеніе. Царь являлся всегда изъ первыхъ на пожаръ, поощрялъ работниковъ и, въ

случаѣ большой опасности, вооружался самъ топоромъ, взбирался на полусгорѣвшіе дома и приводилъ въ ужасъ зрителей своей смѣлостью. Сначала пожарныя трубы были въ одномъ Адмиралтействѣ, но въ 1721 году, по требованію Девіера, выписаны были еще четыре трубы изъ Голландіи для разныхъ частей города.

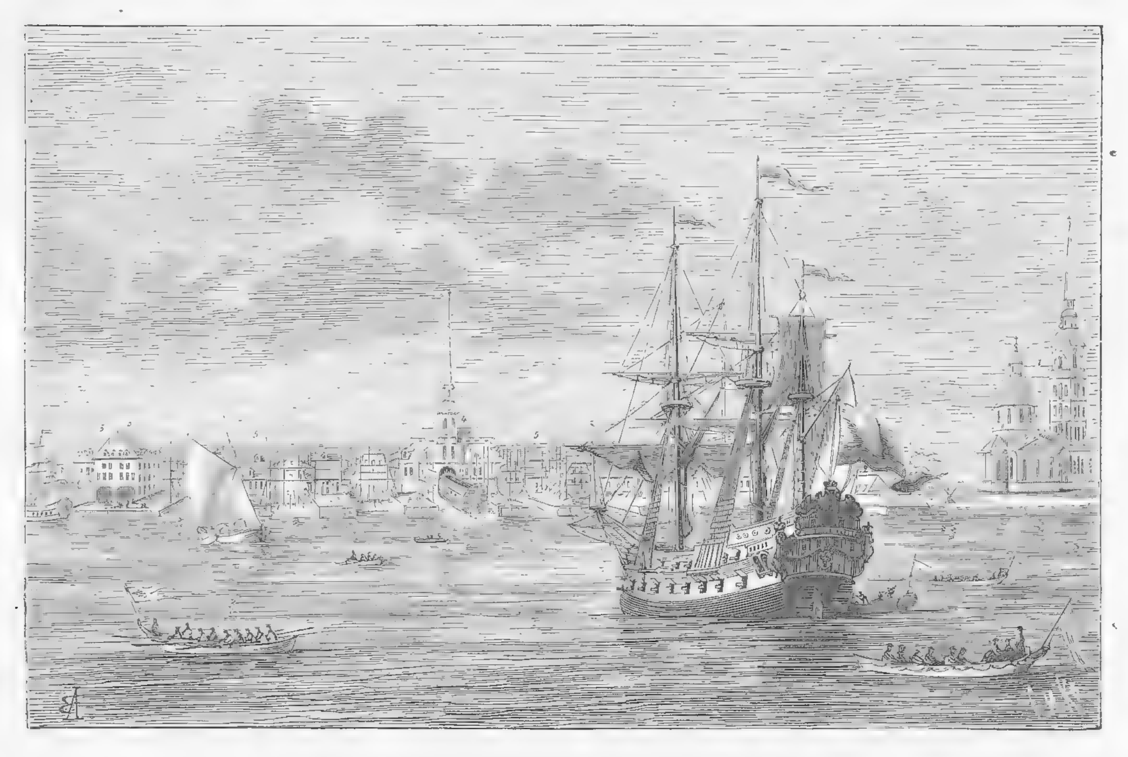
Составъ полиціи былъ смѣшанный. Надзоръ за благочиніемъ въ городѣ возложенъ былъ на служилыхъ людей, состоявшихъ при канцеляріи генералъ-полиційместера. Помимо приказныхъ и писцовъ, къ числу ихъ принадлежали особые прикомандированные офицеры, сыщики, разсыльщики и т. д. Каждый изъ нихъ имѣлъ разнообразныя назначенія, и только нѣкоторые имѣли спеціальныя занятія: одинъ смотрѣлъ за свѣжестью провизіи на рынкахъ, другой за чистотой улицъ, третій за исправностью карауловъ и пр. Всѣ низшія полицейскія обязанности были почти исключительно возложены на обывателей, т. е. на ихъ выборныхъ. Здѣсь мы встрѣчаемъ уже болѣе правильную организацію, по образцу прежняго городскаго управленія въ Россіи Петербургъ располагался по слободамъ, которыя въ полицейскомъ отношеніи дѣлились по числу дворовъ и по улицамъ, на особые околотки, во главѣ которыхъ были «старосты». Въ вѣдѣніи старостъ находились «десятники» съ каждыхъ десяти дворовъ и, наконецъ, караульщики дневные и ночные, вооруженные огнестрѣльнымъ оружіемъ.

Городъ въ это время уже принялъ довольно значительные размѣры, и въ 1718 году число домовъ доходило здѣсь до 40,000. Самой населенной частью была теперь мѣстность на лѣвомъ берегу Невы, примыкающая къ Адмиралтейству, и по набережной Большой Невы. Московская Сторона осталась въ томъ же видѣ, какъ и въ первые годы перемѣщенія города на Адмиралтейскую Сторону.

Передъ Царицынымъ Лугомъ, гдѣ теперь Павловскія казармы, выстроено было нѣсколько частныхъ домовъ (въ одномъ изъ нихъ, въ 1721 году, останавливался женихъ цесаревны Анны Петровны, герцогъ Голштинскій), а тамъ, гдѣ нынѣ Михайловскій дворецъ, находился дворецъ и садъ Екатерины Алексѣевны. Мѣста, занятыя нынѣшней Караванной, Итальянской, Малой Садовой и Михайловскою улицами, были покрыты сплошнымъ лѣсомъ. Пространство по набережной Мойки до Дворцовой площади за Зимнимъ дворцомъ Петра называлось «финскими схерами» и заселено было преимущественно Финнами и Шведами. Направо отъ нынѣшняго Конюшеннаго моста находился финскій рынокъ и финская лютеранская кирка, состоявшая изъ двухъ комнатъ. Здѣсь же была и католическая бревенчатая церковь. Между Конюшеннымъ мостомъ и Зимнимъ каналомъ по набережной Мойки находилась такъ называемая Греческая слобода. Застроенныя мѣста между почтовымъ дворомъ и Адмиралтействомъ заняты были Нѣмецкою слободою. На углу теперешней Милліонной и Аптекарскаго переулка выстроена была главная казенная аптека (перенесенная изъ крѣпости). По Милліонной были дома частныхъ лицъ: гр. Мусина-Пушкина, князя Долгорукова, прапорщика Чевкина, корабельныхъ мастеровъ (Гаврилы Меншикова, Пальчикова и Мошкова), лейбъ-медика Арескина, брата царицы Карла (получившаго фамилію графа Скавронскаго) и пр. Пространство, занимаемое нынѣшнимъ Зимнимъ дворцомъ, также находилось подъ домами частныхъ лицъ. По берегу Мойки между Пѣвческимъ и Полицейскимъ мостами была расположена слобода, начинавшаяся домомъ Сенявина; на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь домъ Елисѣева, стоялъ гостиный дворъ (сгорѣвшій въ 1736 году), а позади его мытный дворъ, мясной и рыбный ряды. На углу Невскаго проспекта и нынѣшней Малой Морской помѣщалось въ мазанкахъ невское подворье. У самаго Полицейскаго моста была полиційместерская канцелярія (отъ которой произошло названіе моста), а рядомъ съ нею въ 1723 году строился новый театръ, вмѣсто прежняго, находившагося на Московской Сторонѣ, крайне неудобнаго по своей отдаленности.

Передъ Адмиралтействомъ, по близости нынѣшняго Невскаго проспекта находился морской рынокъ и кабакъ, наз. «Петровскимъ кружаломъ», стоявшій на лугу, гдѣ по воскресеньямъ и праздничнымъ днямъ собирались рабочіе, крестьяне и мастеровые и вступали въ кулачный бой.

Сперва онъ начинался какъ бы въ шутку, но скоро дѣло доходило до настоящей драки, лилась кровь, волосы летѣли клочьями на землю; — и многихъ уносили домой въ безчувственномъ состояніи. Вдобавокъ бои эти обыкновенно сопровождались дикими воплями, слышными на далекомъ разстояніи. По другую сторону Адмиралтейства, обращенную къ Исакіевской площади, были бѣдныя слободы — Пушкарская, Большая и Малая Морскія. Между нынѣшнимъ Петровскимъ памятникомъ и Адмиралтействомъ стояла, какъ мы уже говорили, деревянная церковь Исаакія Далматскаго, которую въ 1717 году начали передѣлывать въ каменную, но она не была окон-

Видъ Адмиралтейства и Исаакіевскаго собора при Петрѣ Великомъ.

чена при Петрѣ. Напротивъ этой церкви (на мѣстѣ нынѣшняго Сената) находилось длинное и высокое мазанковое зданіе, крытое черепицей, построенное Меншиковымъ, въ которомъ помѣщались французскіе и нѣмецкіе мастеровые (за что казна платила Меншикову деньги). Въ мазанкахъ, разбросанныхъ вблизи этого зданія, жили корабельные мастера и адмиралтейскіе чиновники; отсюда все пространство по Галерной къ Коломнѣ было занято запасными магазинами: смольнымъ, угольнымъ и огромнымъ прядильнымъ и канатнымъ заводами, разными мастерскими, банями, сараями и пр. Нынѣ весьма населенная часть Петербурга, между Мойкой и Екатерининскимъ каналомъ, въ 20-хъ годахъ прошлаго столѣтія была наполнена топями и болотами. Около теперешней Вознесенской церкви находилось кладбище; — позднѣйшія Мѣщанскія улицы заняты были слободами, въ которыхъ жили разные мастеровые и ремесленники. Такъ наз. «Невская перспективая», начиная съ Полицейскаго моста до Александро-Невскаго монастыря, была почти совсѣмъ пустынна, и только по лѣвую сторону ея стояло нѣсколько незначительныхъ зданій. Пространство между Екатерининскимъ каналомъ и Фонтанкой было покрыто лѣсомъ; — и только на берегу Фонтанки находились дачи съ садами: Апраксина, Кикина и Матвѣева. Позднѣйшая Ямская и сосѣднія съ нею улицы заняты были такъ наз. «Ямской слобо-

дой», уже значительно населенной въ это время и имѣвшей особое кладбище. По Фонтанкѣ же (на мѣстѣ Екатерининскаго института) стоялъ такъ наз. Итальянскій дворецъ, построенный царемъ для его старшей дочери Анны, съ примыкавшимъ къ нему садомъ. Впрочемъ во дворцѣ этомъ не жилъ ни въ то время, ни впослѣдствіи никто изъ царской семьи, но садъ Итальянскаго дворца былъ при императрицѣ Екатеринѣ II любимымъ мѣстомъ гулянья петербургской публики. Близъ Фонтанки, противъ Лѣтняго сада, (гдѣ училище правовѣдѣнія), находился сытный дворъ, гдѣ хранились разные запасы и живность для царской кухни. Тамъ же былъ большой огородъ, которымъ, по отзывамъ иностранцевъ, завѣдывалъ съ большимъ успѣхомъ одинъ Шведъ. Церковь св. Пантелеймона при Петрѣ была деревянная; она построена въ воспоминаніе первой значительной побѣды Русскихъ на морѣ, 27 іюня 1819 г., при Гангудѣ, когда взятъ въ плѣнъ шведскій фрегатъ, нѣсколько судовъ и шаутъ-бейнахтъ Эреншильдъ. На Фурштадтской, тамъ, гдѣ и нынѣ, находилась съ 1720 года деревянная лютеранская кирка св. Анны, первоначально стоявшая въ крѣпости.

За Воскресенскимъ проспектомъ и внѣ города находилось, около 1725 года, подворье Ѳеофана Прокоповича съ церковью Благовѣщенія Богородицы.

Такимъ образомъ, не смотря на всѣ усилія Петра, новая столица населялась крайне неравномѣрно, безъ всякаго опредѣленнаго плана, и большая часть улицъ была безъ названій, такъ что, по разсказамъ современниковъ, если нужно было найти чей-либо домъ, то необходимо было подробно описать мѣсто, гдѣ онъ находится; — и разспросамъ не было конца, пока не встрѣчался человѣкъ, хорошо знавшій городъ или отыскиваемое лицо.

Въ послѣдніе годы своего царствованія Петръ задумалъ перенести городъ на третье мѣсто, а именно на Васильевскій островъ; — и рѣшилъ оставить на лѣвомъ берегу Невы только Адмиралтейство, Литейный дворъ, дома мастеровыхъ и солдатъ.

Мѣры для перемѣщенія столицы на Васильевскій островъ не были ни многосложны, ни глубоко обдуманы. Кто владѣлъ въ Россіи извѣстнымъ числомъ дворовъ, а также достаточное купечество должны были тотчасъ по полученіи указа отправляться въ Петербургъ или посылать родственниковъ своихъ съ деньгами и строить дома на Васильевскомъ островѣ, подъ страхомъ лишенія всего имущества. Въ то же время объявлено было всѣмъ петербургскимъ жителямъ, имѣвшимъ дома «на Адмиралтейскомъ островѣ», а равно на Московской и Петербургской Сторонѣ, что они должны немедленно переселяться на Васильевскій островъ и переносить сюда свои дома. Ослушникамъ угрожала «ломка домовъ» и насильственное переселеніе на Васильевскій островъ «въ черныя избы». Петръ, съ своей стороны, сдѣлалъ распоряженіе о постройкѣ на Васильевскомъ островѣ каменныхъ казенныхъ зданій; тогда же начато было огромное зданіе коллегій (нынѣшній университетъ), построенъ каменный дворецъ для царицы Парасковьи (принадлежащій теперь Академіи Наукъ), особый домъ для помѣщенія библіотеки и кунстъ-камеры и т. п. Однако мысль о перемѣщеніи столицы осталась неосуществленною; частные дома строились такъ медленно на Васильевскомъ островѣ, что большая часть ихъ не была окончена при Петрѣ.

Такое ослушаніе царской волѣ не представляетъ одного какого-нибудь единичнаго или исключительнаго явленія, потому что оно повторяется во все царствованіе Петра. Ломка всѣхъ условій русской жизни, созданныхъ вѣками, всѣхъ привычекъ, образа жизни, понятій, не могла не встрѣтить сопротивленія со стороны русскихъ людей, хотя бы пассивнаго, въ большинствѣ случаевъ, и въ видѣ неисполненія указовъ. Этимъ только и можно объяснить ту массу повторительныхъ указовъ, которые были изданы Петромъ, по поводу всѣхъ сколько-нибудь важныхъ распоряженій, и въ которыхъ онъ грозилъ ослушникамъ: смертью, каторгой, ссылкой, тѣлеснымъ наказаніемъ, лишеніемъ всего состоянія и т. п.; эти угрозы не производили особаго впечатлѣнія, потому что были слишкомъ часты и не всегда примѣнялись на практикѣ. Подъ конецъ и самъ царь долженъ былъ привыкнуть къ неисполненію своихъ указовъ, но

онъ не гнался за мелочами, зналъ, когда и гдѣ примѣнить силу своей геніальной энергіи; и въ главныхъ чертахъ всегда достигалъ конечной цѣли своихъ стремленій. Достигъ онъ и своей любимой мечты: сблизилъ Россію съ остальной Европой, овладѣлъ берегами Балтійскаго моря; и здѣсь успѣхъ превзошелъ всѣ ожиданія, — не могъ разсчитывать на такой успѣхъ и самъ Петръ Великій.

30 августа 1721 года, какъ извѣстно, заключенъ былъ Ништадтскій миръ, по которому

Петръ Великій, Императоръ Всероссійскій.

Шведы уступили Россіи: Лифляндію съ островами Эзелемъ и Даго, Эстляндію, часть Финляндіи съ Выборгомъ и Карелію съ Кексгольмомъ.

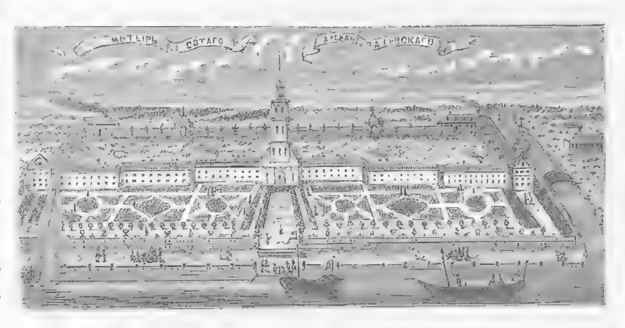
Государь узналъ о заключеніи мира 3 сентября, въ дер. Дубкахъ, и на другой день, рано утромъ отправился на легкой бригантинѣ въ Петербургъ, присталъ къ Троицкой площади и, выйдя на берегъ, самъ возвѣстилъ народу радостное событіе, утверждавшее величіе Россіи. Вслѣдъ затѣмъ начался рядъ празднествъ, которыя были только прелюдіей великолѣпнаго торжества мира, назначеннаго 22 октября, на которомъ Петру поднесенъ былъ титулъ «Императора Всероссійскаго».

Три года спустя, 30 августа, въ годовщину заключенія Ништадтскаго мира, петербургскіе жители были свидѣтелями новаго, невиданнаго ими торжества. Петръ приказалъ привезти въ

Петербургъ изъ Владиміра мощи Александра Невскаго, древняго побѣдителя Шведовъ. Рака, прибывшая изъ Шлиссельбурга, внесена была на берегъ Петромъ и знатными особами, при звонѣ колоколовъ и пушечныхъ выстрѣлахъ, и поставлена въ новый придѣлъ Александро-Невскаго монастыря, освященный въ то-же утро.

Въ первый день января 1725 года, царь по своему обыкновенію слушалъ обѣдню въ церкви св. Троицы и проповѣдь своего любимца Ѳеофана Прокоповича. Въ послѣднихъ числахъ того же мѣсяца въ Петербургѣ разнеслась вѣсть о кончинѣ Петра Великаго и о восшествіи на престолъ Екатерины I.

Въ столицѣ все было тихо; и спокойно совершились печальныя церемоніи. Петръ, не терпѣвшій никакой роскоши при жизни, былъ окруженъ по смерти возможнымъ великолѣпіемъ. На немъ было богатое верхнее платье, вышитое серебромъ, камзолъ изъ серебряной парчи съ бахромой, кружевной галстукъ и манжеты, высокіе сапоги со шпорами, шпага и Андреевская лента. Онъ лежалъ въ пышномъ гробѣ, обитомъ золотымъ глазетомъ съ серебрянымъ галуномъ, подъ парчевой золотой мантіей, подбитой горностаемъ. 30 января набальзамированное тѣло покойнаго императора было выставлено въ меньшей дворцовой залѣ; и только 13 февраля перенесено въ парадную траурную залу.

Александро-Невскій монастырь.

8 марта погребальная процессія торжественно двинулась въ Петропавловскій соборъ. По окончаніи литургіи въ соборѣ, взошелъ на каѳедру Ѳеофанъ Прокоповичъ и сказалъ свою знаменитую рѣчь: «Что се есть? до чего мы дожили, Россіяне! что видимъ? что дѣлаемъ? Петра Великаго погребаемъ!..» и которую закончилъ словами: «...Не весьма же, Россіяне! изнемогаемъ отъ печали и жалости... великій монархъ оставилъ насъ, но не нищихъ и убогихъ: безмѣрное богатство силы и славы его... при насъ есть... Онъ оставилъ намъ духовная, гражданская и воинская исправленія. Убо оставляя насъ разрушеніемъ тѣла своего, духъ свой оставилъ намъ.»

Но послѣдняя фраза осталась только фразой, по крайней мѣрѣ, по отношенію къ ближайшимъ преемникамъ Петра до Екатерины II, такъ какъ они не были воодушевлены его любовью къ Россіи, вѣрою въ блестящую будущность русскаго народа и мало заботились о продолженіи Петровскихъ реформъ. Особенно безотрадны были первыя двадцать лѣтъ послѣ кончины Петра Великаго, когда, по выраженію Ешевскаго (От. Зап. 1868 г. книга 5): «исторія Россіи сводилась къ исторіи частныхъ лицъ, а законодательство попеременно выражаетъ личныя побужденія и симпатіи...» Несмотря на огромную массу указовъ, изданныхъ въ это время, трудно отыскать въ нихъ какую-нибудь опредѣленную цѣль или систему; — послѣдняя мѣнялась съ каждымъ правленіемъ и по нѣсколько разъ въ одно и то же правленіе. Большая часть плановъ Петра оставалась безъ исполненія или подвергалась измѣненіямъ въ обратномъ смыслѣ; — и это было тѣмъ легче, что тогдашнее русское общество, не сочувствуя реформамъ Петра, не могло представить никакого противовѣса. Знаменитая ливонская плѣнница, по выраженію нашего извѣстнаго историка Соловьева: «при Петрѣ свѣтила не собственнымъ свѣтомъ, но заимствованнымъ отъ великаго человѣка, котораго она была спутницей; у ней доставало умѣнья держать себя на извѣстной высотѣ, обнаруживать вниманіе и сочувствіе къ происходившему около нея движенію... но у нея не было ни должнаго вниманія къ дѣламъ, особенно внутреннимъ и ихъ подробностямъ, ни способности начинанія и направленія...» Кратковременное правленіе Екатерины I или, вѣрнѣе, правленіе своекорыстныхъ и честолюбивыхъ «птенцовъ

Петра» (1725—1727) оставило существенный слѣдъ въ исторіи городскаго управленія окончательнымъ подчиненіемъ магистратовъ воеводамъ и губернаторамъ, въ силу указа 24 февраля 1827 года (тѣмъ же указомъ уничтожалась и мануфактуръ-коллегія). Такое измѣненіе относительно магистратовъ было вызвано главнымъ образомъ финансовыми затрудненіями, вслѣдствіе убѣжденія, что «прежде, когда все было сосредоточено въ рукахъ воеводъ, было лучше, проще и выгоднѣе для государства». Выгодно было это прежде всего для петербургскаго губернатора Меншикова, который не пренебрегалъ никакими способами для увеличенія своихъ денежныхъ средствъ. Равнымъ образомъ, Меншикову теперь уже не было никакого разсчета заботиться попрежнему объ украшеніи Петербурга и поддерживать дорого стоющій флотъ;—онъ почти оставилъ ихъ на произволъ судьбы, тотчасъ послѣ смерти Петра, и дѣлалъ только время отъ времени кое-какія распоряженія, какъ бы для очистки совѣсти. По свидѣтельству англичанина Мотгрея, посѣтившаго въ это время Россію, новая столица въ царствованіе Екатерины I представляла печальный видъ запустѣнія и застоя. Многія изъ начатыхъ зданій стояли безъ оконъ, крышъ и дверей, корабли въ Адмиралтействѣ и Кроншлотѣ (наз. Кронштадтомъ съ 1721 года) стояли непочиненные на докахъ; новые не достраивались. Одна только полиція находилась сравнительно въ блестящемъ положеніи, благодаря оставленному въ прежней должности Девіеру, который по-старому заботился о порядкѣ и чистотѣ петербургскихъ улицъ, преслѣдовалъ грабежи и разбои и даже, между прочимъ, принималъ мѣры, чтобы «дракъ» не было во время кулачныхъ боевъ и «кто упадетъ — лежачаго не бить», такъ какъ объ уничтоженіи этой дикой забавы еще нечего было и думать.

Академія Наукъ во времена Ломоносова.

Царствованіе Петра II (1727—1730) пошло еще дальше въ дѣлѣ упраздненія городскаго самоуправленія, потому что уничтожило главный (петербургскій) магистратъ и рѣшило въ принципѣ уничтожить и всѣ остальные магистраты въ Россіи, потому что люди «напрасно заняты», и всѣ дѣла поручить губернаторамъ и воеводамъ. Но въ этомъ случаѣ новое правительство дѣйствовало вполнѣ логично, потому что его отличительной чертой былъ крутой поворотъ къ московской старинѣ и прежнимъ порядкамъ. Молодой императоръ большею частью жилъ въ Москвѣ; и его примѣру охотно послѣдовали вся знать и множество дворянъ. По словамъ дюка де-Лирія, въ это время ходили упорно слухи о намѣреніи правительства перенести столицу на прежнее мѣсто, а всю торговлю перевести въ Архангельскъ, чтобы этимъ *погубить Петербургъ*, который и безъ того пустѣлъ съ каждымъ годомъ: улицы его заростали травой, а дороги въ окрестностяхъ были окончательно запущены. Неизвѣстно, дѣйствительно ли Петръ II или его приближенные думали о перенесеніи столицы въ Москву, но во всякомъ случаѣ преждевременная смерть юнаго императора помѣшала исполненію этого намѣренія.

Правленіе Анны Ивановны (1730—1740), тяжелое и ненавистное для Россіи по своимъ «секретнымъ» казнямъ, пыткамъ, сыщикамъ Бирона, усиленію налоговъ, жестокому взы-

сканію недоимокъ, пожарамъ, неурожаямъ, повальнымъ болѣзнямъ и пр., было тѣмъ не менѣе благодѣтельно для Петербурга, въ смыслѣ его расширенія и украшенія.

Императрица, хотя и говорила при вступленіи на престолъ, что всегда останется въ Москвѣ, но въ 1731 году рѣшила окончательно устроить свое мѣстопребываніе въ новой столицѣ, и поддержать ее всѣми зависящими отъ нея средствами. Петербургъ въ это время представлялъ полную картину разоренія, какъ видно изъ указа того же года, по которому предписывалось петербургскимъ домовладѣльцамъ содержать свои дома въ добромъ порядкѣ, чтобы «тѣ не пришли въ вящшее разореніе». Но, помимо разрушающихся домовъ, было множество недоконченныхъ и, такъ какъ несмотря на частыя напоминанія, они все-таки не достраивались, то правительство рѣшило наконецъ забирать ихъ въ казну.

Сама императрица поселилась по-близости Адмиралтейства, въ бывшемъ домѣ Апраксина (который завѣщалъ его Петру II), и, значительно расширивъ его, обнесла каменными стѣнами и рвомъ, а для помѣщенія дворцовой прислуги скуплены были ближайшіе частные дома. Въ томъ же 1732 году построенъ былъ и лѣтній дворецъ (по линіи, занимаемой рѣшеткой Лѣтняго сада и часовней въ память 4 апрѣля). Дворецъ этотъ былъ деревянный, одноэтажный, но довольно обширный, отличавшійся богатымъ убранствомъ, которое можно было видѣть съ набережной, сквозь зеркальныя стекла оконъ, бывшія тогда большою рѣдкостью. Выбравъ себѣ такимъ образомъ для жительства лѣвый берегъ Невы, Анна Ивановна особенно хлопотала объ украшеніи этой части города, чему не мало способствовалъ огромный пожаръ 1737 года, послѣ котораго въ первый разъ даны были офиціальныя названія петербургскимъ улицамъ. Одновременно съ этимъ городъ раздѣленъ на пять частей и учреждена особая коммиссія для построекъ въ городѣ и велѣно сочинить вѣрный планъ всему Петербургу. На Милльонной и Дворцовой набережной запрещено было строить деревянные дома, а на мѣстѣ сгорѣвшихъ близъ Адмиралтейства бѣдныхъ слободъ: Пушкарской, Большой и Малой Морскихъ велѣно сооружать по новому плану большіе каменные дома. Въ царствованіе Анны Ивановны построены каменныя Измайловскія казармы, церковь Вознесенія и къ городу прибавлена Коломенская слобода. Но однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ учрежденій царствованія Анны Ивановны былъ первый кадетскій корпусъ, основанный въ 1731 году по иниціативѣ Миниха, для образованія свѣдущихъ офицеровъ. Для помѣщенія кадетъ императрица назначила каменный домъ на Васильевскомъ островѣ съ садомъ и службами, принадлежавшій нѣкогда Меншикову и взятый въ казну.

Что же касается городскаго управленія и полиціи, то царствованіе Анны Ивановны поражаетъ массой изданныхъ указовъ и постановленій, между которыми не мало разумныхъ; но они прошли безслѣдно почти не только для остальныхъ городовъ, но и для Петербурга. Указы и полицейскія постановленія, ссылка, пытки и казни были безсильны противъ печальныхъ явленій, вызванныхъ неблагопріятными условіями тогдашняго управленія и экономическаго состоянія государства. Разбои были такъ велики и повсемѣстны, что противъ нихъ пришлось принимать экстраординарныя мѣры. Въ 1735 году, по докладу полиціймейстерской канцеляріи, сенатъ предписалъ вырубить лѣса «по проспективной дорогѣ отъ Петербурга до Соснинской станціи, чтобъ ворамъ пристанища не было». Сверхъ того въ предупрежденіе грабежей и убійствъ близъ Петербурга учредили «пристойную партію» изъ солдатъ. Не безопаснѣе было и въ самомъ Петербургѣ, судя по тому, что, въ 1740 году, шайка разбойниковъ напала на Петербургскую крѣпость и украла нѣсколько сотъ рублей казенныхъ денегъ. Матросы и солдаты, призываемые тогда для тушенія пожаровъ, сплошь и рядомъ, вмѣсто спасенія погибающаго имущества, сами предавались грабежу, разбою и однажды не пощадили даже казеннаго двора, разграбили его, «а письма и бумаги разбросали». Многіе изъ часто повторявшихся въ это время пожаровъ, очевидно, происходили отъ поджоговъ, но кто поджигалъ и зачѣмъ — осталось неизвѣстнымъ. Впрочемъ горѣлъ не одинъ городъ, но и лѣса въ окрестностяхъ. Въ іюлѣ 1735 года въ Петербургѣ отъ лѣсныхъ пожаровъ скопилось столько удушливаго дыма, что императрица не рѣшалась отворить окна.

Противъ нищенства, которое было тѣсно связано съ бродяжничествомъ, приняты были многія мѣры: въ Петербургѣ построено до 17 богадѣленъ на двадцать человѣкъ каждая; правительство разрѣшило безпошлинный ввозъ хлѣба въ Петербургъ, запретило отпускъ его за границу и т. п. Но всѣ эти мѣры не принесли желаемыхъ результатовъ, потому что, благодаря общему обѣднѣнію, нищіе, бродяги и воры стекались въ столицу со всѣхъ концовъ Россіи, и число ихъ увеличивалось съ каждымъ годомъ.

Одновременно со всѣмъ этимъ, Петербургъ, какъ и другіе города Россіи, терпѣлъ отъ заразъ и эпидемій, чему не мало способствовали и дурныя санитарныя условія столицы, какъ: накопленіе заразительныхъ міазмовъ отъ испорченныхъ съѣстныхъ припасовъ на рынкахъ, нечистота улицъ, погребеніе покойниковъ въ мелкихъ могилахъ и т. д. Полиціймейстерская канцелярія не въ силахъ была услѣдить за всѣмъ этимъ, такъ какъ съ уничтоженіемъ магистратовъ окончилась и правильная организація обывательской полиціи, исполнявшей при Петрѣ I всѣ низшія полицейскія должности.

Короткій промежутокъ времени отъ смерти императрицы Анны до воцаренія Елисаветы Петровны не представляетъ ничего любопытнаго, какъ для исторіи Россіи вообще, такъ и для исторіи Петербурга въ особенности. Хотя мать младенца-императора, Анна Леопольдовна, освободившись отъ регентства Бирона, тотчасъ же отмѣнила всѣ его приговоры, освободила нѣсколько тысячъ человѣкъ, находившихся тогда подъ допросами въ Петербургѣ; но въ дѣлѣ управленія выказала полную неопытность, безпечность и безхарактерность. Благодаря этому, Елисаветѣ, русской по воспитанію и дочери великаго Петра, не стоило особеннаго труда овладѣть престоломъ и распорядиться по своему усмотрѣнію участью несчастной правительницы и ея семейства.

Елисавета Петровна (1741—1761), какъ извѣстно, возвратилась ко многимъ петровскимъ учрежденіямъ. Между прочимъ усилена была власть сената, возстановленъ главный петербургскій и прочіе магистраты (но съ подчиненіемъ воеводской и губернаторской власти), возобновлена мануфактуръ-коллегія для поощренія торговли и промышленности, хотя послѣдняя вскорѣ была стѣснена возникающими монополіями и нецѣлесообразными стѣснительными правилами. Вдобавокъ, поощрялись преимущественно не самыя необходимыя отрасли производства, а тѣ, которыя соотвѣтствовали потребностямъ роскоши, получившей тогда крайнее развитіе въ придворной жизни и въ высшихъ слояхъ общества. Въ то же время не принято было никакихъ сколько-нибудь радикальныхъ мѣръ къ улучшенію экономическаго быта разореннаго народа, и мы, напротивъ того, встрѣчаемъ въ указахъ императрицы Елисаветы губернаторамъ одни только понужденія къ старательному сбору подушныхъ денегъ и казенныхъ взысканій, да напоминанія о ревизіи, предпринятой также для финансовыхъ цѣлей. Такое невниманіе къ бѣдственному положенію народа, въ связи съ притѣсненіями губернаторовъ и воеводъ и усиленіемъ власти помѣщиковъ, не замедлило принести свои результаты. Бѣгство крестьянъ достигло невѣроятныхъ размѣровъ и конечно не мало способствовало еще большему усиленію разбоевъ, воровства и нищенства въ Россіи и особенно въ Петербургѣ, въ виду своеобразной мѣры, принятой въ это время правительствомъ, чтобы «всѣхъ бѣглыхъ, которые объявятся не помнящими родства, поселять въ столицѣ». Ко всему этому, въ первые годы царствованія Елисаветы Петровны петербургскіе жители много терпѣли отъ лейбъ-компанцевъ (преображенскихъ солдатъ, содѣйствовавшихъ возведенію на престолъ императрицы). «Рота эта», по свидѣтельству Манштейна, «дѣлала всякіе безпорядки: солдаты каждый день напивались до-пьяна, входили въ дома самыхъ знатныхъ господъ, требовали денегъ съ угрозами и *брали самовольно* все, что имъ казалось по нраву. Не было средствъ къ усмиренію этихъ людей.»

Заботы правительства о благосостояніи столицы во все двадцатилѣтнее царствованіе Елисаветы выразились въ повтореніи указовъ Петра съ прибавленіемъ нѣкоторыхъ частныхъ мѣръ. Между прочимъ возстановлена была и полиція въ прежнемъ видѣ, но вслѣдствіе измѣнившихся

условій жизни она не могла привести къ такимъ успѣшнымъ результатамъ, какъ при Петрѣ. Даже возвращенный на прежнюю должность генералъ-полиціймейстеръ Девіеръ, нѣкогда дѣятельный и энергичный, вслѣдствіе старости и болѣзней уже не въ состояніи былъ исполнять надлежащимъ образомъ свою трудную обязанность и вскорѣ скончался (въ 1746 году). Послѣ него генералъ-полиціймейстеромъ былъ назначенъ Ѳ. Наумовъ.

При Елисаветѣ центръ Петербурга окончательно утверждается на лѣвомъ берегу Невы, гдѣ возникъ рядъ красивыхъ зданій, особенно церквей, какъ напр.: Николы Морскаго, Захарія и Елисаветы въ Адмиралтействѣ, Спаса Преображенія, Спаса на Сѣнной, Воскресенскій женскій монастырь (противъ Охты, гдѣ впослѣдствіи учрежденъ Смольный институтъ) и соборъ Воскресенія (простоявшій 70 лѣтъ безъ оконъ и дверей).

Въ 1754 году начатъ былъ великолѣпный Зимній дворецъ (на мѣстѣ нынѣшняго Зимняго дворца) по плану Растрелли, который былъ оконченъ послѣ смерти императрицы. Для временнаго жительства государыни построенъ былъ огромный деревянный дворецъ у Полицейскаго моста, и рядомъ съ нимъ вдоль Невскаго до Малой Морской — еще два деревянныхъ зданія для придворныхъ службъ. Третій дворецъ — Аничковскій былъ сооруженъ графомъ Растрелли для А. Г. Разумовскаго (въ 1748 г.). Это каменное трехъэтажное зданіе въ тѣ времена выходило главнымъ фасадомъ на Фонтанку. За нимъ службы и дворцовый садъ занимали все пространство до Большой Садовой и Чернышева моста. На мѣстѣ нынѣшняго Александринскаго театра стоялъ большой павильонъ, въ которомъ помѣщалась картинная галлерея Разумовскаго.

По смерти Разумовскаго (1771 г.), Аничковскій дворецъ былъ купленъ казною, и Екатерина II подарила его въ 1776 г. Потемкину, который продалъ его купцу Шемякину. Но потомъ дворецъ былъ вторично купленъ казною и опять подаренъ Потемкину; — и тотъ давалъ иногда въ садовомъ павильонѣ великолѣпныя празднества, но во дворцѣ никогда не жилъ. Послѣ смерти Потемкина дворецъ былъ пріобрѣтенъ казною и перестроенъ въ 1794 году для помѣщенія Кабинета и его драгоцѣнностей.

При Елисаветѣ же положено было основаніе нынѣшней Академіи Художествъ, по иниціативѣ знаменитаго И. И. Шувалова, хотя для нея еще не было построено особеннаго зданія и она помѣщалась въ частныхъ домахъ. Кромѣ того, вмѣсто прежней Морской Академіи учрежденъ въ 1752 году Морской Кадетскій корпусъ, который вскорѣ переведенъ въ домъ графа Миниха на Васильевскомъ островѣ.

Елисавета обратила также вниманіе на заселеніе и украшеніе петербургскихъ окрестностей, которыя приняли при ней нарядный и благоустроенный видъ, какъ, напр., Каменный островъ, принадлежавшій гр. Бестужеву, и загородные императорскіе дворцы: въ Мурзинкѣ, Славянкѣ, Петергофѣ. Но особенно возвысилось въ это время Царское Село, такъ какъ императрица во все свое царствованіе тратила милліоны на его украшеніе и устройство; при ней воздвигнутъ былъ въ 1744 году дворецъ по плану Растрелли (кровля котораго тогда блистала червоннымъ золотомъ, а всѣ карнизы, статуи и пилястры были ярко позолочены) и разведенъ обширный садъ.

Недолгое царствованіе Петра III (1761—1762) не прошло безслѣдно какъ для всей Россіи, такъ и для Петербурга. Онъ уничтожилъ Розыскную канцелярію, ненавистное «Слово и Дѣло» и повелѣлъ, чтобъ оно «отнынѣ значить ничего не долженствовало». Тогдашній петербургскій генералъ-полиціймейстеръ, баронъ Корфъ былъ переименованъ въ главнаго директора надъ всѣми полиціями въ Россіи и ему подчинены по полицейскимъ дѣламъ всѣ губернаторы и воеводы, а онъ самъ поставленъ «подъ апелляцію» сената, а такъ какъ за множествомъ дѣлъ «нести многотрудную должность одному Корфу тягостно», то ему въ помощь назначенъ собственно петербургскій генералъ-полиціймейстеръ Юшковъ.

Что же касается полицейскихъ мѣръ царствованія Петра III, то многія были настолько цѣлесообразны, что въ общихъ чертахъ сохранились до сихъ поръ. Впервые петербургскіе извозщики были подчинены нѣкоторой организаціи въ виду того, что они «весьма неумѣренныя и

даже весьма безсовѣстныя цѣны берутъ, а сами ничего не платятъ». Полиція обложила ихъ извѣстнымъ сборомъ, перенумеровала и расписала по частямъ города. Вдобавокъ, всѣ извощики обязаны были немедленно являться на пожары въ своихъ частяхъ и по распоряженію полиціи вывозить «скарбъ погорѣльцевъ въ цѣлости, безденежно». Для обезпеченія противъ пожаровъ, запрещено имѣть деревянные дома въ Петербургѣ, кромѣ Васильевской, Выборгской и Петербургской Сторонъ; каменные же дома должны были строиться вмѣсто сгорѣвшихъ; и всѣмъ домовладѣльцамъ приказано вырыть колодцы на своихъ дворахъ въ двухнедѣльный срокъ.

Полиція Петра III заботилась также о сохраненіи лѣсовъ, окружающихъ столицу, объ исправленіи дорогъ и улицъ, содержаніе которыхъ изъ натуральной повинности перенесено въ денежную. Для большаго порядка учреждены были заставы, черезъ которыя никто не могъ проѣхать «безъ пропускнаго письма». Но такъ какъ эта мѣра оказалась неудобною и стѣсняла преимущественно подгородныхъ крестьянъ, то она была отмѣнена; и только требовалось отъ домовладѣльцевъ, чтобы они объявляли о живущихъ въ ихъ домахъ, съ удостовѣреніемъ письменныхъ видовъ. Списки пріѣзжавшихъ и отъѣзжавшихъ ежедневно печатались и представлялись государю. Въ виду искорененія нищенства въ столицѣ и особенно праздношатающихся «женскаго пола людей — разныхъ матросскихъ и солдатскихъ вдовъ и женъ», сдѣлано было распоряженіе, чтобы изъ нихъ всѣхъ молодыхъ и здоровыхъ опредѣлять на фабрики и заводы, а немощныхъ — въ богадѣльни. Въ царствованіе же Петра III устроенъ первый сумасшедшій домъ въ Петербургѣ.

Изъ мѣръ къ поощренію торговли и промысловъ въ столицѣ замѣчательно учрежденіе Государственнаго банка въ 1762 году съ цѣлью «купечеству и комерціи оказать благодѣяніе», какъ это и случилось на дѣлѣ при пожарѣ пеньковыхъ буяновъ, лѣтомъ того же года, когда правительство приказало выдать изъ банка всѣмъ владѣльцамъ, для поправленія состоянія, *половинную* сумму потери отъ пожаровъ, на десять лѣтъ, «безъ процентовъ». Вмѣстѣ съ тѣмъ преслѣдовались всякаго рода недобросовѣстность и обманъ въ торговлѣ и изданы указы о наказаніи плетьми виновныхъ въ обвѣсѣ.

Такимъ образомъ, не касаясь частныхъ, нѣсколько оригинальныхъ распоряженій, въ родѣ учрежденія особой команды для скорѣйшаго истребленія всѣхъ собакъ въ городѣ, дозволенія стрѣлять воронъ и другихъ птицъ и т. п., мы не можемъ не признать разумными и цѣлесообразными всѣ сколько нибудь важныя правительственныя и полицейскія мѣры Петра III, хотя съ перваго взгляда онѣ носятъ характеръ случайности. Но врядъ ли можно сдѣлать имъ надлежащую оцѣнку, вслѣдствіе кратковременнаго царствованія супруга Екатерины II.

Только съ воцареніемъ Екатерины Великой (1762—1796) мы опять видимъ въ государственномъ управленіи одну господствующую идею и ясно сознанную опредѣленную цѣль. Въ этомъ Екатерина является вполнѣ преемницей Петра I, и во все свое 34-хъ-лѣтнее царствованіе она неусыпно заботится о просвѣщеніи, внѣшнемъ и внутреннемъ могуществѣ Россіи и проводитъ рядъ коренныхъ и систематическихъ реформъ. Мы коснемся нѣкоторыхъ изъ нихъ и то отчасти, насколько онѣ имѣютъ болѣе или менѣе прямое отношеніе къ исторіи Петербурга.

Самою важною реформою въ этомъ смыслѣ можно считать *городовое положеніе* 1785-го года, хотя многія постановленія оказались не совсѣмъ практичными на дѣлѣ.

Съ «городовымъ положеніемъ» введено было дѣленіе городскихъ обывателей на небывалыя сословія, поставленныя въ узкія рамки магдебургскаго права, которыя, не имѣя надлежащей почвы въ прошлой исторіи русскаго городскаго устройства, не могли привести ни къ какимъ прочнымъ результатамъ. Также не достигло своей цѣли и дарованное городскому сословію право самоуправленія, съ его думами, магистратомъ, приказомъ общественнаго призрѣнія, выборными «смотрителями», судами, расправами и проч. Главная причина этого, помимо неразвитости общества, заключалась въ томъ, что право самоуправленія поставлено было въ крайнюю зависимость отъ множества губернскихъ и уѣздныхъ присутственныхъ мѣстъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ

обѣ думы: общую и шестигласную введено было столько канцелярской формальности и регламентаціи, что и онѣ должны были превратиться въ чисто бюрократическія учрежденія.

Однако, не смотря на эти существенные недостатки, *городовое положеніе* въ свое время принесло несомнѣнную пользу и впослѣдствіи послужило какъ бы краеугольнымъ камнемъ для всѣхъ дальнѣйшихъ преобразованій въ сферѣ столичнаго и городскаго управленія.

Строгая систематичность распоряженій замѣтна съ первыхъ мѣсяцевъ царствованія Екатерины II.

Императрица Екатерина II.

рины II. Нѣкоторые указы Петра III были отмѣнены, но болѣе важные не только оставлены въ прежней силѣ, но подтверждены новыми. Равнымъ образомъ вначалѣ не сдѣлано никакихъ новыхъ распоряженій относительно полицейскихъ порядковъ и только впослѣдствіи введены разныя существенныя измѣненія. Городъ былъ раздѣленъ на 9 частей, отъ 200 до 700 дворовъ въ каждой; и уничтожена главная полиціймейстерская канцелярія. Въ 1782 году введенъ такъ наз. уставъ благочинія или полицейскій, «для споспѣшества доброму порядку, удобнѣйшаго исполненія законовъ и для облегченія присутственныхъ мѣстъ». По уставу, въ каждомъ городѣ учреждалась: *управа благочинія* или полицейская; въ Петербургѣ предсѣдателемъ ея назна-

чался оберъ-полицiймейстеръ, учрежденный, вмѣсто прежняго генералъ-полицiймейстера. Составъ новаго полицейскаго управленiя, помимо оберъ-полицiймейстера, заключалъ въ себѣ: 1 полицiймейстера, 9 частныхъ приставовъ, 2 судебныхъ приставовъ, 1 архитектора съ двумя помощниками, штабъ-лекаря съ лекаремъ и подлекаремъ и, наконецъ, секретарей, квартальныхъ надзирателей и поручиковъ, городскихъ сержантовъ, ночныхъ сторожей и другихъ мелкихъ полицейскихъ чиновъ. Сверхъ того вѣдѣнiю оберъ-полицiймейстера (для исполненiя его распоряженiй, а также для наблюденiя за порядкомъ и безопасностью въ городѣ) предоставлена была воинская команда пѣшая и конная въ 340 чел. По новому штату содержанiе управы благочинiя, а также всего полицейскаго состава обходилось въ 39,205 руб., включая сюда содержанiе пожарной команды и огнеспасительныхъ орудiй.

По уставу управа должна была наблюдать, чтобы въ городѣ сохраняемы были «благочинiе, добронравiе и порядокъ, слѣдить за исполненiемъ законовъ и приводить въ дѣйствiе всѣ повелѣнiя и распоряженiя правительства. При этомъ въ числѣ возложенныхъ на управу полицейскихъ обязанностей первое мѣсто занимаютъ постановленiя о содержанiи въ чистотѣ и порядкѣ улицъ и дорогъ, обезпеченiе населенiя отъ несчастныхъ случайностей въ видѣ наводненiй, пожаровъ, голода и пр. Управѣ ставилось въ обязанность наблюдать за благочинiемъ въ храмахъ при шествiи по улицамъ крестныхъ ходовъ и также, чтобы не было игрищъ, пѣнiя и другихъ увеселенiй въ воскресные дни до окончанiя обѣдни. Равнымъ образомъ въ будни полицiя должна была смотрѣть, чтобы нигдѣ не происходило какихъ либо «непотребствъ», шума и безпорядковъ, запрещать всякiя денежныя и, въ особенности, карточныя азартныя игры. Распутство искоренялось во все царствованiе Екатерины съ неумолимою строгостью; полицiи предписывалось «обличающихся въ непотребствѣ женщинъ» брать подъ караулъ и отдавать въ работу на фабрики, а по другимъ указамъ даже ссылать въ Нерчинскъ. Для незаконнорожденныхъ, какъ извѣстно, устроены были воспитательные дома, а для старыхъ и увѣчныхъ — новыя богадѣльни и больницы. Нищихъ, бродягъ и «ханжей» полицiя преслѣдовала не менѣе усердно, какъ при Петрѣ, а противъ грабителей, воровъ и разбойниковъ учреждена особая «Розыскная Экспедицiя».

Въ управленiи города Петербурга сама императрица принимала дѣятельное участiе. Каждое утро изъ первыхъ являлся къ ней оберъ-полицiймейстеръ Архаровъ съ подробнымъ докладомъ о состоянiи столицы, и Екатерина II постоянно знала рыночныя цѣны на всѣ жизненные припасы и все, о чемъ толковалъ народъ; принимала мѣры противъ дороговизны и другихъ злоупотребленiй.

Екатерина II, съ первыхъ же лѣтъ своего царствованiя, стала заботиться о наилучшемъ и правильнѣйшемъ застроенiи Петербурга. Хотя городъ былъ довольно обширенъ и мѣстами даже великолѣпно обстроенъ, особенно поблизости Адмиралтейства, но все-таки оставалось еще громадное количество деревянныхъ домовъ, разбросанныхъ на далекомъ другъ отъ друга разстоянiи и которые не соотвѣтствовали никакимъ архитектурнымъ требованiямъ. Въ виду этого 11 декабря 1762 года, изданъ указъ объ учрежденiи особой коммисiи «для устройства С.-Петербурга и Москвы», которая обязана была «сочинить» планъ Петербурга съ приложенiемъ своего мнѣнiя. Коммисiя эта существовала нѣсколько лѣтъ и пришла къ такому заключенiю, что положенiе города вполнѣ «дозволило бы приступить ко всему тому, что совершенное регулярство съ красотою съ собою приноситъ и великолѣпiе столичнаго города требуетъ», но что для этого необходимо уничтожить многiя зданiя или перенести на другое мѣсто, а это потребуетъ «нѣкоторыхъ расходовъ». Во избѣжанiе послѣднихъ рѣшено сохранить прежнее расположенiе улицъ и только обратить вниманiе на правильность и красоту города, застройку пустопорожнихъ мѣстъ, а равно и на устройство гранитныхъ набережныхъ. При этомъ не упущена изъ виду болѣе правильная канализацiя города: прорыто нѣсколько новыхъ каналовъ и засы-

паны находившіеся на Васильевскомъ островѣ, «отъ которыхъ происходила одна грязь и вредный здоровью духъ.»

Понудительныя мѣры къ заселенію Петербурга прекращены окончательно при Екатеринѣ II, такъ какъ число жителей увеличивалось съ каждымъ годомъ, и къ концу ея царствованія дошло до 218,000 чел. Населеніе попрежнему сосредоточивается на лѣвомъ берегу Невы; зарѣчныя части: Петербургская и Выборская Стороны замѣтно пустѣютъ. Что же касается Васильевскаго острова, то во все царствованіе Екатерины II западная часть его и значительная часть восточной представляла болото; — болѣе или менѣе застроена была только Галерная гавань, пространство первыхъ 13-ти линій и набережной, гдѣ между прочимъ воздвигнуто императрицей великолѣпное зданіе Академіи художествъ, по плану зодчаго Кокоринова, и въ 1774 году учреждено Горное училище въ двухъ каменныхъ домахъ, купленныхъ у Шереметева, (на мѣстѣ нынѣшнего Горнаго Института).

Васильевскій островъ соединялся въ это время съ лѣвымъ берегомъ Невы пловучимъ мостомъ, который находился противъ памятника Петра I (работы Фальконета), воздвигнутаго Екатериной, цѣной многихъ усилій и издержекъ. Не легко было отыскать цѣльный гранитъ предполагаемой величины для пьедестала; перевозка его представляла еще большія трудности. Тѣмъ не менѣе памятникъ былъ открытъ 7 августа 1782 года, при огромномъ стеченіи народа. Екатерина, стоявшая на балконѣ сената, преклонилась передъ нимъ; войска опустили свои знамена..... присутствовавшая толпа привѣтствовала его громкимъ *ура*. — По случаю этого событія объявлены были разныя милости особымъ манифестомъ.

Исакіевскій соборъ, сначала деревянный, затѣмъ каменный, оконченный уже послѣ смерти Петра I, былъ разобранъ по ветхости; и въ 1768 году Екатерина II положила основаніе новому Исакіевскому собору изъ мрамора. Въ ея царствованіе Зимній дворецъ былъ значительно украшенъ и увеличенъ трудами Ламотта, и Гваренги и къ нему прибавленъ корпусъ Эрмитажа. Въ 1770 году императрица повелѣла соорудить Мраморный дворецъ для графа Г. Г. Орлова въ знакъ благодарности за его услуги. Тринадцать лѣтъ спустя, начатъ Таврическій дворецъ архитекторомъ Старовымъ для Потемкина и по его плану, въ память присоединенія Тавриды къ Россіи. При этомъ дворцѣ разведенъ былъ обширный садъ съ фонтанами, каскадами, китайскими бесѣдками, гротами, прудами и пр. Здѣсь 28 апрѣля 1791 года Потемкинъ устроилъ блистательный волшебный праздникъ.

Изъ другихъ построекъ временъ Екатерины II наиболѣе заслуживаютъ вниманія: зданіе нынѣшняго банка на Б. Садовой, постройка Большаго театра, доступнаго для публики, и наконецъ основаніе Публичной Библіотеки на Невскомъ, началомъ которой послужило богатѣйшее собраніе книгъ и рукописей, привезенное изъ Варшавы.

Въ виду оживленія Петербургскихъ окрестностей, Екатерина основала три нѣмецкія колоніи и раздала много пустопорожнихъ мѣстъ, подъ Царскимъ Селомъ, Стрѣльной, Петергофомъ, Пеллой (близъ Ижоры), своимъ приближеннымъ, которые построили себѣ здѣсь рядъ красивыхъ домовъ съ садами, оранжереями и всѣми затѣями европейскаго искусства. Вмѣстѣ съ тѣмъ, по распоряженію императрицы, проведены были превосходныя дороги, обсаженныя деревьями, къ разнымъ загороднымъ дворцамъ, число которыхъ значительно увеличилось въ это время. Изъ нихъ наиболѣе извѣстны: Ропша (подаренная гр. Г. Орлову), Чесма, Красное Село, Павловскъ, (гдѣ былъ построенъ дворецъ для великаго князя Павла Петровича въ 1780 году), Гатчино (купленное императрицей послѣ смерти Г. Орлова и подаренное Павлу Петровичу). Сама Екатерина преимущественно проводила время въ Царскомъ Селѣ и продолжала украшать его, прибавила два боковыхъ корпуса къ Елисаветинскому дворцу, выстроила новый дворецъ для своего внука Александра, преобразовала сады и украсила ихъ памятниками, каскадами, ручьями, искусственными озерами и пр.

Преемникъ Екатерины Великой, Павелъ I (1796—1801) не меньше ея заботился объ укра-

шеніи Петербурга и его окрестностей. При немъ въ столицѣ было построено нѣсколько удобныхъ и красивыхъ казармъ, огромные экзерцисгаузы, зданіе Морскаго корпуса (нынѣшнее Морское училище), поставленъ памятникъ Румянцеву на Васильевскомъ островѣ, окончень Воспитательный домъ на Мойкѣ, сооруженъ Инвалидный домъ на Каменномъ островѣ. Въ февралѣ 1797 года, на землѣ, принадлежавшей Лѣтнему саду, начата была постройка извѣстнаго Михайловскаго замка по плану архитектора Бренна. Кромѣ того въ царствованіе Павла I перестроено Адмиралтейство архитекторомъ Захаровымъ и обнесено бульваромъ и пристроена четырехугольная башня къ дому городской Думы на Невскомъ проспектѣ (имѣвшемъ тогда бульваръ посрединѣ) и пр. Сыну же Екатерины Великой своимъ существованіемъ обязана Медико-Хирургическая Академія, равно какъ и Казанскій соборъ, оконченный при Александрѣ I.

Н. Бѣлозерская.

Памятникъ Петра Великаго.

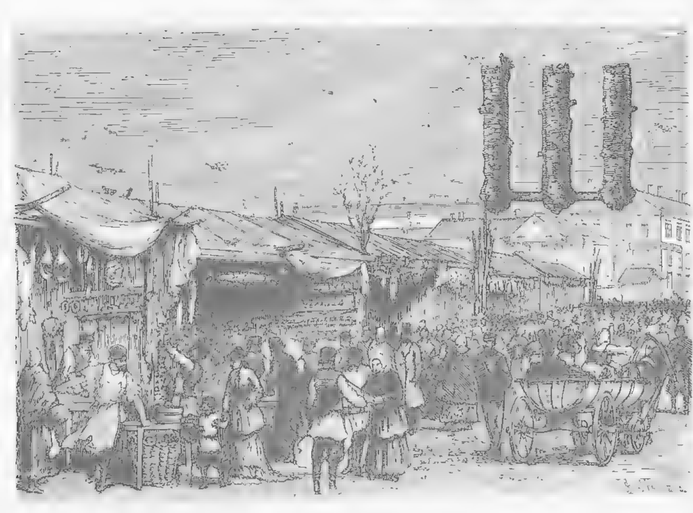
ОЧЕРКЪ XII.

ПЕТЕРБУРЖЦЫ.

Сѣнная площадь, какъ центръ городского движенія.—Въ харчевнѣ. — Среди торгашей и покупателей Сѣнного рынка.—Охтянки.—Уличные промышленники.—Этнологическое и культурно-историческое значеніе Петербурга.—Составъ его населенія.—Историческій очеркъ населенія Петербурга. — Петербуржецъ, какъ культурный типъ. — Картина петербургской общественной жизни. — Лѣтній сезонъ и его особенности. — Лѣтнее торговое оживленіе. — Биржа и ея дѣятели. — Биржевой артельщикъ. — Лѣтнія народныя гульбища и праздники: Петровское гулянье; Екатерингофъ 1 мая; Елагинскій фейерверкъ; на Марсовомъ полѣ; Радуница и пр. — Петербургскіе нищіе. — «Кумербергъ». — Смотрины жениховъ и невѣстъ въ Духовъ день. — Зимній сезонъ. — Прогулка по Невскому. — Развлеченія зимняго спорта: катки и бѣга. — Іорданскій парадъ.— На масляной «подъ балаганами». — Вербная ярмарка. — Ледяныя горы. — Тройки и извозчики—«ваньки».

Въ нашей улицѣ жизнь трудовая:
Начинаютъ ни свѣтъ, ни заря
Свой ужасный концертъ, припѣвая,
Токари, рѣщики, слесаря
И въ отвѣтъ имъ гремитъ мостовая!
Дикій крикъ продавца мужика
И шарманка съ пронзительнымъ воемъ,
И кондукторъ съ трубой, и войска,
Съ барабаннымъ идущія боемъ,
Понуканье измученныхъ клячъ,
Чуть живыхъ, окровавленныхъ, грязныхъ,
И дѣтей раздирающій плачъ
На рукахъ у старухъ безобразныхъ:
Все сливается, стонетъ, гудетъ,
Какъ-то глухо и грозно рокочетъ....

НЕКРАСОВЪ.

Сѣнная площадь.

Шумная, всегда людная, всегда оживленная, всегда изобилующая разнообразнымъ съѣдобнымъ добромъ въ сыромъ видѣ, — Сѣнная площадь представляетъ для наблюдателя одну изъ самыхъ яркихъ, самыхъ интересныхъ и характерныхъ картинокъ внѣшней городской жизни Петербурга.

Сѣнная площадь — это кухонная кладовая и, частію, харчевня для всего города. Экономныя хозяйки, трактирщики, кухмистеры, повара, кухарки, содержатели рабочихъ артелей и мастерскихъ и т. под. хозяева, на рукахъ у которыхъ продовольствіе многихъ ртовъ, стекаются сюда со всѣхъ, даже самыхъ отдаленныхъ концовъ города за покупкой провизіи. Нигдѣ, какъ на Сѣнной, нельзя найти ее въ такомъ избыткѣ и разнообразіи, нигдѣ нельзя ее купить по болѣе сходной цѣнѣ.

Замѣтимъ кстати, что *Сѣнная*, будучи однимъ изъ главныхъ торговыхъ центровъ столицы, вовсе, однако-жь, не служитъ, къ оправданію своего названія, мѣстомъ торговли сѣномъ. Сѣна здѣсь нельзя купить ни клочка. Поэтому названіе ея указываетъ лишь на первоначальное ея назначеніе встарину, когда она дѣйствительно служила центромъ сѣнной торговли. Это относится ко второй половинѣ прошлаго столѣтія.

На Сѣнную сходятся «перекусить», а то и пообѣдать до-сыта на какой нибудь гривенникъ, всякаго сорта простолюдины — поденщики, извощики, мелкіе торгаши и, вообще, люди одинокіе, бездомные, съ мѣдными деньгами въ карманѣ, не въ рѣдкость — праздношатающіеся всякой славы и всякой судьбы. Къ услугамъ и на спросъ невзыскательныхъ потребностей этого многочисленнаго «сѣраго» люда — Сѣнная площадь, кромѣ кушанья, предлагаемаго съ лотковъ и прилавковъ, даетъ пріютъ и угощеніе во множествѣ расположенныхъ въ ея районѣ харчевень, трактировъ, ресторацій, «съѣстныхъ» и «мелочныхъ» лавокъ. Во всѣхъ, сплошь окружающихъ площадь, домахъ, что не дверь снаружи, то почти непремѣнно — гостепріимный «входъ въ заведеніе», изукрашенный чайными сервизами, графинами, бутылками и закусками, воспроизведенными кистью вывѣсочнаго мастера...

Какъ ни скромна и ни грубовата обстановка этихъ «заведеній», съ неряшливыми, прокопченными стѣнами, съ затхлымъ, «трактирнымъ» воздухомъ, съ топорной, неуклюжей мебелью и съ столь-же неизысканныхъ качествъ угощеніемъ; но для этихъ привыкшихъ къ суровой трудовой жизни и тяжелой работѣ лапотниковъ, которые, вонъ, въ углу примостились «артелью», чтобъ «побаловаться», въ складчину, дешевымъ чайкомъ, — изображенное на нашей картинкѣ «заведеніе» уже роскошь, уже палаты... Для столичнаго чернорабочаго трактиръ — единственное мѣсто развлеченія, встрѣчи съ пріятелями и нужными людьми, общей бесѣды и узнанія занимательныхъ новостей о томъ, что и какъ творится на бѣломъ свѣтѣ. Тутъ послушаешь мимоходомъ человѣка бывалаго, тертаго и знающаго; грамотный «землякъ» почитаетъ газету, предлагаемую трактиромъ безвозмездно — на забаву и на поученіе гостямъ; разбитной, «по-городски» отполированный молодецъ, подъ веселую руку, «съиграетъ», подъ звукъ гармоники, бойкую, складную пѣсню; трактирный «маркитантъ» угоститъ за пятналтынный «московской» селянкой... А гдѣ селянка — тамъ и, веселящее сердце и подбадривающее аппетитъ, «зелено» вино, чарочка, другая, третья...

А сколько насмотришься въ этихъ, по всякій часъ, гостепріимныхъ стѣнахъ новыхъ лицъ — иной разъ такихъ интересныхъ, какихъ въ другомъ мѣстѣ и не встрѣтишь никогда! Что, напр., это за личность — мрачная, согбенная, печальнаго и жалкаго вида, пріютившаяся у порога? Отчего она сидитъ одиноко и не торопится «отвести душу» трактирнымъ угощеніемъ, какъ рукою снимающимъ съ сердца тоску и горе? — Охоты нѣтъ иль — «охота смертная, да участь горькая»...

Не то захудалый «баринъ», не то напросто, по столичному народному выраженію, «стрюцкій» — одинъ изъ тѣхъ потерянныхъ пропойцевъ-разночинцевъ, которыхъ не въ рѣдкость встрѣтить въ любомъ петербургскомъ кабакѣ и трактирчикѣ... А, можетъ быть, передъ нами — несчастный герой какой нибудь потрясающей житейской драмы, влачащій разбитую жизнь въ безъизвѣстности и нищетѣ... Какъ угадать?!

Вообще, на Сѣнной площади и въ прилегающихъ къ ней публичныхъ мѣстахъ есть на кого и на что насмотрѣться. Для насъ она и интересна, главнымъ образомъ, тѣмъ, что представляетъ собою одинъ изъ наиболѣе жизненныхъ центровъ Петербурга, гдѣ, можно сказать, ежедневно сходится, какъ-бы на свиданіе, едва-ли не все столичное населеніе, въ лицѣ представителей всѣхъ входящихъ въ его составъ соціально-этнологическихъ родовъ, видовъ и разновидностей.

Остановитесь въ наиболѣе бойкомъ пунктѣ этого день-деньской кипящаго шумной городскою жизнью котла, и вглядитесь въ эту жизнь и ея атомы — въ эту пеструю, безконечную

Въ харчевнѣ.

вереницу мелькающихъ мимо васъ «обывателей», идущихъ и ѣдущихъ, сталкивающихся въ кучки и слоняющихся порознь съ мѣста на мѣсто, занятыхъ дѣломъ и бездѣльемъ, сосредоточенно суетливо копающихся около себя и около своего добра, или беззаботно ротозѣйничающихъ по сторонамъ... Вглядитесь хорошенько, и предъ вами развернется рядъ безконечно разнообразныхъ, живыхъ, достойныхъ кисти художника, типовъ, костюмовъ, нравовъ, профессій, положеній!

Въ безпрерывно мѣняющейся толпѣ покупателей Сѣнной вы встрѣчаете и клѣтчатый допотопный бурнусъ бережливой коломенской хозяйки — матери «бѣднаго, но благороднаго семейства», и модную ротонду изящной дамы съ Невскаго, и атласный лисій салопъ домовитой солидной купчихи отъ Пяти угловъ; а, вотъ, рядомъ съ ними, тутъ-же, скалитъ зубы съ бравымъ прикащикомъ обтерханная тальмочка «городской» франтихи — кухарки. На тальмочку неодобрительно поглядываетъ съ боку чиновникъ въ кокардѣ, сводящій концы съ концами своего скуднаго оклада экономнымъ продовольствіемъ съ Сѣнной. Забѣжитъ сюда за фунтикомъ винограда и десяткомъ апельсиновъ щеголеватый бель-омъ въ одноглазкѣ, не побрезгаетъ войти и человѣкъ военный прикупить кое-что для холостецкой закуски... Словомъ, вы здѣсь встрѣтите людей всѣхъ классовъ, за исключеніемъ развѣ немногихъ счастливцевъ — богачей и аристократовъ, которые не гонятся за дешевизной и не занимаются лично своимъ хозяйствомъ...

Вмѣшавшись въ толпу покупателей, снующихъ вдоль балагановъ, и заглянувъ въ послѣдніе, мы сталкиваемся съ сѣнновскими торговцами.

— Что покупаете?... Пожалуйте!.. У насъ покупали!.. Дешево продадимъ... заходите-съ! посыплятся на насъ такія и имъ подобныя всепокорныя и убѣдительнѣйшія приглашенія, сопровождаемыя умильно-настойчивыми взглядами и подобострастнымъ приподыманіемъ картузовъ наотмашь.

Взойдемъ. Содержимое сѣнновскихъ балагановъ — ихъ «товаръ» мѣняется по временамъ года. Въ зимнее и вообще въ холодное время преобладаетъ живность и убоина: всюду алѣютъ кровянистыя, подернутыя бахромой янтарнаго жира, груды замороженной, такъ называемой «московской говядины»; изъ-подъ навѣсовъ застѣнчиво выглядываютъ, какъ бы стыдясь своей наготы, бѣлотѣлыя жирныя туши свиней, съ оскаленными рылами и съ обожженными вытянутыми, словно убѣгающими отъ смерти, ножками; тутъ-же громоздятся цѣлыя горы битой птицы, домашней и дикой: гусей, утокъ, рябчиковъ, куропатокъ, тетеревовъ и пр.; мороженая рыба — карпы, лещи, караси, судаки, щуки, безконечными рядами высовываютъ свои остроносыя рыльца изъ снѣговыхъ кучъ, какъ-бы дивясь своими круглыми любопытными глазами на происходящую вокругъ нихъ сутолоку.... Въ это время Сѣнная представляетъ грандіозную картину человѣческой хищности и кровожадности, тутъ — тысячи жизней принесены въ жертву аппетиту петербургскаго чрева!

Съ наступленіемъ теплаго сезона, физіономія Сѣнной принимаетъ болѣе невинный, буколическій видъ: она превращается какъ-бы въ кошницу Флоры. Цѣлые балаганы наполняются живыми цвѣтами и оранжерейными растеніями въ горшкахъ и кадкахъ, съ разными садовыми принадлежностями; но главную роль играютъ овощи, огородная зелень, ягоды и фрукты.... Особенно аппетитный видъ имѣютъ сѣнновскіе балаганы къ началу осени, когда созрѣваютъ всякаго рода фрукты. Горы грушъ и яблокъ, отъ сочныхъ аристократовъ фруктоваго царства — «розмариновъ» и «дюшессъ», до кислыхъ плебеекъ — «коробовокъ» и розовыхъ малютокъ — «китайскихъ яблочекъ»; кучи пушистыхъ, нѣжныхъ персиковъ и сливъ; стеклянистыя гроздія «крымскаго» и «астраханскаго» винограда; и, какъ богатырь среди всей этой мелкоты, — тучный, показнаго объема и вида, астраханскій арбузъ. Вся эта краса и роскошь земли, свезенная «изъ южныхъ странъ, издалека», въ невообразимомъ изобиліи, загромождаетъ до-полна всѣ лицевые балаганы, манитъ глазъ, дразнитъ обоняніе распространяющимся по всей площади медовымъ благоуханіемъ и возбуждаетъ аппетитъ мимоидущихъ лакомокъ....

Но мы — не лакомки: подъ балаганы мы вошли не для покупки. Намъ хотѣлось-бы разспросить этихъ покладистыхъ и предупредительныхъ хозяевъ Сѣнной площади — изъ какихъ только мѣстностей Великороссіи нѣтъ между ними представителей? — Впрочемъ, народъ это все недосужный и нетерпѣливый, не охотникъ терять время на такого рода «пустые» разговоры: — любознательному этнографу съ ними не разбесѣдоваться. Но мы и безъ разспросовъ узнаемъ въ этомъ остроглазомъ, расторопномъ, бойкомъ на языкъ и проворномъ на руку, молодцѣ, «поддерживающемъ комерцію» зеленью и овощами, кореннаго ярославца — «красавца», по народному присловью. Здѣсь онъ, наживая деньгу для себя лично, упрочиваетъ въ то же время славу земляковъ, какъ исконныхъ и первыхъ на Руси огородниковъ. Нужно замѣтить однако, что оборотливый на всѣ руки ярославецъ — торгашъ прирожденный и, какъ на Сѣнной, такъ и, вообще, во всей столичной промышленно-торговой дѣятельности, численно преобладаетъ надъ выходцами почти всѣхъ остальныхъ губерній. Чтобы получить понятіе о роли ярославцевъ въ Петербургѣ, достаточно сказать, что между лицами, занимающимися торговлею въ Петербургѣ, по переписи 1869 года, произведенной центральнымъ статистическимъ комитетомъ, насчитано было болѣе $12^1/_2$ тысячъ ярославцевъ, что не меньшее ихъ количество, также болѣе $12^1/_2$ тысячъ, занимается промышленностью и торговлею, и до 5,600 участвуютъ еще въ промыслахъ передвиженія и трактирномъ, а слѣдовательно свыше 30 тысячъ занимается промышленно-торговою дѣятельностью; между тѣмъ какъ изъ другихъ губерній контингентъ той же дѣятельности даютъ Тверская 29 тысячъ, Петербургская до 15, Новгородская $8^1/_2$, Костромская, а остальныя губерніи и еще того менѣе.

Минуя затѣмъ уроженцевъ Петербургской губерніи, тоже весьма численныхъ во многихъ отрасляхъ столичной торговли и промышленности, мы здѣсь встрѣчаемъ на Сѣнной — въ средѣ рыбниковъ: новгородцевъ («бѣлозерскіе снетки», какъ ихъ «дразнятъ»), олончанъ, костромичей, вологжанъ, въ средѣ мясниковъ — костромичи, послѣ ярославцевъ, попадаются въ самомъ значительномъ числѣ; большинство хлѣбниковъ и калачниковъ (опять таки, за изъятіемъ ярославцевъ!) тверяки и калужане — послѣдніе, какъ бы въ оправданіе влагаемой имъ въ уста похвальбы: «Наша Калуга Москвы болѣй не болѣй, а *калачами* да *квасомъ* удалѣй». Тверяки чаще другихъ промышляютъ и кожевенными издѣліями. Недаромъ знаменитыя производствомъ обуви Кимра и Осташковъ прославили тверяковъ коренными сапожниками.. не въ обиду будь имъ сказано. Смоляки — «крупенники», по народной кличкѣ, не рѣдки среди лабазниковъ, какъ владимірцы — «клюковники», по кличкѣ того же происхожденія, лакомятъ столичныхъ сластенъ разнаго рода ягодами — свѣжими и заготовленными въ прокъ… Мы, однако, не скоро бы кончили, еслибъ стали знакомиться со всѣми представителями разныхъ губерній въ массѣ сѣнновскихъ и вообще столичныхъ торговцевъ.

Едва мы вышли изъ-подъ балагановъ на тротуаръ, какъ со всѣхъ сторонъ, зорко подстерегающіе покупателя, подвижные разносчики Сѣнной начинаютъ искушать насъ назойливыми предложеніями своихъ «хорошихъ» товаровъ враздробь.

— Пельцыны, лимоны мессинскіе! звонкой фистулой выкрикиваетъ шустрый парень, съ плутоватыми ухватками. Спросите: кто? — Петербургскій уроженецъ, «человѣкъ столичный», либо снова неизбѣжный ярославецъ.

— Хоррошія спички,—визжатъ во все надорванное горло тощіе, плохо одѣтые мальчуганы. Эти ужь рекрутируются предпріимчивыми эксплуататорами дешеваго дѣтскаго труда изблизка и издалека — всюду, гдѣ нужда и безхлѣбица дѣлаютъ сговорчивымъ даже материнское чувство на добровольное отчужденіе малолѣтковъ изъ-подъ роднаго крова… Много такихъ несчастныхъ дѣтей, оторванныхъ отъ семьи, безвременно чахнетъ и деморализуется на улицахъ и въ подвалахъ столицы, подъ бременемъ кабалы и непосильнаго труда, подъ растлѣвающимъ вліяніемъ городской «образованности»!

— Конвертовъ, бумаги! чей-то заискивающій тенорокъ прерываетъ наше грустное размышленіе о судьбѣ крестьянскихъ ребятъ, заброшенныхъ въ столицу. Оборачиваемся: передъ нами

Уличные торговцы—разнощики въ С.-Петербургѣ.

двѣнадцативершковый верзила геркулесовскаго тѣлосложенія, а всего «товару» у него на рукахъ гривенъ на семь, много — на рубль. По какой-то странной случайности, подобные «коммерсанты», которымъ въ пору бы десяти-пудовые кули ворочать, оказываются, большею частью, кронштадтскими мѣщанами... Народъ это — замотавшійся, сильно набалованный и приморченный городскимъ распутствомъ и возможностью легкой наживы..

— Гребни — гребенки! не суетясь зазываетъ далѣе обстоятельный малый, почти всегда уроженецъ Вологодской губерніи, съ живописно разложеннымъ на переносномъ лоткѣ товаромъ. Кромѣ гребенокъ — у него есть и кошельки, и портмонэ, и папиросницы, и затѣйливыя спичечницы, и складные ножики.... чего хочешь — того просишь.

Тутъ же у панели, въ ряду другихъ разносчиковъ, не суетясь и не зазывая, напрашивается съ своимъ «краснымъ» товаромъ — уже однимъ бросающимся въ глаза ярко-пестрымъ видомъ мрачный, типичный, по-свойски одѣтый, казанскій татаринъ, титулуемый у столичныхъ остряковъ «княземъ», безъ справокъ въ родословной. Его хорошо знаютъ въ Петербургѣ охотники «старыя вещи продавать» и на дешевые «халаты мѣнять»; знаютъ его и промышляющія въ столицѣ деревенскія молодки — любительницы яркихъ, затѣйливо - узорчатыхъ бумажныхъ, головныхъ платковъ, которые нашъ «князь» и предлагаетъ имъ, стоя гдѣ-нибудь на Сѣнной или на иномъ бойкомъ мѣстѣ.

Вообще, всѣ сейчасъ описанные, какъ и многіе другіе, торгаши, «съ переноснымъ» товаромъ, не составляютъ исключительной принадлежности Сѣнной, а шныряютъ по всему городу, ютясь, главнымъ образомъ, около бойкихъ мѣстъ, въ родѣ, напр., Гостинаго двора.

Этотъ, вотъ, солиднаго вида и вовсе неувеселительной мины коммерсантъ, предлагающій на соблазнъ ребятамъ потѣшныя забавки и игрушки, отъ механически-лающей собачки до лихаго казака на конѣ, трется чаще всего въ галереѣ Гостинаго двора.

Около Гостинаго двора, опять-таки на соблазнъ и потѣху дѣтей, производитъ чаще всего свою случайную, грошовую торговлю и продавецъ гутаперчевыхъ пузырей — человѣкъ, безъ сомнѣнія, «неосновательный», по простонародному выраженію, предпочевшій работѣ пустое дѣло, почти бездѣлье....

У Гостинаго двора такого сорта торгашей всегда видимо-невидимо. Вотъ бойкій малый, навязывающій каждому встрѣчному самодѣльныхъ бумажныхъ «птичекъ-канареекъ», парящихъ въ воздухѣ на резиновой ниткѣ....

Вотъ цѣлая толпа фруктовыхъ разносчиковъ, крикливо напрашивающихся со своими «сахарными» грушами и яблоками, всегда очень соблазнительно уложенными на лоткѣ, но почти также всегда оказывающимися, послѣ покупки, никуда негодной гнилью.... Вотъ къ услугамъ любителей просвѣщенія, продавцы предметовъ письма и печати: одни съ ассортиментомъ письменныхъ принадлежностей, другіе — съ пачками залежавшихся книгъ, журналовъ и календарей, не то — хромолитографированныхъ картинъ и проч.

Но возвратимся на Сѣнную....

Пройдя вдоль площади по направленію къ Спасской церкви, встрѣчаемъ оригинальную картину. Здѣсь, вдоль панели тянется рядъ ларей съ самымъ разнообразнымъ индустріальнымъ хламомъ, разсчитаннымъ, впрочемъ, на невысокія требованія сѣнновскаго экономнаго покупателя. Это, дѣйствительно, хламъ, потому что всѣ эти: чулочки, башмачки, зонтики, гребенки, дамскій прикладъ, кошельки, портмонэ, перочинные ножи, замки, посуда и проч. рухлядь — на половину «бракъ», на другую — державная, передержанная дрянь... За то-жь и дешевизна здѣсь неслыханная!

Описываемой торговлей занимаются уже по-преимуществу женщины. Сѣнновскія торговки, хотя и принадлежатъ, главнымъ образомъ, къ «военному сословію» и хотя кое-гдѣ въ Петербургѣ принято «ругаться» ихъ именемъ, для опредѣленія женской сварливости, грубости и безстыдства, вовсе, однако, не такого воинственнаго нрава и далеко скромнѣе и выше своей

дурной славы. Это, большею частью, пожилыя женщины, мѣщанскаго типа, смирныя и даже нѣсколько унылыя, съ философическимъ взглядомъ на окружающую ихъ суету сует. Только изрѣдка попадающіяся между ними юркія, болтливыя и непосѣдливыя еврейки, болѣе или менѣе обрусѣвшія, обнаруживаютъ, отличающую ихъ племя, страстность въ производствѣ своего грошоваго «гандля»... Перепись 1869 г. обнаружила, что изъ 2,005 женщинъ, занимающихся въ Петербургѣ торговлей разносной и съ ларей — 523, т. е. болѣе четверти всего числа, принадлежатъ къ вдовамъ и женамъ солдатъ, остальное число женщинъ этой профессіи комплектуется купчихами, мѣщанками, крестьянками и пр.

Въ массѣ торгашей Сѣнной площади женскій элементъ представляютъ не однѣ описанныя торговки. Заверните подъ вечеръ въ устье Таирова переулка со стороны площади. Не совсѣмъ благовонный, специфическій запахъ соленой рыбы возвѣститъ вамъ, краснорѣчивѣе вывѣсокъ, о цѣломъ рядѣ расположенныхъ здѣсь «сельдяныхъ лавокъ». Въ означенную пору дня двери этихъ лавокъ осаждаются толпою голосистыхъ бабъ, въ душегрѣйкахъ, шушунахъ и алыхъ платочкахъ, съ ведерками и коробками въ рукахъ и за спиною. Здѣсь онѣ запасаются своимъ «товаромъ», чтобъ завтра, съ ранняго утра, разсыпаться по всему городу, въ особенности, по захолустнымъ улицамъ, и чуть не въ каждомъ дворѣ тончайшимъ сопрано, мелодически оповѣстить желающимъ дешево купить:

— Се-лед-ки голанд-скі-я, селед-ки-и-и! Яица свѣжія, я-и-и-ца!...

Утромъ, особенно раннимъ, мы можемъ встрѣтить на Сѣнной еще одинъ очень своеобразный, самобытный типъ торгующихъ въ Петербургѣ женщинъ. Въ это время дня на Сѣнной происходитъ, обыкновенно, оживленный торгъ «съ возовъ» между торговцами и поселянами, наѣзжающими со своими продуктами изъ пригородныхъ окрестностей. Среди угрюмыхъ чухонъ и не по-деревенски бойкихъ русскихъ мужичковъ близлежащихъ къ Петербургу селеній, на возахъ нерѣдко попадаются также, единолично управляющіяся и съ лошадью, и съ возомъ, и со всѣмъ его содержимымъ, краснолицыя, коренастыя, энергическаго вида бабы, одѣтыя по-мѣщански. На возахъ у нихъ чаще всего найдете груду своеобразной формы жестяныхъ кувшиновъ, боченки и кадки. Въ кувшинахъ и боченкахъ — молоко, сливки и сметана, въ кадкахъ — «чухонское» и «сливочное» масло и творогъ. Хозяйка всего этого молочнаго добра — охтянка, съ именемъ которой петербуржецъ свыкается, можно сказать, отъ пеленокъ. Безъ услугъ охтянки не обходится ни одно хозяйство, ни одна семья въ Петербургѣ, потому что охтянка — главная въ столицѣ поставщица свѣжаго молока и сливокъ.

Нужно, впрочемъ, замѣтить, что большинство охтянокъ имѣютъ дѣло прямо съ потребителями, безъ посредства перекупщиковъ Сѣнной площади. Большинство ихъ, къ тому же, доставляютъ свои продукты въ городъ не на лошадяхъ, которыя имѣются для этой цѣли только у наиболѣе зажиточныхъ между ними, а на парѣ собственныхъ крѣпкихъ, рѣзвыхъ ногъ, ежедневно вымѣривающихъ концы съ Охты — куда-нибудь въ Коломну, верстъ, этакъ, съ десять — туда и обратно. И — это подъ ношей полудюжины огромныхъ кувшиновъ съ молокомъ, привѣшенныхъ на коромыслѣ черезъ плечо!... Сообразивъ все это, нельзя не преклониться передъ этимъ видомъ «женскаго труда», показывающимъ въ нашей охтянкѣ присутствіе такой физической силы, энергіи и выносливости, какими похвалятся далеко не многіе и изъ мужчинъ. Зимою трудъ ея нѣсколько облегчается возможностью возить молоко въ городъ на приспособленныхъ для того ручныхъ санкахъ, которыя виднѣются на второмъ планѣ нашей картины вмѣстѣ съ присѣвшей на нихъ для отдыха хозяйкой. Но, какъ это показано на той же картинкѣ, не всѣ охтянки пользуются зимою этимъ приспособленіемъ, не всегда удобнымъ для тѣхъ изъ нихъ, которымъ приходится, снабжая молокомъ своихъ кліентовъ на дому, подниматься по лѣстницамъ громадныхъ петербургскихъ домовъ.

Кто этотъ еще, быть можетъ, нѣсколько легко одѣтый для зимней поры, торгашъ-разносчикъ, бесѣдующій о чемъ-то съ остановившейся мимоходомъ охтянкой? Молодецъ этотъ въ

одно время и производитель, и комерсантъ. Товаръ и производство его перемѣнчивы. Лѣтомъ онъ промышляетъ самодѣльнымъ квасомъ — клюквеннымъ, а на вкусъ болѣе прихотливый, «лимоннымъ», подлинность котораго въ глазахъ потребителей-скептиковъ краснорѣчиво подкрѣпляется двумя, тремя, всегда плавающими въ жбанѣ нашего квасника, кружочками настоящаго

Продавецъ отварной груши.

лимона. На зиму—квасникъ, легко можетъ статься, превратится въ сбитеньщика; осенью же и весной онъ запоетъ на бойкихъ мѣстахъ:

— Груша, вареппа груша!

На нашемъ рисункѣ вы видите этого оборотливаго малаго въ послѣдней фазѣ его промышленно-поваренной дѣятельности. На лоткѣ у него красуется горка сушеной отварной груши, сладкій взваръ отъ которой помѣщается въ тутъ же стоящемъ боченочкѣ. Значитъ, потребитель можетъ за какихъ нибудь двѣ, три копѣйки получить двойное удовольствіе: покушать «поваренной» груши и запить ее стаканчикомъ, другимъ взвара...

Уличный торгъ, предусматривающій разнообразныя потребности многочисленнаго столичнаго населенія, имѣетъ множество спеціальностей и спеціалистовъ. Нѣкоторыя изъ нихъ настолько своеобразны, что нельзя ихъ обойти.

Для наблюденій за этого рода торговлей и ея представителями лучше всего избрать дворъ какого нибудь большаго дома, населеннаго небогатымъ людомъ. Обитатели такихъ домовъ привыкли слышать съ ранняго утра до вечера, чередующіеся одинъ послѣ другаго, характеристическіе пѣвучіе возгласы заходящихъ во дворъ уличныхъ торгашей и промышленниковъ. Изъ гармоническаго соединенія этихъ возгласовъ могла бы получиться цѣлая своеобразная симфонія.

Утромъ, обыкновенно, оглашаютъ дворы своими руладами знакомыя уже намъ селедочницы, охтянки; далѣе идутъ продавцы разныхъ съѣстныхъ припасовъ, включительно до поставщиковъ баловней-«васекъ», мы говоримъ о «кошатникахъ», предлагающихъ сырую бычью печень на потребу домашнихъ котовъ.

— По печенку «васенькѣ».... Ув-ва-жа-ю! од-д-дол-жа-ю! фигурно выкрикиваетъ иной краснобай «кошатникъ», мастерски подражая мяуканью разнѣженнаго кота.

— Ножи, ножницы точить! является вслѣдъ за нимъ съ точильнымъ станкомъ деревенскій парень — небольшой мастеръ своего дѣла, за то сговорчивый на счетъ цѣны....

— Старыя вещи, старыя тряпки продавать! — сиплымъ баскомъ возвѣщаетъ, понуро посматривая на окна, потасканная чуечка, не внушающая къ себѣ довѣрія. Это тряпичникъ — охотникъ до «старыхъ вещей», битой посуды, животныхъ костей, а, при удобной оказіи, и до всего того, что «плохо лежитъ». Такая, по крайней мѣрѣ, нехорошая сложилась о немъ слава.

Торговецъ съѣстными припасами.

— Халатъ, барынь, халатъ! гортаннымъ возгласомъ даетъ знать о своемъ приходѣ уже извѣстный намъ оборотливый торгашъ-татаринъ.

— Цвѣты — цвѣточки! теноровой фистулой выводитъ чахлый мужичекъ, носящій на головѣ чуть не цѣлый садъ изъ комнатныхъ растеній.

Заходятъ, наконецъ, въ нашъ дворъ стекольщики, продавцы и продавщицы корзинъ и разныхъ плетеныхъ изъ тростника принадлежностей домашней утвари, поставщицы деревенскаго полотна и вязанья — веселыя, бойкія на языкъ бабы, смѣло, безъ зова, входящія во всѣ квартиры, въ увѣренности быть желанными гостьями.... Но всѣхъ петербургскихъ уличныхъ торгашей и не перечесть!

Замѣтимъ еще, что въ Петербургѣ уличная торговля имѣетъ два вида: во-первыхъ, «переносная», обязывающая ея представителей вѣчно быть на ногахъ, переходя съ мѣста на мѣсто, и во-вторыхъ, осѣдлая — съ ларей, примащиваемыхъ обыкновенно въ бойкихъ мѣстахъ, гдѣ нибудь на перекресткахъ, у мостовъ, близъ желѣзнодорожныхъ вокзаловъ и пр. Нѣкоторые изъ ларей имѣютъ щеголеватый видъ, какъ, напр., находящіеся на Невскомъ проспектѣ, въ которыхъ производится торговля держанными книгами, прохладительными напитками и фруктами. Большая же часть ларей въ другихъ мѣстностяхъ, по пословицѣ, «красны не углами, а пирогами»: въ нихъ продаются, на спросъ простолюдиновъ, всевозможные съѣстные припасы,

прохладительные напитки и лакомства, отъ рубцовъ, печенки и саекъ до баранокъ, кислыхъ щей, яблокъ и «вяземскихъ» пряниковъ, отличающихся не столько сладостью и вкусомъ, сколько прочностью, передъ которой не спасуютъ развѣ желѣзные зубы.

Знакомство съ уличнымъ торговымъ людомъ и легкая прогулка по Сѣнной площади, представляющей наиболѣе удобную и широкую обсерваціонную точку для перваго нагляднаго знакомства съ массой петербургскаго населенія, во всемъ его разнохарактерномъ составѣ, приводятъ насъ къ возникающему самъ собою вопросу: что же такое, такъ называемый, «петербуржецъ», что такое Петербургъ, какъ поселеніе, говоря объ этихъ понятіяхъ съ точки зрѣнія національно-этнологической и культурно-исторической?

Исходя отъ такой точки, вглядываясь въ современное положеніе Петербурга, какъ столицы нашей Имперіи, нельзя не придти къ твердому заключенію, что онъ, какъ въ государственно-политическомъ, такъ и въ культурномъ и этнологическомъ отношеніяхъ, составляетъ не только «центръ» *новой*, созданной Великимъ Петромъ, Россіи, но и служитъ ея прямымъ всестороннимъ выразителемъ, ея, такъ сказать, историческимъ фокусомъ.

Мѣсто для найма рабочихъ на Сѣнной.

Какъ въ физическомъ фокусѣ концентрируются всѣ характеристическіе лучи даннаго предмета, такъ и Петербургъ, всѣмъ ходомъ русской исторіи, сосредоточилъ въ себѣ, въ квинтъ-эссенціи, всю современную Русь, во всемъ ея племенномъ и культурномъ разнообразіи. Здѣсь — главный пульсъ русской жизни, въ которомъ бьется нервъ, связывающій густою сѣтью своихъ развѣтвленій въ одно цѣлое всѣ органы и члены нашего народнаго и государственнаго организма. Быть можетъ, не найдется во всей Россіи такого глухаго «медвѣжьяго» угла, гдѣ бы вовсе ужь не чувствовалось никакихъ связей и никакихъ общихъ интересовъ съ нашей столицей.

Даже въ чисто механическомъ, такъ сказать, отношеніи, Петербургъ представляетъ своего рода этнографическій калейдоскопъ, въ который брошены типичные самоцвѣтные кристалы всѣхъ, по выраженію поэта,

«Племенъ, нарѣчій, состояній»,

населяющихъ наше обширное отечество.

Въ самомъ дѣлѣ, нѣтъ почти ни одной губерніи, ни одного «инородческаго» племени, которыя не имѣли бы своихъ представителей въ массѣ петербургскаго населенія. Въ этомъ убѣждаютъ насъ адресныя свѣдѣнія о столичныхъ жителяхъ, не говоря о нашихъ личныхъ, поверхностныхъ наблюденіяхъ сѣнновскаго, напр., торговаго люда.

Само собой разумѣется, въ составѣ петербургскаго населенія, какъ по вѣроисповѣданію, такъ и по происхожденію, преобладаетъ русское, говоря точнѣе, великорусское, православное племя (а именно — 513,609 чел., по переписи 1869 г., что составляетъ слишкомъ 85% всего населенія столицы). Эта подавляющая цифра, сказать къ слову, краснорѣчивѣе всего опровергаетъ сложившееся кое-гдѣ предубѣжденіе, что Петербургъ — не русскій городъ. Правда, инородцевъ и иновѣрцевъ въ немъ, сравнительно, тоже значительная цифра. Такъ, представителей иновѣрческихъ

исповѣданій считается до 100,000 чел., или, около 16%. Въ томъ числѣ: нѣмцевъ слишкомъ 45 т., поляковъ до 10 т., финновъ до 16 т., евреевъ слишкомъ 5 т., французовъ болѣе 3 т., мусульманъ около 2 т. и остальныхъ инородцевъ до 15 т. въ сложности.

Петербургъ съ первыхъ дней своего основанія всегда былъ гостепріименъ для «нѣмцевъ», т. е. для иностранцевъ вообще. Извѣстно, какъ любилъ ихъ и какъ покровительствовалъ имъ Петръ I. Благодаря этому, они охотно наѣзжали въ Россію и селились въ юной столицѣ. Вначалѣ колонизовались въ Петербургѣ, главнымъ образомъ, голландцы, потомъ англичане, рѣже — французы и итальянцы, и, наконецъ, нѣмцы, вскорѣ, по своей численности и вліятельности въ петербургскомъ мірѣ, взявшіе верхъ надъ всѣми остальными національностями. Были времена, когда нѣмцы хозяйничали въ Петербургѣ, какъ у себя дома. Въ настоящее время, нѣмецкій элементъ тоже ощутительно даетъ себя чувствовать въ составѣ столичнаго населенія, быть можетъ, потому, что нѣмцы, вообще, очень крѣпки своей національности и очень туго обобщаются съ господствующей русской національностью. Въ Петербургѣ перѣдкость встрѣтить нѣмца, прожившаго здѣсь многіе годы безвыѣздно и — невыучившагося говорить по-русски. Тѣмъ не менѣе, время и ассимилирующее вліяніе русской народности понемногу берутъ свое: нигдѣ нельзя встрѣтить такого множества вполнѣ обрусѣвшихъ нѣмцевъ, какъ именно въ Петербургѣ...

Вообще, если смотрѣть на формированіе петербургскаго населенія съ исторической точки зрѣнія, названіе «смѣси», придуманное для него поэтомъ, не совсѣмъ точно. Это не *смѣсь*, не инертная масса разъединенныхъ, не претворяющихся въ одно цѣлое, случайно сваленныхъ въ одну кучу стеклышекъ калейдоскопа, по нашему уподобленію. Мы имѣемъ дѣло съ живыми людьми, въ большинствѣ — соотечественниками одного государства, объединяющимися въ великомъ городѣ — можетъ быть, медленно, но неотразимо — множествомъ разнородныхъ отношеній, общностью интересовъ, обмѣномъ идей и просто, наконецъ, въ силу законовъ «естественнаго подбора».

Отсюда, Петербургъ получаетъ въ нашихъ глазахъ значеніе громаднаго ассимилирующаго горнила, въ интересѣ господствующей русской народности, русской государственности и русской культуры.

Подобно тому, какъ петербургская литература выработала одинъ общій для всѣхъ русскихъ образованныхъ людей, сказать бы — *всероссійскій* языкъ, поглотившій мѣстныя нарѣчія, точно также культурно-ассимилирующее вліяніе Петербурга выразилось въ созданіи типа гражданина всей русской земли, поглотившаго всѣ ея разноплеменные и областные оттѣнки. Въ этомъ кроются, между прочимъ, нѣкоторыя основанія для ходячаго осужденія, съ узкой точки зрѣнія провинціализма, типа *петербуржца* въ «безпочвенности», неопредѣленности и безколоритности. Помня, что типъ этотъ, формирующійся изъ разнороднѣйшихъ элементовъ, далеко еще не сложился окончательно, нужно замѣтить также, что онъ и не можетъ, по самой сущности, представлять яркой этнографической обособленности и исключительности. Хорошо это или дурно— разбирать здѣсь не станемъ; несомнѣнно одно, что въ этомъ явленіи сказался историческій законъ общечеловѣческой цивилизаціи, во всемъ идущей отъ частнаго къ общему и, въ силу этого, повсюду безслѣдно сглаживающей мѣстныя племенныя особенности, для возсозданія типовъ болѣе широкихъ и всеобъемлющихъ и наиболѣе приближающихся къ универсальному идеалу человѣка.

Но что такое культурный типъ петербуржца и какимъ образомъ онъ формировался? Для отвѣта на этотъ существенно-важный въ нашей задачѣ вопросъ, необходимо начать нѣсколько издалека.

Уже изъ сказаннаго выше ясно, что въ чисто-этнографическомъ отношеніи, строго говоря, областнаго типа петербуржца не существуетъ въ томъ смыслѣ, какъ существуетъ, напр., характеристически очерченный типъ ярославца, нижегородца, псковича и другихъ исторически

сложившихся разновидностей великорусскаго племени. И это по весьма естественной причинѣ.

Двѣсти лѣтъ тому назадъ, какъ мы знаемъ, о петербуржцахъ не было еще и помину — не было на свѣтѣ и самаго Петербурга. То мѣсто, гдѣ онъ теперь стоитъ, и вся окружающая его Ижорская земля (Водьская пятина то-жь) были тогда очень рѣдко заселены. Въ негостепріимныхъ дебряхъ и топяхъ этой скудной и неприглядной страны влачилъ жалкую, полудикую жизнь «суровый финнъ» — невзрачный, обездоленный пасынокъ суровой природы. Онъ былъ пасынкомъ и у исторіи. Коренной абориганъ этой страны, онъ никогда, однакожь, не былъ ея полнымъ господиномъ, никогда не жилъ самостоятельной исторической жизнью: и онъ самъ и его земля искони находились въ зависимости отъ сосѣднихъ, болѣе энергическихъ и могущественныхъ народностей. Самъ онъ относился пассивно къ вѣковому спору этихъ народностей изъ-за обладанія его землей, и ни прежде, ни послѣ основанія Петербурга ни въ чемъ не проявилъ сколько нибудь ярко стремленія къ самобытности.

Такую же безхарактерную и подчиненную роль играли мѣстные финны и въ національно-этнографическомъ подборѣ петербургскаго населенія — въ его бытовыхъ и культурно-рассовыхъ особенностяхъ. Это «бѣлоглазое», вялое, флегматичное племя, не смотря на свою сравнительную многочисленность, какъ-то совершенно теряется и расплывается въ массѣ петербургскаго населенія, вовсе не оцвѣчивая его своей индивидуальностью, если не считать развѣ нѣкоторой порчи физіогномическаго профиля мѣстнаго славянорусскаго племени, обязанной своимъ происхожденіемъ примѣси финской крови.

Мы знаемъ изъ исторіи, что русскій народъ, задолго еще до основанія Петербурга, побуждаемый колонизаціоннымъ духомъ и инстинктивнымъ стремленіемъ къ упроченію своего государства и своего историческаго значенія, велъ вѣковую борьбу изъ-за обладанія невско-ладожскимъ ключемъ, открывавшимъ великій водный путь для сообщенія Россіи съ образованнымъ міромъ. Вслѣдствіе этого, русскіе люди издревле селились и утверждались у лѣваго прибрежья Невы, являясь, такимъ образомъ, ранними піонерами исполненной позднѣе, могучею государственною рукою Петра, прорубки «окна въ Европу».

Завоевавъ устье Невы, Петръ нашелъ уже здѣсь старыя новгородскія поселенія. Такъ, есть извѣстіе, что даже противъ самаго шведскаго Ніеншанца (гдѣ нынѣ Охта), по лѣвой сторонѣ Невы, стояло тогда большое русское село Спасское съ деревнями: Сябринымъ, Первушиной, Калиной и друг. Нынѣшняя Петербургская сторона тоже была заселена русскими: здѣсь было «село на Ѳоминѣ островѣ на Невѣ у моря». Благодаря изысканіямъ Купика, узнаемъ, что Петербургская сторона у самихъ шведовъ еще въ XVII столѣтіи значилась «Ѳоминымъ островомъ» (Phomin ostroff)...

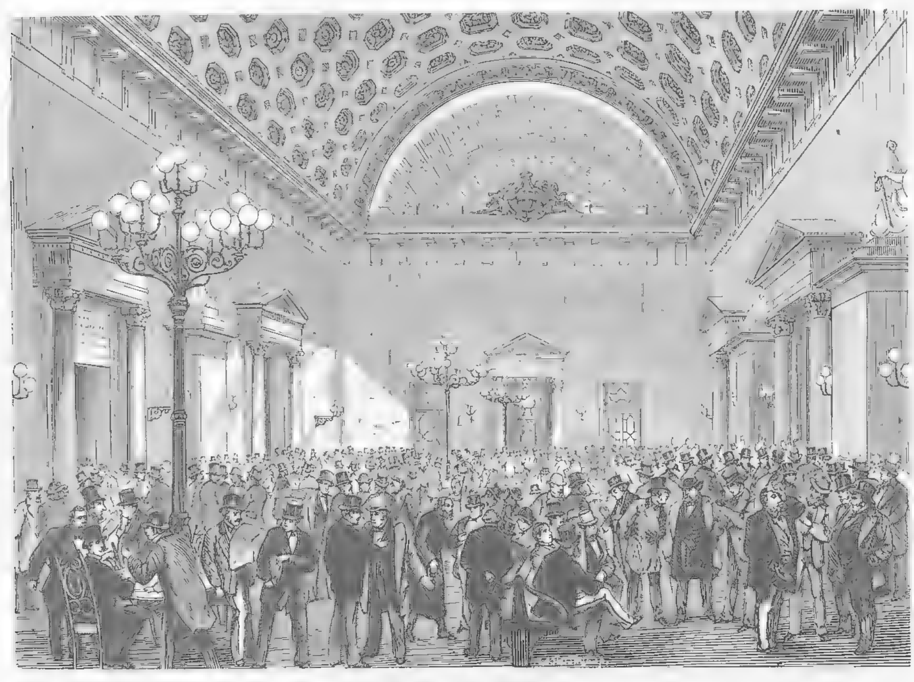
Конечно, приневскія русскія поселенія были очень рѣдки и малочисленны для того, чтобъ могли послужить достаточно плотнымъ колонизаціоннымъ ядромъ при основаніи новой русской столицы. Вслѣдствіе этого, медленная, естественнымъ путемъ происходившая до сихъ поръ русская колонизація смѣняется, съ момента основанія Петербурга, быстрыми понудительными переселеніями извнутри Россіи къ отвоеваннымъ невскимъ берегамъ тысячъ людей подневольныхъ Свободный народный почииъ и частная предпріимчивость уступаютъ мѣсто широкимъ государственнымъ задачамъ, ради выполненія которыхъ Петръ, какъ извѣстно, ничего и никого не щадилъ. При выборѣ переселенцевъ не было никакой системы и не обращалось никакого вниманія на ихъ желаніе или нежеланіе къ переселенію. Гнали народъ безъ разбора со всѣхъ концовъ Россіи, гнали людей «добрыхъ» и «пожиточныхъ», гнали завѣдомыхъ «воровъ» и каторжниковъ...

Въ 1703 г. Петръ пишетъ князю Ѳ. Ю. Ромодановскому изъ Петербурга, что у него «нужда есть» въ людяхъ, то, «дабы нѣсколько тысячъ *воровъ* (а именно, если возможно 2,000 ч.)

приготовить къ будущему лѣту: — по всѣмъ приказамъ, ратушамъ и городамъ собирать по первому пути тѣхъ, которые посылаются въ Сибирь»...

Въ то-же время, цѣлымъ рядомъ указовъ высылались изъ различныхъ мѣстностей Россіи въ новую столицу «на житье всякихъ званій, ремеслъ и художествъ люди — не убогіе, малосемейные и маломочные, а такіе, которые бы имѣли у себя торги, промыслы и заводы»... Да, при этомъ, чтобъ въ дѣлѣ переселенія никакихъ «неправдъ и коварствъ и негодныхъ не было». Всѣмъ переселенцамъ вмѣнялось въ обязанность строить въ Петербугѣ дома и жить въ немъ безвыѣздно (указъ 1712 г.). Обязательное строеніе домовъ было подчинено извѣстнымъ правиламъ и цензу.

По мѣсту происхожденія, первые петербургскіе поселенцы были пригнаны изъ Новгородской и Олонецкой губерній. Они были подъ рукою — ближе другихъ и, по своему мастерству, болѣе другихъ необходимы. Это были плотники, въ которыхъ основателю новой столицы, по-

Петербургская биржа.

нятно, нужда была великая. Затѣмъ, стали переселять въ Петербургъ для строительныхъ работъ тверитянъ, псковичей, архангелогородцевъ и уроженцевъ другихъ губерній, а также малороссіянъ, донцовъ, чухонъ, плѣнныхъ шведовъ, татаръ, калмыковъ и иныхъ «инородцевъ». Уже въ 1704 г., при сооруженіи Петропавловской крѣпости, работало до сорока тысячъ переселенцевъ, не считая нижнихъ чиновъ гарнизона.

Обязательное переселеніе въ Петербургъ длилось пятнадцать лѣтъ, до 1717 г., когда правительство, по представленію кн. Черкасскаго, убѣдилось, что «подрядомъ и наймомъ работы будутъ управляться удобнѣе и скорѣе». Втеченіе этихъ пятнадцати лѣтъ народу было переселено многія тысячи, если судить по тому уже, что, по примѣрнымъ вычисленіямъ, одна постройка Петропавловской крѣпости (въ 1706 г. изъ земляной она начала перестраиваться въ каменную) обошлась не менѣе, какъ въ сто тысячъ жизней. Суровый климатъ, тяжелыя работы, плохія жилища, недостатокъ продовольствія, а порой и настоящая голодовка скашивали жизнь

тысячамъ подневольныхъ поселенцевъ. Немногіе изъ нихъ уцѣлѣли, обзавелись здѣсь семьями и сдѣлались родоначальниками «кореннаго» петербургскаго населенія.

Въ послѣдующія царствованія, хотя понудительныя мѣры къ заселенію Петербурга были прекращены, но правительство еще долго не оставляло заботъ различными косвенными способами увеличивать число его жителей и привязывать ихъ къ нему. Напр., сравнительно еще очень недавно раздавались въ чертѣ города даромъ всѣмъ желающимъ дворовые участки земли для осѣдлости. Раздача эта производилась въ нынѣшнемъ Измайловскомъ полку, въ Коломнѣ и въ другихъ мѣстахъ, и прекращена лишь въ началѣ нынѣшняго столѣтія, т. е. какихъ нибудь семьдесятъ лѣтъ тому назадъ, въ теченіе которыхъ цѣнность земли въ Петербургѣ достигла баснословной дороговизны.

Въ послѣдніе годы царствованія Петра В. въ Петербургѣ считалось не болѣе 25,000 жит., а послѣ его смерти, вначалѣ, число это должно было значительно уменьшиться, такъ какъ многіе изъ жителей, пользуясь наступившей въ это время легкой реакціей и не чувствуя болѣе надъ собой неуклонной воли грознаго царя, «брели врозь». Они бросали свои дома въ Петербургѣ и спѣшили во-свояси — на родныя дѣдовскія пепелища. Случалось, даже во времена уже Елисаветы Петровны, что многія улицы въ Петербургѣ заростали травой, потому что цѣлые ряды домовъ, брошенныхъ своими хозяевами, стояли совершенно пустыми и разрушались. Запустѣніе доходило до того, что правительство временами посылало особыхъ чиновниковъ — ловить бѣглыхъ жителей столицы. Впрочемъ, вначалѣ второй половины прошлаго столѣтія въ Петербургѣ насчитывалось уже до 80,000 жителей. Такъ или иначе, но, не взирая на всю нелюбовь народа къ новой столицѣ, ея постепенно возраставшее торговое значеніе, ея вліяніе на страну, какъ центра государственнаго, какъ средоточія зарождавшейся литературы и умственной жизни русскаго общества, мало-по-малу упрочивали связи Петербурга съ провинціей и привлекали къ нему переселенцевъ уже не по указу и не изъ-подъ «дубинки», а по добро вольному почину.

Это естественное влеченіе къ Петербургу, способствовавшее его быстрому внутреннему и внѣшнему развитію, съ особенной силой наступаетъ въ мягкое и богатое благими начинаніями царствованіе Екатерины II. «До нея Петербургъ», говоритъ извѣстный графъ Сегюръ, — «построенный въ предѣлахъ стужи и льдовъ, оставался почти незамѣченнымъ и, казалось, находился въ Азіи. Въ ея царствованіе Россія стала державою европейскою; Петербургъ занялъ видное мѣсто между столицами образованнаго міра...» Сама Екатерина засвидѣтельствовала, что въ ея царствованіе наша столица стала популярнѣе въ мнѣніи народа. «Народная ненависть (къ Петербургу), какъ я видѣла», писала императрица въ 1787 году, «уменьшилась и превратилась у весьма многихъ въ дѣйствительную склонность.» Уже въ первые годы екатерининскаго царствованія Петербургъ имѣлъ полтораста тысячъ жителей. Затѣмъ, къ концу XVIII столѣтія число жителей столицы возрасло до 220,000. За царствованіе Александра I численность петербургскаго населенія почти удвоивается: въ 1825 году считалось 425 тыс. жит. чел. Въ теченіе тридцатилѣтняго царствованія Николая Павловича приростъ населенія былъ, сравнительно, небольшой: въ 1858 году въ Петербургѣ имѣлось всего 495 тыс. жит.; но вслѣдъ за этимъ, опять идетъ быстрое возрастаніе; послѣдняя однодневная перепись 1869 года дала цифру до 668 тыс. жит. Съ той поры прошло уже десять лѣтъ и, основываясь на множествѣ вновь соорудившихся въ нашей столицѣ домовъ, не остающихся пустыми, а быстро наполняющихся населеніемъ, мы можемъ предположить, что населеніе Петербурга увеличилось не менѣе какъ на 100 т., такъ что въ настоящее время въ Петербургѣ до 800,000 жителей.

И все-таки, не смотря на такой быстрый и громадный приростъ населенія нашей столицы, подлинныхъ, коренныхъ петербуржцевъ, въ этнографическомъ смыслѣ слова, оказывается

крайне ограниченное число. Оно составляетъ не болѣе одной трети (33%) общей цифры населенія Петербурга; но и это число можетъ быть принято только условно. Въ него вошли всѣ жители, «приписанные» къ Петербургу въ административномъ лишь отношеніи. Конечно, дѣйствительныхъ, такъ сказать, потомственныхъ *уроженцевъ* Петербурга въ этой группѣ населенія должно быть еще менѣе.

Замѣчательно, что въ Петербургѣ, если не считать немногихъ аристократическихъ фамилій, весьма рѣдки такіе дома и семьи, которые могли бы, хотя по преданіямъ, доказать, что ихъ родословное древо, какъ петербургскихъ уроженцевъ, возносится съ петровскихъ временъ. Напр., при Петрѣ Великомъ въ столицу было переселено нѣсколько сотъ «лутчихъ» купеческихъ домовъ изъ внутреннихъ губерній; но отъ нихъ не осталось по настоящее время ни слѣда. Изъ существующихъ нынѣ въ Петербургѣ купеческихъ домовъ — самый старинный не насчитаетъ себѣ и полутораста лѣтъ. Очень немного даже такихъ домовъ, которые существуютъ около ста лѣтъ. Самыми древнѣйшими считаются торговые дома Кусовыхъ и Меньшуткиныхъ, основанные въ 1770 и 1774 г., значитъ, немного болѣе ста лѣтъ. Вообще же всѣхъ купеческихъ фамилій въ Петербургѣ, начало которыхъ относится къ прошлому столѣтію, имѣется всего лишь двѣнадцать...

Единственная, цѣльно-сохранившаяся со временъ Петра Великаго, этнографическая группа въ массѣ подвижнаго и измѣнчиваго населенія Петербурга, это — *охтяне.* Родоначальники ихъ были бѣлоозерскіе плотники, поселенные, въ числѣ 91 семей, на мѣстѣ разрушенной шведской крѣпости Ніеншанца, въ 1720 г. Они были причислены къ адмиралтейству для строенія кораблей, и эту «натуральную повинность» охтенское поселеніе несло болѣе ста лѣтъ. Благодаря своей обособленности и исключительнымъ бытовымъ условіямъ, охтяне не смѣшались съ массой столичнаго населенія и не обезцвѣтились въ этнографическомъ отношеніи. Это до сихъ поръ еще очень характерная, самобытная и типичная индивидуальность въ составѣ столичнаго населенія. Равнымъ образомъ, они остались вѣрны и индустріальной традиціи своихъ предковъ— древодѣловъ; почти всѣ нынѣшніе охтяне мужскаго пола столяры, и ихъ мебельными издѣліями, главнымъ образомъ, снабжается столица...

Главная причина того, что въ Петербургѣ такъ мало, сравнительно, коренныхъ петербуржцевъ, въ этнографическомъ смыслѣ слова, заключается въ чрезвычайной измѣнчивости, текучести и безосѣдлости большей части его населенія. Извѣстно, что Петербургъ — городъ, по преимуществу, холостяковъ и людей безсемейныхъ. Живущихъ семейно — въ немъ всего лишь до 38% всей цифры населенія. Остальная масса состоитъ изъ людей одинокихъ, изъ коихъ многіе оставили свои семьи гдѣ нибудь въ провинціи, гдѣ у нихъ и *домъ* и родина. Это въ особенности слѣдуетъ сказать о крестьянахъ, составляющихъ, однако, почти треть всего петербургскаго населенія — его рабочій классъ. По сословіямъ, петербургское населеніе распредѣляется такимъ образомъ, что дворянъ потомственныхъ и чиновниковъ — 94,584 или 14,$_2$% всего населенія; нижн. воин. чиновъ — 132,126 или 19,$_8$%; духовныхъ — 6,113 или около 1%; гражданъ потомственныхъ и личныхъ почетныхъ — 6,990 или болѣе 1%; купцовъ — 22,333 или 3,$_3$%; мѣщанъ и цѣховыхъ — 140,945 или 21,$_2$%; разночинцевъ — 17,771 или 2,$_7$%; крестьянъ — 207,707 или 31%; иностранцевъ — 21,335 или 3,$_2$% и т. д. Уже изъ сравненія этихъ цифръ видно, что *городское сословіе* въ Петербургѣ (мы говоримъ о мѣщанахъ, гражданахъ и купечествѣ) весьма не многочисленно; тогда какъ напр., совершенно *наплывные* слои населенія—крестьяне и воен. ниж. чины, составляютъ болѣе *половины* столичнаго населенія. Крестьянская, вѣчно движущаяся, озабоченная, трудовая масса живетъ въ Петербургѣ налегкѣ, никогда не забывая о своей «деревнѣ», въ которой она оставила свои корни и съ которой находится въ непрерывномъ и близкомъ общеніи, и упорно сохраняя свои бытовыя, мѣстныя особенности и обычаи. Будто море, она вѣчно измѣняется въ своемъ механическомъ составѣ постоянными приливами и отливами. Такъ, къ веснѣ, когда откры-

ваются разнообразныя городскія «лѣтнія» работы, постройки и проч., Петербургъ наводняется многими тысячами пришлыхъ крестьянъ — чернорабочихъ, которые къ началу зимы, въ большинствѣ, возвратятся на родину. Одновременно, множество крестьянъ, занятыхъ такими профессіями, которыя, по условіямъ столичной общественной жизни, имѣютъ мѣсто только во время зимняго сезона, разъѣзжаются на лѣто по деревнямъ съ тѣмъ, чтобы возвратиться въ столицу осенью.

Вообще, значительная часть столичнаго населенія какъ бы *гоститъ* только въ Петербургѣ. Одни, какъ крестьяне, гостятъ для заработковъ; другіе заѣзжаютъ и гостятъ по разнымъ торговымъ, служебнымъ и тяжебнымъ дѣламъ; третьи гостятъ для образованія, какъ учащееся юношество; четвертые гостятъ по обязанностямъ службы, по волѣ правительства, какъ, напр., многочисленное военное сословіе; наконецъ люди высшаго общества и съ независимымъ состояніемъ — гостятъ для столичныхъ удовольствій и развлеченій, ради интересовъ общественной жизни... По этой причинѣ, для множества обитателей Петербурга — онъ, въ сущности, «чужой» городъ, и они могутъ считаться его жителями развѣ въ одномъ лишь статистическомъ отношеніи.

Тѣмъ не менѣе, а быть можетъ даже, благодаря, главнымъ образомъ, этой-то подвижности и измѣнчивости состава жителей Петербурга, совершенно различнаго напримѣръ въ зимній и лѣтній сезонъ, онъ имѣетъ громадное культурно-ассимилирующее вліяніе на всю Россію. Это наглядно повѣряется уже тѣмъ обаяніемъ, какимъ пользуется все «петербургское» повсюду въ провинціи, начиная отъ книги и кончая какой нибудь модной шляпкой. Каждая почти вещь, привезенная изъ Петербурга, ставится несравненно выше такой же вещи мѣстнаго происхожденія, какъ всякій петербургскій мастеръ предпочитается мѣстному, вслѣдствіе чего во всякомъ провинціальномъ городѣ есть непремѣнно портной «изъ Петербурга», сапожникъ «изъ Петербурга» и проч.; непремѣнно есть и гостиница «Петербургская», и улица «Петербургская» — всегда лучшія въ городѣ... Петербургъ — лучшая реклама и наиболѣе лестная аттестація!

Тѣмъ сильнѣйшее, разумѣется, вліяніе на провинцію, на весь русскій міръ, долженъ имѣть Петербургъ въ интеллектуальномъ отношеніи. Вмѣстѣ съ модными шляпками и фраками послѣдняго покроя, изъ Петербурга вывозятся и «выписываются» *новыя* идеи, новыя понятія и знанія, распространяется господствующій тонъ и направленіе даннаго момента русской умственной жизни, средоточіемъ которой служитъ Петербургъ. Здѣсь собрано большинство представителей нашей науки и русской литературы. Это подтверждаетъ намъ и статистика книжнаго дѣла, показывающая, что въ Петербургѣ издается почти половина всего числа выходящихъ въ Россіи книгъ (до 45%, по свѣдѣніямъ за 1877 г.). Еще болѣе разительно количественное и качественное преобладаніе петербургской журналистики надъ всей провинціальной журналистикой, считая въ томъ числѣ и московскую. То же самое слѣдуетъ сказать и относительно изящныхъ искусствъ — живописи, скульптуры, музыки и пр. Большинство художественныхъ силъ Россіи опять-таки сосредоточены въ Петербургѣ.

И вотъ почему соединеніе всѣхъ этихъ счастливыхъ условій даетъ благодарную почву для возсозданія и развитія того широкаго *культурнаго* типа, о которомъ упоминалось выше. Какъ типъ, именно, культурный, «петербуржецъ» представляетъ весьма опредѣленное и реальное понятіе, въ противоположность понятію «провинціала», которое, по общепринятой терминологіи, обозначаетъ нѣкоторую интеллектуальную узкость и отсталость, своеобычность и исключительность.

Ко всѣмъ исчисленнымъ здѣсь средствамъ и условіямъ Петербурга, благопріятствующимъ развитію культурной жизни и воспитанію людей интеллигентныхъ и прогрессивныхъ дѣятелей съ широкимъ гуманитарнымъ взглядомъ, слѣдуетъ присоединить еще одно — это воздѣйствіе *общественности*. Ни въ какомъ другомъ центрѣ Имперіи, кромѣ Петербурга, общественная жизнь не пользуется такой полнотой, такимъ широкимъ, многостороннимъ развитіемъ, во всѣхъ сво-

ихъ функціяхъ. Довольно указать на массу существующихъ въ столицѣ разнообразныхъ «обществъ», союзовъ, коопераціи, собраній и учрежденій — ученыхъ, благотворительныхъ, финансовыхъ, промышленныхъ, художественныхъ, увеселительныхъ и т. под.

Остановимся нѣсколько на главныхъ, по крайней мѣрѣ, мотивахъ и моментахъ столичной общественной жизни...

Подчиняясь климатическимъ условіямъ, а отчасти искусственному режиму городской жизни, петербуржецъ распредѣляетъ свой календарь по «сезонамъ».

Начало гонки яхтъ-клуба.

Петербургскіе сезоны рѣзко различаются между собою не только по внѣшнимъ, соотвѣтствующимъ каждому изъ нихъ, измѣненіямъ въ уличной жизни, въ складѣ и обиходѣ «дня» столичнаго жителя, но и въ степени напряженности внутренней жизни, общественной дѣятельности. Собственно, рельефно различаются два сезона — лѣтній и зимній, такъ какъ весенній и осенній служатъ только какъ-бы ихъ преддверіемъ.

Принято говорить, что Петербургъ живетъ только зимою, а лѣтомъ пустѣетъ, удаляясь in's Grüne, на лоно природы. Но это не совсѣмъ вѣрно. На самомъ дѣлѣ происходитъ только какъ-бы перемѣна дѣйствій и дѣйствующихъ лицъ непрерывно оживленной городской жизни.

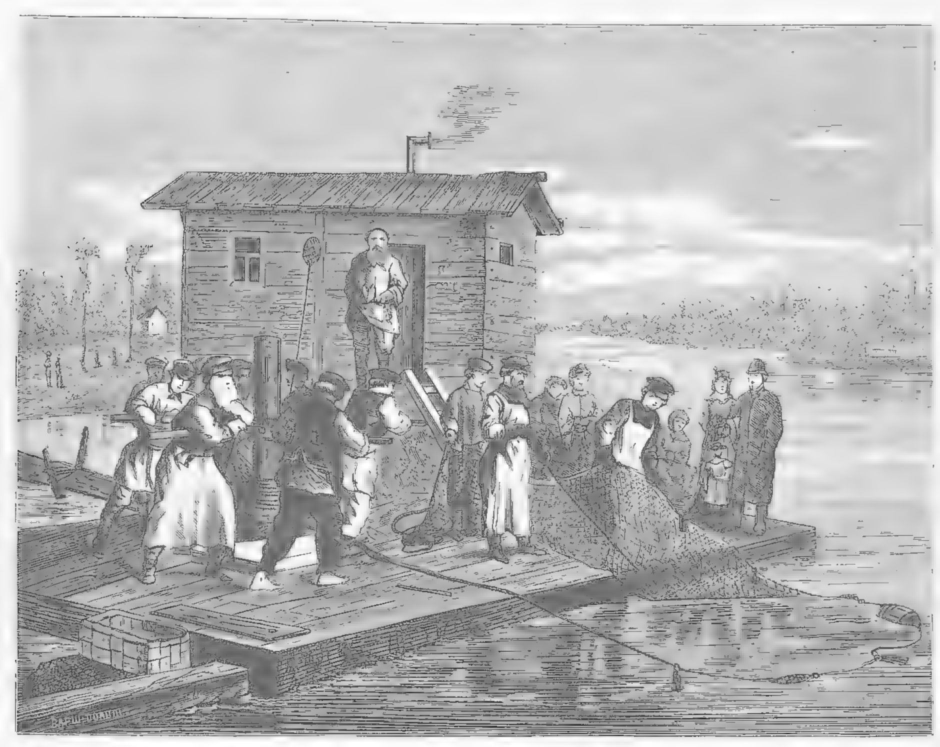
Дѣйствительно, къ началу лѣта, когда городъ становится, отъ пыли, духоты и испареній, нездоровымъ и непріятнымъ для житья, «культурные» петербуржцы, располагающіе свободными средствами, въ большинствѣ разъѣзжаются.

Каждый день, по улицамъ снуютъ, по направленію къ заставамъ, громадныя фуры съ мебелью — этой несчастной петербургской мебелью, которая не знаетъ ни отдыха, ни покоя отъ постоянныхъ разрушительныхъ перевозокъ. Вмѣстѣ съ фурами, двигаются шестимѣстныя (а по нуждѣ и двѣнадцатимѣстныя) извощичьи кареты, не менѣе фуръ нагруженныя переселенцами на дачи, захватившими съ собою изъ своего скарба что «полегче»: самоваръ, клѣтку съ ощипаннымъ чижомъ, кота ваську, лампу съ колпакомъ, объемистую бутыль съ какой нибудь цѣлительной настойкой и т. под.

Одновременно, мчатся, по направленію къ вокзаламъ желѣзныхъ дорогъ, съ чемоданами и дорожными саками, отъѣзжающіе заграницу, куда нибудь на воды, а не то — въ родную деревню, у кого таковая имѣется...

Городъ замѣтно пустѣетъ, и общественная жизнь какъ-бы замираетъ: театры заперты, клубы переселяются за городъ, нѣкоторые на лѣто и вовсе закрываются; точно также и всѣ другіе органы общественной жизни пріостанавливаютъ или суживаютъ свою дѣятельность.

Но въ то время, какъ интеллигенція столицы покидаетъ ея стѣны — въ нихъ вливается широкій потокъ новаго пришлаго населенія, и усиливается въ огромныхъ размѣрахъ торгово-промышленная дѣятельность. Мы уже упоминали о приливѣ чернорабочихъ изъ деревень для мѣстныхъ городскихъ работъ; но самая важная и обширная дѣятельность во время лѣта заки-

Тони на островахъ въ С.-Петербургѣ.

паетъ въ Петербургѣ на Невѣ и прилегающихъ къ ней мѣстностяхъ. Нева покрывается тысячами судовъ, приходящихъ съ разнообразными товарами изъ-за моря и извнутри Россіи; идетъ обширный, на сотни милліоновъ рублей, торговый обмѣнъ, задѣвающій интересы массы производителей и коммерсантовъ и занимающій десятки тысячъ рабочихъ рукъ.

Описываемый торговый обмѣнъ — перемѣщеніе товаровъ изъ судовъ въ городскіе пакгаузы и магазины, нагрузка и перегрузка судовъ, происходятъ главнымъ образомъ по набережной Васильевскаго острова — у Николаевскаго моста, противъ Морскаго корпуса, а также у Биржи, со стороны Малой Невы. Въ этихъ пунктахъ сосредоточивается преимущественно выгрузка морскихъ кораблей съ привозными иностранными товарами. Самый обширный и кипучій, по своей дѣятельности, именно, послѣдній пунктъ, гдѣ находятся Таможня и Биржа съ примыкающими къ ней рядами кладовыхъ и магазиновъ громаднаго оптоваго «гостинаго двора». Въ лѣтнее время, здѣсь круглый день идетъ самая усиленная работа. Вся примыкающая къ набережной часть рѣки представляетъ лѣсъ изъ мачтъ отъ множества судовъ, сплошь покрывающихъ ее изо дня въ день. На самой набережной — громадный муравейникъ: цѣлыя горы бочекъ, ящиковъ и тюковъ со всевозможными товарами, около которыхъ суетливо возятся съ ранняго утра до поздняго вечера тысячи рабочихъ.

Въ этомъ муравейникѣ, сказать къ слову, очень важную роль играетъ, какъ счетчикъ и распорядитель, нашъ *биржевой артельщикъ*, пользующійся въ коммерческомъ мірѣ громаднымъ довѣріемъ и очень почетной славой, упроченной вѣковымъ опытомъ. На его рукахъ и въ его вѣдѣніи находятся цѣлыя партіи товаровъ, ему довѣряютъ нерѣдко сотни тысячъ рублей. Кромѣ занятій по выгрузкѣ и нагрузкѣ, укупоркѣ и раскупоркѣ товаровъ и ихъ храненія на биржѣ, нашъ артельщикъ служитъ еще счетчикомъ во всѣхъ банкахъ и коммерческихъ конторахъ: здѣсь онъ производитъ пріемы и выдачи суммъ изъ кассы, и въ то же время ему довѣряютъ пере-

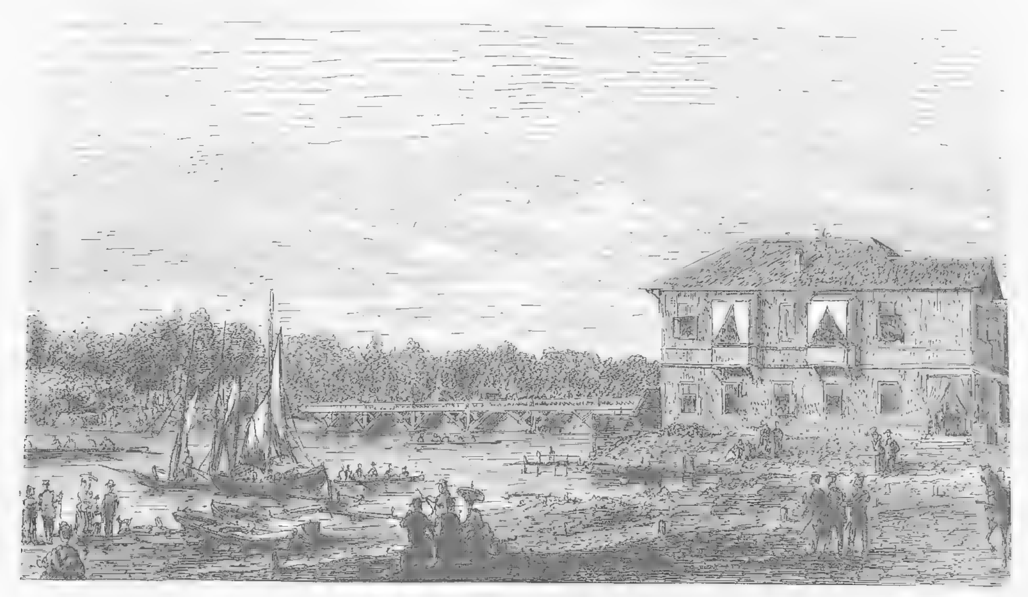

Видъ на взморье съ такъ называемой «pointe», на Елагинѣ.

сылку ихъ изъ одного учрежденія въ другое. Очень рѣдки случаи, когда-бы артельщикъ обманулъ довѣріе «хозяевъ», какъ онъ называетъ тѣхъ лицъ и тѣ учрежденія, на которыя работаетъ. Этотъ расторопный, съ строгимъ и чиннымъ выраженіемъ лица, степенный, осмотрительный и всегда трезвый молодецъ, въ сознаніи важности возлагаемыхъ на него полномочій, уже одной своей дѣловитой и скромной внѣшностью располагаетъ къ довѣрчивости. Простой крестьянинъ, маракующій въ грамотѣ и цифири, переданныхъ ему отъ премудрости какого нибудь сельскаго дьячка, онъ, однакожь, проходитъ прекрасную практическую школу въ средѣ самой артели, воспитывается въ ея добрыхъ традиціяхъ, основанныхъ на строгой честности, общности интересовъ и круговой порукѣ, круговой дисциплинѣ, поддерживающей хорошую славу всей корпораціи лучше всякаго писаннаго закона...

Вообще, биржевыя артели — продуктъ чисто-русской народной жизни — одно изъ самыхъ характеристическихъ и оригинальныхъ явленій въ петербургскомъ мірѣ. Узаконенныя вѣковымъ обычаемъ и писаннымъ уложеніемъ, онѣ и на практикѣ пользуются всеобщимъ признаніемъ, какъ наиболѣе совершенная организація труда по отношенію къ даннымъ потребностямъ. Передъ этимъ учрежденіемъ преклоняются даже иностранцы — въ немъ заключено наиболѣе удовлетворительное рѣшеніе одного изъ капитальнѣйшихъ современныхъ соціально-экономическихъ вопросовъ на Западѣ. Къ сожалѣнію, нельзя, однако, не замѣтить, что въ послѣд-

нее время въ петербургскія биржевыя артели вкрались кое-какія неладицы и извращенія въ основахъ ихъ организаціи, вслѣдствіе чего явилась мысль преобразовать ихъ. Всѣхъ биржевыхъ артелей считается до 30, а въ нихъ до — 4,000 артельщиковъ. Есть преданія, что первую артель въ Петербургѣ учредилъ Петръ I, вызвавъ ее изъ Архангельска. Впрочемъ, самой древней артелью въ Петербургѣ считается «Ярославская» (основ. въ 1714 г.); за нею слѣдуетъ «Спасская» (съ 1725 г.); «Вульфова» (съ 1727 г.); «Мейерова» (съ 1729 г.) и т. д. Вообще, всѣхъ артелей, основанныхъ въ прошломъ столѣтіи — 18. Большая часть ихъ носитъ названіе по именамъ купцовъ, которымъ они первоначально служили. Организація всѣхъ артелей одинаковая и зиждется на круговой порукѣ.

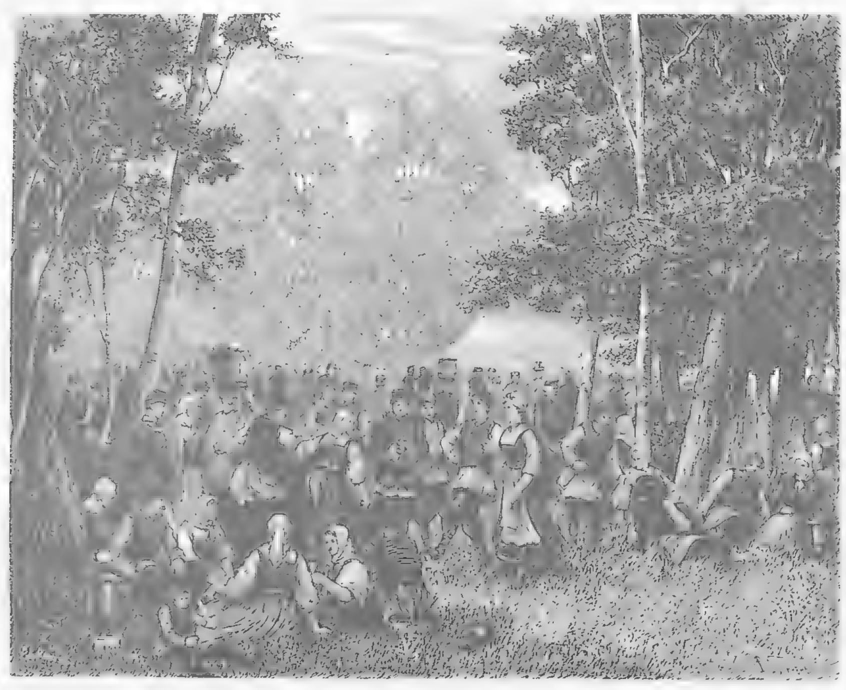

У Крестовскаго моста.

Въ то время, какъ артельщики, для знакомства съ которыми мы вынуждены были сдѣлать это маленькое отступленіе, вмѣстѣ съ поденщиками, суетятся на пристани по пріему и перемѣщенію товаровъ, оптовые продавцы и покупатели послѣднихъ — биржевые купцы — тутъ же, въ зданіи Биржи, производятъ коммерческія сдѣлки. Ежедневно (за исключеніемъ праздниковъ), въ три, въ четыре часа пополудни, огромный и великолѣпный залъ Биржи жужжитъ, какъ улей, говоромъ многолюдной толпы собравшихся «биржевиковъ». Здѣсь не одни купцы, числящіеся въ спискахъ Биржи; они, можетъ быть, составляютъ меньшинство въ общей массѣ «биржевиковъ», въ которую входятъ всякаго рода предпріимчивые капиталисты, «зайцы» — спекулянты, коммиссіонеры, банкиры, мѣнялы, маклера и проч. людъ, «играющій» на «повышеніе» и «пониженіе», жадный къ наживѣ и дѣлающій биржу ареной «ажіотажа», столкновенія страстей, прихотей фортуны, моментально создающей изъ ничего или въ ничто обращающей громадныя состоянія....

Кого только здѣсь нѣтъ — въ этой залѣ, стѣны которой могли бы занять почетное мѣсто въ Дантовой «комедіи», еслибъ могли повѣдать намъ всѣ явныя и сокровенныя «дѣянія», всѣ потрясающія драмы и веселые водевили, видѣнные ими на своемъ долгомъ вѣку! Биржевая толпа прежде всего поражаетъ пестротой національностей, общественныхъ положеній и даже костюмовъ. Рядомъ съ ослѣпительнымъ франтомъ въ лоснящемся цилиндрѣ отъ Брюно и въ щегольскомъ, по послѣдней картинкѣ, пальто, трется длиннополая, допотопнаго покроя, хламида, увѣн-

чанная уродливымъ и засаленнымъ ватнымъ картузомъ, типичнаго безбородаго мѣнялы изъ Банковской линіи; «сѣро-нѣмецкаго» сукна кафтанъ въ «личныхъ» лакированныхъ сапогахъ, со скрипомъ, «бутылкой», сталкивается съ неменѣе противоборствующимъ парижской модѣ, шкловско-бердичевскаго фасона, «лапсердакомъ».... Попадаются и живописные, выложенные серебрянымъ позументомъ чекмени «восточныхъ человѣковъ», въ неизмѣнныхъ мерлушачьихъ шапкахъ... Въ физіономіяхъ преобладаютъ вообще инородческія расы: породистые носы тевтонскаго и англо-саксонскаго происхожденія мѣшаются съ чумазыми, смуглыми профилями грековъ, армянъ и евреевъ; но не мало здѣсь и толстомясыхъ, шаловливо-вздернутыхъ носовъ чистѣйшей ярослав-

Гулянье на Петровскомъ островѣ.

ской породы... Биржа объединяетъ всѣ національности, всѣ сословія и положенія; для многихъ изъ «биржевиковъ» — биржа, съ ея интересами, единственное отечество, единственный культъ; внѣ ея стѣнъ — для нихъ не существуетъ ничего ни слишкомъ важнаго, ни слишкомъ святаго.

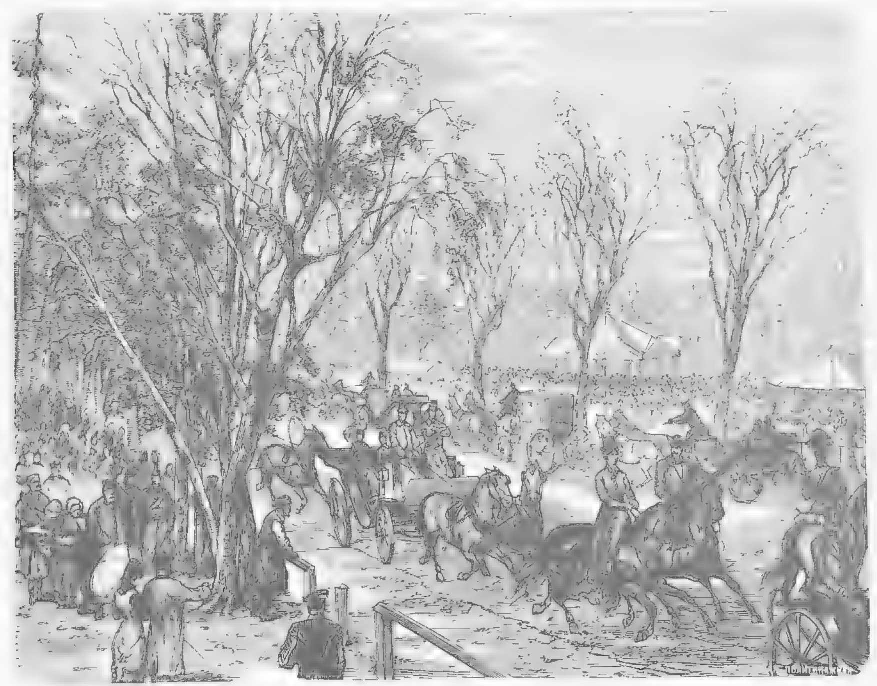
Петербургская биржа — главнѣйшая въ Россіи и, въ то время, какъ биржи другихъ коммерческихъ пунктовъ исключительно *товарныя*, петербургская соединяетъ въ себѣ и товарную, и *фондовую*. А такъ какъ товарный рынокъ въ Петербургѣ оживляется главнымъ образомъ въ лѣтнее время (въ періодъ навигаціи, точнѣе сказать), то и наибольшая дѣятельность столичной биржи, по объему, разнообразію и живости оборотовъ, совпадаетъ, именно, съ этимъ періодомъ.

Все сказанное приводитъ насъ къ заключенію, что въ Петербургѣ, строго говоря, никакого запустѣнія не происходитъ во время лѣтняго сезона. Даже въ численномъ отношеніи, едва-ли лѣтнее населеніе столицы не превосходитъ зимнее.

Кажущееся запустѣніе города лѣтомъ находитъ себѣ нѣкоторое подтвержденіе въ томъ обстоятельствѣ, что въ эту пору оживляются обыкновенно, пустынныя зимою, дачныя окрестности и многочисленные загородные парки и сады, гдѣ къ тому-жь, къ услугамъ скучающихъ дачниковъ, открываются увеселительные кафе-шантаны, лѣтніе театры, музыкальные вокзалы и проч.

Петербургскія окрестности, вообще изобилующія зеленью, прекрасно устроенныя и приспособленныя для гулянья публики, особенно бываютъ шумны и людны въ лѣтній воскресный день подъ вечеръ, при ясной, конечно, погодѣ. Самымъ любимымъ мѣстомъ гулянья для столичнаго населенія служатъ находящіеся въ городской чертѣ острова, представляющіе собой какъ-бы сплошные парки и сады, оживленные живописными видами дачъ, щеголеватыхъ, изящныхъ, разбросанныхъ то группами, то порознь, выглядывающихъ своими легкими, затѣйливо орнаментированными фронтонами и фасадами изъ окружающихъ ихъ зеленокудрыхъ купъ деревьевъ.

Хорошо еще на островахъ тѣмъ, что здѣсь каждый можетъ найти себѣ мѣсто для гулянья по своему вкусу. Любители пестрой праздничной толпы, трескучихъ вальсовъ и полекъ садо-

Гулянье 1-го мая въ Екатерингофѣ.

выхъ оркестровъ, лихихъ пѣсенъ цыганскихъ хоровъ, головоломныхъ гимнастическихъ представленій и т. под. зрѣлищъ и усладъ, находятъ все это въ избыткѣ на Крестовскомъ, въ Новой Деревнѣ, гдѣ нибудь въ «Ливадіи» или «Русскомъ трактирѣ»... Охотники попить на свѣжемъ воздухѣ, подъ тѣнью липъ, добраго пива отправляются въ «Баварію» на Петровскомъ острову. Питающіе пристрастіе къ навигаторскимъ упражненіямъ и потѣхамъ, ѣздятъ въ Яхтъ — Клубъ, гдѣ могутъ попасть на рѣчную «гонку» на призы. Оттуда рукой подать и на «тоню», гдѣ можно попытать счастье въ рыбной ловлѣ. Смотря по времени, услужливый хозяинъ тони, за нѣсколько рублей, закинетъ для васъ неводъ: все, что ни выловится — ваше счастье! Обыкновенно на ваше «счастье» вытаскивается нѣсколько жалкихъ корюшекъ и тому под. мелкой рыбки; въ результатѣ оказывается, что вы *ловили*, а сами *поймались*... Но что нужды! — Вы сдѣлали оригинальное partie de plaisir, въ довершеніе котораго можете тутъ-же на тонѣ заказать уху изъ свѣжей рыбы и съѣсть ее изъ котла подъ открытымъ небомъ, при пурпурномъ заревѣ тонущаго въ морѣ солнца. Поѣздка на тоню одно изъ неизбѣжныхъ мѣстныхъ удовольствій у петербургскихъ виверовъ — благовидный предлогъ для холостецкаго кутежа.

Наконецъ, кто предпочитаетъ тишь да благодать уединенныхъ прогулокъ въ тѣнистыхъ аллеяхъ, располагающихъ къ мечтательности, обрѣтаетъ ихъ въ прекрасномъ паркѣ Елагина

острова, гдѣ, къ тому жь, съ извѣстнаго «Point' a» («Стрѣлка») можно полюбоваться картиннымъ видомъ взморья, а при закатѣ солнца, познакомиться здѣсь, кстати, съ представителями столичнаго «high lif' a», обитающими въ великолѣпныхъ дачахъ Каменнаго острова... Если же въ насъ явится желаніе «идти въ народъ»—посмотрѣть, какъ гуляютъ на открытомъ воздухѣ, подъ сѣнью развѣсистыхъ березъ, петербургскіе «мужички» — фабричные, мастеровые, солдаты, работницы, кухарки, горничныя и т. под. людъ, мы пройдемъ на исторически достопамятный Петровскій островъ или Александровскій паркъ или, наконецъ, въ Екатерингофъ.

У прежнихъ балагановъ на бывшей Адмиралтейской площади.

Эти мѣстности, по справедливости, могутъ быть названы «народными», такъ какъ всѣ онѣ въ лѣтнее время служатъ наиболѣе любимыми гульбищами для низшаго класса столицы, исключительно. Въ праздничный день сюда стекается со всѣхъ концовъ города рабочій и разный служилый людъ, компаніями и семьями, многіе — съ чайниками, кофейниками и самоварами, а, при этой оказіи, захватывается закуска и неизбѣжная посудина съ какимъ нибудь увеселительнымъ напиткомъ, — большею частію, конечно, съ «очищеннымъ» или «пивомъ». Придя въ паркъ, компанія выбираетъ гдѣ нибудь въ тѣни уютное мѣстечко и располагается на травкѣ. Русскій простолюдинъ любитъ, именно, «полежать» на травкѣ, избравъ самую удобную для этого позу. Въ такой позѣ хорошо дремлется подъ мелодическій шелестъ вѣтерка въ листвѣ деревьевъ. Но этому сладкому far niente предаются на нашемъ гульбищѣ люди одинокіе, большею частью, зрѣлые, предпочитающіе спокойный отдыхъ суетливой игривости. Молодежь и люди «столичные», любители веселаго общества, пріятнаго угощенія и разныхъ забавъ, гдѣ — мирно «прохлаждаются чайкомъ», гдѣ — поютъ пѣсни, гдѣ — затѣваютъ какую нибудь невин-

ную игру, а охотники поплясать танцуютъ подъ забористыя ноты гармоники, не стѣсняясь неровностью почвы. Любители зрѣлищъ смотрятъ «панораму» кочующаго раешника-краснобая, либо толпятся у «самоката», гдѣ охотники до катанья, большею частью — ребята вертятся на лошадкахъ и койкахъ, подъ визгливую игру шарманки... Въ толпѣ снуютъ многочисленные разносчики, предлагающіе «сигары и папиросы», дешевые леденцы, орѣхи и пряники, яблоки и апельсины или ягоды, смотря по сезону, и т. под. незатѣйливыя лакомства, которыми тутъ же прислуживаются своимъ зазнобамъ предупредительные любезники...

Тысячеголосый говоръ, смѣхъ, визгъ, залихватскія ноты пѣсни, звуки музыкальныхъ инструментовъ — все это сливается въ могучій гулъ и рокотъ, перекатывающіеся изъ конца въ конецъ обширнаго парка, и кажется издали, будто онъ весь, подъ своей зеленокудрой одеждой, дышитъ исполинской грудью, говоритъ и хохочетъ отъ полноты жизни...

Кромѣ этого обыденнаго народнаго гулянья, въ теченіе лѣта бываетъ еще нѣсколько экстраординарныхъ гульбищъ по разнымъ торжественнымъ случаямъ. Одни изъ нихъ устраиваются для народа отъ города и носятъ характеръ офиціальности, другія — вошли въ обычай съ дав-

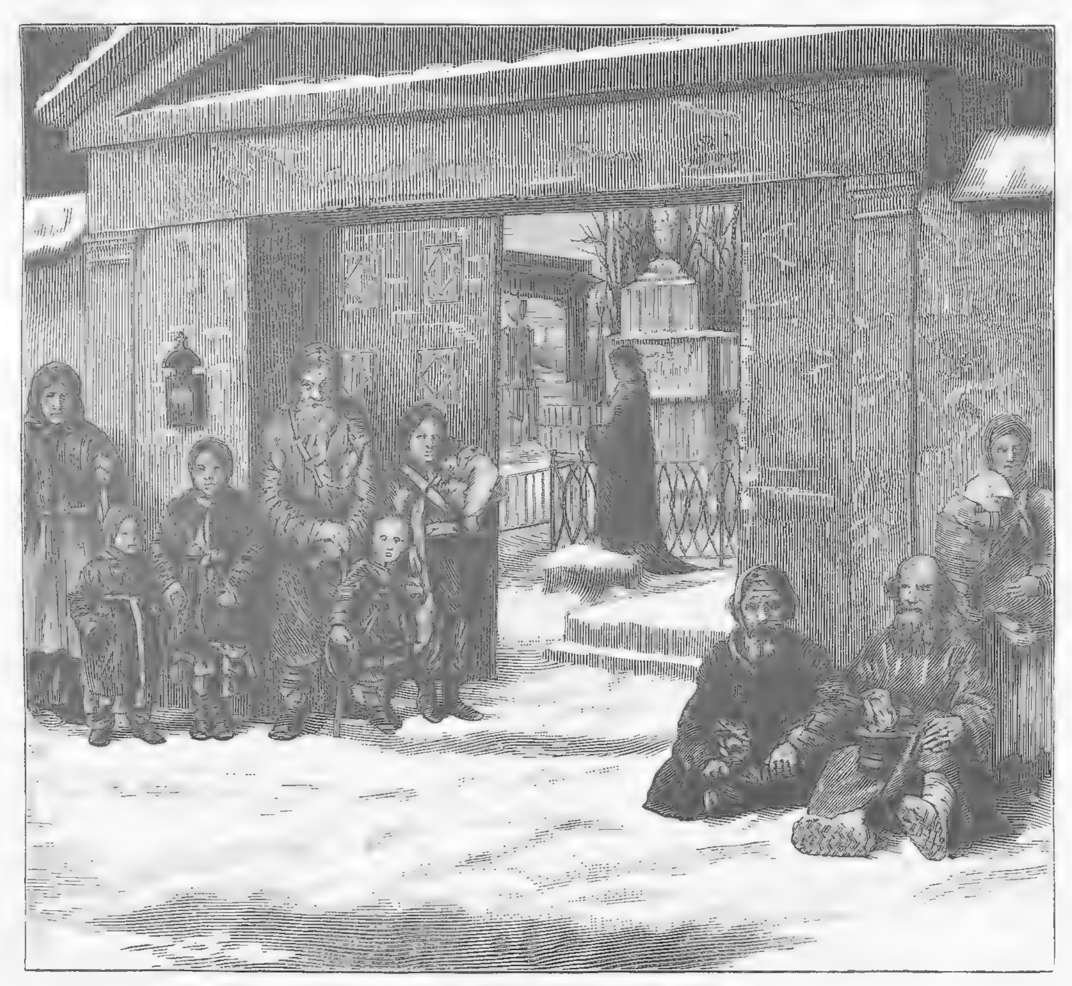

Поминки на кладбищѣ въ Радоницу.

няго времени и держатся почином самого народа. Послѣдними ознаменовываются нѣкоторые религіозные праздники и повѣрья.

Рядъ лѣтнихъ офиціально-«народныхъ» гуляній начинается, обыкновенно, «маевкой» въ Екатерингофѣ. Гулянье это ведетъ свое начало со временъ построенія здѣсь Петромъ I увеселительнаго дворца для Императрицы Екатерины Алексѣевны, въ память взятія въ устьѣ Невы шведскихъ кораблей. Сюда пріѣзжало на судахъ «партикуляръ-флотиліи» все петербургское высшее общество и пользовалось гостепріимствомъ царственной семьи. Въ настоящее время, 1-го мая здѣсь происходитъ катанье: по широкимъ аллеямъ парка чинно тянется безконечный рядъ экипажей съ щегольски, попраздничному, разодѣтыми представительницами и представителями купечества, а отчасти и другихъ зажиточныхъ классовъ. Между экипажами гарцуютъ на великолѣпныхъ коняхъ кавалеристы — офицеры гвардейскихъ полковъ, изъ среды которыхъ особенный эффектъ производятъ, своимъ живописнымъ восточнымъ костюмомъ и молодечествомъ, лихіе наѣздники «собственнаго конвоя Его Величества». Масса пѣшихъ гуляющихъ, пріѣзжающихъ въ Екатерингофъ большею частью на яликахъ, частью скучивается по сторонамъ аллей, гдѣ происходитъ катанье, и ротозѣйничаетъ на экипажи и ихъ хозяевъ, на всадниковъ и на все мимоидущее, частью — разсыпается по парку и прогуливается подъ

его столѣтними развѣсистыми липами и березами, останавливаясь по временамъ послушать игру разставленныхъ въ нѣсколькихъ пунктахъ парка военныхъ оркестровъ. Желающіе подкрѣпить и освѣжить силы прохладительными и горячительными напитками, съ подходящими закусками, находятъ ихъ въ избыткѣ въ мѣстномъ ресторанѣ и во временныхъ, воздвигнутыхъ на живую руку, палаткахъ и стойкахъ — для продажи пива изъ громадныхъ бочекъ, чаю, квасу и проч. Простонародье сосредоточивается, главнымъ образомъ, около игръ на призы: шестовъ для лазанья, бѣговъ подъ ведромъ и проч.

При входѣ на кладбище Александро-Невской лавры.

Къ категоріи лѣтнихъ офиціально-«народныхъ» гуляній относятся также: празднованіе дня тезоименитства Государыни Наслѣдницы Цесаревны, 22 іюля, годовщина коронаціи Ихъ Императорскихъ Величествъ, 26 августа, и «Александровъ день», 30 августа (тезоименитство Государя Императора и Государя Наслѣдника-Цесаревича).

Гулянье 27 іюля происходитъ на островахъ, сосредоточиваясь преимущественно на Елагиномъ, куда подъ вечеръ стекается огромная масса публики, въ ожиданіи фейерверка, составляющаго главный интересъ этого гулянья. Съ Елагина, со стороны Средней Невки, фейерверкъ всего виднѣе, такъ какъ онъ устраивается на противоположномъ берегу Крестовскаго

острова, повыше помѣщенія рѣчнаго Яхтъ-клуба. Онъ хорошо видѣнъ также съ рѣки, поэтому ко времени, когда его зажигаютъ, Средняя Невка въ данной мѣстности покрывается цѣлой флотиліей яликовъ, шлюпокъ, катеровъ и другихъ мелкихъ судовъ. Общая картина выходитъ чрезвычайно оживленная и грандіозная. Берега представляютъ живыя стѣны изъ тысячъ зрителей, на рѣкѣ плескъ множества веселъ, всюду шумъ, смѣхъ и говоръ, съ глубины парка доносятся торжественныя ноты военныхъ оркестровъ.... Вдругъ въ серебристомъ сумракѣ петербургской лѣтней ночи взвилась шипящимъ огненнымъ змѣемъ ракета и гулко хлопнула въ вышинѣ, разсыпавшись букетомъ разноцвѣтныхъ звѣздъ.... Толпа вздрогнула, смолкла и застыла, какъ одинъ человѣкъ. За первой ракетой, взвилась другая, третья.... Цѣлая миріада огней, въ разнообразномъ картинномъ сочетаніи, попеременно вспыхиваетъ и сіяетъ, среди далеко разносящагося треска взрывовъ, и, наконецъ, въ заключеніе раздается оглушительный залпъ, такъ называемаго, «павильона»: нѣсколько тысячъ ракетъ, бураковъ и римскихъ свѣчъ исполинскимъ огненнымъ каскадомъ сразу взлетаетъ кверху, ярко озаряя всю окрестность, и разряжается учащенной пальбой. Возбужденная этимъ зрѣлищемъ толпа заколыхалась, и изъ тысячи грудей полилось дружное «ура»... Этимъ праздникъ и кончается.

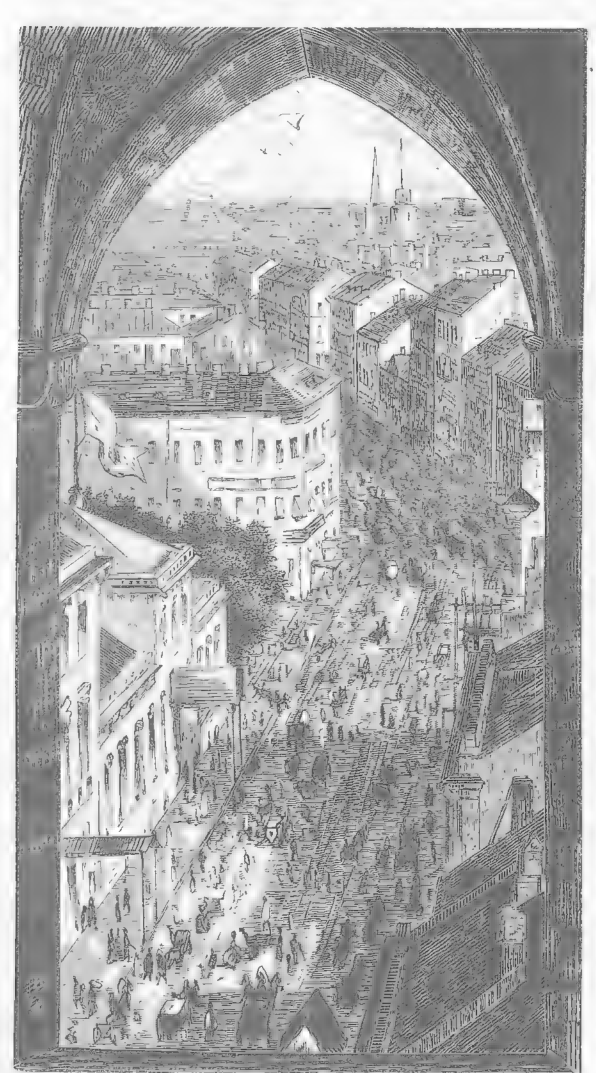

Монашенка, сбирающая подаяніе на монастырь.

Годовщина коронаціи и Александровъ день празднуются на Марсовомъ полѣ, гдѣ городская дума устраиваетъ для народа разнообразный ассортиментъ зрѣлищъ и развлеченій. Гулянью въ Александровъ день предшествуетъ церемоніальный крестный ходъ изъ Исакіевскаго собора въ Александро-Невскую лавру, въ которомъ принимаетъ участіе все высшее духовенство столицы и которое сопровождаетъ, обыкновенно, огромная толпа. Для этого случая по срединѣ Невскаго проспекта прокладываются мостки для прохода духовенства, а во время самаго крестнаго хода — ѣзда по проспекту прекращается.

Затѣмъ, часамъ къ четыремъ дня Марсово поле уже кишитъ многолюдной пестрой толпою; въ воздухѣ развѣваются сотни флаговъ и колышутся гирлянды цвѣтныхъ фонариковъ, предназначенныхъ для вечерней иллюминаціи; на особо устроенныхъ эстрадахъ красуются военные музыканты; въ нѣсколькихъ мѣстахъ манятъ къ себѣ громкими вывѣсками и ярко расписанными ребрами колоссальныя бочки съ пивомъ; въ наскоро устроенныхъ палаткахъ и на стойкахъ предлагаются чай, прохладительные напитки и разныя лакомства. Въ толпѣ снуютъ, крикливо предлагая свои услуги, «раешники», продавцы лубочныхъ картинъ и книжекъ «про войну», а, вотъ какой-то простодушнѣйшаго вида малый берется осчастливить васъ за три копѣйки, много — за пятакъ. «Купить счастье» у него — значитъ получить запечатанный конвертикъ, въ срединѣ котораго окажется какое нибудь необыкновенно тароватое и столько же безграмотное

«предсказаніе», вырѣзанное изъ «Оракула», и при немъ — фотографическая карточка какого-нибудь незнакомца, или же незнакомки ил иже обоихъ вкупѣ, въ случаѣ особенно-великаго счастья. Гуляющіе группируются главнымъ образомъ у шестовъ, тѣшась удачами и неудачами, ловкостью и неуклюжествомъ охотниковъ къ лазанью на призы, поощряя искусныхъ ловкачей одобрительными выкриками и осмѣивая оконфузившихся увальней здоровымъ смѣхомъ. Но самая людная толпа скучивается передъ воздвигнутой посреди поля деревянной сценой, на которой представляются разныя, доступныя пониманію простолюдина пьесы, въ родѣ — «Филатки и Мирошки», «Солдата-балагура» и т. под. Не особенно складны эти спектакли, не блистаютъ искусствомъ и актеры; но зрители здѣсь не требовательны—не много нужно остроумія и умѣнья, чтобъ они наградили и пьесу и ея исполнителей задушевнѣйшимъ хохотомъ и шумнымъ одобреніемъ.

Большая Морская въ 3 часа пополудни.

Ко второй категоріи петербургскихъ лѣтнихъ народныхъ гуляній, происходящихъ уже безъ искусственнаго содѣйствія свыше и безъ официальности, относятся: Радоница, Преполовеніе, день Ивана Купала, Семикъ, Духовъ день и пр. праздники, искони справляемые на Руси по стародавнимъ обрядамъ и повѣрьямъ.

Радоница или «Родительская», т. е. поминки по усопшимъ, происходятъ, обыкновенно, на Ѳоминой недѣлѣ и въ концѣ лѣта. Они справляются на кладбищахъ, куда въ означенные дни пилигримствуютъ изъ города всѣ тѣ, у кого есть кого поминать и кто видитъ въ этомъ свой долгъ и душевную отраду. Между пилигримами всего болѣе попадаются представители тѣхъ слоевъ купечества, которые болѣе или менѣе живутъ еще по старинѣ, и простонародье. Поминки, какъ вездѣ на Руси, заключаются въ томъ, что родственники усопшихъ приходятъ къ нимъ на могилы, вспоминаютъ о нихъ, «жалѣютъ», и, во время этой, какъ-бы, бесѣды съ ихъ тѣнями, поѣдятъ и попьютъ изъ принесенныхъ съ собою запасовъ... Какъ извѣстно, русскій человѣкъ пьетъ съ радости и съ горя, поэтому ничего нѣтъ удивительнаго, что въ поминальные дни тихія, обыкновенно, и печальныя обители мертвыхъ дѣлаются ареной нерѣдко очень веселыхъ и даже соблазнительныхъ сценокъ, шумныхъ разговоровъ и выкриковъ, среди которыхъ вдругъ, не вѣсть изъ чьей голосистой глотки, прорвется нѣсколько залихватскихъ нотъ игривой пѣсни... Нельзя сказать, чтобъ всѣ подобнаго рода эпизоды поминанья, возникающіе подъ нѣсколько усиленнымъ возбужденіемъ и не совсѣмъ гармонирующіе съ мѣстомъ и временемъ, случались очень уже рѣдко, почему со стороны поли-

ціи въ такіе дни, при входахъ на кладбища, устраивается строгій кордонъ съ цѣлью воспрепятствовать проносу крѣпкихъ напитковъ на могилки. Конечно, не смотря на бдительность стражей, контрабанда, какъ вездѣ, находитъ для себя и здѣсь лазейки и совершается въ довольно обширныхъ размѣрахъ.

Русское православное кладбище, въ связи съ похоронами и поминками, не мыслимо безъ присутствія нищей братіи, находящей себѣ здѣсь самую плодородную жатву, благодаря прису-

Катокъ въ Юсуповомъ саду.

щимъ русскому человѣку нищелюбію и милосердію, особенно тароватому на поминъ души родныхъ и близкихъ. Это тѣмъ болѣе нужно сказать о столичныхъ кладбищахъ, на которыхъ ежедневно, почти ежечасно, кого нибудь хоронятъ или поминаютъ и гдѣ практикѣ нищей братіи не полагается тѣхъ неумолимыхъ препонъ, какими она обставлена въ городѣ, со стороны уличныхъ блюстителей. Здѣсь надзоръ за нищими слабѣе; уже при входѣ — въ воротахъ кладбища они безвозбранно, на видномъ мѣстѣ, располагаются рядышкомъ, во всей обстановкѣ своего калѣчества, дряхлости и убожества, и дружно встрѣчаютъ васъ жалобно заунывнымъ хоромъ извѣстныхъ стереотипныхъ молепій:

— Подайте, Христа ради, сирымъ и увѣчнымъ! Порадѣйте, православные, за души спасеніе! Да помянетъ Господь Богъ во царствіи своемъ вашихъ сродственниковъ! Подайте, батюшки, за поминъ души раба Божія, покойничка вашего! и т. д.

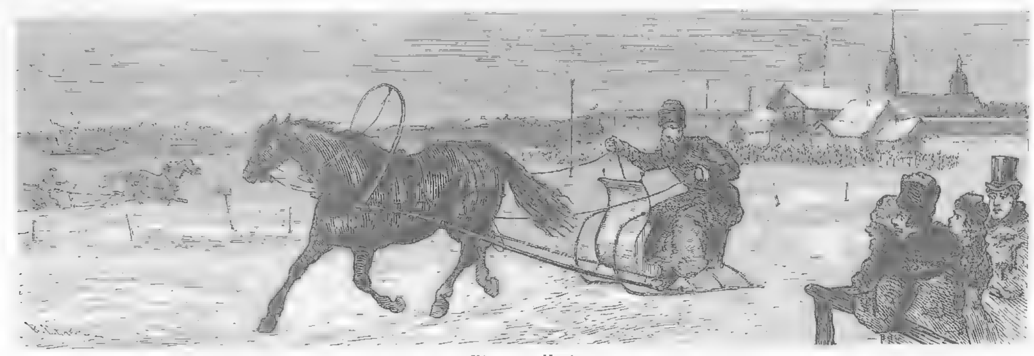
Особенно оживляются кладбищенскіе нищіе во время богатыхъ купеческихъ похоронъ, а также въ дни общихъ поминокъ: пожива для нихъ тогда большая.

Виды и категоріи нищенскаго промысла въ столицѣ разнообразны, какъ разнообразны, по происхожденію и судьбѣ, его представители. Мы скажемъ объ этомъ здѣсь, кстати, нѣсколько словъ.

По способу и мѣсту промысла, нищіе подраздѣляются на *кладбищенскихъ* (о коихъ идетъ рѣчь), *папертныхъ*, испрашивающихъ милостыню на церковныхъ папертяхъ, *рядскихъ* и *базарныхъ*, выклянчивающихъ подаяніе, главнымъ образомъ, по субботамъ, у рыночныхъ торга-

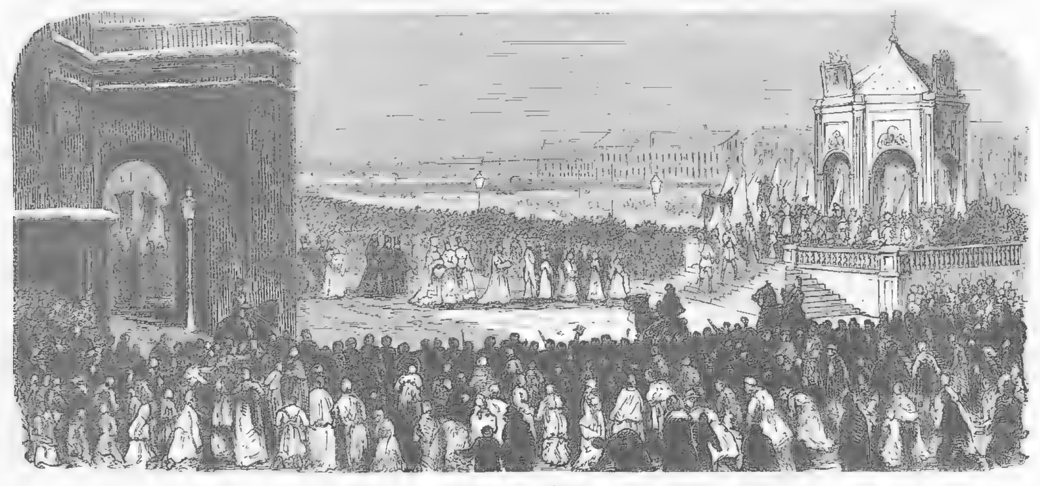
шей и лавочниковъ, *прошаковъ* всякаго рода, скитающихся по дворамъ и трактирамъ, *уличныхъ* и проч.

Множество промышляющихъ нищенствомъ, за неимѣніемъ какихъ нибудь явныхъ, бьющихъ въ глазахъ знаковъ немощи и калѣчества, придумываютъ разныя случайныя бѣды и несчастья. Конечно, есть и такіе, которымъ нѣтъ нужды придумывать, которые въ своихъ жалобахъ болѣе или менѣе искренни...

Бѣгъ на Невѣ.

Вотъ несчастная вдовица-мать съ больнымъ ребенкомъ на рукахъ, который своимъ жалобнымъ воплемъ и страдальческимъ видомъ возбуждаетъ чувство милосердія въ сердобольныхъ прохожихъ. А между тѣмъ, легко можетъ быть, что этотъ несчастный ребенокъ взятъ нищенкой напрокатъ у другой нищенки — бездушной матери, промышляющей отдачей своихъ дѣтей на такого рода обманъ. Нерѣдко нищенка, въ бойкій часъ своего промысла, надѣляетъ бѣдное дитя, подъ видомъ материнскихъ ласкъ, щипками и тычками, чтобъ оно громче заявляло

Іордань на Невѣ.

о своемъ трижды горькомъ и поистинѣ злосчастномъ существованіи. Бываетъ и такъ, что у чадолюбивой нищенки, вмѣсто подлиннаго ребенка, завернуто въ тряпкахъ здоровое и безгласное полѣно.

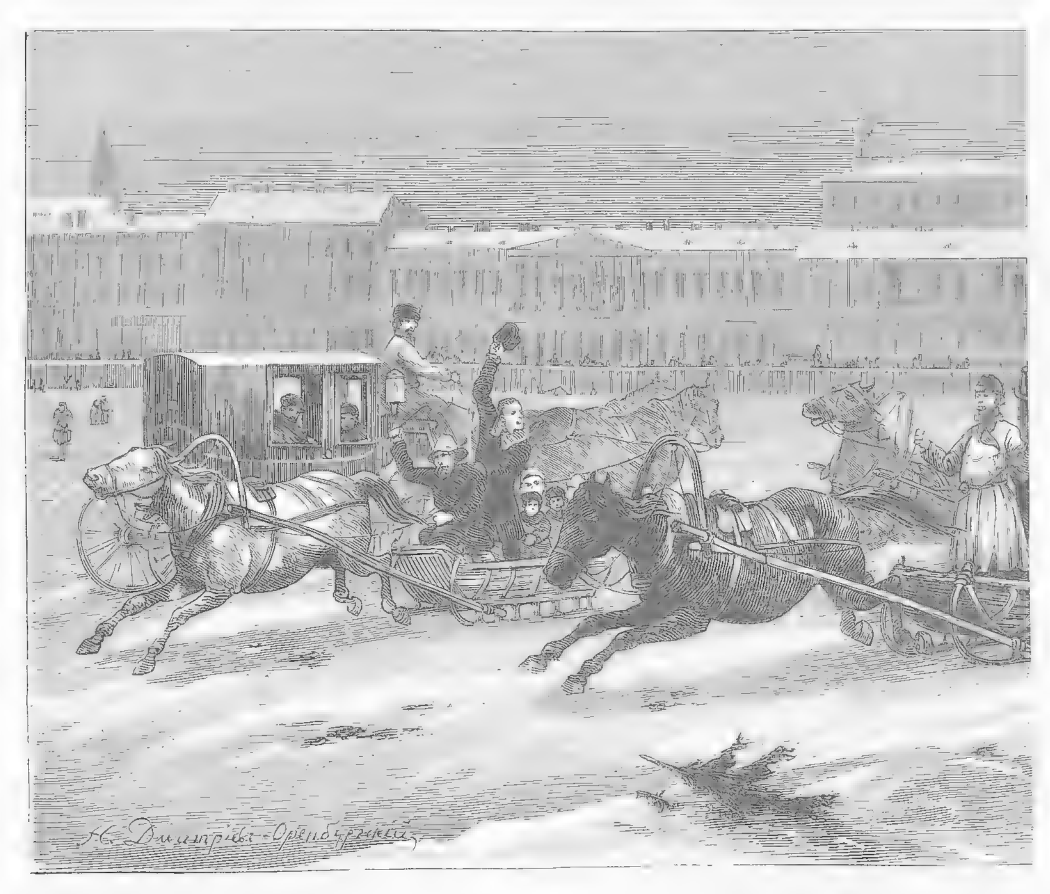
За этими матерями по промыслу, тянутся неутѣшные отцы, вдовы и сироты, сейчасъ только лишившіеся своихъ «кормильцевъ-поильцевъ», которыхъ имъ не на что похоронить теперь:

— Подайте, Христа ради, *на погребеніе!*

А вотъ странствуетъ цѣлая группа, въ средѣ которой красуется молодое, нерѣдко смазливое лицо попраздничному принаряженной молодки... Сверхъ всякаго ожиданія, и эти оказываются попрошайками-нищими!

— Подайте, Бога-для, *на приданное невѣстѣ!* земно кланяются онѣ.

Этотъ странный видъ нищенства практикуется преимущественно пригородными бѣдняками-чухнами въ столичныхъ торговыхъ рядахъ, гдѣ благочестивое купечество рѣдко откажетъ протянутой рукѣ въ «конѣечкѣ».

Катанье на чухнахъ.

Вотъ, далѣе, длинный рядъ мнимыхъ и дѣйствительныхъ *погорѣльцевъ*, а также «прошаковъ» съ книжками, заунывно молящихъ о подаяніи «на построеніе храма».

Испрашиваніемъ подаянія на нужды храмовъ и «святыхъ обителей» занимаются въ столицѣ и пришлые изъ разныхъ концовъ Россіи монахи и монашенки, включительно до аѳонскихъ пустынножителей. Конечно, эти слуги Божіи, съ виду, не нищіе и за таковыхъ не признаются: напротивъ — народъ этотъ, не смотря на постныя мины, сытый, бодрый, чисто, а иногда щегольски одѣтый, исполненный собственнаго достоинства и святости своей миссіи. Смѣло, съ апломбомъ входитъ онъ въ лавки, въ трактиры и во всякія такого рода публичныя мѣста, истово и картинно крестится на иконы, окидываетъ проницательными, смышлеными глазами честную компанію и, не торопясь, съ важной осанкой, подобающей духовному чину, обходитъ всѣхъ присутствующихъ.... Возвратимся къ подлиннымъ нищимъ. Не-

рѣдко встрѣчаются гдѣ нибудь за угломъ, въ сторонкѣ отъ неусыпнаго ока полицейскаго надзора, жалобно скорченныя мины сейчасъ только *выписавшихся изъ больницы* и нуждающихся въ возстановленіи своихъ изнуренныхъ больничной діэтой силъ. Около станцій желѣзныхъ дорогъ и на самихъ станціяхъ, при отходѣ поѣздовъ, также часто попадаются съ печально-комичными физіономіями несчастливцы, которымъ не хватаетъ нѣсколькихъ копѣекъ на пассажирскій билетъ — такъ не снабдите ли ихъ ими изъ человѣколюбія?!

Продажа вербъ у Гостинаго двора.

Затѣмъ, слѣдуетъ цѣлая категорія нищихъ *благородныхъ*, «потерпѣвшихъ за правду», какъ выражался Чичиковъ, но, въ дѣйствительности, большею частью спившихся съ кругу разнаго рода разночинцевъ. Между ними попадаются очень развязные и бойкіе на языкъ субъекты, не въ рѣдкость обращающіеся къ прохожимъ на французскомъ діалектѣ. Одинъ изъ такихъ выражалъ свою просьбу слѣдующей, напр., кудреватой фразой:

— Отечества защитнику подайте на штофъ постриженія, на косушку сооруженія!

Такіе шуты нерѣдко пользуются большимъ фаворомъ у рыночныхъ лавочниковъ, какъ своего рода увеселители и забавники, съ которыми, притомъ, можно не церемониться...

За ними идутъ разорившіеся и пропившіеся «купеческіе сыны», потерявшіе, какъ выражается Островскій, «нить въ жизни». Еще недавно каждую субботу въ «линіяхъ» Гостинаго двора появлялся «почетный потомственный гражданинъ» и у каждой почти лавочной двери вымаливалъ подаяніе. Это былъ еще молодой человѣкъ, но совершенно хилый и потерянный отъ спиртнаго отравленія. Изъ своеобразнаго приличія, онъ являлся «на линію» не иначе, какъ въ холщевомъ передникѣ въ знакъ того, что онъ сейчасъ возвратился, будто бы, съ неудачнаго поиска работы...

Наконецъ, есть еще группа *нищихъ-артистовъ*, какъ-то: шарманщиковъ, кларнетистовъ, гитаристовъ и т. под. Весьма недавно даже на Невскомъ, напр., у Аничкова моста, по цѣлымъ днямъ вертѣли разбитыя шарманки нищіе-слѣпцы, какъ равно хорошо долженъ быть памятенъ многимъ петербургскимъ жителямъ типичный слѣпецъ-кларнетистъ въ неизмѣнной камлотовой шинели съ собачьимъ воротникомъ, странствовавшій въ сопровожденіи шарманки, а случалось — контрабаса и скрипки, и показывавшій свое искусство во дворахъ столичныхъ домовъ... Впрочемъ, трудно было бы въ бѣглыхъ замѣткахъ исчислить всѣ виды петербургскаго нищенскаго промысла, очень изобрѣтательнаго на благовидные предлоги и прикрытія, къ которымъ онъ вынуждается прибѣгать во избѣжаніе «пресѣченія» со стороны зоркихъ стражей благочинія. Не можемъ, однако, не упомянуть еще объ одномъ, наиболѣе заслуживающемъ разумныхъ заботъ филантропіи, наиболѣе возмутительномъ видѣ нищенства, весьма нерѣдко встрѣчающемся въ Петербургѣ. Говоримъ о нищихъ-дѣтяхъ, которыя назойливо пристаютъ къ прохожимъ съ прошеніемъ о «копѣечкѣ на хлѣбъ» или предлагаютъ, съ такою же неотступностью, купить у нихъ какой-нибудь увядшій букетикъ ландышей либо «конвертиковъ» и т. под. дрянь. Эти маленькіе оборвыши высылаются христарадничать своими родителями, а чаще всего осо-

быми антрепренерами, закабаливающими дѣтей для этой цѣли. Нечего и говорить, что эти несчастныя дѣти, вовлекаемыя въ нищенство съ пеленокъ, постоянно обращаясь въ развращенной, безнравственной средѣ и терпя невыносимый гнетъ своихъ родныхъ и опекуновъ, обрекаются на явную гибель. Хотя промыселъ нищенствомъ запрещенъ въ столицѣ, но онъ все-таки несомнѣнно существуетъ, что доказывается «задержаніемъ» полиціей ежегодно нѣсколькихъ тысячъ нищихъ въ столицѣ. Такъ въ одномъ 1877 году было задержано 5,461 нищихъ.

Возвращаясь къ нашему описанію лѣтнихъ «народныхъ» празднествъ и гуляній въ Петербургѣ, мы остановимся нѣсколько на двухъ еще: Ивановомъ и Духовомъ дняхъ. Преполовеніе состоитъ, собственно, въ крестномъ ходѣ по стѣнамъ Петропавловской крѣпости; а что касается Семика, то о немъ нечего сказать, такъ какъ въ настоящее время его празднованіе въ столицѣ давно утратило тотъ оригинальный характеръ, основанный на языческихъ преданіяхъ, смѣшанныхъ съ христіанскими вѣрованіями, который онъ сохраняетъ еще кой-гдѣ въ деревенскихъ захолустьяхъ, не тронутыхъ «цивилизаціей» и «модой».

Въ сущности, и дни Ивана-Купала и Духовъ не справляются уже въ Петербургѣ въ той обстановкѣ, въ какой они еще недавно представляли интересъ своеобразныхъ чертъ народнаго быта. День Ивана-Купала — «Кулербергъ» по-петербургски, одновременно справляемый русскими и нѣмцами, въ настоящее время совершенно утратилъ свою характерность и свою традицію съ перенесеніемъ его мѣста дѣйствія съ Крестовскаго острова на Петровскій. На Крестовскомъ (точнѣе — на Татарскомъ островѣ) существуетъ небольшой песчаный бугоръ. Бугоръ-то этотъ и пріобрѣлъ себѣ съ незапамятныхъ временъ названіе «Кулербергъ», такъ какъ въ Ивановъ день около него искони собирались петербургскіе нѣмцы-ремесленники съ семьями и, среди разныхъ приличныхъ случаю забавъ, увеселялись также ристаніемъ съ вершины означеннаго бугра. Отсюда произошло и названіе всего гулянья—Кулербергомъ. Теперь же, съ перенесеніемъ его мѣста, Кулербергъ, строго говоря, пересталъ существовать не только въ географическомъ, но и въ этнографическомъ отношеніи. Гулянье, устраиваемое нынѣ въ Ивановъ день на Петровскомъ островѣ, утратило свои былыя характеристическія черты и ничѣмъ не отличается отъ другихъ.

Гораздо цѣлостнѣе сохранило свои традиціи и свою бытовую обстановку гулянье въ Духовъ день въ Лѣтнемъ саду. Главными героями этого гулянья является купеческая молодежь обоего пола, показывающаяся здѣсь во всеоружіи своей красы, щегольства и капитала. Все здѣсь подтянуто въ струнку, блистаетъ роскошными, съ иголки, костюмами и ювелирными драгоцѣнными украшеніями... На иной красавицѣ навѣшана чуть не цѣлая ювелирная лавка... Чинно и церемонно топчется по аллеямъ эта разряженная толпа, ни на минуту не забывая, что она собралась сюда съ единственной цѣлью «себя показать и людей посмотрѣть». По традиціи, гулянье это имѣетъ значеніе чего-то въ родѣ всесословныхъ «смотринъ» жениховъ и невѣстъ. При старосвѣтской замкнутости семейной жизни нашего купечества, только на гуляньѣ въ Духовъ день представляется возможность женихамъ «высмотрѣть» себѣ по вкусу невѣстъ, а невѣстамъ убѣдиться въ степени своей привлекательности и въ то же время составить наглядное представленіе о тѣхъ, кому они приглянулись... Иногда эти смотрины условливаются здѣсь заранѣе, при посредствѣ покладистыхъ свахъ, и — вѣроятно, многіе купеческіе несложные романы начинались, именно, въ этотъ день въ Лѣтнемъ саду безмолвной пантомимой любви и потомъ благополучно оканчивались «честнымъ пиркомъ и свадебкой». Нужно, впрочемъ, замѣтить, что по мѣрѣ того, какъ просвѣщеніе, вмѣстѣ съ обычаями европейской жизни, все болѣе и болѣе проникаетъ въ среду нашего купечества, сколь оно само по себѣ ни консервативно, свойственныя ему, завѣщанныя дѣдами, бытовыя черты и особенности мало-по-малу сглаживаются и исчезаютъ. Поэтому и гулянье въ Духовъ день, въ Лѣтнемъ саду, теперь уже значительно утратило свою прежнюю физіономію и свое прежнее исключительно матримоніаль-

ное значеніе. Большинство гуляющихъ приходитъ сюда нынѣ просто погулять, безъ всякихъ романическихъ плановъ и намѣреній.

Лѣто кончилось; подулъ холодный вѣтеръ, разоблачающій деревья отъ ихъ зеленой лѣтней одежды, нагналъ густыя сѣрыя тучи, заморосилъ неустанный, тоску наводящій, осенній дождь изо дня въ день... Дачники начинаютъ покидать свои лѣтнія резиденціи: совершается обратное переселеніе въ городъ...

Катанье съ ледяныхъ горъ.

Съ наступленіемъ осени или, такъ называемаго, «зимняго сезона», картина города и городской жизни, какъ равно и составъ его населенія, рѣзко измѣняются.

Сѣрый рабочій людъ, на каждомъ шагу попадавшійся на улицахъ въ лѣтнее время — теперь отхлынулъ во-свояси, въ «деревню». Онъ добросовѣстно поработалъ и послужилъ городу; какъ бы, въ отсутствіе хозяина — бѣлоручки-барина, прохлаждавшагося на дачномъ воздухѣ, онъ перестроилъ, обновилъ и изукрасилъ его городской домъ снаружи и извнутри, снабдилъ его на зиму топливомъ и наполнилъ его кладовыя продовольствіемъ всякаго рода. Къ осени, когда домъ приведенъ въ полный порядокъ — хозяинъ-баринъ возвращается въ него, на все готовое. Зимній «сезонъ» вступаетъ въ свои права; городъ начинаетъ жить полной жизнью по укладу современнаго цивилизованнаго общества. Во всѣхъ государственныхъ и общественныхъ

учрежденіяхъ, гдѣ въ большей или меньшей степени соблюдаются лѣтнія вакаціи и, вообще, на лѣто дѣятельность затихаетъ, принимаются за усиленную работу. Бойко и неутомимо скрипятъ тысячи перьевъ; людны и говорливы становятся разные «совѣты», «комитеты», «коммиссіи», «общества» и «компаніи», рѣшающіе теперь важныя дѣла и вопросы, залежавшіеся «подъ сукномъ» во время лѣта; всѣ учебныя заведенія наполняются учащимся юношествомъ, съ освѣженными вакаціоннымъ отдыхомъ силами принимающимся за своихъ «Грековъ и Латиновъ»; усидчиво, до поздней ночи, корпитъ въ своемъ кабинетикѣ надъ срочной статьею литературный труженикъ, поощряемый усиленнымъ спросомъ читающей публики во время зимняго сезона на газеты, журналы и книги; а гдѣ нибудь тутъ же рядомъ, въ квартиркѣ пятаго этажа, точно также всю ночь напролетъ, не разгибая спины и не покладая рукъ, спѣшно стегаетъ иголкой труженица-швея, заваленная, по случаю зимняго сезона, массой заказовъ на столичныхъ свѣтскихъ франтихъ, наверстывающихъ теперь лѣтнее воздержаніе отъ щегольства горячей погоней за прихотями моды.

Петербургскій троечникъ.

Въ то же время и въ такой же степени оживляется зимою общественная жизнь и со стороны пользованія всякаго рода развлеченіями, увеселеніями и благами довольства и роскоши. Въ Петербургѣ для этого, собственно, наѣзжаетъ зимой масса гостей изъ провинціи — сорить деньгами взамѣнъ доставляемыхъ столицей наслажденій. Эта сторона сезоннаго оживленія сказывается уже во внѣшнемъ движеніи уличной жизни. Пустынныя, сравнительно, въ лѣтнее время центральныя улицы, какъ Невскій, Большая Морская и пр., теперь, ежедневно, начиная съ полдня, кишатъ многолюдной толпою нарядной интеллигентной публики. Прогуляйтесь здѣсь около трехъ часовъ пополудни и — вы встрѣтите «le beau monde» Петербурга, «сливки» его общества, начиная отъ солидныхъ звѣздоносцевъ, степенно совершающихъ свою передъобѣденную прогулку для сваренія желудка, и величавыхъ матронъ «большаго свѣта», плывущихъ въ сопровожденіи саженныхъ гайдуковъ въ гербовыхъ ливреяхъ, до блестящихъ щеголей-гвардейцевъ и плѣнительныхъ, изящныхъ красавицъ, которыхъ такъ много въ высшемъ и среднемъ классахъ Петербурга... Вы увидите здѣсь вереницу блестящихъ экипажей — цѣлыя коллекціи какихъ-то саней не саней, а чего-то волшебнаго — «objets de luxe» изъ дорогаго мѣха, орѣха, бархата и бронзы, тысячныхъ великолѣпныхъ рысаковъ, управляемыхъ кучерами не кучерами, а просто какими-то Юпитерами, по наружности и осанкѣ...

Зимнія о полдень прогулки на свѣжемъ воздухѣ столичной публики не ограничиваются Невскимъ, Большой Морской и набережными Невы. Многіе предпочитаютъ пройтись по очищеннымъ отъ снѣга и усыпаннымъ желтымъ пескомъ аллеямъ Лѣтняго сада и полюбоваться его зимнимъ меланхолическимъ пейзажемъ; другіе, кто порѣзвѣе, отправляются на «катки», расчищенные, къ услугамъ конькобѣжцевъ, въ разныхъ мѣстахъ города на льду каналовъ. Болѣе изысканные любители катанья на конькахъ съѣзжаются въ Юсуповъ садъ, на прудахъ кото раго устраивается катокъ рѣчнымъ Яхтъ-Клубомъ. Здѣсь конькобѣжство практикуется уже н какъ гимнастическое развлеченіе только, но и какъ искусство. Конечно, не всѣ конькобѣжцы

Юсуповскаго катка, какъ это читатель заключитъ и изъ нашей картинки, могутъ похвалиться большимъ искусствомъ; тѣмъ не менѣе, только здѣсь можно встрѣтить истинныхъ артистовъ и артистокъ этого дѣла, и особенно въ тѣ дни, когда учредители катка устраиваютъ конкурсъ катанья на призы. Тогда здѣсь можно увидѣть цѣлую плеяду соперничающихъ между собою въ быстротѣ бѣга, смѣлости пассажей и затѣйливости выписываемыхъ на льду вензелей, настоящихъ виртуозовъ конькобѣжства. Надо замѣтить, впрочемъ, что конькобѣжство, вообще, еще недавно вошедшее въ моду и, одно время, увлекавшее почти всю петербургскую публику, теперь въ упадкѣ. Теперь даже и юсуповскій катокъ, куда въ прежніе годы, по воскреснымъ днямъ въ особенности, стекалось многочисленное общество для катанья подъ музыку, посѣщается мало. За то столичная публика съ неостывающимъ увлеченіемъ интересуется зимою другимъ болѣе серьезнымъ видомъ «спорта», именно — *рысистыми бѣгами* на Невѣ.

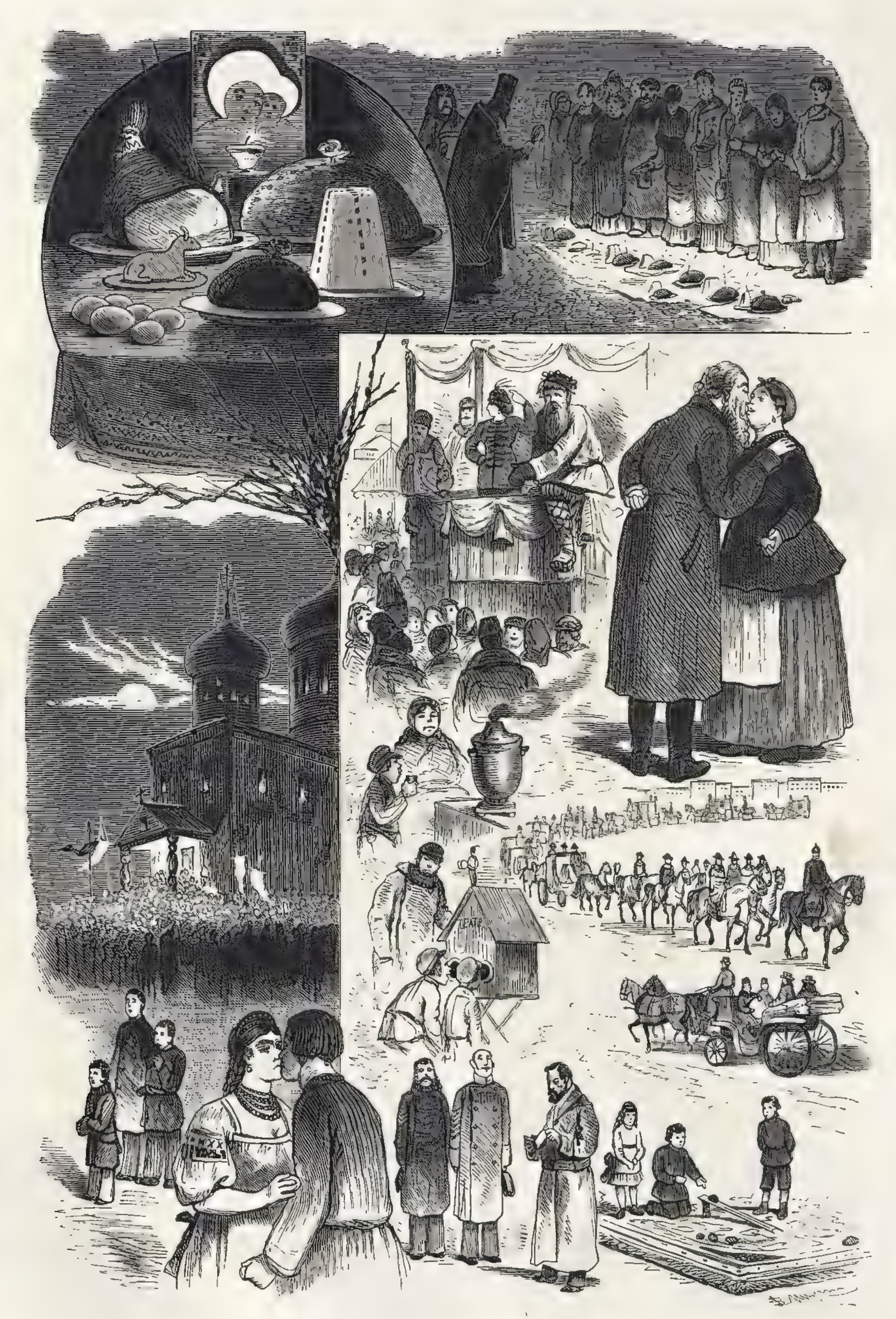
Бѣга эти устраиваются въ послѣдней половинѣ зимы, когда прочно установится ледъ на рѣкѣ. Для этого, на Невѣ, противъ Зимняго дворца, воздвигается изъ досокъ обширный гиппподромъ съ мѣстами для зрителей. Дѣломъ этимъ завѣдуетъ «Общество любителей коннозаводства». Бѣга происходятъ, обыкновенно, по воскресеньямъ, въ полдень, на разнаго рода призы и пари. На конкурсъ допускаются заводскія лошади, *рысаки*, парами, въ одиночку и изрѣдка тройками. Любители этого рода бѣгуновъ и, вообще, быстрой ѣзды, посѣщая невскій зимній ипподромъ, могутъ наблюсти и изучить всѣхъ лучшихъ рысаковъ столицы. Нѣкоторыя, наиболѣе выносливыя, ретивыя и цѣнныя лошади, конкурирующія съ успѣхомъ на бѣгахъ, дѣлаются извѣстными всей почти читающей публикѣ, такъ какъ о бѣгахъ даются отчеты во всѣхъ газетахъ, и пріобрѣтаютъ себѣ многихъ поклонниковъ. Когда онѣ выѣзжаютъ на ипподромъ, готовясь къ бѣгу, въ средѣ спортсменовъ завязывается оживленная игра на пари, поэтому и самые бѣга сопровождаются горячимъ, страстнымъ участіемъ публики, не смотря на расхолаживающую стужу январскаго мороза.

Въ то время, какъ интеллигентная столичная публика, въ разгаръ общественной жизни зимою, днемъ, послѣ занятій, гуляетъ на свѣжемъ воздухѣ, катается, любуется бѣгами и проч., а длинные вечера и ночи коротаетъ въ театрахъ, клубахъ и въ частныхъ домахъ на раутахъ, семейныхъ вечерахъ и балахъ, у петербургскаго простонародья, къ сожалѣнію, нѣтъ почти никакихъ спеціально-«народныхъ» увеселеній и забавъ, если не считать разнаго рода «распивочныхъ заведеній», на недостатокъ которыхъ грѣхъ пожаловаться.

Обойденный съ этой стороны столичный простолюдинъ нѣсколько вознаграждается разными зрѣлищами и празднествами, всенародно устраиваемыми во второй половинѣ зимы, въ періодъ между Святками и Великимъ постомъ.

Особенно популяренъ бываетъ въ Петербургѣ такъ называемый *Іордань* или Крещенскій парадъ, привлекающій многія тысячи зрителей. Парадъ этотъ заключается въ торжественномъ водосвятіи. Для этого, со стороны Зимняго дворца, на Невѣ воздвигается красивый деревянный павильонъ, куда, по совершеніи литургіи въ дворцовомъ соборѣ, направляется крестный ходъ, въ лицѣ высшаго духовенства столицы и въ сопровожденіи особъ царской фамиліи, генералитета и свиты. Блестящій кортежъ группируется у павильона, и, едва священнодѣйствующій митрополитъ опуститъ святительскій крестъ въ воду, какъ воздухъ оглашается гулкой пальбой изъ пушекъ Петропавловской крѣпости и торжественнымъ трезвономъ колоколовъ... По окончаніи церемоніи водосвятія, крестный ходъ обратно возвращается во дворецъ, а многочисленная толпа богомольныхъ людей устремляется со стороны Невы къ павильону, чтобъ почерпнуть изъ освященной проруби «іорданской воды», имѣющей въ глазахъ православныхъ такія чудесныя, спасительныя свойства для разныхъ случаевъ.

Какъ уже чисто-увеселительныя для народа забава и зрѣлище, во время зимы, являются разнообразныя потѣхи, устраиваемыя на масляницѣ въ предѣлахъ пространнаго Царицына луга или Марсова поля. Гулянье «народное» на масляницѣ только съ недавняго времени устраивается

Праздникъ Пасхи въ С.-Петербургѣ.

на Марсовомъ полѣ. Лѣтъ около десяти тому назадъ его устраивали на Адмиралтейской площади; но, послѣ случившагося тамъ пожара, его перенесли на настоящее мѣсто. Встарину же масляничное гулянье устраивалось на Невѣ противъ Зимняго дворца. Въ увеселительномъ отношеніи «широкая» петербургская масляница, дѣйствительно, отличается шириной и размашистостью.

Добрая половина Марсова поля въ сырную недѣлю застраивается цѣлыми улицами балагановъ, самокатовъ, каруселей, ледяныхъ горъ и тому подобныхъ, на живую нитку сколоченныхъ, сооруженій для разнообразнаго репертуара «народныхъ» зрѣлищъ и забавъ, отъ «военно-драматическихъ представленій», въ патріотическомъ духѣ, Малафѣева и «волшебно-фантастическихъ пантомимъ» Берга, до кукольной комедіи «петрушки», показыванія разныхъ самодѣльныхъ «чудъ природы» и неизбѣжнаго «турки» для охотниковъ помѣрять сокрушительную силу своего кулака. Въ то же время на площадь высыпаетъ цѣлая миріада лотковъ и стоекъ съ пряниками орѣхами и тому подобными сладостями, появляются день-деньской дымящіеся самовары, величиной въ маленькій винокуренный заводъ, со сбитнемъ и чаемъ, а тутъ же рядомъ предлагается «сахарное мороженное», на которое всегда находятся охотники, не смотря на самый трескучій февральскій морозъ...

Чтобъ вполнѣ насладиться удовольствіями масляницы, необходимо начать съ поѣздки «на чухнѣ». На время масляницы, чухны и, вообще, окрестные крестьяне пользуются правомъ извоза въ столицѣ и пользуются имъ въ широкихъ размѣрахъ. Ихъ наѣзжаетъ сюда, со своими шершавами «вѣтками» (т. е. «шведками», какъ они называютъ своихъ лошадей) и расписными санками, многія тысячи. Ѣздить на нихъ не совсѣмъ удобно, но они дешевле постоянныхъ извощиковъ и, притомъ, для истаго петербуржца низшихъ слоевъ не прокатиться «на чухнѣ» во время масляной все равно почти, что и самой масляной не видать.

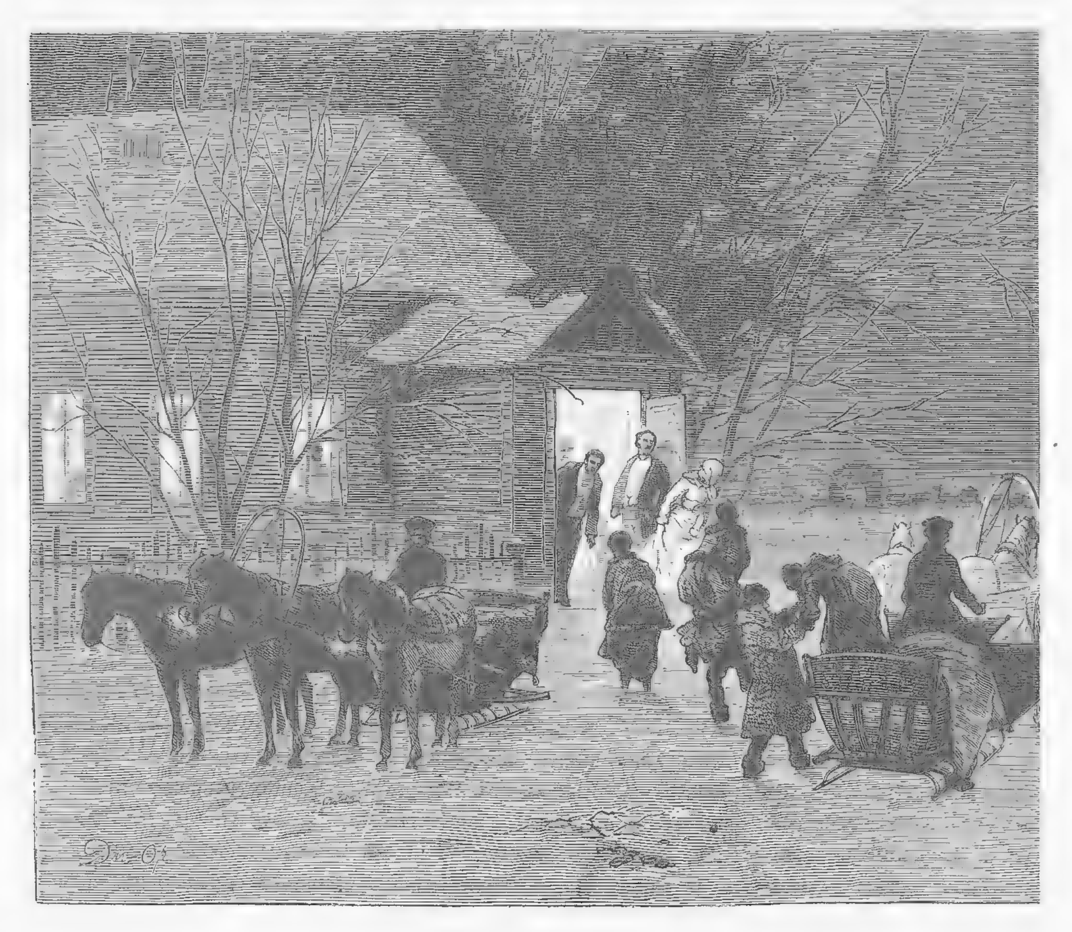
Побрякивая бубенчиками, «вѣтка», подъ ударами хозяйскаго кнута, скачетъ во всю прыть и мигомъ доставляетъ васъ, по возможности — цѣлымъ и невредимымъ, на Марсово поле... Лавируя между пышными экипажами выѣхавшихъ покататься «подъ балаганы» расфранченныхъ купцовъ и купчихъ, вы пробираетесь, по колѣно въ снѣгу, къ мѣсту гульбища. Сразу ничего не разберешь въ этой крикливой, тысячеголосой чепухѣ, смѣшанной съ гуломъ и трескомъ барабановъ, визгомъ доброй сотни рожковъ и трубъ, ревомъ звѣрей въ звѣринцахъ и громыханьемъ выстрѣловъ, раздающихся изъ того или другаго балагана, гдѣ представляютъ «войну».

Въ промежуткахъ между балаганами настоящая ярмарка. Пестрая толпа снуетъ по всѣмъ направленіямъ, зѣвая на заманчивыя вывѣски балагановъ, съ гигантскими изображеніями «чудъ природы», гимнастическихъ упражненій и наиболѣе патетическихъ сценъ изъ представляемыхъ пьесъ; но вниманіе толпы болѣе всего приковываетъ къ себѣ истинный герой масляницы — святочный «дѣдъ» — балагуръ и скоморохъ, изукрашенный чудовищной бородою изъ пеньки, въ соотвѣтствующемъ его роли костюмѣ. Онъ почти безсмѣнно торчитъ, перевѣсивъ ноги черезъ перила, на эстрадѣ «самоката» и тѣшитъ толпу риѳмованными прибаутками и розсказнями, иногда довольно остроумными, но и въ такой же степени, большей частью, циничными. Такихъ «дѣдовъ» нѣсколько, но ни одинъ изъ нихъ, сколько нибудь словоохотливый, не можетъ пожаловаться на недостатокъ слушателей; наиболѣе же находчивые и остроумные изъ нихъ постоянно собираютъ густую толпу, которая и награждаетъ ихъ творчество несмолкаемымъ здоровымъ смѣхомъ.

Масляничное гульбище Марсова поля повторяется, обыкновенно, на Пасху, для чего всѣ балаганы и другія сооруженія сохраняются въ томъ-же видѣ черезъ весь Великій постъ. Но гульбищу на Святой недѣлѣ, совершенно однородному съ масляничнымъ, предшествуетъ оригинальная и веселая «вербная ярмарка», тоже имѣющая отчасти характеръ народнаго гулянья.

Мѣстомъ этой ярмарки служитъ Гостинный дворъ съ окружающими его галлереями и тротуарами. Вербная ярмарка имѣетъ много общаго съ рождественской, съ тою только разни-

цей, что на послѣдней, вмѣсто вербъ, въ ознаменованіе недѣли Ваій, продаются «елки» — непремѣнная принадлежность семейнаго празднованія Сочельника. Какъ тамъ, такъ и здѣсь потребителями ярмарки и дѣйствующими лицами гулянья являются дѣти. Елки и вербы являются тутъ больше предлогомъ только, а главный предметъ купли и продажи — игрушки и разные дѣтскіе «подарки», какъ-то: книжки, картинки, игры и учебныя принадлежности, которыми изобилуютъ на этотъ случай гостинодворскія книжныя лавки. Что касается игру-

Пикникъ около Петербурга.

шекъ, самодѣльныхъ и, большею частью, плоховатыхъ, продаваемыхъ вперемежку съ вербами, лакомствами и бакалейно-галантерейной всячиной, то торговля эта сосредоточивается главнымъ образомъ на площадкѣ передъ Гостинымъ дворомъ и въ его галереѣ со стороны Невскаго проспекта.

Говоря о зимнихъ «народныхъ» гуляньяхъ, нельзя не упомянуть о чисто-русской забавѣ — именно, о *ледяныхъ горахъ*, которыя устраиваются на масляной на Марсовомъ полѣ и служатъ для потѣхи простонародья. Но, кромѣ этихъ временныхъ горъ, въ пригородныхъ увеселительныхъ заведеніяхъ, въ родѣ «Ливадіи» и «Крестовскаго сада», находятся зимою посто янныя горы, которыми пользуется уже, такъ называемая въ просторѣчіи, «чистая» публика. Дѣло въ томъ, что въ данномъ случаѣ пользованіе это сопряжено съ такими издержками, кото-

рыя не по карману представителямъ публики если не менѣе «чистой», то менѣе располагающей лишними деньгами.

Обыкновенно, любители катанья съ горъ и другихъ, сопряженныхъ съ этимъ, удовольствій зимняго сезона, ѣздятъ въ «Ливадію» и на «Крестовскій», какъ и въ другіе загородные «Кабачки» (какъ, напр., историческій «Красный кабачекъ»), на тройкахъ. Тройки-же, предлагаемыя петербургскими извозопромышленниками, преимущественно зимою и спеціально предназначенныя для загородныхъ увеселительныхъ экскурсій, стоятъ не дешево. Это удовольствіе — жупровъ зажиточныхъ. Какъ изображено и на нашей картинкѣ, тройка непремѣнно должна быть — тройка «лихая», чтобъ она мчалась сломя голову, чтобъ у ѣдущихъ духъ захватывало отъ быстрой, по-птичьему, ѣзды... Въ этомъ традиція и поэзія русской тройки, и потому для нея подбираются добрые и борзые кони; иначе — «господа» забракуютъ. Петербургскіе виверы пользуются тройками, начиная съ «первопутки», всю зиму, главнымъ образомъ, для пикниковъ въ загородныхъ ресторанахъ. На этотъ предметъ у нихъ выработалась извѣстная рутина. Ужь если ѣхать на тройкѣ,— значитъ, непремѣнно въ какой нибудь «Ташкентъ», «Самаркандъ», къ «Дороту» и пр. Другихъ мѣстъ для троечныхъ экскурсій петербуржцы и не пытаются изобрѣсти. Точно также, въ силу рутины, при катаньѣ на тройкѣ непремѣнно полагается: вопервыхъ быть болѣе или менѣе на-веселѣ, вовторыхъ, ѣхать съ дамами — съ какими бы то ни было, но только чтобы онѣ имѣли образъ и подобіе дамъ; въ третьихъ, наконецъ, ужинать съ шампанскимъ и слушать цыганъ, группирующихся небольшими хорами, для этихъ оказій, во всѣхъ помянутыхъ «кабачкахъ»... Вся эта partie de plaisir стоитъ обыкновенно сумасшедшихъ денегъ и, кромѣ сквернѣйшаго похмѣлья на утро, никакими существенными усладами не окупается... Но что дѣлать! — Такъ «заведено» и — всѣ «порядочные» люди держатся этого «заведенія».

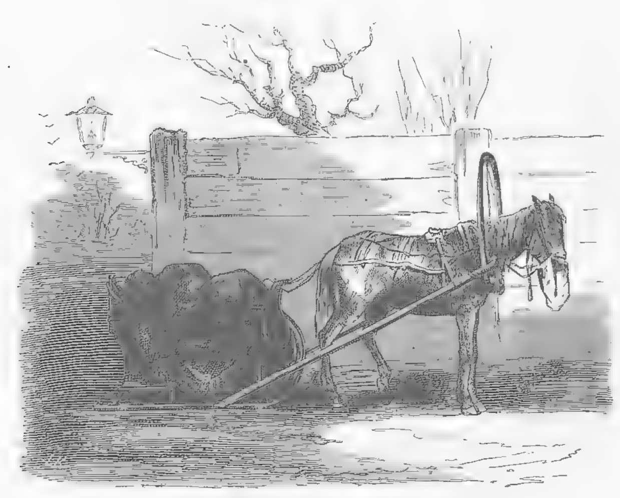
Водопойня у Николаевскаго моста.

Конечно, можно отправиться куда — нибудь въ тѣ-же «кабачки» не непремѣнно на тройкѣ, а на простомъ одноконномъ извощикѣ—«ванькѣ», но—какое ужь это удовольствіе?! «Ванька»—этотъ истый парій столичнаго населенія, со своей, въ большинствѣ случаевъ, безногой, изможденной клячей, съ обтерханной, ветхой снастью, съ неуклюжими, до крайности неудобными, костоломными дрожками или съ не менѣе жалкими санками, нанимается столичными «господами» только за неволю, потому только, что лучшаго извознаго экипажа къ услугамъ потребителя нѣтъ. Есть, положимъ, и въ достаточномъ количествѣ, извозныя кареты и коляски, пароконныя и одноконныя, но, во-первыхъ, ихъ не всегда найдешь подъ рукою, а во-вторыхъ, онѣ, сравнительно, очень дороги. Между тѣмъ, какъ «ванька» дешевъ, иногда — до невѣроятія, и найти его можно во всякій часъ дня и ночи почти на каждомъ перекресткѣ, въ каждой улицѣ, особенно въ центральныхъ частяхъ города. Онъ на улицѣ днюетъ и ночуетъ, мужественно перенося вмѣстѣ со своимъ одромъ всѣ ненастья и климатическія невзгоды прихотливой и неласковой петербургской погоды. Днемъ и пока публики на улицахъ много, онъ безсмѣнно торчитъ на панели, переминаясь съ ноги на ногу на одномъ мѣстѣ и, если холодно, похлопывая

рукавицами, въ ожиданіи «сѣдока». Малый онъ предупредительный и любезный, при томъ и физіогномистъ большой. Онъ издали запримѣтитъ «сѣдока» по выраженію лица и костюму, и, когда тотъ приблизится, встрѣтитъ его, величая «вашимъ сіятельствомъ», всепокорными просьбами прокатиться — «на порядочной» или «на шведкѣ», а то и «на георгіевской» въ томъ случаѣ, когда лошадь у него бѣлой масти, т. е. точь въ точь такой, какою изображается ретивый конь Георгія Побѣдоносца...

Ночью «ванька» менѣе впечатлителенъ и услужливъ (одноконные извозчики въ Петербургѣ, по времени промысла, распредѣляются на дневныхъ и ночныхъ). Онъ знаетъ, что теперь хлопотать не о чемъ. Запоздалые, гдѣ нибудь прогулявшіе ночь, «господа» сами найдутъ его и призовутъ къ отправленію своихъ обязанностей. Въ ожиданіи такого неизбѣжнаго сѣдока, «ванька» задаетъ кормъ лошади, а самъ укладывается, со свойственной ему одному компактностью и приспособленностью, на своихъ санкахъ, покрывается дырявой, вѣтромъ подбитой полстью и засыпаетъ сномъ невинности, что бы ни творилось въ эту пору въ природѣ. Морозъ ли градусовъ въ тридцать, снѣгъ-ли валитъ, какъ изъ рукава, дождь ли льетъ — ему все ни по чемъ... Истинный философъ! Да, только съ такимъ философическимъ отношеніемъ къ суетѣ и злобѣ міра сего — и можно не унывая выносить подобную безпокойную, непріятную и трудную, во всѣхъ отношеніяхъ, жизнь, какая досталась на долю петербургскаго «ваньки»...

Вл. Михневичъ.

Петербургскій «ванька» ночью.

ОЧЕРКЪ XIII.

КАРТИНЫ ПЕТЕРБУРГА.

Панорама Петербурга съ различныхъ точекъ. — Прогулка по Невѣ. — Характеристика архитектурной физіономіи города. — Его историческое значеніе. — Петербургскій центръ. — Дворцовая площадь. — Адмиралтейство и Адмиралтейскій садъ. — Монументъ Петру I. — Исакіевскій соборъ. — Маріинская площадь. — Характеристика Невскаго проспекта. — Петербургскія мостовыя. — Рядъ церквей. — Казанскій соборъ. — Милютинскій рядъ и Гостиный дворъ. — Пассажъ. — Публичная библіотека. — Памятникъ Екатеринѣ II. — Аничковскій дворецъ. — Нѣчто о Петербургскихъ каналахъ, набережныхъ и мостахъ. — Александро-Невская Лавра. — Лаврское кладбище. — Смольный монастырь. — Таврическій дворецъ. — Николаевскій и Литейный постоянные мосты. — Лѣтній садъ. — Инженерный Замокъ. — Памятникъ Суворову. — Дворцы великихъ князей. — Невскіе плавучіе мосты. — Домикъ Петра В. — Троицкій соборъ. — Петропавловская крѣпость. — Александровскій паркъ. — Характеристика зарѣчной стороны столицы. — Васильевскій островъ. — Биржа. — Рядъ академій и учебныхъ заведеній. — Старинные дома. — Сокровища академіи наукъ и художествъ. — Петербургскія бани. — Николаевскій дворецъ и его окрестности. — Театры и театральная дѣятельность въ столицѣ.

.... юный градъ,
Полночныхъ странъ краса и диво,
Изъ тьмы лѣсовъ, изъ топи блатъ
Вознесся пышно, горделиво:
Гдѣ прежде финскій рыболовъ,
Печальный пасынокъ природы,
Одинъ у низкихъ береговъ
Бросалъ въ невѣдомыя воды
Свой ветхій неводъ, нынѣ тамъ
По оживленнымъ берегамъ
Громады стройныя тѣснятся
Дворцовъ и башенъ; корабли
Толпой со всѣхъ концовъ земли
Къ богатымъ пристанямъ стремятся;
Въ гранить одѣлася Нева;
Мосты повисли надъ водами;
Темнозелеными садами
Ея покрылись острова.
И передъ младшею столицей
Главой склонилася Москва,
Какъ передъ новою царицей
Порфироносная вдова.

ПУШКИНЪ.

Колонна Румянцева въ Соловьевскомъ саду.

Петербургъ, по своему топографическому положенію, вовсе не имѣетъ ни въ предѣлахъ своихъ, ни въ окрестностяхъ такой естественной точки, съ которой могла бы представиться глазу вся его панорама, какъ на ладони. Съ какой бы стороны путешественникъ ни подъѣзжалъ къ нашей столицѣ, онъ напрасно старался бы составить себѣ представленіе à vol d'oiseau объ общемъ ея видѣ, о ея объемѣ и расположеніи. И это въ особенности нужно сказать о въѣздахъ съ сухаго пути. Идутъ какія-то жалкія лачуги, безпорядочно разбросанныя среди совер-

шенно ровной мѣстности, вспаханной кое-гдѣ подъ обширные огороды; по мѣрѣ приближенія къ городу, лачуги все болѣе и болѣе скучиваются, перемежаясь съ громадными, неуклюжими кирпичными зданіями фабрикъ и заводовъ; кое-гдѣ мелькнетъ красивый, опрятный домикъ какой нибудь дачи; скраситъ нѣсколько неприглядный, хаотическій видъ предмѣстья издали сверкнувшая золотыми верхушками какая нибудь городская церковь, стройно и величаво обрисовавшаяся на блѣдно-свинцовомъ фонѣ всегда почти мутнаго петербургскаго горизонта... Вотъ и все, если не считать еще архитектурной красы нѣкоторыхъ въѣздовъ, въ видѣ величественныхъ тріумфальныхъ воротъ и прекрасно отстроенныхъ обширныхъ желѣзно-дорожныхъ дебаркадеровъ. Впрочемъ, красующіеся на нашихъ рисункахъ стройные лицевые фасады вокзаловъ Варшавской и Балтійской желѣзныхъ дорогъ обращены въ сторону города и, слѣдовательно, назначены плѣнять глазъ не подъѣзжающаго къ столицѣ, а лишь отъѣзжающаго изъ нея путешественника. Вообще, въ данномъ отношеніи, Петербургъ, будучи расположенъ на обширной плоскости и, отчасти, какъ-бы во впадинѣ, лишенъ всякой живописности.

Нѣсколько выгоднѣе представляется онъ путешественнику, въѣзжающему въ него водянымъ путемъ — съ моря и по Невѣ, со стороны Шлиссельбурга. Самъ по себѣ великолѣпный въѣздъ съ моря или, точнѣе сказать, съ устья Невы — мало, однако, удовлетворилъ-бы требованіямъ пейзажиста, пожелавшаго набросать панораму Петербурга, тѣмъ болѣе, что низменныя побережья невскаго устья, застроенныя старыми, задымленными, казарменнаго вида зданіями и заваленныя разнообразнымъ хламомъ, крайне не живописны. Несомнѣнно, Петербургъ всего интереснѣе и картиннѣе со стороны Невы, если въѣзжать въ него по направленію изъ Шлиссельбурга.

Съ этой стороны, благодаря нѣкоторой возвышенности береговъ рѣки и ея прихотливымъ извилинамъ, представляются мѣстами довольно обширныя перспективы. Петербургъ здѣсь поражаетъ своей громадностью и грандіозностью своихъ сооруженій. Начать съ того, что, выключая районъ собственно города, съ этой стороны — верстъ слишкомъ на двадцать, вверхъ по Невѣ, непрерывно почти тянутся по обоимъ ея берегамъ предмѣстья, заводы, дачи, по-городски обстроенныя слободы и пр. Все это, въ сущности, *продолженіе* самаго города — его безконечный шлейфъ, который съ каждымъ годомъ разстилается все шире и дальше. Здѣшніе пригородные жители, самые даже отдаленные отъ Петербурга, уже не называютъ его въ обыденномъ разговорѣ по имени, а просто говорятъ: «я поѣду въ городъ», «я былъ въ городѣ» и т. д. Ясно, что они не считаютъ уже своихъ поселеній чѣмъ-то раздѣльнымъ отъ столицы, а пріурочиваютъ ихъ къ ея составу. И конечно, не далеко то время, когда всѣ эти пригороды и ex officio войдутъ въ планъ Петербурга.

Особенно оживленную картину представляетъ Нева со своими берегами, въ обозрѣваемомъ направленіи — лѣтомъ, во время навигаціи. По обѣимъ сторонамъ рѣки и на ней самой идетъ тогда кипучая, неустанная дѣятельность. Тысячи рабочихъ заняты выгрузкой и нагрузкой сырья на громадныхъ, расположенныхъ здѣсь, лѣсныхъ, сѣнныхъ и хлѣбныхъ пристаняхъ, у которыхъ сосредоточивается масса барокъ и плотовъ. И вдоль по рѣкѣ тоже не видно конца нагруженнымъ судамъ, стройными тѣсными рядами поставленныхъ на якорь, и съ каждымъ часомъ къ вереницѣ ихъ прибываютъ все новыя звѣнья. Многочисленные буксирные пароходы, пыхтя и чихая, какъ-бы отъ натуги, тянутъ вверхъ и внизъ новые караваны барокъ — въ иномъ штукъ по двѣнадцати. Глубоко бороздя зеркальную гладь рѣки, плавно пробѣжитъ ладожскій пассажирскій пароходъ, полный пестраго народа, и спугнетъ толпу голыхъ ребятишекъ, съ визгомъ плескающихся гдѣ нибудь у берега... Изъ высокихъ трубъ многочисленныхъ здѣсь фабрикъ и заводовъ клубятся длинные хвосты дыма; отовсюду несется трескъ и шумъ машинъ, слышны тяжелые металлическіе удары молотовъ, пронзительные свистки паровиковъ и зычные, перекликающіеся голоса озабоченныхъ дѣломъ людей; а вотъ гдѣ-то изъ десятка-другаго на-

Петербургъ съ птичьяго полота.

дорванныхъ грудей дружнымъ хоромъ выговариваются монотонныя, стонущія, хорошо извѣстныя на Руси, ноты:

Ой, дубинушка, ухнемъ!
Ой, зеленая, подернемъ!
Еще разъ — сама пойдетъ,
У-у-у-ухъ!

Панорама собственно Петербурга съ описываемой стороны развертывается, начиная съ поворота Невы у Шлиссельбургской заставы. Хотя набережныя здѣсь еще не вполнѣ обстроены

Спускъ фрегата.

и не отличаются щегольствомъ и пышностью сооруженій центральныхъ невскихъ набережныхъ, тѣмъ не менѣе общій видъ города съ этой точки прекрасенъ. Особенно украшаютъ его величественныя зданія Александро-Невскаго и Смольнаго монастырей, возвышающіяся изъ зеленокудрыхъ купъ окружающихъ ихъ садовъ; бросятся также въ глаза, по своей обширности и громадности, постройки знаменитой Александровской мануфактуры, не совсѣмъ красивая, но напоминающая вышиной и размѣромъ библейскій вавилонскій столпъ — водопроводная башня и проч. Это съ лѣвой стороны рѣки. Съ правой — идутъ здѣсь огромныя сооруженія заброшенной охтенской верфи, красивые шпицы охтенскихъ церквей, далѣе — пышный фасадъ, выдвинувшійся изъ глубины густаго парка, когда-то великолѣпной Безбородкинской дачи (Тиволи), а рядомъ съ этимъ опустѣвшимъ палаццо — памятникомъ бывшаго барства, какъ-бы для назидательнаго контраста съ нимъ, спѣсиво и тяжеловѣсно выдвинулся своими рѣжущими глазъ краснокирпичными стѣнами огромный пивной заводъ (Славянскій).

Миновавъ, нынѣ только-что отстроенный, мостъ Александра II, картина мѣняется. Слѣва начинается высокая стройная, обрамленная у своего основанія гранитомъ надъ горизонтомъ рѣки, сплошная стѣна много-этажныхъ, большею частью очень красивыхъ и роскошныхъ зданій. Эта грандіозная

стѣна, перерванная лишь въ двухъ пунктахъ оживляющими ея картину садами — Лѣтнимъ и Адмиралтейскимъ, съ ея сплошной колоссальной гранитной набережной, главная краса Петербурга, а по своему протяженію — едва-ли не единственная въ мірѣ.

Слѣдуя избраннымъ нами путемъ, по проѣздѣ Литейнаго моста, мы встрѣчаемъ прежде всего, миновавъ прекрасную Гагаринскую набережную, живую стѣну Лѣтняго сада, выглядывающаго на рѣку темнозелеными группами своихъ развѣсистыхъ столѣтнихъ липъ сквозь высокую, замѣчательную по своей капитальности и изяществу, чугунную рѣшетку. Далѣе привлекаютъ особенное вниманіе великолѣпные дворцы: Мраморный или Константиновскій, Великаго Князя Михаила, Великаго Князя Владиміра и, наконецъ, громадный, величественный Зимній дворецъ. Всѣ они расположены на пространствѣ между Троицкимъ и Дворцовыми мостами — на Дворцовой набережной. Слѣдующая — Адмиралтейская набережная, пока еще не обстроена вполнѣ; но и теперь — два массивные фланговые павильона покоеобразнаго корпуса Адмиралтейства, съ расположенными у ихъ подошвъ колоссальными гранитными лѣстницами, спускающимися къ рѣкѣ, и высоко выстрѣлившая къ небу золотая Адмиралтейская «игла» придаютъ этой мѣстности пышный видъ... Немного дальше, и — вотъ *онъ*, создатель Петербурга, съ творчески распростертой рукою, возносится съ вершины гранитной скалы, на своемъ бронзовомъ конѣ, надъ Невою!

Вслѣдъ за монументомъ Петра Великаго, возвышающимся среди зелени молодаго Адмиралтейскаго (Александровскаго) сада, позади котораго рельефно рисуется исполинскій силуэтъ Исаакіевскаго собора, тянется Англійская набережная. Она начинается боковымъ фасадомъ зданія Сената и, въ дальнѣйшемъ своемъ протяженіи, изобилуетъ роскошными домами, населенными аристократіей. Со средины ея, упираясь въ голубовато-сѣрые, изъ сердобольскаго гранита, гигантскіе быки, шагнулъ черезъ рѣку широкими, стремительно-смѣлыми желѣзными арками, чудесный Николаевскій мостъ.

Правая сторона Невы, соотвѣтствующая сейчасъ описанной лѣвой и въ ансамблѣ съ нею — не менѣе величественна и живописна. Общая картина выигрываетъ много отъ того, что лѣвая сторона Невы здѣсь, по своему топографическому положенію и по характеру воздвигнутыхъ на ней сооруженій, имѣетъ совершенно иную — своеобразную физіономію. Всего оригинальнѣе и живописнѣе берегъ Петербургской стороны, огибаемый главнымъ двойнымъ водораздѣломъ Невы — слѣва Большой Невкой, справа Малой Невой. Впрочемъ до Троицкаго моста тутъ изъ построекъ ничего нѣтъ замѣчательнаго по внѣшности, за то тутъ колыбель Петербурга и его драгоцѣннѣйшая реликвія: домикъ Петра Великаго, утонувшій въ зелени и едва замѣтный съ рѣки. Тутъ же, на заднемъ планѣ возвышаются, тоже неказистые, приземистые куполы древнѣйшаго въ Петербургѣ собора — Троицкаго.

За Троицкимъ мостомъ грозно надвинулись къ рѣкѣ своими гранитными стѣнами могучіе верки Петропавловской крѣпости, съ вершинъ которыхъ глядятъ во всѣ стороны своими широкими жерлами чугунныя пушки. Нѣсколько сумрачный видъ крѣпости красятъ и оживляютъ возвышающіеся со средины ея — стройный, легкой изящной формы серебряный куполъ Петропавловскаго собора и, рядомъ съ нимъ, его высокая колокольня, со своимъ удивительнымъ шпицемъ, неимѣющимъ себѣ равнаго по вышинѣ и смѣлости. За угломъ крѣпости открывается превосходный видъ на Малую Неву, отдѣляющую Петербургскую Сторону отъ Васильевскаго Острова. Въ глубинѣ обширнаго здѣсь водоразлива синѣютъ сады и скверы Петербургской Стороны, вообще изобилующей зеленью; поднимаются голубые куполы Владимірскаго собора; со средины рукава, гдѣ глазъ упирается въ черту Тучкова моста, встаютъ высокія стѣны Пенькваго буяна, напоминающаго своимъ видомъ не то фортъ, не то замокъ. Берегъ Васильевскаго Острова, густо застроенный здѣсь, начинается Биржевой Стрѣлкой, какъ-бы разсѣкающей гранитными ребрами своей круглой набережной воды Большой Невы отъ Малой Невы.

Церемоніалъ при вскрытіи Невы.

Стрѣлка, съ прекрасно поставленнымъ на ней величественнымъ зданіемъ Биржи, вообще, самый живописный пунктъ данной мѣстности, если смотрѣть на нее съ рѣки, по избранному нами направленію. Невскій водоразливъ здѣсь очень широкъ и въ лѣтнее время необыкновенно оживленъ. По его поверхности безпрерывно скользятъ ялики и «легкіе» пароходы, перевозящіе пассажировъ съ Мытнаго перевоза (на Петербургской Сторонѣ) къ Дворцовой набережной и обратно; тянутся по всѣмъ направленіямъ тяжелыя грузовыя суда — рѣчныя и морскія, группируясь въ цѣлыя стаи у биржевой набережной; шумно и размашисто, выпуская густыя волны чернаго дыма изъ своихъ трубъ, шмыгаютъ коренастые, чумазые «Работники», «Силачи» и тому подобныхъ характерныхъ кличекъ буксирные пароходы.

За Биржей, по теченію Б. Невы, на набережной Васильевскаго Острова идетъ рядъ большихъ и красивыхъ зданій: Академіи Наукъ, Университета, Павловскаго военнаго училища — одного изъ стариннѣйшихъ домовъ въ Петербургѣ, бывшаго дворцомъ любимца Петра I князя Меншикова и пр.; но въ особенности останавливаетъ здѣсь вниманіе великолѣпный, по своей симметричности и строгому изяществу общаго контура, корпусъ Академіи художествъ, а передъ нимъ, у спуска къ рѣкѣ, два замѣчательно сохранившихся египетскихъ гранитныхъ сфинкса...

Обозрѣвъ частности петербургской панорамы съ Невы, взойдемъ на средину Николаевскаго моста и окинемъ однимъ взглядомъ общій ея видъ; но прежде удѣлимъ минутку вниманія картинѣ города по теченію рѣки за Николаевскимъ мостомъ. Ни въ живописномъ, ни въ архитектурномъ отношеніи красоты особенной здѣсь мы не найдемъ, но здѣсь много оригинальнаго. Слѣва — поражаютъ, своими размѣрами и своеобразностью конструкціи, громадные шалаши адмиралтейской верфи, одинъ изъ которыхъ виднѣется на нашемъ рисункѣ въ моментъ торжественнаго спуска вновь отстроеннаго громаднаго фрегата. Справа останавливаетъ вниманіе странная на первый взглядъ распланировка зданій Васильe-Островской набережной: дома здѣсь идутъ уступами, по дугообразному направленію набережной, упираясь въ массивное, съ непомѣрно огромнымъ портикомъ, зданіе Горнаго института. Поверхность рѣки здѣсь во время навигаціи тоже весьма оживлена массой большихъ судовъ и пароходовъ — пассажирскихъ и товарныхъ. Часть самой набережной на Васильевскомъ Островѣ кипитъ рабочимъ людомъ, занятымъ выгрузкой товаровъ изъ останавливающихся здѣсь большихъ иностранныхъ кораблей... Но повернемся въ противоположную сторону — взглянемъ, какъ намѣревались, на центръ нашей столицы по теченію Невы. Безспорно, картина передъ нами удивительная и, однакожь, въ ней есть что-то черствое и холодное. Дѣло въ томъ, что въ ней очень мало красоты естественной, очень мало природы, какъ-бы задавленной здѣсь необозримыми грудами гранита, камня и желѣза, сложенныхъ въ искусномъ сочетаніи... Въ этомъ вся особенность петербургскихъ видовъ! Они поражаютъ васъ не природной своей красотой, а дѣломъ рукъ человѣческихъ: громадностью, стройностью и архитектурной гармоничностью сооруженій! Эти пышные, величественные дворцы, эта исполинская гранитная каіма циклопическихъ набережныхъ, эти гордо вознесшіеся кверху золотые куполы и шпицы, эти гигантскія желѣзныя арки невскихъ мостовъ — все это бросается въ глаза своими размѣрами и искусствомъ, подавляетъ своей роскошью и бездной затраченнаго на воспроизведеніе этого столичнаго великолѣпія народнаго труда и капитала... Широкая, свѣтловодная Нева играетъ здѣсь только роль какъ-бы зеркала для всѣхъ этихъ чудесъ труда и искусства, которымъ Петербургъ, собственно, и обязанъ исключительно своей громкой славой — *Сѣверной Пальмиры!*

Та же черта лежитъ на всемъ Петербургѣ; вездѣ, въ частностяхъ и въ цѣломъ, онъ производитъ своими громадами и перспективами одинаковое впечатлѣніе, прекрасно выраженное поэтомъ въ слѣдующихъ стихахъ:

Городъ пышный, городъ бѣдный,
Духъ неволи, стройный видъ,
Сводъ небесъ зелено-блѣдный,
Скука, холодъ и гранитъ....

«Стройный видъ» — преобладаніе прямолинейности, законченно-правильныхъ стереометрическихъ формъ въ очертаніи улицъ, зданій и набережныхъ — придаетъ физіономіи Петербурга томящее однообразіе и казенную форменность, производящія впечатлѣніе такой именно «скуки» и эстетическаго холода.

Самый планъ Петербурга отличается тою же прямолинейностью и однообразіемъ своего графическаго дѣленія. Общее очертаніе плана Петербурга имѣетъ видъ многоугольника, который Невою и ея рукавами дѣлится на нѣсколько естественныхъ частей. Затѣмъ, каждая изъ

Зимній дворецъ.

этихъ частей распланирована прямоугольными, можно сказать, математически-правильными кварталами. Это въ особенности нужно сказать о такихъ частяхъ Петербурга, какъ, напр., Васильевскій Островъ (его первыя девятнадцать линій), Пески, Измайловскій и Семеновскій Полки, Охта и друг. околотки, гдѣ паралельно идущіе кварталы такъ же равномѣрны и правильны, какъ клѣтки на шахматной доскѣ. Въ остальныхъ частяхъ города, хотя и не встрѣчается такой строгой правильности въ дѣленіи, но, тѣмъ не менѣе, нигдѣ нѣтъ той путаницы, нѣтъ того господства ломаныхъ линій въ распланировкѣ, какія отличаютъ, напр., планъ Москвы. Замѣтимъ, что такая правильность дѣленія, очень удобная въ административномъ и общественномъ отношеніяхъ, досталась нашей столицѣ не сразу. Напротивъ, при своемъ основаніи, она обстроивалась довольно безпорядочно, образовавшіяся вначалѣ улицы не всегда отличались прямизной и соотвѣтствіемъ къ общему плану; городъ группировался на *слободы*, имена которыхъ до сихъ поръ сохранились въ названіяхъ нѣкоторыхъ улицъ, каковы: Морскія, Ямская, Литейная и друг. Первыя капитальныя попытки къ правильной распланировкѣ Петербурга начались при Аннѣ Іоанновнѣ, съ перенесеніемъ центра столицы на Адмиралтейскую Сторону, какъ тогда называлась вся городская территорія по лѣвой сторонѣ Большой Невы.

Впрочемъ, главная артерія современнаго Петербурга — Невскій проспектъ, послужившая какъ-бы основнымъ стволомъ для всѣхъ позднѣйшихъ развѣтвленій въ организмѣ города, существовала уже и при Петрѣ Великомъ. При обзорѣ плана Петербурга, Невскій проспектъ представляется однимъ изъ радіусовъ, исходящихъ изъ одной и той же срединной точки, образуемой

Адмиралтействомъ или, вѣрнѣе сказать, адмиралтейской «иглой». «Игла» эта, съ любаго разстоянія, одинаково видна съ Невскаго и Вознесенскаго проспектовъ и съ Гороховой улицы, которыя составляютъ собою три прямолинейные радіуса, протянувшіеся подъ острымъ угломъ изъ своего основанія къ чертѣ города. Такимъ образомъ, эти улицы, будучи однѣми изъ самыхъ главныхъ и проходя по наиболѣе населеннымъ мѣстностямъ Петербурга, по лѣвой сторонѣ Б. Невы, разрѣзываютъ его на соотвѣтственное число болѣе или менѣе равнобедренныхъ треугольниковъ. Перпендикулярно къ этимъ улицамъ идутъ болѣе или менѣе параллельными концентрическими полукругами четыре канала (Мойка, Екатерининскій каналъ, Фонтанка и Обводный каналъ). Вотъ основныя схематическія очертанія сѣти улицъ главной части Петербурга. Замѣтимъ, что такая же геометрическая правильность дѣленія, чрезвычайно облегчающая знакомство съ городомъ, отличаетъ и другія части нашей столицы (напр. Васильевскій Островъ).

Ознакомившись въ общихъ чертахъ съ планомъ Петербурга, мы перейдемъ къ обзору его архитектурной физіономіи и его достопримѣчательностей, художественныхъ и историческихъ.

Не смотря на то, что Петербургъ еще очень молодой городъ, тѣмъ не менѣе, по количеству и важности своихъ достопримѣчательностей, какъ художественныхъ и техническихъ, такъ и историческихъ, онъ не уступитъ другимъ европейскимъ столицамъ. Все то, что собрано и воздвигнуто въ Петербургѣ въ какія нибудь съ небольшимъ полтораста лѣтъ, въ другихъ столицахъ сооружалось долгими вѣками.

Въ историческомъ отношеніи, Петербургъ для всякаго русскаго полонъ самыхъ дорогихъ и многочисленныхъ памятниковъ. Ставъ центромъ *новой* исторической жизни Россіи, ознаменованной столькими великими событіями и произведшей столько великихъ дѣятелей, Петербургъ сосредоточиваетъ въ себѣ теперь самыя живыя и краснорѣчивыя свидѣтельства о всѣхъ этихъ знаменитыхъ событіяхъ и людяхъ. Довольно ужъ того, что нигдѣ вы не почувствуете такъ сильно и такъ ярко величія Петровской реформы и ея виновника, какъ въ Петербургѣ. Здѣсь на каждомъ шагу витаетъ духъ этого творца новой Россіи; на каждомъ шагу встрѣчаетесь вы съ нѣмыми, но краснорѣчивыми свидѣтелями не только его гигантской государственной дѣятельности, но и его личности, его частной семейной жизни.... Мы уже не говоримъ о позднѣйшихъ знаменательныхъ историческихъ моментахъ, изъ которыхъ каждый оставилъ послѣ себя рельефный отпечатокъ, неизгладимо и тщательно сохраняемый Петербургомъ. Словомъ, въ этомъ отношеніи Петербургъ — музей, живописная иллюстрація къ новѣйшей исторіи Россіи!

Въ развитіи и обстройкѣ Петербурга можно различать три эпохи. Быстрыя и обширныя, но недостаточно прочныя и правильныя сооруженія Петра Великаго — самая горячая пора строительной дѣятельности въ Петербургѣ — смѣняется эпохой большаго или меньшаго застоя и запустѣнія. Эта вторая, переходная эпоха, тянувшаяся цѣлыхъ сорокъ лѣтъ, захватываетъ промежутокъ времени отъ смерти Петра В. до дней Екатерины Великой. Часто мѣнявшійся, по волѣ разныхъ случайностей и интригамъ временщиковъ, порядокъ управленія, недостатокъ денежныхъ средствъ въ казнѣ, неуходившаяся борьба московской старины съ петербургской новизной и, отсюда, неостывшая еще непріязнь въ массѣ къ новой столицѣ, все это не могло не отражаться самымъ неблагопріятнымъ образомъ на твореніи Петра.... Такъ продолжалось до тѣхъ поръ, пока не явился достойный преемникъ генія великаго царя. Этотъ преемникъ была Екатерина II, и съ ея воцареніемъ начинается третья цвѣтущая эпоха для Петербурга.

При Екатеринѣ II городъ нашъ начинаетъ быстро расширяться и застраиваться. Всевозможныя льготы и поощренія, дарованныя торговлѣ, искусствамъ и промысламъ, неослабная заботливость объ обезпеченіи личной и имущественной безопасности жителей, свободное развитіе общественныхъ отношеній, оживляемыхъ личнымъ участіемъ императрицы, наконецъ, громадныя монументальныя сооруженія, предпринятыя правительствомъ для пользы, безопасности и украшенія столицы — все это въ короткое время сдѣлало ее, какъ свидѣтельствуетъ одинъ современникъ-иностранецъ, графъ Сегюръ, «однимъ изъ богатѣйшихъ и замѣчательнѣйшихъ

городовъ въ свѣтѣ.» Преемники Екатерины II, каждый съ своей стороны, содѣйствовали развитію Петербурга, его благоустройству и украшенію. При Александрѣ I, Николаѣ I и, наконецъ, въ нынѣшнее царствованіе было воздвигнуто множество замѣчательныхъ построекъ, какъ правительственныхъ и общественныхъ, такъ и частныхъ.

Что касается общей архитектурной физіономіи Петербурга, по отношенію къ стилю, то нельзя не признать, что она довольно безхарактерна и лишена самобытности. Извѣстный Мекензи Уоллесъ справедливо замѣтилъ въ своемъ описаніи Петербурга, «что его жители могутъ гордиться общимъ грандіознымъ видомъ ихъ города, но не красотою частныхъ зданій.» На петербургскихъ постройкахъ рельефно отразился весь ходъ нашей культуры Петровскаго періода: безразборчивое заимствованіе формъ съ Запада, рабское подражаніе заморскому вкусу и прихотямъ заморской моды — вотъ въ нѣсколькихъ словахъ исторія петербургской архитектуры! Поэтому, въ Петербургѣ встрѣчаются бокъ-о-бокъ постройки самыхъ разнообразныхъ стилей, чаще же всего смѣшанныхъ: греческаго, готическаго, итальянскаго, древне-римскаго, даже мавританскаго и т. д. Впрочемъ, еще недавно, до наступленія современной строительной горячки, въ петербургскихъ зданіяхъ, особенно въ казенныхъ, преобладалъ некрасивый, основанный на псевдо-классическомъ «ренесансѣ», прямолинейный стиль «Имперіи», съ неизбѣжными колоннами, неуклюжими портиками и аляповатыми, плоскими орнаментами. Стиль этотъ, по бѣдности и рутинности своихъ мотивовъ, придавалъ улицамъ казарменное однообразіе. Въ послѣднее время, согласно французской модѣ на «Людовиковъ», множество новыхъ домовъ въ Петербургѣ стали украшаться кудреватыми фасадами, испещренными мелкими лѣпными украшеніями, бюстами и арабесками. Нынче же сталъ входить въ моду, такъ называемый, русскій стиль, воскрешающій пестрыя стѣны, узорчатые карнизы, рѣзные коники, вычурныя колонки и т. под. украшенія московскихъ палатъ временъ Кошихинскихъ. Стиль этотъ, оригинальный и красивый, будемъ надѣяться, придастъ современемъ физіономіи нашей столицы ту самобытность, которой она до сихъ поръ не имѣетъ. За симъ обращаемся къ частностямъ и деталямъ набросанной нами картины.

Обзоръ нашъ мы начнемъ съ нынѣшняго центра Петербурга, гдѣ сосредоточены самыя монументальныя сооруженія и главнѣйшія государственныя учрежденія, гдѣ собрано наибольшее число сокровищъ искусства и національнаго богатства. Центръ этотъ мы намѣтили раньше, говоря о направленіи главнѣйшихъ столичныхъ улицъ. Границы его опредѣляются отчасти предѣлами Адмиралтейской части, преимущественно 1-го ея участка. Мѣстность эта характеризуется обиліемъ прекрасныхъ площадей, чрезвычайно выгодно выставляющихъ всю красу и величіе окружающихъ ихъ великолѣпныхъ зданій. Живописности города въ этой части много способствуютъ также обширные, превосходные скверы и бульвары, оживляющіе своей яркой зеленью каменныя громады построекъ.

Выйдя изъ-подъ колоссальной арки Главнаго Штаба, которою оканчивается Большая Морская улица, передъ нами откроется, съ наиболѣе выгодной точки, самая красивая и замѣчательнѣйшая площадь не только въ обозрѣваемой мѣстности, но и во всемъ Петербургѣ. Мы говоримъ о Дворцовой площади, замыкаемой съ двухъ сторонъ величественными зданіями Зимняго дворца и Главнаго Штаба, между которыми высится стройный исполинскій монолитъ Александровской колонны. Съ избранной нами точки зрѣнія открывается видъ на Зимній дворецъ, въ его главномъ, лицевомъ фасадѣ, а съ противоположной ему стороны площадь огибаетъ широкій полукругъ громаднаго зданія Главнаго Штаба, равномѣрныя составныя дуги котораго перехвачены въ срединѣ смѣлой аркой, съ возвышающейся надъ ней тріумфальной бронзовой колесницей въ шесть коней. Остальныя двѣ стороны Дворцовой площади ограничены — справа отъ Зимняго дворца зданіемъ Штаба с.-петербугскаго военнаго округа и Пѣвческимъ мостомъ, а слѣва рѣшеткой Адмиралтейскаго (Александровскаго) сквера, изъ-за зелени котораго возвышается на второмъ планѣ корпусъ Адмиралтейства. Съ этой же стороны къ Дворцовой площади примыкаетъ Разводная площадка, расположенная передъ западнымъ фасадомъ Зимняго дворца.

Зимній дворецъ представляетъ собой, въ настоящемъ его видѣ, громадное зданіе, съ цѣлымъ рядомъ флигелей, примкнувшихъ къ нему съ восточной стороны. Главный корпусъ имѣетъ форму продольнаго четырехугольника, въ формѣ замка. Продольныя стороны по фасаду имѣютъ, каждая, 65 саж., поперечныя — по 50 саж. Вышина стѣнъ съ крышей 12 саж. Впрочемъ крыша дворца очень низка и, за различными украшеніями и статуями, находящимися на ея карнизахъ, она почти не видна.

Главный, лицевой фасадъ дворца выходитъ, какъ мы сказали, на площадь. Съ этой стороны онъ, однакожь, не производитъ такого выгоднаго для себя впечатлѣнія какъ со стороны Невы. Говоря же вообще, онъ замѣчателенъ какъ величиной, такъ и своей строгой архитектоникой со всѣхъ сторонъ. Хотя стиль его нѣсколько тяжелъ и, при темной, бурой окраскѣ наружныхъ стѣнъ, зданіе производитъ въ общемъ нѣсколько суровое впечатлѣніе, но во всемъ видна стройность, гармонія и соразмѣрность частей къ цѣлому. Красивые фронтоны идущихъ уступами фасадовъ, опирающіеся на ряды искусно расположенныхъ колоннъ; легкіе, симметрически поставленные павильоны подъѣздовъ; висячіе балконы; массивная балюстрада, возвышающаяся по карнизу, вдоль всей крыши, съ разставленными по ея линіи, на пьедесталахъ, статуями и вазами; золоченые куполы и шпицы башенокъ — все это, вмѣстѣ взятое, придаетъ внѣшней физіономіи дворца изящество и великолѣпіе. Глазъ не утомляется однообразіемъ формъ и линій, благодаря ихъ искусному сочетанію.

По своей архитектурѣ и по характеру колоннъ съ ихъ антаблементомъ, Зимній дворецъ представляетъ смѣшанный стиль: въ верхнихъ этажахъ — коринѳскій, а въ нижнемъ—іоническій. Главный порталъ расположенъ со стороны Дворцовой площади; въ срединѣ его находятся большія ворота, вводящія во внутренній дворъ дворца; — по сторонамъ ихъ два крытыхъ подъѣзда (Посольскій и Комендантскій). Главные же подъѣзды находятся — одинъ на западной сторонѣ дворца, выходящей на Разводную площадку (Салтыковскій), другой — на сѣверной, выходящей на Неву (Іорданскій). Кромѣ того имѣется еще нѣсколько малыхъ подъѣздовъ.

Въ настоящемъ своемъ видѣ Зимній дворецъ существуетъ не болѣе сорока лѣтъ. Какъ резиденціи Императора, названіе «Зимняго» присвоено ему еще со временъ Петра Великаго; но съ той поры самый дворецъ много разъ передѣлывался и переносился съ мѣста на мѣсто. При Петрѣ В. Зимній дворецъ находился на мѣстѣ нынѣшняго Эрмитажа. Это былъ небольшой двухэтажный домъ, выходившій главнымъ фасадомъ на Неву. Въ немъ и скончался великій преобразователь. Для преемниковъ Петра дворецъ этотъ казался уже слишкомъ бѣднымъ и тѣснымъ; при Аннѣ Іоанновнѣ его отвели подъ квартиры придворныхъ музыкантовъ, а для императорской резиденціи былъ избранъ сначала великолѣпный *Апраксинскій домъ,* занимавшій, вмѣстѣ съ такъ называвшимися *Кикиными палатами*, мѣстность нынѣшняго Зимняго дворца. Но и это помѣщеніе не удовлетворяло любившую пышность Анну Іоанновну, и въ 1732 г. она повелѣла на мѣстѣ сломанныхъ Кикиныхъ палатъ воздвигнуть новый обширный дворецъ по плану извѣстнаго въ то время архитектора графа Растрелли. Однакожь, Анна Іоанновна не дожила до окончанія постройки. Въ годъ ея кончины (1740 г.) новый дворецъ выведенъ былъ только вчернѣ; но и ему не суждено было долголѣтіе. Елисавета Петровна, вскорѣ по вступленіи на престолъ, повелѣла сломать начатый при Аннѣ Іоанновнѣ дворецъ и Апраксинскій домъ, и на ихъ мѣстѣ воздвигнуть еще болѣе обширный дворецъ. Сама же она, на время передѣлки, поселилась въ наскоро выстроенномъ у нынѣшняго Полицейскаго моста громадномъ деревянномъ дворцѣ. Елисавета Петровна, подобно своей предшественницѣ, тоже не дожила до окончанія своего творенія; не дожилъ до этого и ея преемникъ — Петръ III, и только, при Екатеринѣ II, заботами И. И. Бецкаго, Зимній дворецъ былъ окончательно отстроенъ въ 1764 г. Съ этой поры онъ сдѣлался мѣстомъ постояннаго, во время зимы, пребыванія Императорской фамиліи, хотя императоръ Павелъ и хотѣлъ было перенести царскую резиденцію въ другое зданіе (Михайловскій замокъ).

Въ томъ видѣ, какъ былъ отстроенъ Зимній дворецъ при Екатеринѣ II, онъ стоялъ безъ измѣненія слишкомъ семьдесятъ лѣтъ; но въ 1837 г. 17 декабря, по несчастью, его разрушилъ пожаръ, не смотря на нечеловѣческія усилія пожарныхъ и воинскихъ командъ спасти его. Можно судить объ ихъ усиліяхъ и самоотверженіи по слѣдующему факту. Въ то время, когда дворецъ уже былъ объятъ пламенемъ, въ одной изъ его залъ нѣсколько десятковъ гвардейскихъ солдатъ, задыхаясь въ дыму, употребляли всѣ старанія выставить изъ стѣны и спасти громадное, очень цѣнное зеркало. Надъ головами ихъ горѣли балки и весь потолокъ готовъ былъ рухнуть. Въ залу случайно заглянулъ находившійся на пожарѣ Государь и, видя какой опасности подвергаютъ себя бравые солдаты, подошелъ къ нимъ и приказалъ оставить зеркало и уходить изъ залы. Не взирая на повелѣніе Царя, одушевленные усердіемъ солдаты продолжали свою геройскую работу. Тогда Николай Павловичъ, чтобы спасти молодцовъ отъ явнаго риска жизнью, бросилъ въ зеркало находившійся въ его рукахъ бинокль (Государь пріѣхалъ на пожаръ прямо изъ театра) и, обративъ зеркало въ дребезги, этимъ только заставилъ ихъ покинуть его... Благодаря такому рвенію и самоотверженію солдатъ, всѣ драгоцѣнности дворца и почти вся его обстановка были спасены.

Послѣ пожара немедленно было приступлено въ возобновленію дворца, съ сохраненіемъ его прежняго вида и расположенія, но съ большей роскошью въ отдѣлкѣ и со введеніемъ нѣкоторыхъ техническихъ усовершенствованій. При этомъ были употреблены чрезмѣрныя усилія, чтобы дворецъ поспѣлъ какъ можно скорѣе. При окончательной отдѣлкѣ внутренности дворца, рабочіе, какъ говорятъ, вынуждены были иногда обкладывать себѣ головы льдомъ, чтобы имѣть возможность работать въ раскаленной атмосферѣ отъ безпрерывной топки печей, что дѣлалось для скорѣйшей просушки стѣнъ. Наконецъ, можно заключить о спѣшности работъ изъ того, что весь громадный дворецъ, съ его сложной, роскошной отдѣлкой внутри и извнѣ, былъ окончательно отстроенъ съ небольшимъ въ одинъ годъ.

Предѣлы нашего очерка слишкомъ ограниченны для того, чтобы мы могли описать подробно всѣ достопримѣчательности Зимняго дворца — для этого потребовался-бы цѣлый отдѣльный томъ. Мы остановимся поэтому только на самомъ важномъ и наиболѣе замѣчательномъ.

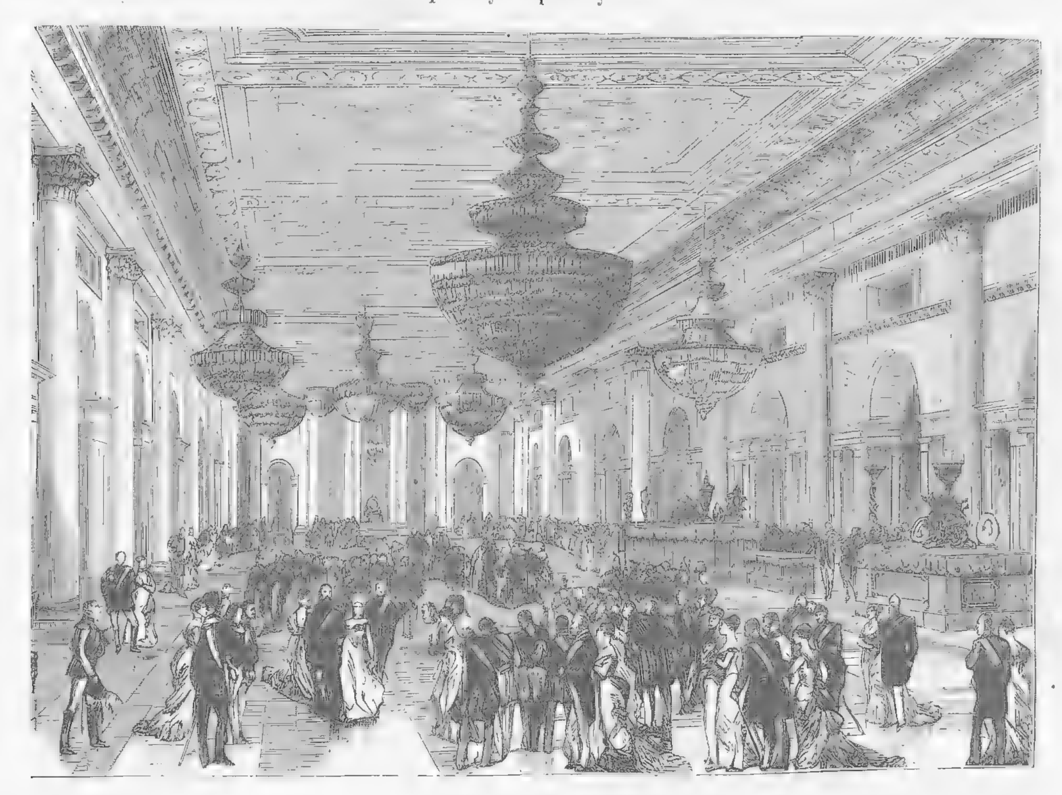
Царское жилье и парадные покои расположены въ бель-этажѣ дворца; здѣсь же собраны всѣ сокровища и «регаліи». Жилыя «половины» Государя Императора и Государыни Императрицы отличаются изяществомъ въ отдѣлкѣ и меблировкѣ. Особенно поражаетъ строгость и простота обстановки рабочаго кабинета Властелина величайшей въ мірѣ Имперіи. Зато парадныя залы и гостиныя изумляютъ своей обширностью, роскошью и великолѣпіемъ. Изъ залъ особенно замѣчательны: Георгіевская или Тронная, Бѣлая, Большая и Малая Аванъ-залы (Малая Аванъ-зала — первая при входѣ съ великолѣпной парадной лѣстницы), Концертная, Петровская и друг., Помпеевская и смежная съ нею Военная или Фельдмаршальская галлереи. Въ послѣдней на стѣнахъ развѣшаны портреты союзныхъ монарховъ и генераловъ, участвовавшихъ въ войнахъ съ Наполеономъ I со времени 1812 года.....

. . . . . . Здѣсь все плащи, да шпаги,
Да лица, полныя воинственной отваги.
Толпою тѣсною художникъ помѣстилъ
Сюда начальниковъ народныхъ нашихъ силъ,
Покрытыхъ славою чудеснаго похода
И вѣчной памятью двѣнадцатаго года.

Такъ воспѣлъ эту «палату» Пушкинъ...

По драгоцѣнностямъ, особенно выдается Петровская зала, въ которой хранятся государственныя регаліи, какъ-то: *большая* корона, литая изъ золота, осыпанная драгоцѣнными камнями, между которыми заслуживаетъ особеннаго вниманія чрезвычайной величины яхонтъ, утвержденный на верху короны; *малая* корона, также усыпанная крупными брилліантами; государствен-

ная *держава* съ золотымъ крестомъ и дорогими рѣдкими камнями; и *скипетръ*, украшенный однимъ изъ величайшихъ и чистѣйшихъ въ мірѣ алмазовъ, въ 194³/₄ карата. Алмазъ этотъ носитъ названіе «Амстердамскаго» или «Орлова». Послѣднее названіе дано ему въ воспоминаніе того, что онъ былъ поднесенъ въ даръ Императрицѣ Екатеринѣ II графомъ Г. Орловымъ въ 1773 г. По другимъ извѣстіямъ, менѣе достовѣрнымъ, алмазъ этотъ былъ купленъ Екатериной II въ 1772 г., чрезъ придворнаго ювелира Захарова, у армянина Шафраса или Лазаря за 450 т. р., пожизненную пенсію и дворянскую грамату.

Бѣлая зала въ Зимнемъ дворцѣ.

Въ Зимнемъ дворцѣ находятся двѣ церкви — соборъ и «малая», такъ сказать, комнатная церковь императорскаго семейства. Соборъ во имя Спаса-Нерукотвореннаго основанъ въ 1762 г. (при основаніи онъ былъ освященъ во имя Воскресенія Господня). Храмъ этотъ не великъ, но замѣчателенъ своими святынями, драгоцѣнностями, красивой богатой отдѣлкой и живописью, принадлежащей кисти лучшихъ нашихъ художниковъ. Изъ святынь и драгоцѣнностей особенно важны: 1) чудотворная икона Флорентской Божіей Матери, писанной, по преданію, апостоломъ Лукою; 2) правая рука св. Іоанна Крестителя въ золотомъ ковчежцѣ; 3) лѣвая рука св. великомученицы Марины; нѣсколько рѣдкихъ, по святости и цѣнности, оправъ, евангелій и другихъ предметовъ церковной утвари. Малая церковь, примыкающая къ половинѣ Ея Величества, отличается простотой и изяществомъ убранства.

Стѣны покоевъ Зимняго дворца украшены многими замѣчательными картинами, преимущественно батальными, взятыми изъ русскихъ войнъ и писанными лучшими живописцами. Есть, кромѣ того, цѣлая галлерея «Петербургскихъ видовъ», служащая преддверіемъ въ императорскій музей, извѣстный подъ именемъ Эрмитажа. Но прежде чѣмъ войти вовнутрь этой богатѣйшей въ Россіи сокровищницы искусства, взглянемъ на ея внѣшній видъ.

Главный фасадъ Эрмитажа выходитъ на Милліонную улицу. Онъ не высокъ и не особенно обширенъ, но щеголеватъ и изященъ. Замѣчательнѣе всего его подъѣздъ, въ видѣ терассы, надъ которой возвышается навѣсъ, поддираемый колоссальными атлантами, высѣченными изъ сѣраго гранита. Наружныя стѣны Эрмитажа украшены рельефными арабесками, разными украшеніями и статуями, утвержденными въ нишахъ и на консоляхъ. Орнаментировка, выкрашенная въ черный цвѣтъ, имѣетъ видъ какъ-бы кружева на свѣтло-шоколадномъ фонѣ стѣнъ. Въ общемъ, зданіе производитъ вполнѣ художественное впечатлѣніе.

Колонна Императору Александру I.

Въ описанномъ видѣ, Эрмитажъ отстроенъ не далѣе какъ въ 1849 году, по плану архитектора короля баварскаго, Кленце. Ранѣе, въ дни Екатерины II, названіе Эрмитажа носило зданіе, выходящее на Неву, гдѣ нынѣ помѣщается Государственный Совѣтъ. Съ Эрмитажемъ связанъ цѣлый рядъ историческихъ воспоминаній. Собраніе картинъ и художественныхъ рѣдкостей было начато еще Петромъ В. Потомъ, оно значительно пополнилось въ царствованіе Елисаветы Петровны; но всѣ собранныя коллекціи не имѣли опредѣленнаго, специальнаго помѣщенія и были безъ всякой системы раскиданы по разнымъ дворцамъ. Екатерина II возъимѣла мысль сосредоточить всѣ накопившіяся художественныя сокровища въ одномъ мѣстѣ и, съ этою цѣлью, повелѣла воздвигнуть особое зданіе. Оно было построено въ 1765 г. французскимъ архитекторомъ Валленъ де-Ламотомъ и названо Эрмитажемъ. Позднѣе въ немъ была устроена галлерея Рафаэлевскихъ ложъ — точная копія, по архитектурѣ и живописи, съ ватиканскимъ подлинникомъ.

Въ 1776 г. въ Эрмитажѣ считалось уже 2076 картинъ; но, не довольствуясь этимъ, Императрица разновременно поручала извѣстному Гримму, Менгсу и другимъ знатокамъ искусства, пріобрѣтать для нея за границей коллекціи картинъ и художественныхъ рѣдкостей. Такимъ образомъ были пріобрѣтены для Эрмитажа коллекціи графа Брюля, графа Вальполя, Кроза, принца Конде и мн. др. Въ 1783 г. число картинъ достигало 2658 номеровъ.

Эрмитажъ, съ его картинной галлереей, былъ самымъ любимымъ во дворцѣ мѣстомъ для Екатерины. Здѣсь она проводила вечера въ интимномъ кругу приближенныхъ лицъ, среди остроумной бесѣды, шутокъ и игръ. Сами вечера эти именовались «Эрмитажами» и, по числу гостей, назывались «большими», «средними» и «малыми». «Большіе» были парадные, на которыхъ фигурировалъ весь дворъ; на «малые» допускались только немногіе избранные, и быть приглашеннымъ на эти вечера считалось величайшей честью. Входъ на эти вечера былъ обусловленъ нѣкоторыми правилами (10 параграфовъ), сочиненными самой Государыней. Имъ подчинялись всѣ гости, безъ изъятія. Вотъ нѣкоторыя изъ нихъ:

1) Оставить всѣ чины внѣ дверей, равномѣрно какъ и шляпы, а наипаче шпаги.

3) Быть веселымъ, однакожь ничего не портить, не ломать и ничего не грызть.

5) Говорить умѣренно и не очень громко, дабы у прочихъ, тамо находящихся, уши или головы не заболѣли.

9) Кушать сладко и вкусно, а пить съ умѣренностью, дабы всякій всегда могъ найти свои ноги для выхода изъ дверей и т. д.

За неисполненіе этихъ правилъ, виновный долженъ былъ, въ наказаніе, «выпить стаканъ холодной воды» и «прочесть страницу Телемахиды.»

Эрмитажные вечера нерѣдко начинались придворнымъ спектаклемъ на эрмитажномъ же театрѣ. Спектакль оканчивался рано, и Екатерина вмѣстѣ съ приглашеннымъ обществомъ переходила въ эрмитажный салонъ. «Тутъ, разсказываетъ одинъ современникъ, играли въ билетцы, отгадки, фанты, жмурки, веревочку; всѣ благопристойныя рѣзвости, смѣлости позволялись. Екатерина подходила къ обществу, начинала игру, потомъ дѣлала свою партію въ карты.... Однажды игра прервалась, и она вопросила о причинѣ.

«— Вашъ фантъ вынулся, отвѣчали ей.

«— Что-жъ присуждено мнѣ дѣлать?

«— Велѣно вамъ сѣсть на полъ.

«— Для чего-жъ нѣтъ!

«И тотчасъ, оставя карты, исполнила предписанное. Иногда призывали музыку, танцовали, плясали по-русски.... пѣли хоромъ подблюдныя пѣсни.»

Сенатъ и Синодъ.

Въ слѣдующія царствованія за Эрмитажемъ сохранилось одно лишь значеніе — музея и галлереи, доступъ къ которымъ современемъ былъ открытъ для всей публики. Картинная галлерея Эрмитажа безпрерывно обогащалась и обогащается по наши дни новыми пріобрѣтеніями цѣнныхъ и рѣдкихъ произведеній. Упомянемъ здѣсь о важнѣйшихъ изъ нихъ: въ 1814 г. было куплено 38 превосходныхъ картинъ изъ галлереи бывшей императрицы Жозефины (знаменитая Мальмезоновская галлерея); въ томъ же году куплена галлерея Кузвельта; а затѣмъ, въ разное время, при Александрѣ I, было пріобрѣтено много картинъ изъ собраній Крейтона, кн. Трубецкаго и друг., а также четыре статуи знаменитаго Кановы. При Николаѣ Павловичѣ, галлерея Эрмитажа пополнилась картинами изъ коллекцій: королевы Гортензіи, гр. Милорадовича, князя Мира, гр. Татищева, короля Нидерландскаго и друг. Въ нынѣшнее царствованіе куплены 8 картинъ изъ коллекціи Фонтана (1864 г.), 4 картины гр. Литта (1866 г.), 9 фресковъ Рафаэля изъ галлереи маркиза Кампана и проч. Но всего замѣчательнѣе пріобрѣтеніе, сдѣланное въ 1871 г. Это — мадонна Рафаэля Санціо, извѣстная подъ именемъ Madonna di Conestabile Maffa отъ имени фамиліи, для которой была написана Рафаелемъ и въ которой сохранилась до покупки Императоромъ Александромъ II на деревянной доскѣ, вышиной въ $4^1/_2$ вершка, купленная за 320,000 франковъ. Не смотря на свою незначительную величину, это — драгоцѣннѣйшій перлъ искусства. Замѣчательна также удивительная работа перенесенія этой картины съ ветхой доски на полотно. Она исполнена служащимъ при Эрмитажѣ А. С. Сидоровымъ, который пріобрѣлъ себѣ европейскую извѣстность неимовѣрно искусною дублировкою картинъ, писанныхъ на полотнѣ, паркетировкою писанныхъ на деревѣ, а также переводомъ ихъ съ дерева на холстъ.

Картинная галлерея Эрмитажа, которой будетъ посвященъ особый очеркъ, расположена во второмъ этажѣ зданія, куда ведетъ съ подъѣзда великолѣпная мраморная лѣстница. Въ нижнемъ этажѣ помѣщаются богатѣйшія коллекціи оригинальныхъ рисунковъ разныхъ художниковъ (до 12 тысячъ), гравюръ и эстамповъ. Здѣсь же находятся: галлерея древней скульптуры, коллекція расписныхъ вазъ, камей и разныхъ камней, кабинетъ древностей Босфора Киммерійскаго, «малыхъ бронзовыхъ вещей» и проч. Собранія медалей и керченскихъ древностей помѣщаются въ особыхъ покояхъ въ верхнемъ этажѣ, рядомъ, съ такъ называемой, Романовской галлереей. Въ этой галлереѣ собраны портреты всѣхъ членовъ царскаго и императорскаго дома отъ Михаила Ѳедоровича до Николая I. При ней находится

«Петровское отдѣленіе», въ которомъ сгруппированы всѣ вещи, принадлежавшія Петру Великому и напоминающія его самого, его жизнь и государственную дѣятельность.

Обозрѣвъ все наиболѣе примѣчательное въ Зимнемъ дворцѣ, возвратимся на Дворцовую площадь, съ которой мы начали нашу прогулку. По срединѣ этой площади, какъ мы сказали,

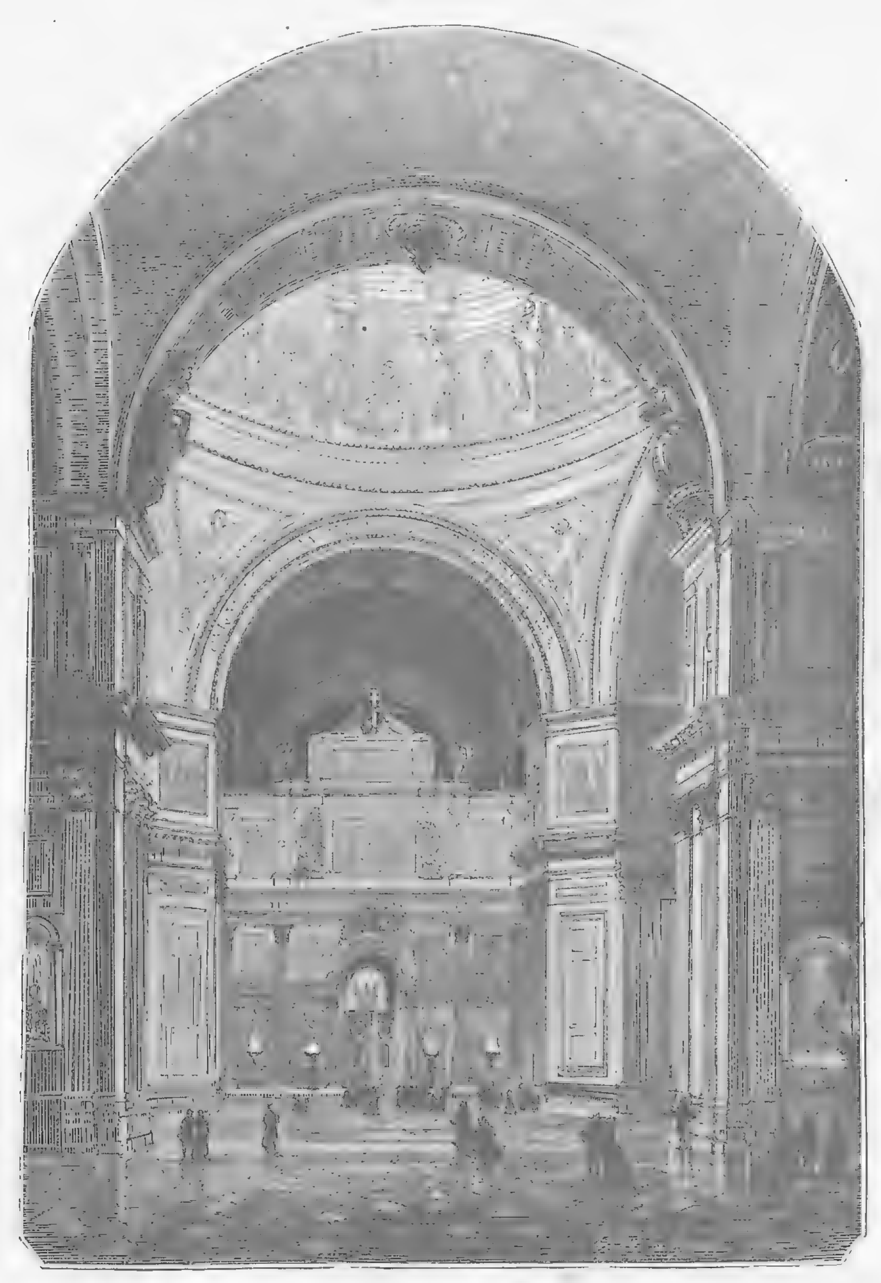

Исакіевскій соборъ.

возвышается Александровская колонна, заслуживающая вниманія и по своему историческому значенію, и по своей постройкѣ.

Историческое значеніе этого памятника краснорѣчиво выражено его надписью: «Александру Первому благодарная Россія.» Мысль его возникла еще при жизни «освободителя» Европы въ 1814 г. Тогда же представители высшихъ государственныхъ учрежденій предложили поднести Императору титулъ «Благословеннаго» и воздвигнуть ему монументъ; но, всегда скромный и нетщеславный, Александръ Павловичъ отклонилъ эту почесть, выразивъ, въ изданномъ по этому случаю указѣ, желаніе, чтобы памятникъ ему сооруженъ былъ «въ чувствахъ» народа, «какъ оный сооруженъ» въ его «чувствахъ къ нему»...

Идея памятника осуществлена была уже по кончинѣ Александра I, въ царствованіе Николая Павловича, по плану и подъ наблюденіемъ архитектора Монферана. Александровская колонна вполнѣ отвѣчаетъ идеѣ величія и славы. Она подавляетъ своей колоссальностью и ка-

Внутренній видъ Исакіевскаго собора.

кой-то гордой стремительностью въ высь. Вся она состоитъ изъ одного куска гранита. Этотъ монолитъ, 14 саж. вышины и окружностью отъ 5 (у основанія) до $4^1/_2$ саж. (въ вершинѣ), не имѣетъ себѣ равнаго въ мірѣ по величинѣ. Онъ утвержденъ на гранитномъ пьедесталѣ

украшенномъ бронзовыми барельефами и арматурами. Верхушка колонны увѣнчана бронзовымъ полушаріемъ, на которомъ поставленъ парящій ангелъ съ крестомъ въ рукахъ. Памятникъ окруженъ красивой чугунной рѣшеткой и постоянно охраняется часовымъ отъ роты дворцовыхъ гренадеръ.

Александровская колонна была открыта и освящена 30 августа 1834 г. Открытіе было необычайно торжественное. «Никакое перо, говоритъ очевидецъ, не можетъ описать величія той минуты, когда по тремъ пушечнымъ выстрѣламъ, вдругъ изъ всѣхъ улицъ, будто изъ земли рожденныя, стройными громадами, подъ звуки Парижскаго марша, пошли колонны русскаго войска»... Подъ ружьемъ находилось здѣсь сто тысячъ человѣкъ. Во время молебствія вся армія, съ Государемъ во главѣ, склонилась передъ колонной на колѣни.... При словѣ «вѣчная память» и имени Александра, упала «завѣса колонны и громозвучное ура, соединенное съ залпами пятисотъ пушекъ» весь воздухъ превратило «въ торжественную бурю славы»....

Дворецъ В. К. Маріи Николаевны.

Александровская колонна особенно живописна въ ансамблѣ съ видомъ зданія Главнаго Штаба. Она стоитъ посрединѣ полукружія, образуемаго этимъ зданіемъ, и рельефно рисуется своимъ темнымъ силуэтомъ на свѣтломъ фонѣ палевыхъ стѣнъ Штаба. Величественное зданіе, съ своей чудесной аркой и скачущими надъ ней бронзовыми конями, служитъ какъ-бы ротондой для монументальной колонны и составляетъ съ нею художественное цѣлое.

Зданіе Главнаго Штаба принадлежитъ къ новѣйшей эпохѣ. Оно украшено коринѳскими колоннами, великолѣпнымъ фризомъ и балюстрадой вдоль крыши. Его арка воздвигнута архитекторомъ Росси; кромѣ описанной тріумфальной колесницы, она орнаментирована бронзовыми трофеями и арматурами.

Въ обширномъ зданіи Главнаго Штаба помѣщаются многія учрежденія военнаго вѣдомства и, между прочими, Военно-картографическое депо, одно изъ замѣчательнѣйшихъ картографическихъ заведеній въ Европѣ, и обширная типографія Военнаго Министерства. Правое крыло зданія занято Министерствомъ Иностранныхъ Дѣлъ, Департаментами Министерства Финансовъ и друг. учрежденіями.

Обратимся въ другую сторону Дворцовой площади, именно — къ сторонѣ Адмиралтейства. Чтобы проникнуть въ него съ этой стороны, нужно пройти черезъ окружающій его съ трехъ сторонъ Адмиралтейскій садъ. Садъ этотъ довольно обширенъ, изобилуетъ прекрасными растеніями, щегольски обработанными цвѣтниками и ярко-зелеными, гладкими, какъ коверъ, лужайками. Отовсюду, изъ-за купъ не успѣвшихъ еще разростись молодыхъ деревьевъ, выглядываютъ изящные, легкіе фронтоны красивыхъ павильончиковъ и бесѣдокъ. При входѣ, со стороны Невскаго проспекта, красуется, точно исполинское блюдо, гранитный бассейнъ для фонтана. Садъ этотъ, словно силою волшебнаго жезла, выросъ на мѣстѣ голой площади въ одинъ годъ съ небольшимъ.... Теперь онъ — одно изъ любимѣйшихъ мѣстъ прогулки для столичной публики. Зелень его очень выгодно оттѣняетъ зданіе Адмиралтейства, прежде утомлявшее нѣсколько глазъ казарменнымъ однообразіемъ своихъ длинныхъ, длинныхъ стѣнъ. Но передъ тѣмъ, какъ обозрѣвать Адмиралтейство, остановимся сперва у памятника его создателю. Мы говоримъ о «Мѣдномъ Всадникѣ» — монументѣ Петра В., который находится теперь тоже въ районѣ Адмиралтейскаго сада.

Мы упоминали раньше о немъ, и — кому на Руси незнакома, хоть по слѣпкамъ и кар-

тинкамъ, эта, по выраженію Жуковскаго, «скала дикая и безобразная, и на той скалѣ всадникъ, столь-же почти огромный, какъ сама она»?!

Памятникъ Петру Великому, по времени своего сооруженія, былъ первый монументъ, воздвигнутый въ Петербургѣ. Онъ открытъ въ 1782 г. Строился болѣе десяти лѣтъ. Бронзовая статуя Императора на конѣ проектирована и отлита французскимъ скульпторомъ Фальконетомъ, нарочно вызваннымъ для этого Екатериной II изъ Парижа. Лицо Петра было отлито, впрочемъ, по модели дѣвицы Коллотъ, замѣчательной въ свое время скульпторши. На отливку памятника употреблено 11,001 пудъ бронзы, да для уравновѣшенія лошади пошло 350 пуд. желѣза. Но самая трудная задача при сооруженіи этого памятника заключалась въ выломкѣ и перевозкѣ «нерукотворной Росской горы», какъ назвалъ Державинъ скалу, на которой поставленъ «Мѣдный Всадникъ». «Гора» была найдена въ 12 верстахъ отъ Петербурга, близъ Лахты (въ настоящемъ видѣ она имѣетъ 7½ саж. длины, 2½ саж. вышины и 3 саж. ширины). Задачу успѣшно разрѣшилъ ученый механикъ гр. Карбури. Для перевозки ея по сухому пути онъ придумалъ особыя мѣдныя сани, а для сплавки водою — особый громадный плотъ, и — вотъ, въ 1770 г. «Росская гора»,

Памятникъ Императору Николаю I.

Внявъ гласу Божію изъ устъ Екатерины,
Пришла во градъ Петровъ чрезъ Невскія пучины
И пала подъ стопы Великаго Петра!

Въ ознаменованіе этого событія была вычеканена медаль съ надписью: «Дерзновенію подобно».

Адмиралтейство современно почти основанію самого Петербурга. Оно получило свое начало въ 1704 г. и было построено на томъ же самомъ мѣстѣ, гдѣ и нынѣ находится, по тому же плану и въ томъ же почти размѣрѣ. Въ 1718 г. Адмиралтейство было обведено бастіонами и каналами. Это было огромное деревянное зданіе съ высокой башней посрединѣ главнаго фасада. На башнѣ находились куранты. Зданіе постепенно перестраивалось изъ деревяннаго въ каменное, но окончательное его устройство совершилось только въ началѣ нынѣшняго столѣтія, по плану извѣстнаго въ свое время архитектора Захарова. «Надобно было его искусство, говоритъ одинъ изъ описателей Петербурга временъ Александра I, чтобы растянутому фасаду Адмиралтейства дать тотъ красивый видъ, ту правильность и гармонію, которыми мы понынѣ любуемся.» По мысли же Захарова, были уничтожены окружавшіе Адмиралтейство бастіоны, каналы засыпаны, а на ихъ мѣстѣ разведены бульвары.

Все зданіе, имѣющее видъ литеры П, тянется по главному фасаду на протяженіи 300 саж. (лицевой фасадъ имѣетъ 200 саж.). Надъ главными воротами, выходящими къ сторонѣ Невскаго проспекта, возвышается красивая четырехъугольная башня съ колоннами и высокимъ золоченымъ шпицемъ, на верхушкѣ котораго утвержденъ вызолоченный корабликъ. Въ Адмирал-

тействѣ помѣщаются различныя учрежденія морскаго вѣдомства и, между прочимъ, морской музей и библіотека. Въ музеѣ хранится много замѣчательныхъ вещей; въ особенности заслуживаютъ вниманія вещи Петра В.: его знамя, бывшее при немъ въ Азовскомъ сраженіи, его собственноручные корабельные чертежи, портретъ, писанный съ него въ Саардамѣ, и пр. Замѣчательна также библіотека, имѣющая болѣе 50 тыс. томовъ.

Своими флангами Адмиралтейство выходитъ на Неву, открывая въ эту сторону свой внутренній дворъ, застроенный крайне-невзрачными деревянными постройками и заваленный

Невскій проспектъ.

разнымъ хламомъ. Это очень портило видъ съ рѣки на Адмиралтейство; но въ послѣднее время, съ устройствомъ здѣсь проѣзда съ великолѣпной набережной, предположено заслонить адмиралтейскій дворъ рядомъ частныхъ красивыхъ домовъ.

На мѣстѣ разведеннаго нынѣ вокругъ Адмиралтейства сада прежде расположенъ былъ цѣлый рядъ площадей: Адмиралтейская, Сенатская (Петровская) и часть Исакіевской. Названія площадей происходили отъ названія зданій, къ которымъ онѣ примыкали. Такъ, Сенатская площадь была расположена передъ зданіемъ Сената. Сенатъ, впрочемъ, составляетъ только одну половину громаднаго зданія, возвышающагося вдоль западной стороны Адмиралтейскаго сада; другая половина занята Св. Синодомъ. Обѣ онѣ, совершенно равныя по величинѣ и сходныя по архитектурѣ и даже окраскѣ, соединяются красивой аркой, составляющей устье Галерной улицы.

Параллельно Галерной улицѣ тянется широкій Конногвардейскій бульваръ, оканчивающійся, на одной чертѣ съ лицевымъ фасадомъ зданія Сената и Синода, парой стройныхъ гранитныхъ колоннъ, съ парящими на ихъ верхушкахъ геніями славы. Повернувъ, при выходѣ съ бульвара, направо, мы войдемъ на Исакіевскую площадь, посрединѣ которой поднимаются мраморныя громады великолѣпнаго Исакіевскаго собора.

Впечатлѣніе, какое производитъ на зрителя этотъ одинъ изъ величайшихъ въ мірѣ памятниковъ человѣческаго труда и искусства, подавляющее и, если можно такъ выразиться, мистически-торжественное. Это *храмъ* въ полномъ смыслѣ слова! Знатоки искусства находятъ архитектуру Исакіевскаго собора нѣсколько тяжелой и недостаточно самобытной, рутинной. Во всякомъ случаѣ, онъ поражаетъ зрителя своими размѣрами, высоко-художественными деталями,

рѣдкостью и драгоцѣнностью употребленныхъ на его постройку матеріаловъ и бездной труда, положеннаго на сооруженіе этого чуда. Существуетъ анекдотъ, что одно высокопоставленное лицо, при постройкѣ Исакіевскаго собора, замѣтило, что, еслибъ онъ весь былъ вылитъ изъ серебра, то стоилъ бы не дороже, чѣмъ стоитъ теперь. Дѣйствительно, на сооруженіе Исакіевскаго собора потрачены многіе, многіе десятки милліоновъ, особенно, если сосчитать все, что было израсходовано съ первоначальнаго его основанія. Мысль его основанія принадлежитъ Петру I, и въ его же царствованіе было заложено каменное зданіе собора, во имя преподоб. Исаакія Далматскаго, на мѣстѣ нынѣшняго Сената. Окончено оно было въ 1727 г., но оказалось сыро и непрочно, а въ 1735 г. сгорѣло отъ удара молніи. Къ возобновленію собора было приступлено только при Екатеринѣ II.

Костелъ св. Екатерины.

Его начали строить, по плану архитектора Ринальди, изъ мрамора, но, при Павлѣ, назначенный для собора мраморъ былъ употребленъ на постройку Михайловскаго замка, а зданіе собора архитекторъ Бренна, по повелѣнію Государя, достроилъ кирпичемъ. При этомъ, зданіе было обезображено урѣзками его размѣровъ и другими архитектурными несообразностями. Императоръ Александръ I вознамѣрился соорудить Исакіевскій соборъ въ томъ, приблизительно, видѣ, въ какомъ мы его теперь видимъ. Составленіе плана было дано на конкурсъ и выборъ Государя остановился на проектѣ Монферана, протежированнаго завѣдывавшимъ тогда строительной частью въ Имперіи генераломъ Бетанкуромъ.

Казанскій соборъ.

Въ 1819 г. былъ положенъ основной камень собора. Постройка продолжалась почти сорокъ лѣтъ; торжественное освященіе храма состоялось въ 1858 г. Медленность постройки зависѣла впачалѣ отъ того, что возникло сомнѣніе въ ея возможности въ предначертанномъ видѣ. При Николаѣ Павловичѣ планъ былъ вновь разсмотрѣнъ: къ храму прибавлены два портика (восточный и западный) и четыреугольная платформа, вокругъ главнаго купола, съ четырьмя угловыми колоколенками. Въ этомъ видѣ соборъ и былъ отстроенъ окончательно.

При постройкѣ собора въ такихъ колоссальныхъ размѣрахъ, были предусмотрѣны всѣ случайности, зависящія отъ рыхлости и зыбкости петербургской почвы. Такимъ образомъ, подъ фундаментъ первоначально было вбито въ землю до 11 т. толстыхъ трехсаженныхъ свай; самый фундаментъ сложенъ изъ сплошной массы гранита, въ 1700 куб. саж., имѣющей 3 саж. и 1 арш. въ глубину. Цоколь составленъ изъ двухъ рядовъ огромныхъ гранитныхъ камней. Возвышающіяся надъ нимъ кирпичныя стѣны, облицованныя извнутри и снаружи драгоцѣнными итальянскими и финляндскими мраморами, имѣютъ отъ 9 до 17 фут. толщины. Поверхъ стѣнъ перекинуты своды, на которыхъ утверждена вся масса колоссальной башни купола, съ 24 окружающими ее гранитными колоннами, вѣсомъ въ 4000 пуд. каждая. Вокругъ этой колоннады, по перистилю идетъ бронзовая балюстрада съ 24 фигурами ангеловъ, а выше — аттикъ съ 24 пилястрами; вышина его 4 саж. и 1 арш. Надъ аттикомъ возвышается куполъ, въ 6 саж. и 2 арш., имѣющій въ діаметрѣ 12 саж. и 2 арш. На куполѣ фонарь, а надъ нимъ сферическая крыша, поддерживаемая восемью коринѳскими колоннами, яблоко и крестъ. Высота фонаря 5 саж. Куполъ, фонарь, яблоко и крестъ вызолочены, на что пошло, за исключеніемъ креста, 247 фунт. червоннаго золота. Вышина всего собора $48^1/_7$ саж., слѣдовательно, онъ принадлежитъ къ высочайшимъ зданіямъ въ мірѣ. По угламъ его платформы, какъ мы сказали, возвышаются четыре колоколенки, украшенныя коринѳскими колоннами и золочеными куполами. Въ нихъ подвѣшены 11 колоколовъ, изъ коихъ одинъ, самый большой, въ 1800 пуд. вѣсу, украшенъ изображеніемъ св. Исакія и пятью медальонами: императоровъ Петра I, Павла I, Александра I, Николая I и императрицы Екатерины II.

Памятникъ Кутузову-Смоленскому.

Памятникъ Барклаю де-Толли.

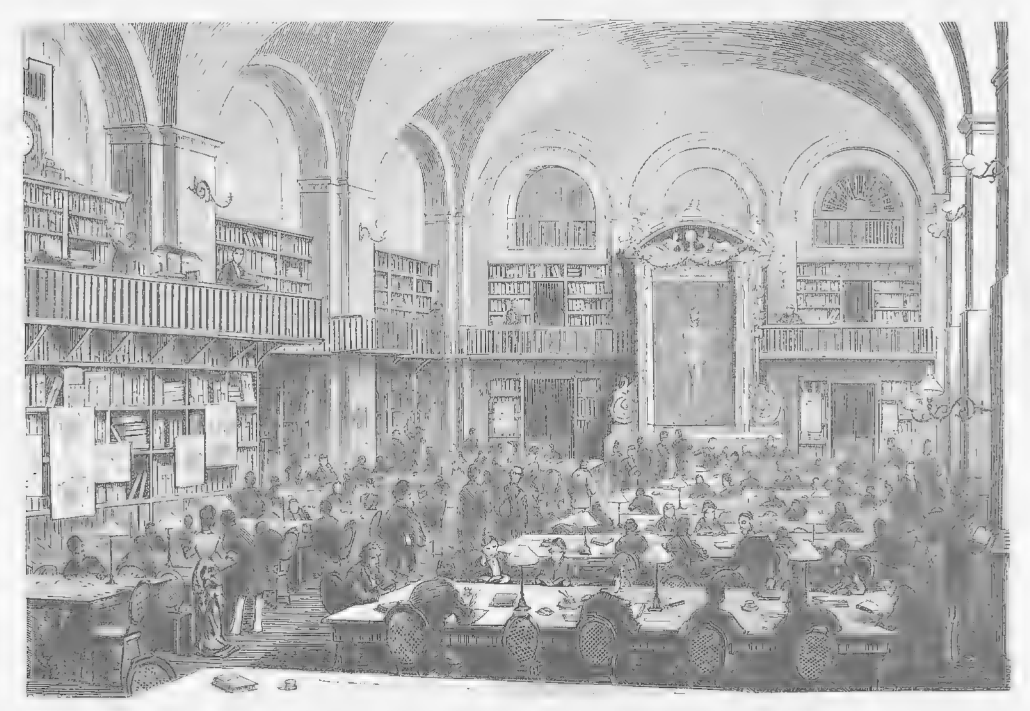
Соборъ имѣетъ четыре портика, подпираемые цѣльными гранитными колоннами колоссальныхъ размѣровъ. Онѣ имѣютъ по 56 фут. высоты и около сажени въ діаметрѣ. Всѣхъ ихъ 49; въ сѣверномъ и южномъ портикахъ онѣ идутъ въ три ряда, въ восточномъ и западномъ — въ одинъ. Портики украшены надписями и огромными бронзовыми барельефами по фронтону, представляющими главные моменты изъ жизни Христа Спасителя, работы скульптора Витали.

Главный входъ собора съ западной стороны; но кромѣ него имѣется еще шесть входовъ. Двери большихъ входовъ, по величинѣ, первыя въ свѣтѣ; филенки ихъ составлены изъ бронзовыхъ барельефовъ замѣчательно тонкой и изящной лѣпки. По сторонамъ большихъ входовъ стоятъ въ нишахъ бронзовыя статуи святыхъ. Ко входамъ, у всѣхъ четырехъ портиковъ, ведутъ исполинскія гранитныя лѣстницы, въ девять ступеней каждая.

Снаружи Исакіевскій соборъ представляетъ на планѣ видъ креста; внутри онъ также расположенъ крестообразно, въ длину — сорокъ саженъ и одинъ арш., въ ширину — 21 саж. и одинъ арш. Вышина отъ пола до свода купола 42 саж. и 1 арш. Полъ его, въ 6500 квадр. арш., составленъ изъ разноцвѣтныхъ дорогихъ мраморовъ, съ флорентинскою-мозаическою розасою посреди. Внутреннія стѣны облицованы бѣлымъ итальянскимъ мраморомъ съ узорчатыми панелями изъ разноцвѣтныхъ мраморовъ. На всю облицовку собора извнутри пошло до 500,000 пуд. различныхъ мраморовъ, не считая другихъ цѣнныхъ камней. Карнизъ собора украшенъ

вызолоченными бронзовыми орнаментами. Главный куполъ, замѣчательный своими лѣпными украшеніями, какъ-бы поддерживается двѣнадцатью колоссальными вызолоченными ангелами. Кромѣ того, въ куполѣ помѣщено до сорока прекрасныхъ статуй пророковъ, патріарховъ и пр., тоже вызолоченныхъ гальванопластически. Всѣ эти фигуры работы Витали.

Не менѣе замѣчательна живопись собора, къ сожалѣнію, значительно пострадавшая въ нѣкоторыхъ мѣстахъ отъ сырости. Кромѣ стѣнной живописи, въ соборѣ находится 20 большихъ образовъ и картинъ превосходнаго письма, не считая 89 картинъ, помѣщенныхъ въ иконостасахъ. Запрестольный образъ — огромная картина въ 30 фут. вышины, писанъ особымъ спосо-

Читальная зала въ Императорской Публичной Библіотекѣ.

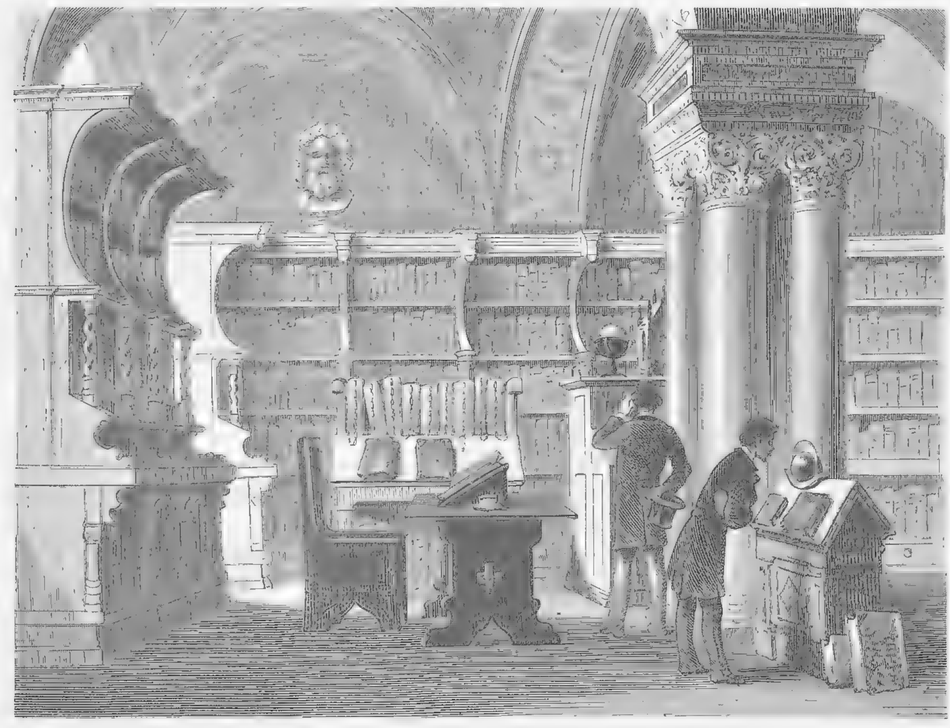
бомъ на стеклѣ. Онъ изображаетъ фигуру Спасителя во весь ростъ и, вставленный въ окно, кажется прозрачнымъ. Живопись собора исполнена была лучшими русскими художниками: Басинымъ, Бруни, Брюлловымъ, Штейбеномъ, Шебуевымъ, Неффомъ и мног. друг. Скульптурныя работы принадлежатъ Витали, Пименову и Клодту.

Очень замѣчателенъ въ соборѣ главный алтарь, во имя св. Исакія. Иконостасъ его сдѣланъ изъ бѣлаго мрамора до высоты почти сводовъ. Въ немъ восемь колоннъ и два пилястра, вышиною въ 43 фута, изъ малахита, а по бокамъ царскихъ вратъ поставлены двѣ колонны изъ ляписъ-лазули, въ 6 арш. и $14^{3}/_{8}$ верш. вышины и 14 вершк. въ діаметрѣ. Всѣ эти колонны, по своей драгоцѣнности и красотѣ, не имѣютъ себѣ равныхъ въ мірѣ. Мы не говоримъ уже о необыкновенномъ богатствѣ и изяществѣ образовъ и рельефныхъ бронзовыхъ, золотыхъ украшеній, покрывающихъ створы дверей и стѣны главнаго иконостаса и боковыхъ придѣловъ.

Столько же драгоцѣнна и церковная утварь Исакіевскаго собора. Она вся состоитъ изъ золотыхъ и серебряныхъ вещей (золотыхъ вещей 87 фунт., серебряныхъ — до 100 пуд.). Общая стоимость собора, до упраздненія завѣдывавшей его постройкой коммиссіи въ 1864 г., исчислена въ 23.265,852 руб. Въ то время, когда мы пишемъ эти строки, наружныя стѣны Исакіевскаго собора чинятся и реставрируются. Работы тянутся уже нѣсколько лѣтъ; онѣ вызваны

поврежденіями, происшедшими частью отъ климатическихъ условій, частью отъ недостатковъ и условій самой постройки. Разрушительнѣе всего даетъ себя чувствовать сырость, которая, при массивности и толщинѣ стѣнъ, а также при недостаточномъ количествѣ свѣта внутри собора, весьма трудно поддается искорененію. Между тѣмъ, отъ ея дѣйствія замѣтно портится живопись, тускнѣютъ металлическія украшенія и ржавѣютъ каменныя....

Съ южнаго портика Исакіевскаго собора открывается довольно просторный и красивый видъ на разстилающуюся передъ соборомъ площадь съ прилегающими къ ней зданіями. Прямо противъ портика расположенъ очень хорошо разросшійся Исакіевскій скверъ, огороженный изящной чугунной рѣшеткой. Далѣе, за скверомъ представляется лицомъ къ собору скачущій на могучемъ бронзовомъ конѣ статный всадникъ въ кирассѣ и каскѣ. Это монументъ Николаю I. На заднемъ планѣ видиѣтся фасадъ прекраснаго Маріинскаго дворца, въ итальянскомъ стилѣ, сооруженнаго въ царствованіе императора Николая I, для Великой Княгини Маріи Николаевны. Маріинскій дворецъ, вмѣстѣ съ двумя, однообразными по величинѣ и архитектурѣ, не менѣе красивыми зданіями, принадлежащими министерству государственныхъ имуществъ, составляютъ какъ-бы рамку съ трехъ сторонъ для Маріинской площади, съ пролегающимъ поперекъ ея Синимъ мостомъ. Вообще, вся эта часть города, прорѣзываемая великолѣпной Морской улицей, весьма живописна и по красотѣ домовъ, и по своей искусной распланировкѣ, и по открывающемуся съ различныхъ точекъ виду на величественный Исакіевскій соборъ. Украшающій ее памятникъ Николаю I поставленъ

Зала Инкунабулъ въ Публичной библіотекѣ.

посрединѣ Маріинской площади. Конная статуя императора, отлитая изъ бронзы Клодтомъ, возвышается на пьедесталѣ овальной формы, подножіемъ которому служитъ гранитный цоколь и такая же лѣстница. Пьедесталъ обложенъ разноцвѣтнымъ мраморомъ и украшенъ четырьмя бронзовыми барельефами, представляющими слѣдующіе эпизоды изъ царствованія Николая Павловича: 1) 14-е декабря 1825 г. въ Петербургѣ; 2) усмиреніе холернаго бунта на Сѣнной пло-

щади; 3) представленіе гр. Сперанскимъ Императору Николаю оконченнаго Свода Законовъ и 4) Открытіе николаевской желѣзной дороги. По угламъ пьедестала четыре бронзовыя статуи: Правосудія, Вѣры, Силы и Мудрости. Проектъ этого памятника былъ составленъ подъ наблюденіемъ Монферана; открытъ памятникъ въ 1859 г.

Чтобы соблюсти нѣкоторую систему въ обзорѣ достопримѣчательностей столицы, мы снова возвратимся къ тому пункту, съ котораго начали нашу прогулку, именно къ району Адмиралтейства. Отсюда мы входимъ на Невскій проспектъ — эту красу и гордость Петербурга, гдѣ сосредоточивается главный пульсъ его общественной жизни, его коммерціи, его роскоши, его щегольства и суетности.

Пажескій корпусъ.

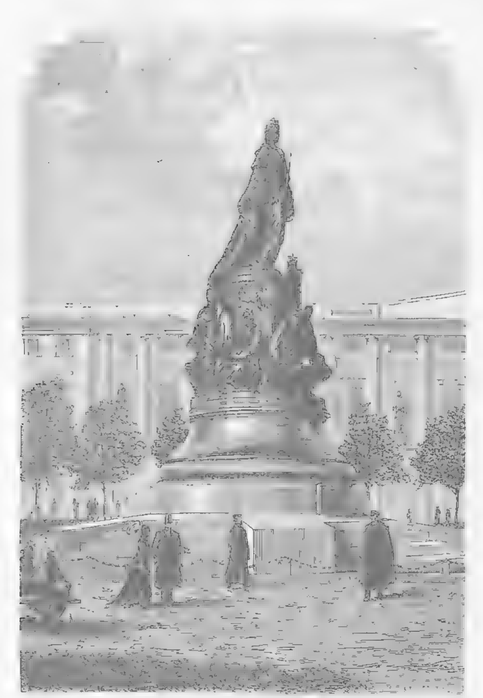
Наиболѣе блестящая и наиболѣе оживленная часть Невскаго начинается съ того пункта, гдѣ онъ перекрещивается съ Большой Морской улицей, составляющей какъ-бы продолженіе его и соперничающей съ нимъ, по великолѣпію домовъ, пышности магазиновъ и по отпечатку столичной элегантности на всемъ. Невскій сохраняетъ данный характеръ роскоши, изысканности и оживленія на протяженіи отъ указаннаго сейчасъ пункта до перекрестка съ Литейнымъ проспектомъ. Далѣе — Невскій довольно рѣзко измѣняетъ свою физіономію; тутъ уже въ немъ нѣтъ ни того кипучаго движенія, ни того богатства магазиновъ, ни той, наконецъ, архитектурно-исторической достопримѣчательности въ сооруженіяхъ, какіе отличаютъ его въ началѣ. Дойдя до указаннаго перекрестка съ Литейнымъ проспектомъ и Владимірской улицей, Невскій какъ-бы измѣняетъ свое русло и развѣтвляетъ его, главнымъ образомъ, по этимъ двумъ боковымъ вѣтвямъ, передавая имъ свое жизненное теченіе и свой эффектный характеръ. И дѣйствительно, Литейный проспектъ въ послѣднее время сталъ значительно оживляться и застраиваться прекрасными домами, съ цѣлыми рядами щегольскихъ магазиновъ въ нижнихъ этажахъ; между тѣмъ какъ Невскій проспектъ, въ своемъ дальнѣйшемъ направленіи, все болѣе и болѣе принимаетъ характеръ ординарности, особенно съ того пункта, гдѣ онъ, перейдя черезъ Знаменскую площадь, загибается влѣво колѣномъ, упирающимся въ ворота Александра-Невской Лавры. Въ этомъ участкѣ онъ мѣстами носитъ даже отпечатокъ нѣкоторой пустынности и неустроенности, отличающихъ, обыкновенно, городскія окраины.

Институтъ Инженеровъ Путей Сообщенія.

Панорама Невскаго очень красива, особенно со Знаменской площади, въ сторону къ Адмиралтейству. Въ ясный, осенній, напр., день проспектъ, съ этого пункта, имѣетъ какой-то сверкающій видъ. Правая («солнечная») сторона его, наиболѣе оживленная нескончаемо-снующей толпою прохожихъ, сплошь застроенная высокой непрерывной стѣной великолѣпныхъ домовъ, лицевые фасады которыхъ сверху до низу перепоясаны разнообразными золотописными вывѣсками магазиновъ и всякаго рода промышленно-торговыхъ заведеній, при яркомъ освѣщеніи, представляется тѣмъ блестящѣе, что противоположная сторона — лѣвая — погруженная въ тѣнь, служитъ ей эффектнымъ контрастомъ. Глубокая и широкая впадина проспекта, вѣчно оживленная вереницами движущихся по всѣмъ направленіямъ экипажей и толпами прохожихъ, тянется передъ

вами по прямой линіи, на пространствѣ около двухъ верстъ, и, по мѣрѣ отдаленія, тонетъ въ дымчатой сѣткѣ тумана. Легкимъ воздушнымъ контуромъ возносится въ синей глубинѣ проспекта стройная башня Адмиралтейства, издали сверкающая своимъ золотымъ шпицемъ. Въ общемъ, картина получается очень эффектная.

Памятникъ Императрицѣ Екатеринѣ II.

По своей длинѣ и ширинѣ, при условіи прямизны направленія и красотѣ построекъ, Невскій признается одной изъ красивѣйшихъ улицъ въ мірѣ. Всей длины его 3 версты, 50 саж.; но, въ сущности, онъ короче, потому что его колѣно, идущее отъ Знаменья къ Лаврѣ, только по названію считается его продолженіемъ. Ширина Невскаго въ главной его части достигаетъ 30-ти саж. По бокамъ его, вдоль домовъ, идутъ широкіе троттуары, мѣстами гранитные и асфальтовые, но большею частію известняковые. Мостовая — отъ начала проспекта, со стороны Адмиралтейства до Аничкина моста деревянная, торцевая; въ остальной части — булыжная. Здѣсь, кажется, будетъ кстати сказать нѣсколько словъ, вообще, о петербургскихъ мостовыхъ. При этомъ, невольно вспоминается приведенный нами выше стихъ Пушкина, назвавшаго Петербургъ — городомъ «пышнымъ» и, въ то же время, городомъ «бѣднымъ»...

Въ самомъ дѣлѣ, контрастъ богатства и бѣдности поражаетъ въ нашей столицѣ на всякомъ шагу. Напр., въ то время, какъ вы встрѣчаете улицы, роскошно вымощенныя дорого стоющими деревянными торцами, асфальтомъ и даже чугуномъ, гдѣ нибудь на окраинѣ, въ ненастье, экипажи тонутъ въ невылазной грязи улицъ, находящихся до сихъ поръ въ первобытномъ состояніи. Трудно повѣрить, что въ чертѣ Петербурга имѣется еще болѣе ста вовсе не вымощенныхъ улицъ!

Аничкинъ дворецъ.

Должно сказать, впрочемъ, что и большинство улицъ, имѣющихъ мостовыя, не могутъ похвалиться совершенствомъ своего мощенія. Разсказываютъ объ одномъ англичанинѣ, посѣтившемъ Петербургъ и замѣтившемъ, будто-бы, что у насъ мостовыя есть, и очень хорошія, но только ими никогда не пользуются.

— Какъ такъ? спросили его.

— Очень просто! отвѣтилъ англичанинъ. Зимою не пользуются ими потому, что онѣ покрыты сплошь снѣгомъ, а лѣтомъ потому, что онѣ безпрерывно чинятся.

Этотъ парадоксъ близокъ къ правдѣ. Дѣйствительно, петербургскія мостовыя, даже въ лучшихъ частяхъ города, вѣчно чинятся, такъ какъ, благодаря значительному движенію, а еще болѣе — климатическимъ и почвеннымъ условіямъ, никакая мостовая не выстаиваетъ долго. Особенно печальный видъ представляютъ булыжныя мостовыя въ весеннюю и осеннюю распутицы.

Аничкинъ мостъ.

Между тѣмъ, Петербургъ, чуть не съ первыхъ дней своего существованія, заботился и заботится объ усовершенствованіи своихъ путей сообщенія. Петръ В. придумалъ для этого оригинальную повинность. Въ 1714 г. былъ изданъ указъ, повелѣвавшій, чтобы пріѣзжавшіе въ столицу крестьяне привозили съ собою — на судахъ отъ 10 до 30 булыжныхъ камней, а на возахъ — не менѣе 3. Но все прошлое столѣтіе мостовыя въ Петербургѣ были ужасны. Не лучше онѣ были и въ началѣ нынѣшняго. Важнымъ для нихъ усовершенствованіемъ была изобрѣтенная Гурьевымъ, въ 1832 г., торцевая кладка, которая, впрочемъ, хороша только до тѣхъ поръ, пока нова. Въ послѣднее время стали улучшать булыжную мостовую, посредствомъ кладки двойнаго слоя камней; стали примѣнять асфальтъ къ мощенію улицъ; изобрѣли, наконецъ, чугунную мостовую; но до сихъ поръ всѣ эти улучшенія не принесли особенно благопріятныхъ результатовъ. Въ настоящее время въ Петербургѣ замощены улицы — булыжникомъ, на пространствѣ до $1\frac{1}{2}$ мил. квадр. саженъ; торцемъ до 10 т. квадр. саж.; макодамомъ (шоссе) до 50 т. саж. Асфальтомъ, чугунными клѣтками и плитнякомъ замощено незначительное пространство. Троттуары вымощены въ центральныхъ частяхъ города гранитомъ и путиловскою плитою, изрѣдка — асфальтомъ, а въ глухихъ улицахъ окраинъ деревянными мостками.

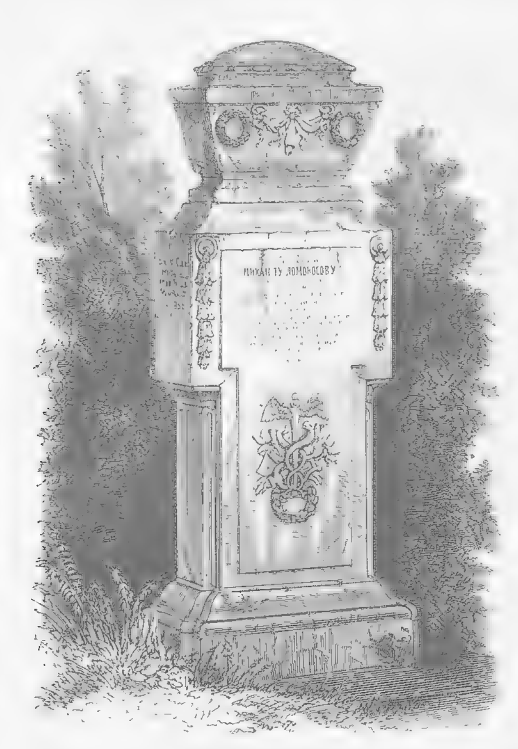

Духовная Академія.

Относительно городскихъ путей сообщенія, Петербургъ сдѣлалъ чрезвычайно важное улучшеніе устройствомъ конно-желѣзныхъ дорогъ. Въ настоящее время стоверстная желѣзнодорожная сѣть (считая дороги всѣхъ трехъ «товариществъ»), пересѣкающая городъ въ различныхъ направленіяхъ, въ систематизированномъ порядкѣ, соединяетъ съ центромъ города самыя отдаленныя захолустья и окраины, оживляетъ ихъ и доставляетъ даже самымъ бѣднымъ жителямъ дешевое и вполнѣ удобное сообщеніе.

Возвращаемся къ достопримѣчательностямъ Невскаго проспекта.

Одинъ иностранецъ, жившій въ Петербургѣ въ началѣ нынѣшняго столѣтія, сказалъ, что Невскій проспектъ слѣдовало бы по настоящему назвать *Улицей Терпимости*. Такое, нѣсколько двусмысленное для нашихъ дней, названіе, по мнѣнію иностранца, подобало дать Невскому за то, что на протяженіи его нашли себѣ видное равноправное мѣсто алтари всѣхъ почти христіанскихъ вѣроисповѣданій. Такъ, перейдя Полицейскій мостъ, мы прежде всего встрѣчаемъ по лѣвой сторонѣ Невскаго Голландскую реформатскую церковь съ принадлежащимъ ей громаднымъ домомъ (основ. въ 1834 г.); далѣе, между Большою и Малою Конюшенными улицами возвышается красивое, въ готическомъ стилѣ зданіе, съ двумя четырехугольными башнями, лютеранской церкви св. Петра (основ. 1728 г., перестроена въ 1838 г.).

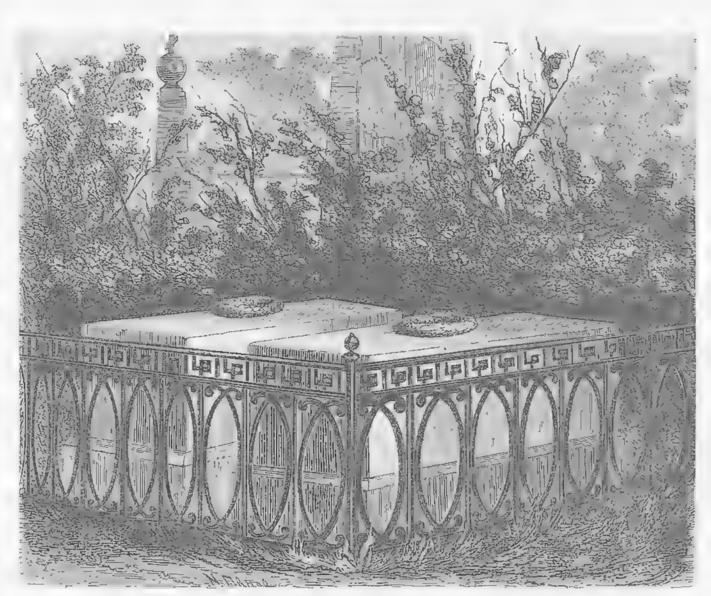
Памятникъ Ломоносову.

Свернувъ нѣсколько съ Невскаго — въ Б. Конюшенную, находимъ, одну противъ другой, Французскую реформатскую церковь и Финскую лютеранскую, съ принадлежащимъ ей огромнымъ домомъ. Возвратясь на Невскій, встрѣчаемъ между Казанскимъ мостомъ и Михайловской улицей обширную и прекрасную, по своей архитектурѣ, римско-католическую церковь св. Екатерины (осн. въ 1763 г.), съ великолѣпнымъ органомъ. Нельзя не упомянуть также, что въ этой церкви похоронены послѣдній польскій король Станиславъ-Августъ Понятовскій (1789 г.) и знаменитый французскій генералъ Моро. При католической церкви тоже находится принадлежащій ей большой домъ. Нѣсколько далѣе, противъ Гостинаго двора, стоитъ, наконецъ, армянская церковь св. Екатерины, построенная иждивеніемъ извѣстнаго въ свое время богача Лазарева въ 1779 г. Православное вѣроисповѣданіе въ этой части Невскаго соорудило для себя алтарь въ величественныхъ стѣнахъ Казанскаго собора, расположеннаго на Казанской площади. Это обширный храмъ, съ громадными портиками и дугообразною колоннадою, двумя крыльями охватывающею площадь. Всѣхъ колоннъ въ ней 132. Надъ срединою церкви возвышается цилиндрическая башня купола съ пилястрами коринѳскаго ордена, накрытая овальной формы посеребреннымъ куполомъ. Общая вышина храма 33 саж. 8 вершк. По своей внѣшней архитектурѣ, Казанскій соборъ — копія римской базилики св. Петра, довольно, впрочемъ, отдаленная. Въ настоящемъ своемъ видѣ, отстроенъ въ 1811 г.; при этомъ, замѣчательно, что всѣ его строители, до послѣдняго рабочаго, и всѣ матеріалы, пошедшіе на его постройку, до послѣдняго гвоздя, были исключительно русскаго происхожденія. (Постройка его обошлась около 3 мил. р.)

Невскій проспектъ въ С.-Петербургѣ въ 1870 году.

Главный входъ въ Казанскій соборъ со стороны площади. Къ нему ведетъ широкая гранитная лѣстница; по бокамъ великолѣпной, украшенной бронзовыми барельефами двери, помѣщены въ нишахъ четыре колоссальныя бронзовыя статуи святыхъ. Внутренность храма украшена двумя рядами гранитныхъ колоннъ, поддерживающихъ своды; но главнымъ его украшеніемъ служитъ алтарь, съ его святынями. Весь его иконостасъ вычеканенъ изъ серебра, по рисунку Тона, на что употреблено 60 пуд. металла (въ томъ числѣ 40 пуд., пожертвованныхъ донскими казаками изъ добычи, отбитой ими у французовъ въ 1812 г.). Балюстрада около иконостаса также серебряная. Въ числѣ другихъ драгоцѣнностей собора, наиболѣе замѣчательна золотая риза образа Казанской Божіей Матери, усыпанная жемчугомъ и алмазами (ее оцѣниваютъ въ 100,000 р.). Самъ по себѣ этотъ образъ, признаваемый чудотворнымъ, составляетъ нашу національную историческую достопримѣчательность. При Іоаннѣ Грозномъ онъ былъ перенесенъ изъ Казани въ Москву; Петръ В. перевезъ его въ Петербургъ. Въ 1812 г. Кутузовъ, отправляясь въ армію, благословлялся имъ. Вообще, въ Казанскомъ соборѣ сохранено не мало знаменательныхъ воспоминаній о 1812 годѣ. Подъ его сводами развѣшано 107 наполеоновскихъ знаменъ, не считая ключей отъ многихъ крѣпостей. Подъ его сводами, наконецъ, покоится прахъ главнаго героя войны 1812 г., князя Кутузова-Смоленскаго, статуя котораго возвышается передъ входомъ въ соборъ.

Могилы Карамзина и Жуковскаго.

Пѣшая бронзовая статуя Кутузова красуется на Казанской площади рядомъ съ такой же статуей другаго знаменитаго полководца отечественной войны, кн. Барклая-де-Толли. Онѣ поставлены симметрически, на одинаковомъ разстояніи отъ собора — первая противъ праваго и вторая противъ лѣваго крыльевъ его колоннады. На ихъ невысокихъ гранитныхъ пьедесталахъ надписи: на одномъ — «Фельдмаршалу князю Кутузову-Смоленскому 1812 г.», на другомъ — «Фельдмаршалу князю Барклаю-де-Толли 1812, 1813, 1814 и 1815 гг.» Онѣ воздвигнуты, по проекту художника Орловскаго, въ 1837 г.

По одной сторонѣ съ Казанскимъ соборомъ, пройдя такъ называемый «Милютинскій рядъ» и полюбовавшись мимоходомъ выставленными въ окнахъ его «фруктовыхъ» лавокъ янтарными балыками, монструозными «ранними» огурцами и другими съѣдобными диковинами, поджидающими, по выраженію гоголевскаго капитана Копѣйкина, «дурака», который заплатитъ за нихъ сумасшедшія деньги, полюбовавшись тутъ же красивыми, цѣнными издѣліями петербургскихъ серебрянниковъ, мы вступаемъ въ предѣлы центральнаго депо петербургской торговли и промышленности — Гостиный дворъ. По пути къ нему, вниманіе наше не надолго отвлечетъ стоящее насупротивъ Гостинаго двора, на углу Невскаго и Думской ул., огромное, казеннаго вида, съ высокой, пятигранной и тоже не отличающейся красотой, каланчею, зданіе Городской Думы. Внутри его не

много замѣчательнаго, хороша только большая, въ два свѣта, зала для общихъ засѣданій петербургскаго муниципалитета; но такихъ залъ въ Петербургѣ не мало.

Гостиный дворъ поражаетъ своей обширностью; архитектура его довольно ординарна. Онъ представляетъ двухъ-этажное зданіе, съ аркадами и галлереями, и имѣетъ видъ замкнутаго со всѣхъ сторонъ неправильнаго четыреугольника, длиною, по лицевому фасаду, безъ малаго въ версту (485 саж). Каждая сторона двора именуется «линіей», и каждая линія носитъ особое названіе. Такъ, выходящая на Невскій проспектъ называется — *Суконной* линіей, на Б. Садовую — *Зеркильной*, на Чернышевъ переулокъ — *Малой-Суровской;* остальная сторона, пролегающая параллельно съ Думской улицей, называется — *Большой Суровской* линіей. Параллельно же ей, отдѣльнымъ корпусомъ, тянется *Перинная* линія, а сзади послѣдней, на одной чертѣ съ фасомъ домовъ Думской ул., проходитъ *Мебельная* линія, выходящая другой стороной своего колѣна на Чернышевъ переулокъ. Противоположная Малой Суровской и Мебельной линіямъ сторона Чернышева переулка представляетъ, наконецъ, рядъ лавокъ, называемыхъ *Банковской* линіей.

Памятникъ Крылову.

Всѣ эти названія въ настоящее время ничего, однако, не выражаютъ или почти ничего. Если въ Суконной, напр., линіи попадаются дѣйствительно суконныя лавки, то рядомъ съ ними, въ другихъ лавкахъ, продаются разнообразнѣйшіе товары, ничего общаго съ сукномъ не имѣющіе. До какой степени приведенныя названія линій не соотвѣтствуютъ дѣйствительности, можно видѣть изъ того, что въ данную минуту на огромной Зеркальной линіи всего-на-всего одинъ зеркальный магазинъ. Названія эти повѣствуютъ намъ лишь прошлую исторію Гостинаго двора, когда торговля его специализировалась на самомъ дѣлѣ по «линіямъ». Но не одно, вѣдь, это говоритъ намъ исторія петербургскаго Гостинаго двора. — Много видѣлъ онъ на своемъ вѣку всякихъ перемѣнъ и треволненій! Во времена Петра В. начинался онъ на Петербургской Сторонѣ; потомъ Царь, указомъ 1719 г., переправилъ его черезъ Неву, на лѣвый ея берегъ, и помѣстилъ у Зеленаго (нынѣ Полицейскаго) моста. Тутъ онъ тоже простоялъ недолго — въ 1737 г. его до тла истребилъ пожаръ. Гостиподворцы «побрели врозь», но уже въ первой половинѣ прошлаго столѣтія мало-по-малу сталъ зарождаться новый Гостиный дворъ на томъ же мѣстѣ, гдѣ онъ и теперь стоитъ. Въ 1785 г. онъ уже настолько окрѣпъ и разросся, что обстроился линіями каменныхъ лавокъ. Съ той поры зданіе мало измѣнило свою внѣшнюю физіономію, но за то, до неузнаваемости, усовершенствовалось внутри, особенно за послѣднее время. Громадныя зеркальныя окна, красивыя рѣзныя двери, изящныя металлическія лѣстницы, море огней и, въ довершеніе всѣхъ чудесъ — волшебное электрическое освѣщеніе, дѣлаютъ Гостиный дворъ вполнѣ элегантнымъ и

стоящимъ на высотѣ изысканныхъ требованій моды и вкуса. Гостинодворскіе сидѣльцы вошли, можно сказать, въ пословицу своимъ щегольствомъ и утонченностью манеръ. О богатствахъ Гостинаго двора, заключенныхъ въ его многочисленныхъ лавкахъ и кладовыхъ — ни въ сказкѣ разсказать, ни перомъ описать! Безъ сомнѣнія, по цѣнности сосредоточенныхъ въ немъ разнообразныхъ товаровъ, отъ самодѣльной ваксы до «Рузановскихъ» духовъ, отъ «Щелкинскихъ», тульской работы, замочковъ до «Морозовскихъ» тысячныхъ золотыхъ парюровъ съ дорогими брилліантами, отъ «Дойниковской» грошовой игрушки до роскошныхъ фоліантовъ многоцѣннаго «Вольфовскаго» изданія, отъ коленкороваго платочка, цѣнностью въ гривенникъ, «Московской мануфактуры», до ліонскихъ бархатовъ Погребова, и т. д., и т. д., — по цѣнности, говоримъ, всѣхъ этихъ товаровъ и по суммѣ оборотовъ, петербургскій Гостиный дворъ, несомнѣнно, не имѣетъ себѣ равнаго во всей Россіи. Къ сожалѣнію, сказать опредѣлительнѣе объ этомъ интересномъ предметѣ нечего, такъ какъ коммерція, вообще, а гостинодворская, въ особенности, очень ревнива къ своей «тайнѣ» и статистикѣ не поддается....

Памятникъ Глинкѣ.

Строго говоря, торговля Невскаго проспекта далеко не сосредоточивается въ одномъ Гостиномъ — весь проспектъ, на протяженіи своихъ лицевыхъ фасадовъ, есть въ сущности тотъ же Гостиный дворъ въ огромныхъ размѣрахъ. Всѣ сплошь нижніе, а частію и верхніе этажи его домовъ заняты всевозможными магазинами. Нѣкоторые же дома состоятъ исключительно, сверху до низу, изъ однихъ торговыхъ заведеній. Таковъ, между прочимъ, пресловутый Пассажъ главный фасадъ котораго расположенъ противъ Гостинаго двора, а противоположный ему выходитъ на Б. Итальянскую улицу. Зданіе это представляетъ огромную сквозную галлерею, со стекляной крышей. По бокамъ прохода расположены въ три яруса магазины и мастерскія; верхній ярусъ занятъ, впрочемъ, исключительно квартирами. Кромѣ того, подъ Пассажемъ, во всю его длину, проходитъ тоннель съ кладовыми, а въ концѣ его находится довольно обширный театръ. Въ дурную погоду и по вечерамъ — Пассажъ служитъ любимымъ мѣстомъ прогулки и ротозѣйничества для столичныхъ фланеровъ обоего пола, порхаетъ въ эти часы по его галлереямъ и шаловливый божокъ, обильно разстрѣливая во всѣ стороны свои дешевыя стрѣлы.... Шалости его создали для Пассажа довольно скабрезную репутацію, и одно время, мѣстная администрація попыталась было водворить въ отношеніяхъ пассажной публики суровый ригоризмъ.... Но, разумѣется, это «благое начинаніе» ни къ чему путному не привело....

По какой-то странной случайности, на перекресткѣ такихъ чрезвычайно оживленныхъ, бойкихъ улицъ, какъ Невскій и Б. Садовая, гдѣ сосредоточивается гостинодворская, пассажная и всякая другая коммерція, гдѣ день-деньской толкутся массы праздной публики и неустанно снуютъ туда и сюда множество экипажей, подымая въ воздухѣ несмолкаемый гулъ и рокотъ,

въ этомъ-то котлѣ городской жизни наука, любящая тишь и уединеніе, воздвигла себѣ сокровищницу и рабочій кабинетъ! Семь мраморныхъ классическихъ мудрецовъ, со своими строгими задумчивыми лицами, какъ-бы съ укоромъ глядятъ съ высоты своихъ пьедесталовъ на кипящую передъ ними суету-сутствій и точно хотятъ сказать ей суровое слово осужденія...

Мы говоримъ о семи мудрецахъ, возвышающихся на фронтонѣ зданія Императорской Публичной Библіотеки, которая помѣстилась, со всѣми своими неисчислимыми сокровищами человѣческаго знанія, въ сейчасъ описанной мѣстности. Зданіе это не бросается въ глаза; оно

Могилы Бѣлинскаго, Добролюбова, Писарева и Афанасьева-Чужбинскаго.

скромно, какъ скромна мудрость, хранилищемъ которой оно служитъ. Главный фасадъ его, въ дорическомъ стилѣ, выходитъ на Екатерининскую площадь. По своимъ размѣрамъ оно тоже не особенно значительно, и громадной библіотекѣ нынче тѣсно въ немъ и не совсѣмъ удобно. Впрочемъ, внутреннее его устройство отличается простотой, изяществомъ и обдуманностью расположенія. Съ главнаго входа ведетъ во всѣ три этажа широкая каменная лѣстница; кромѣ того существуютъ внутреннія легкія лѣстницы между отдѣленіями Библіотеки. Прекрасная читальная зала находится во второмъ этажѣ. Зданіе было начато еще при Екатеринѣ II и окончательно отстроено въ царствованіе Александра I; съ той поры оно мало измѣнялось.

Основаніемъ этого книгохранилища — одного изъ величайшихъ въ мірѣ — послужила богатая библіотека Польской Республики, собранная гр. Залусскими, конфискованная въ 1795 г., по взятіи Суворовымъ Варшавы. По повелѣнію Императрицы ее перевезли въ Петербургъ (она состояла тогда изъ 262,640 томовъ и 24,574 эстамповъ). Долгое время Библіотека находилась въ хаотическомъ состояніи; въ порядокъ ее стали приводить и пополнять новыми книгами графъ А. С. Строгановъ и А. Н. Оленинъ; но самой блестящей эпохой Публичной Библіотеки было время, когда ею управлялъ просвѣщенный баронъ М. А. Корфъ. Замѣчательно, что до 1810 г. въ ней почти вовсе не было русскихъ книгъ; къ 1811 г. ихъ имѣлось тамъ ровнымъ счетомъ *восемь*.

Кромѣ постояннаго пополненія новыми книгами, Библіотека съ теченіемъ времени обогащалась замѣчательными собраніями, пріобрѣтенными покупкой и приносимыми въ даръ частными собирателями. Изъ пріобрѣтеній этого рода особенно были важны: библіотеки Дубровскаго, гр. Сухтелена, кн. Лобанова-Ростовскаго, кн. А. П. Голицына, гр. Ѳ. Толстаго, Фролова, Вязьмитинова, Фирковича, Погодина и мног. другихъ. Въ настоящее время въ Публичной Библіотекѣ хранится до 1 милліона томовъ книгъ, болѣе 30,000 рукописей и до 80,000 эстамповъ.

Старообрядческая молельня на Волковскомъ кладбищѣ.

Замѣчательныхъ библіографическихъ и художественныхъ рѣдкостей Библіотека имѣетъ такое множество, что одно перечисленіе ихъ составило-бы объемистый каталогъ. Упомянемъ наиболѣе важныя, какъ-то: *Евангеліе*, писанное въ XII вѣкѣ; *Прологъ*, писанный на пергаментѣ, около 1434 года; *Дѣянія Апостольскія*, на пергаментѣ XV вѣка; *аспидная доска*, на которой Державинъ написалъ послѣдніе стихи накапунѣ смерти; *рукопись*, названная, по своей красотѣ, *серебряною книгою*; *Романъ о Троѣ*, *манускриптъ*, сочиненный, писанный и разрисованный королемъ Сициліи и Іерусалима Рене Анжуйскимъ; *Плутархъ; связки бумагъ*, захваченныхъ у Жанъ-Жака Руссо полиціею; *собственноручныя письма* испанскаго короля Фердинанда и супруги его Изабеллы объ открытіи Америки; *собственноручныя письма:* Екатерины Медичи, Генриха IV, Людовика XIV, англійской королевы Елисаветы, Маріи Стюартъ, Бризака, Тюреня, Сюлли, Кольбера, Боссюэ, Монтеня, кардиналовъ Ришелье и Мазарини, Маріи Медичи и другихъ; *Коранъ*, писанный куфическими буквами и, по преданію, принадлежавшій Фатимѣ, дочери Магомета; *портфель* Вольтера, взятый у него полиціймейстеромъ передъ заключеніемъ въ Бастилію, и проч. Въ числѣ украшеній, которыми щеголяютъ залы библіотеки, замѣчателенъ колоссальный бюстъ Александра I, изваянный изъ мрамора Демутомъ-Малиновскимъ, и портретъ Александра I, работы Доу.

Изъ залъ Публичной Библіотеки (всѣхъ ихъ болѣе 30-ти) заслуживаютъ особеннаго вниманія: 1) *Ларинская,* по имени купца Ларина, на пожертвованныя суммы котораго она построена при Екатеринѣ II; 2) *Зала Барона Корфа,* гдѣ сосредоточена, такъ называемая, «Rossica», т. е. всѣ сочиненія, когда либо и на какомъ бы ни было языкѣ появлявшіяся о Россіи; 3) *Зала Инкунабулъ,* построенная въ средневѣковомъ стилѣ, гдѣ собраны книги первыхъ временъ книгопечатанія; 4) *Вольтеровская зала,* гдѣ помѣщается, великолѣпной работы Гудона, мраморная статуя Фернейскаго мудреца и его библіотека.

Каталогизація Публичной Библіотеки до сихъ поръ не закончена; но въ послѣднее время значительная часть ея сокровищъ приведена въ стройную систему и внесена въ обстоятельно составленные каталоги. Этотъ громадный трудъ продолжается непрерывно.... Въ оправданіе своего названія «публичной», Библіотека открыта для всѣхъ желающихъ пользоваться ея сокровищами. Доступъ широкій, никакими почти ограниченіями и фармальностями не стѣсняемый. Въ распоряженіе публики предоставлена обширная, прекрасная читальная зала, обставленная всѣми необходимыми для ея назначенія приспособленіями и удобствами. Въ послѣднее время читальня Библіотеки всегда биткомъ набита любознательными посѣтителями, общее годовое число которыхъ, считая цифру выдаваемыхъ на право чтенія годовыхъ билетовъ, простирается до 10 тысячъ. Кромѣ того, по воскреснымъ днямъ масса публики стекается для осмотра достопримѣчательностей Библіотеки.

Смольный монастырь.

Публичная библіотека пополняется безпрерывно новыми пріобрѣтеніями, какъ покупкою различныхъ изданій, коллекцій библіографическихъ рѣдкостей, древнихъ рукописей и проч., такъ и безплатнымъ поступленіемъ всѣхъ вновь выходящихъ русскихъ книгъ, въ силу установленнаго по этому предмету закона. Такимъ образомъ, ежегодно въ библіотеку поступаетъ, среднимъ счетомъ, до 20 т. томовъ (въ 1878 г. поступило 23,018 томовъ, въ томъ числѣ прислано даровыхъ цензурнымъ надзоромъ 8,221 томъ).

Площадь, разстилающаяся между зданіемъ Публичной Библіотеки съ одной стороны, съ другой — красивымъ, высокимъ портикомъ, со скачущими надъ его фронтономъ четырьмя бронзовыми конями, Александринскаго театра, и съ третьей стороны — рѣшеткой сада Аничковскаго дворца (четвертая сторона составляетъ Невскій проспектъ), украшена посрединѣ грандіознымъ монументомъ Императрицы Екатерины II-й, столько прилагавшей заботъ къ процвѣтанію нашей Сѣверной Пальмиры!

Александровскій мостъ во время ледохода.

Памятникъ этотъ, воздвигнутый въ 1873 г., помѣщается посрединѣ описанной площади; вокругъ него разбитъ скверъ, преимущественно изъ молодыхъ дубовъ. Въ послѣднее время здѣсь устроено электрическое освѣщеніе. Проектъ монумента Екатерины II составленъ художникомъ Микѣшинымъ. Онъ имѣетъ пирамидальную форму. На основаніяхъ изъ гранитныхъ ступеней, возвышается цилиндрическій столбъ, состоящій изъ трехъ рядовъ, высѣченныхъ изъ разноцвѣтнаго гранита: темнокраснаго, свѣтлосѣраго и темносѣраго. Вся гранитная часть имѣетъ видъ монолита. На этомъ-то пьедесталѣ утверждена величественная статуя Императрицы, въ коронѣ, порфирѣ и со скипетромъ въ рукѣ. Лицомъ она обращена къ Невскому проспекту. Вокругъ нея, у подножія, группируется девять статуй знаменитѣйшихъ екатерининскихъ «орловъ»: Потемкина, Суворова, Румянцева, Державина, Дашковой, Безбородко, Бецкаго, Чичагова и Орлова-Чесменскаго. Среди орнаментовъ, состоящихъ изъ аттрибутовъ наукъ, искусствъ и земледѣлія, на лицевой сторонѣ пьедестала утверждена книга съ надписью: *Законъ*. Сооруженіе этого монумента обошлось въ 456,896 руб. Въ память его открытія отчеканено болѣе двухъ тысячъ особыхъ медалей и жетоновъ.

Мѣсто, избранное для монумента Екатерины II, связано отчасти съ воспоминаніями объ одномъ изъ знаменитѣйшихъ ея сподвижниковъ — «великолѣпномъ» князѣ Таврическомъ. Воспоминанія эти воскрешаетъ *Аничковскій дворецъ*, принадлежавшій одно время Потемкину. Перво-

начально онъ былъ построенъ, при Елисаветѣ Петровнѣ, для ея любимца графа Разумовскаго. Екатерина II купила его потомъ у Разумовскаго и подарила Потемкину. Послѣдній, однакожь, не жилъ въ немъ и только по временамъ давалъ въ немъ блестящіе праздники, концерты, спек-

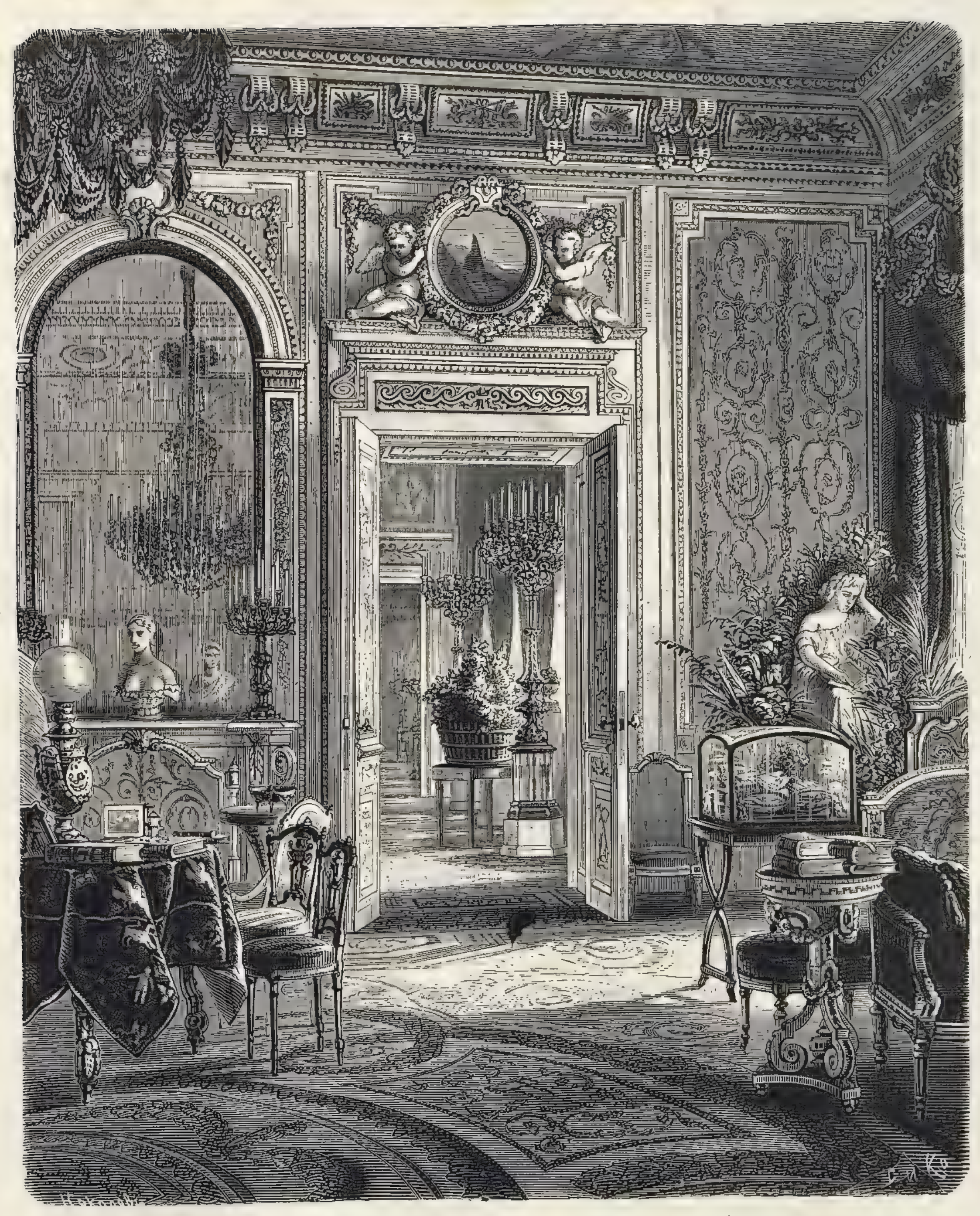
Николаевскій мостъ.

такли, а впослѣдствіи продалъ его купцу Шемякину. Въ 1785 г. дворецъ былъ пріобрѣтенъ въ казну и при Александрѣ I перестроенъ заново: Государь подарилъ его августѣйшей сестрѣ своей В. К. Екатеринѣ Павловнѣ, а по ея смерти — брату, В. К. Николаю Павловичу. Со временъ Императора Николая Аничковскій дворецъ назначается для жилища Наслѣднику престола. Въ настоящемъ видѣ — это большое, строгой архитектуры, зданіе съ павильонами и обширными флигелями, съ великолѣпной колоннадой, вмѣсто воротъ, впереди главнаго фасада, и съ тѣнистымъ садомъ позади дворца. Внутри дворца, въ ряду многихъ прекрасныхъ залъ и покоевъ, особеннымъ изяществомъ обстановки отличается половина Государыни Цесаревны, какъ это читатель можетъ, отчасти, заключить по нашей картинкѣ.

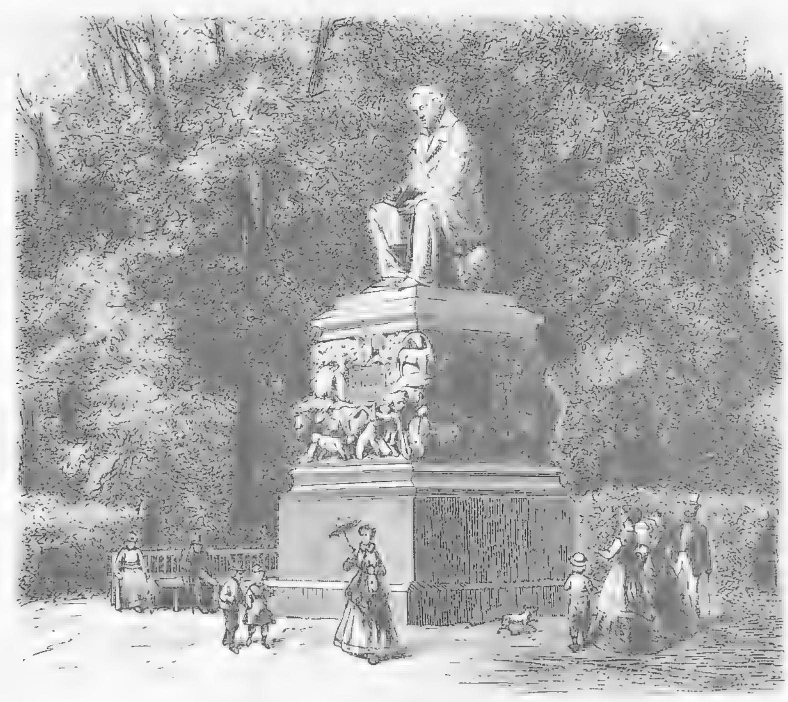
Медицинская академія.

Своей колоннадой, представляющей главныя ворота, Аничковскій дворецъ выходитъ на Фонтанку, перпендикулярно пересѣкающую въ этомъ мѣстѣ Невскій проспектъ. По линіи про-

Кабинетъ Государыни Цесаревны въ Аничкиномъ дворцѣ.

спекта рѣка перехвачена широкимъ и красивымъ *Аничковымъ мостомъ*, съ четырьмя великолѣпными бронзовыми группами ретивыхъ коней, сдерживаемыхъ стройными атлетами. Группы эти, работы Клодта, разставлены на гранитныхъ пьедесталахъ при входахъ на мостъ, съ обѣихъ сторонъ. Окрестъ этого моста, не считая Аничковскаго дворца, по проспекту и по набережнымъ Фонтанки группируется немало замѣчательныхъ домовъ, какъ, напр., роскошный палаццо князей Бѣлосельскихъ-Бѣлозерскихъ — одинъ изъ лучшихъ въ Петербургѣ частныхъ домовъ; рядомъ съ нимъ, оригинальной архитектуры въ древне-русскомъ вкусѣ, расписной фасадъ Троицкаго подворья, далѣе —

Памятникъ Крылову въ Лѣтнемъ Саду.

прекрасный домъ Зиновьева и пр. Въ противоположную сторону отъ этихъ домовъ, тоже по набережной Фонтанки, виднѣются: огромное зданіе Екатерининскаго института, роскошная золоченая рѣшетка обширнаго дома графовъ Шереметевыхъ и пр. Къ сожалѣнію, этому великолѣпію зданій далеко не соотвѣтствуетъ внѣшній видъ Фонтанки, съ ея мутными тихоструйными водами, почти сплошь покрываемыми во время навигаціи многочисленными, весьма неживописнаго вида, грузовыми ладьями и барками. Кромѣ того, у самаго Аничковскаго моста и вдоль по рѣкѣ, по обѣимъ его сторонамъ, красуются постоянно столько-же не представительныя самодѣльныя и грязныя сооруженія рыбныхъ садковъ, портомоенъ и купаленъ. Впрочемъ, такова физіономія всѣхъ внутреннихъ рѣкъ и каналовъ Петербурга. Не мудрено, если они не могутъ похвалиться чистотою и свѣжестью своихъ водъ, если въ нихъ даже рыба «дохнетъ», какъ доказано опытомъ.... Особенно загрязняютъ Фонтанку «живорыбные» садки, и недавно, въ городской думѣ, увлеченной порывомъ къ «чисткѣ», подъ страхомъ, недоброй памяти, астраханской эпидеміи, явилась было мысль вывести всѣ садки съ Фонтанки (а ихъ тамъ болѣе 25-ти) на просторъ Большой Невы; но эта мысль встрѣтила энергическій отпоръ со стороны вліятельныхъ рыбарей и ихъ покровителей.

Вообще, петербургскія воды, по общему признанію гигіенистовъ, находятся въ крайне неудовлетворительномъ состояніи; вмѣсто того, чтобъ служить къ освѣженію и поддержанію опрят-

ности города, онѣ мало-по-малу превращаются въ своеобразныя клоаки и служатъ источникомъ вредныхъ міазмовъ. Жаль смотрѣть на нѣкоторые, особенно злополучные въ этомъ отношеніи, каналы (какъ, напр., Крюковъ, Екатерининскій, Мойка и др.)! Обрамленные великолѣпными монументальными набережными, протекая по лучшимъ и красивѣйшимъ частямъ города, они,

Инженерный Замокъ.

тѣмъ не менѣе, возбуждаютъ въ васъ брезгливое чувство своей засоренностью и неблаговоніемъ, особенно въ теплое время года....

Нужно замѣтить, что по настоящее время административныя заботы о водахъ Петербурга ограничивались только устройствомъ и украшеніемъ одной ихъ внѣшней, такъ сказать, одежды. Со временъ Екатерины II, правительство затратило на этотъ предметъ многіе милліоны и, дѣйствительно, достигло того, что, по протяженію и красотѣ своихъ набережныхъ, по многочисленности превосходныхъ мостовъ, Петербургъ едва-ли не превосходитъ всѣ города въ мірѣ. Довольно сказать, что вся Большая Нева, по обоимъ берегамъ, начиная отъ Воскресенскаго моста, почти сплошь, до верфи Новаго Адмиралтейства, а также всѣ рѣки и каналы въ центральной части города, обведены гранитными набережными, съ такими же панелями и чугунными рѣшетками. Постройка этихъ удивительныхъ, напоминающихъ циклопическія сооруженія, набережныхъ совершена, главнымъ образомъ, въ царствованія Екатерины II и Александра I. Въ настоящее время общее протяженіе ихъ равняется нѣсколькимъ десяткамъ верстъ.... А взять эти великолѣпные, чугунные, каменные, цѣпные и деревянные мосты, самыхъ затѣйливыхъ формъ и стилей, отъ «египетскаго», со сфинксами и обелисками, испещренными іероглифами, до «американскаго» новѣйшей системы, отъ утвер-

Михайловскій дворецъ.

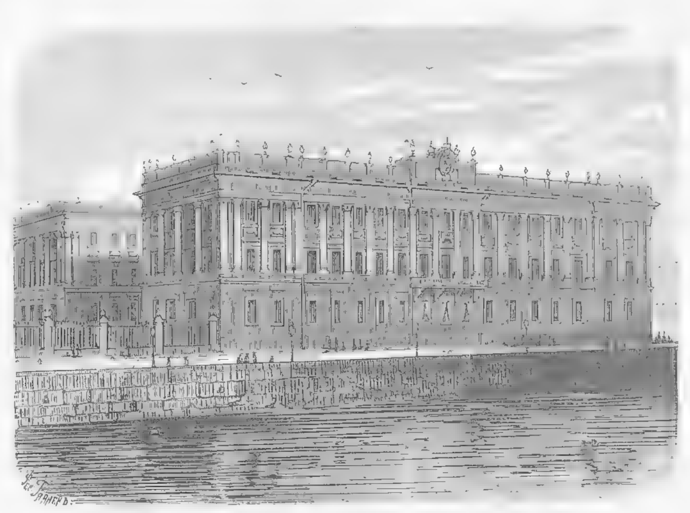
жденнаго на громадныхъ гранитныхъ быкахъ, съ такими же башенками, старинной конструкціи (каковъ, напр., Чернышевъ мостъ), до «висячаго», перекинутаго съ берега на берегъ легкой, воздушной аркой, вотъ — вотъ, кажется, готоваго рухнуть (какъ напр., Цѣпной у Лѣтняго сада).... Трудно перечислить и описать все причудливое разнообразіе и красу петербургскихъ мостовъ, особенно если вспомнить, что въ числѣ ихъ однихъ каменныхъ и чугунныхъ болѣе пятидесяти, не считая, притомъ, громадныхъ мостовъ на Большой Невѣ. О послѣднихъ мы скажемъ въ другомъ мѣстѣ, а теперь возвратимся къ обозрѣнію Невскаго проспекта.

Смотръ на Царицыномъ Лугу.

От Аничковскаго моста до Знаменской площади онъ не представляетъ ничего замѣчательнаго. Знаменская площадь, названная такъ по стоящей здѣсь красивой церкви Знаменья Входа Господня въ Іерусалимъ), носитъ отчасти характеръ предмѣстья. Здѣсь расположенъ обширный, съ высокой башнею, вокзалъ Николаевской желѣзной дороги, а громадные дома, примыкающіе къ площади, заняты почти сплошь гостиницами, обязательно раскрывающими свои двери для пріѣзжающихъ въ столицу гостей.

Въ дальнѣйшемъ своемъ продолженіи Невскій проспектъ еще менѣе интересенъ, а по мѣрѣ приближенія къ Александро-Невской лаврѣ становится даже нѣсколько пустыннымъ.

Мраморный дворецъ.

Знаменитая лавра живописнѣе всего представляется съ Невы, но съ этой стороны мы уже взглядывали на нее раньше. Войдемъ теперь во внутренность ея обширной каменной ограды черезъ высокія ворота. Мѣстность, на которой раскинулись лаврскіе храмы и службы, та самая, по преданію, гдѣ Александръ Невскій одержалъ свою знаменитую побѣду надъ Шведами въ 1241 г. Петръ В., по завоеваніи устья Невы, обозрѣвая окрестности основывавшейся столицы, назвалъ эту мѣстность «Викторіи», а въ 1704 г. возъимѣлъ мысль построить на ней монастырь. Мысль эту, однако, началъ онъ приводить въ исполненіе не ранѣе 1711 г., когда здѣсь заложена была первая деревянная церковь во имя Благовѣщенія, освященная въ 1713 г. Одновременно, вокругъ церкви начала заводиться обитель, перестроенная въ 1716 г.

изъ деревянной въ каменную. Самое же существенное вліяніе оказало на упроченіе и расширеніе обители перенесеніе сюда мощей св. Александра Невскаго, совершившееся по волѣ царя въ 1724 г. Вообще, Петръ В. употреблялъ всѣ средства, чтобъ придать новооснованному монастырю важное значеніе. Онъ не жалѣлъ для этого ни денегъ, ни вотчинъ. Всегда и во всемъ разсчетливый, онъ ассигновалъ на иждивеніе лавры ежегодно 10 т. руб. изъ кабинета, да 9 т. р. изъ таможенныхъ сборовъ, не считая обширныхъ населенныхъ имѣній, тогда же приписанныхъ къ лаврѣ.

Такою же благостыней и щедростью правительства пользовалась Александро-Невская лавра и въ послѣдующія царствованія, такъ что въ настоящее время можетъ считаться однимъ изъ богатѣйшихъ монастырей не только въ Россіи, но во всемъ мірѣ. Неисчислимыя богатства ея не приведены даже въ полную извѣстность; но, вотъ, между прочимъ, нѣкоторыя достовѣрныя данныя по этому предмету.

Дворецъ В. К. Владиміра Александровича.

Начать съ того, что лавра оказывается самымъ богатымъ домовладѣльцемъ въ Петербургѣ. Если ея дома и, вообще, лицевыя строенія мысленно перестроить въ одноэтажное строеніе и вытянуть въ одну линію, то получится зданіе длиною въ $4^1/_3$ версты. Сюда засчитаны принадлежащіе лаврѣ 12 громадныхъ каменныхъ домовъ, 41 каменный лабазъ и два такихъ-же корпуса съ кладовыми, имѣющими по фасаду 400 саж. длины. Но нужно замѣтить, что въ составъ этой, напоминающей китайскую стѣну, постройки вошли только одни *доходныя* зданія лавры, сдаваемыя ею въ наемъ; недоходныя же, находящіяся въ чертѣ ограды и занятыя монастырскими службами и заведеніями, составили бы, можетъ быть, другую подобную же линейку. Цѣнность зданій лавры огромная, какъ и доходъ, получаемый ею съ нихъ. Доходъ этотъ превышаетъ 200 т. р. въ годъ; но это только часть общаго лаврскаго дохода, исчисляемаго, приблизительно, въ 500 т. руб.

Въ настоящее время Александро-Невская лавра представляетъ обширный четыреугольникъ, обнесенный каменной стѣною и заключающій въ себѣ: шесть церквей, домъ митрополита и келіи для 100, положенныхъ по штату, монаховъ, зданія Богадѣльни, Духовной Академіи, Семинаріи, Духовнаго Училища и Консисторіи, кладбище, садъ и разнообразныя служебныя постройки.

Всѣ лаврскіе храмы основаны въ прошломъ столѣтіи и изобилуютъ святынями и множествомъ церковныхъ драгоцѣнностей. Изъ нихъ — два собора, а именно: одинъ, во имя Животворящей Троицы, основанный въ 1716 г. и перестроенный въ 1790 г., другой — во имя Благовѣщенія, осн. въ 1724 г. Церкви суть слѣдующія: 1) Митрополичья, во имя Всѣхъ Святыхъ, осн. въ 1767 г.; 2) кладбищенская, Воскресенія Лазаря, сооруженная Петромъ В. надъ могилой его любимой сестры, Натальи Алексѣевны, въ 1718 г.; 3) во имя Пресв. Богородицы — надъ воротами (со стороны Невскаго), осн. въ 1786 г.; и 4) во имя Князя Θеодора и Іоанна Златоуста, двухъэтажная, осн. въ 1754 г.

Важнѣйшія святыни и драгоцѣнности лавры сосредоточиваются въ ея соборахъ. Первое мѣсто принадлежитъ въ этомъ отношеніи Троицкому собору, самому притомъ, обширнѣйшему храму лавры. Въ немъ хранятся мощи св. Александра Невскаго. Внутренность собора чрезвы-

Рака Св. Александра Невскаго въ Невской лаврѣ.

чайно богата. Его обширный иконостасъ сдѣланъ изъ бѣлаго итальянскаго мрамора, вставленнаго въ бронзовыя вызолоченныя рамы; архитравъ, карнизъ и пилястры также съ позолотою. Царскія врата бронзовыя вызолоченныя. Всѣ образа въ иконостасѣ писаны на мѣдныхъ доскахъ. Стѣны и куполъ расписаны арабесками. На карнизѣ, около иконостаса 20 статуй святыхъ.

Рака съ мощами св. Александра Невскаго помѣщается за правымъ клиросомъ. Она вся выкована изъ серебра, впервые добытаго при Елисаветѣ Петровнѣ изъ Колыванскихъ рудниковъ. По сторонамъ раки пирамиды изъ воинскихъ доспѣховъ, канделябры, барельефы, изображающіе важнѣйшія событія изъ жизни Александра Невскаго, и прочія украшенія. На все это пошло 90 пудовъ чистаго серебра. Серебряная пирамида, возвышающаяся надъ ракой, украшена надписями, составленными Ломоносовымъ и объясняющими вкратцѣ подвиги Благовѣрнаго Князя и время сооруженія ему раки. Ломоносову же принадлежатъ и стихи, помѣщенные при ракѣ:

Святый и храбрый князь здѣсь тѣломъ почиваетъ,
Но духомъ отъ небесъ на градъ сей призираетъ
И на брега, гдѣ онъ противныхъ побѣждалъ
И гдѣ невидимо Петру споспѣшествовалъ.
Являя дщерь его усердіе святое,
Сему защитнику воздвигла раку въ честь
Отъ перваго сребра, что нѣдро ей земное
Открыло, какъ на тронъ благоволила сѣсть.

Впослѣдствіи, императрица Екатерина II, въ 1768 г., пожаловала къ ракѣ дорогую золотую лампаду и возложила на св. мощи покровъ съ образомъ Александра Невскаго и съ бриліантовымъ знакомъ ордена его же имени. Къ слову сказать, орденъ этотъ задумалъ учредить еще Петръ I; но мысль его осуществилась только послѣ его смерти, при Екатеринѣ I, въ 1725 г., и тогда же вновь учрежденнымъ орденомъ было награждено 15 лицъ изъ числа первыхъ сановниковъ государства.

Суворовскій монументъ

Изъ другихъ драгоцѣнностей Троицкаго собора лавры и ея ризницы заслуживаютъ особеннаго вниманія: 1) корона Александра Невскаго; 2) два жезла Петра В. и разныя другія его вещи; 3) налой съ кіотомъ для частицъ св. мощей, съ серебрянымъ подсвѣчникомъ и шандалами, вѣсомъ въ 10 пуд.; 4) паникадила серебряныя, изъ коихъ самое большое имѣетъ болѣе 12 пуд.; 5) ляписовый образъ «Моленіе о чашѣ» — подарокъ папы Пія IV Екатеринѣ II; 6) образъ «Рождества Богородицы», писанный сухими красками и усѣянный драгоцѣнными камнями. Имѣется также нѣсколько замѣчательныхъ картинъ кисти Рафаэля Менгса, Рубенса, Ванъ-Дика, Левицкаго и друг. Въ придѣлѣ Александра Невскаго обращаетъ вниманіе превосходно писанная картина кончины Святаго. Въ ризницѣ хранится множество драгоцѣнныхъ потировъ, крестовъ, митръ, панагій и другихъ богатыхъ принадлежностей церковной утвари.

Благовѣщенскій соборъ лавры, состоящій изъ трехъ этажей, замѣчателенъ, какъ усыпальница, въ которой покоится прахъ многихъ знаменитыхъ русскихъ людей. Вотъ идетъ цѣлый рядъ надгробныхъ камней царственныхъ особъ, отъ сына Петра В., царевича Петра Петровича, до великихъ княженъ Маріи и Елисаветы, дочерей Александра I. А вотъ имя славнаго нашего полководца, помѣщенное въ лаконической, имъ самимъ придуманной, надписи:

Петропавловскій соборъ.

«Здѣсь лежитъ Суворовъ».

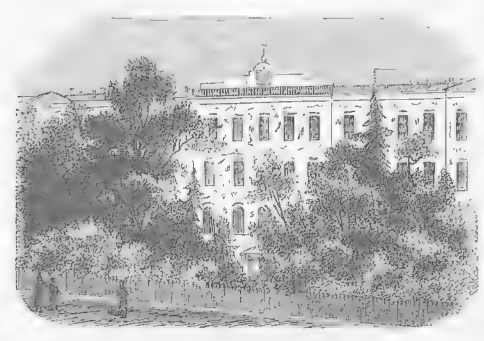
Рядомъ читаемъ имена: Разумовскаго, Безбородко, Голицына, Чернышева, Н. И. Панина, Бецкаго и друг. государственныхъ мужей.

Такое же значеніе усыпальницы имѣетъ и церковь во имя св. Лазаря, посреди которой возвышаются богатая гробницы Шереметевыхъ, а позади ихъ — извѣстнаго сподвижника Петра, Ганнибала, съ такою, по выраженію Свиньина, «чувствительною» эпитафіей:

Зной Африки родилъ, хладъ кровь его покоилъ,
Россіи онъ служилъ — путь къ вѣчности устроилъ.

Находящееся при этой церкви кладбище также замѣчательно могилами многихъ прославившихся на различныхъ поприщахъ русскихъ дѣятелей. Здѣсь, на ряду съ великолѣпными монументами графовъ, князей, фельдмаршаловъ, генераловъ и другихъ сановныхъ людей, красуются и памятники представителей русскаго искусства и русской литературы. Ломоносовъ, Карамзинъ, Гнѣдичъ, Жуковскій, Крыловъ, Баратынскій, Глинка, Даргомыжскій и другія свѣтила русскаго творчества покоятся на Лаврскомъ кладбищѣ подъ скромными надгробными камнями.

Замѣтимъ, что въ послѣднее время отходящіе ad patres дѣятели русской литературы стали предпочтительнѣе всего населять отдаленное и далеко не пышное Волково кладбище, гдѣ для ихъ колоніи, съ теченіемъ времени, самъ собой образовался какъ-бы особый участокъ, подъ именемъ «Литераторскаго» (Литераторскіе мостки). Здѣсь, между прочими, похоронены: Бѣлинскій, Добролюбовъ, Писаревъ, Авдѣевъ, Курочкинъ (В. С.), Афанасьевъ-Чужбинскій и мног. другіе писатели.

Александровскій лицей.

Обозрѣвъ Александро-Невскую лавру, мы возвращаемся обратно къ центру города, но, для разнообразія, избираемъ другой путь — въ сторону отъ Невскаго проспекта, и именно, по берегу Невы, гдѣ разсчитываемъ встрѣтить что-нибудь новое изъ достопримѣчательностей столицы. Дѣйствительно, почти все, что есть замѣчательнѣйшаго въ Петербургѣ, придвинулось къ Невѣ, какъ-бы въ тщеславномъ намѣреніи полюбоваться на себя въ ея зеркалѣ, а заодно — «людей посмотрѣть, себя показать» на просторѣ широкой площади рѣки.

Въ недалекомъ разстояніи и на одной высотѣ съ лаврой возвышается стройный и красивый, увѣнчанный лазоревыми съ позолотой пятью главами, Воскресенскій, всѣхъ учебныхъ заведеній соборъ, извѣстный подъ именемъ Смольнаго монастыря. Во время-оно здѣсь, дѣйствительно, начинался было монастырь, въ которомъ, по преданію, имѣла намѣреніе постричься Елисавета Петровна подъ конецъ жизни. Вообще, прошлое Смольнаго тѣсно связано съ именемъ Елисаветы. Въ дни еще Петра В., здѣсь былъ построенъ для нея лѣтній дворецъ, названный Смольнымъ по близости со смольнымъ дворомъ Адмиралтейства. По вступленіи на престолъ Елисаветы Пет-

Академія Наукъ.

ровны, Смольный дворецъ опустѣлъ, и на мѣсто его въ 1748 г. былъ проектированъ дѣвичій монастырь.

Начата постройка монастырскихъ зданій и церквей [1) Св. Великомученицы Екатерины, освященная въ 1764 г.: 2) Св. Елизаветы и Захаріи, освященной въ 1765 г., и 3) Св. и Благовѣрнаго князя Александра Невскаго, освященная въ 1808 г.], по плану и подъ наблюденіемъ архитектора Растрелли. Учрежденъ былъ и штатъ монастырскій, съ обезпеченіемъ его жалованьемъ, доходами и угодьями.

Тогда же былъ заложенъ и Воскресенскій соборъ, который, однако, простоялъ въ неоконченномъ видѣ семьдесятъ лѣтъ — до 1832 г., когда, по проекту архитектора Стасова, его окончательно отстроили, на что употреблено болѣе 2 мил. руб. Основавшійся же на этомъ мѣстѣ Воскресенскій дѣвичій монастырь возстановленъ въ сороковыхъ годахъ текущаго столѣтія за Московской заставой, гдѣ и понынѣ находится.

Воскресенскій соборъ внутри отличается оригинальностью устройства, легкостью и красотой формъ и обиліемъ свѣта. Его алтарь стоитъ на значительномъ возвышеніи и отдѣленъ отъ храма причудливой работы иконостасомъ. Амвонъ огражденъ хрустальной балюстрадой. Полъ

изъ цвѣтныхъ мраморовъ. Между образами — многіе замѣчательной живописи; но особенное вниманіе обращаетъ огромный запрестольный образъ Вознесенія Христова. Всѣ запрестольные образа вставлены въ золоченыя рѣзныя рамы удивительной работы, имѣющія притомъ эмблематическое значеніе: онѣ изображаютъ кисти зрѣющаго винограда, олицетворяющаго учащееся юношество. Въ соборѣ много драгоцѣнной утвари, въ томъ числѣ — вычеканенная по рисунку архитектора Тона, серебряная дарохранительница, вѣсомъ въ 5 пуд., съ 24 яшмовыми колоннами.

Воскресенскій соборъ возвышается на площади, къ которой примыкаютъ зданія Смольнаго института, столь важнаго въ исторіи образованія русской женщины. Въ числѣ другихъ

Университетъ.

семи петербургскихъ институтовъ, Смольный или Николаевскій входитъ въ составъ учебныхъ учрежденій вѣдомства Императрицы Маріи. Ему, несомнѣнно, принадлежитъ первенство, какъ по времени основанія, такъ и по тому значенію, которое онъ имѣлъ въ прошломъ. Основанный Екатериной II въ 1764 г., для пятисотъ дѣвицъ — «цѣлаго батальона амазонокъ», по галантному выраженію Вольтера, Смольный институтъ, всегда пользовавшійся особеннымъ попеченіемъ и благоволеніемъ царствующихъ особъ, воспиталъ цѣлый рядъ поколѣній. Съ самаго основанія, Смольный институтъ былъ раздѣленъ на двѣ половины — одну для «благородныхъ» дѣвицъ, другую для «мѣщанскихъ». Въ первую половину и понынѣ принимаются только дѣти потомственныхъ дворянъ и чиновниковъ не ниже штабъ-офицерскаго класса. Со Смольнымъ институтомъ связано много воспоминаній о незабвенной въ исторіи женскаго образованія въ Россіи Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, принимавшей непосредственное и самое теплое участіе во внутренней жизни института. Ей же обязанъ своимъ существованіемъ и находящійся при Смольномъ Вдовій домъ для штабъ и оберъ-офицерскихъ вдовъ, лишенныхъ средствъ къ существованію. Онъ основанъ въ 1803 г. и состоитъ подъ покровительствомъ Ихъ Императорскихъ Величествъ.

Смольный служитъ какъ бы центральнымъ пунктомъ петербургской благотворительности и попеченія о сирыхъ, малолѣтныхъ и престарѣлыхъ. Кромѣ училищъ и помянутаго Вдовьяго дома, здѣсь сосредоточены также: Домъ призрѣнія бѣдныхъ дѣвицъ благороднаго званія, нахо-

дящійся въ вѣдѣніи Опекунскаго Совѣта; обширныя городскія богадѣльни, въ которыхъ содержится на счетъ города до 2,000 престарѣлыхъ, увѣчныхъ и убогихъ обоего пола; богадѣльня Воспитательнаго Дома для 100 престарѣлыхъ и увѣчныхъ его воспитанницъ, и проч. Словомъ, здѣсь цѣлая колонія упокоенныхъ общественной филантропіей немощей, убогости и сиротства всевозможныхъ видовъ.

Не вдали отъ Смольнаго на Невѣ, у такъ называемаго Ковша, встрѣчаемъ знакомую уже намъ громадную водопроводную башню. Объ архитектурѣ ея сказать нечего; но она замѣчательна своимъ

Академія Художествъ.

механизмомъ, посредствомъ котораго непрерывно снабжаетъ болѣе 5 т. домовъ по лѣвой сторонѣ Невы водою. Шесть паровыхъ машинъ поднимаютъ воду въ огромный резервуаръ, помѣщающійся въ верхней части башни, откуда вода изливается въ магистральную трубу, а изъ нея въ боковыя вѣтви, сѣть которыхъ занимаетъ до 200 улицъ, простираясь до 150 верстъ, считая общее протяженіе всѣхъ трубъ.

Противъ водопроводной башни расположенъ замѣчательный, если не своей внѣшностью и внутреннимъ убранствомъ, то своимъ прошлымъ, обширный Таврическій дворецъ, съ великолѣпнымъ паркомъ — однимъ изъ лучшихъ въ столицѣ. Дворецъ этотъ былъ построенъ первоначально Потемкинымъ, но въ 1783 г., по повелѣнію Екатерины II, архитекторъ Старовъ перестроилъ его, расширилъ и украсилъ; въ такомъ обновленномъ видѣ дворецъ былъ подаренъ Императрицей кн. Потемкину, въ награду за покореніе Крыма. Въ немъ-то пышный князь давалъ свои баснословно-роскошные праздники, ставшіе сказкой вѣка.... По смерти Потемкина, Таврическій дворецъ перешелъ въ собственность Кабинета. Въ настоящее время онъ большею частью необитаемъ; въ немъ хранится много картинъ и статуй. Дворцовая оранжерея — одна изъ богатѣйшихъ въ столицѣ. Нельзя не упомянуть, что въ Таврическомъ дворцѣ скончался нашъ знаменитый исторіографъ, Н. М. Карамзинъ, въ 1826 г.

Отъ Таврическаго дворца до Литейнаго моста набережная Невы, не обдѣланная пока въ гранитъ, не представляетъ пока ничего замѣчательнаго.

Въ то время, когда мы пишемъ эти строки, новый Литейный Александра II мостъ только-что приведенъ къ окончанію и открытъ, послѣ четырехъ-лѣтней почти постройки, обошедшейся въ слишкомъ 5 мил. руб. Строилъ его извѣстный военный инженеръ Струве. Въ общихъ чертахъ, онъ одинаковой конструкціи съ Николаевскимъ мостомъ: на нѣсколькихъ громадныхъ быкахъ, сложенныхъ изъ сѣраго гранита, утверждены желѣзныя арки, поверхъ которыхъ идетъ широкій помостъ. Сооруженіе подобныхъ мостовъ на такой рѣкѣ, какъ Нева, составляетъ одинъ изъ величайшихъ подвиговъ инженернаго искусства. Не говоря уже о значительной ширинѣ, глубинѣ и быстротѣ теченія Невы, ея дно, по своей илистой зыбкой почвѣ, представляетъ чрезвычайныя трудности для строителя. Въ свое время постройка Николаевскаго моста, несомнѣнно — одного изъ великолѣпнѣйшихъ въ мірѣ, возбуждала всеобщее удивленіе. Конечно, послѣ перваго удачнаго опыта «сковать» прихотливую и коварную красавицу Неву, повтореніе его, хотя бы и не менѣе успѣшное, не можетъ возбуждать уже такого удивленія. Честь перваго опыта перекинуть черезъ Неву постоянный мостъ принадлежитъ инженеру Кербедзу. Построенный имъ Николаевскій мостъ былъ открытъ въ 1851 г. Онъ замѣчателенъ не только своей монументальностью, но также красотой и тщательностью отдѣлки. Рѣшетка его верхъ совершенства въ своемъ родѣ. Не менѣе искусенъ и отчетливъ по работѣ механизмъ, служащій для разводки моста со стороны Васильевскаго острова. Здѣсь же обращаетъ на себя вниманіе прекрасная мостовая мраморная часовня, съ сквозными стѣнками, заставленными зеркальными стеклами, черезъ которыя видѣнъ прекрасный мозаическій образъ св. Николая Чудотворца.

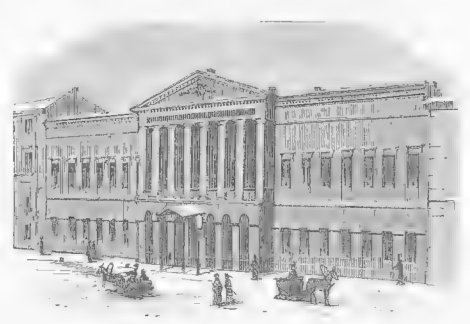

Горный корпусъ.

Литейный мостъ, по своей внѣшней отдѣлкѣ, не уступающій Николаевскому, соединяетъ Выборгскую Сторону съ Литейнымъ проспектомъ — одною изъ лучшихъ улицъ Петербурга, по длинѣ, ширинѣ и по красотѣ зданій. Съ открытіемъ моста, слѣдуетъ ожидать, что какъ Литейный проспектъ, такъ и вся окрестная мѣстность станутъ одной изъ красивѣйшихъ и наиболѣе людныхъ частей города. Равнымъ образомъ должна оживиться и Выборгская Сторона, отличавшаяся до сихъ поръ, если не пустынностью, то крайней мизерностью и неприглядностью своихъ улицъ, застроенныхъ большей частью деревянными невзрачными домишками — жилищами бѣдняковъ и чернорабочихъ. Только лицевая, выходящая на Неву у новаго моста, часть Выборгской Стороны и теперь представляется хорошо застроенной большими и видными зданіями. Это — обширныя учрежденія Медико-Хирургической Академіи, о которыхъ мы скажемъ здѣсь кстати нѣсколько словъ. Центромъ многочисленныхъ заведеній Академіи служитъ большой старинной постройки корпусъ, съ портикомъ и флигелями и съ просторнымъ скверомъ передъ лицевымъ фасадомъ. Посрединѣ сквера, передъ главнымъ входомъ въ зданіе воздвигнутъ памятникъ баронету Виллie, имя котораго связано съ прошлымъ Академіи и ярко сіяетъ въ исторіи ея развитія. На завѣщанный имъ капиталъ въ 1873 г. воздвигнута великолѣпная и образцовая по своему устройству Михайловская больница и клиника его имени. Вообще, въ послѣднее царствованіе Академія значительно расширилась, обогатилась новыми прекрасными зданіями и разными усовершенствованіями.

Слѣдуя далѣе избраннымъ нами путемъ, мы достигаемъ Лѣтняго сада, высокія развѣсистыя липы котораго, если не всѣ, то наиболѣе матерыя и старыя изъ нихъ, видѣли на своемъ вѣку не мало историческихъ лицъ и событій, видѣли, наконецъ, самое основаніе Петербурга и его творца. Подъ ихъ сѣнію и до сихъ поръ еще стоитъ скромный, небольшой лѣтній дво-

рецъ Петра В., построенный имъ въ 1714 г., вскорѣ послѣ разведенія на этомъ мѣстѣ голландскаго сада. Здѣсь было любимое мѣстопребываніе царя, и онъ ничего не жалѣлъ на украшеніе Лѣтняго сада, изумлявшаго тогда пріѣзжихъ иностранцевъ своими искусными фонтанами, бассейнами, бесѣдками, гротами, прекрасными статуями, птичниками и т. п. затѣями. Впослѣдствіи Лѣтній дворецъ былъ перестроенъ, но при Елисаветѣ Петровнѣ возстановленъ въ прежнемъ видѣ, въ какомъ остается и до сихъ поръ. Въ 1784 г. Лѣтній садъ украсился со стороны Невы превосходной рѣшеткой, которая въ тѣ времена считалась какимъ-то чудомъ искусства. По словамъ Свиньина, ею интересовались даже заграницей въ такой степени, что «одинъ англичанинъ, великій любитель художествъ, пріѣхалъ нарочно въ Петербургъ, дабы увѣриться собственными глазами въ справедливости» разсказовъ о необычайной красотѣ ея, и — «не былъ обманутъ» въ своихъ ожиданіяхъ. Въ настоящее время рѣшетку Лѣтняго сада украшаетъ построенная по срединѣ ея, лицевымъ фасадомъ на Неву, прекрасная мраморная часовня, въ память избавленія жизни Государя Императора отъ покушенія 4 апрѣля 1866 г.

Академія Генеральнаго Штаба.

Лѣтній садъ — собственность Императорскаго Двора, но съ начала нынѣшняго столѣтія предоставленъ въ пользованіе публики. Его аллеи украшены множествомъ мраморныхъ бюстовъ и статуй, между которыми есть и очень цѣнныя. Замѣчательна также исполинская урна изъ эльфдальскаго порфира, поставленная на одной изъ лужаекъ сада въ 1833 г.; но самымъ лучшимъ и наиболѣе знаменательнымъ украшеніемъ Лѣтняго сада служитъ памятникъ дѣдушкѣ Крылову (откр. въ 1855 г.)

Баснописецъ изображенъ сидящимъ съ книжкой въ рукахъ, на высокомъ пьедесталѣ, по бокамъ котораго помѣщены барельефныя олицетворенія лучшихъ Крыловскихъ басенъ. Они замѣчательной работы; вылиты, какъ и статуя Крылова, скульпторомъ Клодтомъ. Памятникъ помѣщенъ на площадкѣ въ самомъ бойкомъ мѣстѣ сада, гдѣ всегда много гуляющихъ, такъ что невольно приходятъ на память провиденціальные стихи Бенедиктова, посвященные описываемому памятнику:

И станутъ мелькать мимоходомъ
Предъ ликомъ пѣвца своего
Съ текущимъ въ аллеѣ народомъ
Ходячія басни его....

Пройдутъ въ человѣческихъ лицахъ
Козлы, обезьяны въ очкахъ,
Примчатся и львы въ колесницахъ
На скачущихъ бурно коняхъ и т. д.

Въ прежнее время Лѣтній садъ занималъ гораздо большее пространство чѣмъ нынѣ. Онъ сливался съ нынѣшнимъ садомъ Михайловскаго дворца и примыкалъ къ густой рощѣ, расположенной на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь возвышается Инженерный Замокъ. Въ настоящее время эта мѣстность разъединена каналами и проѣздами. Лѣтній садъ со стороны, противоположной Невѣ, оканчивается низенькой рѣшеткой, выходящей на набережную Мойки. За Мойкой поднимаются массивныя, мрачнаго вида стѣны Инженернаго Замка.

Замокъ этотъ замѣчательное зданіе. Онъ построенъ императоромъ Павломъ на мѣстѣ находившагося тамъ деревяннаго дворца, воздвигнутаго Елисаветой Петровной. Существуетъ преданіе, что Павелъ задумалъ построить новый дворецъ и назвать его Михайловскимъ, вслѣдствіе явленія ему во снѣ св. Михаила Архангела. Зданіе было воздвигнуто съ удивительной скоростью и съ поразительной роскошью, хотя, по словамъ Коцебу, представляло собой «странное смѣшеніе» очень красивыхъ предметовъ, которыхъ у строителя не хватило искусства привести въ

гармоническое сочетаніе. И извнѣ и внутри, дворецъ поражалъ, но не плѣнялъ: и въ цѣломъ и въ деталяхъ проглядывало безвкусіе, все казалось тяжелымъ и мрачнымъ. Однакожь, Павелъ Петровичъ былъ «въ такой степени восхищенъ своимъ созданіемъ, какъ увѣряетъ Коцебу, что самое незначительное замѣчаніе на столько-же раздражало его, на сколько льстила ему всякая, даже самая грубая похвала».... Постройка этого страннаго зданія обошлась слишкомъ въ $3^1/_2$ мил. руб. Со смертью Павла, оно опустѣло, а въ 1822 г. перешло въ Инженерное вѣдомство. Нынѣ въ немъ помѣщается Инженерное училище.

Противъ главныхъ воротъ Инженернаго Замка, выходящихъ на площадку того же названія, возвышается на мраморномъ пьедесталѣ бронзовая конная статуя Петра I, въ одеждѣ римскаго тріумфатора. Статуя эта была отлита при Елисаветѣ Петровнѣ скульпторомъ Мартелли, но потомъ заброшена и о ней забыли. Павелъ, открывъ ее, повелѣлъ поставить на нынѣшнемъ мѣстѣ и сдѣлать надпись: «Прадѣду — правнукъ».

Рядомъ съ Инженернымъ Замкомъ, черезъ улицу (Б. Садовую) раскинулся превосходный садъ Михайловскаго дворца — одного изъ обширнѣйшихъ и красивѣйшихъ зданій въ столицѣ. Михайловскій дворецъ названъ такъ по имени Великаго Князя Михаила Павловича, для котораго онъ и былъ первоначально построенъ въ 1825 г. Нынѣ онъ принадлежитъ Великой Княгинѣ Екатеринѣ Михаиловнѣ. Дворцовый садъ выходитъ на Мойку, по другой сторонѣ которой лежитъ широкая, усыпанная пескомъ, площадь Марсова поля, гдѣ происходятъ военныя ученья, смотры и парады. На нашей картинкѣ видъ Марсова поля или Царицына луга схваченъ въ моментъ происходящаго на немъ «Майскаго парада», когда производится Высочайшій смотръ всѣмъ войскамъ, расположеннымъ въ Петербургѣ и его окрестностяхъ. Сторона Марсова поля, противоположная Мойкѣ, ограничивается зданіями двухъ дворцовъ — Константиновскаго и принца Ольденбургскаго, съ примкнувшимъ къ послѣднему домомъ Салтыковыхъ. Начиная съ дворца принца Ольденбургскаго, по Дворцовой набережной идетъ цѣлый рядъ принадлежащихъ царской фамиліи дворцовъ, перемежающихся прекрасными частными домами.

Дворецъ Великаго князя Николая Николаевича.

Замѣчательнѣе всѣхъ и всѣхъ древнѣе Константиновскій или Мраморный дворецъ. Мраморнымъ онъ названъ, благодаря своей наружной облицовкѣ, составленной изъ плитъ цвѣтныхъ мраморовъ и гранита. Это очень изящное зданіе, какъ извнѣ, такъ и внутри. Построено оно въ 1783 г. и тогда же пожаловано было князю Г. Орлову; но Орловъ умеръ до его окончанія, и Екатерина II купила его у наслѣдниковъ покойнаго. Впослѣдствіи, въ Мраморномъ дворцѣ жилъ польскій эксъ-король Станиславъ Понятовскій, по смерти котораго въ немъ поселился Великій Князь Константинъ Павловичъ. Съ 1832 г. Мраморный дворецъ принадлежитъ Великому Князю Константину Николаевичу.

Нѣсколько поодаль отъ Мраморнаго, выходятъ на набережную своими лицевыми красивыми фасадами дворцы Великихъ Князей Михаила Николаевича и Владиміра Александро-

вича. Оба дворца выходятъ своими службами на Милліонную улицу. Изящество и роскошь внутренней отдѣлки въ обоихъ дворцахъ замѣчательны.

Между служебнымъ домомъ Мраморнаго дворца и домомъ Салтыковыхъ находится Суворовская площадь, названная такъ по памятнику, воздвигнутому по срединѣ ея знаменитому полководцу. Памятникъ этотъ состоитъ изъ бронзовой статуи классическаго воина въ шлемѣ, съ занесеннымъ надъ головою мечемъ; другой рукою воинъ прикрываетъ щитомъ папскую тіару и груду коронъ. Статуя представляетъ какъ-бы апоѳеозъ фельдмаршала Суворова. На пьедесталѣ, украшенномъ арматурами, надпись: «Князь Италійскій, графъ Суворовъ-Рымникскій, 1801 г.» Вокругъ пьедестала — ограда изъ чугунныхъ пушекъ съ гранатами, соединенными цѣпями.

Большой театръ.

Какъ разъ напротивъ Суворовскаго памятника протянулся черезъ Неву деревянный Петербургскій (Троицкій) мостъ. Мостъ этотъ — самый длинный изъ всѣхъ петербургскихъ мостовъ, (онъ имѣетъ до 470 саж.), составленъ изъ плашкоутовъ. Въ настоящее время всѣхъ плашкоутныхъ мостовъ по Невѣ два: Петербургскій и Дворцовый. Существуютъ они издавна. Уже въ 1727 г. былъ устроенъ черезъ Неву первый плашкоутный мостъ между Васильевскимъ островомъ и Адмиралтейской Стороной, противъ того мѣста, гдѣ теперь стоитъ памятникъ Петру В. Мостъ этотъ назывался Исакіевскимъ, пока не былъ перенесенъ уже въ позднѣйшее время вверхъ по Невѣ, въ сторону къ Зимнему дворцу, гдѣ получилъ названіе Дворцоваго. Петербургскій мостъ устроенъ былъ въ 1827 г.; около того же времени получилъ бытіе и Воскресенскій (нынѣ упраздненный). Плашкоутные мосты, хотя не особенно благообразны, тѣмъ не менѣе весьма удобны для такой прихотливой рѣки, какъ Нева, а при мѣстныхъ климатическихъ условіяхъ они чрезвычайно легко наводятся и разводятся, не затрудняя судоходства.

Троицкій мостъ приводитъ насъ на Петербургскую Сторону, гдѣ впервые положенъ былъ зародышъ нашей столицы. Безъ сомнѣнія, первымъ долгомъ мы отправимся въ знаменитый домикъ Петра Великаго — въ эту, по выраженію одного описателя нашей столицы, «укромную хижину, изъ которой побѣдитель Карла заставилъ надменную Европу уважать себя»...

Дѣйствительно, и по размѣрамъ и по своей скромной обстановкѣ, домикъ этотъ представляетъ хижину. Весь онъ состоитъ всего изъ двухъ покойчиковъ, изъ которыхъ одинъ служилъ рабочимъ кабинетомъ, а другой спальней великому царю. Здѣсь сохранились еще нѣкоторыя вещи, принадлежавшія Петру: шляпа и шпага, кожаный стулъ, яликъ, сдѣланный самимъ ца-

ремъ, и проч. Домикъ былъ построенъ въ голландскомъ вкусѣ, и прежняя физіономія его до сихъ поръ поддерживается: снаружи онъ выкрашенъ подъ кирпичъ, а внутри стѣны зятянуты крашенымъ полотномъ; притолки и косяки размалеваны цвѣтами. При Екатеринѣ II домикъ, для сохранности, одѣли каменной одеждой, такъ что теперь онъ находится какъ-бы въ футлярѣ. Въ недавнее время вокругъ него разведенъ красивый палисадникъ, огражденный изящной чугунной рѣшеткой. Одна изъ комнатъ домика обращена въ часовню съ нерукотвореннымъ образомъ Спасителя, который всюду сопутствовалъ Петру. Образъ этотъ весьма чтится петербургскимъ населеніемъ и къ часовнѣ стекается множество богомольцевъ служить молебны.

На разстояніи нѣсколькихъ десятковъ шаговъ отъ Петровскаго домика находится не менѣе почтенный остатокъ петербургской старины — Троицкій соборъ, основанный Петромъ В. въ 1703 г., въ память основанія Петербурга. При Елисаветѣ Петровнѣ онъ былъ заново отстроенъ въ первоначальномъ видѣ. Этотъ видъ онъ до сихъ поръ сохраняетъ въ большей или меньшей степени. Недавно онъ былъ реставрированъ извнутри и снаружи, и имѣетъ теперь очень чистенькій видъ. Впрочемъ, ни по архитектурѣ, довольно некрасивой и безхитростной, ни по своимъ размѣрамъ, Троицкій соборъ не представляетъ ничего замѣчательнаго. За то въ немъ сохранилось не мало весьма важныхъ историческихъ драгоцѣнностей, какъ-то: собственноручной работы Петра В. мраморный образъ Благовѣщенія, паникадило изъ слоновой кости и маленькая костяная ладанница; замѣчателенъ также деревянный рѣзной иконостасъ старинной русской работы.

Передъ Троицкимъ соборомъ расположена площадь того-же названія, игравшая такую важную роль въ жизни Петербурга въ первые годы его основанія. Въ дни Петровы на этой площади происходили всѣ торжественные акты государственнаго и общественнаго обихода: военные парады, тріумфы, маскарады, празднованіе высокоторжественныхъ дней, увеселительныя гулянья, а также, случалось, и смертныя казни. На Троицкой площади находился гостиный дворъ, а рядомъ съ нимъ знаменитая «Аустерія» — первый въ Петербургѣ трактиръ на европейскую ногу. Словомъ, въ тѣ времена Троицкая площадь была центромъ столицы и самымъ бойкимъ ея мѣстомъ. Въ настоящее время она утратила всякое такое значеніе и служитъ только для развѣтвленія исходящихъ изъ нея путей въ разныя стороны: слѣва — въ Петропавловскую крѣпость, прямо противъ Троицкаго моста въ Александровскій паркъ и Кронверкскій проспектъ, а справа въ Дворянскую и Петровскую улицы.

Маріинскій театръ.

Со стороны площади въ Петропавловскую крѣпость ведутъ старинныя Іоанновскія ворота, а затѣмъ Петровскія, украшенныя барельефнымъ изображеніемъ закладки крѣпости и большимъ двуглавымъ орломъ. Крѣпость представляется на планѣ овальнымъ многоугольникомъ, окруженнымъ со всѣхъ сторонъ водою: съ юго-запада Невою, а съ остальныхъ сторонъ Кронверкскимъ протокомъ. На сѣверной сторонѣ крѣпости, на отдѣльномъ островкѣ, воздвигнуто особое земляное укрѣпленіе — Кронверкъ, съ находящимся внутри его огромнымъ, казематнаго вида, зданіемъ новаго арсенала.

Въ настоящемъ видѣ, Петропавловская крѣпость состоитъ изъ шести бастіоновъ: Петра I и Петра II, обращенныхъ къ Троицкой площади, Трубецкаго и Зотова — насупротивъ Василь-

евскаго острова, Анны Іоанновны, — выходящаго къ Кронверку, и Екатерины II, расположеннаго по Невѣ, противъ Дворцовой набережной.

Между бастіонами Петра I и Петра II, противъ куртины, расположенъ Іоанновскій равелинъ, а передъ куртиною бастіоновъ Трубецкаго и Зотова — Алексѣевскій равелинъ. Крѣпость имѣетъ семь воротъ: Іоанновскія, Петровскія, Невскія, Васильевскія, Алексѣевскія, Николаевскія и Кронверкскія. Съ Петербургскимъ островомъ она соединяется двумя мостами.

Сооруженіе Петропавловской крѣпости, закладкою которой было положено основаніе Петербургу, происходило, можно сказать, цѣлое столѣтіе. Петръ В. сначала воздвигъ земляныя укрѣпленія, потомъ приступилъ къ постройкѣ каменныхъ бастіоновъ, которые были окончены въ послѣдующія царствованія. Теперешнимъ своимъ видомъ крѣпость обязана главнымъ образомъ Екатеринѣ II. При ней была начата облицовка невскихъ бастіоновъ тесанымъ гранитомъ и окончена при Павлѣ, повелѣвшимъ облицовать кирпичной одеждой и кронверкъ.

Внутри крѣпости, кромѣ спеціально-крѣпостныхъ учрежденій, находятся: Петропавловскій соборъ, оружейный музей, монетный дворъ и, такъ называемое, ботное зданіе.

Петропавловскій соборъ, заложенный Петромъ В., окончательно отстроенъ въ шестидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія; но около того же времени шпицъ надъ колокольней былъ поврежденъ молніей. Нынѣшній золоченый шпицъ, представляющій замѣчательнѣйшее въ своемъ родѣ сооруженіе, построенъ былъ уже въ наше время извѣстнымъ инженеромъ Журавскимъ. Къ несчастью, въ 1830 г. въ крестѣ и ангелѣ, возвышающемся на яблокѣ шпица и утвержденномъ на подвижномъ стержнѣ, оказались важныя поврежденія, для исправленія которыхъ требовалось воздвигнуть лѣса и истратить большія суммы. Въ это время одинъ простой кровельщикъ, крестьянинъ Телушкинъ, вызвался единолично взлѣзть на шпицъ и исправить что нужно. Онъ достигъ этого блестящимъ образомъ и обезсмертилъ свое имя. Тѣмъ не менѣе, впослѣдствіи потребовалось все-таки систематически перестроить шпицъ и дать ему такую конструкцію, чтобы можно было безъ посредства лѣсовъ всходить на яблоко. На башнѣ колокольни находятся замѣчательные часы съ курантами, пожалованные Елисаветой Петровной въ 1756 г.

Внутренность Петропавловскаго собора не поражаетъ блескомъ и грандіозностью, но въ немъ хранится много достопамятныхъ предметовъ, какъ-то: 1) два костяныхъ паникадила, выточенныхъ Петромъ В. Въ яблокѣ одного изъ нихъ находится собственноручная записка Петра: «Сіе приносится въ знакъ благодаренія Господу Богу за цѣлебныя воды, сдѣлано при оныхъ, Марта 14 дня 1724 года. Петръ.» 2) его же работы запрестольный крестъ изъ слоновой кости и друг. вещи; 3) походная подушка Суворова; 4) цѣлая коллекція взятыхъ съ бою знаменъ и другихъ трофеевъ, и пр.

Важнѣйшая же особенность Петропавловскаго собора въ томъ, что онъ, со временъ Петра В., служитъ царской усыпальницей. Значительная часть его установлена рядами мраморныхъ саркофаговъ, съ золочеными досками, на которыхъ обозначено имя, время рожденія, царствованія и кончины каждаго изъ усопшихъ государей. На гробницахъ Петра I и Александра I положены золотыя медали: на одной въ память столѣтняго юбилея Петербурга, на другой въ память отечественной войны.

Возлѣ собора находится небольшой каменный, глухой павильонъ, въ которомъ хранится знаменитый «Дѣдушка русскаго флота» — ботикъ Петра В.

Монетный дворъ, помѣщающійся въ Петропавловской крѣпости и выдѣлывающій на десятки милліоновъ золотой и серебряной монеты, замѣчателенъ своими машинами и техническимъ устройствомъ. Въ 1874 г. онъ былъ капитально перестроенъ, съ цѣлью примѣнить къ производству монеты всѣ новѣйшія усовершенствованія. Новая лабораторія для раздѣленія золота отъ серебра помѣщается въ двухъ-этажномъ зданіи съ превосходной вентиляціей и водянымъ отопленіемъ. Кромѣ другихъ усовершенствованій, лабораторія приспособлена такъ, что вмѣсто вырабатывавшихся на ней прежде 32 пуд. метала въ день, теперь въ ней производится 48 пуд.

Гласисъ крѣпости съ сѣверной стороны облегаетъ обширный Александровскій паркъ, чрезвычайно оживленный въ лѣтнее время. Этому не мало способствуетъ то, что въ паркѣ помѣщается Зоологическій садъ г-жи Ростъ, въ который столичная публика привлекается, кромѣ зрѣлища хорошо снабженнаго и устроеннаго звѣринца, увеселительными вечерами, съ музыкой, акробатическими упражненіями и проч.

Вступивъ на почву Петербургской Стороны, мы встрѣчаемъ уже иныя картины города и городской жизни, совершенно отличныя отъ тѣхъ, къ какимъ пригладѣлся нашъ глазъ на сторонѣ Адмиралтейской. Здѣсь преобладаютъ деревянные, большею частью одноэтажные дома, съ неизбѣжнымъ мезониномъ, выкрашенные преимущественно вохрой и, по своей патріархальной архитектурѣ, дающіе не особенно эстетическое представленіе о своеобразномъ, если можно такъ выразиться, песочно-коломенскомъ стилѣ. Разумѣется, и здѣсь попадаются большія каменныя зданія, между которыми нельзя не отмѣтить Александровскій лицей, огромный корпусъ котораго, окруженный садовою зеленью, выходитъ главнымъ фасадомъ на Кронверкскій проспектъ. Затѣмъ, другая отличительная черта Петербургской Стороны — обиліе древесной растительности, которая, по мѣрѣ отдаленія отъ центральныхъ частей города, все болѣе и болѣе сгущается и, наконецъ, превращается въ сплошныя рощи, сады и аллеи съ переѣздомъ Карповскаго моста — въ районъ населенныхъ дачами островов: Аптекарскаго, Каменнаго, Крестовскаго, Петровскаго и Елагина. Здѣсь-же на Петербургской Сторонѣ, преимущественно по Каменноостровскому проспекту, сосредоточивается, главнымъ образомъ, садовая и цвѣточная промышленность столицы. Чтобы судить о развитіи этой промышленности и о любви петербуржцевъ, напр., къ цвѣтамъ, довольно узнать, что столичными садоводами сбывается въ теченіе каждаго лѣтняго мѣсяца отъ 35,000 до 40,000 горшковъ однихъ лѣтнихъ растеній и до 3,500 букетовъ, цѣнность которыхъ съ отдѣлкою доходитъ до 25 руб. за штуку.

Полюбовавшись мимоходомъ аркадскимъ видомъ утонувшей въ зелени Петербургской Стороны, скромной и нешумной жизнью ея тихихъ улицъ, мы переправляемся черезъ Тучковъ мостъ на Васильевскій о-въ. Съ Тучкова моста открывается по обѣ стороны очень хорошій видъ на Малую Неву. Слѣва, при входѣ на мостъ, нельзя не обратить вниманія на громадные «Пеньковые буяны», воздвигнутые на небольшомъ островкѣ, отдѣленномъ узкимъ протокомъ отъ Петербургской Стороны. Далѣе, при спускѣ съ Тучкова моста, по направленію къ Васильевскому острову, представляется оригинальное зрѣлище сѣнной пристани, у которой стройными рядами, на подобіе громадныхъ пловучихъ шалашей, стоятъ барки, нагруженныя сѣномъ. Здѣсь главный сѣнной рынокъ въ Петербургѣ.

Повернувъ налѣво съ Тучкова мѣста, по оживленной Васильевской набережной Малой Невы, мы вступаемъ въ царство биржи и оптовой торговли, по части заграничнаго отпуска и привоза. Минуя довольно ординарное зданіе таможни, съ окружающими ее рядами каменныхъ кладовыхъ, остановимся у биржи. Зданіе биржи, съ наружной стороны, намъ уже знакомо нѣсколько. Скажемъ теперь пару словъ объ его прошломъ и объ его устройствѣ. Оно было начато въ 1784 г., по плану Гваренги, но, вслѣдствіе недостатка денегъ въ казнѣ, по случаю военнаго времени, не достроено и въ такомъ видѣ простояло до 1816 г. Стѣны зданія за это время совершенно отсырѣли и полуразрушились; ихъ сломали до основанія и воздвигли, по плану архитектора Тона, нынѣшній корпусъ, съ двумя ростральными колоннами передъ его портикомъ. У основаній колоннъ поставлены колоссальныя статуи Нептуна и богини торговли. Кромѣ своего внѣшняго величественнаго вида, Биржа замѣчательна своей обширной и прекрасной залой, украшенной бюстомъ Александра I.

Васильевскій островъ, по своему мѣстоположенію и обстройкѣ, принадлежитъ къ лучшимъ частямъ города. Улицы его широки и прямы; центральная его часть пересѣкается Большимъ проспектомъ, представляющимъ ту особенность, что съ обѣихъ его сторонъ, вдоль домовъ,

идутъ палисадники, а по срединѣ его тянется бульваръ. Это обиліе зелени придаетъ проспекту свѣжій, смѣющійся видъ, дѣлаетъ его похожимъ на безконечную аллею.

Васильевскій островъ составилъ себѣ репутацію, какъ поселеніе купцовъ и ученыхъ. Дѣйствительно, въ немъ сосредоточивается биржевая торговля, какъ, съ другой стороны, въ его районѣ находятся главнѣйшія ученыя и учебныя заведенія столицы. Послѣднія и составляютъ, собственно, важнѣйшую достопримѣчательность острова.

По случайности, въ то время, какъ лѣвая набережная Б. Невы блистаетъ, главнымъ образомъ, дворцами, правая — украшена цѣлымъ рядомъ храмовъ науки и искусства. Такъ, начи-

Александринскій театръ.

ная съ Выборгской Стороны, идутъ: Медико-Хирургическая Академія, затѣмъ, минуя крѣпость, на Васильевскомъ островѣ — рядъ зданій Академіи Наукъ, далѣе: Филологическій Институтъ, Университетъ, Павловская Военная Гимназія, Академія Художествъ, Морское Училище, Горный Институтъ...

Академія Наукъ, какъ все почти капитальное въ Петербургѣ, была основана по мысли Петра В. Въ 1710 г. онъ повелѣвалъ «сдѣлать Академію, а нынѣ пріискать изъ русскихъ кто ученъ и къ тому склонность имѣетъ, также начать переводить книги юриспруденціи и прочія».... Тѣмъ не менѣе открытіе Академіи состоялось послѣ кончины великаго просвѣтителя Россіи, именно въ дни Екатерины I. 27 декабря 1725 г. происходило, въ присутствіи императрицы и всего двора, *первое* засѣданіе Академіи Наукъ. Съ той поры Академія постоянно упрочивалась и расширяла свою дѣятельность. До царствованія Александра I дѣятельность ея была двоякая — чисто-научная и учебная; съ этого времени, съ обособленіемъ отъ Академіи состоявшей при ней академической гимназіи, она сдѣлалась исключительно однимъ высшимъ ученымъ учрежденіемъ.

Нынѣ Академія состоитъ изъ трехъ отдѣленій: 1) физико-математическаго; 2) русскаго языка и словесности и 3) историко-филологическаго. Академиковъ въ ней считается около 40;

почетныхъ членовъ иностранныхъ и русскихъ до 70 и членовъ-корреспондентовъ до 200. Академія имѣетъ свою обширную типографію, древнѣйшую въ Петербургѣ; особенно замѣчательна она громаднымъ выборомъ шрифтовъ по всѣмъ почти существующимъ на землѣ языкамъ, имѣющимъ свою письменность. Академія печатаетъ разныя ученыя изслѣдованія и издаетъ нѣсколько періодическихъ сборниковъ: «Записки Академіи Наукъ», «Лѣтописи гл. Физической обсерваторіи», «Bulletin de l'Académie Imp. sc.», и проч. Академія снабжена обширной библіотекой (книгъ: по русскому отдѣлу — 69,638; по иностран. 109,849; рукописей — 13,000; въ библіотекахъ музеевъ — 132,935 кн.) и превосходными музеями: азіатскимъ, минералогическимъ (49,787 предметовъ), зоологическимъ и зоотомическимъ (111,023 экземпл.), анатомическимъ и гербаріемъ (съ 50 т. видовъ растеній). Учрежденія Академіи размѣщены въ нѣсколькихъ зданіяхъ по набережной Невы. Зданія эти снаружи не представляютъ ничего замѣчательнаго; заслуживаетъ вниманія только главное изъ нихъ по своей древности — это бывшій дворецъ царицы Прасковьи Ѳедоровны, построенный въ первые годы по основаніи Петербурга.

Рядомъ съ Академіей, боковымъ фасадомъ на Неву выходитъ длинное, узкое и довольно красивое зданіе Университета, тоже одно изъ стариннѣйшихъ въ столицѣ. Оно было начато въ 1724 г. и окончательно отстроено въ 1736 г. по плану архитектора Трезини. Въ немъ помѣщались существовавшія въ тѣ времена 12 коллегій, а впослѣдствіи, съ упраздненіемъ оныхъ, разныя присутственныя мѣста. Въ 1838 г. они были отсюда выведены, и зданіе отошло подъ Университетъ исключительно.

С.-Петербургскій Университетъ основанъ въ 1819 г. Особенность его, отличающая отъ другихъ нашихъ университетовъ, состоитъ въ томъ, что въ немъ нѣтъ медицинскаго факультета и существуетъ — единственный въ Россіи — факультетъ восточныхъ языковъ. Учащихся въ немъ въ 1878 г. было 1,418, преподавателей 90. Вообще, по числу учащихся, Петербургскій Университетъ занимаетъ второе мѣсто въ ряду русскихъ университетовъ. Петербургскій Университетъ богато снабженъ учебными пособіями и имѣетъ порядочную библіотеку.

На недалекомъ разстояніи отъ зданія Университета, тянется длинный, своеобразной архитектуры корпусъ Павловской Военной Гимназіи. Это одно изъ самыхъ длинныхъ по фасаду зданій въ Петербургѣ; оно тянется слишкомъ на версту (по набережной Невы — 167 сажен., и по Кадетской линіи — 366 саж.). Оно въ три этажа и красотой не отличается; но замѣчательно, какъ бывшій домъ могущественнаго временщика, кн. Меншикова (знаменитаго Алексашки). Лицевой фасадъ, выходящій на Неву, до сихъ поръ сохранилъ почти безъ измѣненія тотъ видъ, какой имѣлъ въ первой четверти прошлаго столѣтія, когда здѣсь блистательный князь давалъ свои пышные праздники и чествовалъ на нихъ своего монарха и друга. Въ тѣ времена домъ Меншикова былъ самымъ обширнымъ и красивѣйшимъ домомъ въ столицѣ и далеко затмѣвалъ собою скромный царскій дворецъ....

Мы уже любовались мимоходомъ прекраснымъ зданіемъ Академіи Художествъ, отдѣляющимся отъ Павловской Гимназіи Румянцевскимъ скверомъ, названнымъ такъ по возвышающемуся среди его зелени гранитному обелиску съ надписью: «Румянцова побѣдамъ» (сооруж. въ 1799 г.). Но прежде чѣмъ войти вовнутрь Академіи Художествъ, нельзя не воздать дань удивленія искусству древнихъ египтянъ, образецъ котораго представляютъ два гранитные сфинкса, поставленные противъ входа въ Академію на набережной. Сфинксы эти вывезены изъ Египта при Николаѣ Павловичѣ и изумляютъ отчетливостью работы, изяществомъ контуровъ, а, главное, изумляютъ тѣмъ, что они такъ прекрасно сохранились, не взирая на то, что высѣчены нѣсколько тысячелѣтій тому назадъ.

Четвероугольное зданіе Академіи Художествъ, съ возвышающимся надъ главнымъ фасадомъ, обширныхъ размѣровъ, красивымъ куполомъ, построено въ 1788 году, по плану архитектора Кокорина, и тогда же посвящено «Свободнымъ художествамъ», какъ гласитъ надпись на его фронтонѣ. Главный входъ со стороны Невы вводитъ въ обширныя круглыя

сѣни, откуда поднимаются широкія, обнесенныя колоннами и украшенныя статуями, лѣстницы въ верхніе этажи. Художественныя сокровища Академіи сосредоточены главнымъ образомъ во второмъ этажѣ — въ его обширныхъ галлереяхъ и залахъ. Изъ залъ особенно замѣчательны: круглая, съ мраморной статуей Екатерины II и съ изображеніями на стеклахъ оконъ фигуръ Живописи, Скульптуры и Архитектуры, и конференцъ-зала съ портретами Петра В. и другихъ лицъ царской фамиліи.

Въ академическихъ галлереяхъ, въ числѣ множества всякаго рода картинъ, копій, гравюръ, статуй, слѣпковъ и проч., есть не мало превосходныхъ картинъ иностранныхъ художниковъ старыхъ и новыхъ школъ, преимущественно пожертвованныхъ гр. Шуваловымъ и гр. Кушелевымъ. Отдѣлъ русской живописи представляютъ произведенія Лосенкова, Акимова, Левицкаго, Бруни, Шебуева, Басина, Угрюмова, Воробьева, Брюлова, Егорова, Мартынова, Ге, Якоби и друг. Кромѣ образцовъ живописи и скульптуры, въ витринахъ академіи находится множество дорогихъ камей, монетъ, медалей, терквитовъ. Есть также нѣсколько моделей замѣчательныхъ построекъ, изъ коихъ особенно выдается копія со знаменитой Альгамбры. Сверхъ того имѣется особый музей русской и древнехристіанской старины: церковной утвари, иконъ, иконостасовъ, вооруженія, одежды, домашней посуды и проч. Академическая библіотека состоитъ изъ нѣсколькихъ тысячъ цѣнныхъ изданій на разныхъ языкахъ. Учащихся въ Академіи молодыхъ людей около 250; курсъ ученія шести-лѣтній. Окончившіе удовлетворительно курсъ получаютъ званіе «классныхъ художниковъ» трехъ степеней.

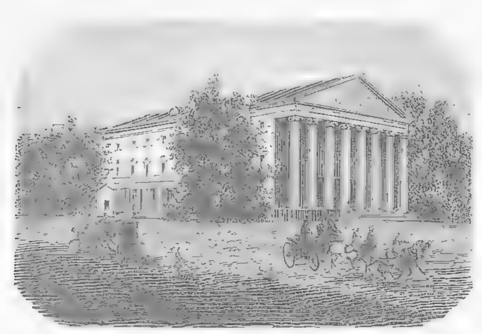
Идя далѣе по набережной Невы и миновавъ Николаевскій мостъ, встрѣчаемъ обширное зданіе Морскаго Училища, имѣющаго до 300 комнатъ и громадную залу въ 280 кв. саж. Зданіе это построено въ 1796 г., на мѣстѣ стоявшаго здѣсь стариннаго дома извѣстнаго Миниха и истребленнаго пожаромъ въ 1771 г. Самое Училище основано въ 1709 г. подъ именемъ Навигаціонной школы въ Москвѣ, потомъ оно испытало цѣлый рядъ преобразованій, включительно до послѣдняго, современнаго намъ, преобразованія и переименованія изъ Морскаго Кадетскаго Корпуса въ Морское Училище.

Гранитную Невскую набережную замыкаетъ зданіе Горнаго Института, построенное въ 1810 г. Институтъ ведетъ свое начало съ 1774 г.: въ настоящее время въ его обладаніи находится нѣсколько очень хорошихъ музеевъ, изъ коихъ заслуживаетъ особеннаго вниманія богатѣйшій минералогическій кабинетъ, вмѣщающій въ себѣ много единственныхъ въ своемъ родѣ драгоцѣнностей, какъ, напр., золотой самородокъ вѣсомъ около 3 фунт., аквамаринъ въ 6 фунт. удивительной чистоты, платиновый самородокъ въ 10 фунт., изумрудная руда и проч.

Возвратившись на Адмиралтейскую Сторону чрезъ Николаевскій мостъ, мы сразу попадаемъ въ одну изъ красивѣйшихъ частей города. Обозрѣвая Англійскую набережную, застроенную великолѣпными домами, въ числѣ ихъ встрѣчаемъ, между прочимъ, зданіе Военной Академіи, изъ стѣнъ которой вышло столько нашихъ военныхъ знаменитостей... Остановимся мимоходомъ на Благовѣщенской площади. Справа отъ моста идутъ знаменитыя, по своимъ преданіямъ, Восточныя или Пушкинскія бани. Въ настоящее время онѣ далеко уступаютъ, по внутреннимъ усовершенствованіямъ, удобствамъ и роскошной отдѣлкѣ, нѣкоторымъ новымъ банямъ, напр., Воронинскимъ — единственнымъ, по своей комфортабельности и изящной обстановкѣ (Фонарный переул.), Невскимъ, Соболевскимъ и друг. Впрочемъ, рядомъ съ этими изысканными палаццо, въ Петербургѣ встрѣчаются до сихъ поръ еще бани совершенно допотопнаго устройства, отапливаемыя, напр., курными печами... Всѣхъ «торговыхъ» бань въ Петербургѣ 23, а баннымъ промысломъ занимается до 4,200 чел.

Противъ Восточныхъ бань, черезъ площадь, возносится лицевой фасадъ прекраснаго, по своей архитектурѣ и симметричности, Николаевскаго дворца, огражденнаго съ данной стороны великолѣпной чугунной рѣшеткой. Дворецъ этотъ принадлежитъ къ новѣйшимъ постройкамъ столицы; онъ воздвигнутъ въ 1862 г.; вмѣстѣ со своими обширными службами занимаетъ цѣлый кварталъ.

Наискось отъ Николаевскаго дворца стоитъ красивая съ золочеными верхушками церковь Благовѣщенія, въ древнерусскомъ стилѣ, тоже новѣйшей постройки. Между церковью и дворцомъ открывается видъ на широкій Конногвардейскій бульваръ, по правой сторонѣ котораго тянутся обширныя казармы и манежъ Лейбъ-Гвардіи Коннаго полка. Насупротивъ бульвара, Благовѣщенская площадь ограничена Крюковымъ каналомъ, за которымъ виднѣются громадныя сооруженія Новаго Адмиралтейства. Зданія Морскаго вѣдомства, именно — казармы 8-го Флотскаго экипажа, расположены и по этой сторонѣ канала, начиная отъ Благовѣщенской площади и кончаясь у Поцѣлуева моста. Черезъ этотъ мостъ мы достигаемъ Театральной площади, гдѣ расположены два Императорскіе театра, и пользуемся этимъ случаемъ, чтобы ознакомиться съ театральными учрежденіями Петербурга вообще.

Театръ на Каменномъ островѣ.

Первые театры явились въ Петербургѣ еще во времена Петра В. Къ концу его царствованія существовалъ театръ въ Литейной Слободѣ; были кромѣ этого домашніе театры у вельможъ; но театральное дѣло вполнѣ упрочилось, организовалось и сдѣлалось общественнымъ учрежденіемъ въ дни Екатерины II. На началахъ, изданныхъ Императрицей и вошедшихъ въ законную силу, петербургскіе Императорскіе театры и до сихъ поръ держатся въ основныхъ чертахъ своего устройства. Устройство это зиждется, во первыхъ, на монополіи зрѣлищъ, дарованной казеннымъ театрамъ, и, во вторыхъ, на прерогативахъ коронной службы, которыми пользуются артисты этихъ театровъ.

Въ настоящее время существуетъ въ столицѣ шесть Императорскихъ театровъ (не считая придворныхъ въ зданіяхъ дворцовъ) и шесть казенныхъ труппъ. Постройка зданій нынѣшнихъ театровъ тоже началась отчасти въ царствованіе Екатерины II. Такъ, самый блестящій и обширный въ столицѣ Большой театръ впервые былъ воздвигнутъ въ 1784 г., и назывался тогда Каменнымъ. Въ 1817 г. онъ сгорѣлъ и послѣ того дважды перестроенъ; въ настоящемъ своемъ видѣ онъ былъ отстроенъ и отдѣланъ архитекторомъ Кавосомъ въ 1836 г. Находящійся насупротивъ Большаго театра — Маріинскій, отстроенный окончательно въ 1860 г., замѣнилъ стоявшій на томъ же мѣстѣ деревянный циркъ. Александринскій театръ также первоначально былъ деревяннымъ и въ первые годы текущаго столѣтія служилъ для частной итальянской оперы. Въ 1832 г. построено на мѣстѣ деревяннаго нынѣшнее каменное зданіе этого театра, по плану архитектора Росси. Михайловскій театръ, помѣщающійся на площади того же названія, близъ Михайловскаго дворца, построенъ въ 1833 г. архитекторомъ Брюловымъ. Каменно-островскій лѣтній театръ, находящійся на Каменномъ островѣ, основанъ въ 1827 г. и возобновленъ въ 1844 г. Наконецъ, въ 1879 г. открытъ новый, такъ названный, Малый театръ, построенный частнымъ предпринимателемъ, въ районѣ Апраксинскаго рынка, со стороны Фонтанки. Зданіе это наняла дирекція Императорскихъ театровъ и учредила въ немъ русскіе драматическіе спектакли. Въ архитектурномъ отношеніи зданія театровъ довольно рутинны; оригинальнѣе всѣхъ Маріинскій театръ, на это не значитъ, чтобы онъ выдавался красотою. Что касается внутренняго устройства, то, минуя нѣкоторыя неудобства и несовершенства старыхъ построекъ, большая часть столичныхъ театровъ отличается пышностью, особенно Маріинскій и Большой театры (въ послѣднемъ примѣнено даже электрическое освѣщеніе); матеріальныя же средства ихъ, относительно театральной техники, чрезвычайно богаты и громадны. Театральныя гардеробныя и кладовыя завалены неисчислимыми массами всевозможныхъ костюмовъ, бутафорскихъ вещей, декорацій, машинъ и проч.

На упомянутые шесть казенныхъ театровъ (Каменноостровскій открывается только на лѣтніе мѣсяцы, когда прочіе театры закрыты) содержится по штату шесть труппъ, иждивеніе которыхъ обходится въ нѣсколько сотъ тысячъ руб. Труппы эти слѣдующія:

1) Русская драматическая, состоящая изъ 122 персонажей (даетъ спектакли въ Александринскомъ, Маріинскомъ, Маломъ и Каменноостровскомъ театрахъ).

2) Русская оперная изъ 124 (въ Маріинскомъ театрѣ).

3) Итальянская оперная (въ Большомъ театрѣ — составъ ея существенно мѣняется ежегодно).

4) Французская драматическая изъ 64 персонаж. (въ Михайловскомъ театрѣ).

5) Нѣмецкая драматическая (въ Михайловскомъ и Александринскомъ театрахъ).

6) Балетная (въ Большомъ театрѣ — чередуется спектаклями съ Итальянской оперой).

Кромѣ труппъ, во всѣхъ Императорскихъ театрахъ состоятъ еще оркестры — въ каждомъ особый; въ нихъ всѣхъ музыкантовъ 307. При театрахъ состоитъ также Театральная школа, существующая со временъ Екатерины II и стоющая «очень дорого», какъ выразился покойный Государь Николай Павловичъ. Не дешево стоитъ также управленіе театрами и веденіе ихъ обширнаго хозяйства, занимающаго сотни рукъ и питающаго сотни ртовъ....

Вслѣдствіе существующаго положенія театральнаго дѣла въ Петербургѣ, частная театральная предпріимчивость встрѣчаетъ стѣсненія и препятствія и очень туго развивается. Частные театры въ столицѣ есть, но они стоятъ пустые, какъ напр., деревянный театръ на Александринской площади (бывшій — Буффъ, нынѣ сломанный), театръ Пассажа и др. Частная театральная дѣятельность сосредоточивается исключительно на «любительскихъ» сценахъ въ клубахъ зимою, а въ лѣтнее время — на загородныхъ дачныхъ театрахъ — въ Лѣсномъ, въ Павловскѣ, въ Ораніенбаумѣ и проч. Даже акробатическія и волтижерскія представленія частной антрепризы находятся въ зависимости отъ казенной театральной монополіи, облагающей ихъ, какъ и всякія другія частныя зрѣлища включительно до пресловутаго Демидовскаго сада, пошлиной въ свою пользу съ каждаго спектакльнаго сбора, и пошлиной нерѣдко, очень тяжелой.

Тѣмъ не менѣе въ Петербургѣ существуетъ постоянный циркъ г. Чинизелли, упрочившій свое существованіе и обзаведшійся недавно солидно построеннымъ каменнымъ помѣщеніемъ у Симеоновскаго моста. Зданіе цирка легкой, изящной архитектуры, съ замѣчательной сферической крышей, можетъ быть причислено къ красивѣйшимъ постройкамъ въ Петербургѣ за послѣднее время.

Вообще, не смотря на стѣсненія, частныя увеселительныя мѣста въ Петербургѣ постоянно плодятся, развиваются, а многія изъ нихъ и процвѣтаютъ. Одни изъ нихъ — зимнія, другія — лѣтнія. Къ первымъ нужно отнести наши столичные клубы, которые, обыкновенно, на лѣто частью закрываются, а частью переселяются въ дачныя помѣщенія. Нынѣ, зимою, въ большинствѣ клубовъ, кромѣ обычныхъ «семейно-танцовальныхъ» вечеровъ, баловъ, маскарадовъ, общихъ обѣдовъ и повседневнаго времяпровожденія за зелеными столами — въ «винтъ», преферансъ и мушку, существуютъ постоянныя, правильно организованныя сценическія зрѣлища. Образовался даже особый артистическій классъ — клубскихъ актеровъ-«любителей», изъ среды которыхъ выдѣляются нерѣдко замѣчательные таланты, каковы, напр., г-жи Савина, Стрепетова и друг.

Послѣ клубовъ и одновременно съ ними, зимою привлекаютъ не мало искателей развлеченій танцъ-классы и кафе-шантаны, въ родѣ традиціоннаго «Марцинкевича», «Пале-де-Кристаль», «Folie Bergère» и проч. «Заведенія» эти, впрочемъ, не пользуются хорошей славой и посѣщаются менѣе разборчивымъ классомъ модистокъ, прикащиковъ и, наконецъ, тѣхъ беззаботныхъ субъектовъ обоего пола, легкое поведеніе которыхъ оставляетъ такъ много желать...

Изъ лѣтнихъ увеселеній въ чертѣ города, особенно популярны нынѣ: Зоологическій садъ, о которомъ мы уже упоминали, и «Демидовъ садъ», носящій, по недоразумѣнію, титулъ «Семейнаго». Прелесть этого послѣдняго «сада», весьма скуднаго растительностью и загроможден-

наго множествомъ довольно безвкусныхъ сооруженій, заключается, во-первыхъ, въ зрѣлищахъ пикантной французской каскадной музы, а, во-вторыхъ, въ гривуазной славѣ господствующаго элемента его «завсегдатаихъ» вечернихъ посѣтительницъ...

Мы оканчиваемъ нашу прогулку по Петербургу, съ предвзятой цѣлью обзора его достопримѣчательностей. Она далеко превзошла предѣлы, предназначенные вначалѣ нашему очерку... Пора кончить, хотя не можемъ не сознаться, съ сожалѣніемъ, что многое еще, и очень многое, заслуживающее полнаго вниманія, или вовсе обойдено нами, или упомянуто только вскользь.... Петербургъ, какъ и подобаетъ столицѣ нашего обширнаго государства — царю городовъ русскихъ, такъ богатъ разнообразными памятниками, сокровищами и учрежденіями, и такъ сложенъ въ своей организаціи, внутренней и внѣшней, что на обстоятельное описаніе его потребовались бы цѣлые объемистые томы. Въ нашу задачу входило — дать лишь общій очеркъ физіономіи Петербурга, въ ея характеристическихъ чертахъ, и остановить вниманіе читателей по крайней мѣрѣ на главнѣйшихъ его достопримѣчательностяхъ.

Вл. Михневичъ.

Циркъ Чинизелли.

ОЧЕРКЪ XIV.

ИМПЕРАТОРСКІЙ ЭРМИТАЖЪ И КАРТИННЫЯ ГАЛЛЕРЕИ ПЕТЕРБУРГА.

Происхожденіе Эрмитажной галлереи. — Пріобрѣтенія Екатерины II и государей нынѣшняго вѣка. — Строеніе галлереи. — Итальянская школа. — Эпоха возрожденія. — Золотой вѣкъ итальянской школы и представители его корифеевъ въ Эрмитажѣ. — Болонцы и натуралисты. — Испанская школа въ Эрмитажѣ. — Веласкезъ и Мурильо. — Старо-германская школа. — Фламандская школа XVII вѣка и глава ея Рубенсъ. — Рубенсъ и характерные ученики его: Ванъ-Дейкъ, Іорданъ и Д. Тенирсъ въ Эрмитажѣ. — Голландская школа XVII вѣка. Портретисты и художники стрѣлковыхъ корпорацій. — Жанристы и пейзажисты до-Рембрандтовской эпохи. — Непосредственные предшественники Рембрандта. — Рембрандтъ и его произведенія въ Эрмитажѣ и частныхъ собраніяхъ Петербурга. — Жанристы и пейзажисты второй половины Голландской школы. — Французская школа. — Русская школа въ Эрмитажѣ. — Частныя галлереи Петербурга.

Лучшимъ украшеніемъ Петербурга, безъ всякаго сомнѣнія, можно считать знаменитую картинную галлерею, помѣщающуюся въ Эрмитажѣ.

Основательницею этой сокровищницы искусствъ была великая Екатерина. Императрица, въ теченіе всего своего царствованія, не пропускала ни одного случая для пріобрѣтенія самыхъ драгоцѣнныхъ картинъ для своего «Эрмитажа», въ которомъ она такъ любила проводить часы досуга посреди лучшихъ художественныхъ произведеній человѣческаго генія. Такіе замѣчательные люди, какъ баронъ Гриммъ въ Парижѣ и извѣстный художникъ Рафаэль Менгсъ въ Римѣ, были уполномоченными, посредствомъ которыхъ совершились лучшія покупки, положившія основаніе Эрмитажной галлереѣ. Двѣ изъ знаменитѣйшихъ въ XVIII вѣкѣ частныхъ галлерей, а именно: галлереи Кроза (барона Тьера) и Роберта Вальполя, а также галлерея извѣстнаго саксонскаго министра, графа Брюля, были куплены Екатериною.

Значительное улучшеніе эрмитажной галлереи произошло при Императорѣ Александрѣ I, въ особенности вслѣдствіе пріобрѣтенія извѣстной Мальмезоновской галлереи, купленной Императоромъ Александромъ у императрицы Жозефины. Другая весьма замѣчательная галлерея банкира Кузевельта сдѣлалась также достояніемъ Эрмитажа при Императорѣ Александрѣ I.

Въ царствованіе Императора Николая I, Эрмитажная галлерея была пополнена нѣкоторыми болѣе или менѣе удачными покупками при продажахъ галлерей королевы Гортензіи (герцогини С. Лё), князя Мира (Эммануеля Годоя), Барбариго, короля Вильгельма II Нидерландскаго, маршала Сульта и т. д.

Наконецъ и въ нынѣшнее царствованіе были сдѣланы немногія, но весьма важныя пріобрѣтенія, между которыми особенно замѣчательны: мадонна графа Литта Леонарда да-Винчи и мадоннаКонестабиле Стаффа, Рафаэля; послѣдняя картина хотя и составляла частную собственность Государыни Императрицы, но повременамъ украшала одинъ изъ кабинетовъ Эрмитажа.

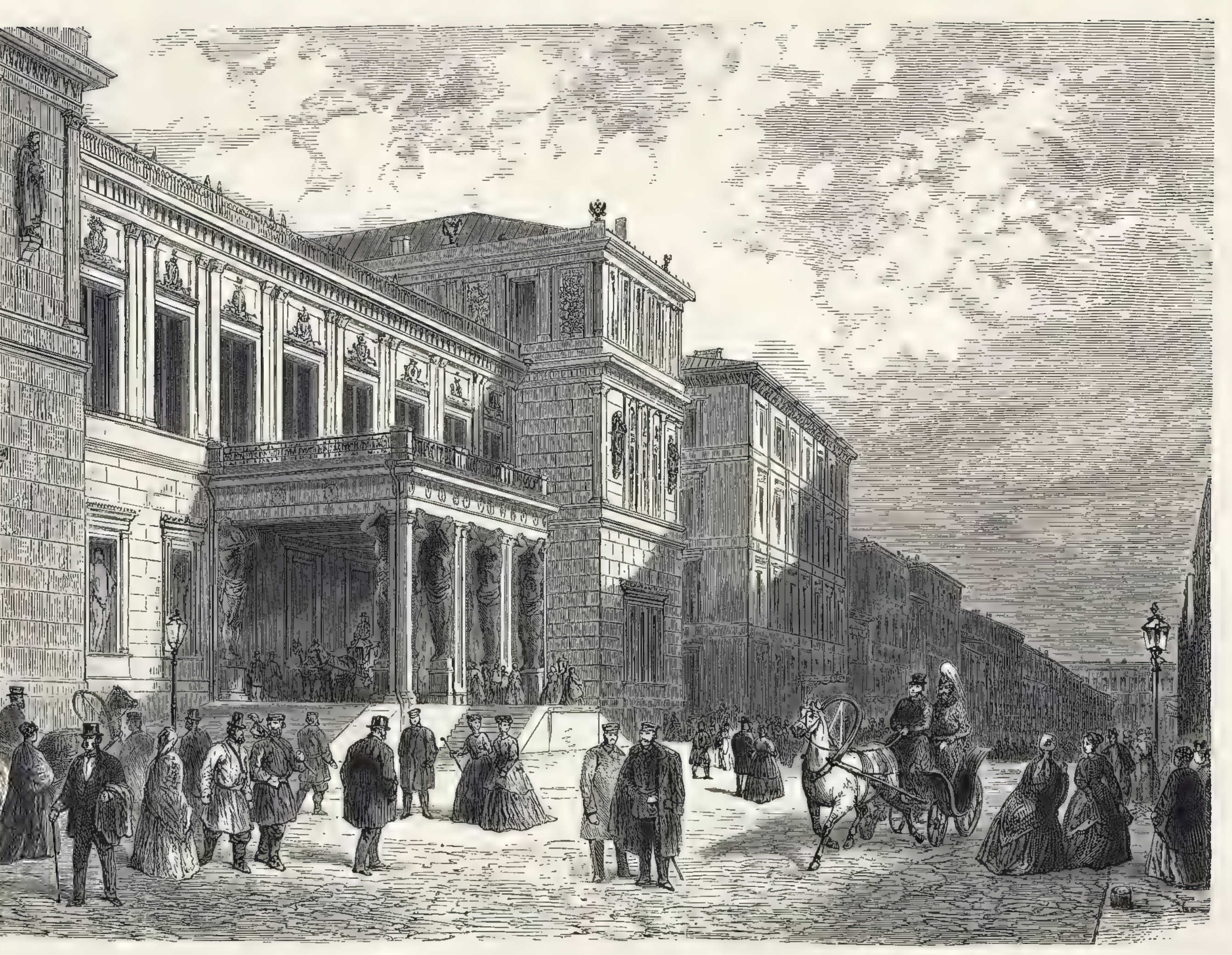
Всего въ Эрмитажной галлереѣ 1644 картины, изъ которыхъ около половины выпадаютъ на долю Фламандской и Голландской школъ.

Всѣ эти картины выбраны изъ многократно сортированныхъ 4000 картинъ, пріобрѣтенныхъ въ разное время русскими Вѣнценосцами. Остальныя разсѣяны во дворцахъ Императорской фамиліи и загородныхъ дворцовыхъ помѣщеніяхъ, а отчасти были раздарены Императрицею Екатериною, Павломъ I, а отчасти предназначены къ уничтоженію и проданы въ царствованіе Императора Николая I, такъ что многія изъ картинъ, пріобрѣтенныхъ въ прошломъ вѣкѣ для Эрмитажной галлереи, находятся нынѣ въ частныхъ собраніяхъ Петербурга.

Эрмитажная галлерея, какъ и большинство картинныхъ галлерей, собранныхъ въ прошломъ вѣкѣ и мало измѣнившихся въ своемъ составѣ въ нынѣшнемъ, не представляетъ строго систематическаго собранія, т. е. такого, въ которомъ были бы собраны по возможности образцы произведеній всѣхъ сколько нибудь замѣчательныхъ художниковъ всѣхъ школъ, существовавшихъ, со времени открытія масляныхъ красокъ до начала нынѣшняго вѣка. При необыкновенномъ богатствѣ картинами нѣкоторыхъ знаменитыхъ художниковъ, какъ напримѣръ, Рембрандта, Рубенса, Теньерса, Ванъ-Дейка, Вувермана и пр., галлерея представляетъ поразительные пробѣлы, а иногда и полное отсутствіе произведеній не только отдѣльныхъ мастеровъ, но даже цѣлыхъ группъ художниковъ, имѣвшихъ большое вліяніе на развитіе искусства, а также необыкновенную бѣдность произведеніями цѣлыхъ эпохъ, иногда весьма важныхъ, въ исторіи искусства.

Въ первой изъ большихъ залъ, въ которыя посѣтитель вступаетъ, поднявшись на великолѣпную мраморную лѣстницу Эрмитажа, расположены большія картины Итальянской школы; остальныя менѣе значительныя по своимъ размѣрамъ картины той же школы занимаютъ цѣлый, параллельный этой залѣ, рядъ кабинетовъ, входъ въ которые находится прямо противъ главнаго входа въ залу большихъ картинъ Итальянской школы.

Картины Итальянской школы расположены въ достаточно систематическомъ порядкѣ вдоль семи кабинетовъ, параллельныхъ большимъ заламъ Итальянской и Фламандской, начиная отъ крайняго вправо кабинета, сосѣдняго съ комнатою рафаэлевскихъ фресокъ, и только картины

Миллiонная улица и зданiе Императорскаго Эрмитажа въ Петербургѣ.

большаго формата вынесены изъ общаго систематическаго порядка и соединены въ большой Итальянской залѣ.

Эпоха возрожденія искусства въ Италіи и образованія итальянской школы, продолжавшаяся до конца XV вѣка, очень недостаточно представлена въ Эрмитажѣ. Только въ крайнемъ кабинетѣ можно встрѣтить нѣсколько картинъ этой эпохи, интересной и привлекательной по глубинѣ религіознаго чувства и свѣжей наивности художественнаго выраженія. Къ лучшимъ образцамъ живописи этого времени принадлежитъ въ Эрмитажѣ сидящая на престолѣ Богоматерь съ Младенцемъ Іисусомъ, двумя ангелами и Іоанномъ Крестителемъ, флорентійца Андреа Вероккіо (№ 1), учителя знаменитаго Леонардо да-Винчи, и Поклоненіе Волхвовъ флорентійца Сандра Ботичелли (Александръ Филипепи) (№ 3), а также Богоматерь съ Іисусомъ и Святыми, знаменитаго венеціанца Джованни Беллини, учителя великаго Тиціана (№ 4).

Несравненно лучше представлена эпоха процвѣтанія итальянскаго искусства, золотой его вѣкъ, продолжавшійся менѣе полустолѣтія, съ конца XV и не далѣе половины XVI вѣка.

Корифеями этого блистательнаго періода, расцвѣтшаго, какъ пышный, но кратковременный цвѣтокъ въ исторіи живописи и быстро окончившагося послѣдующею за тѣмъ эпохою перваго, но весьма сильнаго паденія искусства, были пять художниковъ, которые вмѣстѣ съ тремя, много четырьмя живописцами Голландской, Фламанской и Испанской школъ XVII вѣка занимають столь исключительное, можно сказать царственное мѣсто въ исторіи живописи, что стоятъ выше всѣхъ, такъ называемыхъ, первоклассныхъ живописцевъ всѣхъ временъ и народовъ.

Вотъ имена этихъ пяти художниковъ Итальянской школы, за обладаніе произведеніями которыхъ горячо спорили между собою на всѣхъ публичныхъ и частныхъ продажахъ, происходившихъ съ начала XVIII вѣка, не только богатѣйшіе знатоки искусства въ Европѣ, но и первоклассные музеи:—Леонардо да-Винчи, Микель Анджело, Рафаэль, Кореджіо и Тиціанъ.

Картины Леонардо да-Винчи, старѣйшаго изъ поименованныхъ корифеевъ Итальянской школы, родившагося и воспитавшагося во Флоренціи и относящагося по своей дѣятельности къ концу XV и самому началу XVI вѣка, какъ извѣстно, чрезвычайно рѣдки. При своей необыкновенной разносторонности — онъ былъ живописцемъ, скульпторомъ, архитекторомъ, инженеромъ, физикомъ, механикомъ, анатомомъ, писателемъ о теоріи искусства, поэтомъ и музыкантомъ—при частыхъ своихъ переѣздахъ изъ одного города въ другой, и при обширныхъ картонахъ и фрескахъ, имъ задуманныхъ и выполненныхъ, ему не было достаточно времени на выполненіе большаго числа картинъ масляными красками. При томъ же Леонардо, постоянно стремившійся къ недосягаемому совершенству, почти никогда не былъ вполнѣ доволенъ своими произведеніями, употреблялъ весьма продолжительное время на выполненіе каждаго изъ нихъ и нерѣдко бросалъ начатое, предоставляя окончаніе картинъ своимъ ученикамъ. Въ Миланѣ около великаго художника образовалась цѣлая школа, такъ тѣсно окружавшая его, такъ усвоивная себѣ его манеру и привыкшая осуществлять его композиціи, наброски и картоны и оканчивать недоконченныя его произведенія, что иногда трудно бываетъ опредѣлить гдѣ кончается Леонардо и гдѣ начинаются лучшіе его ученики. Понятно, что немногіе первоклассные музеи могутъ съ гордостью показать даже одно, два или много три произведенія великаго художника и что большинство картинъ, носящихъ великое имя Леонардо, оспариваются многими знатоками и приписываются тому или другому изъ его учениковъ или послѣдователей. Потому до крайности удивительно, что въ Эрмитажной галлереѣ, собранной значительно позже Луврской, Дрезденской и Флорентійской, находятся три картины великаго Леонардо.

Первая изъ нихъ по времени своего происхожденія и громкой извѣстности есть такъ называемая Мадонна Литта (№ 13)—одно изъ двухъ лучшихъ пріобрѣтеній нынѣшняго царствованія, купленное въ 1866 году непосредственно изъ галлереи графа Литта въ Миланѣ. Мадонна Литта есть одно изъ симпатичнѣйшихъ и лучшихъ произведеній того ранняго періода дѣятельности Леонардо, когда не изгладилось вліяніе на него учителя его Вероккіо и онъ не

усвоилъ еще столь характерныхъ нѣжныхъ полутоновъ, которымъ итальянцы дали мѣткое название «sfumato» (дымчатыхъ). Мадонна Литта, написанная Леонардо вѣроятно во время одного изъ первыхъ посѣщеній имъ Милана (въ 1477 или 1482 годахъ), при прелести выраженія, совершенствѣ рисунка и необыкновенной оконченности отдѣлки, соединяетъ въ себѣ замѣчательнымъ образомъ привлекательность фреска, на манеръ котораго она писана, съ блескомъ и прелестью живописи масляными красками, и во всякомъ случаѣ есть одинъ изъ перловъ Эрмитажной галлереи, не смотря на то что многіе, хорошо знакомые только съ позднѣйшими произведеніями Леонардо, оспаривали принадлежность этой картины кисти великаго художника. Другая его картина есть Святое Семейство (№ 14), очень сходное въ своей композиціи съ картиной Леонардо, пріобрѣвшей себѣ громкую извѣстность подъ именемъ «Vierge au bas relief». Наибольшее развитіе характернаго для Леонарда sfumato можно видѣть на третьей его картинѣ (№ 15), представляющей портретъ не особенно впрочемъ красивой, обнаженной до пояса, женщины, которая напоминаетъ черты знаменитаго портрета Монна Лизы въ Луврѣ. Судя по необыкновенной мягкости въ отдѣлкѣ этой картины и полному развитію дымчатыхъ полутоновъ, она написана не менѣе десяти лѣтъ послѣ Св. Семейства, уже въ началѣ XVI вѣка. Картина была однимъ изъ украшеній знаменитой галлереи Вальполя.

Петербургу вообще посчастливилось на картины Леонардо: одно изъ лучшихъ и привлекательнѣйшихъ произведеній великаго художника—небольшое изображеніе Св. Людовика, въ видѣ прелестнаго юноши съ вьющимися волосами, служитъ однимъ изъ лучшихъ украшеній превосходной галлереи графа С. Г. Строгонова.

Однимъ изъ самыхъ привлекательныхъ ломбардскихъ послѣдователей Леонардо, усвоившихъ себѣ его манеру до такой степени, что въ XVIII вѣкѣ въ самыхъ первоклассныхъ галлереяхъ его картины признавались за произведенія Леонардо, былъ Бернардино Луини. Луини въ теченіе долголѣтней своей жизни былъ очень плодовитымъ художникомъ, и Эрмитажная галлерея обладаетъ пятью его превосходными картинами, изъ которыхъ самая знаменитая изображаетъ молодую женщину съ обнаженною отчасти грудью, держащую въ рукахъ цвѣты и извѣстную всѣмъ знатокамъ искусства подъ именами «la Colombine», иногда ее называютъ и Флорою (№ 74). Знаменитая эта картина, превосходно сохраненная, когда-то приписывалась Леонардо и прошла чрезъ галлереи Маріи Медичи, Герцога Орлеанскаго и короля Вильгельма II Нидерландскаго, изъ которой пріобрѣтена въ Эрмитажъ при Императорѣ Николаѣ I за 40,000 гульденовъ. Другая замѣчательная даже по своимъ размѣрамъ картина Луини (№ 73), помѣщенная вслѣдствіе того въ большой Итальянской залѣ и изображающая подъ видомъ Св. Севастіана въ натуральную величину, какъ полагаютъ, Герцога Максимиліана Сфорцу, также долгое время приписывалась Леонардо да Винчи.

Микель-Анджело Буонаротти, одинъ изъ величайшихъ міровыхъ геніевъ въ области искусства, прославился въ живописи своими картонами и фресками, но почти никогда не рисовалъ масляныхъ картинъ, и, не чувствуя себя достаточнымъ колористомъ, когда дѣло шло о картинахъ, писаныхъ масляными красками, обращался къ кисти другихъ художниковъ для выполненія по начертаннымъ имъ картонамъ задуманныхъ имъ композицій. Такъ въ то время, когда ему хотѣлось осуществить исполненіе задуманной имъ, въ конкурренцію съ Преображеніемъ Рафаеля, картины, онъ обратился къ выписанному имъ въ Римъ изъ Венеціи Себастіано дель Піомбо, который, какъ и всѣ лучшіе художники Венеціанской школы, будучи превосходнымъ колористомъ, очень часто писалъ картины съ картоновъ Микель-Анджело и служилъ ему своею кистью. Картинъ Микель-Анджело въ Эрмитажной галлереѣ, какъ и во всѣхъ галлереяхъ Европы, кромѣ Флорентійской, разумѣется, нѣтъ. За то Себастіанъ дель Піомбо представленъ здѣсь тремя капитальными картинами: изъ нихъ одна портретъ кардинала Поля (№ 9), слывшій въ галлереѣ Кроза за произведеніе Рафаеля и гравированный подъ его именемъ Лармессеномъ, другая — большой запрестольный образъ, изображающій снятіе со креста и по значительнымъ своимъ

размѣрамъ помѣщенный въ большой Итальянской залѣ (№ 18), а третья поясная фигура Спасителя, несущаго крестъ (№ 17). Эта послѣдняя картина есть одинъ изъ перловъ Эрмитажной галлереи по благородству и невыразимому величію фигуры страждущаго Спасителя и необыкновенно гармоническому колориту. Картина эта, купленная при Императорѣ Николаѣ I изъ галлереи маршала Сульта за 41 т. фр., писана Себ. дель Піомбо на аспидной доскѣ по заказу дона Фернандо Сильва, посланника Карла V при ватиканскомъ дворѣ.

Самый популярный изъ пяти корифеевъ Итальянской школы, есть безспорно Рафаель Санціо. Всемірная популярность его основана безъ сомнѣнія на томъ, что изъ художниковъ всѣхъ временъ и народовъ онъ имѣлъ наиболѣе идеалистическое направленіе, то есть именно то, которое наиболѣе соотвѣтствовало стоявшей въ его время рѣшительно на первомъ планѣ религіозной живописи и наиболѣе способствовало достиженію высшихъ идеаловъ христіанскаго искусства. Той невинности и святости, которой достигали его мадонны, той божественности, которая проявлялась въ ликахъ его младенцевъ, изображающихъ Спасителя, не достигалъ ни до, ни послѣ Рафаеля ни одинъ художникъ. Потому не удивительно, что картины Рафаеля, хранящіяся въ первоклассныхъ музеяхъ Европы, считаются лучшими и наиболѣе цѣнными сокровищами въ этихъ неоцѣненныхъ сокровищницахъ искусства.

Эрмитажная галлерея не обладаетъ, къ сожалѣнію, ни однимъ изъ тѣхъ капитальныхъ произведеній Рафаеля, которыя, подобно «Сикстинской Мадоннѣ» Дрезденской галлереи, «Преображенію» Ватикана, «Несенію креста» Мадритскаго музея, «Св. Цециліи» Болонской галлереи, принадлежатъ къ высшимъ произведеніямъ человѣческаго генія въ области искусства. Однакоже и въ Эрмитажной галлереѣ есть четыре, а если причислить къ нимъ еще, появляющуюся отъ времени до времени въ стѣнахъ Эрмитажа, мадонну, составлявшую собственность Императрицы, то пять несомнѣнныхъ и высокаго достоинства картинъ великаго художника.

Самая извѣстная между ними есть Мадонна д'Альба (№ 35), принадлежавшая когда-то тому суровому намѣстнику Филиппа II въ Нидерландахъ, которому Голландія косвенно обязана своею независимостью. Черезъ галлереи датскаго министра графа Бурке и банкира Козевельта картина эта только въ 1836 году перешла въ Эрмитажъ, куда она была продана за 14 тыс. фунтовъ стерлинговъ, а нынѣ стоитъ по крайней мѣрѣ вчетверо болѣе. Мадонна д'Альба носитъ излюбленный Рафаелемъ типъ Форнарины, слѣдовательно писана уже послѣ 1508 года, въ Римѣ, т. е. въ то время, когда Рафаель находился въ апогеѣ своего таланта; картина привлекаетъ зрителя въ особенности прелестными выраженіями младенца Іисуса и маленькаго Іоанна Крестителя, но все-таки не принадлежитъ къ лучшимъ произведеніямъ этой эпохи дѣятельности Рафаеля. Еще менѣе значительно Св. Семейство (№ 34), извѣстное подъ именемъ «Madone au Ioseph imberbe». Изображенная на этой картинѣ бѣлокурая мадонна принадлежитъ еще къ типу прекрасной флорентійской садовницы и написана вѣроятно года за два до переселенія Рафаеля изъ Флоренціи въ Римъ. Къ тому же времени, т. е. къ флорентійской эпохѣ, относится вѣроятно прекрасный, написанный въ тепломъ тонѣ, хотя еще съ нѣсколько жесткою опредѣлительностью въ своихъ очертаніяхъ, портретъ старика въ черной одеждѣ (№ 40), слывшій долго за портретъ поэта Якова Саназара, съ извѣстными чертами котораго онъ впрочемъ не имѣетъ ни малѣйшаго сходства.

Но самыми драгоцѣнными перлами Петербурга изъ произведеній Рафаеля представляются двѣ необыкновенно маленькія по размѣрамъ картинки (одна въ 6¼ и 5 вершковъ, другая въ 4 и 3 верш.), изъ которыхъ одна изображаетъ св. Георгія, а другая Мадонну съ Младенцемъ Іисусомъ.

Первая писана Рафаелемъ въ 1506 году для герцога Гвидобальдо Урбинскаго, который предназначилъ ее въ подарокъ королю Англіи, Генриху VII, какъ выраженіе благодарности за присланный герцогу орденъ Подвязки. Этимъ объясняется, почему сидящій на бѣломъ конѣ и поражающій дракона, для освобожденія привлекательной и какъ-бы умоляющей св. Георгія о своемъ спасеніи принцессы, юный на картинкѣ Рафаеля патронъ Англіи имѣетъ на своей

правой ногѣ подвязку съ надписью «Hony soit qui mal y pense.» Маленькая картинка, которой 23-лѣтній Рафаель посвятилъ въ то время всѣ юношескія художественныя свои силы, дышетъ наивною свѣжестью и самымъ чистымъ идеализмомъ, и потому до крайности привлекательна; она прошла черезъ руки короля Генриха VII, графа Пемброка, Карла I, де-Ла-Ну и маркиза Сурди, досталась Эрмитажу при Екатеринѣ II, вмѣстѣ съ галлереею Кроза.

«Мадонна д'Альба» Рафаеля.

Едва-ли не еще болѣе привлекательно юношеское произведеніе Рафаеля, писанное имъ еще подъ вліяніемъ Перуджино, около 1503 года, т. е. до переселенія во Флоренцію, маленькая мадонна съ младенцемъ Іисусомъ и книжкою въ рукахъ, извѣстная подъ названіемъ «Madone au livret или «Madonna di Conestabile Staffa» по имени семейства, для котораго она писана была самимъ Рафаелемъ и у потомковъ котораго сохранялась до 1871 года, когда нынѣ царствующій Императоръ пріобрѣлъ ее для подарка Императрицѣ въ день 30-лѣтія ихъ бракосочетанія. Итальянское правительство выпустило изъ предѣловъ страны это маленькое по объему сокровище, только изъ уваженія къ русскому Императору. Итальянскіе знатоки искус-

ства съ сердечнымъ сокрушеніемъ разстались съ однимъ изъ прелестнѣйшихъ юношескихъ произведеній неподражаемаго художника.

Независимо отъ поименованныхъ картинъ, комната, сосѣдняя съ крайнимъ изъ кабинетовъ Итальянской школы, наполнена девятью фресками, украшавшими въ прежнія времена нижній этажъ виллы Спада, въ Римѣ, и пріобрѣтенными для Эрмитажа въ 1861 году изъ музея Кампана. Фрески эти написаны отчасти по рисункамъ самого Рафаеля, отчасти по собственнымъ, нѣкоторыми изъ лучшихъ учениковъ великаго художника, какъ напримѣръ Джуліо Романо, Франческо Пенни и т. д. Нѣкоторыя композиціи этихъ весьма знаменитыхъ фресковъ, какъ напримѣръ: Венера на морскомъ чудовищѣ, Венера, надѣвающая сандалію, Панъ и Сиринкса, а также похищеніе Елены, увѣковѣчены гравюрами знаменитаго друга и ученика Рафаеля, Марко Антоніо Раймонди, принадлежащими къ самымъ высшимъ произведеніямъ гравировальнаго искусства.

Изъ картинъ лучшихъ учениковъ Рафаеля въ Эрмитажѣ есть три картины кисти Джуліо Романо, между которыми замѣчателенъ портретъ обнаженной до пояса женщины (№ 58), считавшійся прежде совершенно ошибочно за портретъ Лукреціи Борджіа, но несравненно болѣе похожій на знаменитую Форнарину, и четыре картины привлекательнаго Бенвенуто Тизіо, прозваннаго Гарофало и принадлежавшаго также къ школѣ Рафаеля.

Четвертый корифей золотаго вѣка Итальянской школы—Антоніо Аллегри, болѣе извѣстный подъ именемъ Корреджіо, занимаетъ высокое, но почти одинокое и вполнѣ самостоятельное положеніе въ золотомъ вѣкѣ Итальянской школы, вслѣдствіе чего Вазари называетъ его „pittore singularissimo“. Новость и прелесть произведеній Корреджіо обусловливались прежде всего его неподражаемымъ умѣньемъ перенести на полотно переливы и игру свѣта или такъ называемую свѣтотѣнь, т. е. неуловимые переходы отъ яркаго освѣщенія къ различнымъ степенямъ тѣни. Въ Эрмитажѣ мы имѣемъ только одну картину Корреджіо. Это Мадонна, кормящая грудью Младенца — «Madonna del latte» (№ 81). Привлекательная эта картина пріобрѣтена для Эрмитажной галлереи еще при Екатеринѣ II Рафаелемъ Менгсомъ и вполнѣ достойна кисти великаго художника. — Остальныя картины, носящія или носившія въ Эрмитажѣ великое имя Корреджіо, едва ли принадлежатъ его кисти.

Несравненно лучше представленъ въ Эрмитажной галлереѣ пятый корифей Итальянской школы, величайшій колористъ золотаго вѣка Итальянской школы, венеціанскій художникъ Тиціанъ Вечелли, прожившій почти цѣлое столѣтіе съ 1477 до 1576 года.

При такой продолжительной жизни и необыкновенно счастливой ея обстановкѣ, Тиціанъ оставилъ потомству чрезвычайно много произведеній своего генія. Потому неудивительно, что кисти Тиціана принадлежитъ въ Эрмитажѣ 13 картинъ.

Между этими картинами есть двѣ первостепеннаго достоинства: это именно очаровательная Магдалина, пріобрѣтенная при Императорѣ Николаѣ I изъ галлереи Барбариго въ Венеціи (№ 98), и портретъ полуобнаженной молодой женщины, прикрывшейся подбитою горностаемъ зеленою мантіею (№ 105). Чрезвычайно привлекательны: писанное самимъ Тиціаномъ оригинальное повтореніе его картины, сохраняющейся въ Неаполитанскомъ музеѣ и изображающей Данаю (№ 100); затѣмъ Венера, передъ которою амуръ держитъ зеркало (№ 99), и портретъ папы Павла III

Три картины стараго друга и соученика Тиціана—Якобо Пальма-веккіо, находятся въ кабинетѣ, расположенномъ при самомъ входѣ изъ большой Итальянской залы. Лучшія изъ нихъ, характеризуемыя свойственнымъ лучшему времени Пальма золотистымъ гармоническимъ колоритомъ и пріятнымъ выраженіемъ головъ, изображаютъ поклоненіе пастырей (№ 90) и Богоматерь съ Младенцемъ, окруженную Святыми, между которыми находятся Св. Екатерина и Магдалина (№ 91).

Первоклассный художникъ Венеціанской школы, продолжившій золотой вѣкъ итальянской живописи, и притомъ исключительно въ одной только Венеціи, далеко за предѣлы половины

XVI столѣтія, Паоло Каліари, болѣе извѣстный подъ именемъ Веронезе, представленъ въ Эрмитажѣ 16-ю картинами.

Одна изъ нихъ, находящаяся въ большой Итальянской залѣ и изображающая снятаго съ креста Спасителя, поддерживаемаго Богоматерью и Ангеломъ (№ 145), есть одно изъ высокихъ произведеній итальянской живописи, какъ по строгому совершенству рисунка и гармоническому, но очень сдержанному колориту, такъ и по глубинѣ религіознаго чувства. Знаменитая эта картина, перешедшая въ Эрмитажъ еще при Екатеринѣ II изъ галлереи Кроза, имѣетъ всемірную извѣстность и увѣковѣчена превосходною гравюрою Августина Караччи. Очень замѣчателенъ портретъ венеціанскаго сенатора изъ фамиліи Капелло (№ 152) въ горностаевой шубѣ и нѣсколько превосходныхъ эскизовъ великаго художника.

Совершенно самостоятельное положеніе занимаетъ въ золотомъ вѣкѣ Итальянской школы не причисляемый къ корифеямъ школы, но все же одинъ изъ самыхъ первоклассныхъ, великихъ и чрезвычайно любимыхъ художниковъ блистательнаго періода, флорентіецъ Андреа дель' Сарто. Его кисти принадлежатъ въ Эрмитажѣ три не слишкомъ большія картины, между которыми первоклассное художественное значеніе имѣетъ Св. Семейство съ Св. Екатериною (№ 24), написанное въ тепломъ золотистомъ тонѣ и служившее однимъ изъ украшеній галлереи Мальмезона.

Мы не будемъ останавливаться на печальной эпохѣ перваго паденія искусства, обнаружившагося въ большей части Италіи уже между 1540 и 1550 годомъ и только въ Венеціи несравненно позднѣе, а именно въ послѣдней четверти XVI вѣка, и прерваннаго на время къ концу XVI вѣка противодѣйствіемъ Болонской школы.

Школа эта, основанная Лодовикомъ Карачча, около котораго сгруппировалось не мало талантливыхъ художниковъ, сильно противодѣйствовала распространявшемуся тогда упадку и манерности въ живописи, и произвела, продолжавшійся между 1590 и 1640 годомъ, второй, несравненно болѣе слабый, чѣмъ первый, періодъ процвѣтанія искусства или, если можно такъ выразиться, серебряный его вѣкъ, послѣ котораго искусство живописи въ Италіи упало еще ниже, чѣмъ въ первую эпоху паденія.

Школа Карачча принимала за основаніе своей дѣятельности, рядомъ съ изученіемъ натуры и образцовъ антчной скульптуры, заимствованіе у корифеевъ Итальянской школы того, что у каждаго составляло его главное достоинство, напримѣръ у Микель Анджело смѣлаго, строгаго и величественнаго рисунка, у Рафаеля его идеальнаго божественнаго выраженія лицъ и чистоты и гармоніи его линій, у Корреджіо его свѣтотѣни, у Тиціана его блестящаго колорита и т. п. и старалась соединить всѣ указанныя достоинства въ одномъ художественномъ произведеніи. Но такой *эклектизмъ* заключаетъ въ самой основѣ ложную идею и произведеніямъ эклектиковъ, при располагающей при первомъ взглядѣ въ ихъ пользу пріятности общаго впечатлѣнія, не достаетъ той глубины, самобытности и силы, того первичнаго, такъ сказать, вдохновенія и той безъискусственности, которая характеризуетъ великія художественныя произведенія золотаго вѣка. Вотъ почему картины серебрянаго вѣка Итальянской школы, бывшія въ такомъ почитаніи у любителей и собирателей картинныхъ галлерей XVIII вѣка, утратили въ глазахъ нынѣшнихъ истинныхъ знатоковъ искусства значительную часть своей цѣнности.

Эрмитажная галлерея представляетъ много хорошихъ образцовъ произведеній лучшихъ художниковъ Болонской и вообще эклектической школы. Пять картинъ основателя школы Лодовико Карачча и одиннадцать болѣе талантливаго его брата Аннибала находятся почти всѣ въ итальянскихъ кабинетахъ. Стоитъ только сравнить мягкую, пріятную, но лишенную силы, энергіи и, какъ мы выразились, первичнаго вдохновенія, фигуру несущаго свой крестъ Спасителя Лодовика Карачча (№ 168), весьма тщательно и хорошо награвированную нашимъ граверомъ Пожалостинымъ, съ величественною, полною страданія и скорби, фигурою также

несущаго свой крестъ Спасителя Себастіано дель Піомбо, чтобы оцѣнить все неизмѣримое различіе между золотымъ и серебрянымъ вѣкомъ итальянской живописи. Очевидно, что картина Лодовика есть только пріятный, но слабый отблескъ самобытно величественной композиціи Себастіано. Нѣсколько выше стоятъ нѣкоторыя картины Аннибала Караччи, напримѣръ три Маріи у гроба Господня (№ 173).

Наиболѣе великимъ художникомъ Болонской школы былъ Доменико Зампіери, болѣе извѣстный подъ своимъ прозваніемъ Доменикино. Скромный, молчаливый, медленно усвоившій себѣ технику школы, онъ остался наиболѣе самобытнымъ и величественнымъ изъ своихъ сотоварищей, и его «причащеніе Св. Іеронима», хранящееся въ Ватиканѣ, считается однимъ изъ величайшихъ произведеній Итальянской школы. Двѣ картины его, находящіяся въ Эрмитажѣ, вознесеніе на небо Св. Магдалины (№ 179) и амуръ со стрѣлою (№ 180) далеко не принадлежатъ къ лучшимъ произведеніямъ великаго художника.

За то другой изъ знаменитѣйшихъ художниковъ Болонской школы Гвидо Рени очень хорошо представленъ въ Эрмитажѣ одиннадцатью картинами разныхъ эпохъ его дѣятельности. Въ картинахъ этихъ можно оцѣнить всѣ достоинства и недостатки знаменитаго художника: съ одной стороны пониманіе красоты, благородство формъ и граціозность движеній, широта и нѣжность кисти, а съ другой условность, а потому и однообразіе его лицъ, холодность колорита и отсутствіе гармоніи въ краскахъ. Лучшими произведеніями Гвидо Рени въ Эрмитажѣ считаются Св. Іосифъ съ Младенцемъ Іисусомъ на рукахъ (№ 184), Богоматерь съ Младенцемъ, благословляющимъ Св. Франциска (№ 185), кающійся Петръ Апостолъ (№ 186), знаменитый большой запрестольный образъ, изображающій шесть св. отцовъ Церкви (№ 187), и наконецъ очень замѣчательная картина, извѣстная подъ именемъ «швей» (les couseuses), имѣющая чисто жанровый характеръ и изображающая Св. Дѣву Марію, окруженную восемью молодыми дѣвушками, занятыми шитьемъ (№ 191).

Эклектическое направленіе не было единственнымъ въ серебряный вѣкъ итальянской живописи. Рядомъ съ нимъ возникло въ концѣ XVI и началѣ XVII вѣка еще и другое направленіе, менѣе соотвѣтствующее идеаламъ итальянскаго искусства, болѣе грубое и матеріалистическое, но вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе самобытное и свѣжее, чѣмъ направленіе эклектиковъ. Мы разумѣемъ здѣсь направленіе такъ называемыхъ итальянскихъ *натуралистовъ*. Первое мѣсто между ними занимаетъ, прославившійся своею талантливостью и бурною жизнью, Микель-Анджело Америги, по мѣсту своего рожденія называемый Караваджіо.

Четыре картины Караваджіо, находящіяся въ Эрмитажѣ, даютъ высокое понятіе о его талантѣ. Передъ громадною его запрестольною картиною, находящеюся въ большой Итальянской залѣ, налѣво отъ входа, и изображающей распятіе Св. Петра (№ 216), сидѣлъ очень долго нынѣшній властитель Персіи, во время посѣщенія имъ Эрмитажной галлереи, и не могъ отъ нея оторваться, до такой степени сильно было впечатлѣніе, произведенное на его цѣлостную и свѣжую для внѣшнихъ впечатлѣній натуру потрясающимъ реализмомъ этой картины, которая изображаетъ ужасными, но поразительно вѣрными красками страданія мученика. Несравненно болѣе пріятное впечатлѣніе производитъ картина, изображающая молодаго человѣка, поющаго и играющаго на мандолинѣ. Живость и натуральность прекрасной головы, превосходно написанныя руки, смѣлое освѣщеніе со стороны и сверху, такъ сказать, одними солнечными лучами, согласно принятому Караваджіо методу, отчетливая моделлировка всѣхъ деталей, теплота и прозрачность колорита дѣлаютъ изъ нея высокое художественное произведеніе.

Весьма высокое и притомъ самостоятельное положеніе между художниками натуралистическаго направленія Итальянской школы XVII вѣка занимаетъ знаменитый неаполитанскій живописецъ Сальваторъ Роза, достигшій одинаковой степени совершенства въ исторической живописи, ландшафтѣ и романтическомъ жанрѣ.

Въ Эрмитажѣ одиннадцать картинъ Сальватора Роза, большинство которыхъ расположено въ большой Итальянской залѣ, налѣво отъ главнаго входа; между ними многія принадлежатъ къ высокимъ произведеніямъ искусства. Во главѣ такихъ картинъ стоитъ имѣющій всемірную извѣстность «блудный сынъ», взывающій на колѣнахъ къ милосердію Божію (№ 220). Картина эта служила однимъ изъ лучшихъ украшеній знаменитой галлереи Вальполя. Также замѣчательны: грудныя изображенія воина (№ 224) и поэта въ лавровомъ вѣнкѣ (№ 224), а также два изъ приморскихъ ландшафтовъ Сальватора (№ 229 и 230) и солдаты, играющіе въ кости посреди мрачнаго пейзажа (№ 223).

Мы почти не остановимся на періодѣ втораго и совершеннаго упадка искусства, продолжавшагося въ Италіи со второй половины XVII вѣка черезъ весь XVIII вѣкъ и до половины XIX, хотя итальянскихъ картинъ, принадлежащихъ этой эпохѣ, въ Эрмитажѣ не мало. Несамостоятельными, безцвѣтными и безсильными кажутся намъ итальянскіе художники этой продолжительной эпохи, въ сравненіи не только съ художниками золотаго, но и съ лучшими произведеніями серебрянаго вѣка итальянской живописи. Но нѣтъ сомнѣнія, что и въ эту эпоху были нѣкоторые очень даровитые художники, которымъ только общій низкій уровень искусства и испорченность вкуса знатоковъ и цѣнителей искусства не позволяли достигнуть до той высоты, до которой они бы достигли, еслибы жили въ лучшее время. И эти-то талантливые художники оставили послѣ себя нѣкоторыя картины, которыя могутъ считаться истинными произведеніями искусства. Укажемъ мимоходомъ на пиръ Клеопатры (№ 317), весьма талантливаго венеціанскаго художника XVIII вѣка—Джіованни Батиста Тіеполо, на Св. Семейство (№ 326) его римскаго современника, Помпео Батони, и наконецъ на превосходные виды Венеціи (№ 318 и 319), знаменитаго въ XVIII вѣкѣ, Антоніо Канале, прозваннаго Каналетто.

Ближе всѣхъ къ Итальянской школѣ стоитъ *Испанская*, достигшая своего блестящаго апогея въ первой половинѣ XVII вѣка.

Эрмитажная галлерея единственная изъ значительныхъ галлерей Европы, кромѣ Мадритской, заключаетъ въ себѣ богатое собраніе картинъ Испанской школы, числомъ 114. Всѣ онѣ расположены въ особой большой залѣ, вправо отъ большой Итальянской.

Корифеемъ Испанской школы считается знаменитый Діего Веласкесъ, придворный портретистъ Филиппа IV, художникъ, котораго большинство знатоковъ ставитъ наряду съ поименованными пятью корифеями Итальянской школы. Натуралистъ по своему направленію, Веласкесъ стоитъ въ этомъ направленіи на такой высотѣ, до которой не достигалъ ни одинъ художникъ южной, римско-католической Европы. Талантъ Веласкеса чрезвычайно разнообразенъ. Онъ писалъ съ одинаковымъ успѣхомъ историческія и жанровыя картины, ландшафты, животныхъ, цвѣты и плоды, но въ особенности портреты.

Къ сожалѣнію, картины Веласкеса такъ рѣдки и такъ разбросаны въ европейскихъ музеяхъ, что оцѣнить вполнѣ величайшаго художника Испаніи можно только въ его отечествѣ. Богатая испанскими картинами, Эрмитажная галлерея содержитъ однакоже шесть достовѣрныхъ картинъ Веласкеса, между которыми два прекрасныхъ портрета Филиппа IV (№ 419 и 420) и два его министра, графа Оливареса — одинъ во весь ростъ, другой грудной (№ 421 и 422), такъ что вторые (грудные) портреты служатъ какъ бы повтореніемъ первыхъ (во весь ростъ). Чрезвычайно широко и натурально написанъ портретъ папы Иннокентія IV (№ 11), представляющій, повидимому, этюдъ его головы, рисованный прямо съ натуры, и необыкновенно жива головка нищаго, смѣющагося крестьянскаго мальчика (№ 423).

Несравненно богаче представленъ въ Эрмитажной галлереѣ самый симпатичный и наиболѣе популярный художникъ Испанской школы Бартоломей Эстебанъ Мурильо, кисти котораго принадлежитъ въ Эрмитажѣ не менѣе двадцати картинъ.

Нѣкоторыя изъ этихъ картинъ имѣютъ весьма высокое художественное достоинство. Изъ религіозныхъ сюжетовъ, мы можемъ назвать въ особенности слѣдующія картины: лѣст-

вицу Іакова (№ 359)—большая композиція съ мрачнымъ фономъ ландшафта, но съ прелестными фигурами ангеловъ, «Бѣгство въ Египетъ» (№ 368) — прелестная небольшая картинка, «Отдыхъ Св. Семейства на пути въ Египетъ» (№ 367), съ необыкновенно привлекательною фигурою Богоматери и съ особенною нѣжностью исполненной фигурою спящаго Младенца; «Св. Семейство» (№ 369), въ которомъ, при совершенно реалистическомъ направленіи, материнская нѣжность необыкновенно хорошо выражена; «Іосифъ съ Младенцемъ Іисусомъ» (№ 365) написанная въ чрезвычайно прозрачномъ тонѣ и съ привлекательнымъ изображеніемъ Младенца; «Распятіе» (№ 370) — серьезная и чрезвычайно благородная композиція; «Освобожденіе св. Петра изъ темницы» (№ 372) — большая картина съ чрезвычайно эффектнымъ освѣщеніемъ; «Видѣніе св. Антонія» (№ 373)—превосходная картина, написанная въ золотомъ и прозрачномъ тонѣ, и наконецъ «Вознесеніе Богоматери» (№ 371)—одно изъ самыхъ лучшихъ произведеній великаго художника, въ которомъ онъ, можно сказать, превзошелъ самого себя въ эффектныхъ освѣщеніяхъ (напримѣръ сіяющаго Ангела), въ прозрачности золотистаго колорита и въ нѣжности и невинности выраженія Богоматери, какъ бы возвратившейся въ минуту своего вознесенія къ тому возрасту, въ которомъ Она дала міру Божественнаго Спасителя.

«Садовница», Мурильо.

Не менѣе художественны и чрезвычайно интересны нѣкоторыя жанровыя картины Мурильо: «Двѣ женщины за рѣшеткою въ темницѣ» (№ 375)—маленькая картина, полная правды и выраженія, «Крестьянскій мальчикъ, смѣющійся надъ собакой» (№ 377) и «Крестьянская дѣвушка съ корзинкою плодовъ», вытирающаяся концомъ платка, повязаннаго на ея головѣ.

Объемъ нашего очерка не позволяетъ намъ останавливаться на довольно многочисленныхъ въ Эрмитажѣ художникахъ Испанской школы, и мы упомянемъ только о двухъ изъ нихъ. Превосходный художникъ Франческо Цурбаранъ, прозванный испанскимъ Караваджіо, представляется однимъ изъ наиболѣе реалистичныхъ художниковъ школы, но вмѣстѣ съ тѣмъ отличается отъ Караваджіо, съ одной стороны, менѣе потрясающими эффектами, а съ другой—меньшею тривіальностью и большимъ достоинствомъ въ своихъ религіозныхъ сюжетахъ. Въ Эрмитажѣ есть громадная картина его «Св. Лаврентій» — одно изъ капитальныхъ произведеній художника (№ 349), и другая, изображающая юную еще Св. Дѣву Марію, прервавшую свою работу для того, чтобы молиться. Въ самыхъ близкихъ и непосредственныхъ отношеніяхъ къ Караваджіо изъ художниковъ Испанской школы стоялъ Іосифъ Рибера, долго жившій и даже окончившій свою жизнь въ Неаполѣ, гдѣ

«Портретъ польскаго магната», Рембрандта.

онъ извѣстенъ былъ подъ именемъ Спаньолетто (испанца). Онъ составляетъ переходъ отъ Испанской школы къ Итальянской реалистической и любилъ изображать ужасные сюжеты съ поразительною правдою, но вмѣстѣ съ тѣмъ обличаетъ свой испанскій характеръ, въ наклонности къ фантастическому и аскетическому. Въ Эрмитажѣ пять его картинъ, между которыми наиболѣе замѣчательныя: «Мученіе св. Севастіана» и «Іеронимъ въ пустынѣ».

Отъ Испанской школы мы перейдемъ на другую (отъ входа) сторону Эрмитажа, къ школѣ Фламанской, какъ такой, которая изъ всѣхъ сѣверно-европейскихъ школъ имѣетъ наиболѣе аналогій съ Испанской, какъ потому, что цвѣтущія эпохи обѣихъ школъ вполнѣ совпадаютъ одна съ другою (отъ конца XVI до половины XVII вѣка), такъ и потому, что художники обѣихъ школъ находились между собою въ непосредственныхъ, можно сказать, личныхъ отношеніяхъ, вслѣдствіе продолжительной принадлежности Фландрскихъ провинцій Испанской коронѣ. Но, не смотря на эти нѣкоторыя аналогіи, поддерживаемыя съ одной стороны реалистическимъ направленіемъ обѣихъ школъ, а съ другой — и вліяніемъ Католической церкви, между обѣими школами есть существенная разница, въ которой отражается различіе характеровъ и темпераментовъ сѣверныхъ Фламанцевъ и южныхъ Испанцевъ, различіе типовъ и характеровъ сѣверной и южной природы. Въ картинахъ Фламанцевъ нѣтъ такой наклонности къ фантастически-мистическому, нѣтъ такихъ рѣзкихъ противоположностей свѣта и тѣни, нѣтъ тѣхъ южныхъ типовъ, черты которыхъ съ большею страстностью и интенсивностью отражаютъ всѣ нравственные аффекты. Наконецъ Фламанская школа имѣетъ и другія традиціи и другое происхожденіе, такъ какъ она вышла и развилась изъ обширной Нѣмецко-фламанской школы, стоявшей въ XV вѣкѣ въ своемъ родѣ на одинаковой почти высотѣ съ Итальянской школой эпохи возрожденія искусствъ. Однимъ словомъ, Испанская и Фламанская школы XVII вѣка — сводныя, а не кровныя сестры.

Заглянувъ мимоходомъ въ небольшую комнату, расположенную между залою эскизовъ Рубенса и Рембрандтовскою галереею, въ которой собраны всѣ имѣющіяся въ Эрмитажѣ картины Нѣмецко-фламанской школы XV и XVI вѣка (числомъ до 50), мы легко убѣдимся, что школа недостаточно представлена въ Эрмитажной галереѣ. Однакоже и въ этомъ скромномъ уголку Эрмитажа есть нѣсколько замѣчательныхъ и даже первоклассныхъ произведеній искусства. Назовемъ между ними «Благовѣщеніе Яна фанъ-Эйка» (№ 443), брата и ученика знаменитаго Губерта фанъ-Эйка, открывшаго масляныя краски; «Распятый Іисусъ между двумя разбойниками» и «Страшный судъ» Петра Кристуса, другаго ученика Губерта фанъ-Эйка (№ 444); «Торжество Богоматери»—капитальная картина знаменитаго Квинтина Массейса (№ 449) и наконецъ «Исцѣленіе слѣпаго Спасителемъ» — замѣчательное chef d'œuvre лучшаго голландскаго художника начала XVI вѣка, знаменитаго Люкасъ фанъ-Лейдена.

Собственно Фламанской школы XVII вѣка въ Эрмитажѣ 204 картины; онѣ размѣщаются попреимуществу въ двухъ залахъ Эрмитажа, находящихся налѣво отъ большой Итальянской, а именно въ одной, которую можно назвать залою Рубенса и фанъ-Дейка, и другой — залой эскизовъ Рубенса; но многія картины Фламанской школы находятся въ галереѣ Рембрандта и въ параллельныхъ съ нею кабинетахъ.

Во главѣ Фламанской школы стоитъ — Петръ-Павелъ Рубенсъ — одинъ изъ величайшихъ представителей искусства всѣхъ временъ и народовъ, первый колористъ между всѣми художниками. Около Рубенса группируется вся, такъ называемая, Фламанская школа, разумѣя подъ нею фландрскихъ художниковъ, писавшихъ между 1580 и 1670 г.; всѣ они близко, интимно относятся къ Рубенсу, или какъ непосредственные его предшественники, образующіе ту среду, изъ которой онъ вышелъ, или какъ его сотоварищи и друзья, заполоненные его могучимъ вліяніемъ, или какъ болѣе или менѣе слабые его антагонисты, не сознававшіе, что и они, въ свою очередь, какъ Абр. Іансенъ, Корнелій Схютъ, Гасп. Крайеръ, все-таки не могли

вполнѣ устоять передъ этимъ вліяніемъ, или наконецъ, и всего болѣе, какъ непосредственные его ученики или сотрудники

Картинами Рубенса Эрмитажная галерея чрезвычайно богата: его имя носятъ 60 картинъ, и если даже исключить изъ нихъ нѣсколько нумеровъ, написанныхъ не имъ самимъ, а въ его мастерской, его учениками, даже безъ помощи ихъ учителя, то все-таки въ Эрмитажѣ окажется болѣе произведеній Рубенса, чѣмъ въ первоклассныхъ галереяхъ Европы: Луврской, Дрезденской, Вѣнской, а также въ галереѣ роднаго города Рубенса—Антверпена. Только Мюнхенская галерея соперничаетъ съ Эрмитажной по числу картинъ Рубенса, а Мадритская превосходитъ численностью произведеній Рубенса всѣ европейскія галереи, что объясняется особыми отношеніями Рубенса къ Испанскому двору, цѣнившему высоко не только его художественные, но и дипломатическіе таланты. Но, разумѣется, произведенія искусства измѣряются не числомъ ихъ, а достоинствомъ, и если въ этомъ отношеніи Эрмитажная галерея уступаетъ антверпенскому собору, въ которомъ находится неподражаемое «Снятіе съ креста» — одно изъ высочайшихъ произведеній живописи въ цѣломъ мірѣ, то все-таки въ Эрмитажѣ есть превосходныя произведенія Рубенса, могущія дать достаточное понятіе о необычайной силѣ его таланта.

Первое мѣсто между картинами Рубенса религіознаго содержанія занимаетъ въ Эрмитажѣ «Спаситель у Симона фарисея» (№ 543) — одно изъ самыхъ блестящихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ привлекательнѣйшихъ произведеній великаго художника и лучшихъ украшеній Эрмитажа, куда картина перешла изъ галереи Вальполя. Изъ картинъ Рубенса небольшихъ размѣровъ очаровательна по своему неподражаемому гармоническому колориту, истинно художественному исполненію и необыкновенной живости очень реалистически изображеннаго дѣйствія — «Изгнаніе Агари» (№ 535) — картина, представляющая также одинъ изъ перловъ Эрмитажа.

Изъ миѳологическихъ картинъ, въ которыхъ Рубенсъ соединяетъ съ необыкновенной живостью и силою нерѣдко грубоватую чувственность, мы можемъ въ особенности указать на знаменитую «Вакханалію» съ пьянымъ силеномъ, поддерживаемымъ фавною и негритянкою, и съ другою фавною, которая кормитъ грудью своихъ дѣтей. Картина эта поразительна по необыкновенно гармоническому прозрачному и вмѣстѣ съ тѣмъ теплому колориту и неподражаемой живости выраженій и дѣйствія.

Между превосходными портретами Рубенса особенно замѣчательны: портреты Елисаветы Брандтъ — первой жены Рубенса, сидящей на стулѣ въ богатой одеждѣ (№ 575) и Елены Форманъ, второй его жены, во весь ростъ, стоящей съ вѣеромъ въ рукахъ и шляпою на головѣ (№ 376), бросающею тѣнь на ея лицо.

Не менѣе замѣчательны два грандіозные ландшафта: одинъ съ радугою, а другой съ опрокидывающеюся телегою, оба популяризованные гравюрами знаменитаго Больсверта, современника и ученика Рубенса и одного изъ знаменитѣйшихъ фламанскихъ граверовъ XVII вѣка.

Наконецъ, весьма большое значеніе для исторіи искусства имѣетъ цѣлый рядъ (не менѣе 18) превосходныхъ и геніальныхъ эскизовъ, смѣло набрасывающихъ, можно сказать—однимъ почеркомъ (a la prima), зарождающіяся въ головѣ художника первыя идеи его величественныхъ композицій.

Между многочисленными учениками Рубенса несомнѣнно первоклассными художниками были столь различные по своему характеру и направленію Антонъ фанъ-Дэйкъ, Якобъ Іордансъ и Давидъ Тенирсъ младшій.

Изящный и поэтическій Антонъ фанъ-Дэйкъ, замѣнившій недоступную ему титаническую силу своего великаго учителя граціею и полный жизни его драматизмъ исполненнымъ поэтическаго вдохновенія лиризмомъ, былъ вмѣстѣ съ тѣмъ однимъ изъ величайшихъ портретистовъ всѣхъ временъ и народовъ, какъ по совершенству своей техники, такъ и по необыкновенному умѣнью схватывать самыя тонкія индивидуальныя черты характера лицъ. Фанъ-Дэйкъ

представленъ въ Эрмитажной галереѣ 34-мя картинами, относящимися почти ко всѣмъ временамъ его дѣятельности. Это въ полтора и два раза болѣе, чѣмъ въ другихъ лучшихъ галереяхъ, кромѣ Мюнхенской, болѣе богатой въ этомъ отношеніи. Изъ историческихъ картинъ фанъ-Дэйка, Эрмитажъ обладаетъ необыкновеннымъ сокровищемъ и однимъ изъ привлекательнѣйшихъ произведеній художника. Это «Отдыхъ св. Семейства во время бѣгства въ Египетъ»— знаменитая картина, извѣстная подъ именемъ «la vierge au perdreaux».

Большое количество въ Эрмитажѣ превосходныхъ портретовъ, писанныхъ фанъ-Дэйкомъ, даетъ возможность прослѣдить всю исторію развитія таланта великаго портретиста.

«Портретъ матери», Рембрандта.

Между портретами этими можно безъ труда различить два главные періода дѣятельности фанъ-Дэйка, а именно фламанскій періодъ, то есть время, предшествовавшее его переселенію въ Англію (т. е. 1632, года) и англійскій, время послѣдующее за этимъ переселеніемъ. Портреты фламанскаго періода написаны еще подъ сильнымъ вліяніемъ Рубенса и отчасти подъ вліяніемъ Тиціана. Они не имѣютъ того изысканнаго изящества, которое было усвоено фанъ-Дэйкомъ впослѣдствіи въ Англіи, краски ихъ не такъ гармонически слиты, но за то въ нихъ болѣе простоты, натуры и реальности.

Къ превосходнымъ образцамъ этого типа относятся: очень широко и совершенно во вкусѣ Рубенса написанный портретъ сѣдаго старика (№ 629) въ мѣховой одеждѣ, превосходный портретъ сидящей въ креслѣ и богато одѣтой дамы, въ красномъ шелковомъ платьѣ, съ 5 или 6-ти лѣтнимъ ребенкомъ (№ 635), превосходный портретъ знаменитаго художника Франца Снейдерса съ женою и ребенкомъ (№ 627)—всѣ эти три портрета обнаруживаютъ въ такой степени вліяніе Рубенса, что могли быть даже написаны до поѣздки фанъ-Дэйка въ Италію. Затѣмъ портретъ сидящаго въ креслѣ мужчины среднихъ лѣтъ (№ 632), обличая уже нѣкоторое вліяніе Тиціана, очевидно, написанъ непосредственно послѣ возвращенія художника изъ Италіи, т. е. въ 1627 или 1628 году. Скоро послѣ того написаны портреты Босхерта и его жены (№ 623 и 624), а время написанія превосходнаго портрета Вувера (№ 622) опредѣлительно извѣстно: портретъ этотъ написанъ въ 1632 году, т. е. въ годъ отъѣзда фанъ-Дэйка въ Англію.

Къ англійской эпохѣ фанъ-Дэйка относится въ Эрмитажѣ цѣлый рядъ превосходныхъ

портретовъ. Въ особенности хороши портреты, лорда Филиппа Уартона (№ 616), написанный немедленно по прибытіи въ Англію въ 1632 году, Генри Даньера лорда Денби, съ мужественнымъ лицомъ и чернымъ пластыремъ на щекѣ (№ 615), Карла I и королевы Генріетты (№ 609 и 610), сера Томаса Чалонера, красиваго молодаго человѣка, опирающагося на колонну (№ 628), юнаго Вильгельма II Оранскаго и наконецъ лорда Уандесфорда (№ 621), написанный уже въ 1638 г.

Яковъ Іордансъ, безъ сомнѣнія, послѣ фанъ-Дэйка одинъ изъ самыхъ выдающихся учениковъ Рубенса, но, въ діаметрально противоположномъ направленіи. Но сколько фанъ-Дэйкъ былъ изящнѣе, элегантнѣе, идеалистичнѣе своего великаго учителя, настолько Іордансъ былъ грубо-реалистичнѣе Рубенса. Но, несмотря на грубость и тривіальность своихъ сюжетовъ и даже на нѣкоторые недостатки въ рисункѣ, Іордансъ представляется такимъ сильнымъ и блестящимъ колористомъ, какого кромѣ Рубенса не было во всей антверпенской школѣ, такимъ близкимъ къ природѣ натуралистомъ и такимъ умнымъ юмористомъ, что имѣетъ всѣ права на признаніе, конечно, не корифеемъ искусства, какъ Рубенсъ, но положительно первокласснымъ художникомъ.

«Старуха читающая книгу», Дова.

Эрмитажная галерея даетъ возможность оцѣнить талантъ Іорданса, такъ какъ заключаетъ въ себѣ 14 картинъ его, весьма разнообразныхъ по своимъ сюжетамъ. Здѣсь есть и религіозныя картины, изъ которыхъ привлекательна необыкновенною силою и теплотою колорита небольшая «Богоматерь съ младенцемъ Іисусомъ въ гирляндѣ цвѣтовъ» (№ 645), находящаяся въ залѣ плодовъ и цвѣтовъ. Въ частной собственности въ Петербургѣ есть образцы религіозныхъ картинъ Іорданса, доказывающіе, что великій колористъ могъ иногда превосходно справиться и съ религіозными сюжетами, какъ это въ особенности доказываетъ принадлежащее гр. П. П. Шувалову «Бѣгство въ Египетъ» и принадлежащая также фамиліи гр. Шуваловыхъ, но долго бывшая помѣщенною въ деревенской церкви, превосходная, большая и величественная картина—«Положеніе во гробъ Спасителя», которая достойна кисти Рубенса. Миѳологическія картины Іорданса поражаютъ нѣкоторою грубостью своихъ фигуръ и мотивовъ, но выкупаютъ этотъ недостатокъ блистательнымъ колоритомъ, вѣрностью натурѣ и здоровымъ реализмомъ.

Не менѣе замѣчательна картина, изображающая семейство Іорданса, собранное за обѣденнымъ столомъ, отличающаяся необыкновенною истиною въ выраженіи головъ и превосходнымъ колоритомъ. Но всего болѣе удавались Іордансу картины, принадлежащія юмористическому жанру, напримѣръ изображающія популярный во Фландріи «праздникъ бобовъ» (Bohnenfest), гдѣ получившій бобъ въ своемъ кускѣ пирога признается царемъ праздника (roi des fèves). Превосходная по колориту, выраженію и юмористическому исполненію картина Іорданса, изображающая попойку этого рода, находится въ бывшей Кушелевской галереѣ, въ Академіи Художествъ.

Давидъ Тенирсъ младшій безспорно принадлежитъ къ первокласснымъ художникамъ своей школы и занимаетъ между ними высокое мѣсто, но, глядя на его картины, не сразу можно догадаться, что онъ ученикъ великаго Рубенса. Это происходитъ оттого, что Тенирсъ развилъ и

притомъ весьма оригинально и самобытно ту сторону своего учителя, которая не часто проявляется въ его произведеніяхъ, а именно сюжеты народнаго быта. Рубенсъ при необыкновенномъ разнообразіи своего таланта, рѣдко брался за такіе сюжеты.

Эрмитажная галерея заключаетъ въ себѣ до 40 картинъ Тенирса, т. е. несравненно болѣе, чѣмъ какая бы то ни было галерея въ Европѣ, кромѣ Мадритской и между ними находятся неподражаемыя его capo d'opere. Всѣ картины Тенирса расположены въ первыхъ изъ паралельныхъ Рембрандтовской галереѣ кабинетовъ.

Между ними первое мѣсто занимаетъ знаменитая картина, перешедшая изъ Мальмезоновской галереи — праздникъ антверпенскихъ стрѣлковъ (№ 672), заключающая въ себѣ 55 фигуръ-портретовъ лицъ, принадлежавшихъ къ корпораціи стрѣлковъ, въ процессіи на площади. Картина замѣчательна нетолько по живости выраженій отдѣльныхъ лицъ, но и по мастерской воздушной перспективѣ. Въ остальныхъ картинахъ Тенирса можно видѣть все разнообразіе той жанровой живописи народныхъ сценъ, которую Д. Тенирсъ довелъ до такой высокой степени совершенства и, можно сказать, виртуозности. Тутъ есть и народные сельскіе праздники (№ 674, 675, 684, 685, 686) и свадебные пиры (№ 677) и сцены передъ питейными домами (№ 676, 678, 683), а еще болѣе внутренности кабаковъ съ попойками, карточною игрою, музыкою и женщинами; тутъ есть внутренность военныхъ карауленъ и барскихъ кухонь, даже сцена съ обезьянами, забравшимися въ кухню. Есть и ландшафты съ фигурами, играющими на нихъ непервостепенную роль и даже морской видъ, есть и отдѣльныя жанровыя фигуры, напримѣръ, курильщика, деревенскаго лекаря и т. п. — однимъ словомъ, передъ нами вся народная и общественная жизнь Фландрскихъ провинцій, изображенная съ такою живостью и такимъ геніальнымъ мастерствомъ, что неподражаемыя картины Тенирса стоятъ одинаково высоко въ художественномъ и культурно-историческомъ отношеніи.

Мы не можемъ не упомянуть мимоходомъ о тестѣ Тенирса и другѣ Рубенса, художникѣ Брёгелѣ Бархатномъ. Онъ представленъ въ Эрмитажѣ одиннадцатью ландшафтами, написанными въ характерномъ для Брёгеля свѣтло-зеленомъ тонѣ и съ большимъ талантомъ и тщательностью миніатюриста выдѣланными фигурами. Нельзя не упомянуть также о другомъ пріятелѣ и сотрудникѣ Рубенса и фанъ-Дэйка, о знаменитомъ Франце Спейдерсѣ, развившемъ, подобно Тенирсу, съ громаднымъ талантомъ одно направленіе, также затронутое всестороннимъ Рубенсомъ, а именно изображеніе такъ называемой «nature morte», т. е. предметовъ, находимыхъ въ фруктовыхъ, овощныхъ, рыбныхъ лавкахъ, фламандскихъ кухонныхъ кладовыхъ и на рынкахъ съѣстныхъ припасовъ. Между 13-ю превосходными картинами Спейдерса въ Эрмитажѣ находятся четыре самыя капитальныя и знаменитыя его огромныя картины, поступившія въ Эрмитажъ изъ галереи Вальполя.

Но, не смотря на обиліе Эрмитажной галереи первоклассными произведеніями Фламанской, Испанской и даже Итальянской школы, центръ тяжести Эрмитажнаго собранія находится все-таки въ картинахъ неподражаемой Голландской школы, которыхъ численность доходитъ здѣсь до 530, да и достоинство такъ высоко, что по отношенію къ Голландской школѣ Эрмитажная галерея занимаетъ рѣшительно *первое мѣсто* между всѣми картинными галереями образованнаго міра.

Голландскія картины въ Эрмитажѣ размѣщены преимущественно въ огромной, такъ называемой, шатровой залѣ (раздѣленной невысокими перегородками на два ряда небольшихъ кабинетовъ съ проходомъ посрединѣ), въ большой и точно также разгороженной галереѣ Рембрандта и отчасти параллельныхъ съ нею кабинетахъ.

Голландская школа имѣетъ свои чрезвычайно оригинальныя и самобытныя черты. Еще болѣе реалистичная, чѣмъ Испанская и Фламанская школы, она характеризуется въ особенности своею *народностью* и беретъ свои сюжеты по преимуществу изъ народной жизни всѣхъ слоевъ общества и изъ окружающей природы. Даже голландская религіозная живопись носитъ

на себѣ этотъ народный характеръ. Голландцы, какъ протестанты, не руководились въ этомъ родѣ живописи никакими церковными традиціями: они читали внимательно Св. Писаніе и съ необыкновеннымъ реализмомъ изображали описываемыя въ немъ событія, но такъ, какъ будто событія эти происходили въ средѣ ихъ предковъ, посреди голландской природы, заимствуя только нѣкоторые восточные костюмы изъ амстердамскаго еврейскаго квартала.

Но реализмъ художниковъ Голландской школы въ обработкѣ ими религіозныхъ сюжетовъ самый трезвый: съ глубокою вѣрою, съ чарующею простотою и наивностью живописали они событія Св. Писанія, безъ всякой тенденціозности, «не мудрствуя лукаво», и схватывали съ особенною реальностью только человѣчныя, гуманныя, а не мистическія и идеалистическія стороны христіанства. Потому, не смотря на поразительный анахронизмъ въ костюмахъ и географическую невѣрность въ изображеніи природы, голландскія религіозныя картины, какъ дышащія наивною простотою и внутреннею правдою иллюстраціи къ тексту Св. Писанія, достигающія притомъ же неподражаемаго совершенства въ художественной техникѣ, остались навсегда самыми высокими памятниками искусства.

Голландская школа, въ тѣсномъ смыслѣ, принадлежитъ всецѣло XVII вѣку, такъ какъ она развилась и образовалась къ концу періода борьбы голландскихъ провинцій за свою независимость, т. е. въ концѣ XVI и началѣ XVII вѣка, а уже къ началу XVIII подъ вліяніемъ, заполонившаго всю духовную жизнь континентальной Европы, вѣка Лудовика XIV, мало-помалу утратила всю свою самобытность и оригинальность и постепенно стушевалась во французскомъ по преимуществу, а въ сущности общеевропейскомъ направленіи искусства.

Національное направленіе Голландской школы проявилось съ полною силою только съ начала XVII вѣка, а до тѣхъ поръ художники Голландіи находились еще подъ нѣсколько ложными вліяніями Итальянской живописи перваго періода упадка искусства. Только въ одномъ родѣ живописи, а именно въ портретѣ голландскіе художники конца XVI вѣка представляются вполнѣ національными, чему примѣромъ въ Эрмитажѣ могутъ служить четыре портрета (№ 740 — 743) въ шатровой залѣ, кисти серьезнаго и прекраснаго портретиста Миревельта, родившагося еще въ 1567 году.

Отъ одиночныхъ портретовъ художники только-что зарождающейся Голландской школы перешли къ изображенію различныхъ свободныхъ корпорацій, которыя образовались въ только-что завоевавшей свою самостоятельность странѣ, не безъ основанія гордившейся этими корпораціями. Сюда относятся знаменитѣйшія картины различныхъ корпорацій стрѣлковъ, попечителей и попечительницъ благотворительныхъ учрежденій, медиковъ, демонстрирующихъ передъ учениками своей корпораціи и т. п., которыя Голландія по праву большею частію удержала за собою и которыхъ неподражаемые образцы можно найти въ амстердамскомъ, гаарлемскомъ и гаагскомъ музеяхъ.

Однимъ изъ величайшихъ художниковъ, живописавшихъ эти такъ называемые (по-голландски) «Doelen» и «Schutterstucke», былъ, родившійся въ 1584 году, геніальный Францъ Гальсъ, одинъ изъ художниковъ, имѣвшихъ наибольшее вліяніе на зарожденіе и самостоятельное развитіе Голландской школы. Къ сожалѣнію, почти всѣ большія картины Франца Гальса находятся въ его родномъ городѣ Гаарлемѣ, но и четырехъ превосходныхъ портретовъ этого художника, находящихся въ Рембрандтовской галереѣ Эрмитажа (№ 770 — 773), достаточно, чтобы судить о всей силѣ его таланта. Трудно отдать преимущество тому или другому изъ этихъ портретовъ, принадлежащихъ къ лучшимъ украшеніямъ Эрмитажа по необыкновенной силѣ и бойкости кисти и неподражаемо вѣрной передачѣ индивидуальнаго характера лицъ. Портретъ, вѣроятно, члена корпораціи стрѣлковъ (№ 773, выдаваемый несправедливо за портретъ адмирала) въ шляпѣ съ широкими полями и латахъ, написанъ ранѣе другихъ, находящихся въ Эрмитажѣ, портретовъ Франца Гальса, а именно около 1636 года; два другіе, и въ томъ числѣ несправедливо слывущій за портретъ самого художника (№ 770), лѣтъ 20 позже

и наконецъ самый поздній портретъ подбоченившагося мужчины въ черной одеждѣ съ разрѣзными рукавами и откиднымъ воротникомъ — уже въ глубокой старости художника (умершаго въ 1666 году), судя по необычайной бойкости кисти и нѣсколько рѣзкимъ темнымъ тѣнямъ.

Около Франца Гальса группировалась цѣлая плеяда отличныхъ художниковъ, составлявшихъ гордость независимой національной школы. Художники эти приняли два направленія. Одни изъ нихъ, какъ и Францъ Гальсъ, сдѣлались портретистами. Очень выдающимся между ними былъ Янъ Веръ-Спронкъ, котораго портреты часто смѣшиваются съ портретами Франца Гальса. Прекрасный образецъ его искусства находится въ Эрмитажѣ, въ залѣ Рубенса и фанъ-Дэйка (№ 789), другой, еще болѣе замѣчательный, въ одной частной галереѣ Петербурга. Другіе ученики Франца Гальса, имѣя во главѣ талантливаго и въ свое время высоко цѣнимаго Голландцами брата его, Дирка Гальса, сдѣлались жанристами. Картинъ самого Дирка Гальса въ Эрмитажной галереѣ нѣтъ, но прекрасный образецъ его искусства находится въ той же частной галереѣ съ превосходнымъ портретомъ Веръ-Спронка. Зато въ Эрмитажѣ есть не мало картинъ двухъ наиболѣе распространенныхъ художниковъ названной группы, а именно Яна Антона де-Дюка (№ 933—936) и Антона Паламедеса (№ 932). Но несравненно выше стоитъ сформировавшаяся точно также около Франца Гальса группа художниковъ, обратившаяся на изображеніе жанровыхъ сценъ народнаго быта. Но объ этой группѣ мы упомянемъ далѣе, такъ какъ она заимствовала уже весьма многое отъ безсмертнаго корифея Голландской школы великаго Рембрандта.

«Старуха, разматывающая нитки», Дова.

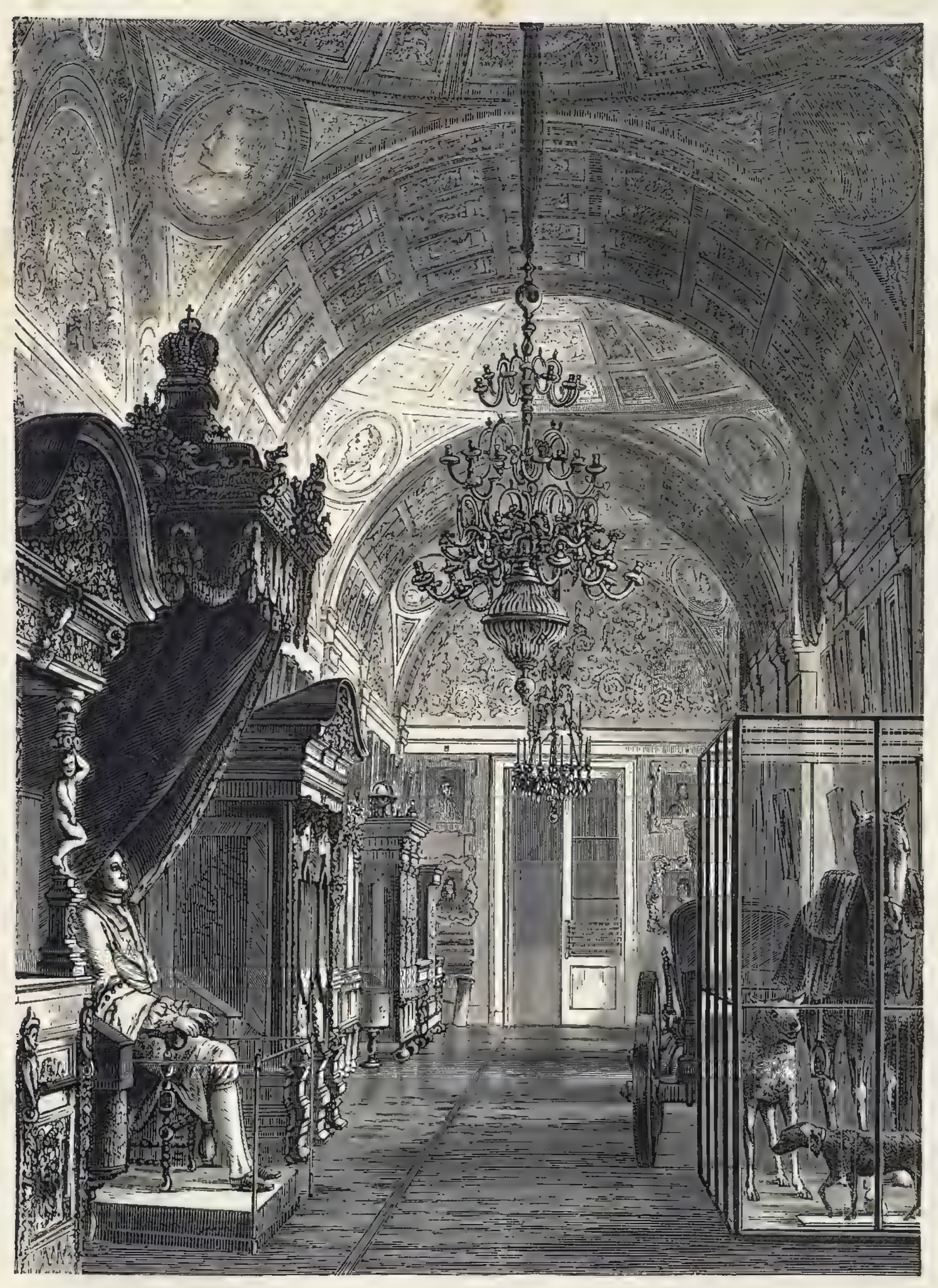
Одновременно съ плеядою художниковъ, группировавшихся около Франца Гальса и притомъ въ его же родномъ городѣ—Гаарлемѣ, развивался еще одинъ родъ живописи, въ которомъ съ особенною силою выразилась самобытность Голландской школы, а именно ландшафтная живопись.

Первый, дорембрандтовскій періодъ голландской ландшафтной живописи имѣетъ своихъ лучшихъ представителей, создавшихъ національный голландскій ландшафтъ въ началѣ XVII вѣка: въ Эзаіѣ ф. деръ-Вельде, старѣйшемъ изъ національныхъ ландшафтныхъ живописцевъ Голландіи Янѣ ф. Гойенѣ и Саломонѣ Рюйздалѣ.

Картинъ Эзаіи ф. деръ-Вельде, къ сожалѣнію, нѣтъ въ Эрмитажѣ, но прекрасный образецъ произведеній этого художника, занимающаго по своему вліянію одно изъ важныхъ мѣстъ въ исторіи голландской живописи, есть въ той же частной галереѣ, въ которой находятся картины Веръ-Спронка и Дирка Гальса.

Зато Янъ фанъ-Гойенъ представленъ въ Эрмитажѣ семью картинами (№ 1126—1132). Въ остальныхъ галереяхъ Петербурга намъ извѣстно не менѣе 12 картинъ фанъ-Гойена, и въ нѣкоторыхъ изъ нихъ талантъ знаменитѣйшаго изъ ландшафтныхъ живописцевъ Голландской школы старшаго поколѣнія проявляется въ полной силѣ.

Удивительно, что въ Эрмитажной галереѣ нѣтъ ни одной картины Саломона Рюйсдаля, которому не только великій Яковъ Рюйсдаль обязанъ своимъ развитіемъ, но который въ па-

Петровская галлерея въ Музеѣ Императорскаго Эрмитажа.

стоящее время цѣнится весьма высоко истинными знатоками искусства. Къ счастію, въ разныхъ галереяхъ Петербурга мы нашли не менѣе 14 картинъ Саломона Рюйсдаля, между которыми есть прекрасные образцы, напримѣръ, въ упомянутомъ выше частномъ собраніи, въ галереѣ гр. Павла Строганова, въ собственности В. В. Апраксина, гр. Хребтовича, въ Академіи Художествъ и т. д.

Между голландскими художниками начала XVII вѣка, которые еще обязаны были своимъ художественнымъ развитіемъ Италіи, былъ одинъ, а именно блестящій кавалеръ Герардъ Гонторстъ, который во время своего тамъ пребыванія примкнулъ къ Итальянской школѣ на-

«Болотистая мѣстность», Я. Рюйсдаля.

туралистовъ. Менѣе грубый въ своемъ натурализмѣ, менѣе рѣзкій въ своемъ освѣщеніи, чѣмъ Караваджіо, онъ не имѣлъ и всей его силы и можетъ быть по тому самому старался замѣнить ее эффектомъ искусственнаго освѣщенія горящею свѣчею. Такой способъ освѣщенія очень понравился итальянцамъ, прозвавшимъ чужеземнаго художника итальянскимъ прозвищемъ Герардо делле Нотте (ночнымъ Герардомъ). Въ Петербургѣ можно очень хорошо изучить Гонторста по семи его картинамъ, находящимся въ Эрмитажѣ, и шести — въ частныхъ коллекціяхъ. Одна изъ эрмитажныхъ картинъ «Іисусъ передъ Каіафой» и еще болѣе одна изъ картинъ частной коллекціи «Исавъ передающій Іакову свое первенство за блюдо похлебки», находившаяся въ XVII вѣкѣ въ знаменитой галереѣ Рейнста и превосходно награвированная тамъ знаменитымъ польскимъ граверомъ Фалькомъ, служатъ образцами тѣхъ произведеній его итальянскаго періода, которыя стяжали ему прозваніе Герардо делле Нотте.

Впрочемъ Гонторстъ стоитъ почти одиноко въ Голландской школѣ и остался безъ особаго вліянія на ея развитіе, между тѣмъ какъ вліяніе это было оказано другими, вообще менѣе извѣстными художниками изъ бывшихъ въ Италіи, и именно тѣми, которые группировались въ Римѣ около одного замѣчательнаго нѣмецкаго художника, Адама Эльцгеймера.

Адамъ Эльцгеймеръ ввелъ, можно сказать, новый принципъ въ живопись. Вмѣсто того, чтобы освѣщать ровнымъ свѣтомъ, какъ это дѣлало большинство итальянскихъ художниковъ, или бросать этотъ свѣтъ нѣсколько сбоку и сверху для того, чтобы произвести сильный контрастъ между свѣтомъ и тѣнью, какъ это дѣлалъ Караваджіо, онъ принялъ за правило концентрировать свѣтъ на одну только часть картины, которая казалась ему главною, а остальную часть картины утопить въ болѣе или менѣе прозрачной тѣни. Этотъ принципъ постепенной деградаціи свѣта или, по счастливому выраженію, свѣто-тѣни (clair obscur), перенесенный изъ Рима въ туманную Голландію и усвоенный впослѣдствіи великимъ Рембрандтомъ, произвелъ сильнѣйшее вліяніе на развитіе Голландской школы.

Послѣдователями Эльцгеймера въ Италіи и предшественниками Рембрандта была цѣлая группа голландскихъ художниковъ, изъ которыхъ старшіе: Пинасъ, Ластманъ, родились около 1580 года, а младшіе, какъ-то: Мойартъ, Гребберъ и Брамеръ около 1600 года.

Изъ нихъ непосредственнымъ учителемъ Рембрандта былъ Питеръ или, какъ онъ часто подписывался на своихъ картинахъ, Піетро Ластманъ, превозносимый почти до небесъ своими современниками, изъ которыхъ знаменитый поэтъ Вондель, не только сравниваетъ Ластмана съ Апеллесомъ (котораго картинъ, конечно, не видали и поэты), но и спрашиваетъ, кто изъ двухъ Петровъ болѣе великій художникъ, Рубенсъ или Ластманъ. Какъ ни преувеличены эти похвалы въ ущербъ справедливости, но едва ли справедливо и то забвеніе потомства къ художнику, которому несомнѣнно Рембрандтъ обязанъ весьма многимъ. Въ Эрмитажѣ, къ сожалѣнію, нѣтъ картинъ Ластмана, но стоитъ взглянуть только на три, имѣющіяся въ частныхъ галереяхъ Петербурга картины Ластмана и въ особенности на ту изъ нихъ, которая изображаетъ Авраама, приглашающаго къ себѣ трехъ ангеловъ (она написана около того времени, когда Рембрандтъ обучался въ мастерской Ластмана), для того, чтобы убѣдиться, что произведенія Ластмана, сначала еще отражающія итальянскія вліянія, постепенно становятся все болѣе и болѣе національными и служатъ исходною точкою для развитія могучаго таланта Рембрандта. Эрмитажъ вообще до крайности бѣденъ произведеніями предшественниковъ Рембрандта — *брюнистовъ*, какъ ихъ называли за теплый, коричневый колоритъ ихъ картинъ, и обладаетъ только одною довольно большою картиною Мойарта, изображающею бѣгство Клеліи съ своими подругами.

За то корифей Голландской школы, Рембрандтъ фанъ-Рейнъ представленъ въ Эрмитажѣ, какъ ни въ одной галереѣ въ мірѣ, а именно по каталогу 41 картинами и если даже исключить четыре изъ нихъ, неправильно приписанныя эрмитажнымъ каталогомъ Рембрандту, то все еще останется 37 картинъ великаго художника, т. е. несравненно болѣе, чѣмъ въ какой бы то ни было изъ знаменитѣйшихъ галерей Европы. Однимъ словомъ, нѣтъ возможности вполнѣ изучить геніальнаго Рембрандта, не посѣтивъ Петербурга, между тѣмъ какъ однѣ эрмитажныя его картины, въ сопоставленіи съ тѣми архивными данными, которыя имѣются о великомъ художникѣ, раскрываютъ передъ нами всю его жизнь и весь его нравственный обликъ несравненно лучше и полнѣе, чѣмъ книги біографовъ, составлявшіяся много лѣтъ послѣ его кончины и наполненныя массою вымышленныхъ анекдотовъ, неумышленныхъ и умышленныхъ искаженій и отголосковъ злой клеветы, старавшейся бросить грязную тѣнь на свѣтлую и истинно высокую личность геніальнаго художника.

Рембрандтъ родился въ 1607 году, а въ 1623 уже окончилъ свое ученье въ мастерской Ластмана въ Амстердамѣ, и возвратился къ родителямъ въ городъ Лейденъ. Шестилѣтнее пребываніе Рембрандта въ Лейденѣ и самые первые годы его дѣятельности послѣ переселенія въ Амстердамъ до брака его въ 1634 году съ прелестною и нѣжно-любимою имъ дѣвушкою, которую звали Саскіа Уиленбургъ, составляютъ первый періодъ дѣятельности великаго художника.

Въ Эрмитажѣ есть маленькая осьмиугольная картинка Рембрандта — портретъ стараго воина (№ 814), написанная еще тонкою краскою, тщательно законченная на подобіе картинъ

Герарда Дова, ученика первой эпохи Рембрандта, довольно однотонная въ своемъ освѣщеніи и еще нѣсколько холодная въ своемъ колоритѣ; картина эта несомнѣнно принадлежитъ началу его первой эпохи. Какіе громадные успѣхи сдѣлалъ Рембрандтъ къ 1630 году, это видно изъ интереснѣйшей и прелестной картины, составляющей одно изъ лучшихъ украшеній галереи гр. С. Г. Строганова. Картина эта, довольно небольшаго размѣра, изображаетъ кающагося Лота въ пещерѣ, въ виду горящихъ Содома и Гомморы, и ее съ перваго взгляда можно было бы принять за превосходное произведеніе Герарда Дова. Находящійся въ Эрмитажѣ портретъ знаменитаго калиграфа Копеноля (№ 808), одного изъ первыхъ амстердамскихъ друзей великаго художника, написанъ въ послѣдующемъ 1631 году, въ натуральную величину, съ необыкновенною правдою, живостью выраженія, тонкостью наблюденія, хотя еще въ полномъ, но очень тепломъ свѣтѣ и обличаетъ высокую степень искусства, на которой уже стоялъ въ то время Рембрандтъ. Къ той же эпохѣ принадлежитъ написанная два года спустя, а именно въ 1633 году, прекрасная маленькая картинка галереи кн. Юсупова — «Невинная Сусанна». Къ 1634 году появляется въ произведеніяхъ великаго художника нѣжный, привлекательный образъ молодой женщины, освѣтившей жизнь художника, хотя не слишкомъ продолжительнымъ, но чарующимъ блескомъ. Это Саскіа Уиленбургъ, сначала невѣста, а потомъ любимая жена его, которую онъ любилъ одѣвать на своихъ картинахъ въ костюмы фантастической роскоши, не щадя ни драгоцѣнныхъ камней, ни цвѣтовъ, ни перловъ — своей волшебной кисти. Одно изъ такихъ изображеній находится въ Эрмитажѣ, близъ самаго входа въ Рембрандтовскую галерею. Саскіа Уиленбургъ стоитъ здѣсь въ полномъ цвѣтѣ своей пышной юности, съ вѣнкомъ цвѣтовъ на головѣ, съ посохомъ, изукрашеннымъ цвѣтами, въ видѣ, какъ думали прежде, еврейской невѣсты или, лучше сказать, «библейской молодой», торжественно принятой въ супруги какимъ нибудь библейскимъ патріархомъ. Хотѣлъ ли изобразить Рембрандтъ Руѳь въ то время, когда она уже торжественно дѣлается женою Вооза, или торжество Ѳамари, водворенной съ честью въ домѣ патріарха Іуды,—вопросъ для насъ почти индифферентный, потому что мы видимъ въ этой женщинѣ несомнѣнно цвѣтущую юную Саскіа Уиленбургъ въ исходѣ 1634 года, т. е. черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ ея брака.

Къ одному году съ этой знаменитой картиной относятся въ Эрмитажѣ: портретъ красиваго молодаго человѣка (№ 828), очень реалистичная и еще напоминающая предшественниковъ Рембрандта, картинка — «Ѳома невѣрующій» и великолѣпное «Снятіе со креста», которымъ Рембрандтъ уже достигаетъ полнаго развитія своихъ принциповъ и своего апогея въ этой эпохѣ его жизни, сдѣлавъ въ этомъ направленіи значительный шагъ впередъ послѣ своей знаменитѣйшей картины той же эпохи «Урокъ анатоміи проф. Тульпа», написанной въ 1632 г. и находящейся въ Голландіи.

Счастливо проходили дни великаго художника во второй періодъ его дѣятельности съ 1635 до 1643 года, т. е. до кончины Саскіа Уиленбургъ. Ни въ любви, ни въ тихомъ семейномъ счастіи, ни въ громкой славѣ, ни въ многочисленныхъ заказахъ, ни въ ученикахъ и друзьяхъ не было недостатка. Къ этой эпохѣ относится цѣлый рядъ превосходныхъ историческихъ картинъ и портретовъ Эрмитажа.

Къ 1635 году относится прекрасная картина «Жертвоприношеніе Авраама» (№ 792), не разъ и совершенно напрасно оспариваемая нѣкоторыми знатоками у Рембрандта и приписываемая его ученику Ф. Болю. Прелестная картинка «Притча о виноградарѣ» (№ 798), представляетъ истинно геніальный набросокъ оригинальной и прекрасной композиціи Рембрандта. Неподражаемо хорошъ писанный въ томъ же году портретъ, повидимому, польскаго магната, неправильно прослывшаго за Яна Собѣсскаго (№ 811) — одинъ изъ перловъ Эрмитажной галереи. Болѣе сильной характеристики, типичнаго и гордаго лица, болѣе волшебной игры свѣтотѣни человѣческая кисть достигнуть не можетъ. Къ тому же приблизительно времени относится единственная въ своемъ родѣ и одна изъ драгоцѣннѣйшихъ, если не первая по драго-

цѣнности изъ картинъ Эрмитажа, извѣстная подъ именемъ «Данаи», гдѣ, конечно, не въ изяществѣ формъ, но въ моделлировкѣ съ помощью свѣтотѣни обнаженнаго тѣла Рембрандтъ превзошелъ величайшихъ корифеевъ живописнаго искусства — Тиціана и Рубенса.

Но не одна только Саскіа Уйленбургъ въ этомъ прекрасномъ періодѣ дѣятельности Рембрандта воодушевляла великаго художника. Есть еще одна женщина, черты которой нерѣдко встрѣчаются въ произведеніяхъ той же его эпохи. Это типическая прекрасная старушка, мать Рембрандта, которая и въ Эрмитажѣ несомнѣнно изображена на небольшой, но превосходной

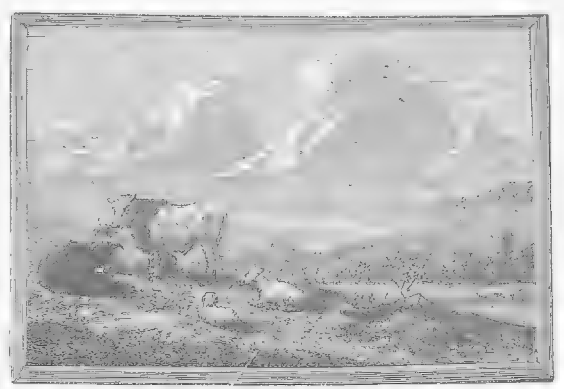
«Мыза со стадомъ», Поль-Поттера.

картинѣ сидящею въ креслахъ съ книгою въ рукахъ. Эта книга та самая Библія, которую она такъ любила читать своему сыну и съ которою онъ почти всегда изображалъ свою нѣжно любимую старушку. Велико было нравственное вліяніе этой прекрасной матери на геніальнаго сына, если почти каждая глава Св. Писанія такъ глубоко запала въ душѣ художника, что вызвала какое нибудь замѣчательное произведеніе его генія, полное реальной простоты и вѣрности слову и духу Св. Писанія, вмѣстѣ съ тѣмъ проникнутое тою глубокою вѣрою, которая вполнѣ примиряетъ съ отсутствіемъ отвлеченнаго идеализма въ религіозныхъ картинахъ художника и съ простымъ протестантски-реалистическимъ, но здравымъ и гуманнымъ пониманіемъ событій Св. Исторіи. Мать Рембрандта скончалась въ 1640 году; эрмитажный портретъ ея кажется написаннымъ въ годъ ея кончины, а можетъ быть даже и немного позже, такъ какъ милый художнику ея образъ запечатлѣлся живо въ его художественной и поэтической памяти. Къ тому же почти времени относится еще одинъ превосходный портретъ неизвѣстной пожилой женщины (№ 823) въ коричневомъ покрывалѣ сверхъ бѣлаго чепца, неособенно привлекательной по своимъ чертамъ, но чрезвычайно симпатичной по тому выраженію, которое далъ ей художникъ.

Къ 1642 году окончаніе величайшаго и капитальнѣйшаго произведенія геніальнаго художника, хранящагося въ амстердамскомъ музеѣ — «Выходъ стрѣлковой корпораціи подъ предводи-

тельствомъ Баннигъ-Кока», столь извѣстнаго въ исторіи искусства подъ неправильнымъ именемъ ночнаго обхода (ronde de nuit), довело до апогея не только самого Рембрандта, но и вмѣстѣ съ нимъ всю Голландскую школу. Но въ то же самое время великаго тріумфатора постигла самая тяжелая утрата — потеря нѣжно любимой имъ жены, такъ много способствовавшей его художественнымъ вдохновеніямъ.

Оставшись одинъ, съ малолѣтнимъ ребенкомъ, толпою учениковъ и громкою своею славою, художникъ не упалъ духомъ; онъ искалъ единственнаго для него возможнаго утѣшенія въ служеніи искусству. Всѣ средства свои, не особенно значительныя — ему платили за его произведенія разъ въ сто менѣе, чѣмъ платятъ за нихъ теперь — онъ употреблялъ на пріобрѣтеніе предметовъ искусства для собраннаго имъ въ своемъ домѣ цѣлаго музея, въ которомъ онъ находилъ для себя и поученіе и развлеченіе, и такая дѣятельная артистическая жизнь его продолжалась до другаго перелома, произведеннаго печальнымъ событіемъ извѣстнаго его банкротства, происшедшаго въ 1656 году и заканчивающаго третью эпоху дѣятельности Рембрандта.

«Пастбище», Кареля Дюжардена.

Къ началу этой эпохи относится одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ перловъ Эрмитажной галереи—«Св. Семейство около колыбели младенца Спасителя» (№ 796). Въ этой картинѣ вполнѣ выразился характеръ религіозной живописи величайшаго протестантскаго художника: полное отсутствіе всякой отвлеченной идеальности, перенесеніе событія Св. Писанія въ самую простую, реальную обстановку, но вмѣстѣ съ тѣмъ апотеоза того семейнаго счастія, которое даетъ трудовая, полная нравственной чистоты и добродѣтели, семейная жизнь, какъ бы освященная небеснымъ лучемъ, низводящимъ ангеловъ въ мирное домашнее убѣжище. О художественныхъ достоинствахъ картины говорить излишне: волшебства свѣтотѣни, извѣстныя и доступныя одному Рембрандту, доведены здѣсь до высшей степени совершенства.

За этимъ перломъ слѣдуетъ въ Эрмитажной галереѣ цѣлый рядъ дальнѣйшихъ произведеній Рембрандта, относящихся къ той же довольно продолжительной эпохѣ его дѣятельности. Назовемъ изъ историческихъ сюжетовъ: «Св. Анну, обучающую ребенка-Богоматерь» (№ 829), «Сыновей Іакова, показывающихъ пораженному отцу окровавленное платье Іосифа, въ присутствіи невиннаго и беззаботнаго ребенка Веніамина» (№ 783), «Авраама, принимающаго Ангеловъ» (№ 791). Къ той же эпохѣ относится весьма интересная картина Рембрандта, признаваемая когда-то за изображеніе Александра Македонскаго, но повидимому изображающая Минерву въ шлемѣ съ совою и съ головою Горгоны на щитѣ. Это одна изъ рѣдкихъ миѳологическихъ картинъ Рембрандта.

Изъ портретовъ къ началу разсматриваемой эпохи относится прекрасный портретъ раввина Менассе-Бенъ-Израеля (№ 820), а къ концу ея превосходный этюдъ старой женщины, написанный въ 1654 году (№ 804) и признаваемый каталогомъ за мать Рембрандта, что весьма сомнительно, такъ какъ она скончалась за 14 лѣтъ до того, помѣченные тѣмъ же годомъ маленькое изображеніе молодой женщины за своимъ туалетомъ и два этюда стариковъ: одинъ изъ нихъ съ черной шляпой на головѣ, держитъ руки на колѣнахъ написанъ съ недосягаемою ни для одного художника силою и бойкостью (№ 810), другой изображаетъ пожилаго мужчину въ шляпѣ и съ серьгами въ ушахъ.

Изъ сравненія картинъ начала и конца разсматриваемой эпохи, т. е. писанныхъ около 1645 и 1654 годовъ, видно, какъ Рембрандтъ все шире и бойчѣе управлялъ своею кистью и какъ онъ, нисколько не теряя своихъ высшихъ художественныхъ качествъ свѣтотѣни и необыкновенной гармоніи въ сопоставленіи красокъ, достигъ той титанической силы и широты письма, которая была совершенно недоступна его послѣдователямъ.

Вотъ почему понятно, что ученики великаго художника начали постепенно отставать отъ него. Притомъ же Рембрандтъ, всегда погруженный въ свое творчество и потому мало общительный и мало искательный въ кругахъ высокопоставленныхъ или богатыхъ меценатовъ искусства, жилъ послѣ кончины своей жены въ еще большемъ уединеніи, чѣмъ прежде, и сообщался съ тогдашнимъ голландскимъ обществомъ только черезъ посредство своихъ, годъ отъ году рѣдѣющихъ, учениковъ и старыхъ друзей. Да и въ 14 лѣтъ, прошедшихъ послѣ того, какъ Рембрандтъ своимъ геніемъ привелъ Голландскую школу къ своему апогею, вкусы голландской публики значительно измѣнились. Изъ пламенныхъ патріотовъ, завоевавшихъ цѣною крови и громадныхъ пожертвованій свою независимость и вызвавшихъ своими требованіями *національность* въ искусствѣ, Голландцы превратились постепенно въ болѣе или менѣе космополитическихъ капиталистовъ и рентьеровъ, которыхъ всемірные экономическіе интересы и торговыя сношенія навели на предпочтеніе посредственнаго моднаго иноземнаго своему туземному, высокому, національному. Развилось усиленное требованіе на произведенія мелкихъ жанристовъ, а широко написанныя картины находили себѣ все менѣе и менѣе сбыта. Между тѣмъ Рембрандтъ съ тою же страстностью занимался расширеніемъ своихъ коллекцій, да и у домашняго его очага не было, съ кончиною его жены — порядка и экономіи. Явились долги, возраставшіе постепенно и приведшіе великаго художника къ печальному кризису: въ 1656 г. всѣ его превосходныя коллекціи, со включеніемъ собственныхъ картинъ и рисунковъ, были проданы съ публичнаго торга за ничтожную сумму—6000 гульденовъ, и славнѣйшій художникъ богатой Голландіи сдѣлался не только несостоятельнымъ, но и лишеннымъ своего дома и крова, почти неимущимъ.

Но и это второе несчастіе не потрясло его энергіи; онъ и тутъ нашелъ себѣ утѣшеніе въ своемъ, окончившемся только съ его жизнью, творчествѣ. Никогда мы еще не видимъ Рембрандта столь производительнымъ художникомъ, какъ именно во время этого новаго и сильнаго перелома его судьбы. Не подчинился онъ и капризамъ мельчающаго вкуса своихъ соотечественниковъ, все бойчѣе и сильнѣе разносила его кисть по полотну энергическія краски его волшебной палитры, все обдуманнѣе, глубже и сильнѣе выражала она самые тонкіе аффекты человѣческой души, потому что Рембрандтъ, котораго нерѣдко обвиняли въ грубомъ, тривіальномъ реализмѣ, былъ преимуществу и глубокій наблюдатель, и лучшій живописецъ самыхъ тонкихъ душевныхъ ощущеній.

Эрмитажная галерея богаче, чѣмъ какая либо другая, произведеніями четвертой и послѣдней эпохи дѣятельности великаго художника, послѣдовавшей за его банкротствомъ. Изъ портретовъ 1656 годомъ помѣченъ превосходный и чрезвычайно привлекательный портретъ молодой дамы (№ 819) съ гвоздикою въ рукахъ. Къ тому же почти времени относится очаровательная, при нѣкоторой тривіальности своего типа, фигура молодой служанки съ метлою, опирающейся на деревянный заборъ (№ 826). Фигура эта, украшенная въ эрмитажной картинѣ всѣмъ волшебствомъ свѣтотѣни, встрѣчается неоднократно на картинахъ Рембрандта, и если она изображаетъ его служанку, Гендрику Стоффельсъ, то можно себѣ объяснить увлеченіе пожилаго, одинокаго, почти оставленнаго всѣми, артиста этимъ молодымъ, полнымъ жизни существомъ, можетъ быть съ болѣе теплымъ участіемъ отнесшимся къ своему господину въ его черные дни, чѣмъ многіе изъ друзей его свѣтлыхъ дней.

Приблизительно къ 1660 году относится превосходный портретъ молодаго человѣка (№ 825), который нѣсколько разъ повторяется на картинахъ Рембрандта: одинъ разъ въ Эрмитажной

галереѣ въ видѣ невиннаго Іосифа на картинѣ «Жена Пентефрія, обвиняющая Іосифа», написанной въ самомъ концѣ предшедшей эпохи, въ 1655 году, другой разъ въ превосходномъ портретѣ, который лѣтъ десять тому назадъ находился въ Вѣнѣ и, пройдя черезъ галерею Липмана, былъ проданъ въ Парижѣ нѣсколько лѣтъ тому назадъ.

Не менѣе интересны въ Эрмитажной галереѣ историческія картины Рембрандта послѣдней его эпохи. Одна изъ нихъ изображаетъ ночную сцену — отреченіе св. Петра. Прекрасная фигура Апостола, въ бѣлой одеждѣ, ярко освѣщена горящею свѣчою, которая, впрочемъ, закрыта рукою служанки. Вся сцена при своемъ фантастическомъ освѣщеніи дышетъ истиной и неподражаемо хороша. Не менѣе поразительна своей реальной истиной громадная картина, изображающая блуднаго сына на колѣнахъ передъ своимъ слѣпымъ отцомъ, кладущимъ свои руки на плеча обнищавшаго сына. Тонъ картины уже мрачнѣе и однообразнѣе, колоритъ краснѣе и лишенъ обычнаго блеска, но за то энергія, широта письма, истина и психологическая глубина въ наблюденіи и выраженіи аффектовъ дѣлаютъ эту картину, позднѣйшую изъ всѣхъ произведеній геніальнаго художника, однимъ изъ высочайшихъ произведеній Голландской школы. Написанная, вѣроятно, въ 1669 г., картина эта была лебединою пѣснью безсмертнаго художника, умершаго въ томъ же году.

Единственнымъ почти ученикомъ, оставшимся вполнѣ вѣрнымъ первой эпохѣ дѣятельности Рембрандта, былъ самый ранній его ученикъ, первоклассный и знаменитый художникъ голландской школы Герардъ Довъ, для обозрѣнія 12 картинъ котораго, по справедливости причисленныхъ къ перламъ Эрмитажной галереи, нужно перейти во второе направо отдѣленіе большой Шатровой залы. Здѣсь мужской портретъ (№ 814), написанный не менѣе широко чѣмъ маленькій восьми-угольный портретъ стараго воина Рембрандта (№ 814) или «Лота въ пещерѣ» галереи гр. Строганова, вполнѣ обличаетъ непосредственнаго ученика Рембрандта. Но именно въ эпоху происхожденія трехъ поименованныхъ картинъ, т. е. въ 1631 году геніальный учитель и великій его ученикъ разошлись на своемъ пути въ двухъ діаметрально противоположныхъ направленіяхъ: Рембрандтъ становился все шире и шире въ своемъ письмѣ, замѣнялъ постепенно обыкновенную кисть художника тою, которую Французы называютъ щеткой (brosse), налагая свои краски такими смѣлыми мазками, что фигуры его производятъ эффектъ живыхъ лицъ только на извѣстномъ разстояніи, «которое не позволяло бы нюхать картину», какъ выражался самъ Рембрандтъ. Герардъ Довъ, напротивъ, мѣняя обыкновенную кисть на тончайшую, состоящую изъ немногихъ волосковъ, кисточку миніатюриста, становится все выдѣланнѣе и оконченнѣе, употребляетъ цѣлые дни на отдѣлку самыхъ мелкихъ деталей, сохранивъ отъ своего геніальнаго учителя только одно: его принципы свѣто-тѣни, которые и придаютъ картинамъ Гер. Дова невыразимую прелесть. Особенно знаменита между эрмитажными картинами Дова «Медикъ, консультируемый старухой» (№ 903, «Старуха, разматывающая нитки» (№ 909), «Старуха, читающая Библію» (№ 914), двѣ «Продавщицы селедокъ» (№ 904 и 905) и портретъ артиста (№ 906). Чрезвычайно интересны единственные во всѣхъ коллекціяхъ Европы этюды съ обнаженныхъ фигуръ купальщика и купальщицы Гер. Дова (№ 910 и 911).

Съ 1632 до 1640 г. мастерская Рембрандта была постоянно переполнена учениками. Изъ нихъ нѣкоторые, окончивъ свое ученіе уже въ 1632 году, продолжаютъ направленіе того времени, то есть не отличаются еще достаточною широтою и бойкостью кисти.

Несравненно выше стоятъ тѣ ученики Рембрандта, которые, слѣдя за развитіемъ своего учителя, продолжаютъ ту его манеру, которая достигла своего высшаго развитія въ знаменитой картинѣ 1642 года «Выходъ амстердамскихъ стрѣлковъ».

Говартъ Флинкъ, одинъ изъ любимыхъ учениковъ Рембрандта, остававшійся его другомъ до своей смерти, составляетъ, можно сказать, переходъ отъ первыхъ ко вторымъ. Онъ представленъ въ Эрмитажѣ тремя картинами: молодаго военнаго—писанной еще 1637 года (№ 844), дѣвочки въ малиновой бархатной шапочкѣ съ перомъ (№ 843) и «Якова Катца, дающаго урокъ

исторіи юному Вильгельму Оранскому». Всѣ три картины очень привлекательны и даютъ понятіе о Флинкѣ, какъ о превосходномъ художникѣ, также какъ и превосходный этюдъ головы Катца, вывезенный изъ Петербурга Б. Н. Чичеринымъ, превосходный мужской портретъ, принадлежащій кн. Голицыну, и наконецъ въ многократно упомянутой частной галереѣ, помѣченная 1659 годомъ, прекрасная картина «Вирсавія, получившая письмо Давида», доказывающая, что Флинкъ даже до своей кончины оставался вѣрнымъ принципамъ своего учителя и не принялъ участія въ проявившемся во второй половинѣ XVII вѣка упадкѣ Голландской школы.

«Утро», Клодъ Лоррена.

Фердинандъ Боль одинъ изъ самыхъ привлекательныхъ учениковъ Рембрандта, при всей своей простотѣ и натуральности очень близко подходящій къ произведеніямъ своего учителя начала 1640-хъ годовъ. Эрмитажная галерея богата картинами Боля, которыхъ насчитывается здѣсь до 12. Особенно хороши его портреты: молодой женщины, какъ утверждаютъ, графини Нассау-Зигенской (№ 845), и молодаго человѣка въ черной шляпѣ (№ 853), а также двухъ старыхъ ученыхъ (№ 847 и 852), принадлежащихъ къ болѣе раннимъ произведеніямъ художника и писанныхъ еще подъ непосредственнымъ вліяніемъ общенія съ Рембрандтомъ. Двѣ его историческія картины въ Эрмитажѣ — «Эсѳирь и Ассуръ» (№ 851) и «Тезей и Аріадна» (№ 846), послѣдняя, написанная въ 1664 году, непривлекательны и носятъ уже на себѣ печать упадка Голландской школы, между тѣмъ какъ несравненно въ болѣе выгодномъ свѣтѣ представляется дарованіе Ф. Боля, какъ историческаго художника, въ прекрасной картинѣ «Іуда и Ѳамарь», находящейся въ многократно упомянутой нами частной галереѣ Петербурга.

Нѣсколько позже, а именно между 1635 и 1640 находился въ мастерской Рембрандта одинъ изъ знаменитѣйшихъ учениковъ его, Гербрандтъ фанъ-Экгутъ, который въ Эрмитажѣ представленъ четырьмя картинами. Изъ нихъ замѣчательны: «Ученый» (№ 840), написанный въ 1648 г., и вполнѣ достойна знаменитаго ученика Рембрандта небольшая картина, написанная въ 1655 году и изображающая курящаго офицера у стола (№ 841). Въ остальныхъ кар-

Галлерея исторической живописи въ Императорскомъ Эрмитажѣ.

типахъ Экгута, а именно: «Семействѣ Дарія» 1662 г. и «Четырехъ дѣтяхъ въ паркѣ» 1671 г. уже замѣтно вліяніе эпохи упадка Голландской школы. Зато къ превосходнѣйшимъ произведеніямъ Экгута должно отнести «Іакова и Рахиль, выслушивающихъ ложныя извѣстія о смерти Іосифа» 1658 г., большую и величественную композицію, находящуюся въ превосходной галлереѣ кн. Юсупова, громадную картину «Ахава» и «Пророка Даніила» 1656 г., находившуюся въ Петербургѣ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, и «Кавалера и даму за столомъ», привлекательную жанровую картину художника во дворцѣ великой княгини Екатерины Михаиловны.

Однимъ изъ учениковъ Рембрандта того же времени былъ Янъ Викторсъ, котораго очень хорошая картина, изображающая «Воздержность Сципіона», находится въ Эрмитажной галлереѣ (№ 863): написанная въ 1640 году, она доказываетъ, какъ выгодно дѣйствовало на учениковъ Рембрандта, да и на всю Голландскую школу непосредственное вліяніе великаго учителя.

Въ одно время съ Экгутомъ и Викторсомъ въ мастерской Рембрандта находился ФилиппъКонингъ, сдѣлавшійся впослѣдствіи превосходнымъ ландшафтнымъ художникомъ, но, въ противность увѣреній Торэ, одного изъ лучшихъ современныхъ писателей объ искусствѣ (подъ именемъ Бюржера), писавшій, и даже съ большимъ успѣхомъ и фигуры, какъ это доказываетъ не только прославленный стихами Вонделя портретъ поэта, но и находящаяся въ Монплезирѣ, въ Петергофѣ, прекрасная жанровая картинка, написанная въ 1670 г. и изображающая кружевницу. Не ученикомъ, а другомъ Рембрандта былъ братъ Филиппа, Соломонъ Конингъ, превосходный художникъ, которому принадлежитъ, въ Эрмитажѣ приписанная каталогомъ Экгуту, очень хорошая картина Рембрандтовской школы: «Крезъ и Солонъ».

Рембрандтъ былъ, какъ извѣстно, и великимъ пейзажистомъ, но мы съ намѣреніемъ не помянули о двухъ, впрочемъ, очень хорошихъ ландшафтахъ, приписываемыхъ ему эрмитажнымъ каталогомъ, такъ какъ они положительно не принадлежатъ кисти Рембрандта. Одинъ изъ этихъ ландшафтовъ «Видъ рѣки или озера въ совершенно тихую погоду» (№ 831) принадлежитъ кисти одного изъ симпатичнѣйшихъ морскихъ художниковъ Голландіи, чрезвычайно высоко цѣнимаго въ настоящее время, Яна фанъ-Капелле, котораго считаютъ непосредственнымъ ученикомъ Рембрандта и котораго монограмму мы нашли на эрмитажной картинѣ. Другая картина той же кисти и сходнаго сюжета находится въ Кушелевской галлереѣ Академіи Художествъ.

Изъ учениковъ третьей эпохи Рембрандта талантливый и въ свое время знаменитый Николай Маасъ не особенно хорошо представленъ въ Эрмитажѣ. Прекрасная его картина «Старуха, мотающая нитки» (№ 858), до такой степени смыта, что представляетъ только развалины картины, а двѣ другія, ему приписываемыя каталогомъ, картины (№ 857 и 859) не принадлежатъ его кисти. Зато хорошія картины Мааса попадаются въ частныхъ коллекціяхъ Петербурга, въ особенности портреты, между которыми есть портретъ знаменитаго Яна де-Витта.

Отъ учениковъ Рембрандта мы перейдемъ къ остальнымъ группамъ художниковъ цвѣтущаго періода Голландской школы, на которыя геній Рембрандта имѣлъ болѣе или менѣе сильное вліяніе и именно въ принципахъ свѣто-тѣни и теплаго освѣщенія.

Наиболѣе популярную группу цвѣтущаго періода составляли художники, изображавшіе народныя сцены.

Самымъ великимъ между ними былъ безспорно Адріанъ Остаде, котораго въ шутку прозвали «Рафаэлемъ голландскихъ кабаковъ»; онъ былъ первоначально ученикомъ Фр. Гальса, но впослѣдствіи подпалъ подъ вліяніе того переворота, который былъ произведенъ въ голландской живописи Рембрандтомъ. Въ Эрмитажѣ этотъ неподражаемый, по своей подчасъ и тривіальной правдѣ, глубокой наблюдательности, геніальной характеристикѣ и достойной Рембрандта свѣтотѣни, художникъ представленъ 16 картинами и хотя между ними нѣтъ самыхъ первостепенныхъ произведеній великаго художника, но многія изъ нихъ все-таки превосходны и весьма интересны, такъ какъ они характеризуютъ всѣ эпохи его дѣятельности, напримѣръ: еще нѣсколько однотонная «Внутренность крестьянской избы» (№ 359), написанная въ началѣ

1630 г., «Крестьянская попойка» (№ 345), написана уже совершенно подъ вліяніемъ Рембрандта въ 1642 году, «Голландецъ скрипачъ» (№ 447), обозначающій высшую эпоху развитія Остаде подъ вліяніемъ Рембрандта 1648 г., «Крестьянское семейство» (№ 934), составляющее уже замѣтный переходъ къ позднѣйшей эпохѣ 1667 г., а самая эта эпоха представлена написаннымъ въ 1680 г. также «Крестьянскимъ Семействомъ» и характеризуется при болѣе тщательной и изысканной отдѣлкѣ несравненно болѣе тяжелымъ колоритомъ.

Очень близко къ Адр. Остаде въ своихъ домашнихъ и внутреннихъ сценахъ подходилъ его братъ Исаакъ, какъ въ этомъ можно убѣдиться, смотря на одинъ уголокъ Юсуповской галлереи, въ которомъ собрано не мало картинъ обоихъ художниковъ. Но несравненно большаго совершенства достигъ Ис. Остаде въ изображеніи народныхъ сценъ, происходящихъ на воздухѣ въ ландшафтной обстановкѣ. Два зимніе его ландшафта (въ особенности № 962) и одинъ лѣтній со множествомъ фигуръ по справедливости причисляются къ перламъ Эрмитажа.

Переходъ отъ художниковъ народнаго жанра къ послѣдующей группѣ жанристовъ высшаго круга представляетъ въ высокой степени талантливый, можно сказать, геніальный художникъ Янъ Стенъ, отличающійся отъ всѣхъ художниковъ Голландской школы своимъ неподражаемымъ юморомъ. Легко и весело должна была пройти жизнь этого философа компаній беззаботныхъ гулякъ. Въ Эрмитажѣ есть восемь превосходныхъ картинъ этого геніальнаго художника; изъ нихъ «Кутящая парочка» (№ 398), «Веселая компанія въ саду» (№ 397) и «Компанія во внутренности комнаты» (№ 900) принадлежатъ къ лучшимъ перламъ Эрмитажной галлереи. Не менѣе интересна превосходная картина большихъ размѣровъ (фигуры въ половину человѣческаго роста), находящаяся въ одной изъ частныхъ галлерей Петербурга и изображающая веселую пирушку во внутренности комнаты.

Во главѣ группы художниковъ-жанристовъ, изображавшихъ высшіе слои голландскаго общества, стоятъ, кромѣ уже упомянутаго Гер. Дова, первоклассные художники: Герардъ Тербургъ, Габріель Метцу, Франсъ Міерисъ и Питеръ де-Гогъ, картины которыхъ продаются, можно сказать, на вѣсъ золота.

Тербурга шесть прелестныхъ картинъ въ Эрмитажѣ, изъ коихъ, «Посѣщеніе кавалерами молодой дамы» (№ 870) и «Концертъ» (№ 874)—настоящіе перлы: очаровательна въ нихъ простота и непритязательность художника, соединенная съ истинно художественнымъ чувствомъ и не менѣе художественною отдѣлкою, вслѣдствіе чего картины, не поражающія съ перваго взгляда, тѣмъ болѣе кажутся привлекательными, чѣмъ болѣе ихъ имѣешь передъ своими глазами.

Метцу, владѣющій свѣто-тѣнью въ еще большей степени, чѣмъ Тербургъ, представленъ въ Эрмитажѣ пятью картинами. Изъ нихъ «Блудный сынъ между веселыми женщинами» (№ 877) интересенъ для исторіи искусства, потому что обнаруживаетъ первоначальное вліяніе на знаменитаго живописца группы художниковъ, имѣвшихъ во главѣ Дирка Гальса. Но особенно неподражаемо хороши его картины: «Господинъ и дама за завтракомъ» (№ 880), «Концертъ» (№ 879) и, отличающаяся богатою композиціей, капитальная, но нѣсколько пострадавшая, картина,—«Семейный обѣдъ» (№ 881). Позднѣйшая картина Метцу — «Больная» (№ 878) обличаетъ, что художникъ, проживпій до 1669 г., не принималъ участія въ паденіи голландскаго искусства и удержался еще на высотѣ, достойной апогея Голландской школы. Прелестная картина Метцу «Умирающая женщина» находится въ галлереѣ Герцога Лейхтенбергскаго въ Маріинскомъ дворцѣ.

Франца Міериса, который, какъ ученикъ Г. Дова, еще ближе стоитъ къ Рембрандтовской школѣ, и слѣдовательно отъ этой школы заимствуетъ непосредственно свою свѣтотѣнь, а отъ своего учителя необыкновенную выдѣлку своихъ картинъ, въ Эрмитажѣ 6 экземпляровъ, между которыми неоцѣненный перлъ есть «Завтракъ съ устрицей» (№ 916).

Еще ближе и тѣснѣе къ Рембрандтовской школѣ стоитъ первоклассный художникъ голландскихъ домашнихъ сценъ, освѣщающій внутренность своихъ комнатъ волшебнымъ лучемъ свѣта и едва ли не лучше изъ всѣхъ голландскихъ художниковъ усвоившій себѣ рембрандтовскую

свѣтотѣнь: это Питеръ де-Гоогъ, о которомъ можно и даже должно предположить, что онъ посѣщалъ мастерскую Рембрандта одновременно съ Маасомъ, т. е. въ третью эпоху дѣятельности Рембрандта. Къ сожалѣнію, изъ трехъ картинъ, носящихъ въ Эрмитажѣ имя Питера де-Гоога, только одна—«Дама съ своею кухаркой» (№ 860) принадлежитъ его кисти и относится къ раннимъ его картинамъ. За то къ лучшимъ его произведеніямъ принадлежитъ: «Женщина, читающая письмо, принесенное стоящимъ передъ нею человѣкомъ» въ галлереѣ Герцога Лейхтенбергскаго, «Внутренность комнаты»,—въ галлереѣ графа П. С. Строгонова, и двѣ семейныя сцены—въ галлереѣ кн. Юсупова, такъ что бѣдность Эрмитажа, достигающими столь высокой цѣнности, произведеніями П. де-Гоога пополняется частными галлереями.

Немного ниже этихъ самыхъ первоклассныхъ художниковъ Голландской школы цѣнятся произведенія Каспара Нетчера, германца по происхожденію, но голландца по своему художественному развитію. Въ Эрмитажѣ есть шесть прекрасныхъ образцовъ его искусства, исключительно исполненные, какъ жанровыя картины небольшаго размѣра портретовъ.

Въ концѣ XVII вѣка, въ произведеніяхъ художниковъ высшаго жанра въ Голландіи обнаруживается уже замѣтный упадокъ. Виллемъ Міерисъ, сынъ Франца, особливо въ картинахъ, писанныхъ послѣ 1690 года, знаменитый въ свое время Адріанъ ф. деръ-Верфъ, писавшій свои картины какъ бы на фарфорѣ, служатъ самыми характерными представителями этого упадка, и картинъ этой группы въ Эрмитажной галлереѣ не мало, но на нихъ мы останавливаться не будемъ и перейдемъ прямо къ пейзажистамъ цвѣтущей эпохи, помѣщеннымъ въ среднихъ отдѣлахъ Шатровой залы.

Старѣйшій изъ художниковъ этой эпохи есть Альбертъ Эвердингенъ, котораго великолѣпные, но нѣсколько мрачные ландшафты носятъ грандіозный характеръ посѣщенной имъ въ молодости Норвегіи. Къ такому типу ландшафтовъ принадлежатъ въ Эрмитажѣ два (№ 1133 и 1134), одинъ въ Монплезирѣ въ Петергофѣ, одинъ чрезвычайно поэтичный въ галлереѣ Герцога Лейхтенбергскаго, одинъ въ Академіи Художествъ и одинъ въ упомянутой уже частной галлереѣ Петербурга.

Но самое первое мѣсто между пейзажистами всѣхъ временъ и народовъ занимаютъ два великіе художника Голландской школы, жившіе въ Гаарлемѣ, въ этой колыбели голландскаго искусства, въ половинѣ XVII вѣка: это Яковъ Рюйсдаль и Мейндертъ Гоббема.

Произведеній, не уступавшаго Рюйсдалю въ искусствѣ Гоббема, къ сожалѣнію, вовсе нѣтъ въ Эрмитажѣ: единственная, ему приписываемая каталогомъ картина принадлежитъ кисти Яна Ф. Гагена, котораго подпись передѣлана въ Гоббема.

За то Яковъ Рюйсдаль представленъ въ Эрмитажѣ лучше, чѣмъ въ какой бы то ни было галлереѣ въ мірѣ, а именно 14 картинами, да въ разныхъ собраніяхъ Петербурга и его окрестностей мы можемъ назвать не менѣе 17 несомнѣнныхъ картинъ этого великаго художника, такъ что въ Петербургѣ можно изучить всѣ оттѣнки его таланта. Ученикъ своего дяди Саломона, онъ не имѣетъ съ нимъ никакого сходства, но много позаимствовалъ отъ Альб. Эвердингена, который можетъ быть даже былъ вторымъ его учителемъ. Рюйсдаль, произвевшій полный переворотъ въ голландской ландшафтной живописи, отличавшейся и до него необыкновенной вѣрностью природѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ довольно однообразнымъ сѣрымъ колоритомъ, который такъ характеризуетъ туманную,—Голландію заимствовалъ у Рембрандта тотъ лучъ свѣта, которымъ этотъ прометей голландскаго искусства согрѣлъ произведенія голландской живописи. И такъ какъ этотъ лучъ свѣта только по временамъ освѣщаетъ голландскую природу, вовсе не живописную для обыкновеннаго взгляда, и нужно быть глубокимъ художникомъ для того, чтобы схватить эти, не всегда и не всякому открывающіяся, красоты природы, то Яковъ Рюйсдаль есть по преимуществу «художникъ настроенія» (Stimmungsmaler, какъ выражаются германцы).

Эрмитажнымъ ландшафтамъ Рюисдаля трудно отдать предпочтеніе однимъ передъ другими: укажемъ, однако же, какъ на самыя замѣчательныя изъ самыхъ раннихъ юношескихъ произведеній художника «Мѣстность съ хижиною и путникомъ» 1646 года (№ 1143), изъ послѣдующаго періода (около 1680 года), когда уже художникъ проникся вліяніемъ Рембрандта «Ландшафтъ съ грозою и засохшею ивою» (1140) и высоко поэтическая «Дорога черезъ лѣсъ» (1137): изъ средней эпохи дѣятельности художника, продолжавшейся отъ 1655 до 1665 года, «Большой ландшафтъ съ водопадами» (№ 1145) и знаменитая «Болотистая мѣстность» (№ 1136); наконецъ изъ послѣдняго его періода двѣ грандіозныя и поэтическія, но, къ сожалѣнію, сильно потемнѣвшія картины «Большой лѣсистый пейзажъ» (№ 1138) и «Гористая мѣстность» (1147). Послѣдніе ландшафты, написанные около 1670 года, не показываютъ ни малѣйшаго упадка въ художественномъ творчествѣ и талантѣ величайшаго изъ ландшафтныхъ живописцевъ: онъ остался вѣренъ характеру высшаго апогея Голландской школы; но вкусы голландскаго общества значительно измѣнились: оно въ это время уже не цѣнило своихъ даровитѣйшихъ художниковъ и Рюисдалю привелось провести послѣдніе годы своей жизни въ скромной богадѣльнѣ на иждивеніи общественной благотворительности своихъ собратьевъ по религіи — менонитовъ, а великій соперникъ Рюисдаля, занимающій вмѣстѣ съ нимъ первостепенное мѣсто между ландшафтными живописцами всѣхъ временъ и народовъ, М. Гоббема прожилъ всю свою жизнь какъ бы незамѣченный своими современниками, повидимому его неоцѣнившими.

Цѣлая плеяда талантливыхъ художниковъ группируется около Якова Рюисдаля и друга его Мейндерта Гоббема. Между ними наиболѣе «художникомъ настроенія» послѣ Я. Рюисдаля былъ Аартъ ф. деръ-Нееръ — художникъ лунныхъ ночей, а отчасти и зимнихъ ландшафтовъ, котораго Эрмитажъ имѣетъ не менѣе 9-ти превосходныхъ картинъ.

Особенно высокое положеніе въ исторіи искусства занимаютъ два первоклассные голландскіе художника, которые прославились ландшафтами со скотомъ, а именно Альбертъ Кейпъ и Паулусъ Поттеръ.

Изъ этихъ двухъ великихъ художниковъ Альбертъ Кейпъ, по силѣ своего колорита и бойкости письма, наиболѣе приближается къ Рембрандту. Хотя между семью эрмитажными картинами Кейпа нѣтъ самыхъ лучшихъ произведеній художника, но все-таки они сами по себѣ высокія художественныя произведенія; четыре изъ нихъ изображаютъ ландшафты со скотомъ, а три морскіе виды. Изъ ландшафтовъ съ животными особенно хорошъ «Пасущійся скотъ» (№ 1101), изображенный на прилагаемомъ рисункѣ. Одна изъ превосходнѣйшихъ картинъ Кейпа находится въ галлереѣ графа Строгонова.

За то по рѣдкимъ вообще картинамъ умершаго столь рано Паулуса Поттера Эрмитажная галлерея не находитъ себѣ равной. Его «Мыза со стадомъ» (1151), столь извѣстная между знатоками искусства подъ не совсѣмъ приличнымъ французскимъ названіемъ и изображенная на прилагаемомъ рисункѣ, есть въ своемъ родѣ одно изъ высочайшихъ произведеній искусства. Ни одинъ художникъ не достигъ въ изображеніи животныхъ такой правды и такой вѣрной характеристики, какъ Поттеръ. Если прибавить къ тому прелесть ландшафта и тщательность отдѣлки и превосходное освѣщеніе, то въ этой картинѣ Поттера можно видѣть высокое художественное произведеніе великаго художника, одно изъ лучшихъ художественныхъ украшеній Эрмитажа и всего Петербурга. Изъ остальныхъ произведеній художника капитальная картина «Ландшафтъ съ охотниками» (№ 1052), къ сожалѣнію, сильно пострадала. Необыкновенно хорошъ портретъ привязанной на цѣпи большой собаки (№ 1055), превосходны этюды коровъ у хижины (№ 1054) и быка на пастбищѣ (№ 1057). До крайности интересна также по своей оригинальности «Жизнь охотника» (№ 1159).

Почти рядомъ съ только-что упомянутыми величайшими художниками Голландской школы, нужно еще поставить двухъ первоклассныхъ художниковъ, въ картинахъ которыхъ счастливо

соединяется ландшафтъ, жанръ и животныя, а именно Филиппа Вувермана и Адріана ф. деръ-Вельде.

Филиппъ Вуверманъ представленъ въ Эрмитажной галлереѣ 50-ю картинами, между которыми есть дѣйствительно очаровательныя: это сраженія, военныя сцены изъ лагерной и аванпостной жизни, разбойничьи и мародерскія сцены, охоты, кавалькады, привалы въ прелестной ландшафтной обстановкѣ и, наконецъ, чисто ландшафты, дюны и т. п.

Адріанъ ф. деръ-Вельде представленъ въ Эрмитажѣ, къ сожалѣнію, только одною картиною, изображающею стадо, гонимое пастухомъ; но картина эта, написанная въ 1671 году, капитальна и превосходна. Къ счастію любителей Голландской школы, въ галлереяхъ гр. С. Г. и его сына П. С. Строгонова, есть еще пять превосходныхъ картинъ этого знаменитаго художника (№ 1062).

Параллельно съ великими голландскими ландшафтными живописцами, съ чисто національнымъ направленіемъ, развивались и тѣ ландшафтные живописцы, которые черпали свои мотивы и вдохновенія изъ природы юга и преимущественно Италіи, въ которой они получили по крайней мѣрѣ отчасти свое художественное образованіе.

Первое мѣсто между чисто ландшафтными художниками этого направленія, по своему таланту, занимаетъ Янъ Ботъ. — Къ сожалѣнію, въ Эрмитажѣ есть только одна картина его кисти, да и та не принадлежитъ къ самымъ лучшимъ его произведеніямъ (№ 1174).

Изъ художниковъ, проникнутыхъ итальянскимъ вліяніемъ, но у которыхъ — фигуры и животныя играютъ первую роль, а ландшафтъ стоитъ на второмъ планѣ, выдаются: Питеръ фанъ-Лааръ, писавшій живыя сцены, сходныя съ вуверманoвскими, по выбору сюжетовъ, но не по исполненію. Въ Эрмитажѣ только одна картина этого художника, да въ остальныхъ коллекціяхъ Петербурга намъ извѣстны четыре. — Янъ Батистъ Вениксъ, писавшій прекрасные морскіе итальянскіе порты, оживленные множествомъ фигуръ, парки съ прогуливающимися и т. п., представленъ нѣсколькими прекрасными картинами въ Эрмитажѣ, въ Кушелевской галлереѣ въ Академіи Художествъ и нѣкоторыхъ частныхъ коллекціяхъ. Но всего богаче Эрмитажъ картинами Клааса Бергема, число которыхъ простирается до 16 и притомъ самыхъ разнообразныхъ сюжетовъ. Почетное мѣсто въ этой же группѣ художниковъ занимаетъ Карель Дюжарденъ, составляющій до нѣкоторой степени переходъ отъ художниковъ этой гуппы къ художникамъ національнаго направленія. Находящееся въ Эрмитажѣ его «Пастбище» есть одно изъ привлекательнѣйшихъ произведеній этого художника.

Художники, исключительно писавшіе морскіе виды, представлены въ Эрмитажной галлереѣ не особенно блистательно. Самый первоклассный голландскій маринистъ, Виллемъ фанъ-деръ-Вельде, представленъ въ Эрмитажѣ тремя нумерами, не могущими дать надлежащаго понятія о превосходномъ художникѣ. За то есть двѣ его прекрасныя картины въ галлереѣ Герцога Лейхтенбергскаго.

Первоклассный и высокоцѣнимый голландскій художникъ, изображавшій внутренности городовъ — Янъ фанъ-деръ-Гейденъ представленъ шестью превосходными картинами съ фигурами, написанными его другомъ Адр. ф. деръ-Вельде.

Разставаясь съ Голландскою школою, составляющею несомнѣнно самую блистательную и драгоцѣнную часть Эрмитажной галлереи, намъ остается заглянуть еще только въ залу, находящуюся между Большою Шатровою и входомъ въ галлерею Петра Великаго. Здѣсь всего болѣе соединено картинъ Голландской школы, изображающихъ цвѣты, плоды, живыхъ птицъ, битую дичь и т. п. Невозможно не остановиться здѣсь съ особеннымъ удовольствіемъ на произведеніяхъ Мельхіора Гондекутера—знаменитаго художника птичьихъ дворовъ, Яна Веникса—еще болѣе знаменитаго художника битой дичи, Яна-Давида де-Гема—не менѣе знаменитаго художника цвѣтовъ и плодовъ, и наконецъ Яна ф. Гюйзума, который уже въ періодъ упадка искусства продолжалъ еще славу Голландской школы, разумѣется, только въ этомъ родѣ.

Французская школа въ Эрмитажной галлереѣ представлена 170 картинами, которыя размѣщены отчасти въ большой залѣ, находящейся прямо противъ главнаго входа въ Эрмитажную галлерею на другой сторонѣ лѣстницы между Голландской и Русской школами, а отчасти въ малодоступномъ для публики, такъ называемомъ Старомъ Эрмитажѣ.

Въ XVII вѣкѣ французская школа, какъ извѣстно, не отличалась полною самостоятельностью, а находилась подъ сильнымъ вліяніемъ Итальянской школы. Между идеалистами Французской школы XVII вѣка самое первое мѣсто занимаетъ безспорно чрезвычайно талантливый и даже первоклассный художникъ Николай Пуссенъ, значительную часть своей жизни проведшій въ Италіи. Эрмитажная галлерея очень богата картинами этого знаменитаго художника, такъ какъ ихъ считается здѣсь 23, и между ними есть картины религіознаго, миѳологическаго содержанія и ландшафты. Между этими картинами есть много превосходныхъ произведеній искусства, но пальма первенства принадлежитъ великолѣпной картинѣ, написанной Пуссеномъ для кардинала Ришелье и изображающей «Торжество Галатеи». Такого capo d'opere Пуссена нѣтъ даже и въ Луврской галлереѣ. Между ландшафтами Пуссена, живописца тѣни и меланхоліи, особенно хороши два скалистые ландшафта (№ 1414 и 1415).

Не менѣе, если еще не болѣе блистательно представленъ въ Петербургѣ другой первоклассный художникъ Французской школы XVII вѣка Клодъ Желе, прозванный Лорреномъ по своей родинѣ Лотарингіи, котораго, въ противоположность съ Пуссеномъ, можно назвать живописцемъ свѣта и свѣтлаго настроенія. Въ Эрмитажѣ 12 превосходныхъ картинъ художника, изъ которыхъ 4 самыя знаменитыя и неподражаемыя, изображающія «Четыре времени дня, (утро, полдень, вечеръ и ночь), доставлены Эрмитажу Мальмезоновской галлереей. Кромѣ этихъ картинъ знаменитаго художника и частныя собранія Петербурга и въ особенности галлерея кн. Юсупова содержатъ въ себѣ картины Клода Лоррена. Мы не будемъ останавливаться на остальныхъ идеалистахъ Французской школы, которыхъ Эрмитажная галлерея представляетъ не мало образцовъ; всѣ эти идеалисты, какъ напр., Себ. Бурдонъ, Ле-Сюёръ, Ле-Брюнъ, Миньаръ. Койпель, Булонь, при всей своей мягкости, пріятности и французскомъ вкусѣ не возвышаются выше уровня эклектиковъ Итальянской школы.

Переходя затѣмъ къ картинамъ XVIII вѣка Французской школы, мы замѣчаемъ, что реалисты этой школы принимаютъ въ этомъ вѣкѣ направленіе, которое нельзя не признать вполнѣ новымъ и національнымъ.

Самыми талантливыми и любимыми національными художниками французской школы XVIII вѣка нужно безспорно признать Антуана Ватто и Жана-Батиста Грёза.

Въ Эрмитажѣ есть три хорошенькія картины Ватто: (№ 1501) «менуетъ», (№ 1502) «Савояръ« и (№ 1503) «Молодой человѣкъ, играющій на гитарѣ», которыя, не смотря на свою аффектированную грацію, а двѣ первыя на нѣкоторую неоконченность, отличаются талантливостью композиціи и свѣтлымъ, гармоническимъ колоритомъ. Еще лучшія его картины есть, сколько намъ помнится, въ Гатчинскомъ дворцѣ.

Что же касается до Грёза, то въ Эрмитажѣ, кромѣ извѣстной по гравюрамъ и капитальной его картины «Больной старикъ», есть еще три граціозныя и прелестныя головки, которыми такъ славился Грёзъ и которыя такъ высоко цѣнятся любителями искусства. Впрочемъ, Петербургъ чрезвычайно богатъ произведеніями Грёза: въ одной галлереѣ кн. Юсупова ихъ не менѣе полутора десятка и всѣ сдѣланы по заказу покойнаго князя, у сына котораго сохранилась цѣлая, весьма интересная переписка о заказахъ Грёзу всѣхъ картинъ, хранящихся въ галлереѣ. У покойной великой княгини Маріи Николаевны было также цѣлое собраніе грёзовскихъ головокъ.

Картины Нѣмецкой школы XVII и XVIII вѣка въ Эрмитажѣ не представляютъ ничего особенно замѣчательнаго. Есть въ Эрмитажѣ три картины и Англійской школы. Двѣ изъ нихъ принадлежатъ кисти знаменитаго англійскаго художника XVIII вѣка Рейнольдса — между ними

большая картина, изображающая младенца Геркулеса, задушающаго змѣй; картины эти служатъ памятниками весьма оживленныхъ сношеній Великой Основательницы Эрмитажа съ англійскимъ художникомъ.

Намъ остается еще сказать нѣсколько словъ о картинахъ Русской школы въ Эрмитажѣ. Ихъ всего 64 нумера и онѣ занимаютъ двѣ залы на противоположной отъ главнаго входа сторонѣ лѣстницы. Это или слишкомъ много, или слишкомъ мало. Слишкомъ много, если русское отдѣленіе Эрмитажа предназначено для того, чтобы вмѣстить въ себѣ только такія первоклассныя произведенія Русской школы, которыя имѣютъ, такъ сказать, міровое значеніе; слишкомъ мало, если русское отдѣленіе Эрмитажа предназначено для того, чтобы дать полную историческую картину постепеннаго развитія русской живописи. Притомъ же Русская школа до второй половины нашего вѣка далеко не имѣла полной самостоятельности, а была только отголоскомъ вліяній заграничныхъ школъ. Только со второй половины Рашего вѣка замѣчается въ Русской школѣ то стремленіе къ самобытности, національности, народности, безъ котораго никакая школа живописи не можетъ дойти до высшаго состоянія художественнаго развитія. Къ чему приведетъ это національное направленіе искусства, мы, современники, еще не знаемъ: послѣднее слово Русской школы, еще не сказано, а до тѣхъ поръ трудно составлять отборное систематическое собраніе высшихъ художественныхъ произведеній школы, которое соотвѣтствовало бы общему ея характеру; для составленія же цѣлой національной галлереи, которая послужила бы матерьяломъ для обдуманнаго и правильнаго созданія отборной коллекціи, въ Эрмитажѣ нѣтъ достаточно мѣста. Потому русское отдѣленіе Эрмитажа не есть галлерея Русской школы, а случайное собраніе нѣкоторыхъ картинъ этой школы.

Само собою разумѣется, между этими картинами есть и нѣсколько во всякомъ случаѣ замѣчательныхъ произведеній искусства и между ними знаменитая картина Брюлова «Послѣдній день Помпеи», хорошія работы Венеціанова, Кипренскаго, ландшафты Айвазовскаго, Боголюбова и т. п.

Мы уже имѣли случай упомянуть выше, что Императрица Екатерина II умѣла распространять въ высшихъ слояхъ русскаго общества любовь къ искусствамъ. Сначала, можетъ быть, изъ подражанія Императрицѣ, изъ моды, а потомъ и изъ истинной любви къ искусству, доставляющей столько чистыхъ наслажденій вблизи домашняго очага, царедворцы Екатерины и вообще образованнѣйшіе люди столицы стали заводить себѣ картинныя галлереи въ концѣ XVIII вѣка. Обстоятельства чрезвычайно благопріятствовали въ то время коллекціонерамъ. Обширныя сношенія Екатерины открывали многимъ русскимъ доступъ къ предметамъ искусства и, познакомивъ съ ними иностранцевъ, имѣли послѣдствіемъ то, что во время французской революціи и даже наполеоновскихъ войнъ много сокровищъ Европы перекочевали въ страну, менѣе всего подвергнутую тѣмъ политическимъ переворотамъ, которымъ подверглись въ то время почти всѣ государства Западной Европы. Хотя послѣ паденія Наполеона и окончательнаго успокоенія Европы началось и обратное движеніе предметовъ искусства, особенно усилившееся во второй половинѣ нашего вѣка, но все еще много художественныхъ сокровищъ осталось въ Россіи и притомъ преимущественно въ Петербургѣ.

Не говоря о множествѣ художественныхъ сокровищъ, разбросанныхъ во всѣхъ дворцахъ и павильонахъ, какъ столичныхъ, такъ и загородныхъ, принадлежащихъ особамъ Императорскаго Дома, между которыми можно въ особенности назвать дворцы: Маріинскій, Царскосельскій, Гатчинскій, Павловскій, павильоны: Монплезиръ и Марли въ Петергофѣ, въ Петербургѣ есть и настоящія картинныя галлереи. Между ними первостепенными можно считать галлереи: графа С. Г. Строгонова, герцога Лейхтенбергскаго и кн. Юсупова. Затѣмъ идутъ отчасти превосходныя, отчасти весьма интересныя собранія картинъ: гр. П. С. Строгонова, В. Л. Нарышкина, гр. Орлова-Давыдова, кн. Горчакова, гр. П. П. Шувалова и собраніе Академіи Художествъ, образовавшееся преимущественно изъ картинъ, пожертвованныхъ туда въ

началѣ нынѣшняго вѣка гр. Шуваловымъ и изъ доставшихся Академіи по завѣщанію гр. Кушелева. Эти собранія можно считать болѣе или менѣе установившимися и окрѣпшими; объ остальныхъ, содержащихъ въ себѣ весьма часто превосходныя художественныя произведенія, мы не упоминаемъ здѣсь только потому, что, образуемыя съ любовью какимъ нибудь обладающимъ достаточными познаніями въ исторіи искусства и вкусомъ любителемъ, коллекціи эти разсыпаются такъ же быстро, какъ и собираются, особливо послѣ смерти ихъ основателей.

О картинахъ, заключающихся въ упомянутыхъ галлереяхъ, мы уже сказали, сколько намъ позволилъ объемъ очерка, при характеристикѣ школъ и художниковъ, входящихъ въ составъ знаменитой картинной галлереи Императорскаго Эрмитажа.

П. П. Семеновъ.

«Игрокъ на гитарѣ» Теньера.

ОЧЕРКЪ XV.

ОКРЕСТНОСТИ ПЕТЕРБУРГА.

Петербургскія окрестности и «пригороды». — Ихъ жизненная зависимость отъ столицы и ихъ служебное значеніе. — Финская природа. — Мѣста для дачной прохлады и лѣтняго увеселенія. — Характеристика окрестностей столицы въ отношеніи живописномъ и культурномъ. — Екатерингофъ, его прошлое и настоящее. — Петергофское шоссе. — Домъ скорби и помощи на Одиннадцатой верстѣ. — Троице-Сергіева пустынь. — [illegible] видъ южнаго побережья Финскаго залива. — Стрѣльна и стрѣльнинскій дворецъ. — Нѣмецкая колонія. — [illegible]. — Петергофъ. — Гранильная фабрика. — «Монплезиръ». — Петергофскіе сады и ихъ прошлое. — Ораніенбаумъ и его дворецъ. — Въ Кронштадтъ. — Его значеніе, какъ военнаго порта и какъ крѣпости. — Кронштадтскія достопримѣчательности. — Нарва-Иванъ-Городъ и нарвскій водопадъ. — Нарвскія фабрики. — [illegible]. — Царско-сельская желѣзная дорога. — Павловскій вокзалъ и павловская «музыка». — Павловскій дворецъ и его садъ. — Царское Село — городъ. — Царскосельскіе дворцы и сады и [illegible]. — Красное Село. — Дудергофъ. — Пулковская обсерваторія. — Гатчина и ея исторія. — Окрестности столицы по правой сторонѣ Невы. — Дачи и дачная жизнь. — Озерки. — Каменно-островскій дворецъ. — Елагинъ островъ и его достопримѣчательности. — Шлиссельбургъ и его значеніе [illegible]. — Шлиссельбургская [illegible].

Въ пріятныхъ сихъ мѣстахъ
. . . . .
Великолѣпіе чертоговъ позлащенныхъ,
Которыхъ гордый верхъ скрывается межъ тучъ,
Различный видъ гульбищъ, садовъ и рощъ сгущенныхъ,
Гдѣ лѣтомъ проницать не смѣетъ солнца лучъ
.. .. тамъ послушны элементы
Порядокъ естества стремятся превзойти:
Тамъ новые водамъ открылися пути,
И славныхъ россiйскихъ дѣлъ явились монументы,
Въ ихъ славу древность тамъ
Себѣ воздвигла храмъ
И пишетъ бытія временъ неисчислимыхъ,
Какія видѣлъ свѣтъ
Въ теченье нашихъ лѣтъ.

Богдановичъ.

Памятникъ Белингсгаузену въ Кронштадтѣ.

Нѣтъ на Руси, пожалуй, такихъ населенныхъ мѣстъ, къ которымъ можно было бы болѣе кстати примѣнить мѣткій старинный терминъ — *пригороды*, какъ къ поселеніямъ, окружающимъ Петербургъ. Всѣ эти Петергофы, Павловски и прочіе городки, лежащіе въ районѣ нашей столицы, живутъ и дышатъ ею, носятъ на себѣ ея отпечатокъ, составляютъ ея неотъемлемыя части или какъ-бы продолженія, и только въ этомъ отношеніи мыслимы. Безъ Петербурга — ихъ самостоятельное существованіе, а тѣмъ болѣе процвѣтаніе было-бы весьма загадочно, потому что онъ ихъ создалъ для своей прихоти, для своего отдыха и наслажденія in's Grüne—на лонѣ природы, и онъ же исключительно поддерживаетъ ихъ бытіе для этой цѣли. Всѣ эти, утонувшіе въ садахъ и паркахъ, городки и поселенія, въ сущности, только дачи и мѣста загородныхъ прогулокъ петербургскихъ жителей. Быть можетъ, въ

чисто статистическомъ даже отношеніи, большинство номинальныхъ обывателей этихъ мѣстностей, какъ домовладѣльцевъ, — тѣ-же петербургскіе жители.

Впрочемъ самымъ рельефнымъ указаніемъ полной зависимости описываемыхъ пригородовъ отъ ихъ метрополіи — Петербурга, можетъ служить фактъ существованія нѣсколькихъ желѣзныхъ дорогъ и пароходныхъ обществъ, служащихъ для сообщенія между ними. Напр., изъ

Нарвскія ворота.

Петербурга проведены спеціальные, самостоятельные желѣзные пути въ Павловскъ и Ораніенбаумъ, которымъ, между тѣмъ, рѣшительно нечего возить въ столицу, изъ которыхъ и ѣздить-то, почитай, что некому: въ Павловскѣ жителей всего-на-все до 3,000, а въ Ораніенбаумѣ около 4,000. И однакожь, послѣдній сообщается съ Петербургомъ, кромѣ желѣзной дороги, еще нѣсколькими пароходами, совершающими постоянные рейсы. Ясно, что какъ эти города,

такъ и другіе, имъ подобные, въ предѣлахъ Петербургской губерніи существуютъ не для самихъ себя, а всецѣло для столицы и ея потребностей.

Народное гулянье.

То же самое можно сказать и о категоріи такихъ городовъ, какъ Кронштадтъ. Въ то время какъ Петергофъ, Ораніенбаумъ, Царское Село, Павловскъ, Гатчина и Срѣльна, съ окрестными деревнями, служатъ для дачной прохлады лѣтняго увеселенія столицы, Кронштадтъ и отчасти Шлюссельбургъ, какъ крѣпости, служатъ для ея защиты въ военномъ отношеніи. Не говоря о Шлюссельбургѣ, даже Кронштадту, если не считать флотъ, сосредоточенный въ его гаваняхъ, *своего* защищать было-бы нечего; какъ городъ, онъ, и по своему объему богатству, не возвышается надъ уровнемъ зауряднызъ, Богомъ хранимыхъ, уѣздныхъ городовъ русскихъ.

Этой существенной чертой описываемыхъ поселеній характеризуется вся исторія ихъ происхожденія и развитія, а также современное ихъ экономическое и культурное положеніе. За исключеніемъ нѣкоторыхъ старинныхъ поселеній Петербургской губерніи (какъ Ладога, Нарва, Шлюссельбургъ и друг.), всѣ ея новѣйшіе городки вызваны къ жизни искусственно и живутъ искусственной жизнью. Всѣ они появляются на свѣтѣ разновременно, послѣ основанія Петербурга, какъ его отпрыски — и имѣютъ, по отношенію къ нему,

исключительно одно, такъ сказать, служебное значеніе. Большинство изъ нихъ обязано своимъ происхожденіемъ основанію на ихъ территоріяхъ лѣтнихъ резиденцій Императорской фамиліи. Такія резиденціи, всегда устраиваемыя въ широкихъ размѣрахъ, съ достодолжной пышностью и великолѣпіемъ, послужили центрами для группировки вокругъ нихъ дачныхъ сооруженій частныхъ лицъ изъ высшаго столичнаго общества. Такимъ образомъ съ теченіемъ времени здѣсь образовались цѣлые города и обширные пригороды, получившіе свое названіе, частію по названію расположенныхъ въ нихъ императорскихъ дворцовъ, какъ, напр., Царское, Павловскъ, Гатчина и др., частію по именамъ знатныхъ владѣльцевъ данныхъ мѣстностей, какъ, напр., Безбородкино (Кушелевка), Шувалово, Леваньово, Елагинъ и пр.

Сергіева пустынь.

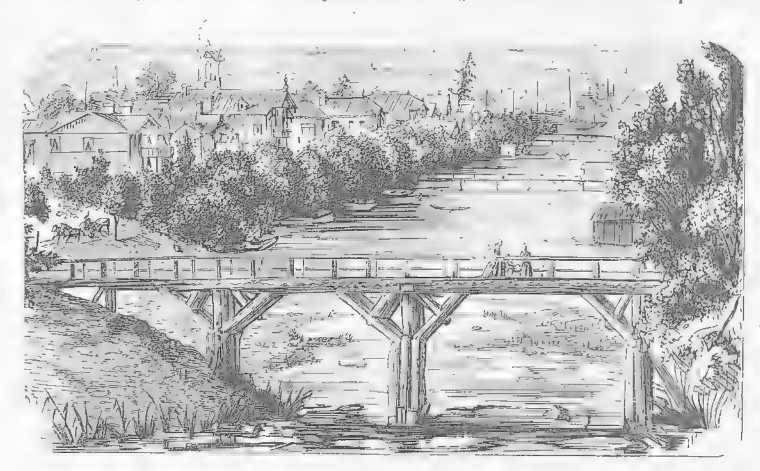
Само собой разумѣется, что при первоначальномъ выборѣ мѣстностей, для основанія всѣхъ такого рода лѣтнихъ резиденцій, руководились требованіями, преимущественно, художественно-увеселительными, такъ сказать, буколическими, искали наиболѣе счастливаго соединенія красоты природы съ здоровостью почвы и воздуха, избытка разныхъ сельско-дачныхъ угодій съ удобствами для изысканной жизни. Избалованный обитатель столицы, утомясь пышностью и блескомъ суетной свѣтской жизни зимняго городскаго

Дворецъ въ Стрѣльнѣ.

сезона, любилъ въ лѣтнее время укрыться отъ большаго свѣта на лоно и просторъ природы, любилъ окружать себя здѣсь живой иллюзіей блаженной простоты и буколизма во вкусѣ аркадскихъ пастушковъ, и, подъ вліяніемъ то псевдо-классическихъ, то романтическихъ, смотря по модѣ, идеаловъ и образовъ, создавалъ на территоріи своихъ владѣній разныя затѣйливыя худо-

жественныя поддѣлки и имитаціи. Тутъ воздвигалось подобіе какого-нибудь живописнаго, въ средневѣковомъ стилѣ, «шато», съ соотвѣтствующей обстановкой, тамъ, не совсѣмъ складно и искусно, большею частью, выросли античные портики и колоннады; далѣе, страннымъ контрастомъ съ суровой сѣверной природой, поднялись итальянскія виллы и легкія въ швейцарскомъ вкусѣ «шале», въ узорахъ и кружевахъ, смѣющіяся сквозь зелень своимъ идиллически-веселымъ видомъ, хотя въ улыбкѣ ихъ и чувствуется что-то вынужденное и фальшивое. Въ обширныхъ паркахъ и садахъ, опять-таки разбитыхъ и изукрашенныхъ по образу и подобію заморскихъ прославленныхъ садовъ, появились разнообразные вычурные «храмы», «руины», каскады, павильоны, кіоски, замелькали безчисленныя статуи, обелиски и т. под.

Видъ на рѣчку Стрѣлку въ Стрѣльнѣ.

Особенно богатое наслѣдіе въ этомъ родѣ и въ этомъ вкусѣ оставилъ намъ вѣкъ минувшій — эпоха литературнаго сантиментализма и подражанія древнимъ, по рецепту, присланному изъ Парижа, когда русскіе «культурные» баре, по выраженію поэта, мечтали

О вѣкѣ золотомъ, въ которомъ люди жили,
Какъ братья и друзья, пасая свои стада....
. . . .
А болѣе всего — рѣзвились и любили....

Какъ извѣстно, прилегающіе къ Петербургу «хладные» финскіе берега не отличаются роскошью природы и не изобилуютъ красивыми мѣстоположеніями. Вслѣдствіе этого, хотя для созданія загородныхъ увеселительныхъ резиденцій были избраны наиболѣе живописныя въ окрестностяхъ Петербурга мѣстности, но онѣ не могли вполнѣ удовлетворить изысканнаго вкуса изощреннаго наблюденіемъ очаровательныхъ швейцарскихъ, итальянскихъ и тому подобныхъ пейзажей. Тутъ даже и сравненія никакого не могло быть. Но чего не даетъ природа, то можно отчасти восполнить искусствомъ. И вотъ, съ этой мыслью, однообразныя, мизерныя, въ эстетическомъ отношеніи, мѣстности, избранныя въ окрестностяхъ столицы для лѣтнихъ резиденцій, начинаютъ, если можно такъ выразиться, искусственно *поддѣлываться* подъ красивые пейзажи заморской природы. Насыпаются цѣлыя горы, воздвигаются живописныя скалы и стремнины, роются озера и каналы, устраиваются меланхолически-журчащіе ручьи и водопады, насаждаются рощи и лѣса... Словомъ, происходитъ полная перестановка природы или, какъ выразился одинъ изъ старинныхъ пѣвцовъ Царскаго,

Церковь въ Стрѣльнѣ.

. . . . послушны элементы
Порядокъ естества стремятся превзойти,

по прихоти ни передъ чѣмъ не останавливающейся творческой фантазіи, къ услугамъ которой имѣлся дешевый крѣпостной трудъ...

Теперь, когда, въ распоряженіи народнымъ трудомъ введена болѣе осмотрительная экономія, когда матеріальнымъ избыткамъ дается употребленіе болѣе утилитарное, подобныя исполинскія сооруженія, напоминающія египетскія пирамиды, невольно изумляютъ наблюдателя... Невозможно исчислить, сколько затрачено труда и денегъ на эти грандіозныя пересозданія не всегда благодарной финской природы! И мы будемъ видѣть въ дальнѣйшемъ нашемъ обозрѣніи, что все то, чѣмъ славятся окрестности Петербурга, представляетъ собою почти исключительно дѣло рукъ человѣческихъ... Отмѣчаемъ теперь эту особенную черту описываемыхъ поселеній, какъ общую имъ всѣмъ и наиболѣе характеристическую.

Садъ князя Орлова въ Стрѣльнѣ.

Было бы нѣсколько трудно провести точное территоріальное разграниченіе между собственно Петербургомъ, какъ городомъ, и его дачными окрестностями и пригородами. Даже въ схематическомъ отношеніи, опи, какъ мы уже сказали выше, составляютъ въ сущности его продолженія, идущія лучами въ разныя стороны. Такимъ образомъ, напр., всѣ дачныя окрестности по правую сторону Большой Невы повсюду незамѣтно сливаются съ территоріей города. То же самое можно сказать о сѣверо-западной окраинѣ Петербурга, гдѣ расположенъ Екатерингофъ, съ прилегающими къ нему обширными и когда-то роскошными дачами, тянущимися почти непрерывной вереницей по обѣимъ сторонамъ нарвскаго шоссе, отъ тріумфальныхъ (нарвскихъ) воротъ вплоть до Сергіевской пустыни и даже далѣе — до Петергофа. Отсюда мы и начнемъ нашъ обзоръ, такъ какъ здѣсь, главнымъ образомъ, зачалось постепенное превращеніе окрестностей Петербурга въ лѣтнія увеселительныя резиденціи. Почтимъ прежде всего старину...

Пристань въ Стрѣльнѣ.

Мѣстность, носящая нынѣ названіе Екатерингофа, обязана своимъ именемъ лѣтнему увеселительному дворцу, основанному здѣсь Петромъ В. въ 1711 г., въ честь императрицы Екатерины и въ воспоминаніе одержанной въ устьѣ Невы *первой* морской побѣды. Петръ очень любилъ Екатерингофъ и въ лѣтнее время нерѣдко совершалъ сюда увеселительныя прогулки вмѣстѣ съ императрицей и въ сопровожденіи всего двора, на такъ называвшейся тогда «партикуляръ-флотиліи». Вотъ что, между прочимъ, повѣствуетъ объ этихъ «екатерингофскихъ» прогулкахъ въ петровское время одинъ изъ современниковъ, Берхгольцъ:

«Чудный видъ представляла наша флотилія, состоявшая изъ 50-ти или 60-ти барокъ и верековъ, на которыхъ всѣ гребцы были въ бѣлыхъ рубашкахъ. Удовольствіе отъ этой прогулки увеличивалось еще тѣмъ, что почти всѣ вельможи имѣли съ собою музыку: звуки множества волторнъ и трубъ оглашали воздухъ... По пріѣздѣ въ Екатерингофъ, мы вошли въ небольшую гавань... Все общество, по выходѣ на берегъ, отправилось въ находящуюся передъ дворцомъ рощицу, гдѣ былъ накрытъ большой столъ, уставленный холодными кушаньями... Царь и его гости ходили взадъ и впередъ и повременамъ брали что-нибудь изъ поставленныхъ на столъ плодовъ. Царица была такъ милостива, что собственноручно подала каждому по стакану превосходнаго венгерскаго вина... Между тѣмъ, въ рощицѣ играла музыка и гулянье такимъ порядкомъ продолжалось до поздняго вечера. Ея величество встала, чтобы напомнить царю, что пора ѣхать назадъ; но такъ какъ государю не хотѣлось еще ѣхать, то начали опять разносить большіе стаканы съ венгерскимъ, отъ котораго мы порядочно опьянѣли. Наконецъ собрались въ обратный путь...»

Петергофская купеческая пристань.

Таково было въ первоначальномъ видѣ вошедшее въ правы петербуржцевъ «народное» екатерингофское гулянье! Самый Екатерингофъ въ то время и долгое время послѣ не представлялъ собой ничего особеннаго, а со смертью Петра его и совсѣмъ было забросили. Георги, въ своей извѣстной книгѣ, свидѣтельствуетъ, что въ концѣ прошлаго столѣтія Екатерингофъ былъ пустыненъ: въ немъ имѣлось только «два маленькихъ деревянныхъ домика, безъ сада и безъ жителей». Кругомъ былъ расположенъ лѣсъ, о которомъ добросовѣстный описатель счелъ нужнымъ сказать, что «дичь въ немъ больше не водится». Подобное замѣчаніе ясно показываетъ, въ какой степени мѣстность эта была тогда пустынна и запущена, если могло явиться предположеніе о присутствіи въ ней дикихъ звѣрей. Впрочемъ, и тогда уже существовала по дорогѣ къ Екатерингофу деревня того же имени, гдѣ на лѣто селились дачники.

Собственно екатерингофскій дворецъ, и при началѣ своего основанія и нынѣ, представляетъ небольшое деревянное зданіе весьма скромной архитектуры съ незатѣйливымъ внутреннимъ убранствомъ. Украшеніемъ его служатъ лишь нѣкоторыя вещи, принадлежавшія Петру В., какъ-то: его кровать, кафтанъ и колетъ, нѣсколько китайскихъ картинъ довольно шаловливаго содержанія и проч.

Цвѣтущая эпоха Екатерингофа начинается въ дни Александра I; но она находилась въ непосредственной зависимости съ предшествовавшимъ ей необыкновеннымъ развитіемъ дачной жизни въ окрестностяхъ Екатерингофа, именно — вдоль Петергофской дороги. Уже во времена

Екатерины II мѣстность эта очень полюбилась петербургскимъ вельможамъ, и они стали застраивать ее великолѣпными дачами. Посѣтившая въ концѣ прошлаго столѣтія нашу столицу Виже-Лебренъ говоритъ въ своихъ запискахъ, что «по обѣимъ сторонамъ Петергофской дороги тянулись ряды прелестныхъ дачъ, окруженныхъ самыми затѣйливыми садами въ англійскомъ вкусѣ». Словомъ, въ тѣ времена здѣсь было средоточіе дачной петербургской жизни для людей аристократическаго круга. Естественно было поэтому графу Милорадовичу, бывшему въ послѣдніе годы царствованія Александра I генералъ-губернаторомъ въ Петербургѣ, обратить особенное вниманіе на Екатерингофъ и озаботиться приведеніемъ его въ благоустроенный видъ.

Видъ отъ павильона Озерки къ Бабьему гону въ Петергофѣ.

Съ этой цѣлью, въ 1823 году приступлено было къ переустройству Екатерингофа по Высочайше утвержденному плану. Съ небольшимъ въ годъ прорытъ былъ каналъ, засыпаны болота, проведены аллеи и шоссейныя дороги, очищены пруды, насажено вновь нѣсколько тысячъ деревьевъ, возобновленъ дворецъ и проч. Кромѣ того, въ паркѣ былъ воздвигнутъ, по плану извѣстнаго Монферана, великолѣпный общественный вокзалъ (недавно сгорѣвшій) и другія увеселительныя постройки. Переустройство коснулось и сосѣднихъ съ Екатерингофомъ мѣстностей. Такъ, расчищенъ былъ Гутуевскій островъ и находившіяся на немъ жалкія рыбачьи лачужки замѣнены красивыми домиками во вкусѣ сельскихъ построекъ въ окрестностяхъ Рима. Здѣсь же была воздвигнута готическая «подзорная» башенка, съ вершины которой открывался прекрасный видъ на море и на окрестности...

Все это возвысило Екатерингофъ въ глазахъ петербургскаго населенія и сдѣлало его моднымъ мѣстомъ для гулянья, а его окрестности стали умножаться дачами вельможъ и богачей. Его воспѣвали даже современные поэты и, между прочими, извѣстный графъ Д. И. Хвостовъ, написавшій оду—«На перерожденіе Екатерингофа», въ 1823 г. Въ воздаяніе за это, въ вокзалѣ былъ вывѣшенъ портретъ графа, долгое время украшавшій его стѣны, съ довольно ориги-

пальной подписью: «Э Катерингофа Бардъ!» Желая сдѣлать Екатерингофъ вольнымъ и пріятнымъ мѣстомъ увеселенія, во всѣхъ отношеніяхъ, его реставраторъ исходатайствовалъ для него особенную льготу: въ екатерингофскомъ паркѣ разрѣшалось курить на открытомъ воздухѣ, что было строго запрещено во всѣхъ остальныхъ мѣстахъ столицы.

Въ настоящее время отъ всѣхъ этихъ художественныхъ затѣй и пріятностей немногое уцѣлѣло, и самъ Екатерингофъ утратилъ прежнюю свою щеголеватость, переставъ служить любимымъ мѣстомъ прогулокъ для высшаго петербургскаго общества. Съ теченіемъ, времена измѣнились, и прихотливая мода нашла новыя мѣста для лѣтняго увеселенія избранной публики. Упадокъ Екатерингофа, въ особенности, какъ центра дачнаго поселенія, начинается съ той поры, когда, благодаря желѣзнымъ дорогамъ, соединившимъ Петербургъ съ Царскимъ Селомъ и Павловскомъ, эти послѣдніе вошли въ моду и сдѣлались любимыми мѣстностями столичныхъ дачниковъ.

Петергофскій паркъ.

Впрочемъ, не мало также способствовали этому упадку Екатерингофа размножившіеся въ его окрестностяхъ заводы и фабрики, присутствіе которыхъ, конечно, не можетъ гармонировать съ понятіемъ «дачи», въ обстановкѣ поэтической прелести деревенской природы. Въ настоящее время описываемая мѣстность, на протяженіи своихъ главныхъ путей сообщенія, изобилуетъ множествомъ заводовъ и фабрикъ, придающихъ ей характеръ чернорабочей индустріальности, такъ мало имѣющей въ себѣ эстетическаго. Къ тому жь, нужно замѣтить, что многіе изъ расположенныхъ здѣсь заводовъ, по свойству своего производства, отнюдь не могутъ содѣйствовать благорастворенію воздуха. Мы говоримъ преимущественно о заводахъ по обдѣлкѣ животныхъ продуктовъ. Заводы эти находятся на островахъ: Рѣзвомъ, Гутуевскомъ и Вольномъ. Тутъ же устроена и центральная для всего города мясная бойня. Изъ другихъ заводовъ и фабрикъ, расположенныхъ въ описываемой мѣстности, многіе замѣчательны своей обширностью и громаднымъ производствомъ, каковы, напр.: желѣзодѣлательные и механическіе — Путиловскій (представляющій цѣлую «слободу», называемую Путиловской), Главнаго Общества россійскихъ желѣзныхъ дорогъ и друг.; сахарный — Кенига; пивной — Калинкинскій; резиновый и гутаперчевый — «Россійско-Американской Компаніи»; бумаго-прядильныя и миткалевыя — «Россійской Компаніи», «Товарищества новой бумагопрядильни» и проч.

Коттеджъ-дворецъ въ Александріи въ Петергофѣ.

С. Р.

Вслѣдствіе этого, вся прилегающая къ Екатерингофу часть города, съ предмѣстьями, переполнена рабочимъ населеніемъ, исключающимъ, конечно, своимъ присутствіемъ, своимъ непышнымъ, на мѣщанскій ладъ, образомъ жизни и своей мизерной обстановкой, приливъ въ эту мѣстность дачниковъ съ болѣе изысканными требованіями. По этой причинѣ и самый Екатерингофскій паркъ, рѣдко посѣщаемый нынче представителями «культурной» публики, сдѣлался почти исключительно мѣстомъ гулянья для простонародья, главнымъ образомъ изъ среды фабричныхъ рабочихъ, во множествѣ живущихъ въ окрестной мѣстности. Только разъ въ году, именно 1-го мая Екатерингофъ какъ бы воскресаетъ на нѣсколько часовъ для той блестящей жизни, которою онъ жилъ въ прежнее время. Майское гулянье (уже описанное нами въ другомъ мѣстѣ) привлекаетъ подъ сѣнь столѣтнихъ екатерингофскихъ липъ и березъ многочисленную публику всѣхъ слоевъ, отъ титулованнаго роскошнаго обитателя бель-этажей аристократическихъ улицъ до скромнаго, мелкотравчатаго чиновника изъ Коломенскаго захолустья, и отъ пышнаго щеголя — гостинодворскаго купчика, выѣзжающаго въ Екатерингофъ на тысячныхъ рысакахъ, до сермяжнаго рабочаго-поденщика, шествующаго туда же откуда-нибудь съ Калашниковской пристани по образу пѣшаго хожденія...

Павильонъ на Ольгиномъ Островѣ въ Петергофѣ.

Слѣдуя черезъ Нарвскія ворота, по петергофскому (оно же нарвское) шоссе, до сихъ поръ сохранившему еще на своемъ протяженіи слѣды былой роскоши и красоты большей частью, пустынно, стоящихъ теперь по его сторонамъ дачъ, съ ихъ запущенными садами и парками, мы достигаемъ прежде всего очень чтимой петербургскимъ населеніемъ Троицко-Сергіевской пустыни. Не доѣзжая до нея, нельзя, однако, не остановить еще вниманіе на обители человѣческой скорби и немощи, пользующейся печальной извѣстностью, подъ именемъ «Одиннадцатой версты», вошедшемъ какъ бы въ притчу. Называютъ также эту обитель «Желтымъ домомъ», и, дѣйствительно, желтый цвѣтъ господствуетъ въ окраскѣ внѣшнихъ стѣнъ описываемаго учрежденія. Мы говоримъ о загородной больницѣ «Всѣхъ скорбящихъ», для умалишенныхъ. Это довольно обширное заведеніе, не имѣющее въ своей внѣшности ничего мрачнаго и знаменующаго о его печальномъ назначеніи. Напротивъ, окруженные изобильной зеленью окружающихъ его палисадниковъ и сада, оно имѣетъ довольно привѣтливый видъ. Не менѣе заботливости положено и на внутреннее его устройство, чтобы оно могло какъ можно менѣе напоминать своимъ кліентамъ и посѣтителямъ, что они находятся въ обители скорби. Устройство этой больницы образцовое и, можно сказать, роскошное. Больные обставлены всевозможными удобствами; предусмотрѣны даже ихъ потребности въ развлеченіяхъ и увеселеніяхъ, включительно до танцевъ и музыки. Для этой цѣли при больницѣ содержится цѣлый оркестръ музыкантовъ.

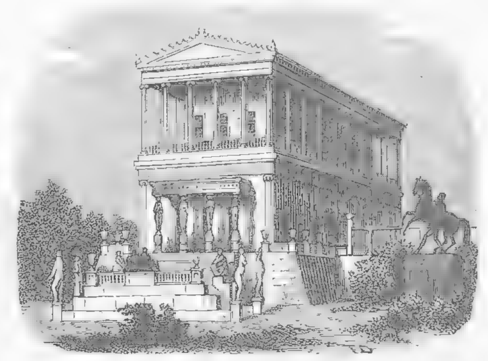

Марли въ Петергофѣ.

Сергіева-Троицкая пустынь расположена въ 15-ти верстахъ отъ Петербурга, у Финскаго залива, на невысокомъ взгорьѣ, откуда къ сторонѣ залива открывается широкая панорама зеленѣющихъ луговъ съ мелкой кустарниковой зарослью, далѣе свинцовая гладь моря, а еще далѣе — заволоченное

дымомъ и туманомъ приземистыя кронштадтскія твердыни. Самый монастырь, со своими красивыми зданіями, имѣетъ довольно живописный видъ со стороны взморья.

Пустыня основана въ 1734 году архимандритомъ Троицко-Сергіевской лавры Варлаамомъ на мѣстѣ мызы, подаренной ему Императрицой Анной Іоанновной. Сперва она была приписана къ давшей ей бытіе лаврѣ, но потомъ сдѣлана самостоятельной и съ 1836 г. возведена на степень первоклассного монастыря. Несомнѣнно, что это одинъ изъ наиболѣе благоустроенныхъ, богатыхъ и замѣчательныхъ у насъ монастырей, благодаря своему сосѣдству со столицей.

Бельведеръ на Бабьемъ гонѣ въ Петергофѣ.

Въ настоящемъ своемъ видѣ, Сергіева пустынь представляетъ группу красивыхъ церквей и зданій, окруженныхъ извнѣ садами, прудами и нивами. Тутъ-же примыкаетъ къ ней небольшой посадъ. Въ оградѣ монастыря имѣется четыре каменныя церкви: соборъ Живоворящей Троицы, построенный въ 1758 г.; Апостола Іакова-Брата Божія; Преподобн. Сергія — въ настоятельскихъ келіяхъ, и мученика Валеріана, воздвигнутая въ 1806 г. надъ могилой графа Валеріана Зубова. Послѣдняя церковь представляетъ собой какъ-бы усыпальницу графовъ Зубовыхъ и отличается изящной архитектурой. Вообще, кладбище монастыря богато прекрасными памятниками, воздвигнутыми надъ представителями знатныхъ русскихъ фамилій. Всѣ зданія пустыни каменныя и отличаются изяществомъ архитектуры, особенно новыя зданія, построенныя въ русскомъ стилѣ. Монашествующихъ имѣется 40 чел. При пустынѣ существуетъ имени графовъ Зубовыхъ инвалидный домъ на 30 человѣкъ, преимущественно раненыхъ солдатъ.

Церковь Петергофскаго дворца.

Вотъ въ этотъ-то уголокъ молитвы и благочестія стекаются цѣлыми семействами и компаніями богомольные петербуржцы. Пилигримство это совершается преимущественно лѣтомъ, когда приходятся и храмовые праздники пустыни. Обыкновенно, экскурсія предпринимается «по обѣту» и, чтобы придать ей характеръ «подвига», совершается большею частью пѣшкомъ. «Богомолье» это особенно популярно въ средѣ столичнаго купечества, для котораго оно соединяетъ въ себѣ цѣли душеспасительныя съ увеселительными, такъ какъ, дѣйствительно, лучшей загородной прогулки въ хорошій лѣтній день и желать не остается.

Должно замѣтить, что съ этой стороны все побережье Финскаго залива, начиная почти отъ границъ столицы вплоть до Ораніенбаума и далѣе, представляетъ непрерывную гряду легкаго взгорья, отлого спускающагося къ морю. Эта особенность придаетъ разнообразный и довольно живописный характеръ физическому виду всей данной мѣстности, оживляемой притомъ сосѣдствомъ моря. Счастливое соединеніе такихъ условій было по достоинству оцѣнено уже при самомъ основаніи Петербурга, вслѣдствіе чего здѣсь

92*

ранѣе, чѣмъ въ другихъ окрестностяхъ столицы, стали основываться роскошные загородные дворцы и дачи. Въ настоящее время все это побережье, вдоль по Петергофскому шоссе, представляетъ рядъ прелестныхъ лѣтнихъ императорскихъ резиденцій и дачныхъ поселеній, съ теченіемъ времени превратившихся въ цѣлые города. Они идутъ въ такомъ порядкѣ, раскинувшись на одной высотѣ, въ недалекомъ разстояніи другъ отъ друга: Стрѣльна, Знаменка (лѣтній дворецъ Великаго Князя Николая Николаевича старшаго), Александрія, Новый Петергофъ, Старый Петергофъ и Ораніенбаумъ.

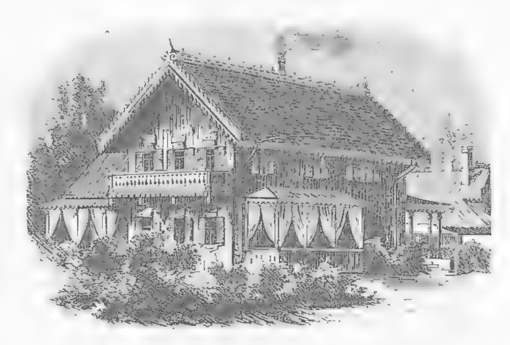
Китайскій павильонъ въ Ораніенбаумѣ.

Большая часть этихъ поселеній обязаны своимъ основаніемъ Петру Великому, положившему начало загороднымъ дворцамъ въ Стрѣльнѣ и Петергофѣ и посредственно, чрезъ своего любимца князя Меншикова, — въ Ораніенбаумѣ, который былъ ему пожалованъ. Преемники Петра вполнѣ оцѣнили его прекрасный выборъ и постепенно, путемъ непрерывныхъ усовершенствованій и созиданій, превратили эти окресности въ подобіе волшебныхъ садовъ Шехеразады.

Стрѣльна расположена въ 17-ти верстахъ отъ Петербурга. Основывая здѣсь дворецъ, Петръ В. предполагалъ воспроизвести въ Стрѣльнѣ Версаль, какъ по великолѣпію, такъ и по плану. Въ то время Стрѣльнинскій садъ такъ и назывался «Версалемъ». Здѣсь, кромѣ довольно обширнаго дворца, находились, по словамъ одного очевидца, «нѣсколько каналовъ, впадающихъ въ море, галлереи, аллеи, обсаженныя липами, много фонтановъ, лабиринты и многіе другіе

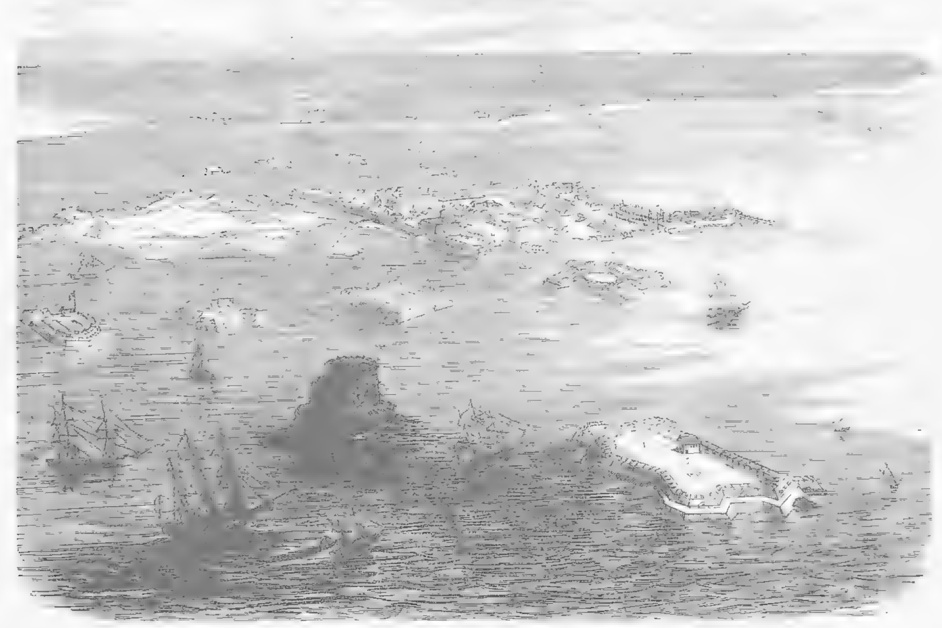
Павильонъ Озерки въ Петергофѣ.

Сельскій домикъ Цесаревича въ Петергофѣ.

красивые предметы». Въ устройствѣ стрѣльнинскаго парка Петръ принималъ непосредственное участіе и многія деревья въ немъ посадилъ собственноручно. Со смертью, однако, царя, Стрѣльна была обречена запустѣнію на долгое время. Дворецъ, построенный Петромъ В., сгорѣлъ при Аннѣ Іоанновнѣ. Возобновить его вздумали уже въ царствованіе Елисаветы Петровны, и притомъ въ обширныхъ размѣрахъ, по плану архитектора Растрелли, но постройка

эта не была окончена. Дворецъ оставался въ полномъ запустѣніи до 1797 г., когда на него обратилъ вниманіе императоръ Павелъ, подаривъ Стрѣльну Великому Князю Константину Павловичу. Съ этой поры начинаются для Стрѣльны времена болѣе счастливыя. Константинъ Павловичъ энергично принялся за возобновленіе стрѣльнинскаго дворца и приведеніе въ благоустройство его садовъ и угодій. Къ сожалѣнію, воздвигнутый по мысли Великаго Князя дворецъ сгорѣлъ въ 1803 году. Немедленно-же было приступлено къ постройкѣ новаго, уже каменнаго и, притомъ, въ болѣе обширномъ размѣрѣ; въ 1804 г. онъ былъ уже готовъ и въ такомъ видѣ стоитъ и понынѣ. Это — очень красивое, величественное зданіе, возвышающееся

Кронштадтъ съ птичьяго полета

на широкой терассѣ, опирающейся на колоссальную аркаду, откуда открывается видъ на море. Кругомъ его раскинуты обширные и прекрасно разросшіеся парки и сады. Въ самомъ дворцѣ много прекрасныхъ покоевъ, изъ коихъ особенно замѣчательна военная зала. Церковь дворцовая имѣетъ богатую утварь и нѣсколько мастерскаго письма иконъ. Дворцовая библіотека— едва-ли не одна изъ лучшихъ военныхъ библіотекъ въ Петербургѣ. Она составляла собственность покойнаго Императора Николая I и перешла въ наслѣдіе нынѣшнему владѣльцу Стрѣльны Великому Князю Константину Николаевичу.

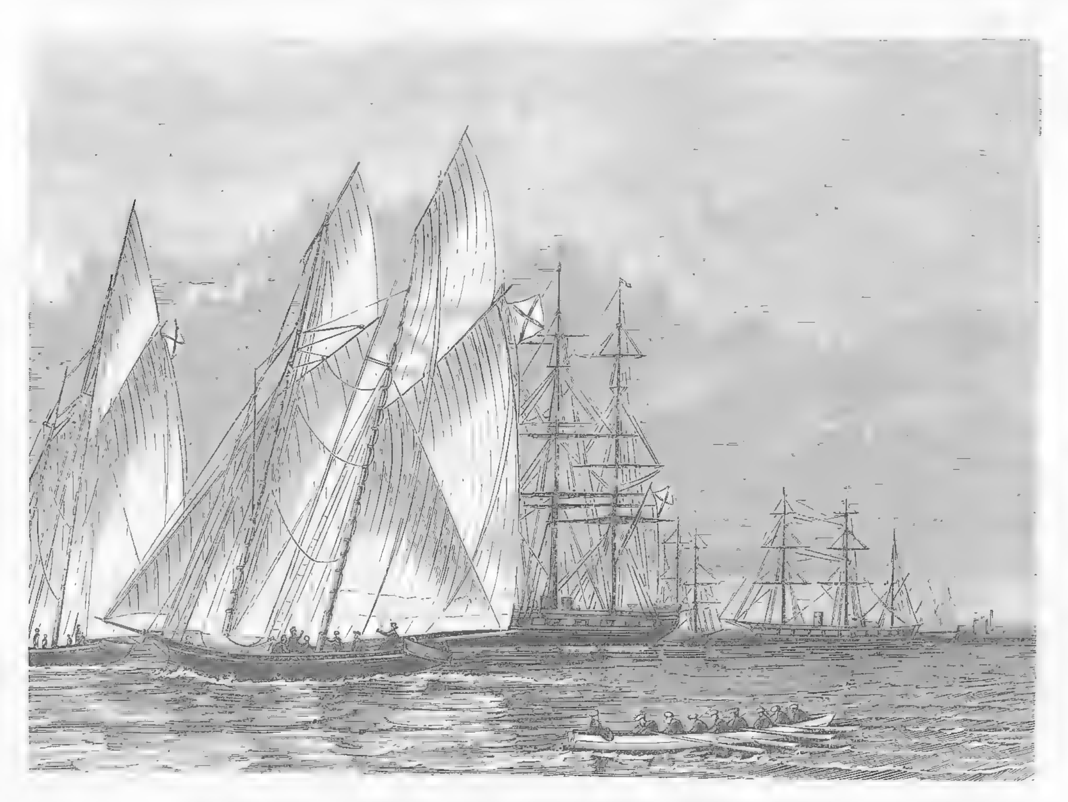
Стрѣльна, какъ и всѣ послѣдующія за нею лѣтнія резиденціи по побережью Финскаго залива, соединена съ Петербургомъ, кромѣ шоссе, желѣзной дорогой (вѣтвью Балтійской ж. д.), а также сообщаются съ нимъ водянымъ путемъ на пароходахъ, совершающихъ для этого ежедневно правильные рейсы. Это условіе способствуетъ процвѣтанію дачной жизни въ районѣ всей петергофской дороги. Стрѣльна особенно предпочитается столичными дачниками, вопервыхъ потому, что она отстоитъ отъ столицы въ болѣе близкомъ разстояніи, а вовторыхъ, благодаря своей возвышенной и красивой мѣстности, обилію воды и зелени и превосходному мѣсту для прогулокъ, представляемому дворцовыми садами. Въ настоящее время Стрѣльна представляетъ собою красивый городокъ, съ чистенькими улицами, съ изящной церковкой и съ

множествомъ щегольскихъ легкихъ построекъ дачной архитектуры. Въ числѣ дачъ заслуживаютъ особеннаго вниманія князей Орлова и Суворова Италійскаго. По своимъ постройкамъ, по обширности и красотѣ своихъ парковъ и садовъ, онѣ могутъ считаться однѣми изъ богатѣйшихъ въ окрестностяхъ Петербурга. Роскошью и затѣйливостью устройства болѣе всего отличается дача князя Орлова, расположенная въ центрѣ Стрѣльны.

Въ смежности со Стрѣльной находится нѣмецкая колонія, основанная здѣсь въ 1810 г. (собственно здѣсь двѣ колоніи — Нейдорфъ и Нейгаузъ). Она тянется длинной улицей, состоящей изъ довольно опрятныхъ домиковъ, тоже населенныхъ во время лѣта столичными дачниками.

Холмистая мѣстность Стрѣльны оживлена нѣсколькими прудами и извилистой, не особенно бойкой рѣченкой Стрѣлкой. Благодаря, однако, гидравлическимъ приспособленіямъ, рѣченка эта довольно богата водою и передъ изливомъ своимъ въ море принимаетъ видъ настоящей рѣки, способной даже къ судоходству.

На одной изъ нашихъ картинокъ представленъ не особенно живописный видъ стрѣльнинской морской пристани. Пристань эта, какъ видно, расположена на оконечности

Смотръ въ Кронштадтѣ.

очень длинной дамбы, далеко вдавшейся во взморье. Можемъ здѣсь кстати сказать, что таковы пристани и во всѣхъ остальныхъ описываемыхъ пунктахъ финскаго побережья, отличающагося здѣсь чрезвычайной мелизной. Есть мѣста, гдѣ, напр., иной любитель морскаго купанья, для того, чтобъ доставить себѣ это удовольствіе, долженъ брести съ версту и болѣе, какъ-бы въ оправданіе притчи — «по морю аки по суху», пока достигнетъ глубины, достаточной для омовенія грѣшнаго тѣла. Недаромъ, видно, старые моряки называли и весь Финскій

заливъ въ предѣлахъ береговъ петербургскаго района — «лужей». Мелизна взморья, поросшаго во многихъ мѣстахъ болотными растеніями, портитъ красоту пейзажей, и нужно не малое усиліе воображенія, чтобы поддерживать иллюзію «моря» при видѣ этихъ скудныхъ и неживописныхъ водъ.

Центромъ всей обозрѣваемой мѣстности слѣдуетъ признать Петергофъ, и по его срединному отчасти положенію, и еще болѣе — по его значенію. Подъ понятіемъ Петергофа разумѣется, вопервыхъ, лѣтній императорскій дворецъ съ весьма обширной территоріей, занимаемой его садами, угодьями и служебными заведеніями, и, во вторыхъ,—цѣлый уѣздный городъ того-же названія. Кромѣ того, вслѣдствіе своего развитія и разбросанности на значительное пространство, прежній единый Петергофъ расчленился въ новѣйшее время на два Петергофа — Старый и Новый. Точно также обособилась отъ него Александрія — вновь созданная очаровательная дача Государыни Императрицы. Мы, конечно, не станемъ вдаваться въ топографичекія подробности, такъ какъ въ нашей задачѣ давать читателямъ описаніе лишь наиболѣе интереснаго и замѣчательнаго, что намъ встрѣтится по пути. Въ этомъ отношеніи Петергофъ для насъ важенъ только, какъ одно изъ великолѣпнѣйшихъ въ мірѣ лѣтнихъ увеселительныхъ учрежденій. Какъ городъ — онъ мало интересенъ во всякомъ отношеніи, хотя его должно причислить къ лучшимъ и наиболѣе люднымъ уѣзднымъ городамъ Петербургской губерніи.

Александровскій фортъ въ Кронштадтѣ.

Рыбная пристань въ Кронштадтѣ.

Въ немъ числится до 1,650 частныхъ домовъ или дворовъ и около 11,500 постоянныхъ жителей. Несомнѣнно, что лѣтомъ это число населенія утроивается, по малой мѣрѣ, приливомъ дачниковъ. Въ Петергофѣ находится, между прочимъ, одно замѣчательное, по своей относительной древности и важности, промышленное учрежденіе. Мы говоримъ о знаменитой петергофской гранильной фабрикѣ, основанной Петромъ В. въ 1725 г. и существующей, слѣ-

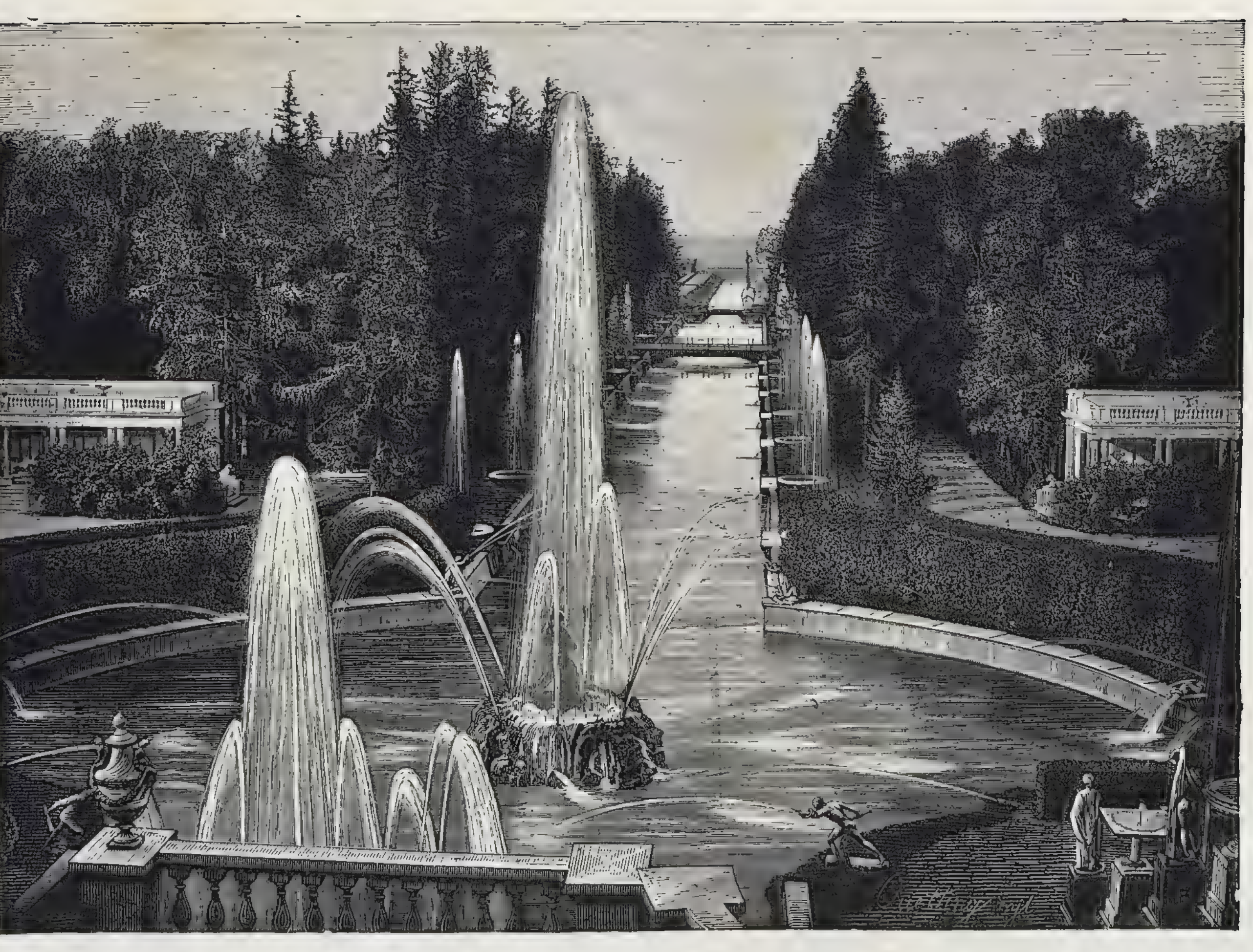
довательно, болѣе полутораста лѣтъ. Встарину она носила названіе «алмазной мельницы, гдѣ каменья пилуютъ и полируютъ». При Аннѣ Іоанновнѣ, когда старая мельница сгорѣла, ее возобновили «для шлифованія и полированія при Академіи Наукъ всякихъ найденныхъ въ здѣшнемъ государствѣ яшмовыхъ и прочихъ камней». При Елисаветѣ Петровнѣ «мельницу» расширили; но на степень фабрики, подъ названіемъ «гранильной», она была возведена только при Екатеринѣ II, давшей ей новое устройство и построившей для нея каменныя зданія. Въ 1760-хъ гг. произведенія петербургской гранильной фабрики, выставленныя на парижской выставкѣ, возбудили всеобщее удивленіе и удостоились высшей награды. Въ 1816 году въ одномъ зданіи съ гранильной фабрикой была учреждена бумажная (едвали не первая въ

Нарва.

Россіи *машинная* бумажная фабрика), просуществовавшая до 1846 г. Въ настоящее время описываемая фабрика состоитъ въ распоряженіи вѣдомства Удѣловъ; на ней работаетъ 50 чел. мастеровъ и 20 чел. учениковъ, для которыхъ при фабрикѣ имѣется школа. Въ 1875 г. гранильная фабрика частію перестроена по требованіямъ новѣйшихъ усовершенствованій. Новое помѣщеніе для нея отличается удобствомъ и даже роскошью. Фабрика приводится въ дѣйствіе водою. Объ этомъ позаботился еще Петръ В., при немъ были разысканы источники, рылись каналы и прокладывались первыя трубы. Эти водопроводы даютъ теперь ежесекундно 57½, а въ сутки — 4,968,000 куб. футовъ воды. Для потребностей фабрики далеко не столько нужно воды: для ея девятичасовой работы нужно не болѣе 324,000 куб. фут. въ день. Остальной запасъ воды, скопляемой въ петергофскомъ водопроводѣ, идетъ на питаніе фонтановъ и для потребностей города.

Петергофская гранильная фабрика обдѣлываетъ, между прочимъ, бриліанты и другіе драгоцѣнные камни, вытачиваетъ вазы, чаши, печати и другія мелкія вещи съ выпуклыми вырѣзками. Что касается ея мозаическаго производства, то оно считается образцовымъ и далеко оставляетъ за собою однородное производство заграницей.

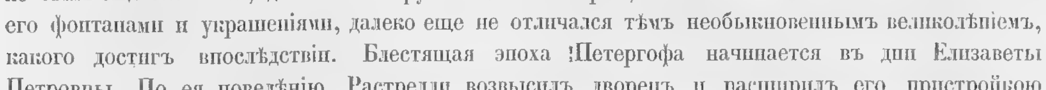
Самсонъ въ Петергофѣ.

Петръ основалъ Петергофъ вскорѣ послѣ основанія Петербурга (1711 г.) и все свое царствованіе прилагалъ неустанныя заботы довести это свое созданіе до вожделѣннаго совершенства. Строилъ дворецъ архитекторъ Леблонъ, но Петръ принималъ постоянно непосредственное участіе въ постройкѣ: самъ разбилъ, по собственному плану, садъ, выписывалъ для него деревья и статуи, наблюдалъ за работами и давалъ инструкціи. Труды его увѣнчались блистательно, какъ можно судить по тому, что уже и въ то время Петергофъ приводилъ въ изумленіе иностранцевъ своими красивыми искусственными сооруженіями.

Домикъ Петра В. въ Нарвѣ

Покамѣстъ строился дворецъ, Петръ, очень любившій проводить время лѣтомъ въ Петергофѣ, воздвигъ для себя на берегу моря небольшой домикъ, пріобрѣвшій вѣковѣчную извѣстность подъ именемъ *Монплезира*. «Это,—описываетъ Бергхольцъ,—хорошенькій домикъ, который украшенъ множествомъ отборныхъ голландскихъ картинъ. Царь большею частью ночуетъ въ немъ, когда бываетъ въ Петергофѣ; здѣсь онъ совершенно въ своей сферѣ и потому справедливо далъ этому мѣсту названіе «Mon plaisir».... Въ его саду, окруженномъ рощею, много прекрасныхъ кустовъ, аллей и цвѣтниковъ, большой, выложенный камнемъ прудъ, по которому плаваютъ лебеди и другія птицы, много и иныхъ увеселительныхъ предметовъ.»

Въ то время, когда Бергхольцъ писалъ эти строки, т. е. вначалѣ 20-хъ гг. прошлаго столѣтія, петергофскій дворецъ не былъ еще оконченъ, да и весь окружающій его паркъ, съ

его фонтанами и украшеніями, далеко еще не отличался тѣмъ необыкновеннымъ великолѣпіемъ, какого достигъ впослѣдствіи. Блестящая эпоха Петергофа начинается въ дни Елизаветы Петровны. По ея повелѣнію, Растрелли возвысилъ дворецъ и расширилъ его пристройкою большихъ флигелей, въ одномъ изъ которыхъ была устроена великолѣпная церковь во имя св. Петра и Павла, съ иконостасомъ, до сихъ поръ изумляющимъ своей необыкновенно тонкой, золоченой рѣзьбою и пышностью всей отдѣлки. Тогда-же къ самому большому фонтану Самсона, одновременно съ позолотою всѣхъ украшеній, были придѣланы желѣзные круги, такъ что, за исключеніемъ самой группы побѣдителя Филистимлянъ со львомъ, исполненной Козловскимъ при Александрѣ I, фонтанъ самъ по себѣ билъ такъ же высоко и сильно, какъ и въ наше время. Позолоченный Нептунъ, красующійся по срединѣ большаго бассейна верхняго сада, тоже занялъ уже тогда свое мѣсто, въ компаніи цѣлой стаи окружающихъ его тритоновъ и нереидъ.

Нарвская фабрика и водопадъ въ Нарвѣ.

Кстати сказать, сады Петергофскаго дворца, по своему положенію, дѣлятся на два: *Верхній* и *Нижній*. Верхній раскинутъ на возвышенности, гдѣ расположенъ и самый дворецъ, изъ подъ грандіозной терассы котораго широкими каскадами бьетъ ключевая вода, спабжающая собою дивные фонтаны и бассейны Нижняго сада. Кромѣ того, есть еще *Англійскій Садъ*, разбитый при Екатеринѣ II и заключающій въ себѣ до 4 квадр. верстъ.

Всѣ эти сады, помимо своего растительнаго богатства и прекраснаго устройства, изобилуютъ многими достопримѣчательными предметами. Мы осмотримъ ихъ по порядку.

Верхній садъ занимаетъ до 2,000 квадр. саженъ. Онъ окружаетъ со всѣхъ сторонъ дворецъ, представляющій собою, въ настоящемъ видѣ, большое красивое зданіе, пышно раз-

Гатчинскій дворецъ.

украшенное цвѣтной орнаментаціей и производящее издали чарующее впечатлѣніе своими легкими, изящными контурами. Въ Верхнемъ саду передъ дворцомъ находятся бассейны съ нѣсколькими прекрасными фонтанами: Нептуна, Золотаго Рога, Дракона, Аполлона и друг. Всѣ они украшены бронзовыми, вызолоченными фигурами, пріобрѣтенными въ 1799 г. въ Нюренбергѣ. При Николаѣ Павловичѣ въ этомъ саду выстроенъ небольшой дворецъ подъ названіемъ «Самсоніевскаго павильона».

Въ Англійскомъ саду особенно замѣчателенъ, такъ названный, «Домъ дурачества». Это особеннаго рода бесѣдка, представляющая снаружи видъ убогой хижины, тогда какъ внутренняя ея отдѣлка — верхъ роскоши и изящества. Въ саду этомъ находится дворецъ, тоже англійскій, въ видѣ «коттэджа», въ которомъ, между прочимъ, хранится портретъ Екатерины II на конѣ, въ томъ костюмѣ и въ той обстановкѣ, въ какихъ она явилась передъ народомъ въ достопамятный день 28 іюня 1762 года.

Нижній садъ болѣе другихъ богатъ фонтанами и достопримѣчательными предметами. Въ него спускаются съ верхней терассы дворца по великолѣпнымъ гранитнымъ лѣстницамъ, параллельно съ которыми по уступамъ, покрытымъ ярко вызолоченными свинцовыми листами,

струится масса воды. По бокамъ этихъ водостоковъ поставлены на пьедесталахъ урны, изъ которыхъ бьютъ фонтаны, имѣющіе видъ хрустальныхъ колпаковъ. Уступы заканчиваются двумя бронзовыми гладіаторами, которые мечутъ изъ змѣй, обвившихся вокругъ ихъ рукъ, два сильныхъ горизонтальныхъ фонтана. Въ нижней площадкѣ главный гротъ, изъ котораго изливается нѣсколько каскадовъ въ огромный бассейнъ, посрединѣ котораго бьетъ едва-ли не величайшій въ мірѣ фонтанъ знаменитаго Самсона. Отсюда идетъ широкій каналъ, впадающій въ море, по сторонамъ котораго бьетъ тридцать фонтановъ.

Въ этомъ-же саду находится Монплезиръ и другой домикъ Петра Великаго—Марли и его бесѣдка; оба дома украшены голландскими картинами XVII и начала XVIII вѣка.

Воксалъ въ Павловскѣ въ прежнее время.

Нѣсколько въ сторонѣ отъ петергофскихъ садовъ находится дача Ея Величества, Александрія, тоже изобилующая водоемами и фонтанами въ окружающемъ ее паркѣ. Особенно замѣчательны здѣсь церковь, въ видѣ готической капеллы, прелестные павильоны на островахъ и фонтанъ «Колонада». Къ слову сказать, петергофскіе парки изобилуютъ павильонами, самой разнообразной, причудливой архитектуры, роскошно отдѣланными извнѣ и внутри. Они оживляютъ сады и, своимъ видомъ среди зелени, на берегу водъ, на взгорьяхъ, образуютъ красивые ландшафты. Таковы павильоны: «Ольгинъ» на очаровательномъ островѣ того же имени, «Озерки», «Сельскій домикъ» Наслѣдника Цесаревича, въ стилѣ швейцарскихъ деревянныхъ построекъ, «Бельведеръ» — оригинальное зданіе, съ колоннами и статуями, воздвигнутое на самой возвышенной точкѣ петергофскаго плато, откуда открывается широкій видъ на весь городъ съ окрестностями.

Александрія воздвигнута стараніемъ Императора Николая I и съ 1831 г. была постоянной лѣтней резиденціей царскаго семейства. Дворецъ этотъ названъ Александріей вотъ по какому обстоятельству: императоръ Александръ I желалъ подарить Николаю Павловичу вполнѣ

отдѣланный лѣтній дворецъ, для чего и была избрана мѣстность, гдѣ нынѣ расположена Александрія. Мысль эта, однако, не осуществилась при жизни Александра I; постройку довершилъ уже Николай Павловичъ, по вступленіи на престолъ, назначивъ вновь воздвигнутую дачу императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ, по имени которой она и названа.

Во время концерта въ Павловскомъ воксалѣ.

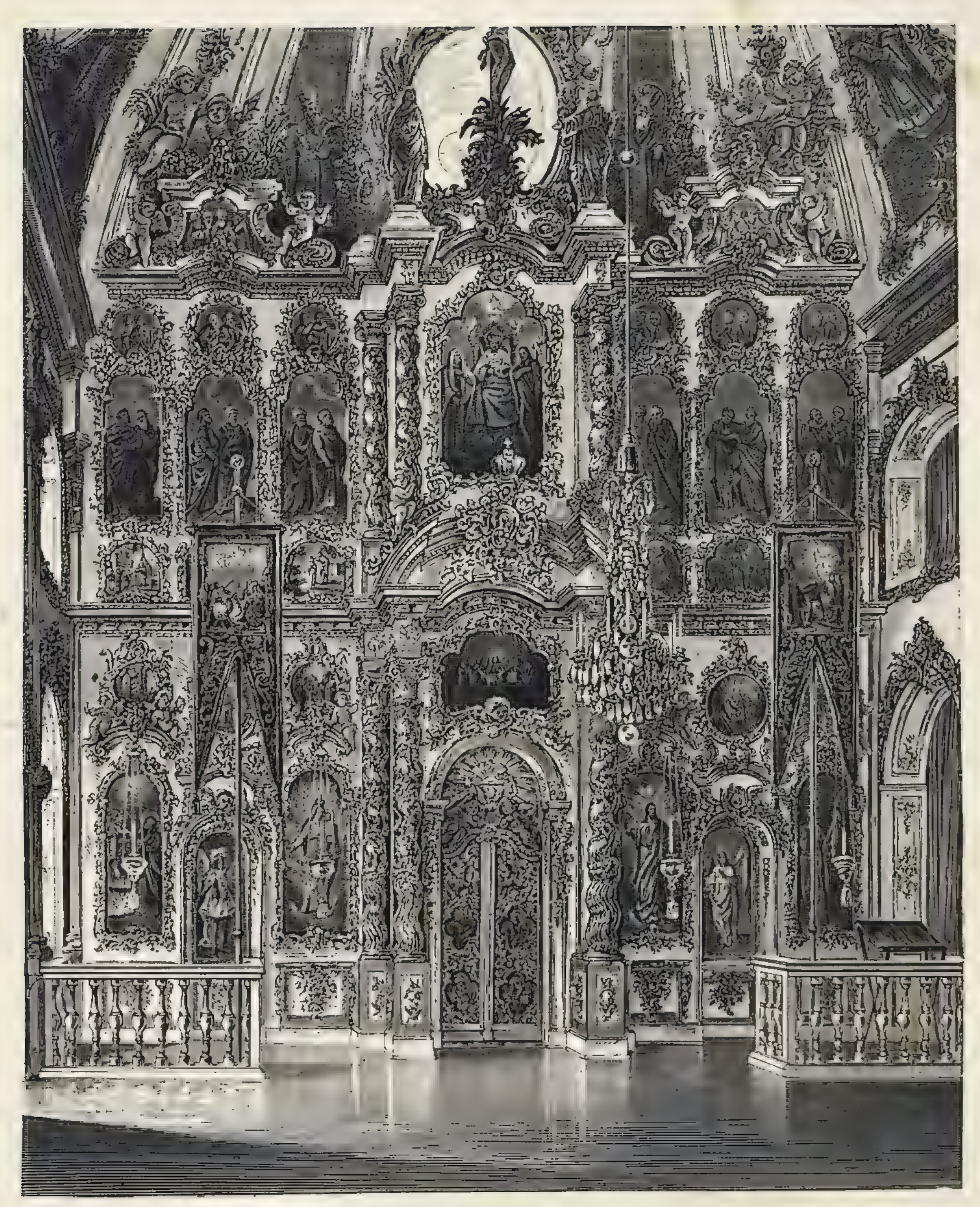
Роскошные петергофскіе сады, съ ихъ изумительными фонтанами, посѣщаются столичной публикой весьма охотно, особенно въ праздничные дни, когда всѣ фонтаны приводятся въ дѣйствіе. Ихъ такое множество и они такъ много мечутъ воды, что, какъ ни значительны петергофскіе резервуары — количество скопляющейся въ нихъ воды было бы, однако, недостаточно для безпрерывнаго дѣйствія всѣхъ фонтановъ. Вычислено, что для всѣхъ петергофскихъ фонтановъ потребно не менѣе 400,000 куб. футовъ воды въ часъ, тогда какъ мѣстные водопроводы даютъ въ сутки менѣе 5 мил. куб. футовъ воды всего на все. Слѣдовательно, если бы всю эту воду пустить въ одни фонтаны, оставивъ и городъ и дворецъ безъ воды, то и тогда ее хватило бы всего на полсутокъ.

Такъ или иначе, но въ настоящее время Петергофъ, хотя и изобилуетъ дачниками и привлекаетъ массу гуляющихъ изъ столицы, но его блестящая эпоха миновалась. Какъ и другія въ окрестностяхъ Петербурга лѣтнія увеселительныя мѣста, онъ не выдержалъ соперничества съ вошедшими въ послѣднее время въ моду Царскимъ Селомъ и Павловскомъ, которымъ отдается нынѣ особое предпочтеніе еще и потому, что, по своему мѣстоположенію, они признаются болѣе здоровыми въ почвенномъ и климатическомъ отношеніяхъ, чѣмъ, напримѣръ, Петергофъ. Послѣдній, отъ близости моря и по другимъ причинамъ, дѣйствительно, страдаетъ избыткомъ влажности и потому вполнѣ благопріятенъ для житья только въ жаркую пору лѣта.

Розовый павильонъ въ Павловскѣ.

Петергофъ особенно процвѣталъ въ дни Александра I и Николая I, много способствовавшихъ его развитію и украшенію. Къ тому же времени относятся и знаменитые петергофскіе

Иконостасъ дворцовой церкви въ Петергофѣ.

«народныя» празднества въ день тезоименитства Государыни-Императрицы. Празднества эти поражали очевидцевъ своимъ многолюдствомъ, блескомъ и своей огромной, волшебной иллюминацiей.

«Вообрази себѣ, писалъ одинъ изъ этихъ очевидцевъ въ 1825 г. прiятелю, что все населенiе Петербурга вознамѣрилось въ нѣсколько часовъ перенестись налегкѣ въ другое мѣсто: тогда ты будешь имѣть понятiе о поспѣшности, съ какою всѣ бросились на петергофскiй праздникъ. Дорога, на разстоянiи 26 верстъ, двое сутокъ покрыта была экипажами всѣхъ родовъ и наименованiй, конные и пѣшiе стремились днемъ и ночью къ цѣли своихъ желанiй; море было покрыто разнаго рода мелкими судами.... дымъ пароходовъ разлегался по заливу.... шумъ, стукъ, пѣсни и восклицанiя оглашали воздухъ»....

Лѣтнiй театръ въ Павловскѣ.

Петергофъ, по его словамъ, не могъ вмѣстить и десятой части всѣхъ своихъ гостей, поэтому большинство ихъ располагалось таборами подъ открытымъ небомъ. «Карета служила дамской уборной: при дышлѣ устроена конюшня; чистая мурава, покрытая ковромъ, замѣняла столовую»...

«Наконецъ, насталъ желанный часъ: въ десятомъ часу вечера три ракеты возвѣстили о началѣ иллюминацiи. Въ одно мгновенiе тысячи факеловъ засверкали въ воздухѣ... Весь садъ вспыхнулъ почти въ одно время.... разнообразныя огненныя картины представились удивленнымъ взорамъ. Кристальныя ступени превратились въ огненную лаву; водометы заблистали золотомъ и серебромъ... берега каналовъ и бассейновъ унизались звѣздами и огненными дугами... Въ концѣ канала вспыхнулъ храмъ величественной архитектуры... Поперечныя аллеи загорѣлись разноцвѣтными огнями»... Всѣ павильоны и бесѣдки «пылали лучами».... Наконецъ «тысячи разноцвѣтныхъ фонарей на яхтахъ, отражаясь въ водѣ, довершали великолѣпiе сего единственнаго очаровательнаго зрѣлища. Но весь этотъ блескъ, все это великолѣпiе не дѣйствовало-бы столь сильно на воображенiе, еслибъ торжество не было оживлено толпами веселаго народа.»

Таковы были эти празднества и такъ веселились на нихъ наши отцы....

Свѣжо преданiе....

Дворецъ въ Павловскѣ.

Ораніенбаумъ отстоитъ отъ Петергофа въ 9 верстахъ и составляетъ крайнiй пунктъ обозрѣваемой мѣстности и послѣднюю станцiю Петергофской желѣзной дороги. При Петрѣ В. Ораніенбаумъ принадлежалъ князю Меншикову, построившему здѣсь большой увеселительный дворецъ, не особенно, впрочемъ, изящной архитектуры. Послѣ ссылки князя, Ораніенбаумъ перешелъ во владѣнiе Императорскаго Кабинета. При Елисаветѣ Петровнѣ въ Ораніенбаумскомъ дворцѣ жили Великiй Князь Петръ Ѳеодоровичъ съ супругой,

ведя здѣсь очень скромную и уединенную жизнь. Впослѣдствіи ораніенбаумскій дворецъ перешелъ во владѣніе Великаго Князя Михаила Павловича, приведшаго его въ нынѣшній благоустроенный видъ. Кромѣ этого главнаго дворца посреди парка находится прекрасный лѣтній дворецъ нынѣшней владѣтельницы Ораніенбаума Великой Княгини Екатерины Михаиловны, перестроенный и приведенный въ нынѣшнее свое положеніе изъ павильона, построеннаго Императрицею Екатериною.

Бесѣдка Фелиціи.

Какъ городъ, Ораніенбаумъ не представляетъ рѣшительно особенно замѣчательнаго кромѣ нѣкорыхъ благотворительныхъ учрежденій, устроенныхъ ею владѣтельницею, какъ напримѣръ прекрасной больницы для выздоровляющихъ дѣтей, и, хотя по своему возвышенному положенію, благопріятенъ для дачной жизни, но, вслѣдствіе отдаленности отъ Петербурга, не пользуется особенной благосклонностью у столичныхъ дачниковъ. Съ 1783 г. по 1850 г. Ораніенбаумъ былъ уѣзднымъ городомъ, а нынѣ состоитъ въ рангѣ заштатнаго. Жителей въ немъ съ небольшимъ 4,000. Къ оживленію его служитъ отчасти близость съ Кронштадтомъ, такъ что въ извѣстныя времена года, когда прямое сообщеніе кронштадтскихъ жителей съ Петербургомъ бываетъ затруднительно, Ораніенбаумъ представляетъ для нихъ промежуточную станцію.

Пользуясь этой близостью, мы и сами завернемъ теперь-же въ Кронштадтъ, чтобъ завершить обзоръ достопримѣчательныхъ поселеній, расположенныхъ по южному берегу Финскаго залива въ предѣлахъ Петербургской губерніи.

Императорскій дворецъ въ Царскомъ Селѣ.

Свиньинъ, въ своихъ «Достопамятностяхъ Петербурга», весьма основательно замѣчалъ, что «въ Кронштадтѣ болѣе чѣмъ гдѣ либо (за исключеніемъ, разумѣется, Петербурга) сохранились слѣды безсмертныхъ учрежденій Петра Великаго»... Самый живой и рельефный изъ этихъ «слѣдовъ» безъ сомнѣнія — флотъ, который составляетъ, такъ сказать, душу Кронштадта.

По завоеваніи устья Невы и основаніи Петербурга, Петръ тотчасъ-же воспользовался островомъ *Ретуизари* для охраны молодой столицы съ моря. Ретуазари — финское названіе острова, на которомъ нынѣ расположенъ Кронштадтъ. Теперь его называютъ *Котлиномъ*. Послѣднее названіе произошло, какъ говоритъ преданіе, отъ *котла*, который Русскіе нашли на мѣстѣ стоянки Шведовъ, послѣ того, какъ прогнали ихъ съ острова. Воздвигнувъ здѣсь обширныя и сильныя укрѣпленія и устроивъ военный портъ, Петръ назвалъ свое созданіе Кронштадтомъ, то-есть — короной или *вѣнцомъ города*, разумѣя подъ послѣднимъ Петербургъ. И дѣйствительно, какъ мы уже говорили въ своемъ мѣстѣ, Кронштадтъ составляетъ неотъемлемую часть и дополненіе Петербурга.

Въ настоящемъ своемъ видѣ Кронштадтъ раздѣляется какъ-бы на двѣ части — гражданскую и военную, собственно городъ, и военный портъ и крѣпость. Какъ о городѣ, о немъ не стоило бы особенно распространяться, хотя онъ и можетъ считаться однимъ изъ лучшихъ и

многолюднѣйшихъ городовъ въ Россіи (жителей въ немъ считается болѣе 47,000, но въ это число входитъ и военный классъ, весьма многочисленный въ Кронштадтѣ). За то портовыя и крѣпостныя сооруженія и учрежденія Кронштадта, по своей громадности и важности, представляютъ много интереснаго и замѣчательнаго. Особенно важныя и капитальныя пріобрѣтенія въ этомъ отношеніи сдѣланы въ послѣднее время и, главнымъ образомъ, въ нынѣшнее царствованіе.

Нужно замѣтить, что до этого времени, какъ самый Кронштадтъ, такъ и нашъ балтійскій флотъ, нерѣдко, со смерти своего основателя, переживали долгіе годы застоя и запустѣнія. Подобное «безвременье» они пережили, между прочимъ, и въ первой четверти текущаго столѣтія, благодаря неблагопріятно складывавшимся политическимъ обстоятельствамъ, а также сложившемуся въ умахъ александровскихъ государственныхъ людей убѣжденію, «что Россія не можетъ быть первенствующею морскою державою», слѣдовательно, о процвѣтаніи флота хлопотать не за чѣмъ. Въ послѣдующее время мнѣніе это утратило силу, и были приняты энергическія мѣры восполнить то, что было упущено прежде.

Ферма Е. И. В. въ Царскомъ Селѣ.

Нынѣ нашъ балтійскій флотъ, сосредоточенный въ Кронштадтѣ, представляетъ весьма солидную силу и мало уступаетъ, въ этомъ отношеніи, европейскимъ морскимъ державамъ. Такъ, въ немъ числится болѣе 24 броненосныхъ судовъ (кораблей, фрегатовъ, мониторовъ и проч.), 230 паровыхъ (фрегатовъ, корветовъ, клиперовъ, миноносокъ, пароходовъ и проч.) и 212 парусныхъ судовъ разныхъ наименованій. Сюда относятся и большія старыя суда, негодныя къ употребленію, каковъ, напр., стоящій въ гавани, хорошо знакомый посѣтителямъ Кронштадта, корабль «Ретвизанъ», служащій нынѣ лишь для обученія матросовъ стрѣльбѣ въ зимнее время. Съ возобновленіемъ балтійскаго флота, возобновлены были учрежденныя Петромъ В. высочайшіе смотры его, и маневры въ послѣднее время производились разъ въ году, въ концѣ лѣта, и представляли величественное зрѣлище.

Какъ военный портъ, Кронштадтъ причисленъ къ 1-му разряду; но кромѣ портовыхъ учрежденій, въ немъ сосредоточены многія общія морскія заведенія, каковы, напр., морское инженерное и штурманское училища, компасная обсерваторія, артиллерійская мастерская и лабораторія, канатный заводъ, пароходное заведеніе съ бронепріуготовительною мастерскою, въ которыхъ приготовляются паровые механизмы и другія принадлежности судостроенія.

Дворцовая церковь въ Царскомъ Селѣ.

Всѣ эти заведенія, занимающія обширныя каменныя помѣщенія, сосредоточены большею частью у Военной гавани. Во время навигаціи здѣсь кипитъ неустанная дѣятельность съ ранняго утра до ночи. Самая гавань и портъ не менѣе оживлены постояннымъ движеніемъ мно-

гочисленныхъ судовъ и судовыми работами, по приведенію кораблей въ готовность къ плаванію. Примыкающая къ Военной гавани, Коммерческая покрывается лѣсомъ мачтъ прибывающихъ и отбывающихъ съ товарами морскихъ судовъ, которыхъ перебываетъ здѣсь во время навигаціи нѣсколько тысячъ. Нужно замѣтить, что такъ какъ большія морскія суда не могутъ входить въ Неву, по мелководію ея устья, то Кронштадтъ служитъ передаточной станціей въ транспортировкѣ многихъ товаровъ изъ этого рода судовъ въ Петербургъ и обратно. Этимъ опредѣляется его коммерческое значеніе, какъ посредника, значеніе, котораго онъ, впрочемъ, долженъ вскорѣ лишиться, когда будетъ оконченъ сооружаемый нынѣ морской каналъ и петербургскій портъ, имѣющіе непосредственно соединить кронштадтскій рейдъ съ Невою.

Ростральная колонна Чесменская.

Колонна въ память завоеванія Сибири въ Царскомъ Селѣ.

Со времени войны 1854 года, когда англо-французскій флотъ появился было въ виду кронштадтскихъ твердынь, съ проблематическимъ намѣреніемъ попробовать овладѣть ими, было обращено вниманіе, въ предупрежденіе подобныхъ попытокъ въ будущемъ, сдѣлать эти твердыни совершенно неприступными. Нынѣ эта цѣль достигнута, благодаря цѣлой системѣ исполинскихъ фортовъ, воздвигнутыхъ вокругъ острова Котлина среди морской пучины. Укрѣпленія эти, сооруженныя нафундаментѣ, положенномъ прямо на морское дно, идутъ тремя линіями вдоль южнаго и сѣвернаго фарватеровъ, т. е. единственно возможныхъ, для прохода сколько нибудь крупныхъ морскихъ судовъ, путей, ведущихъ съ моря къ Петербургу.

Южный фарватеръ въ первой линіи обстрѣливается батареями Константинъ и желѣзно-башенною; во второй — гранитными фортами: Императоръ Александръ I и Императоръ Павелъ, а въ третьей—фортами: Императоръ Петръ I, Кроншлотъ и князь Меншиковъ. Что касается сѣвернаго фарватера, представляющаго, по мелководію, много затрудненій даже для мелко сидящихъ судовъ, то для защиты его возведенъ лишь рядъ морскихъ батарей, вооруженныхъ орудіями большихъ калибровъ.

Здавіе Ламъ въ Царскомъ Селѣ.

Къ вооруженію всѣхъ кронштадтскихъ фортовъ и батарей примѣнены новѣйшія военно-техническія усовершенствованія, какъ-то: броневые желѣзные брустверы, такіе-же блиндажи и проч. По телеграфному сигналу, на каждой данной точкѣ впереди лежащаго пространства можетъ быть сосредоточенъ огонь по крайней мѣрѣ нѣсколькихъ десятковъ орудій со смежныхъ фортовъ. Всѣ эти укрѣпленія снабжены многочисленными

и весьма сильными, дальнобойными пушками большаго колибра, изъ коихъ большинство — стальныя. Кромѣ того, подступы къ Кронштадту для непріятельскихъ судовъ заграждены цѣлой системой подводныхъ минъ.

Морскіе форты и батареи отстоятъ отъ наружной ограды Кронштадта на различное разстояніе — отъ $2^1/_2$ до $5^1/_2$ верстъ. Самый городъ тоже сильно укрѣпленъ стѣнами, сухопутными верками и батареями. Общая линія всѣхъ кронштадтскихъ укрѣпленій имѣетъ 27 верстъ, концы которой упираются въ оба противоположные берега Финскаго залива. Въ качествѣ первоклассной крѣпости, Кронштадтъ снабженъ огромнымъ арсеналомъ, пороховыми складами, оружейными мастерскими и т. под. заведеніями.

Турецкія бани въ Царскомъ Селѣ.

Въ случаѣ опасности съ моря, весь балтійскій флотъ можетъ укрыться позади кронштадтскихъ укрѣпленій.

Изъ этого бѣглаго обзора современныхъ крѣпостныхъ сооруженій Кронштадта можно уже заключить, что онъ надежный защитникъ для Петербурга и что едва-ли можетъ когда нибудь явиться дерзновенная мысль у враговъ Россіи на опытѣ убѣдиться въ степени его неприступности...

Особенно живописнаго въ Кронштадтѣ немного, какъ потому, что онъ расположенъ на совершенно плоской мѣстности, такъ и потому, что при его сооруженіи и устройствѣ заботились не столько о красотѣ, сколько о капитальности, прочности и удобствѣ учрежденій, соотвѣтственно ихъ дѣловому назначенію. Въ послѣднемъ отношеніи, Кронштадтъ имѣетъ не мало замѣчательнаго. Наибольшаго вниманія заслуживаютъ его гидравлическія сооруженія для потребностей флота: вопервыхъ, великолѣпный, обдѣланный гранитомъ, каналъ со шлюзами, называемый «Петромъ Великимъ», а, вовторыхъ, доки, которые по своей обширности и приспособленіямъ могутъ служить для осмотра и постройки самыхъ большихъ кораблей.

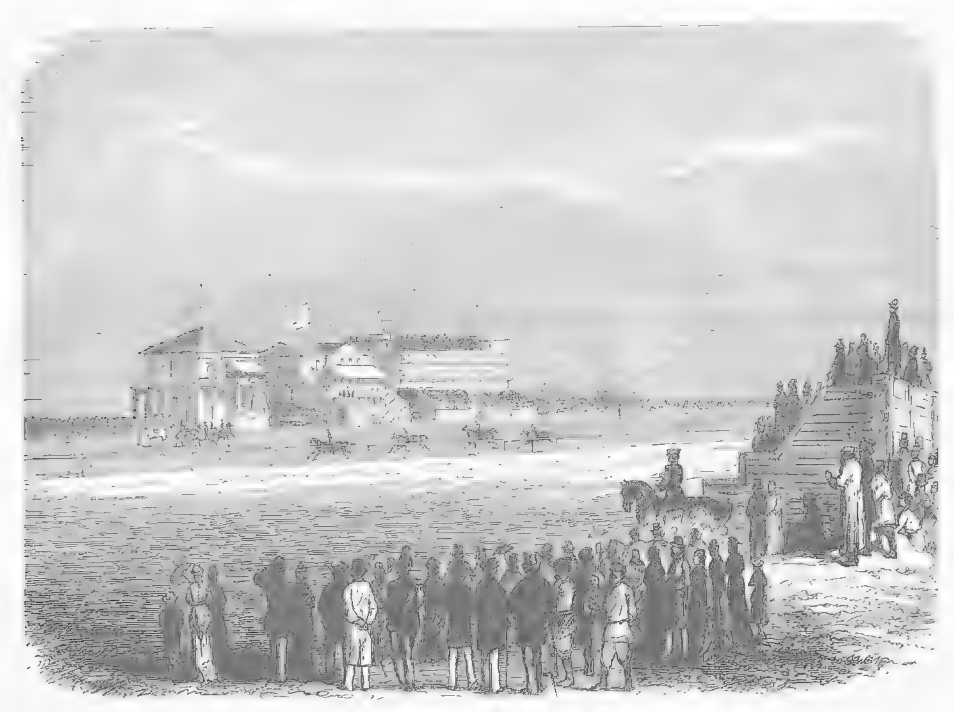

Арсеналъ въ Царскомъ Селѣ.

Не менѣе громадны и капитальны сооруженія, назначенныя для разныхъ военно-морскихъ службъ и учрежденій, какъ напр., адмиралтейство, госпиталь, штурманское училище (бывшій домъ любимца Петра I, князя Меншикова), морскія казармы, арсеналъ и пр. Передъ арсеналомъ возвышается на площади монументъ творцу Кронштадта — Петру В., въ видѣ колоссальной его статуи, поставленной на пьедесталѣ. Въ Кронштадтѣ находится еще одинъ монументъ: бронзовая статуя знаменитаго моряка — адмирала Беллингсгаузена, стоящая среди

зелени бульвара. Но наибольшей достопримѣчательностью Кронштадта слѣдуетъ признать Домикъ Петра В. Это небольшое зданьице, простой архитектуры, состоящее изъ нѣсколькихъ покойчиковъ и бани и осѣненное нѣсколькими дубами, собственноручно посаженными великимъ царемъ.

Въ числѣ общественныхъ зданій Кронштадта находится до десяти церквей, изъ коихъ выдается величиной и красивой архитектурой соборъ, заложенный Александромъ I, затѣмъ — театръ, два клуба. Морской клубъ — одно изъ старшихъ учрежденій въ Кронштадтѣ. Основаніемъ для него послужила прекрасная морская библіотека. Морской клубъ помѣщается въ од-

Скачки въ Царскомъ Селѣ.

номъ изъ казенныхъ зданій; въ составъ его входятъ всѣ морскіе офицеры, находящіеся въ Кронштадтѣ, такъ что клубъ этотъ служитъ центромъ всей общественной жизни въ этомъ полувоенномъ городѣ. Вообще, военное сословіе, составляя главную массу населенія Кронштадта, оживляетъ его во всѣхъ отношеніяхъ, а особенно въ промышленномъ. Для потребности гарнизона и моряковъ, въ Кронштадтѣ развилась довольно обширная внутренняя торговля: въ немъ существуетъ неизбѣжный «гостинный дворъ» и нѣсколько рынковъ, на которыхъ окрестные поселяне и мѣстные промышленники снабжаютъ жителей всѣмъ необходимымъ. Съ однимъ изъ этихъ рынковъ — именно рыбнымъ наглядно знакомитъ наша картинка.

На всемъ протяженіи южнаго берега Финскаго залива имѣется одна только сколько нибудь значительная рѣка. Это—Нарова, вытекающая изъ Чудскаго озера и составляющая нынѣшнюю границу Петербургской губерніи. Нарова чрезвычайно порожиста и испещрена по своему руслу мелями и каменистыми грядами, вслѣдствіе чего судоходство по ней производится не безъ затрудненій и только на небольшихъ судахъ. Тѣмъ не менѣе, такъ какъ рѣка эта служитъ выходомъ въ море для довольно обширнаго озерно-рѣчнаго бассейна, разливающагося по нѣсколькимъ нынѣшнимъ губерніямъ (Чудское и Псковское озера, съ впадающими въ нихъ рѣками Великой и Эмбахомъ), то и Нарова естественно должна была съ незапамятныхъ временъ по-

лучить важное торговое значеніе. Слѣдствіемъ этого, на ея берегахъ, у истока, явились два очень старинные города: Ругнедивъ на правой сторонѣ (осн. датчанами въ 1223 г.) и Иванъ-городъ на лѣвой (осн. русскими въ 1492 г.). Кромѣ потребностей торговыхъ, города эти явились на свѣтъ еще съ цѣлью оборонительной, такъ какъ Нарова въ тѣ времена составляла пограничную черту между ливонскими владѣніями и московскими. Съ 1561 г. Нарва перешла во власть шведовъ. Какъ теперь, такъ и до этого времени, оба города не разъ переходили изъ рукъ въ руки, пока, наконецъ, по ништадтскому трактату 1721 г., не остались навсегда за Россіей. До упадка Ганзы и разгрома Пскова и Новгорода, Нарва вела обширную торговлю, но потомъ красные дни ея миновались. Основаніе-же Петербурга окончательно ее убило въ этомъ отношеніи. Одновременно потеряла она и военно-стратегическое значеніе, такъ что въ настоящее время это — городъ-развалина, замѣчательный одними лишь своими воспоминаніями, своимъ прошлымъ...

Троечный бѣгъ на скачкахъ въ Царскомъ Селѣ.

Въ настоящемъ своемъ видѣ Нарва, какъ крѣпость, въ забросѣ. Впрочемъ, она сохранила до сихъ поръ свои твердыни и свой грозный видъ. Городъ обнесенъ стѣною, имѣетъ нѣсколько церковъ и какъ-бы отдѣльную цитадель — Иванъ-городъ, огражденный высокими зубчатыми стѣнами, надъ которыми возвышаются башни съ бойницами.

Вторая часть города до сихъ поръ сохранила нѣсколько свою средневѣковую физіономію въ архитектурѣ зданій, въ направленіи и планѣ узенькихъ и тѣсныхъ улицъ. Форштадты застроены большею частью новыми деревянными домами, скромныхъ размѣровъ и зауряднаго мѣщанскаго вида. Какъ по числу жителей, такъ и по своимъ промысламъ и торговлѣ, Нарва нынѣ совершенно незначительный городокъ.

Жителей въ ней, на половину нѣмцевъ и эстовъ, на другую — русскихъ, около 7,000. Она низведена на степень заштатнаго города и числится въ Ямбургскомъ уѣздѣ. Черезъ нее проходитъ балтійская желѣзная дорога. Замѣчательны въ Нарвѣ развѣ только — домикъ, въ которомъ, по преданію, проживалъ Петръ Великій, водопадъ и расположенныя близъ него на берегу Наровы замѣчательныя фабрики, утилизирующія стремнистыя воды этой рѣки, какъ движущую силу. Самая значительная изъ этихъ фабрикъ — Кренгольмская бумаготкацкая, расположенная на островѣ Кренгольмѣ. Она принадлежитъ акціонерной компаніи, имѣетъ болѣе тысячи человѣкъ рабочихъ и производитъ на сумму до 2 мил. въ годъ. Не въ далекомъ разстояніи отъ нея находятся тоже большія двѣ фабрики барона Штиглица: льнопрядильная и суконная, на которыхъ работаютъ нѣсколько тысячъ рабочихъ... Вообще, Нарва или, точ-

Рысистый бѣгъ на скачкахъ въ Царскомъ Селѣ

нѣе сказать, ея окрестности, благодаря возможности пользоваться рѣкою для гидравлическихъ приспособленій, можетъ считаться однимъ изъ немаловажныхъ въ Россіи фабричныхъ центровъ...

Въ лѣтнее время Нарва служитъ цѣлью для увеселительныхъ прогулокъ столичныхъ любителей природы, привлекаемыхъ сюда, главнымъ образомъ, водопадомъ на Наровѣ и живописностью ея береговъ. Водопадъ этотъ находится въ $1\frac{1}{2}$ верстѣ отъ города. Ему предшествуетъ длинная гряда пороговъ, идущихъ нѣсколькими уступами. Самый водопадъ стекаетъ съ двухъ-саженной отвѣсной высоты. Шумъ его такъ великъ, что отчетливо слышенъ въ городѣ. У

Красное Село.

водопада Нарова развѣтвляется небольшимъ островомъ на два рукава. Водопадомъ воспользовались, какъ значительной движущей силой, поэтому, какъ на островѣ, такъ и на берегу, прилегающимъ къ водопаду, устроены фабрики. Замѣчательно, что нарвскій водопадъ, стремительно падая съ верхнихъ, нѣсколько выдавшихся впередъ гранитныхъ пластовъ, образуетъ подъ собою пустое пространство, въ видѣ подводнаго прохода, по которому смѣльчаки пробираются съ одного берега на другой или, стоя подъ водянымъ сводомъ, бьютъ лососей, которыхъ сбрасываетъ въ своемъ потокѣ водопадъ...

Возвращаясь изъ Нарвы въ окрестности Петербурга по желѣзной дорогѣ, нельзя миновать Гатчино — красивый довольно значительный городокъ (въ немъ до 9000 жит.), расположенный въ 42 верстахъ отъ столицы. Гатчино замѣчательно своимъ дворцомъ и принадлежащими къ нему восхитительными садами; замѣчательно расположенной въ ней «Царской охотой», съ обширными псарнями и звѣринцами. Наконецъ, у столичныхъ гастрономовъ пользуется почетной извѣстностью гатчинская ключевая форель...

Исторія Гатчино начинается, сравнительно, съ весьма недавняго времени. Устройствомъ своимъ и возведеніемъ на степень одной изъ лѣтнихъ резиденцій Императорской фамиліи оно обязано Павлу Петровичу. Павелъ Петровичъ, еще будучи великимъ княземъ, получивъ Гатчино

въ даръ отъ матери — Императрицы Екатерины II, поселился въ немъ въ концѣ 80-хъ годовъ прошлаго столѣтія и до вступленія на престолъ жилъ въ немъ почти постоянно. Первоначально Гатчино принадлежало графу Г. Орлову, который построилъ въ немъ обширный дворецъ, развелъ вокругъ него паркъ и учредилъ при немъ разныя хозяйственныя заведенія, истративъ на все это значительныя средства. Въ то время, весь Петербургъ заговорилъ о Гатчинѣ, а пріѣзжавшіе въ Петербургъ иностранцы спѣшили взглянуть на него, какъ на образецъ удобства и роскоши. Въ 1784 г., по смерти князя, Императрица купила Гатчино у его наслѣдниковъ и съ той поры оно принадлежитъ Императорскому Двору. Впрочемъ, послѣ Павла Петровича, гатчинскій дворецъ сталъ рѣдко служить резиденціей для императорской фамиліи.

Гатчинскій дворецъ имѣетъ видъ обширнаго замка съ башнями. Онъ расположенъ на возвышенномъ мѣстѣ, откуда открывается прекрасный видъ на окрестные сады. Зданіе дворца состоитъ изъ четырехъэтажнаго корпуса и двухъ флигелей, съ которыми онъ соединяется красивыми колоннадами. Передъ дворцомъ находится небольшая площадь, на которой воздвигнутъ памятникъ Павлу I. Дворцовые сады, изобилующіе очаровательными пейзажами, орошаются рѣкой Ижорой, прудами и каналами. Ижора образовала здѣсь нѣсколько островковъ, которые соединены съ берегомъ легкими изящными мостами, снабжены бесѣдками и павильонами. Одинъ изъ этихъ островковъ носитъ романическое названіе: «L'île d'amour». Въ числѣ бесѣдокъ замѣчательна одна. Марія Θеодоровна, будучи еще великой княгиней, въ видѣ сюрприза своему супругу, приказала построить маленькій, роскошно отдѣланный внутри, кабинетъ, который снаружи представлялъ собой простую полѣнницу.

Обсерваторія въ Пулковѣ.

Внутренность гатчинскаго дворца не отличается особеннымъ великолѣпіемъ, но вниманіе наблюдателя останавливаетъ живо сохранившійся въ обстановкѣ этого дворца характеристическій отпечатокъ прежнихъ его обитателей отдаленной эпохи. При дворцѣ имѣется красивая церковь, съ нѣсколькими драгоцѣнными святынями.

Гатчинскія придворныя оранжереи считаются едва ли не самыми обширнѣйшими и богатѣйшими. Особенно роскошны въ нихъ коллекціи плодовыхъ растеній. Царская охота занимаетъ цѣлый рядъ зданій, а находящійся въ ея вѣдѣніи звѣринецъ, устроенный въ особой рощѣ, кишитъ множествомъ пушной и пернатой дичи.

Гатчино пользуется славой здоровой и удобной для дачнаго житья мѣстности, и поэтому на лѣто населяется многими переселенцами изъ столицы

Перейдемъ теперь къ описанію наиболѣе посѣщаемыхъ и оживленныхъ въ настоящее время центровъ лѣтней жизни in's Grüne столичнаго населенія, именно — къ Павловску и Царскому Селу, лежащихъ въ очень близкомъ разстояніи другъ отъ друга, значительно сокращаемомъ къ тому же паровымъ сообщеніемъ по желѣзной дорогѣ.

Павловскъ — созданіе императрицы Маріи Θеодоровны. Недавно онъ праздновалъ столѣтіе своего существованія, ознаменованное постановкой памятника передъ его дворцомъ Павлу I и

изданіемъ роскошнѣйшаго описанія прошлаго и настоящаго Павловска, по волѣ и на иждивеніе нынѣшняго его владѣльца, Великаго Князя Константина Николаевича.

Сто лѣтъ назадъ Павловскъ представлялъ ничтожную деревушку, не имѣвшую въ себѣ ничего похожаго на тотъ красивый, потонувшій весь въ зелени городокъ, какимъ онъ является позднѣе и въ нынѣшнее время. Въ 1777 г. Екатерина II подарила въ этой мѣстности 362 десятины земли Великому Князю и его супругѣ, съ двумя деревеньками — Линна и Кузницы. Впослѣдствіи удѣлъ этотъ былъ увеличенъ до 879 десятинъ.

Пустынный тогда уголокъ этотъ чрезвычайно полюбился Маріи Ѳеодоровнѣ и она много лѣтъ неутомимо трудилась, чтобы привести Павловскъ въ положеніе удобнаго и красиваго мѣстожительства. Она желала здѣсь возстановить паркъ Этюпъ, помѣстье ея родителей, близъ Монбельяра, а также всѣ тѣ красоты, которыя поразили ее, при путешествіи по Европѣ, въ Италіи, Версалѣ, Тріанонѣ и проч. Это можно видѣть въ сохранившихся до сихъ поръ въ Павловскомъ паркѣ разныхъ швейцарскихъ «шале», павильонахъ, колоннадахъ, «храмахъ» и пр. Впослѣдствіи, всѣ эти сооруженія — плодъ собственныхъ стараній и вкуса Императрицы, нравились ей болѣе своихъ оригиналовъ.

Лютеранская церковь. Ропша. Дворецъ. Православная церковь.

«En chez-soi, une colonnade, un temple à Pavlovskoè me font, писала она въ 1782 г., plus de plaisir que toutes les beautés d'Italie...»

Со смертью супруга, Марія Ѳеодоровна большею частью проживала въ Павловскѣ и довела его до такого совершенства, что имъ восхищались тогда всѣ, а Державинъ воспѣлъ его въ стихахъ, подъ именемъ «Обители Добрады». Онъ писалъ:

Среди плетенья, шиповыя ограды,
Подъ тѣнью липъ, дубовъ,
Между сирень и розовыхъ кустовъ
Домъ благодатныя, неблазныя Добрады,
Богини всякаго добра,
Царицы тьмы щедротъ
Въ полугорѣ стоитъ и вдаль чрезъ долъ съ высотъ
Блеститъ изъ мрамора столпами...

Послѣ кончины Маріи Ѳедоровны Павловскъ перешелъ къ Великому Князю Михаилу Павловичу и въ это время принялъ физіономію полувоеннаго городка. Съ 1849 г. онъ сдѣлался собственностью Великаго Князя Константина Николаевича, украсившаго Павловскъ новыми учрежденіями, какъ, напр.: обсерваторія, театръ, музей, картинная галлерея и проч.

Въ 1837 г. была открыта *первая* въ Россіи Царско-сельская желѣзная дорога, соединившая Павловскъ со столицей, и съ этого времени Павловскъ началъ расширяться и обстраиваться дачами. Впрочемъ, на первыхъ порахъ, по проведеніи желѣзной дороги, переселеніе на дачи въ Павловскъ шло довольно туго. Публика нѣсколько странно отнеслась къ желѣзной дорогѣ: она разъѣзжала по ней не для пользованія Царскимъ и Павловскомъ, ради прогулокъ и дачной жизни, а ради одной ѣзды, «катанья»... Желѣзная дорога была для нея не средствомъ, а цѣлью.

Всѣхъ интересовало посмотрѣть и попробовать, какъ это ѣздятъ по этой, хитраго и невиданнаго устройства, дорогѣ, и — больше ничего...

Странное обстоятельство это послужило, между прочимъ, къ основанію одного весьма прочнаго и ставшаго нынче очень популярнымъ въ Петербургѣ учрежденія. Желая дать какую нибудь цѣль катанью публики по желѣзной дорогѣ, а также, чтобы привлечь побольше охотниковъ ѣздить по ней, правленіе ея пустилось на хитрость, довольно наивную для нашего времени. На петербургской станціи правленіе поставило ручную шарманку для развлеченія пассажировъ до отхода поѣздовъ, а въ Павловскомъ вокзалѣ завело цѣлый оркестръ странствующихъ музыкантовъ. Желаніе послушать даровую музыку стало привлекать публику въ такой степени, что, не смотря на осеннее время, когда правленіе догадалось завести эту остроумную заманку, число пассажировъ, сравнительно съ лѣтнимъ временемъ, значительно возросло.

Такимъ-то образомъ явилось начало павловской «музыки», составляющей нынче одно изъ главнѣйшихъ лѣтнихъ развлеченій для петербуржцевъ. Правленіе Царскосельской дороги отлично воспользовалось меломаніей публики. Оно выстроило у своей павловской станціи великолѣпный вокзалъ; недавно построило тутъ же красивый и удобный лѣтній театръ; музыкальные вечера во время лѣтняго сезона сдѣлало ежедневными; для организаціи и управленія оркестромъ стало постоянно приглашать лучшихъ въ Европѣ капельмейстеровъ, такъ что съ павловской «музыкой» не можетъ идти въ соперничество ни одинъ изъ играющихъ въ другихъ увеселительныхъ мѣстахъ столицы частныхъ лѣтнихъ оркестровъ. Это обстоятельство, безъ сомнѣнія, служитъ главной приманкой, какъ для дачниковъ, поселяющихся въ Павловскѣ, такъ и для ежедневно отправляющейся въ Павловскъ изъ столицы публики ради кратковременной вечерней прогулки на свѣжемъ воздухѣ.

Озерки.

Въ былое время въ павловскомъ вокзалѣ репертуаръ увеселеній былъ гораздо разнообразнѣе. Кромѣ музыки, въ немъ пѣли цыгане, давались «блистательныя» иллюминаціи и фейерверки, концерты и проч. Сверхъ того, всѣ эти забавы не прерывались и зимою. Такъ, напр., въ зимній сезонъ 1838—39 гг. правленіе дороги пригласило для концертовъ въ павловскомъ вокзалѣ знаменитаго въ то время виртуоза Лабицкаго; но зимнія увеселенія въ Павловскѣ не привились и давно оставлены.

Блестящей, незабвенной для петербургскихъ любителей, а въ особенности — любительницъ музыки, эпохой «павловской площадки» — было время съ 1856 по 1864 г., когда павловскимъ оркестромъ дирижировалъ знаменитый Іоганнъ Страусъ, самолично разыгрывавшій свои упоительные вальсы. Много хлопотало правленіе Царскосельской дороги снова пригласить этого чародѣя; но онъ отказался играть въ Павловскѣ разъ навсегда. Съ той поры не нашлось ему достойнаго намѣстника...

Кстати считаемъ не лишнимъ привести имена всѣхъ, подвизавшихся втеченіе сорока лѣтъ въ павловскомъ вокзалѣ, капельмейстеровъ. Вотъ они: Іоганнъ и Іосифъ Гунгль, Гильманъ,

Эдуардъ, Іоганнъ и Іосифъ Страусы, Фюрстно, Мансфельдъ, Бильзе, Арбанъ, Лангенбахъ и Нуфгольдъ.

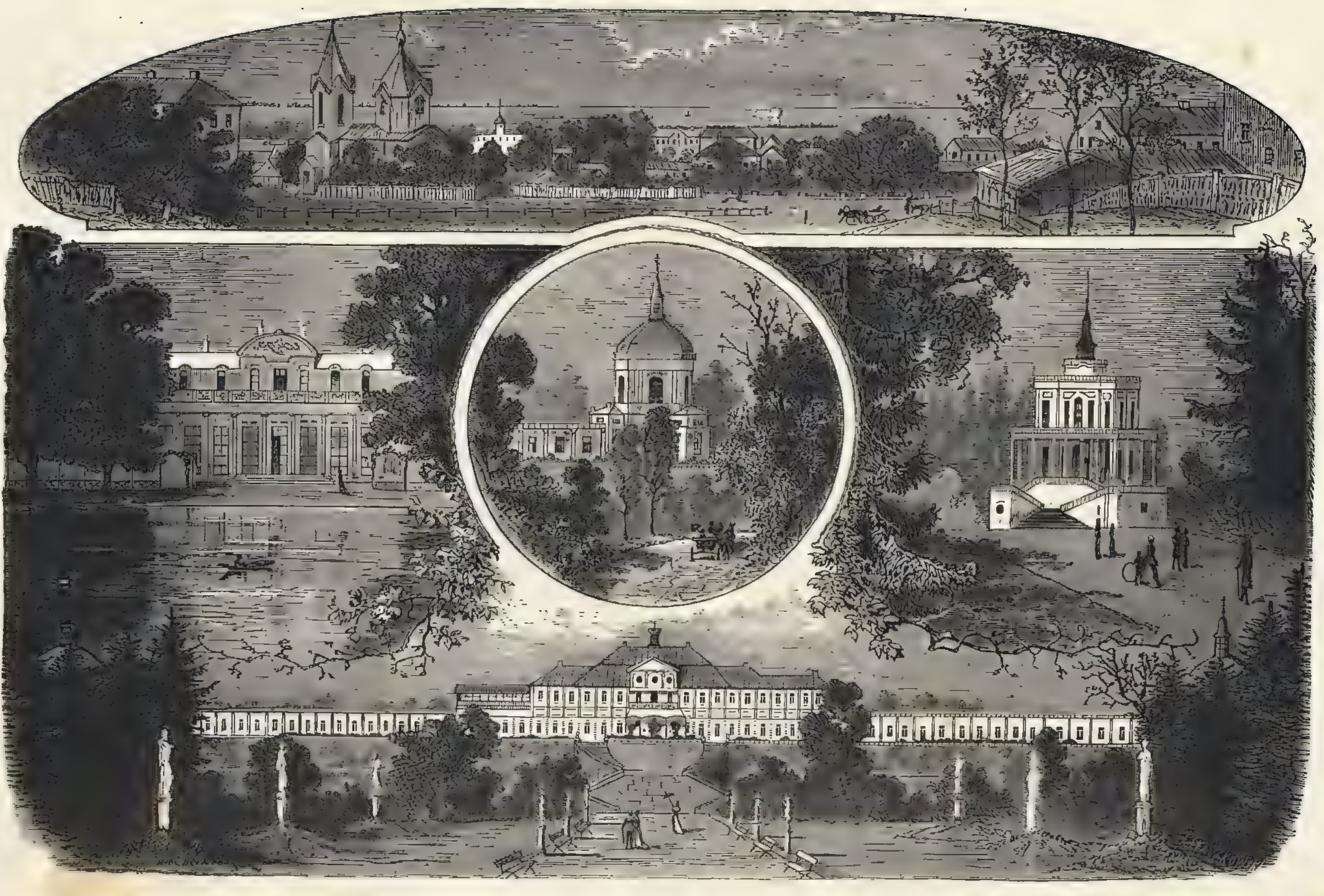
Но и помимо музыки, Павловскъ представляетъ одно изъ лучшихъ мѣстъ для прогулки. Окружающій его дворецъ, садъ — обширенъ и прекрасенъ во всѣхъ отношеніяхъ. Садъ этотъ, по мѣстоположенію, состоитъ изъ верхняго и нижняго. Верхній, примыкающій ко дворцу, разбитъ въ англійскомъ вкусѣ и состоитъ собственно изъ парка и сада. Садъ украшенъ здѣсь многими бронзовыми и мраморными статуями, и весьма искусно распланированъ. Въ нижній садъ спускаются нѣсколькими дорожками и, между прочимъ, великолѣпной каменной лѣстницей. Садъ этотъ орошается рѣчкой Славянкой, черезъ которую переброшено нѣсколько красивыхъ мостовъ. Ея водами воспользовались для устройства водопадовъ, прудовъ съ островками и т. под.

Въ павловскомъ саду не мало достопримѣчательныхъ предметовъ. Упомянемъ о главныхъ: *Розовый павильонъ*, построенный императрицей Маріей Θеодоровной въ 17 дней для чествованія Императора Александра I послѣ его возвращенія съ парижскаго похода. *Храмъ дружбы* — круглый каменный павильонъ очень красивой архитектуры; *храмъ Аполлона*, воздвигнутый въ 1780 г., и состоящій изъ полукруглой колоннады, въ срединѣ которой возвышается мраморная статуя Аполлона. Отъ подножія храма, струится по руинамъ каскадъ. Мѣсто это принадлежитъ къ наиболѣе живописнымъ въ Павловскѣ. *Старое и Новое Шале* — маленькія хижины въ швейцарскомъ вкусѣ; въ первомъ сохраняются самопрялки и другія вещи Маріи Θеодоровны; *Хижина монаха*, — въ которой жилъ, говорятъ, какой-то таинственный инвалидъ въ дни Екатерины II. *Памятникъ родителямъ*, въ видѣ небольшаго храма, съ возвышающейся подъ его открытымъ куполомъ мраморной пирамидой съ медальономъ, изображающимъ профили родителей Императрицы Маріи Θеодоровны. Тутъ же надъ урной скорбно склонилась женская фигура въ царственномъ одѣяніи, надъ ней паритъ крылатый геній. *Любимое мѣсто Цесаревича Николая Александровича* — небольшая полукруглая площадка, выложенная плитой, съ мраморной женской статуей посрединѣ. Подъ статуей каменная скамейка, откуда открывается прекрасный пейзажъ. На пьедесталѣ статуи, вставленъ въ бронзовую рамку подъ стекломъ портретъ покойнаго цесаревича. Подъ портретомъ мраморныя доски съ надписями. На одной изъ нихъ значится:

«Возлюбленному и незабвенному
Племяннику и другу нашему
Никсъ.»

Памятникъ супругу — величественное зданіе, въ стилѣ античнаго греческаго храма. Воздвигнуто въ 1810 г. и посвящено памяти императора Павла его августѣйшей вдовою. Въ храмѣ находится монументъ, состоящій изъ гранитной пирамиды съ медальономъ Императора Павла. Передъ нею, поникшая въ глубокой скорби статуя Императрицы. На нижнемъ пьедесталѣ барельефъ, изображающій группы осиротѣвшаго августѣйшаго семейства. *Павильонъ трехъ грацій* — изящный портикъ, украшенный посрединѣ мраморной группой грацій, превосходно скопированныхъ Трискорни съ подлинника Кановы. *Крикъ*—простой архитектуры домикъ—«колыбель супружескаго счастія Маріи Θеодоровны». Здѣсь, въ этомъ скромномъ домикѣ—самой старинной постройкѣ Павловска, императрица, по ея собственному свидѣтельству, провела лучшіе дни первыхъ лѣтъ супружества. *Памятникъ Павлу I* — цинковая статуя Императора, поставленная на площадкѣ передъ дворцомъ со стороны сада, въ 1872 г.

Павловскій дворецъ, основанный въ 1782 г., по плану Камерона, представляетъ красивое зданіе, увѣнчанное куполообразной башней. По бокамъ его два большихъ дугообразныхъ флигеля. Внутренность дворца украшена многими рѣдкими картинами знаменитыхъ мастеровъ: Рюисдаля, Тинторетто, Дель Сарто, Альбано, Веронезе, Гвидо Рени, Каррачи, Рембрандта и друг. Кромѣ картинъ и множества портретовъ лицъ царской фамиліи, въ Павловскомъ дворцѣ находятся: замѣчательный археологическій музей, обширная библіотека, имѣющая болѣе 20,000 томовъ и вмѣ-

Малый дворецъ.

Общій видъ Ораніенбаума съ горы.

Дворцовая церковь.

Дворецъ со стороны моря.

Катальная горка.

щающая въ себѣ много рѣдкихъ книгъ и рукописей, писанныхъ преимущественно лицами Императорскаго дома, начиная съ Екатерины II, и проч.

Внѣ дворца также находятся разныя сооруженія и заведенія, имѣющія и художественное и историческое значеніе. Таковы: крѣпостца Бипъ или Маріенталь, состоящая изъ каменныхъ башенъ и бастіоновъ и земляныхъ валовъ, звѣринецъ, охотничій домъ Кракъ, адмиралтейство... Послѣднее довольно странная аномалія для Павловска, въ которомъ никакого судоходства нѣтъ. Но еще страннѣе старинное названіе этого заведенія, состоящаго, однако, изъ нѣсколькихъ десятковъ мелкихъ судовъ: «*Голландія, что въ Альпійскихъ горахъ...*» Очевидно, этимъ шуточнымъ названіемъ вполнѣ опредѣлялось значеніе павловскаго флота и адмиралтейства...

Дворецъ В. К. Екатерины Михайловны на Каменномъ островѣ.

Царское Село расположено въ пяти верстахъ отъ Павловска на довольно возвышенной мѣстности. Основаніе его приписываютъ императрицѣ Екатеринѣ I, которая, получивъ въ подарокъ отъ царя мызу *Саари*, построила здѣсь тайкомъ отъ него сельскій домъ и потомъ обрадовала имъ Петра, какъ пріятнымъ сюрпризомъ. Съ этого времени дача стала называться *Сарскимъ Селомъ*, превратившимся въ новѣйшее время въ *Царское*, какъ болѣе русское и соотвѣтствующее предмету названіе. Собственно городъ названъ Царскимъ Селомъ во времена лишь Александра I. До этого, онъ, съ основанія его Елисаветой, назывался *Софіей*. Основаніе въ Царскомъ большаго дворца относится ко времени Елисаветы Петровны. Дворецъ былъ выстроенъ по плану Растрелли въ обширныхъ размѣрахъ и съ такою роскошью, что когда императрица спросила однажды какого-то придворнаго остряка — чего не достаетъ этому дворцу? онъ отвѣчалъ: футляра!.. Дѣло въ томъ, что даже крыша царско-сельскаго дворца представляла невиданное сокровище, такъ какъ была жирно вызолочена червоннымъ золотомъ (около $6^1/_2$ пуд.)... Свиньинъ разсказываетъ, что когда, при Екатеринѣ II, эту крышу, утратившую свой блескъ, рѣшили выкрасить зеленою краской, то купцы предлагали 60,000 рублей за позволеніе снять съ нея позолоту.

При Елисаветѣ Петровнѣ были также разведены царскосельскія сады съ тѣнистыми аллеями и зеркальными прудами. Для снабженія водою послѣднихъ были устроены водопроводы изъ

Виттеловскихъ ключей, усовершенствованные и распространенные при Екатеринѣ II инженеромъ Бауэромъ.

Со временъ Елисаветы Петровны, Царское Село начинаетъ населяться все болѣе и болѣе и изъ ничтожнаго поселка превращается постепенно въ довольно значительный городъ. Въ настоящее время Царское, за исключеніемъ самой столицы и Кронштадта, самый большой городъ въ Петербургской губерніи. Въ немъ болѣе 26,000 жителей, не считая дачниковъ, во множествѣ населяющихъ его въ лѣтнее время. Къ тому жъ, Царское, будучи постоянной лѣтней резиденціей императорскаго семейства, содержится чрезвычайно опрятно и можетъ быть причислено къ самымъ благоустроеннымъ городамъ на Руси. Улицы его прямы и широки, прекрасно вымощены и застроены чистенькими домами, между которыми не мало каменныхъ и не мало элегантной архитектуры.

Императорскій дворецъ въ Царскомъ, со своими отдѣленіями, службами, заведеніями и садами, занимаетъ обширное пространство. Самый дворецъ представляетъ длинное, величественное зданіе смѣшаннаго стиля, перестроенное и расширенное при Екатеринѣ II. Тогда же былъ заложенъ и новый Александровскій дворецъ, достроенный впослѣдствіи; сооружена, по плану Камерона, прекрасная іоническая колоннада, разведены англійскіе сады и въ нихъ воздвигнуты многіе замѣчательные памятники.

Царскосельскіе дворцы (Старый и Новый) особенно поражаютъ своей внутренней роскошью и собранными въ нихъ рѣдкостями и драгоцѣнностями. Нѣкоторыя комнаты представляютъ удивительное сочетаніе роскоши и богатства. Таковы, напр.: Зеркальная зала; Янтарная комната, выложенная кафлями изъ янтаря; Ліонская комната, обтянутая драгоцѣннѣйшими шелковыми матеріями и снабженная перламутровымъ паркетомъ; Китайская комната, украшенная китайскими картонами и другими предметами китайскаго искусства и т. д. Въ 1820 г. Царскосельскій дворецъ значительно пострадалъ отъ пожара: сгорѣли церковь и 12 залъ; но немедленно же всѣ поврежденія были исправлены, и дворецъ, еще съ большимъ блескомъ, чѣмъ прежде, является и нынѣ удивительнымъ созданіемъ рукъ человѣческихъ... Поэтъ, воспѣвавшій его въ началѣ нынѣшняго столѣтія, правъ и для нашихъ дней, говоря о Царскомъ:

Тамъ смѣлость съ пышностью искусствъ соединенны
Въ обвороженія все представляютъ намъ;
Великолѣпные сады Альцины тамъ,
Или Армидины чертогъ и вертограды,
Обитель роскоши, и нѣги и прохлады...

Изъ дворца, со стороны галлереи ведетъ чудесная лѣстница, съ вершины которой открываются всѣ, дѣйствительно восхитительныя красоты этихъ «Армидиныхъ вертоградовъ», утонувшихъ въ густой зелени.

Сады царскосельскіе, кромѣ своей обширности и растительной пышности, изумляютъ разнообразіемъ древесныхъ породъ всевозможныхъ климатовъ и очаровательными цвѣтниками. Оранжереи же верхъ роскоши! Сады здѣшніе раздѣляются на Верхній и Нижній. Въ Нижнемъ находится озеро съ островомъ посрединѣ, на которомъ возвышается великолѣпный концертный залъ. Это самый интересный здѣсь пунктъ.

На берегу озера расположено красивое зданіе адмиралтейства, въ которомъ хранятся многочисленныя, необыкновенно нарядныя яхты, шлюпки и другія мелкія суда. Тутъ же замѣчателенъ по своему устройству птичникъ для лебедей и другихъ водяныхъ птицъ.

Посрединѣ озера, прямо изъ воды возвышается на каменномъ пьедесталѣ колонна, украшенная корабельными носами и парящимъ на верхушкѣ ея золотымъ орломъ. Это — памятникъ побѣдителю на моряхъ, Орлову-Чесменскому.

Тутъ же, въ виду озера или пруда, близъ сельскаго домика, привлекаетъ вниманіе другой великолѣпный памятникъ. Онъ представляетъ собою мраморную часовню, въ которой постав-

лепа статуя великой княгини Александры Николаевны съ младенцемъ въ рукахъ. Прекрасная статуя эта принадлежитъ рѣзцу знаменитаго Витали. Памятникъ сооруженъ въ 1850 г.

Изъ другихъ памятниковъ, посвященныхъ достопамятнымъ событіямъ и лицамъ, въ царскосельской резиденціи заслуживаютъ особеннаго вниманія: *Мраморный обелискъ* графу Румянцеву-Задунайскому, въ воспоминаніе Кагульской побѣды; колонна въ память завоеванія Сибири; тріумфальныя ворота, воздвигнутыя въ честь князя Григорія Орлова за умиротвореніе имъ Москвы въ 1771 г. во время чумы. Ворота эти довольно величественны; онѣ сооружены, по плану архитектора Ринальди, изъ разноцвѣтныхъ мраморовъ, съ колоннами и орнаментами. На въѣздной сторонѣ ихъ видна надпись на фризѣ:

«Орловымъ отъ бѣды избавлена Москва».

Турецкій кіоскъ — очень изящное, роскошно орнаментированное зданіе, въ восточномъ вкусѣ, представляющее точную копію очаровательныхъ построекъ этого рода въ садахъ Сераля. Кіоскъ этотъ воздвигнутъ въ память посольства князя Репнина въ Константинополь. Нельзя пройти мимо и памятника, построеннаго надъ могилой любимыхъ собачекъ Екатерины II... Памятникъ этотъ — выраженіе эпохи сантиментализма — имѣетъ видъ гранитной пирамиды, наподобіе египетскихъ. Внутри ея гробницы собачекъ, на одной изъ которыхъ вырѣзана была эпитафія, написанная извѣстнымъ придворнымъ угодникомъ, дипломатомъ и писателемъ, графомъ Сегюромъ, бывшимъ при дворѣ Екатерины II посломъ отъ французскаго кабинета. Эпитафія, на французскомъ языкѣ, выхваляетъ красоту и добродѣтели собачки Земиры, которая, какъ гласятъ стихи, подобно своему дѣду *Тому* и матери *Леди*, была

Constante dans ses goûtes, à la course légère,

и если отличалась нѣсколько злымъ нравомъ, то —

...ce defaut venait d'un très-bon cœur...

Въ заключеніе надпись, съ легкомысліемъ, свойственнымъ вѣку моднаго волтеріанства, выражаетъ надежду, что

Les dieux, temoins de sa tendresse (т. е. Земиры)
Devroient à sa fidélité
Le don de l'immortalité...

Нужно замѣтить, что этотъ памятникъ былъ воздвигнутъ на самомъ любимомъ Екатериною мѣстѣ для отдыха послѣ прогулокъ по саду.

Не однѣ, впрочемъ, собаки, вѣрно служившія вѣнценосной хозяйкѣ Царскаго Села, удостоились здѣсь монументовъ. Эта же честь досталась и избраннымъ лошадямъ. Такъ, здѣсь имѣются надгробные камни на могилахъ верховыхъ лошадей императоровъ Александра I, Николая I и Александра II. Кромѣ того, для устарѣвшихъ на службѣ лично Государю Императору лошадей въ Царскомъ Селѣ имѣется особая *Конюшня для покоя*, гдѣ почтенные ветераны кончаютъ дни среди спокойствія и довольства. Точно такой же обезпеченной и пріятной жизнью пользуются здѣсь нѣсколько семействъ кроткихъ, граціозныхъ ламъ, для которыхъ устроено особое удобное зданіе...

Обстоятельное описаніе всего, что есть достопримѣчательнаго въ царскосельскихъ дворцахъ и вокругъ нихъ, заняло-бы не одинъ томъ. Мы дѣлаемъ только бѣглый обзоръ и то — предметовъ наиболѣе важныхъ. Изъ числа такихъ упомянемъ еще о слѣдующихъ.

Подъѣзжая изъ Петербурга къ Царскому Селу, прежде всего бросается въ глаза высоко стоящій, величественный соборъ его. Церковь эта воздвигнута при Екатеринѣ II, по образцу Софіи въ Константинополѣ. Внутри ея, помимо богатой отдѣлки, обращаютъ вниманіе колоссальные гранитные столбы, поддерживающіе своды. Не менѣе хороша, особенно своими внутренними украшеніями и драгоцѣнностями, дворцовая церковь.

Войдемъ теперь въ это, суроваго вида, въ готическомъ стилѣ, зданіе, съ башнями, напоминающее собою средневѣковые рыцарскіе замки. Наружный видъ его вполнѣ соотвѣтствуетъ внутреннему содержанію, отъ котораго еще ощутительнѣе повѣетъ на насъ средневѣковой стариною, съ ея рыцарскими доблестями, съ ея закованными въ желѣзо героями и ихъ тяжеловѣсными вооруженіемъ... Мы въ царскосельскомъ арсеналѣ, представляющемъ одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ музеевъ древняго и новаго оружія, со всѣми принадлежностями военнаго строя. Здѣсь собраны драгоцѣнныя коллекціи вооруженій различныхъ временъ и народовъ, въ томъ числѣ и старинного русскаго, начиная съ XIV вѣка. Не менѣе богаты коллекціи конской сбруи, сѣделъ и т. д., и т. д. Есть и трофеи, добытые русскимъ оружіемъ, напр.,

Дача Лаваль на Аптекарскомъ островѣ.

доспѣхи и знамена Шамиля. Всѣхъ номеровъ этого собранія насчитывается нѣсколько тысячъ. Они разставлены и развѣшаны съ замѣчательнымъ вкусомъ, въ видѣ арматуръ и пирамидъ; для большей наглядности представляемыхъ предметовъ выставлены искусно сдѣланные манекены въ полномъ вооруженіи конныхъ и пѣшихъ воиновъ разныхъ эпохъ.

Своимъ обогащеніемъ и устройствомъ царскосельскій арсеналъ болѣе всего обязанъ императору Николаю I. Зданіе арсенала довольно старинное. Оно существовало уже при Елисаветѣ Петровнѣ въ качествѣ охотничьяго дома подъ названіемъ «Монъ-бижу.» Впослѣдствіи оно было передѣлано и приспособлено для теперешняго своего назначенія.

Отличительной чертой царскосельскихъ увеселительныхъ «вертоградовъ» представляется поразительное разнообразіе формъ и стилей въ постройкахъ, извнѣ и извнутри, при изысканности и богатствѣ отдѣлки. Искусство и роскошь истощили здѣсь всѣ свои дары. Нѣтъ стиля, самаго затѣйливаго, который не былъ бы воспроизведенъ на той или другой царскосельской постройкѣ. Тутъ мы встрѣчаемъ, помимо античныхъ и христіанскихъ орденовъ зодчества, почти всѣ восточные стили. Мы уже видѣли турецкій кіоскъ. Въ томъ-же вкусѣ, напоминающемъ дивное узорочье арабесковъ Альгамбры и стройность ея контуровъ, представляются намъ царскосельскія турецкія бани...

А вотъ цѣлый рядъ построекъ и украшеній, переносящихъ насъ въ страну оригинально-вычурнаго вкуса сыновъ Неба. Китайскій мостъ, китайскія бесѣдки и друг. предметы въ

томъ же пестромъ и кудреватомъ стилѣ довершаютъ иллюзію китайскаго пейзажа... Далѣе, передъ нами цѣлая романтическая поэма, образно выраженная грудами камней. Это — готическій замокъ въ развалинахъ, заросшихъ мхомъ и верескомъ... Эти развалины такъ правдоподобно поддѣланы подъ безъискусственную работу вѣковъ, что зритель невольно переносится воображеніемъ въ тѣ отдаленныя времена, когда, кажется, вотъ — вотъ, на этой именно башнѣ сторожилъ замокъ вѣрный оруженосецъ, а изъ ея бойницы выглядывало жерло первобытной пищали... Здѣсь вотъ — изъ этого окна, сквозь желѣзную рѣшетку, выглядывала плѣнительной красоты дама, а подъ окномъ странствующій трубадуръ пѣлъ ей звонкую сонату...

Было время, когда русскіе люди, подъ вліяніемъ романтизма, воспроизводили въ своемъ пылкомъ воображеніи подобныя картины и безъ посредства такъ искусно поддѣланныхъ развалинъ.

Не довольствуясь собраніемъ образцовъ всевозможныхъ стилей порознь, устроители царскосельскихъ чудесъ попробовали сочетать ихъ всѣ въ одно цѣлое, въ бесѣдкѣ, получившей весьма мѣткое названіе — «Капризъ»... Дальше этого, дѣйствительно, капризъ идти уже не можетъ...

Дворецъ князей Бѣлосельскихъ-Бѣлозерскихъ на Крестовскомъ островѣ.

Впрочемъ, подобные капризы могли явиться естественнымъ послѣдствіемъ того эстетическаго пресыщенія, которое испытываешь при обозрѣніи, можно сказать, необозримыхъ сокровищъ искусства, сосредоточенныхъ въ Царскомъ Селѣ. Нельзя исчислить всего, что есть тутъ замѣчательнаго, напр., изъ живописи и скульптуры. Картинами переполненъ дворецъ; статуи, нерѣдко замѣчательной работы, во множествѣ украшаютъ сады. Вотъ наиболѣе знаменитыя изъ нихъ.

У Александровскаго дворца передъ подъѣздомъ обращаютъ вниманіе, высоко цѣнимыя знатоками, двѣ статуи *Бабочника* и *Сваячника* рѣзца Пименова и Логановскаго. Затѣмъ, кто не слыхалъ о знаменитой царскосельской *Молочницѣ!* — Эта прелестная статуя иллюстрируетъ граціозную басню Лафонтена о крестьянской дѣвушкѣ, опечаленной нечаянно разбитымъ ею кувшиномъ съ молокомъ. Скульпторъ Соколовъ, въ дни Александра I, въ точности воспроизвелъ это грустное приключеніе, воспользовавшись разбитымъ кувшиномъ для устройства прекраснаго фонтана....

Этой мраморной Молочницѣ, между прочими поэтами ее воспѣвавшими, Пушкинъ посвятилъ слѣдующія четыре строки:

Урну съ *водой(?)* уронивъ, объ утесъ ее дѣва разбила.
Дѣва печально сидитъ, праздный держа черепокъ.
Чудо! Не сякнетъ вода, изливаясь изъ урны разбитой:
Дѣва, надъ вѣчной струей, вѣчно печальна сидитъ.

На этой «печальной дѣвѣ» мы и разстанемся съ Царскимъ Селомъ; но оставляя его, насъ не можетъ не заинтересовать, по пути въ Петербургъ, стоящее среди широкаго, гладкаго поля, вблизи царскосельской станціи желѣзной дороги, довольно обширное деревянное зданіе, съ длинными галлереями по бокамъ. Это ипподромъ — мѣсто знаменитыхъ царскосельскихъ скачекъ, весьма популярныхъ въ средѣ петербургскихъ любителей спорта и сильныхъ ощущеній.

Здѣсь ежегодно, съ іюня мѣсяца по конецъ лѣта, происходятъ состязанія на призы и на пари заводскихъ скакуновъ и кавалерійскихъ лошадей. Наѣздниками являются или сами хозяева лошадей, или наемные мастера этого дѣла. Во время, такъ называемой, «большой» офицерской скачки, на императорскіе призы, въ ней принимаютъ участіе лучшіе наѣздники изъ всей гвардейской кавалеріи. Зрѣлище получается грандіозное, когда нѣсколько десятковъ всадниковъ бѣшенымъ вихремъ мчатся во весь опоръ, перегоняя другъ друга... Кромѣ того, на царскосельскомъ ипподромѣ происходятъ иногда состязанія троекъ — въ «рысистомъ бѣгѣ.»

На возвратномъ пути въ Петербургъ намъ необходимо остановиться хоть мимоходомъ еще въ трехъ, въ своемъ родѣ замѣчательныхъ пунктахъ. Мы говоримъ о Красномъ Селѣ, Пулковской Обсерваторіи и Ропшѣ.

Собственно Красное Село, лежащее въ 23 верстахъ отъ Петербурга, — не болѣе какъ деревня удѣльнаго вѣдомства, и деревня незначительная. Но славу и извѣстность Красному Селу придаетъ постоянная, находящаяся въ окрестностяхъ его, лагерная лѣтняя стоянка всей гвардіи и войскъ петербургскаго гарнизона. Выборомъ этимъ Красное Село осчастливлено, благодаря, главнымъ образомъ, удобству окружающей его мѣстности для устройства лагеря и производства лагерныхъ военныхъ экзерцицій. Мѣстность здѣсь представляетъ ровную, почти гладкую, огромныхъ размѣровъ, площадь, крайне утомительную для глаза. Самый лагерь, занимающій обширное мѣсто и состоящій изъ множества палатокъ и бараковъ, вытянутыхъ въ линію, носитъ обычный такого рода сооруженіямъ отпечатокъ форменности и однообразія. То же самое можно сказать и о лагерной жизни, строго размѣренной по военному артикулу.

Село, отстоящее отъ лагеря въ близкомъ разстояніи, оживляется лѣтомъ приливомъ промышленниковъ, торгующихъ налегкѣ и на ходу, въ лагерѣ, а также немногихъ семействъ дачниковъ, отцы которыхъ, по долгу службы, вынуждены проводить лѣто въ лагерѣ. По этой причинѣ Красное Село застроено довольно чистенькими дачками; но главнымъ его украшеніемъ служатъ дворецъ, назначенный для пребыванія Главнокомандующаго, и театръ. Оба очень красивыя деревянныя зданія.

Пейзажъ Краснаго выигрываетъ нѣсколько отъ сосѣдства живописной горы Дудергофъ, едва-ли не самой высокой вершины въ окрестностяхъ Петербурга. Это не значитъ, конечно, чтобъ она была очень ужь высока. Дудергофъ составляетъ какъ-бы узелъ цѣлаго горнаго кряжа, невысокими холмами идущаго частію къ сѣверу и частію къ юго-западу.

Дудергофская гора покрыта лѣсомъ; на вершинѣ ея находится небольшой деревянный дворецъ въ швейцарскомъ вкусѣ съ садомъ, раскинутымъ въ долинѣ, называемой Темпейской.

Невдали отсюда, на томъ-же взгорьѣ возвышается, со своими башнями, Пулковская астрономическая обсерваторія. Она состоитъ изъ нѣсколькихъ зданій довольно скромной наружности, но искусно приспособленныхъ для астрономическихъ наблюденій. Обсерваторія обладаетъ однимъ изъ величайшихъ въ мірѣ телескоповъ и всѣмъ необходимымъ для ея цѣлей. Въ послѣднее время, по мысли и по заказу ея начальника, г. Струве, она обогатилась еще новымъ, сдѣланнымъ въ Америкѣ, телескопомъ громадныхъ размѣровъ, равнаго которому пока въ Европѣ не имѣется. Кромѣ астрономическихъ наблюденій, обсерваторія вѣдаетъ: 1) усовершенствованіе практической астрономіи; 2) руководство прочими обсерваторіями въ Имперіи и 3) приготовленіе астрономовъ и ученыхъ геодезистовъ. Она основана въ 1838 г. Больше сказать о ней нечего, ибо тѣ чудеса небесной механики, зрѣлище которыхъ Пулковская обсерваторія обязательно предоставляетъ, при посредствѣ своего телескопа, посѣтителямъ, нужно видѣть самимъ, чтобы судить о нихъ...

Къ числу наименѣе посѣщаемыхъ Императорской фамиліей загородныхъ дворцовъ нужно отнести Ропшу, которая, впрочемъ, расположена совершенно въ сторонѣ отъ легкихъ и быстрыхъ паровыхъ путей сообщенія (она въ 36 верстахъ отъ столицы). Ропшинскій дворецъ въ запустѣніи; за то окружающіе его обширные сады и оранжереи содержатся въ образцовомъ

порядкѣ и нерѣдко служатъ цѣлью увеселительныхъ экскурсій лѣтомъ для обитателей Стрѣльны, Петергофа, Ораніенбаума и друг. смежныхъ дачныхъ поселеній.

Ропша замѣчательна своимъ прошлымъ. Имя ея — историческое.

Петръ В. нашелъ здѣсь небольшую чухонскую деревню, подъ именемъ Ропши. Мѣстечко это ему понравилось, и, по его повелѣнію, построили тутъ дворецъ. Потомъ онъ подарилъ его кн. Ромодановскому, отъ котораго Ропша перешла въ семейство гр. Головкиныхъ, а со ссылкой ихъ представителя, возвращена въ собственность Кабинета. Елисавета Петровна привела ропшинскій дворецъ въ цвѣтущее состояніе и посѣщала его нерѣдко на пути изъ Царскаго въ Петергофъ. Послѣ переворота въ 1762 г., въ Ропшѣ былъ поселенъ отрекшійся отъ престола императоръ Петръ III и увѣковѣчилъ ея имя своей скоропостижной смертью... Послѣ этого Екатерина II подарила Ропшу графу Орлову; но Орловъ никогда въ ней не жилъ и забросилъ ее совершенно. Изъ запустѣнія вывелъ ропшинское помѣстье извѣстный богачъ — армянинъ Лазаревъ, купившій его у Орлова. У Лазарева его перекупилъ, уже въ благоустроенномъ видѣ, императоръ Павелъ за 400,000 руб., и съ той поры Ропша составляетъ собственность Двора.

Перенесемся въ дальнѣйшемъ ходѣ нашего обзора въ противоположную сторону Петербурга на правый берегъ рѣки Невы, гдѣ, главнымъ образомъ, сосредоточиваются столичные дачники, по крайней мѣрѣ — большая часть людей съ маленькими средствами, занятыхъ службою и ежедневной хлопотнею о насущномъ. Мы говоримъ о невскихъ островахъ, съ прилегающими къ нимъ многочисленными поселеніями по финляндской желѣзной дорогѣ и вдоль праваго берега устья Невы. Главными центрами этихъ дачныхъ поселеній, кромѣ острововъ, о которыхъ мы уже говорили въ своемъ мѣстѣ, служатъ здѣсь: старинная Лахта, Коломяги, Старая и Новая Деревни, Черная Рѣчка, Лѣсной, Озерки, Шувалово и Парголово — послѣднее въ нѣсколькихъ номерахъ, подъ именемъ 1-го, 2-го и чуть-ли не 3-го еще Парголова.

Острова и всѣ вышеисчисленныя селенія, пустынные зимою, необыкновенно оживляются лѣтомъ множествомъ дачниковъ, постояннымъ движеніемъ пароходовъ, поѣздовъ желѣзной и конно-желѣзныхъ дорогъ, экипажей, кавалькадъ и группами гуляющихъ по образу пѣшаго хожденія. Дачи кипятъ жизнью; изъ ихъ растворенныхъ оконъ несутся, на просторъ пыльныхъ шоссированныхъ дорогъ и аллей, голоса людей, шумъ и возня вседневной домашней суетни; заплачетъ ребенокъ, свидѣтельствуя крѣпкими нотами своего крика о благотворномъ вліяніи дачнаго воздуха на его здоровье; изъ другаго окна рвутся бойкія, шаловливыя ноты «Стрѣлочка,» срываемаго съ клавишей фортепіано дачной музой, и тутъ-же, откуда-то, акомпанирует «Стрѣлочку» частый, отчетистый стукъ кухонныхъ ножей стряпухи; не то запоетъ во всю глотку, ставъ передъ окнами, разносчикъ: «Красная смородина! Кружовникъ крупной!» Изъ-подъ парусинныхъ маркизъ неизбѣжныхъ у каждой дачи балконовъ выглядываютъ, наслаждающіеся свѣжимъ воздухомъ, въ непринужденныхъ, по дачному, позахъ и костюмахъ, дачники и дачницы, слышатся смѣхъ и говоръ, шуршитъ только-что полученная изъ города газета, а вотъ—почудилось-ли намъ или на самомъ дѣлѣ — за этой живой стѣнкой хмѣля и жимолости, непроницаемо заслонившихъ балконъ своими густо переплевшимися стыдливыми листьями, чей-то «шопотъ, робкое дыханье» и... и поцѣлуй... Изъ глубины садиковъ несется первическій визгъ и смѣхъ юныхъ дачницъ, увеселяющихся эквилибристикой на качеляхъ... Въ воздухѣ, по выраженію одного поэта, воспѣвшаго петербургскія дачи,

Пахнетъ лѣтомъ,
Пахнетъ цвѣтомъ,
Пахнетъ скошенной травой

и — совсѣмъ уже не поэтично—«пахнетъ», будто-бы, «всякой чепухой...» Признавая запахъ «чепухи» легкомысленной клеветою на благорастворенность петербургскаго дачнаго воздуха, нельзя, однако, не сознаться, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ (какъ, напр., на островахъ), онъ

«пахнетъ», кромѣ лѣта и цвѣта, сыроватостью и болотомъ, особенно въ дождливую погоду, а въ сухую, мѣстами, изобилуетъ удушливой пылью...

Со стороны пейзажной, всѣ описываемыя мѣстности крайне однообразны и бѣдны красотами. Выгодно выдаются только расположенныя на холмистой возвышенности: Шувалово, Парголова и Озерки. Благодаря гористой мѣстности, поросшей лѣсами, рощицами и садами, и цѣлой системѣ озеръ и прудовъ, эти поселенія имѣютъ довольно разнообразный, а кое-гдѣ и вполнѣ живописный видъ. Кромѣ того здѣсь чудесный воздухъ, сравнительно, напр., съ пыльной, неблаговонной атмосферой какой нибудь Новой Деревни. Благодаря этомъ счастливымъ условіямъ, мѣста эти, особенно со времени проведенія финляндской желѣзной дороги, необыкновенно стали популярны въ глазахъ петербуржцевъ и быстро застроились множествомъ дачъ всякаго вида и качества, но въ томъ числѣ — массой изящныхъ, почти роскошныхъ. Въ послѣднее-же время здѣсь возникло и новое общественное увеселительное мѣсто. Прежде парголовскіе дачники довольствовались для прогулокъ однимъ лишь великолѣпнымъ Шуваловскимъ паркомъ (владѣніемъ гр. Шувалова); теперь-же къ ихъ услугамъ явились болѣе интересныя «Озерки» — созданіе предпріимчивыхъ антрепренеровъ.

Дворецъ на Елагиномъ Островѣ.

«Озерки» — это небольшой садъ, расположенный на берегу озера и вблизи желѣзнодорожной станціи. Въ немъ воздвигнутъ обширный вокзалъ наподобіе павловскаго, со всѣми учрежденіями къ удобству и увеселенію публики, отъ буфета до инструментальной музыки, ежедневно играющей на особой площадкѣ передъ вокзаломъ. Въ саду, на возвышенности построена высокая башня, родъ бесѣдки, съ высоты которой открывается широкій и довольно живописный пейзажъ на окрестности. «Озерки» соперничаютъ съ Павловскомъ и, хотя покамѣстъ не слишкомъ для него опасны, но красивая ихъ мѣстность, хорошій воздухъ, музыка, катанья на лодкахъ и т. п. прелести лѣтняго времепровожденія, постоянно привлекаютъ по вечерамъ изъ города значительную массу публики. Несомнѣнно, что «Озерки» съ окрестностями — одинъ изъ счастливѣйшихъ пунктовъ на территоріи, окружающей Петербургъ, и, напр., Парголово не совсѣмъ ужъ парадоксально пріобрѣло извѣстность «Чухонской Швейцаріи»... Это въ особенности нужно сказать по сравненію, напр., съ обойденными судьбой и природой, мизерными, съ тщедушной растительностью и съ карикатурными, на курьихъ ножкахъ, дачами, Новой и Старой Деревнями, Черной Рѣчкой, отчасти Крестовскимъ и Аптекарскимъ островами.

Красная Сосна подъ Шлиссельбургомъ.

За то въ этихъ мѣстностяхъ встрѣчаются прелестные уголки, обязанные роскошью своихъ садовъ и живописностью своихъ сооруженій искусству и богатству. Мы укажемъ на наиболѣе выдающіеся изъ нихъ, такъ какъ хорошихъ, даже роскошныхъ дачъ средняго уровня пона-

Военная гавань въ Кронштадтѣ.

дается не мало и здѣсь, особенно же на островахъ. Изъ послѣднихъ особенно богатъ ими Каменный островъ, большая часть котораго занята обширнымъ и великолѣпнымъ лѣтнимъ дворцомъ великой княгини Екатерины Михаиловны.

Дворецъ этотъ основанъ въ 1775 г. для лѣтняго мѣстопребыванія Павла Петровича, тогда еще великаго князя. Впослѣдствіи, ставъ императоромъ, Павелъ много положилъ стараній на устройство и украшеніе каменноостровскаго дворца. По смерти его, дворецъ этотъ былъ очень любимъ Императоромъ Александромъ I, и отъ него перешелъ во владѣніе великаго князя Михаила Павловича, въ семьѣ котораго остается и до сихъ поръ. Это обширное, красивое каменное зданіе, съ прекраснымъ паркомъ, богатыми оранжереями и со множествомъ разныхъ придворныхъ службъ и учрежденій.

Нужно замѣтить, что при Александрѣ I на Каменномъ островѣ не дозволялось строить плохихъ дачъ и всѣ проекты построекъ, на немъ возводившихся, поступали на утвержденіе самого императора. Благодаря этому-то, Каменный и сталъ однимъ изъ самыхъ благоустроенныхъ и красивыхъ петербургскихъ острововъ. Кромѣ каменноостровскаго дворца, здѣсь обращаютъ еще особенное вниманіе лѣтній театръ, дачи принца Ольденбургскаго и г. Утина — послѣдняя еще недавно возбуждавшая удивленіе петербуржцевъ своей роскошью и своими дорогими диковинными затѣями и кунстштюками.

Насупротивъ Каменнаго острова, со стороны Малой Невки, расположенъ Аптекарскій островъ, составляющій уже, собственно, часть города, т. е. Петербургской его Стороны. Названіе свое островъ этотъ получилъ очень давно, еще въ началѣ прошлаго столѣтія, по устроеннымъ на немъ тогда учрежденіямъ «Аптекарскаго приказа». Къ тому же времени относится и основаніе находящагося нынѣ на немъ большаго Ботаническаго сада съ богатѣйшими оранжереями, содержащимися въ образцовомъ порядкѣ. Ботаническій садъ, со своими обширными коллекціями живыхъ растеній, великолѣпною ботаническою библіотекою и богатѣйшими собраніями живыхъ растеній (гербаріями), есть одно изъ первоклассныхъ учрежденій этого рода въ цѣлой Европѣ, но, служа для ученыхъ цѣлей, въ то же время онъ составляетъ одно изъ любимыхъ мѣстъ гулянья столичной публики.

На Аптекарскомъ, особенно вдоль Малой Невки и Каменноостровскаго проспекта, расположено множество дачъ, но изъ нихъ замѣчательны только двѣ: г. Громова, стоящая у Каменноостровскаго моста, фронтомъ на Неву и соперничающая своими дорого стоющими игрушками дачно-садовой культуры съ Утинской дачей, а затѣмъ — нѣсколько влѣво, на берегу той-же Малой Невки, извѣстная подъ именемъ «дачи Лаваль» (впослѣдствіи графа Борха). Послѣдняя обладаетъ однимъ изъ роскошнѣйшихъ и обширнѣйшихъ парковъ въ столицѣ. Кромѣ того, здѣсь, изящной постройки, каменная дача, изобилующая многими рѣдкими предметами искусства и пр.

Нельзя, наконецъ, не упомянуть о пышной дачѣ, расположенной среди густо заросшаго огромнаго парка на берегу М. Невки, князей Бѣлосельскихъ-Бѣлозерскихъ на принадлежащемъ имъ Крестовскомъ островѣ.

Утомленные долгой и кропотливой прогулкой по дачнымъ окрестностямъ Петербурга, мы закончимъ ее болѣе отдаленной и капитальной экскурсіей, — въ славный городъ Шлюссельбургъ, славный если не своимъ настоящимъ, то своими воспоминаніями. Это, какъ извѣстно, одинъ изъ древнѣйшихъ городовъ на сѣверѣ Россіи. Онъ основанъ Русскими въ 1324 г. подъ именемъ Орѣшка и съ той поры много разъ переходилъ изъ рукъ въ руки въ нескончаемой борьбѣ Шведовъ съ Русскими, пока, наконецъ, не овладѣлъ имъ окончательно Петръ Великій.

Съ основаніемъ Петербурга и Кронштадта и съ утвержденіемъ русской власти въ Финляндіи, Шлюссельбургъ потерялъ всякое военно-стратегическое значеніе. Стоя на сторожѣ у истока Невы изъ Ладожскаго озера (въ 58 верстахъ отъ Петербурга), онъ, такъ сказать, остался теперь «не у дѣлъ»; защищать ему нечего и не отъ кого. Но, какъ бы въ уваженіе

къ старику-инвалиду, вѣрою и правдою столько вѣковъ прослужившему своими твердынями и столько принявшему на нихъ жестокихъ ударовъ, ему оставили старый боевой мундиръ въ долготу дней.

Шлюссельбургъ причисленъ къ разряду крѣпостей третьяго класса. Его главные крѣпостные верки расположены на островѣ въ видѣ замка, въ казематахъ котораго во время оно сживало немало заключенниковъ, преимущественно изъ разряда государственныхъ преступниковъ. Сидѣлъ здѣсь, и здѣсь-же и погибъ, безъ вины виноватый, несчастный Іоаннъ Антоновичъ, низложенный во младенчествѣ съ императорскаго престола Елисаветой Петровной....

Городъ Шлюссельбургъ не великъ и ничѣмъ почти незамѣчателенъ, если не считать историческаго памятника, извѣстнаго подъ именемъ «Красной Сосны». Въ Шлюссельбургѣ считается до 8,000 жителей; состоитъ на положеніи уѣзднаго. Изъ его немногихъ церквей замѣчателенъ старинной постройки соборъ, въ которомъ покоится прахъ одного изъ шлюссельбургскихъ героевъ и защитниковъ — князя Голицына. Со стороны озера находится близъ Шлюссельбурга маякъ, замѣчательный своимъ искуснымъ устройствомъ.

Комерція Шлюссельбурга очень незначительна; зато ему принадлежитъ одно огромное промышленное заведеніе. Это — такъ называемая «Шлюссельбургская Мануфактура», производящая ситцы на сумму до 1 мил. руб. въ годъ. На ней работаетъ около тысячи человѣкъ рабочихъ обоего пола. Правда, въ предѣлахъ Шлюссельбургскаго уѣзда не мало находится и другихъ, еще болѣе значительныхъ фабрикъ и заводовъ; но, въ дѣйствительности, всѣ они никакого отношенія къ Шлюссельбургу не имѣютъ, всецѣло принадлежа, духовно и матеріально, столицѣ.

Шлюссельбургъ оживляется нѣсколько лѣтомъ, во время навигаціи. Многія тысячи судовъ, проходящихъ изъ Ладожскаго озера въ Петербургъ по Невѣ, не могутъ объѣхать Шлюссельбурга, такъ что для путешествующихъ мимо него аргонавтовъ онъ служитъ отчасти станціей... А нравы аргонавтовъ вездѣ и всегда одинаковы: чуть ступилъ ногой на сушу — сейчасъ въ веселое мѣсто, и пошли писать залежавшіяся во время плаванія трудовыя деньжонки... Шлюссельбургъ, подобно другимъ прирѣчнымъ городамъ въ его положеніи, оживляется лѣтомъ разными весельями, всегда настежь открытыми гостепріимными заведеніями и въ то-же время питается отъ своего гостепріимства.

Вл. Михневичъ.

Сергіевская дача.

ОЧЕРКЪ XVI.

ПОДЪ СТОЛИЦЕЮ.

Общій характеръ мѣстности. — Болота, лѣса — кормильцы населенія. — Ихъ распространеніе. — Пути сплава. — Нева и доставка лѣса въ Петербургъ. — Финляндскія дрова. — Покосы. — Откуда и какъ идетъ въ Петербургъ сѣно. — Маріинская система и ея значеніе для Петербурга. — Снабженіе Петербурга хлѣбомъ. — Транзитный хлѣбъ въ Петербургѣ. — Поля. — Подспорныя полевыя растенія. — Картофель. — Ленъ. — Полевыя травы. — Огородничество и прочіе добытки подгороднаго населенія. — Кѣмнецы и гонки подъ Петербургомъ. — Строительные матеріалы Петербурга. — Добыча плиты. — Тивдійскіе мраморы и шокшинскіе кварциты. — Сердоболь и другіе граниты. — Озерные и болотные известняки. — Желѣзныя руды. — Мѣдныя руды. — Золото. — Каменный уголь близъ Шунги. — Отношеніе Петра Великаго къ рудничнымъ богатствамъ Сѣверной области. — Фабричное значеніе Петербурга. — Важнѣйшіе заводы и фабрики.

Какъ не жить подъ Питеромъ! огурецъ —
что яблоко, а пѣтухъ за коня идетъ!

НАРОДНАЯ ПОГОВОРКА

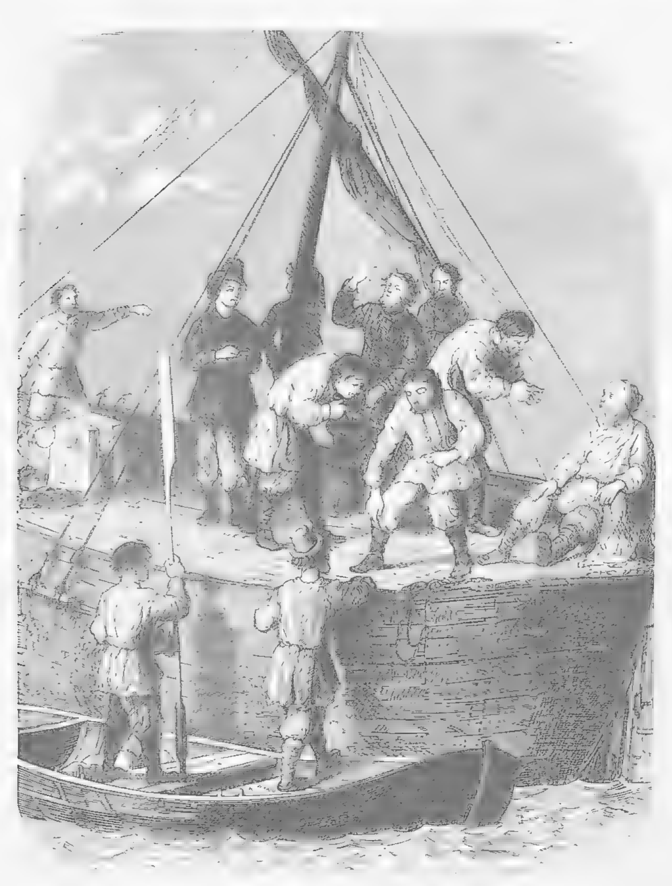

Женщины Олонецкой губерніи.

а удивленіе и своимъ, и чужимъ и на славу Россіи, выстроилъ Петръ свой парадизъ какъ разъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ великій водный путь и съ сѣвера, и съ юга, и съ востока Россіи выходитъ наконецъ въ море, откуда товарамъ открыта торная и широкая дорога въ Европу. Ясное дѣло, что Петербургъ долженъ по необходимости стягивать въ себя громадное количество произведеній центральной и окраинныхъ даже частей Россіи и дѣлаетъ онъ это по тремъ причинамъ, которыя предугадывалъ великій геній его основателя: онъ столица обширнѣйшаго государства, онъ приморскій портъ и наконецъ — онъ конецъ тѣхъ широкихъ и удобныхъ торговыхъ путей, которыми искони пользовались люди ради обмѣна своихъ произведеній. А коли велика роль, играемая Петербургомъ для всей Россіи, то имъ только и живетъ весьма значительное окрестное населеніе. Не будь Петербурга — не жить-бы громаднымъ петербургскимъ окрестнымъ селамъ, такъ какъ природа-мать не расщедрилась здѣсь на удобства. Что ни вырветъ человѣкъ у природы, всему есть въ Питерѣ сбытъ, на все найдется охотникъ, любитель, а иной въ лѣтнюю жаркую пору, такъ и мужика съ его, на что уже убогаго, мѣста сго-

нитъ и самъ поселится въ его плохонькой избушкѣ, гдѣ сверху течетъ, а съ боковъ продуваетъ, и думаетъ, что живетъ онъ въ деревнѣ и нагуляетъ за лѣто на всю гнилую зиму петербургскую здоровья и силъ.

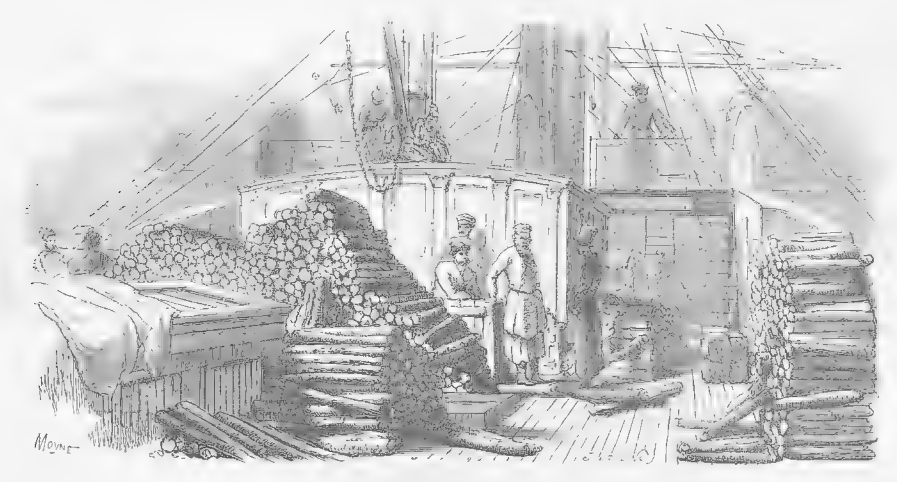
Въ жизни природы не годами и не десятками лѣтъ считаютъ, а мѣряютъ время вѣками, а то такъ и тысячелѣтіями; по этому-то счету вся подстоличная мѣстность лишь недавно вышла изъ-подъ моря и далась въ руки человѣку на его обыденныя нужды. Да видно плохо обогрѣвало сѣверное солнышко, плохо осаживалась глина приозерная, и пошла земля мокринами да болотиною, а по болотинѣ вслѣдъ за мохомъ сталъ расти и лѣсокъ, неказистый на видъ, да на дрова годный, благо есть кого обогрѣвать въ Петербургѣ отъ стужи, отъ сѣвернаго мороза. Гдѣ посуше мѣстечко повыдалось, тамъ лѣсъ закрѣпъ и пошелъ въ ростъ и въ сукъ и изъ дровянаго сталъ строевымъ, годнымъ на бревна, и во вѣкъ не спалить и не срубить на топку, на избы и другія жилья того лѣса, что дала природа человѣку въ этомъ краю, какъ бы ни ухитрялся человѣкъ на землю явиться лютымъ ворогомъ всего сущаго и ни губилъ бы зря то, что можетъ кормить его вѣки вѣчные.

На палубѣ.

Вся Озерная область заросла лѣсомъ, начиная отъ низкорослаго и на дрова даже негоднаго и кончая превосходнымъ строевымъ бревномъ, идущимъ даже и за границу, гдѣ люди бракуютъ товаръ не по нашему и ищутъ годнаго строительнаго матеріала даже въ далекомъ Гондурасѣ. Лѣса въ приозерщинѣ занимаютъ громадную площадь въ 16 мильоновъ десятинъ, а до сихъ поръ еще есть въ ней и такія мѣста, гдѣ лѣсъ не считанъ, такъ что всего и до 20 мильоновъ наберется; пахотныя и покосныя земли составляютъ такую малую часть общей площади озерныхъ губерній, что о нихъ и говорить нечего, и ошибка будетъ почти ничтожна, если изъ общей площади Петербугской, Олонецкой, Новгородской, части Псковской и части Тверской губерній мы откинемъ на непоросшее лѣсомъ пространство всего лишь 10%. А между тѣмъ, несмотря на это страшное лѣсное богатство, русскій человѣкъ ухитряется уже въ нѣкоторыхъ мѣстахъ бѣдовать съ лѣсомъ и горевать, что скоро ему не изъ чего будетъ строиться. Ясное дѣло, что въ силу большаго отдаленія отъ главнаго мѣста сбыта, Петербурга, самыя большія лѣсныя пространства находятся въ Олонецкой губерніи и притомъ въ особенности въ Пудожскомъ и Повѣнецкомъ уѣздахъ ея, а также въ тѣхъ частяхъ Новгородской губерніи, которыя плохо или же вовсе не связаны съ главною сплавною жилою — Невою; вмѣстѣ съ тѣмъ

слѣдуетъ замѣтить, что лѣсъ великъ и хорошъ именно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ народонаселеніе не такъ густо, гдѣ подсѣчное хозяйство не успѣло еще распространиться до такой степени, какъ это случилось въ мѣстахъ густо населенныхъ. Тамъ, гдѣ народонаселеніе особенно густо, уже начинаетъ въ настоящее время ощущаться недостатокъ въ лѣсѣ, который загубленъ подъ пашню, а если и остался, то растетъ въ самомъ жалкомъ видѣ; кустарникъ да обгорѣлыя кривыя деревья, низкорослыя и тонкія, свидѣтельствуютъ о томъ, что цивилизація проникла сюда всеконечно, но цивилизація не созидающая, а лишь разрушающая, такъ какъ основана она напервобытномъ законѣ первой заимки, захвата; здѣсь нѣтъ еще докучливой думы, о томъ, что будетъ дѣлать, чѣмъ будетъ кормиться грядущее поколѣніе, а есть лишь какое-то судорожное удовлетвореніе минутной нужды, желаніе за-живо урвать все возможное у природы, которая все еще представляется человѣку какимъ-то неистощимымъ рогомъ изобилія, обязаннымъ во что бы то ни было питать человѣка. Вѣра захожаго сюда русскаго человѣка въ неизсякаемость даровъ природы и въ силу ея велика, но зачастую надежда на будущее обманываетъ хищнаго человѣка: пройдутъ четыре, а много, много пять лѣтъ и, за невозможностью разсчитывать болѣе на производительность поля, онъ оставляетъ его втунѣ, такъ какъ оно дѣлается никуда негоднымъ, и только ползучій кустарникъ свидѣтельствуетъ по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ о томъ, что была здѣсь когда-то запашка и что хищный человѣкъ приложилъ здѣсь свою неумѣлую руку, сдѣлалъ вопіющее дѣло, даже преступленіе, сгубившее навѣки богатую растительность и бросивши черезъ нѣсколько лѣтъ, какъ никуда негодную негодь загубленное имъ мѣсто. Только чудомъ какимъ-то кое-гдѣ сохранившіеся отъ всеобщаго погрома пни свидѣтельствуютъ всѣмъ и каждому о тѣхъ стародавнихъ, громадныхъ строевыхъ лѣсахъ, среди которыхъ селился русскій человѣкъ, и поневолѣ каждому взгрустнется при видѣ этихъ загубленныхъ богатствъ и того человѣка, что не сумѣлъ соблюсти ихъ въ цѣлости и неприкосновенности. Чѣмъ дальше уѣзжаешь отъ селъ, тѣмъ на виду лѣсъ становится и гуще, и лучше; въ особенности же хорошъ онъ тамъ, гдѣ слой производительной почвы достаточенъ для произрастенія его.

На Свирскомъ пароходѣ.

Лѣса Озерной области состоятъ изъ ели, сосны, кое-гдѣ посѣвернѣе даже и изъ лиственницы, да только рѣдко; много въ нихъ березы, ольхи, осины, а поменьше рябины и ивы, и лишь въ видѣ исключенія попадаются липа и кленъ. Сосна и ель видимо господствуютъ и завладѣли всею Озерною областью, устраняя осыпкою своихъ иголъ даже возможность зародиться лиственнымъ деревьямъ; береза и ольха идутъ сплошь на дрова, и лишь очень рѣдко можно

натолкнуться на такого туземца, который не побрезговалъ ими для постройки; рябину, липу и кленъ облюбилъ житель Озерной области на всякую домашнюю, хозяйственную подѣлку, а иву приспособилъ на обувь, сдирая съ нея кору на лапти свои, корзины и иное плетенье. Просто смотрѣть жалко, какъ попорчены повсюду березовые лѣса сдираніемъ бересты, которая идетъ здѣсь на всякую подѣлку, исполняемую поюжнѣе изъ волоконъ льна и конопли. Всѣ громадныя лѣсныя пространства Озерной области могутъ быть раздѣлены на четыре бассейна, границы которыхъ опредѣляются бассейнами тѣхъ рѣкъ, по теченію которыхъ они расположены; эти бассейны суть: финскій, бѣломорскій, невскій или онего-ладожскій и волжскій.

Финскій бассейнъ представляетъ собою самый меньшій изъ всѣхъ четырехъ, такъ какъ рѣкъ, впадающихъ въ рѣки, протекающія по Финляндіи, не много и единственною пока эксплоатируемою жилою является красивая и широкая рѣка Лендера. Какъ ни малъ этотъ бассейнъ, но дѣло въ томъ, что онъ прилегаетъ къ Финляндіи, а Финны, слѣдуетъ надѣяться, сумѣютъ распорядиться съ этою частью лѣсныхъ богатствъ Озерной области лучше, нежели пользуемся ими мы, Русскіе. Сплавнымъ путемъ для лѣснаго сбыта служитъ здѣсь Лендера, съ притоками Сѣверкою и Тулосъ-іоки, орошающія западную часть Повѣнецкаго уѣзда Олонецкой губерніи. Къ этой системѣ водъ прилегаетъ около 500 т. десятинъ едва еще тронутаго лѣса, такъ какъ его стали рубить только въ 1859 году; лѣсъ этотъ не обработывается въ нашихъ предѣлахъ, по той простой причинѣ, что на финскихъ лѣсопиленныхъ заводахъ вся работа идетъ быстрѣе, дешевле и лучше, благодаря болѣе усовершенствованнымъ механизмамъ. Съ каждымъ годомъ эксплоатація здѣсь увеличивается, и есть надежда на то, что покрайней мѣрѣ лѣсопромышленности предстоитъ еще развитіе въ близкомъ будущемъ тѣмъ болѣе, что по направленію къ Лендерѣ недавно проведенъ каналъ, соединяющій Іоэнсу съ Саймою.

Бѣломорскій бассейнъ Озерной области, обширный по своему пространству, представляетъ еще на сотни лѣтъ неисчислимыя лѣсныя богатства, несмотря на то, что лѣсопромышленность идетъ здѣсь все еще хищническимъ путемъ, безъ думы о потомкахъ, и лишь въ заботѣ о быстрѣйшей личной наживѣ.

По берегамъ рѣкъ этого бассейна растутъ превосходные лѣса, и онѣ представляютъ собою самыя удобные пути для сплава лѣсныхъ матеріаловъ; озеро Выгъ и Сего, конечно, по громадности своей и постоянной бурливости, до извѣстной степени представляли нѣкоторыя препятствія къ доставкѣ, но съ тѣхъ поръ, какъ кому-то пришло въ голову не связывать бревна въ гонки, а въ кошели, и эти озера перестали страшить лѣсопромышленниковъ. Одно лишь до сихъ поръ все еще мѣшаетъ полной успѣшности лѣснаго сплава — это тѣ пороги, которыми такъ богаты всѣ наши сѣверныя рѣки и въ особенности Сегежа, Кемь, Сума и Выгъ, гдѣ по берегамъ то и дѣло бросаются въ глаза могилки тѣхъ, кого нужда безъисходная загнала на купеческую прибыль, на семейское разореніе, на бревенчатую гонку. Въ бѣломорскомъ бассейнѣ Озерной области по офиціальному счету оказалось $2^1/_2$ мильона десятинъ лѣса, но дѣло въ томъ, что не во всѣхъ углахъ этого бассейна идетъ эксплоатація, а дѣятельно разработываютъ лѣса лишь въ $^1/_5$ всего этого пространства, а именно на р. Сондалѣ и Селецкой. Вся обширная область, омываемая р. Кемью и ея притоками, все лежитъ еще втунѣ и ждетъ энергическихъ людей, которые воззвали бы и ее къ жизни; говорятъ, что на верхнемъ теченіи этой рѣки никто еще и не былъ изъ людей науки, никто не побывалъ на ней, никто не извѣдалъ эту сѣверную красавицу, по которой чуть ли не отъ самой Каяны вплоть до Бѣлаго моря можно проѣхать на лодкѣ.

Къ такъ называемому невскому и онежскому бассейну относятся большая часть Олонецкой губернія, часть Новгородской и Петербургской, и если бы лѣсопромышленность получила здѣсь правильное и раціональное развитіе, то слишкомъ $4^1/_2$ мильона десятинъ лѣсныхъ богатствъ пошли бы въ дѣло.

Строевой лѣсъ изъ при-онежской части невскаго бассейна часто потребляется на мѣстѣ, или же направляется въ Петербургъ; но мѣстное требованіе на лѣсъ слишкомъ незначительно, такъ какъ всякій мѣстный житель можетъ получить значительное количество лѣса изъ казны по отпуску, а при этомъ условіи покупать лѣсъ уже изъ вторыхъ рукъ представляется вполнѣ невыгоднымъ. Лѣса, расположенные по обонежскому краю, питаютъ всего лишь 6 лѣсопиленныхъ заводовъ, которые могутъ обработать въ годъ всего лишь до 300 т. бревенъ, на сумму отъ 100 — 120 т. рублей; послѣ распилки на доски, эти послѣднія отправляются на морскихъ судахъ въ Петербургъ, а иногда и въ Кронштадтъ, и ясно, что, если бы на берегахъ Онежскаго озера усилилось производство, то и покупщики нашлись бы на этотъ то-

На каналѣ.

варъ, такъ какъ заграничное требованіе съ каждымъ годомъ становится все больше и больше. Издалека уже слышится въ воздухѣ запахъ сыраго дерева, когда подъѣзжаешь къ лѣсопиленному заводу, да и есть отъ чего: громадными «этажами» сложены доски, а по бокамъ завода высятся какіе-то невиданные холмы грязножелтоватаго цвѣта... подъѣзжаетъ путеникъ ближе и замѣчаетъ, что холмы эти образовались изъ древесныхъ опилокъ, которыя гніютъ здѣсь не у дѣла. На всякомъ заводѣ вся земля по крайней мѣрѣ на ¼ аршина покрыта опилками, порождающими миріады назойливыхъ насѣкомыхъ, а въ нѣсколькихъ мѣстахъ виднѣется дымокъ — это сожигаютъ горбыли, т. е. закругленныя части бревна, которыя считаются ни на что не годными при громадномъ богатствѣ лѣснаго матеріала въ тѣхъ мѣстахъ.

Ладожская часть невскаго бассейна развѣ немногимъ лишь бѣднѣе лѣсами сравнительно съ онежскою съ тою лишь разницею, что она въ отношеніи сплава расположена гораздо безопаснѣе, ближе къ центру спроса, а потому и понятно, что промышленность взялась за нее раньше и охотнѣе. Вся система Свири покрыта еще превосходнымъ дровянымъ лѣсомъ, который легко можетъ быть приплавленъ къ рѣкѣ, при помощи цѣлой сѣти впадающихъ въ нее

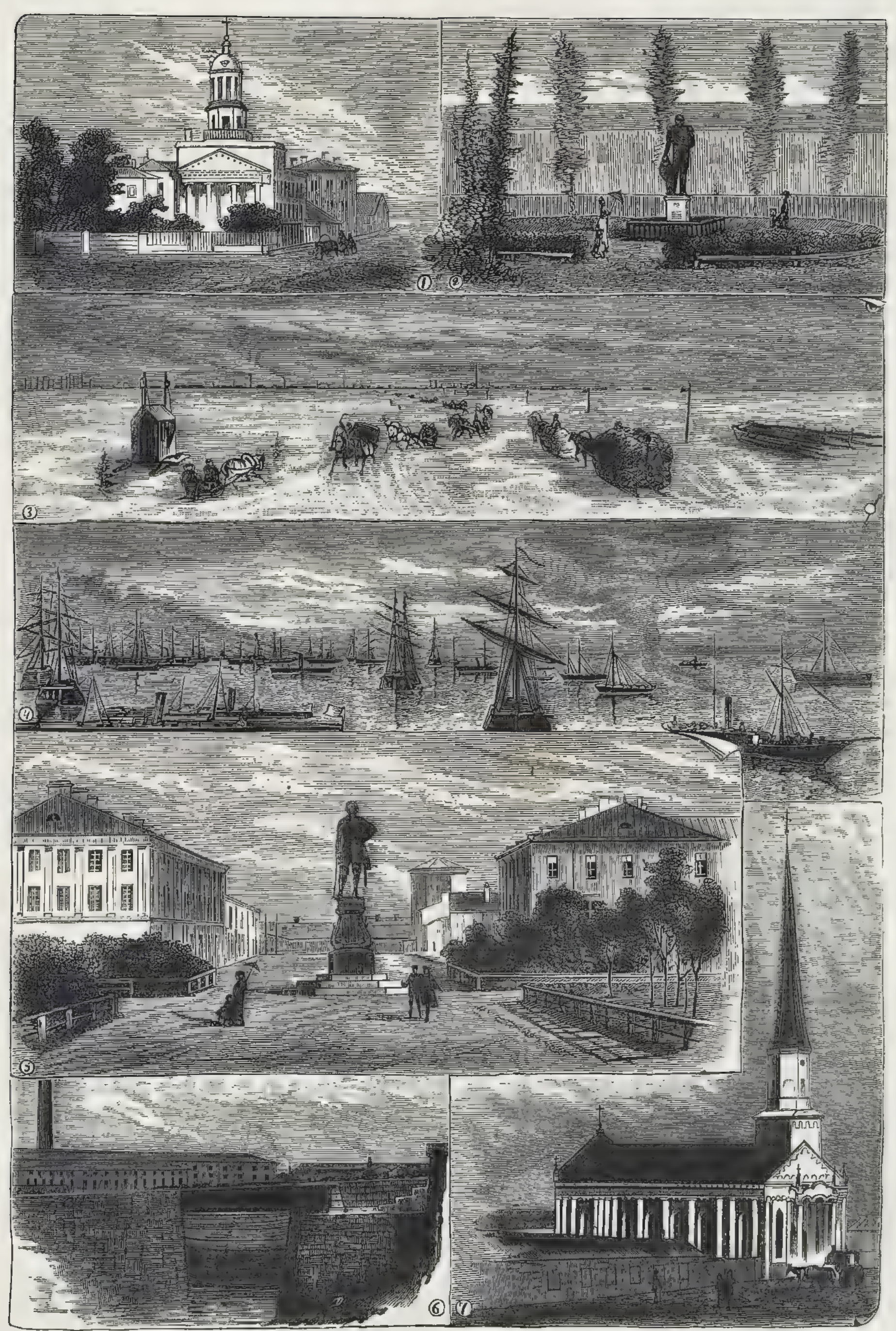
рѣчекъ. Ея лѣса питаютъ ходящіе по ней пароходы и ежедневно сплавляются къ Петербургу; чтобы дать хотя приблизительное понятіе о количествѣ лѣса близъ такой сравнительно давно уже эксплоатируемой рѣки, мы замѣтимъ, что пароходная компанія платитъ на всемъ протяженіи Свири за сажень сосновыхъ 9 четвертовыхъ дровъ отъ 1 р. 50 до 2 р.

Но не одна Свирь поставляетъ лѣсъ и дрова въ Петербургъ, и только самая малая часть лѣсныхъ матеріаловъ, приходящихъ въ столицу, заготовляется на этой рѣчкѣ, тогда какъ главное питаніе происходитъ главнымъ образомъ съ сѣверо-восточнаго берега Ладожскаго озера и затѣмъ при посредствѣ рѣкъ Ояти, Паши, Сяси и Волхова съ ихъ многочисленными притоками; на среднемъ верхнемъ теченіи Ояти, напримѣръ, лѣса совершенно еще не тронуты,

Хлѣбная барка въ шлюзахъ.

также точно и на Пашѣ; при посредствѣ Ладвы и другихъ южныхъ притоковъ могутъ быть при случаѣ направлены въ столицу громадныя лѣсныя богатства Бѣлозерья, а Сясь съ Тихвинкою и нескончаемою массою большихъ и малыхъ ихъ притоковъ настолько богаты еще лѣсомъ, что могутъ отопить Петербургъ въ теченіе еще нѣсколько вѣковъ, даже при томъ нераціональномъ лѣсномъ хозяйствѣ, которое практикуется тамъ донынѣ. Какъ и вездѣ, порубки дѣлаются здѣсь зимою, затѣмъ дрова пилятся и весною сплавляются до того мѣста, гдѣ положено ихъ грузить на тихвинки и другія суда; съ проходомъ льда, они двигаются по рѣкамъ и каналамъ попреимуществу «тычкомъ», т. е. отталкиваются длинными баграми, упираемыми въ дно, и въ теченіе всего лѣта прибываютъ въ Петербургъ. Дешевыя на мѣстѣ, но грузимыя на суда плохой постройки и тихоходныя, дрова подходятъ однако къ мѣсту спроса въ большой цѣнѣ, какъ потому, что доставка ихъ обходится сравнительно дорого, такъ и потому, что несчастія съ плохими судами случаются часто, а также наконецъ и потому, что все лѣсное дѣло въ Петербургѣ находится въ рукахъ нѣсколькихъ крупныхъ монополистовъ, которые, по желанію и по сговору съ болѣе мелкими промышленниками, все болѣе и болѣе набавляютъ цѣны на топливо. А между тѣмъ вопросъ о дешевомъ топливѣ является для Петербурга однимъ изъ наиболѣе существенныхъ и важныхъ, а потому и пришлось подумать, какъ бы помочь горю и составить хотя небольшую конкуренцію сплавщикамъ и лѣсоторговцамъ. Попробовали устроить доставку топлива изъ тѣхъ лѣсовъ, гдѣ проходятъ желѣзно-дорожныя линіи Николаевская, Вар-

ВИДЫ КРОНШТАДТА.

1) Англійская церковь. 2) Памятникъ Беллинсгаузена.

3) Проѣздъ зимою изъ Ораніенбаума въ Кронштадтъ.

4) Входъ въ Военную гавань.

5) Памятникъ Петра Великаго.

6) Докъ. 7) Шведская церковь.

шавская и Балтійская, но скоро увидали, что на этомъ поприщѣ невозможно конкурировать съ дровяниками при тѣхъ безмѣрныхъ тарифахъ, которые находятъ необходимымъ взимать наши желѣзныя дороги; ни одна изъ вышеуказанныхъ дорогъ не подумала о пониженіи своихъ тарифовъ, ради конкуренціи съ дровяниками, а потому и самая доставка дровъ по этимъ дорогамъ до сихъ поръ не развилась и происходитъ въ крайне ничтожныхъ размѣрахъ. Иначе отнеслись къ дѣлу финны, въ ихъ рукахъ была возможность снабжать Петербургъ дровами какъ морскимъ путемъ, такъ и при посредствѣ Финляндской желѣзной дороги, и они не приминули воспользоваться этимъ обстоятельствомъ. Съ самой ранней весны вся набережная Невы у Васильевскаго острова, между Горнымъ Институтомъ и пароходными пристанями, устанавливается вплотную финскими лайбами и шхунами съ горными финляндскими березовыми дровами, также точно, какъ и уголъ Невки Тучкова моста, напротивъ Петровскаго острова; бойко идетъ у нихъ торговля, такъ какъ дрова ихъ сухи, а цѣны гораздо ниже сплавныхъ и, глядишь, предпріимчивый финъ непремѣнно два раза, а при счастьѣ и три раза, обернетъ со своимъ грузомъ съ сѣвернаго берега Финскаго залива въ Петербургъ. Большинство жителей зарѣчныхъ частей столицы отопляется этими финляндскими дровами, и они не проникаютъ въ южныя части Петербурга только лишь потому, что лайбы почему то не входятъ въ Фонтанку, Мойку и петербургскіе каналы — видно облюбили финны разъ насиженное мѣстечко и не рискуютъ начинать торгъ на новыхъ мѣстахъ. Благодаря невысокимъ тарифамъ на Финляндской желѣзной дорогѣ шли дрова и по ней и почти вся Выборгская Сторона отапливалась этими именно дровами, но вдругъ со временемъ неожиданно грянулъ громъ, который не особенно утѣшилъ петербуржцевъ, начавшихъ привыкать къ болѣе дешевымъ и прекраснымъ горнымъ финляндскимъ дровамъ. Для самой Финляндіи, обладающей далеко не благорастворенньмъ климатомъ, требуется весьма значительное количество топлива, а потому сенатъ финляндскій, озабочиваясь тѣмъ, чтобы погоня за наживою не обезлѣсила въ одинъ прекрасный день Финляндіи, и издалъ законъ, запрещающій вывозъ дровъ изъ великаго княжества — и снова пришлось идти покупать дрова у дорожащихся сплавщиковъ, да пользоваться тѣмъ, что и законолюбивые финны не всегда слѣпо повинуются велѣніямъ сената и все еще продолжаютъ привозить на столичную потребу свое топливо, не опасаясь остаться самимъ безъ топлива.

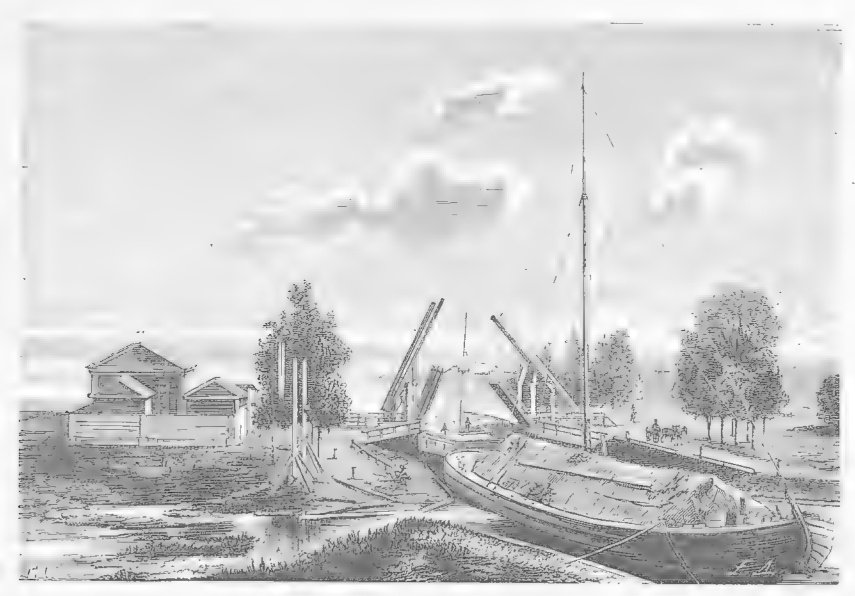

Каналъ.

Въ той же Озерной области расположенъ наконецъ и волжскій бассейнъ лѣсовъ, состоящій изъ тѣхъ озеръ, рѣкъ, которыя сливаются съ рѣками, принадлежащими къ системѣ р. Волги. Тутъ опять находимъ мы тѣ же неисчислимыя лѣсныя богатства, которыя опять же эксплоатируются и лѣниво, и нераціонально и сплавляются по Шекснѣ, Мологѣ и самой Волгѣ въ безлѣсныя губерніи восточной Россіи.

Но не однимъ лишь лѣсомъ богаты берега рѣкъ Озерной области, и если не дала тутъ человѣку природа удобныхъ мѣстъ для хлѣбныхъ посѣвовъ, то зазеленила побережья густою и сочною травою, видимо противясь земледѣлію и склоняясь на то, чтобы человѣкъ занялся здѣсь не менѣе прибыльнымъ дѣломъ воспитанія хорошихъ породъ домашняго скота. Низины, оро-

наемыя рѣками Озерной области, поросли травою и въ полую воду заливаются сплошь и удобряются, остающимся послѣ вешняго разлива, иломъ. Еще раньше Петрова дня начинается почти неизмѣнно повсюду сѣнокосъ—и пріятное то для всѣхъ, да и трудное для всѣхъ время, когда и старому, и малому время лишь развѣ поѣсть наскоро, да и снова за работу приниматься, благо не ждетъ вѣдь вёдро, да пожалуй, пока почесываешься, хлынетъ дождь и посгноитъ то сѣно, чѣмъ кормиться приходится зиму-зимскую. Недалеко за Ильмень-озеромъ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ Ловать въ него впала широкою лентою, по правому берегу послѣдней на громадное, необъемлемое глазомъ пространство раскинулась низкая равнина, низкая до того, что лишь въ сушь-сухмяную по ней тропочка лежитъ, а то все стоитъ мокрина, такъ что ни пѣшему

Открытіе шлюза на Маріинской системѣ.

пройти ни телегѣ проѣхать; только развѣ подневольный путникъ — батюшка изъ ближняго села, проборoздитъ на плохонькой тележкѣ мужицкой эту грязь непролазную, направляясь съ бѣдную деревушку, гдѣ ждетъ отъ него святаго причастія умирающій. Куда глазомъ ни взглянешь, повсюду промежду высокой травы проблескиваютъ озерца, соединенныя другъ съ другомъ проточинами, рѣчушками, словно нарочно прорытыми изъ одного озерца въ другое; а между озерцами, по берегамъ этихъ рѣчушекъ на необозримое пространство, вплоть до самаго Ильменя тянутся поливные луга, покрытые сочною травою, вдосталь напитанною окружающею ее влагою. На Ловати, а коли въ другомъ какомъ мѣстѣ косятся, то на главной рѣкѣ, откуда начнется сплавъ, стоятъ уже и сомины, и барки, которыя прилаживаются на особый маперъ для пріема сѣннаго груза; дѣлаютъ на баркахъ стѣнки рѣшетчатыя и крышу стелютъ изъ слегъ, благо лѣса подходящаго не искать стать, не далеко за нимъ ходить; для ради спасенья отъ дождя и мокрети кроютъ крышку тѣмъ же сѣномъ и снова слегами закладываютъ, чтобы путемъ-дорогою дальнею не снесли крышку вѣтры да бури. Со всей округи сошелся наконецъ окрестный народъ на покосъ и пошла работа; всѣмъ тутъ дѣло найдется — и баба по покосу находится, благо на сѣверѣ и баба на руку охулки не положитъ, какъ пойдетъ горбушей, а то и запросто косою отмахивать; ребятишки постарше либо за нянекъ у братишекъ и сестренокъ службу справляютъ, либо за утиными выводками гоняются, либо наконецъ съ удочками по берегу сидятъ — норовятъ наловить на уху рыбки. Коли нѣтъ дождя,

да стоитъ все вёдро, такъ скоро сладятъ дѣло и свезутъ пахучее сухое сѣнцо на барки и сомины; коли задастся непогода, коли пойдутъ дожди-сѣпогнои, такъ работы не оберешься и трудненько дается заработокъ; чуть прольетъ дождичекъ—вороши сѣно сызнова, а коли добрый работникъ, такъ норовитъ еще ухитриться, чуть тучку замѣтитъ, тотчасъ свой покосъ въ копны складъ. На дворѣ уже Казанская — пора и грузить сѣно; гдѣ на возахъ, но рѣдко, такъ какъ по большей части на лошади къ покосу не подъѣдешь, а гдѣ, и притомъ чаще всего, на лодкахъ, лодьяхъ и навозкахъ свозятъ сѣно къ мѣсту нагрузки, иногда верстъ за 5 — 6 отъ мѣста покоса, и начинаютъ грузить его на суда. Тоже и это дѣло безъ ума не сдѣлаешь, такъ какъ не долго привезти вмѣсто сѣна въ Питеръ дрянь одну; грузятъ сѣно не вплотную, да и не очень пышно, такъ какъ знаютъ, что коли вплотную набить, то слежится оно и запрѣетъ, а коли очень уже класть повадливо, такъ не много накладешь; коли прямо класть, слой на слой, то опять наживешь бѣду, пожалуй и сѣно можетъ слежаться, а потому на слои сѣна накладываются довольно толстыя слеги, чтобы было гдѣ воздуху проходить, вѣтерку провѣтривать.

Вытегра.

Далекій путь предстоитъ соминамъ: пройдутъ онѣ Ильмень и Волховъ съ его порогами и только въ концѣ августа, а то и въ началѣ сентября подойдутъ либо къ Калашниковской пристани, либо къ Литейному мосту, либо къ Тучкову, а расторговаться успѣютъ только развѣ къ веснѣ. Какъ на Ловати дѣло дѣлается, такъ же ведется и на Волховѣ и на Сяси съ Тихвинкою; всюду одинъ побытъ, одна ухватка, такъ какъ и дѣло одно, да и всѣ условія одинаковы.

Калашниковская пристань.

Но и подъ самымъ Петербургомъ сѣна не занимать, а потому и окрестный крестьянинъ имъ торгуетъ, но уже не сплавомъ, а подвозомъ. На плохихъ, тощихъ лошаденкахъ своихъ тянутся ихъ цѣлые обозы по всѣмъ шоссе, подходящимъ къ столицѣ, по всѣмъ дорогамъ, ведущимъ въ большой городъ. Тутъ уже попадается трава всякая, безъ разбору, и вмѣстѣ съ душистымъ клеверомъ нерѣдко встрѣчается осока болотная, которую даже и лошадь, не только что разборчивая корова, жевать не станетъ. Правда, что это крестьянское сѣнцо и въ цѣнѣ не въ той стоитъ, что сплавное, а потому и

находитъ своего покупателя скоро. Только въ самое послѣднее время схватились промышленники и нѣкоторые подстоличные помѣщики за умъ и переняли изъ заграницы манеру не отправлять сѣно на подводахъ, а сначала прессовать его и затѣмъ везти по желѣзнымъ дорогамъ; ясное дѣло, что прессованное сѣно уже не осочное, а по большей части сѣянное и состоитъ либо изъ чистаго клевера, либо изъ смѣси тимоѳеевки съ клеверомъ и другими травами; дѣлу травяныхъ посѣвовъ, собственно говоря, только лишь починъ положенъ, и современемъ, когда работы, предпринятыя отчасти правительствомъ, а отчасти земствомъ и частными лицами, по осушенію болотистой почвы, придутъ къ желанному концу, травяные посѣвы должны чрезвычайно развиться и быть можетъ даже убить дальній сплавъ сѣна изъ Петербургской и Новгородской губерній.

Помѣщичья упряжка.

Основывая свой «парадизъ», великій преобразователь Россіи понималъ очень хорошо, что прокормиться ему будетъ не чѣмъ, если не придутъ къ нему на голодный зубъ на помощь тѣ злачныя мѣста, которыя издавна жили своимъ собственнымъ хлѣбомъ и питали безхлѣбныя мѣста своими избытками; зналъ все это Петръ, а потому и не могъ не обратить вниманія на снабженіе излюбленнаго имъ уголка, будущей цвѣтущей столицы огромной Имперіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ и будущаго главнаго вывознаго въ Европу порта хлѣбомъ; не вѣдалъ Петръ, что человѣчество дойдетъ до того, что воспользуется паромъ, но спозаранку обратилъ вниманіе на водяныя сообщенія, устроить и приспособить которыя къ тогдашнимъ требованіямъ не представлялось особенной трудности. Прежде всего, конечно, взоры его должны были обратиться къ тому, что было издавна извѣстно народу: онъ зналъ, что еще въ тѣ времена, когда не только его «парадиза» не существовало, но и Москва-то сама находилась еще во владѣніи какого-то подручнаго боярина, стоялъ въ сѣверныхъ безхлѣбныхъ, голодныхъ мѣстахъ Великій Новгородъ, который, подобно его вновь нарожденному дѣтищу, своего хлѣба не видывалъ, а торговалъ съ Европою бойко и выгодно. Окруженный болотами и непролазными трясинами, этотъ славный городъ весь свой вѣкъ прожилъ какъ бы на чужихъ харчахъ и избѣгалъ голодовнаго вымора, благодаря гужевому и водяному подвозу. Дѣло водянаго сплава совершалось тогда просто и требовало лишь мощной силы, которой не занимать было нашему русскому человѣку; хлѣбъ тогда сплавляли по рѣкамъ, а коли встрѣтится на пути волокъ, то перегружали грузъ на воза, везли нàволокомъ по сухопутью до новой ближайшей рѣки, а тамъ снова на судахъ до новаго переволока. На пути того хлѣба, что шелъ на прокормъ Новгорода, первымъ волокомъ являлся волокъ Ламскій, что потомъ преобразился въ городокъ Московской губерніи Волоколамскъ, а вторымъ — волокъ Вышній или Верхній, что сталъ впослѣдствіи Вышнимъ Волочкомъ Тверской губерніи. На этотъ-то исконный, извѣданный и облюбованный народомъ путь и обратилъ прежде всего свое вниманіе Петръ, отъ котораго не ускользало ничто, отъ чего могла быть польза Россіи. Высмотрѣлъ здѣсь Петръ всѣ подходящія мѣста и порѣшилъ воспользоваться прежде всего этимъ направленіемъ для подвоза продуктовъ во вновь устраиваемую столицу. Въ трехъ верстахъ отъ Волочка взяла

начало рѣка Тверца, которая впала потомъ въ Волгу — эту кормилицу сѣверныхъ, несытыхъ мѣстъ; нашелъ Петръ опять таки подъ Волочкомъ значительное озеро Мстино и примѣтилъ, что изъ этого озера вытекла рѣка Мста, которая изливаетъ свои воды въ новгородскій Ильмень, соединенный съ Ладожскимъ озеромъ многоводнымъ Волховомъ; только и было безводнаго мѣста, что отъ Тверцы до озера Мстина, а Петръ еще по голландской поѣздкѣ своей зналъ, что это не бѣда и что можно пособить тутъ дѣлу, прорывши черезъ наволокъ каналъ; знакомый съ орографіею Россіи, Царь-Работникъ еще въ Голландіи понялъ, какую громадную выгоду можно извлечь изъ богатства воды сѣверной Россіи, а потому тамъ еще нарочно плавалъ по каналамъ, все внимательно осмотрѣлъ и досконально все распозналъ и вывѣдалъ. Долго

Жнитво.

думать Царь не любилъ, и скоро прокопанъ былъ каналъ между Тверцою и озеромъ Мстино; скоро дѣло сдѣлалось, да не слишкомъ-то доволенъ былъ Петръ своимъ произведеніемъ, такъ какъ путь вышелъ порожистъ, подъемъ по Тверцѣ вверхъ противъ теченія былъ труденъ, да и самъ новый каналъ въ Волочкѣ вышелъ на такую высоту, что крестъ боровицкой колокольни соборной все же ниже стоялъ канала. Все же устроилъ Петръ этотъ путь, какъ возможно лучше, но въ то же время сталъ подумывать и о новомъ болѣе удобномъ и безопасномъ пути. Благодаря этому-то исканію Петра и была нарождена нынѣшняя «Маріинская система» — главная кормилица и Петербурга, и Европы. Петръ всегда смотрѣлъ на Россію, какъ на посредницу въ торговыхъ и другихъ сношеніяхъ между Европою и Азіею, а потому чуть ли не въ первый еще пріѣздъ свой на Онегу задумалъ соединить Каспійское море съ Балтійскимъ и азіатскую Астрахань съ европейскимъ Петербургомъ. Главный соединительный пунктъ волжскихъ водъ съ водами Озерной области и въ частности съ громадными внутренними бассейнами Онежскаго и Ладожскаго озеръ прозорливый глазъ Петра нашелъ въ нынѣшнемъ Вытегорскомъ уѣздѣ. Уже и въ тѣ времена мѣстность вокругъ города Вытегры была достаточно населена и имѣла нѣкоторое торговое значеніе; при ручьѣ Вянгѣ, на рѣкѣ Вытегрѣ стояла уже Вянгинская пристань, а другая пристань — Бадога была уже на Ковжѣ, принадлежащей къ Каспійскому бассейну; между этими двумя пристанями хлѣбъ и иные продукты перевозились съ Ковжи на Вытегру сухимъ путемъ, черезъ тотъ самый наволокъ, который служилъ водораз-

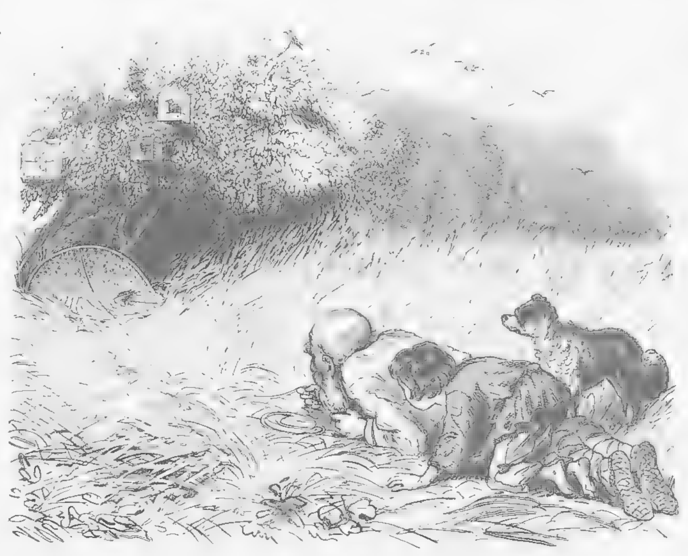
дѣломъ волжскаго и онежскаго бассейновъ и находился между Бадогою и Вянгою. Едва успѣвъ завершить свою войну со Шведами славною «Полтавскою викторіею», которая окончательно и разъ навсегда развязала Петру руки на сѣверѣ, Петръ послалъ въ 1710 году знаменитаго инженера того времени Перри, въ сопровожденіи русскаго «мастера канавнаго дѣла» Корчмина, на Вытегру и предписалъ шотландцу произвести необходимыя изысканія въ трехъ различныхъ направленіяхъ. Перри, видимо, успѣлъ уже привыкнуть къ характеру Петра и къ манерѣ его работать и требовать работу съ другихъ, а Корчминъ и вовсе былъ ученикомъ Царя-Работника и извѣдалъ, что Петръ не любитъ медленности; дѣло пошло вслѣдствіе этого быстро, и въ томъ же году Перри представилъ Царю плоды своихъ изысканій. Въ слѣдующемъ 1711 году Петръ самъ посѣтилъ изслѣдованную инженеромъ мѣстность и, переходя по лѣсамъ и болотамъ для провѣрки дѣйствій Перри, зачастую заночевывалъ въ шалашѣ, сдѣланномъ изъ древесныхъ вѣтвей; Царь, видимо, остался доволенъ осмотромъ и передалъ все дѣло на заключеніе сената, который въ 1712 году утвердилъ изслѣдованія и проектъ Перри и назначилъ 10,000 р. на производство работъ. Не случилось однако такъ, какъ задумано было Петромъ; Перри скоро, вслѣдствіе какихъ-то особыхъ обстоятельствъ, вернулся въ Англію, а съ тѣмъ вмѣстѣ и самая мысль о прокопкѣ канала была оставлена, подобно многому доброму, задуманному и, къ сожалѣнію, не выполненному Петромъ; только 75 лѣтъ спустя, уже въ царствованіе императора Павла I случайно попался на глаза проектъ Петра о «судоходной канавѣ»; было тогда другое время, а съ тѣмъ вмѣстѣ и люди были другіе, такъ что петровскія цѣны казались уже смѣшными и смѣту петровскую павловскіе инженеры увеличили ровно въ 40 разъ; у правительства денегъ тогда такихъ не было, а мысль была прекрасна и должна была принести несомнѣнную пользу. Долго думали надъ изысканіемъ подходящихъ суммъ и думали бы до сегодня, если бы покойная императрица Марія Ѳеодоровна не нашла возможности вывести правительство изъ затрудненія, позаимствовавъ для общеполезнаго дѣла изъ суммъ Воспитательнаго Дома 400 тысячъ рублей, и доведя этимъ въ 1810 году до желаннаго конца мысль великаго Петра. Благодѣтельная во всемъ императрица Марія и въ этомъ случаѣ сослужила великую службу Россіи.

Пахота въ Озерной области.

Народъ отлично помнитъ, что дѣлалъ въ этихъ мѣстахъ Петръ, за какимъ онъ дѣломъ сюда заглядывалъ, какъ онъ жилъ «на канавѣ» и какъ онъ относился къ мѣстному крестьянству. Еще графъ Сиверсъ, строитель всей Маріинской системы, засталъ въ живыхъ живаго свидѣтеля временъ и дѣлъ Петровыхъ; былъ то крестьянинъ Пахомъ, имѣвшій въ то время уже 115 лѣтъ отъ роду и жившій близъ деревни Рубежа, неподалеку отъ соединенія нынѣшняго канала съ рѣкою Вытегрою. Едва лишь Сиверсъ услышалъ о существованіи въ мѣстности такого интереснаго старика, какъ постарался повидать его и поразспросить о пребываніи здѣсь Великаго. Пахомъ очень хорошо разсказалъ все, что зналъ о Петрѣ, и показалъ Сиверсу и его спутникамъ то мѣсто, на которомъ на его памяти стоялъ шалашъ, гдѣ «Осударь» (такъ называютъ обонежскіе крестьяне Петра, не упоминая никогда его имени, такъ какъ предполагаютъ, что имя здѣсь излишне) послѣ десятидневныхъ трудовъ своихъ праведныхъ отдыхалъ по-просту.

Сѣдой, какъ лунь, патріархъ окрестныхъ селеній, Пахомъ передалъ наѣзжимъ изъ Питера людямъ свои воспоминанія о Петрѣ, Перри и Корчминѣ, который сопровождалъ, по его словамъ, англичанина и помогалъ ему въ его изысканіяхъ. Разсказы Пахома о Петрѣ, какъ и всѣ воспоминанія о немъ тамошняго народа, исполнены были полнаго благоговѣнія; при каждомъ произношеніи имени Петра старикъ подымалъ глаза свои къ небу, прижималъ руку къ сердцу и присоединялъ всегда къ титулу «Осударь», эпитеты: «батюшка» или «надежа». «А батюшка Осударь», говорилъ Пахомъ, — «былъ роста высокаго, всѣхъ людей выше цѣлою головою; часто встряхивалъ онъ своими черными кудерками, а пуще, когда случался въ раздумьѣ. Не гнушался онъ нашего житья-бытья, кушивалъ нашу хлѣбъ-соль и пожаловалъ отцу моему серебряный полтинникъ». Такихъ полтинниковъ, а также и чарочекъ много было раздарено Петромъ въ Обонежьѣ и Заозерьѣ, такъ что, путешествуя въ этомъ краю, то и дѣло приходится слышать варіанты слѣдующаго разсказа: «Такъ у дѣда и остался Осударь кушать и въ тапоры пожаловалъ ему эту самую чарочку». При всей охотѣ своей къ иностранцамъ, Петръ былъ истинно русскимъ человѣкомъ и зналъ свой народъ и любилъ его всею душою, относясь къ нему просто, а не съ высоты своего величія. «Былъ тутъ случай такой», — гласитъ мѣстное преданіе, — «у бѣднаго-пребѣднаго мужика народилась дочь; надо малютку окрестить, а

Птицеловы.

къ горюну никто-то въ кумовья идти не хочетъ. Проходитъ въ тапоры тѣмъ селомъ Осударь съ канавщиками и узналъ, что такая бѣда съ мужикомъ сталась. Пришелъ онъ къ бѣдному мужику и говоритъ, что поволилъ быть у него кумомъ. Только прослышали про такую Осудареву волю на погостѣ, стали къ бѣдняку бабы самыя что ни есть богатыя толкаться, въ кумы называться, да и сама попадья надумалась — я-де кумою у тебя, мужичекъ, буду.» «Не хочу съ ними кумиться», — сказалъ тутъ Осударь свое мудрое слово, — «а розыщи ты мнѣ самую лядащую бабейку, что у васъ по погосту Христа ради ходитъ, живетъ Христовымъ именемъ — та мнѣ нищенка люба будетъ.» Нашелъ бѣднякъ такую бабу лядащую, представилъ ее Осударю, и покрестилъ Осударь съ нею бѣднякова младенца. Какъ покончили крестины, такъ и воспроговорилъ Осударь: «а не худо бы, куманекъ, и винца выпить!» а у бѣдняка денегъ-то ни полушки, а зелена вина ни косушки. «Видно, дѣлать нечего», — сказалъ Осударь, — «придется моей анисовой нынче дѣла дѣлать!» Вынулъ Осударь свою походную баклажку, да чарочку золотую, налилъ ее своею анисовою водкою, всѣхъ перепотчивалъ, самъ выпилъ, одарилъ бѣдняка деньгами, а чарочку кумѣ на память». Эти простыя отношенія Петра къ народу не остались забытыми, и народъ до сихъ поръ съ благоговѣніемъ вспоминаетъ о немъ.

Перри, по разсказамъ Пахома, «былъ тученъ и не могъ самъ ходить по болотамъ; носили его на жердяхъ, переплетенныхъ вѣтвями, а за нимъ нашивали мѣдное блюдце со сквозными рожками, которое онъ ставилъ на распорки, и, прищурясь, однимъ глазомъ сматривалъ по волоскамъ, натянутымъ на сквозныхъ рожкахъ; а по тѣмъ волоскамъ велѣлъ ставить отъ мѣста

до мѣста шесты и по шестамъ рубить просѣку.» Такъ объяснялъ столѣтній старецъ астролябію, по которой Перри ставилъ румбы, пролагая линію будущаго канала. «За нѣмчиною вслѣдъ случалося зачастую мнѣ носить длинное сквозильце, въ которое тотъ сматривалъ, когда выходилъ изъ лѣсу на высокое или открытое мѣсто и оттуда видѣлъ Богъ вѣсть какъ далеко!» Подъ сквозильцемъ Пахомъ разумѣлъ, конечно, подзорную трубу. «А Корчминъ», говорилъ старикъ, — «былъ сухощавъ и часто курилъ табакъ; я приношивалъ ему изъ своей избы уголь раскурить его трубку. Такъ же, какъ и нѣмчина, онъ, ходя по просѣкамъ, сматривалъ въ рожки мѣднаго блюдца и въ сквозильце». По указанію Пахома, на томъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ когда-то шалашъ Петра, воздвигнутъ былъ памятникъ. Рѣшительно каждый шагъ, дѣлаемый по Маріинской си-

Видъ деревни Псковской губерніи.

стемѣ, связывается съ воспоминаніемъ о Петрѣ, а на «Бесѣдной горѣ» близъ Вытегры показываютъ то мѣсто, гдѣ тоже въ шалашѣ отдыхалъ Петръ во время перваго своего посѣщенія Вянгинской пристани и гдѣ у него «Вытегоры-воры камзолъ украли». Эта присказка разсказывается, что «Вытегоры Осударя уговорили: лягъ, сосни, да камзолъ скинь, чтобы вольготнѣе было! да, когда Осударь заспулъ, камзолъ-то и унесли и пропили», а иногда она принимаетъ и другую, видимо уже, впослѣдствіи составленную форму преданія о томъ, что «нѣкоему Гришкѣ пришло на умъ выпросить у Петра его камзолъ «себѣ и тѣмъ, кто умнѣе и добрѣе, на шапки; а шапки мы не только дѣтямъ, но и правнукамъ запасемъ на память о твоей, Осударь, милости».

Проектъ Перри оказался хорошъ, и Сиверсъ выстроилъ Маріинскую систему, которая представляла больше удобствъ для судоходства, нежели прежняя Вышневолоцкая, а теперь сдѣлалась жизненною жилою Петербурга. Весь хлѣбъ, какъ для собственнаго своего пропитанія, такъ и для заграничной своей отправки Петербургъ получаетъ или по Маріинской системѣ, или при посредствѣ Николаевской желѣзной дороги.

Николаевская желѣзная дорога сдѣлалась крайне важною по отношенію къ доставкѣ хлѣба въ Петербургъ только со времени открытія разныхъ питательныхъ южночерноземныхъ линій,

Виды Павловска.

Памятникъ основанія Павловска. — Памятникъ Имп. Павлу. — Храмъ Дружбы.
Старое Шале.
Крикъ. — Памятникъ супругу (внутр. видъ). — Памятникъ родителямъ.
Новое Шале. — Храмъ Аполлона.
Константиновскій дворецъ. — Домъ пустынника.
Любимое мѣсто Цесаревича Александра Николаевича.

т. е. съ 1866 года, и теперь работаетъ съ громаднымъ успѣхомъ по поставкѣ въ Петербургъ, такъ называемыхъ, черныхъ хлѣбовъ и озимой пшеницы; напротивъ того, вся яровая, низовая пшеница изъ приволжскихъ мѣстъ избираетъ иной путь и сплавляется до столицы водою по Маріинской системѣ. По Николаевской дорогѣ хлѣбъ идетъ частью въ сѣверозападные уѣзды Московской губерніи, но большею частью въ Петербургъ, куда онъ идетъ преимущественно изъ замосковскихъ губерній транзитомъ черезъ Москву. Понятное дѣло, что вслѣдствіе неравномѣрнаго требованія изъ Петербурга и самый размѣръ вывоза по Николаевской дорогѣ хлѣба въ разные года бываетъ чрезвычайно различенъ и колеблется отъ 11—16 мильоновъ пудовъ. Третья часть всего привозимаго въ Москву овса направляется транзитомъ въ Петербургъ (3 м. п.),

По обойденному звѣрю.

а въ послѣднее время, т. е. съ конца шестидесятыхъ годовъ тронулись въ Петербургъ пшеница въ зернѣ, пшеничная мука и гречневая крупа; хлѣба эти идутъ частію съ Нижегородской желѣзной дороги, частью съ Рязанской и гораздо менѣе съ Курской; рожь, за оставленіемъ части ея для передѣлки на солодъ, почти полностью своего полученія отправляется по соединительному пути на Николаевскую дорогу.

Изъ 300 мильоновъ пудовъ, провозимыхъ по Волжско-Маріинскому пути, 29% стоимостью въ $63^1/_2$ м. рублей падаютъ на хлѣбные грузы, которые поставляются пристанями, лежащими по Волгѣ, ниже Нижняго, по Сурѣ и по Камѣ съ притоками и частью моршанскими; при этомъ слѣдуетъ замѣтить, что пшеничный хлѣбъ, обращающійся въ количествѣ 35 м. пудовъ на сумму $3^1/_2$ м. рублей, даютъ преимущественно Саратовскія и Самарскія пристани, а ржаной съ приварочными хлѣбами, въ количествѣ 45 м. пудовъ на сумму 27 м. рублей, и овесъ (10 м. пудовъ на 5 мил. рублей) отправляются преимущественно съ пристаней, лежащихъ къ сѣверозападу отъ Самары и изъ Камскаго бассейна. 96% всего количества хлѣбныхъ грузовъ направляются къ сѣверозападу, а изъ хлѣба, идущаго къ сѣверозападу, почти половина достигаетъ Петербурга, тогда какъ другая половина его потребляется въ мѣстностяхъ, лежащихъ по Волгѣ выше Нижняго, а также по Вышневолоцкому, Тихвинскому и Маріинскому путямъ и по Нижегородской желѣзной дорогѣ. Если мы взглянемъ на превосходную карту, составленную г. Борковскимъ и объясняющую грузовое движеніе по Волжско-Маріинскому пути,

то увидимъ, что въ началѣ, въ Астрахани нѣтъ вовсе хлѣбныхъ грузовъ, которые предназначались бы для сѣверныхъ мѣстностей, и первый мильонъ пудовъ получается лишь въ Царицынско-Саратовскомъ плесѣ; Саратовско-Самарскій плесъ даетъ 15 м. пудовъ, Самарско-Казанскій 20 м. пудовъ и Казанско-Нижегородскій 30 м. пудовъ, такъ что къ Нижнему подходитъ съ юговостока 66 м. пудовъ хлѣбныхъ грузовъ, которые затѣмъ и распредѣляются по разнымъ путямъ на потребу голодающаго и безхлѣбнаго населенія. Прежде всего цѣлыхъ 3 м. пудовъ отнимаетъ у Волги Нижегородская желѣзная дорога въ томъ предположеніи, что и Москва купитъ ни овую пшеницу охотно. Въ тѣ времена, когда еще не было Рыбинско-Бологовской желѣзной дороги, все остальное количество хлѣба, за вычетомъ того, что оставляется на мѣстное прокормленіе, достигало Петербурга по водному пути; но путь этотъ дологъ, а заграничные покупатели ждать не любятъ и требуютъ всегда срочной поставки; неурядица «канальская» съ своей стороны сильно задерживала грузы въ дорогѣ, а потому и надумали соединить Рыбинскъ прямымъ желѣзнодорожнымъ путемъ съ Петербургомъ ради того, чтобы избѣжать проволочки. Вліяніе новой линіи на движеніе по Маріинской системѣ сейчасъ же сказалось тѣмъ, что она отняла у водяной доставки 30 м. пудовъ груза, тогда какъ остальные 33 мильона пудовъ съ небольшою прибавкою тѣхъ грузовъ, которые направляются въ Петербургъ по другимъ системамъ, достигаютъ столицы полностью.

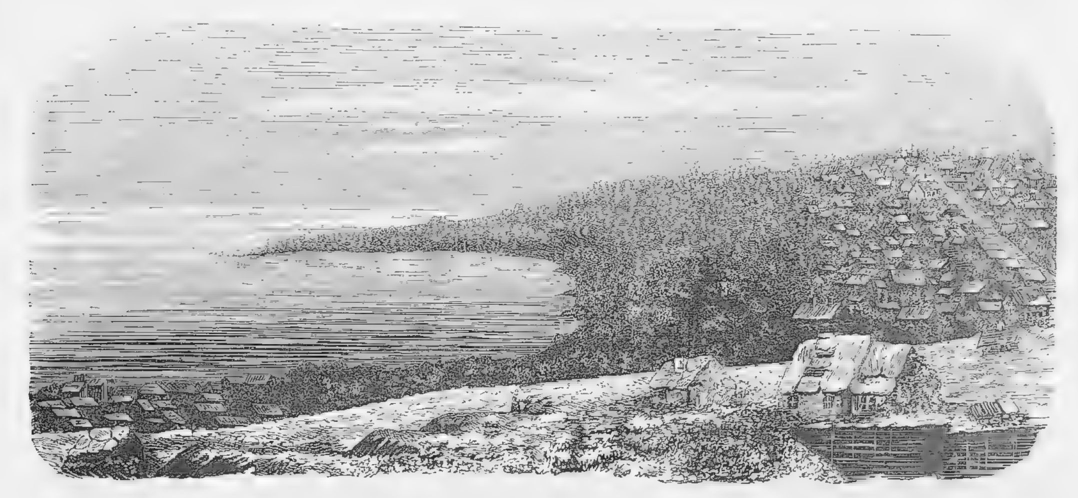

Воспитанницы въ подстоличной колоніи.

Съ самаго Рыбинска начинается уже Маріинская система, благодѣтельница и въ то же время злодѣйка для Петербурга; она его кормитъ, но она насылаетъ на него разныя напасти, съ которыми зачастую не подъ силу даже и бороться. Едва успѣетъ хлѣбный караванъ двинуться по водяному пути, какъ со всѣхъ сторонъ на него посыплятся разныя, будто бы необходимыя для порядка, мѣры, которыя задерживаютъ лишь грузъ въ пути и заставляютъ и людей и лошадей, тянущихъ лямку вмѣсто прежнихъ бурлаковъ, дольше нести всѣ невзгоды труднаго житья-бытья; ступая по грязнымъ бичевникамъ, по берегамъ рытыхъ каналовъ и болотистыхъ рѣкъ и рѣчекъ, надрываются лошади, заболѣваютъ, вслѣдствіе непосильной работы и главное плохихъ кормовыхъ условій, сибирскою язвою, околѣваютъ тысячами; вслѣдствіе постояннаго общенія съ больными тяговыми лошадьми и неосторожности, язва скоро переходитъ и на людей, и гибнутъ отъ нея люди такъ же точно, какъ и отъ простуды и отъ дурнаго питанія. А между тѣмъ, несмотря на сотни смертей человѣче-

скихъ и конскихъ, караванъ все двигается изъ озера въ рѣчку, изъ рѣчки въ каналъ и т. д., пока наконецъ не дойдетъ до той самой Вытегры, которая стоитъ почти на половинѣ пути отъ Рыбинска къ Петербургу и гдѣ по крайней мѣрѣ хоть сибирская язва и другія болѣзни не такъ свирѣпствуютъ, какъ до нея, такъ какъ жизненныя условія становятся здѣсь лучше, проявляется больше заботливости о рабочемъ человѣкѣ и начинаютъ беречься заноса разныхъ лихихъ болѣстей въ самую столицу.

Слишкомъ бурливо и мало изведано наше Онежское озеро, да къ тому же не успѣлъ еще русскій человѣкъ приспособиться къ плаванію на морскихъ судахъ и все больше норовитъ строить суда, хотя и помѣстительныя, но не крытыя и для морскаго плаванія негодныя; именно

Село Путилово и Путиловскія каменныя ломки.

для этой-то цѣли и устроены были обводные каналы: Онежскій, Свирскій, Сясьскій, Петровскій и Александровскій, которые, огибая оба наши громадныя внутреннія моря, представляютъ возможность не заводить морскихъ судовъ, а прямо безъ перегрузки водить хлѣбные караваны изъ Рыбинска въ Петербургъ, и наконецъ прокармливаютъ огромное множество народа, которое только и живетъ, что работою на каналѣ. Въ 1871 году счастіе, кажется, въ послѣдній разъ побаловало присистемныхъ жителей хорошимъ заработкомъ, который теперь съ каждымъ годомъ дѣлается все меньше и меньше, благодаря тому, что значительная часть грузовъ, слѣдовавшихъ прежде Маріинскою системою, пошли по рыбинско-бологовской желѣзной дорогѣ; вслѣдствіе этого упали фрахтовыя цѣны на суда, да и проходить ихъ стало вообще меньше, а слѣдовательно и значительное число жителей, бурлаковавшихъ и сдававшихъ подъ тягу своихъ лошадей, осталось безъ заработка. Да и самый хваленый 1871 годъ только въ началѣ навигаціи былъ хорошъ для бурлаковъ, а въ концѣ концовъ все-таки хорошаго вышло мало; съ начала весны судоходство, вслѣдствіе необыкновеннаго разлитія отъ раннихъ дождей водъ, потребовало найма рабочихъ для тяги судовъ втрое противъ обыкновенно употребляемаго для этой цѣли количества; бурлаковъ же изъ другихъ губерній, которые такъ ненавистны мѣстнымъ жителямъ, ради постоянной сбавки пришельцами цѣнъ противъ туземцевъ, тогда еще не было, и цѣны за путину значительно поднялись. Но спали воды, цѣны упали въ виду того, что ненавистные и вѣчно живущіе впроголодь Мологжане, Устюжинцы и Весьегонцы и другіе искатели куска сквернаго бурлацкаго хлѣба успѣли уже наводнить всѣ наемныя мѣста, рабочихъ накопилось вдоволь — дѣвать некуда, а затѣмъ явилась въ довершеніе всего холера, необыкновенная охотница до бурлаковъ и другаго трудно рабочаго люда. Впрочемъ, спасибо пришлось

сказать холерѣ; она разогнала пришельцевъ, а туземцы и рады были бы навострить отъ захожей гостьи лыжи, да нельзя, не приказано, а тутъ кстати и цѣны-то на спину человѣческую поднялись; правда, много изъ нихъ перемерло, но зато остальные заработывали хорошія деньги. Та же самая исторія стала теперь повторяться изъ года въ годъ; желѣзныя дороги все болѣе и болѣе обездоливаютъ мѣстнаго рабочаго, а нахожій людъ перебиваетъ работу и нанимается за безцѣнокъ — такъ ему поѣсть хочется.... Въ 1875 году стало бурлакамъ еще тяжеле; спина человѣческая наконецъ и тамъ стала признаваться за самую плохую тяговую силу и въ шлюзованной части Маріинской системы, именно въ Вытегорскомъ уѣздѣ, была введена товариществомъ инженера Усова и К° конная тяга, которая такимъ образомъ замѣнила

Мраморныя ломки.

въ значительной степени рабочую человѣческую силу къ немалой скорби обладателей оной. Лошади для тяги нанимаются изъ того же Мологскаго уѣзда, такъ какъ мѣстные жители, недостаточно еще пробранные голодовками, требовали, сравнительно съ Мологжанами, болѣе высокую плату. Не въ лучшемъ положеніи находятся лоцмана и гребцы, которые вплотную усѣлись по нашимъ большимъ, трактовымъ рѣкамъ и жили проводомъ судовъ. Бѣжитъ рѣка навстрѣчу баркѣ съ хлѣбомъ, но это еще бѣда небольшая; можно стать въ лямку, привязать ее къ бичевѣ, закрѣпленной за мачту барки, и тащить себѣ, пока грудь выдержитъ и спина не надломится. Коли человѣческая сила притомится, можно лошадей запречь. Нехорошо это въ разливъ весеннихъ водъ, которыя заливаютъ по берегамъ тропы бичевныя: ногой не попадешь, а тащить барку зря, — можно натащить ее на берегъ и усадить тутъ, середи чистаго поля, что отъ полой лишь воды заозерилось. Стрежа, корыта, по которому течетъ спокойная лѣтняя рѣка, весной не увидишь, сколько ни бейся, и судить надо по догадкѣ да по наглядкѣ. Правда, можно обождать спада воды, а еще того лучше, можно и глазомъ примѣриться, и

особыхъ людей приспособить къ такому трудному дѣлу изъ знатоковъ и мѣстныхъ старожиловъ. Петръ такъ и сдѣлалъ — зналъ онъ все это доподлинно. Выбралъ онъ отборныхъ знатоковъ, которые и до него водили хлѣбъ на плотахъ, стало быть и на баркахъ провести могутъ, если поучатся и приснаровятся. Петръ понялъ ихъ трудную работу и оцѣнилъ ее; освободилъ онъ ихъ отъ солдатчины, отъ всякихъ податей, велѣлъ имъ учиться, не теряя времени. За искусство проводки положилъ онъ хорошую плату, сдѣлалъ изъ проводниковъ новое въ новомъ своемъ государствѣ сословіе и далъ имъ въ концѣ концовъ нѣмецкое прозвище — лоцмановъ. Пусть будетъ ихъ, думалось Петру, только 50—100 человѣкъ, да зато, чтобы были они всѣ надежны. На мѣсто выбывшихъ поступать могли только по выбору: опытные оцѣниваютъ знанія желающихъ и кладутъ шары въ пользу того, кто прошелъ до конца всю лоцманскую

Петрозаводскъ.

науку. Долго жили лоцмана безбѣдно, да стряслась надъ ними неминучая бѣда — сталъ съ ними паръ спорить; буксирное пароходство, на которое слышатся жалобы уже на Невѣ, и здѣсь пользуется у мѣстныхъ жителей эпитетомъ «проклятаго». Уже въ 1871 году буксирные пароходы, не прибѣгая къ помощи гребцовъ, провели по Свири въ теченіе одной навигаціи до 1000 судовъ, черезъ что гребцы потеряли обычнаго своего дохода до 5000 рублей, а лоцмана лишились выдававшихся имъ «на рукавицы» съ гребнаго судна по 2 руб. или со всей тысячи 2000 рублей. Въ 1872 году количество проведенныхъ буксирными пароходами судовъ еще болѣе увеличилось, такъ что составляло почти половину общаго количества судовъ, прошедшихъ по Свири, и съ той поры ежегодно буксирки отбиваютъ хлѣбъ у лоцмановъ, гребцовъ, бурлаковъ и тягольщиковъ. Начали толковать уже и о томъ, что не дурно было бы построить обокъ съ каналами желѣзную дорогу, локомотивъ которой могъ бы тащить цѣлые караваны хлѣбныхъ барокъ; стали носиться слухи о томъ, что составляется компанія для покупки плоскодонныхъ пароходовъ и баржей, которые могли бы и скорѣе и удобнѣе доставлять зерно изъ Рыбинска въ Петербургъ и притомъ внасыпку, а не вмакладку; все это вмѣстѣ должно совсѣмъ обездолить присистемное населеніе, если только оно не сумѣетъ подыскать себѣ другихъ подходящихъ заработковъ. Но если отъ всѣхъ этихъ нововведеній приходится лихо мѣстному жителю, то продовольствіе съ часу на часъ расширяющейся столицы все болѣе и болѣе обезпечивается и отпускная хлѣбная торговля ея усиливается.... Послѣ долгихъ

мытарствъ на Волгѣ и на системѣ, происходящихъ какъ отъ естественныхъ, природныхъ, такъ и отъ неестественныхъ и вытекающихъ изъ неустройства и начальстволюбія, причинъ, хлѣбъ низовой входитъ наконецъ въ широкую и многоводную Неву, пороги которой представляются лишь игрушкою въ сравненіи съ тѣмъ, что вытерпѣли барки въ пути, а на второй день подходятъ наконецъ и къ Калашниковской пристани, гдѣ ихъ съ нетерпѣніемъ ожидаютъ.

Какъ ни плоха подъ столицею почва, какъ ни затоплена она ржавыми болотами, какъ ни заросла она лѣсомъ, однако русскій человѣкъ, искони склонный на соху и земледѣліе, и здѣсь, при самыхъ невыгодныхъ условіяхъ, ковыряетъ ее для рискованныхъ и сомнительныхъ посѣвовъ. Конечно, если потрудиться да не пожалѣть навозу, то и подстоличное хозяйство можетъ

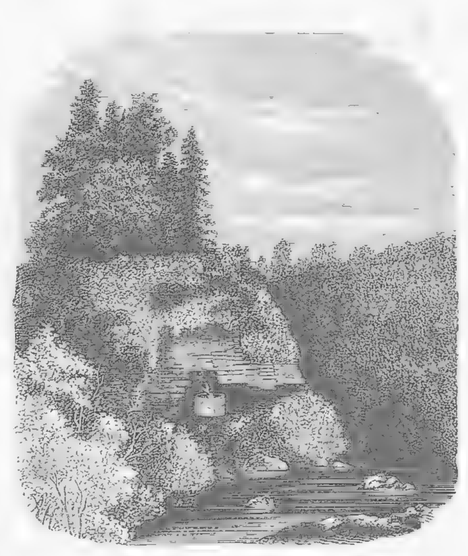

Камень «Громъ», — пьедесталъ для памятника Петра Великаго.

дать хорошіе барыши, да въ томъ-то и дѣло, что мужику спорѣе трудиться въ столицѣ и въ той и въ другой работѣ, а пахать да въ полѣ работать только такъ, между дѣломъ, да къ тому же и не добыть ему много навозу, когда у него скотины мало за недостатками и усиленными поборами. Помѣщики конечно ухитряются и берутъ урожаи хорошіе, такъ что на ихъ урожай и степнякъ-баринъ дивится, такъ какъ и землю онъ усовершенствованными орудіями обрабатываетъ на славу, да и назема ввалитъ на одну десятину столько, сколько мужикъ и на три не вывезетъ.

Иное дѣло — крестьянское: не машина заморская тутъ землю готовитъ и работу работаетъ, а исконный горбъ мужицкій за все отдувается; не въ удобреніе тутъ покладается надежда, а въ Божью милость, да въ пронесеніе Божьяго гнѣва: во время дождь хватитъ, градомъ не побьетъ, цвѣтъ не собьетъ, нальетъ зерно исправно, удастся безъ дождя убрать хлѣбъ. Уборка здѣсь поздняя, въ августѣ, а потому и приходится бояться, чтобы не пошли дожди и хлѣбъ не сгнилъ или не проросъ. Искони повелось у крестьянъ подстоличныхъ сѣять рожь и овесъ, и лишь кое-когда встрѣтится небольшой клочечекъ земли, засѣянной желтымъ, золотистымъ ячменемъ; дѣло въ томъ, что на ячмень здѣшняя лошадь неповадлива, а овесъ ѣстъ съ удовольствіемъ. Пшеницы, говорятъ, будто сѣять невозможно, хотя и съ этимъ дорогимъ хлѣбомъ дѣлались не разъ опыты, которые напротивъ того доказали совершенно положительно, что пшеница родится на навозной землѣ очень удачно, если только постараться хорошо приготовить для нея почву да удобрить землю исправно; недалеко отъ Петербурга еще весьма недавно одинъ англичанинъ нажилъ въ нѣсколько лѣтъ хорошія деньги, занимаясь посѣвомъ той самой пшеницы, которую русскій человѣкъ никакъ осилить не можетъ. Ну, да и то сказать: пшеница, конечно, уже дѣло господское да заморское, такъ какъ требуетъ большихъ затратъ, хотя и даетъ

большіе барыши, а мужику тѣхъ затратъ никакъ не осилить. То ли дѣло ржица въ крестьянскомъ быту да при крестьянской мощи: только бы погода не мѣшала, а она свое дѣло сдѣлаетъ — уродится. Такъ какъ хлѣбъ въ подстоличныхъ мѣстахъ дорогъ, то и не повелось его косить, а не то косою ударишь — много зерна высыплется; жнутъ здѣсь и рожь, жнутъ и овесъ, хоть и низокъ онъ ростомъ и заноетъ спина отъ первой же сотни пясточекъ. Копенъ не повелось, такъ какъ хлѣба родится не помногу, а складываютъ его въ бабки, по 7 — 9 сноповъ въ каждой, да снопики-то въ окружности всего четверти четыре, и пожалуй два такихъ снопа пойдутъ на одинъ снопъ южный; бабка и потому еще замѣнила здѣсь 52 снопную копну, что не повелось въ этихъ мѣстахъ стараться укрыть хлѣбъ отъ непогоды, такъ какъ сыромолотнаго здѣсь хлѣба не знаютъ, а чуть уберутъ хлѣбъ съ поля, такъ и везутъ его къ овинамъ, гдѣ и сушатъ хлѣбъ не зерномъ, а цѣлыми снопами. У всякаго крестьянина свой овинчикъ налаженъ и помѣщается въ одномъ построѣ съ «ригою», гдѣ хлѣбъ и складывается и молотится; тотъ же все недостатокъ хлѣба обусловилъ и то, что не машиною и не лошадьми здѣсь молотятъ, а цѣпами, да притомъ еще такъ стараются снопы выколотить, чтобы ни одно-то зернышко въ соломѣ не оставалось, да и солома не попортилась, такъ какъ и на нее нужда въ столицѣ и за нее, коли она цѣльная, добрую цѣну получить можно.

Остатки городка на рѣкѣ Лавѣ.

Но помимо всякихъ хлѣбовъ, сѣющихся повсюду въ отечествѣ нашемъ, есть у подстоличнаго крестьянина еще одно подспорье, еще одинъ источникъ дохода, который сильно ему полюбился и даетъ ему возможность имѣть мучную пищу даже и тогда, когда хлѣбъ у него вовсе не уродится. Трудно было ввести въ народъ американское растеніе, такъ какъ для коснаго ума казалось оно чѣмъ-то дьявольскимъ; правда, силою и даже иной разъ съ пролитьемъ крови вводилась посадка картофеля, но, хотя и съ жертвами, да добро сдѣлано и потомки кормятся теперь отъ того, за что такъ пострадали дѣды. Громадныя пространства засаживаются теперь картофелемъ въ подстоличныхъ мѣстахъ, и пожалуй нигдѣ въ Россіи картофель не играетъ такой важной роли, въ качествѣ подспорья, какъ здѣсь,

Подальше отъ столицы, на юго-западъ начинаютъ мало-по-малу показываться посѣвы льна, а въ Псковской губерніи онъ составляетъ предметъ самаго главнаго производства. Тѣмъ ленъ хорошъ, что несетъ онъ не въ примѣръ прочимъ масляничнымъ растеніямъ, на ряду съ коноплею, двойную службу: сѣмечко его на выжимку масла идетъ, а солома — въ мялку, на волокно и на пряжу.

Но въ томъ бѣда наша русская, что природа русскому человѣку и то и другое даетъ, да не умѣетъ онъ за дѣло взяться и все норовитъ сдѣлать скоро и скверно; такъ и со льномъ псковскимъ стоитъ дѣло: родится онъ такъ хорошъ, что нѣтъ ему по волокну равнаго въ Европѣ, да обработка-то волокна скверная, и купцы европейскіе поневолѣ либо вовсе отъ нею чураются, либо даютъ за него малую цѣну сравнительно. Мнутъ его бабы на такихъ мялкахъ, какія удавалось швейцарскимъ ученымъ находить среди остатковъ озернаго человѣка, а потому и не могутъ смять его такъ, какъ сдѣлала бы это усовершенствованная машина; то и дѣло попадается въ чистомъ волокнѣ кострика (несмятый жесткій стебель), а это заставляетъ торговцевъ браковать всю партію, такъ какъ знаютъ они, что по привозѣ на мѣсто волокно

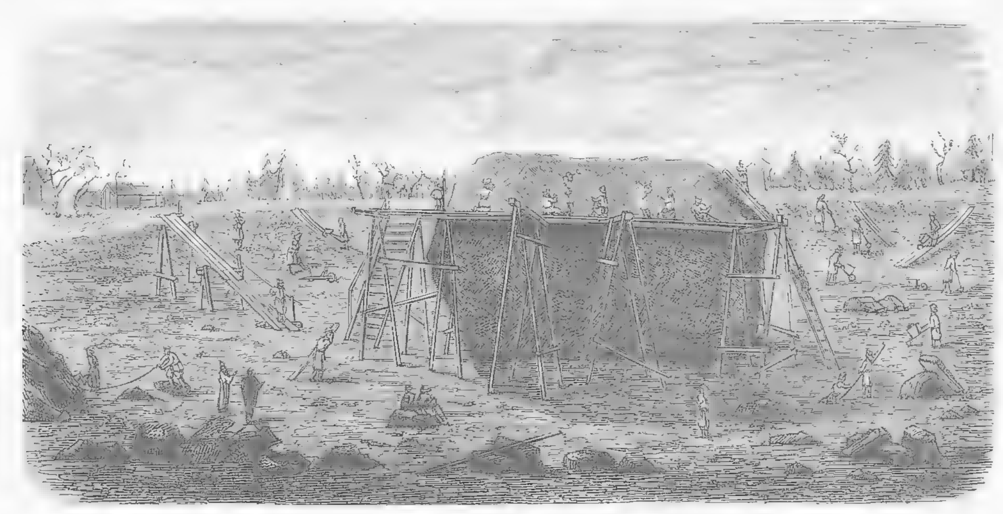
придется перемнинать снова на машинахъ, а слѣдовательно послѣдуетъ въ вѣсѣ уменьшеніе. Неудовлетворительная культура льна въ Псковской губерніи, да и въ другихъ мѣстахъ нашего отечества, при первобытныхъ способахъ обработки его, практикующихся до сихъ поръ, грозитъ повсемѣстнымъ упадкомъ этой важной отрасли хозяйства. Понятное дѣло, что всѣ оптовые льноводы раздѣляютъ это опасеніе, да все не надумаютъ, какъ помочь горю, какъ избыть будущую бѣду неминучую. Неоднократно возбуждался вопросъ о настоятельной необходимости подпятія льняной культуры въ Россіи, далеко отставшей отъ той же культуры заграницею, напр. въ Бельгіи; при этомъ всегда указывалось на неудовлетворительное состояніе льнянаго хозяйства въ Псковской губерніи — главной производительницѣ льна въ Россіи, такъ какъ

Устье Лавы

другія губерніи производятъ относительно ничтожное количество льна, за исключеніемъ развѣ лишь Лифляндской, гдѣ льна производится до $^1/_2$ м. пудовъ въ годъ, и Ярославской, производящей около 0,4 мильона пудовъ. Псковская губернія ежегодно доставляетъ за границу болѣе 2 м. пудовъ льнянаго волокна, и поэтому ее можно бы считать одною изъ наиболѣе богатыхъ, а между тѣмъ это одна изъ бѣднѣйшихъ нашихъ губерній. Люди, изучавшіе льняное дѣло, спеціально и у насъ, и за границею, утверждаютъ всѣ въ одинъ голосъ, что псковской ленъ на европейскихъ рынкахъ знаменитъ скорѣе своимъ количествомъ, но отнюдь не качествомъ, а потому и цѣна на него, несмотря на одинаковое количество затраченнаго на обработку труда, бываетъ вдвое, втрое и даже вчетверо ниже самыхъ обыкновенныхъ сортовъ, приготовляемыхъ бельгійскими льноводами. И здѣсь, въ льняномъ дѣлѣ наши льноводы и льнопромышленники получаютъ низкую плату за свой трудъ, а крестьянинъ за его труды по обработкѣ льна, только на своей землѣ, можетъ получить ту плату, какую онъ получилъ бы вообще, занимаясь поденною работою на сторонѣ; но, если онъ для посѣва льна заарендуетъ землю, то онъ запросто превращается въ поденщика съ низшей, противъ обыкновенной цѣны, платой за свой трудъ. Давно уже толкуютъ знающіе люди, что льняной промыселъ въ губерніи существуетъ вслѣдствіе того только, что другихъ занятій, болѣе прибыльныхъ и выгодныхъ, не имѣется, а нѣкоторые полагаютъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что, еслибы уничтожить сложный механизмъ по обработкѣ льна, требующій для одной десятины не менѣе 120 рабочихъ дней, то крестьяне остались бы совершенно безъ всякаго дѣла. Земли эксплоатируются подъ ленъ самымъ хищническимъ образомъ и если живетъ еще льняная промышленность, то только лишь потому, что въ Псковской губерніи есть еще довольно пустопорожнихъ земель, такъ какъ изъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ не представляется возможности достать новыхъ земель, крестьяне переселяются въ другія мѣста, свободныя. Трехпольное хозяйство, практикующееся повсемѣстно въ Псковской губерніи, за исключеніемъ немногихъ помѣщичьихъ земель, отзывается весьма невыгодно на производствѣ льна, который, какъ извѣстно, сильно истощаетъ почву, не возвращая ей, вза-

мѣнъ отнятыхъ у нея матеріаловъ, ровно ничего, а вмѣстѣ съ тѣмъ губятъ дѣло и нераціональные способы обработки льна; мятье и трепка, и въ особенности практикуемый всѣми крестьянами крайне непрактичный способъ мочки и просушки льна, зачастую отнимаютъ у послѣдняго болѣе половины настоящей его цѣнности и являются главными причинами, почему производство льна въ Псковской губерніи не приноситъ населенію той выгоды, которую можно было бы ожидать. Уже давно всѣ компетентные въ льноводствѣ люди пришли къ убѣжденію, что ни почва, ни климатъ въ Псковской губерніи не препятствуютъ льну быть такого качества, каковъ онъ въ Западной Европѣ, и если ленъ у насъ хуже, то этому виною исключительно неудовлетворительная обработка его и слѣдовательно неумѣлость русскаго человѣка и его скорохватство.

Обдѣлка камня «Грома» у Лахты

Въ наиболѣе близкихъ къ столицѣ селахъ, въ тѣхъ именно, гдѣ сельскій отпечатокъ поневолѣ совершенно теряется, съ недавняго времени завелся доходный весьма промыселъ, требующій, правда, много труда, но въ то же время и изрядно вознаграждающій тѣхъ, кто схватился раньше другихъ за умъ и имъ занялся. На хорошемъ перегноѣ, съ доброю поливкою, принялись вокругъ Петербурга за посѣвъ такъ называемыхъ аптекарскихъ травъ, и дѣло такъ пошло споро, что въ настоящее время составляетъ уже немаловажную доходную статью въ бюджетѣ пристоличнаго населенія. Сѣютъ и ромашку, и мяту, и шалфей, и весь, однимъ словомъ, скарбъ, который охотно покупается русскимъ человѣкомъ въ аптекахъ, когда погонитъ его полечиться по своему собственному разуму, т. е. не спросясь у доктора, сходить въ баню, да, напившись «тепленькаго», пропотѣть такъ, что диву даже дашься, откуда это столько влаги могло въ человѣка вобраться. Но эти посѣвы не имѣютъ характера значительнаго, кормнаго для населенія ромысла, и гораздо большаго вниманія заслуживаетъ огородничество, которое отлично сжилось на подстоличной землѣ съ населеніемъ и приноситъ хорошій доходъ, хотя и рѣдко случается, чтобы подстоличный крестьянинъ являлся въ то же время и собственникомъ и производителемъ, и гораздо чаще приходится наблюдать тѣ случаи, когда крестьянскую землю снимаютъ подъ огороды настоящіе мастаки огороднаго дѣла — угличскіе, романовоборисоглѣбскіе, ярославскіе и костромскіе огородники. Всѣ ближайшія окрестности Петербурга заняты огородами, которые кромѣ почвенныхъ овощей, благодаря парникамъ, производятъ и массу раннихъ продуктовъ, на которые такъ охочь петербуржецъ. Съ ранней весны, чуть только начнетъ сходить снѣгъ и настанетъ то время, которое опредѣляется выра-

женіемъ: «зима тронулась», закипитъ работа на огородахъ, такъ какъ надо устраивать парники и сажать редисъ и огурчики съ салатомъ; день и ночь идетъ возня на огородѣ, день и ночь копошится ухватливый ярославецъ въ надеждѣ на то, что въ его парникѣ раньше всѣхъ появятся безвкусные, но дорогіе огурцы и доходъ за первинку очутится въ его карманѣ; а тамъ придетъ время копать гряды, сѣять разную овощь, сажать разсаду, пересаживать клубнику и землянику-викторію; нѣкогда спать — дѣло не ждетъ и не терпитъ, а барыши считать придется уже осенью. Прежде всего поспѣетъ лукъ перистый, облюбленный лучше всякаго лакомства русскимъ человѣкомъ, а тамъ и бобы, и горохъ стручковые, а наконецъ засѣрѣетъ и капуста; порубятъ ее, и пройдетъ съ нею вмѣстѣ огородная пора. Гдѣ земля получше, да есть защита отъ холоднаго сѣвернаго и сушащаго юговосточнаго вѣтровъ, тамъ сажаютъ цѣльными десятинами ягоды, которыя, сколько бы ихъ ни уродилось, всегда найдутъ потребителя, благо онѣ лучше привозныхъ, а потому и цѣнятся болѣе. Раннимъ утромъ въ концѣ іюня уже можно увидать на всѣхъ шоссе, ведущихъ къ столицѣ, какіе-то странные на видъ экипажи: это «ягодницы», до которыхъ додумался огородникъ, чтобы ягода не мялась отъ тряски. Ягодница дѣлается рѣшетчатая — было бы куда просунуть тесины, на которыхъ стоятъ корзины съ клубникою и земляникою; вся ягодница поставлена на лежачія рессоры и тихо и плавно на нихъ покачивается. Чтобы дать хотя нѣкоторое понятіе о томъ громадномъ количествѣ ягодъ, которое поѣдается въ день въ Петербургѣ, мы замѣтимъ здѣсь, что, по свидѣтельству нѣкоторыхъ главныхъ торговцевъ въ ягодномъ ряду, на Апраксиномъ дворѣ, въ одно утро иногда привозъ клубники простирается отъ 1500—2000 пудовъ.

Кажется, изъ всего-то подстоличный крестьянинъ себѣ хочетъ деньжонокъ добыть и ухитряется даже тамъ деньги заработать, гдѣ бы и не померещилось тому, кто отъ столицы прожорливой живетъ далеко. Есть въ столицѣ охотники держать у себя въ домахъ, въ клѣткахъ, разную поющую и просто лишь чирикающую птицу, а также изстари повелся на Руси обычай въ извѣстные дни года и по случаю разныхъ, выходящихъ изъ ряда обыкновенныхъ, происшествій выпускать на волю птицъ, чтобы тѣмъ сдѣлать угодное божеству; отвѣчая на эти обычаи, подстоличные жители умудрились всячески изловчиться на птичій ловъ; живетъ этимъ и мелкій чиновникъ, и паренекъ изъ подстоличнаго села, который не додумался еще до какого либо болѣе выгоднаго заработка или же не вышелъ для этого сноровкою и ловкостью. Ловятъ птицу на подкликъ больше, на птичій, или же на дудочку, и всенепремѣнно сѣткою, а то силкомъ если ловить, такъ не равёнъ часъ, пожалуй, пичужечка мелкая и ножку сломаетъ; понавѣшаетъ ловецъ клѣтокъ съ учеными птицами по деревьямъ, а внизу на землѣ посыплетъ крупокъ и наставитъ сѣтку на пружинѣ, что дернешь за веревочку, и сѣтка прикроется, и попадется довѣрчивая пичужка; иной ловецъ ухитрится еще для приманки пріучить какую нибудь птицу, чтобы она вокругъ да около сѣтки полетывала да подсвистывала, да подманивала своихъ свободныхъ товарокъ, да зазывала послѣднихъ подъ пагубную сѣтку въ ненасытныя руки хозяина. А тамъ, какъ наловитъ ловецъ птицъ достаточно, понасажаетъ ихъ въ клѣтки, да и сынишку-то своего къ тому же дѣлу приспособитъ и пойдетъ въ Петербургъ торговать своимъ живымъ товаромъ. И чижъ, и малиновка, и чиж... кипаръ лѣсной, и сойка— все у него «птица пѣвчая» и все покупается съ охотою равною, по нуждѣ человѣка имѣть всегда подъ рукою такое существо, о которомъ приходилось бы заботиться. Въ Благовѣщеніе не брезгаетъ ловецъ никакою уже птицею, а иной мастакъ наготовитъ на этотъ случай и ручныхъ птицъ, обученныхъ, и продаетъ ихъ на выпускъ; покупаетъ узниковъ русскій человѣкъ, выпускаетъ ихъ на волю, а того не знаетъ, что ученая птичка только на время улетитъ отъ своего хозяина и затѣмъ, посидѣвши на крышѣ, снова вернется въ клѣтку для новой эксплоатаціи добраго сердца русскаго человѣка.

Есть и еще одинъ чисто уже подстоличный промыселъ, который также не малые заработки даетъ тому крестьянину, которому посчастливилось поселиться невдалекѣ отъ бойкаго города.

Захотѣлось и барину медвѣжьею охотою заняться, захотѣлось и ему попробовать свою ловкость на сильномъ звѣрѣ, то въ бою одинъ на одинъ въ берлогѣ, то иначе какъ нибудь. Отозвался на эту потребность находчивый и спохватливый крестьянинъ подстоличный и вмѣсто того, чтобы съ плохою одностволкою своею, рогатиною и топоромъ самому выходить на звѣря, онъ умомъ раскинулъ и сообразилъ, что лучше ему живьемъ продать звѣря подъ чужую пулю, благо въ городѣ не мало досужихъ людей, которымъ не время самимъ отыскивать по лѣсу медвѣжью берлогу, а куда пріятнѣе пріѣхать на готовенькое — остановись да пострѣливай. Какъ только ляжетъ звѣрь въ лёжку, такъ и пошелъ обходчикъ въ обходъ по окрестнымъ лѣсамъ и приглядывается, гдѣ именно легъ звѣрь; примѣтить такое мѣсто нетрудно — паръ изъ-подъ снѣга отъ дороднаго звѣря идетъ и ошибиться тутъ никакъ нельзя, да притомъ и опытность тоже что нибудь да стоитъ. Узналъ наконецъ обходчикъ доподлинно то мѣсто, гдѣ находится берлога, заложилъ лошадку, да и махнулъ въ Питеръ къ знакомому барину или въ какую нибудь охотничью компанію, взялъ за сказъ рублей 25 — 30 и сообщилъ, что знаетъ берложное мѣсто; тутъ еще его дѣло не кончается и за ту же цѣну обязанъ онъ «навести» охотниковъ въ условленный день. Сборы охотничьи не долги! глядишь — и прибыла веселая компанія въ подстоличное село; поужинали охотники чѣмъ Богъ послалъ, да подъ утро и двинулись въ путь «по обойденному звѣрю». Чуть не точка въ точку, къ восходу солнечному попадаютъ охотники къ мѣсту, гдѣ легъ звѣрь на покой, а собаченка, что на всякій случай захватили они съ собою, давно уже топорщится, таращится и дрожитъ вся отъ близости страшнаго лѣснаго помѣщика. Подошли, заняли мѣста, да и стали собаченку науськивать, чтобы надъ самою берлогою потявкала и разбудила Михайлу Ивановича; подбѣжала, нюхнула снѣгъ, тявкнула, а въ отвѣтъ на ея назойливость изъ-подъ снѣга раздается недовольное рычаніе обезпокоеннаго звѣря; снова затявкалъ песъ, пхнулъ охотникъ рогатиной въ берлогу, и надъ снѣгомъ съ рыкомъ высовывается страшная голова. Не всегда тутъ дѣло счастливо кончается, да видно охота — пуще неволи, и лѣзетъ человѣкъ на опасность, да еще за это и деньги платитъ — только поставь его лицомъ къ лицу съ звѣремъ. Рѣдко однако выходитъ звѣрь цѣлымъ изъ неравнаго боя физической силы съ усовершенствованными орудіями истребленія и обыкновенно падаетъ подъ пулею дорогаго штуцера. Опять забота обходчику: бѣги на село, запрягай пару, а то и больше коней, смотря по дорогѣ, и возвращайся на «пріемъ» звѣря; взвалятъ бѣднягу на роспуски, да и направятся обратно во свояси; тутъ опять обходчику нажива: семейскіе господъ поздравляютъ, чаи получаютъ, а самому ему навѣрняка быть отъ господскаго даровѣго вина въ лёжку пьянымъ. И не вѣсть на сколько ладовъ ухитряется подстоличный житель кормиться отъ большаго города, да все, видно, «не въ коня кормъ», такъ живетъ онъ бѣдно и куда не казисто — великъ, видно, соблазнъ столичный, много, видно, трактировъ и питейныхъ на его пагубу понастроено.

Есть и еще вблизи отъ столицы особые, и по происхожденію своему, и по быту, и по нравамъ жители, которые такъ особнякомъ совсѣмъ и живутъ въ своихъ селахъ отъ окрестнаго населенія и чураются его, какъ чего-то нечистаго, благо самимъ имъ живется хорошо и привольно. Еще въ царствованіе императрицы Екатерины II запало въ голову русскимъ администраторамъ, что недурно бы было показать русскому человѣку примѣръ, какъ слѣдуетъ обращаться съ землею, какъ ее надо обработывать, и этимъ примѣромъ побудить крестьянина къ успѣху и прогрессу въ земледѣліи; задумано — сдѣлано, а для того, чтобы заманить безземельныхъ и голодавшихъ у себя въ отечествѣ нѣмцевъ, порѣшили дать имъ разныя права и привилегіи — только живи въ свое удовольствіе, да поучай нашихъ недоумковъ. И при великой царицѣ и въ разное другое время много голоднаго люда набралось въ Россію изъ разныхъ частей Германіи; пришельцы шли на даровыя земли, на большія льготы, съ твердымъ сознаніемъ собственнаго своего достоинства и съ презрѣніемъ къ будущимъ ученикамъ своимъ. Такимъ-то образомъ образовались всѣ приволжскія колоніи, таврическія, бессарабскія, а также и тѣ, которыя расположены

вокругъ Петербурга; эти послѣднія расположены по Невѣ (Саратовская колонія), близъ Царско-сельской желѣзной дороги (Средняя Рогатка и другія), близъ Варшавской и Балтійской желѣзныхъ дорогъ (Петергофская, Ораніенбаумская и Кронштадтская колоніи). Надѣлъ колонистовъ землею очень значителенъ, да кромѣ того колонисты ухитряются еще пріобрѣсти въ собственность нѣсколько десятковъ десятинъ земли, благо земля дешева и никто за нею не гонится. Кромѣ того, что колонисты охотно отдаютъ свои дома подъ дачи тѣхъ петербуржцевъ, которые ищутъ лѣтомъ вольнаго воздуха, они зарабатываютъ хорошія деньги, благодаря своему особенному умѣнью выращивать картофель; картофельные посѣвы колонистовъ очень значительны, да и сѣмена у нихъ лучше тѣхъ, что употребляются нашими русскими и финскими крестьянами, а потому и покупаются въ столицѣ дороже и охотнѣе. Никакими другими промыслами колонисты не занимаются, никого земледѣлію не обучаютъ, всячески сторонятся отъ русскихъ и финскихъ своихъ сосѣдей и наживаютъ лишь сами, не принося ровно никакой пользы той державѣ, которая ихъ

Повѣнецъ съ юго-западной стороны.

гостепріимно пріютила и одарила всякими исключительными правами. Нуждаясь въ рабочихъ, колонисты всегда рады принять въ свой домъ рабочую силу, а потому и откликаются съ радостью на высказавшуюся въ столицѣ потребность куда нибудь дѣвать тѣхъ незаконнорожденныхъ дѣтей, которыя являются здѣсь тысячами на свѣтъ Божій. И воспитательный домъ, и частные люди по сговору, и притомъ послѣдніе въ особенности часто, отдаютъ несчастныхъ дѣтей на выкормку колонистамъ; тѣ воспитываютъ ихъ и затѣмъ пользуются ихъ даровымъ трудомъ, не обращая вниманія на ихъ усталь и на ихъ недосиліе. Тысячи этихъ дѣтей разсыпаны по всѣмъ колоніямъ подстоличнымъ и несутъ тяжкую работу на своихъ пріемныхъ отцовъ и матерей, не въ примѣръ болѣе тяжкую, нежели та, которую исполняютъ родныя дѣти, желанныя и жалѣемыя въ качествѣ своего, роднаго.

Недалеко пришлось человѣку ходить за матеріаломъ, изъ котораго построенъ Петербургъ, вымощены его улицы и сложены его тротуары; природа словно въ особину позаботилас о томъ, чтобы весь строительный матеріалъ былъ здѣсь подъ рукою, чтобы и кирпичъ могъ человѣкъ изготовлять невдалекѣ, чтобы булыжникъ годный чуть не валялся подъ ногами, чтобы плитняку было вволю на всю его ненасытную потребу, на всякую подѣлку. Рѣки пролагаютъ себѣ близъ столицы путь среди глинистыхъ береговъ, а песокъ тоже подъ рукою имѣется и на грѣхъ покрываетъ собою даже тѣ земли, которыя съ барышомъ могли бы быть обработаны подъ пашню и могли бы съ избыткомъ вознаградить труды земледѣльца. Нельзя было не воспользоваться этимъ обиліемъ глины и песку, а потому мы и видимъ, что вся система Невы застроена кирпичными заводами, приготовляющими сотни мильоновъ штукъ кирпича на безъисходныя нужды все шире и выше раздвигающагося города. Чуть подашься на сѣверъ отъ Невы, какъ встрѣтишь гранитныя скалы и эрратическіе валуны, изъ которыхъ, однако, послѣдніе далеко заходятъ и на югъ, покрывая собою поля и доставляя превосходный матеріалъ

для мостовыхъ и шоссе. На лѣвомъ берегу Невы, въ одной изъ террасъ уступами поднимающейся отъ долины рѣки суши, богатыми пластами лежитъ тотъ плитнякъ, который идетъ и на троттуары, и на лещадки лѣстницъ; плитнякъ этотъ знаменитъ легкостью своей добычи и обработки и извѣстенъ въ продажѣ подъ названіемъ Путиловскаго, хотя далеко не весь происходитъ изъ знаменитыхъ Путиловскихъ ломокъ и является въ продажу въ разныхъ сортахъ и разныхъ достоинствъ. Тутъ по близости стоитъ и знаменитая «Красная сосна», подъ которою Петръ провелъ свою послѣднюю ночь передъ взятіемъ Петербурга, а Россія послѣднюю ночь передъ своимъ возрожденіемъ къ новой жизни.

Но кромѣ этихъ грубыхъ матеріаловъ, есть чѣмъ и еще похвастаться Озерной области по части ископаемыхъ и именно на этотъ разъ уже гораздо болѣе благороднымъ и драгоцѣннымъ. Прежде всего слѣдуетъ отмѣтить тѣ мраморы, яшмы и порфиры, которые только развѣ на одной Руси не прославились, а за границею давно уже извѣстны и считаются по добротности и красотѣ вторыми послѣ Каррарскихъ мраморовъ. Едва лишь путникъ является въ Петрозаводскъ, какъ къ нему начинаютъ являться разныя личности съ предложеніемъ пріобрѣсти на память по этомъ мѣстѣ или полную коллекцію мраморовъ въ плиткахъ, или же какую нибудь неуклюжую вещь, выточенную изъ мрамора, художникомъ-самоучкою по плохому, некрасивому и устарѣвшему рисунку. Во времена оны, когда еще строился Исаакіевскій соборъ, былъ таки, признаться, спросъ на эти мраморы, такъ какъ строители-архитекторы не могли не оцѣнить пластическихъ качествъ и красоты рисунка этихъ ископаемыхъ богатствъ Озерной области; ясно, что усиленный спросъ долженъ былъ сгруппировать на самомъ мѣстѣ добычи населеніе, а потому и оказалось, что Тивдія, лежащая всего въ нѣсколькихъ верстахъ отъ сѣвернаго берега Онежскаго озера и означаемая почему-то на картахъ подъ именемъ ничего незначащей «Тивунны», оказалась весьма густо населенною цѣлою массою рабочихъ, кормившихся отъ мраморотеснаго дѣла; но соборъ выстроили, нужды въ большомъ количествѣ мрамора болѣе уже не предстояло, а потому и осталось цѣлое населеніе безъ куска хлѣба: спроса на ихъ производство болѣе не было, а отъ тѣхъ производствъ, которыя дѣйствительно могли кормить ихъ, они отстали и никакими судьбами не могли взяться за дѣло, которое перестало быть ихъ роднымъ дѣломъ, отъ котораго они были отвлечены временнымъ капризомъ и модою. Въ настоящее время всѣ мраморныя ломки принадлежатъ казнѣ, которая, однако, не получаетъ отъ нихъ ровно никакого дохода, и притомъ не потому, что никому онѣ не нужны, а лишь вслѣдствіе полнаго отсутствія торговопромышленной инициативы среди русскихъ. Только и барышуются еще немного несчастные мраморотесы отъ тѣхъ заѣзжихъ, стороннихъ людей, которыхъ судьба случайно заброситъ въ Петрозаводскъ и которые покупаютъ мраморныя издѣлія въ качествѣ курьеза и рѣдкости; да, по правдѣ сказать, и не особенно охотно покупаются эти издѣлія, такъ какъ способы обработки ихъ самые первичные: деревянныя пилы до сихъ поръ еще не замѣнены стальными, отдѣлка вещей самая грубая, новыхъ моделей не бываетъ никакихъ, все дѣлается по исконной, допотопной трафареткѣ, а потому и не можетъ быть особенно большой охоты къ покупкѣ и только развѣ чувство сострадація и дешевизна могутъ побудить проѣзжаго купить какую нибудь спичечницу или пепельницу, сдѣланныя изъ того же шокшинскаго порфира (кварцита), изъ куска котораго, подареннаго русскимъ императоромъ Франціи, послѣдняя устроила саркофагъ Наполеону I въ домѣ Инвалидовъ. Еще недавно случилось, что провѣдали про мраморныя сокровища Озерной области иностранцы; тотчасъ же составилась за границею акціонерная компанія, которая, явившись въ Петербургѣ, предложила предоставить ей разработку Тивдійскихъ и Шокшинскихъ ломокъ съ тѣмъ условіемъ, что она обязуется выплачивать въ казну по 1 коп. съ каждаго добываемаго ею пуда мрамора; спачала было согласились на это предложеніе, но скоро въ дѣло стали вмѣшиваться разныя вѣдомства, и французы должны были прекратить разработку и уѣхать восвояси, получивъ довольно значительную сумму денегъ въ качествѣ отступнаго, оговоренную ими весьма предусмотрительно въ контрактѣ.

Мраморныя богатства Озерной области и въ особенности въ Олонецкой губерніи чрезвычайно разнообразны, такъ какъ насчитываютъ 31 сортъ мраморовъ и порфировъ, извѣстныхъ доселѣ и рѣзко различающихся другъ отъ друга; если затѣмъ принять во вниманіе всѣ разновидности и переходныя формы, то число сортовъ достигнетъ гораздо большихъ размѣровъ. Для того, чтобы дать читателямъ хотя нѣкоторое понятіе о томъ, какъ богата въ этомъ отношеніи хотя бы лишь одна Тивдія и ея окрестности, мы укажемъ здѣсь на ломки, существующія въ ней и близъ нея, въ надеждѣ, что съ теченіемъ времени спохватится русскій человѣкъ и захочетъ обратить вниманіе на то золото, которое онъ безсмысленно топчетъ ногами, не понимая всего значенія попираемаго имъ богатства. Въ самой большой Тивдійской горѣ залегаютъ семь сортовъ мрамора; съ восточной стороны ея, въ первой же брекчіи, залегаетъ свѣтлокрасный мраморъ огромною стѣною, возвышающеюся на 12 саженъ въ вышину надъ поверхностью земли. Тутъ же ломаютъ мраморы: жильный, темнокрасный и чернобровый, изъ которыхъ въ особенности красивъ послѣдній, неимѣющій себѣ подобнаго нигдѣ въ другомъ мѣстѣ. Всѣ эти ломки отстоятъ отъ бывшаго казеннаго тивдійскаго завода всего на какихъ нибудь 50 саженъ; сорта здѣсь, вслѣдствіе своей пористости, крайне пластичны, хотя и крѣпки и отдѣльныя штуки ихъ встрѣчаются величиною въ аршинъ, исключая чернобровaго, куски котораго еще никогда не попадались свыше 6—8 вершковъ; ясно, что вслѣдствіе этого чернобровый мраморъ цѣнится весьма высоко и обработывается только лишь по особому заказу. Изъ свѣтлокраснаго и жильнаго мрамора дѣлались прежде подоконники для Зимняго Дворца въ Петербургѣ, а также и колонны и внутреннія украшенія въ Исаакіевскомъ соборѣ, а изъ чернобровaго — мелкія издѣлія. Во второй брекчіи той же Тивдійской горы, всего лишь въ 200 саженяхъ отъ бывшаго завода, залегаетъ опять же высокою стѣною бѣлогорскій свѣтлокрасный мраморъ, куски котораго встрѣчаются величиною до 6 арш.; онъ отличается отъ большегорскаго тивдійскаго свѣтлокраснаго же мрамора тѣмъ, что мягче послѣдняго и болѣе легко поддается обработкѣ; въ тѣ блаженныя времена, когда тивдійскій казенный заводъ былъ въ ходу, изъ него дѣлали подоконники для Зимняго Дворца. Съ сѣверной стороны горы находится залежь, въ видѣ небольшаго кряжа, такъ называемаго свѣтлокраснаго отрывистолеиточнаго мрамора, а въ 300 саженяхъ отъ завода разрабатывался еще шпатовый съ бѣлокрасными пятнами мраморъ, залегающій также весьма высокою стѣною, но въ виду того, что его никогда не удавалось находить кусками больше 6 вершковъ, — онъ употреблялся лишь для выдѣлки небольшихъ чашъ и пьедесталовъ. Наконецъ въ той же самой мѣстности залегаетъ стѣною въ 5 саженъ вышины красногорскій красный мраморъ, который отличается своею необычайною мягкостью и употреблялся въ кускахъ до $1^1/_2$ арш. величиною для выдѣлки разнаго рода мелкихъ вещей. Кромѣ этихъ чисто тивдійскихъ мраморовъ, намъ извѣстны еще: гажноволоцкій синеватый мраморъ, кривозерскій свѣтлокрасный мраморъ съ темнокрасными прожилками, залегающій кряжемъ на берегу Кривозера, рабочепаволоцкій свѣтлокрасный мраморъ, извѣстный на мѣстѣ подъ именемъ «ординарнаго», соломенскій темнозеленоватый мраморъ, находимый на берегу Соломенскаго пролива, ведущаго изъ Логмозера въ Соломенскую губу Онежскаго озера; пергубскій свѣтлокрасный мраморъ, залегающій близъ селенія Пергуба Повѣнецкаго уѣзда, шокшинскій красный порфиръ на югозападномъ берегу Онежскаго озера, между почтовыми станціями Шолтозерскою и Шокшинскою; нигозерскій аспидъ, залегающій на берегу Нигозера слоями въ ямахъ и встрѣчающійся плитами въ $2^1/_2$ арш. длины и 1 арш. ширины, хрупкій и крайне высокій по своимъ качествамъ, и многіе другіе еще мраморы, въ особенности по западному и сѣверному побережьямъ Онежскаго озера. Все это громадное богатство ждетъ капитала, труда и энергіи и, конечно, сторицею вознаградитъ того человѣка, который захочетъ приложить все это къ добычѣ мраморовъ и другихъ цвѣтныхъ камней въ Озерной области.

Вся сѣверная часть Озерной области покрыта грядами холмовъ, по преимуществу неизвѣстныхъ подъ какимъ бы то ни было именемъ и идущихъ въ главномъ направленіи отъ сѣ-

верозапада къ юговостоку. Рѣшительно всѣ эти горныя возвышенности, состоя главнымъ образомъ изъ гранита, представляютъ необыкновенно дикій и вмѣстѣ съ тѣмъ красивый видъ, напоминающій тѣ картины природы, которыя у насъ принято называть «финскими». Обнаженія въ уѣздѣ состоятъ преимущественно изъ кристаллическихъ сланцевъ, а за ними количественно слѣдуютъ гранитъ и отдѣльныя партіи діорита; сланцевыя породы до крайности разнообразны въ своихъ формахъ и изслѣдователю зачастую попадаются то известковотальковый, то хлористый, то слюдистый, то желѣзослюдистый, то кварцевый песчаникъ, а также и нѣкоторыя эпидотовыя породы; эти послѣднія здѣсь такъ обыкновенны и распространены до такой степени повсемѣстно, что ихъ вполнѣ основательно можно считать господствующими на сѣверѣ Озерной области породами; дѣло въ томъ, что онѣ проявляются здѣсь то въ видѣ кварца и эпидота или эпидозита, то въ видѣ смѣси лучистаго камня, роговой обманки, эпидота и альбеста. Главнѣйшее развитіе хлористаго сланца находится въ Повѣнецкомъ уѣздѣ, между древнею Лумбошею и Паданскимъ погостомъ; на границѣ своего распространенія порода эта перемежается обыкновенно съ пластами кварцеваго песчаника, а на западѣ она заходитъ до самой Финляндіи. Тальковый и слюдяный сланцы существуютъ здѣсь лишь въ небольшихъ залежахъ и зачастую переходятъ въ песчаникъ или гранитъ. Кварцевый песчаникъ и эпидотъ покрыты иногда діоритомъ и кое-гдѣ образуютъ довольно высокіе горные гребни. Гораздо чаще и на гораздо большемъ пространствѣ, нежели діоритъ, встрѣчается здѣсь гранитъ, который или самъ по себѣ, или въ смѣси съ гнейсовыми породами, точно такъ же, какъ и въ сосѣдней Финляндіи, образуетъ значительные горные кряжи, тянущіеся въ особенности на сѣверномъ берегу Онежскаго озера.

Понятное дѣло, что такое строеніе страны издавна обусловливало занятіе руднымъ дѣломъ. Древніе обитатели края, чистые Карелы и «Карельскія дѣти» или одноплеменные съ ними финскіе народы, оставившіе по себѣ память въ курганахъ и, такъ называемыхъ, «городкахъ», конечно, долго не обращали никакого вниманія на минеральныя богатства страны, но тѣмъ не менѣе все же раньше другихъ взялись за это дѣло; въ то время, какъ сосѣдніе съ русскими насельниками Финны изготовляли уже изъ своего желѣза стрѣлы, копья и мечи, которыми и производили торговлю, приписывая въ своихъ сагахъ изобрѣтеніе желѣза богамъ, между Карелами такъ называемыхъ Лопскихъ погостовъ начало́ развиваться приготовленіе желѣзныхъ укладовъ прямо изъ необработанной руды; скоро образовались на мѣстѣ добычи небольшіе лопскіе заводцы, на которыхъ въ сыродутныхъ печахъ обрабатывались желѣзныя крицы. Вѣроятнѣе всего, что искусство это перешло къ лопскимъ Кареламъ отъ сосѣдей ихъ Финновъ. Черезъ нѣсколько времени Карелы стали уже поставлять винтовки и снаряды для поморовъ и вообще для жителей Архангельской и Олонецкой губерній. До сихъ поръ еще во многихъ мѣстахъ, въ сѣверной части Озерной области, какъ напримѣръ въ приходахъ: Ребольскомъ, Семчезерскомъ, Ялгозерскомъ и Опежанскомъ, можно видѣть еще ямы и насыпи отъ рудныхъ разработокъ, предпринимавшихся Карелами. Въ Семгозерѣ почти во всякой деревнѣ находилось по нѣскольку кузницъ, которыя выдѣлывали уклады и желѣзо, съ успѣхомъ замѣнявшіе сталь и продававшіеся по 2 и даже по 3 р. за пудъ. Мѣстное преданіе Озерной области утверждаетъ, что еще при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ наѣзжалъ въ Шуйскій погостъ, Петрозаводскаго уѣзда, къ которому приписанъ былъ нынѣшній Петрозаводскъ, называвшійся въ то время «мельницею, что пониз рѣки Лососинки», царскій посланецъ «отъисканія ради мѣстъ рудныхъ». Изъ актовъ, сохранившихся въ бывшей Олонецкой воеводской канцеляріи, мы видимъ, что народъ вполнѣ безошибочно опредѣляетъ время возникновенія руднаго дѣла въ Озерной области, такъ какъ царь Алексѣй Михайловичъ писалъ въ 1666 году «по городамъ стольникамъ и воеводамъ», что «пошелъ по государеву указу новгородскій гость Семенъ Гавриловъ, а съ нимъ плавильщикъ иноземецъ Денисъ Юрьицъ для сыску мѣдныя руды въ Олонецкій уѣздъ, къ Полвуйскую волость». Какъ всегда, по общепринятому на Москвѣ обыкновенію,

денегъ, конечно, развѣдчику не дали ни гроша, а написали только распоряженіе о томъ, что ему Семену къ тому рудокопному дѣлу на покупки и на всякіе расходы денегъ и иныхъ запасовъ, и подводъ подъ всякіе запасы и цѣловальниковъ, и иныхъ какихъ мастеровыхъ людей и толмачей понадобитца, и то велѣно ему давать въ Великомъ Новѣгородѣ и на Олонцѣ». Понятное дѣло, что вмѣстѣ съ тѣмъ предписывалось, въ случаѣ какихъ либо требованій со стороны Гаврилова, чтобы воеводы исполняли эти требованія его «безъ всякаго мотчанія, чтобы у него тому рудокопному дѣлу мѣшкоты и помѣшки ни за чѣмъ не было». Легко было все это предписывать изъ Москвы, но далеко не легко было добиться того, чтобы начальные московскіе люди серьезно отнеслись къ царскому указу и выполнили его въ точности. Долго трудился Гавриловъ, цѣлыхъ семь лѣтъ употребилъ онъ на розыскиваніе руды, и только уже въ 1673 году снова наталкиваемся мы на царскій указъ, видимо вызванный его донесеніями съ мѣста дѣйствій. Оказалось между прочимъ, что Гавриловъ сильно терпѣлъ отъ того, что русскіе людишки, набранные имъ въ розыскную партію, мало способны къ рудному дѣлу и потому, доведенный разными неудачами до отчаянія, Гавриловъ просилъ дозволить ему послать въ сосѣднюю Швецію за знающими людьми; царь, сверхъ всякаго ожиданія, отнесся крайне сочувственно къ дѣлу и разрѣшилъ все то, о чемъ видимо просилъ его Гавриловъ. «Надобны», пояснялъ Алексѣй Михайловичъ въ своей граматѣ, — «рудокопному дѣлу мастеровые люди изъ за рубежа, и для тѣхъ мастеровыхъ людей ѣздить въ Свею за рубежъ тайнымъ обычаемъ олончанину посадскому человѣку Дмитрію Артемьеву, да цѣловальники самые добрые надобны Антонъ Калининъ сынъ Поповъ, Иванъ Филимоновъ сынъ Меньшой, да надобно дороги вычистить отъ горы до плавильни версты съ полторы». Зная напередъ, какъ неохотно вообще поворачиваются воеводы, царь приказывалъ вмѣстѣ съ тѣмъ «противу сего все выполнить, не отписываясь къ намъ великому государю ничѣмъ; а дорогу у рудокопнаго дѣла отъ горы до плавильни велѣть вычистить сошными людьми тотчасъ». Конечно, ни воеводѣ, ни другимъ начальствующимъ лицамъ не могло нравиться, что какой-то Гавриловъ прямо сносится съ царемъ и какъ бы имъ самимъ пишетъ указы; дѣлать однако было нечего — царь слишкомъ близко къ сердцу принялъ рудокопное дѣло на Олонцѣ и придраться къ самому Гаврилову не было рѣшительно никакой возможности, такъ какъ этотъ хитрый новгородецъ самъ, видимо, зналъ, съ кѣмъ имѣетъ дѣло, и не давалъ никакого повода къ придиркамъ. Случилось однако, что Гавриловъ долженъ былъ за чѣмъ-то отлучиться по государеву указу въ Москву и въ 1673 году увѣдомилъ тогдашняго воеводу боярина Богдана Ордина-Нащокина, что онъ оставляетъ на Олонцѣ «въ свое мѣсто» цѣловальника «Мартемьянку Падорина съ товарищи». Видимо Падоринъ не былъ такъ умѣлъ, какъ Гавриловъ, въ сношеніяхъ съ мѣстнымъ начальствомъ, да вѣроятно и царь уже не съ такимъ вниманіемъ слѣдилъ за рудокопнымъ дѣломъ, будучи отвлеченъ отъ него чѣмъ-нибудь инымъ, такъ какъ, когда въ томъ же году Падорину встрѣтилась надобность въ деньгахъ и пришлось обратиться къ Нащокину за деньгами, то воевода, не привыкшій получать не низкопоклонныя отписки отъ своихъ подчиненныхъ, разразился руганью, жаловался на Падорина и достигъ того, что его изругали изъ Москвы и били даже батогами за неумѣлость обращаться съ высокопоставленными людьми. Разъ утвердились такія отношенія между народомъ и главнымъ начальствомъ края, судьба рудознатнаго дѣла была рѣшена и дѣло самое должно было ждать поры и времени.

Время это настало, когда въ 1702 году прибылъ на Лососинку великій Петръ. Достаточно было ему взглянуть своимъ орлинымъ окомъ, чтобы понять, что здѣсь должны быть устроены заводы. Быстро закипѣла работа, царь то и дѣло посылалъ своимъ орлятамъ приказаніе торопиться, такъ какъ смертельно не долюбливалъ русской неповоротливости и мѣшкотности. Въ 1703 году Петръ снова пріѣхалъ въ нынѣшній Петрозаводскъ, но уже за тѣмъ, чтобы посмотрѣть, какъ идетъ на нихъ производство; подручный царя, которому поручено было заводское дѣло, Меншиковъ превзошелъ даже ожиданія непосѣдливаго Петра и въ этотъ же пріѣздъ

Въ пристоличномъ селѣ.

царь-труженикъ могъ самъ работать на заводѣ и отправить при себѣ съ завода пушки, сослужившія ему потомъ великую службу.

Въ Ребольской волости, въ 4 верстахъ отъ деревни Муезера, близъ озера Гидозера видны еще и до сихъ поръ развалины бывшаго здѣсь завода, который принадлежалъ крестьянину той же волости Тергуеву. По разсказамъ внука Тергуева, основателя завода, отецъ его былъ на заводѣ прикащикомъ, имѣя 20 лѣтъ отъ роду, такъ что можно разсчитать, что заводъ этотъ существовалъ около 1780 года; но скоро заводъ пришелъ въ упадокъ и наконецъ закрылся окончательно, просуществовавъ, повидимому, безъ всякаго разрѣшенія со стороны Бергъ-Коллегіи, и притомъ съ успѣхомъ дѣйствуя, благодаря значительному наплыву бѣглыхъ рабочихъ

На ярмарку въ Шунгу.

людей. Со времени Петра далеко ушло впередъ желѣзнозаводское дѣло, но петрозаводское производство какъ-то такъ и остановилось на той вышинѣ, на которую поставилъ его геніальный царь; въ то время, какъ десятки энергичныхъ людей могли бы устроить въ сѣверной части Озерной области десятки желѣзодѣлательныхъ заводовъ, нажиться, улучшить матеріальное благосостояніе края и возвысить производительную силу родины, никто не хочетъ приложить здѣсь своей энергіи и капитала и всѣ какъ-то безотрадно равнодушно относятся къ великому дѣлу. Также точно покинуты были послѣ Петра и мѣдныя руды. Послѣ пораженія подъ Нарвою, Петръ остался вовсе безъ артиллеріи; не любилъ этотъ человѣкъ долго тужить, задумываться и «сумлѣваться», какъ всегда бываетъ съ неудачливымъ въ чемъ нибудь русскимъ человѣкомъ; не смотря ни на что, повелѣно было взять со всѣхъ соборовъ и монастырей на Москвѣ и по другимъ городамъ колокола и перелить ихъ немедленно на пушки и гаубицы. Виніусъ, которому поручено было это дѣло, жаловался между прочимъ царю на то, что подъ рукою вовсе нѣтъ красной мѣди, столь потребной для пушечнолитейнаго дѣла.... Если нѣтъ, подумалъ Петръ, — надо, чтобъ была мѣдь, и вотъ посылаетъ онъ 19 февраля 1702 года цѣлую партію иноземныхъ «рудознатцевъ безъ проволочки отыскать» тре-

буемую руду. Съ Петромъ шутки были плохія, и руда, конечно, была найдена; Петръ самъ осмотрѣлъ заявки Блюэра и его партіи и самъ указалъ мѣста для закладки трехъ заводовъ: Алексѣевскаго — при озерѣ Телекинскомъ, Повѣнецкаго — при устьѣ р. Повѣнчанки, гдѣ въ тѣ времена стояла слободка Повѣнцы, и наконецъ Вичковскаго — при озерѣ Онего. Самъ царь то и дѣло искалъ новыхъ рудныхъ мѣсторожденій, и подъ сел. Лавою до сихъ поръ показываютъ мѣсто, гдѣ Петръ искалъ желѣзо и мѣдь. Устройство этихъ заводовъ окончено было очень скоро, такъ что въ слѣдующемъ же 1703 году началась уже отправка плавленой и самородной мѣди въ Москву; дѣятельность ихъ продолжалась только до 1708 года, хотя старики и разсказываютъ, что царскій дозорщикъ, Патрушевъ, съ прочими рудознатцами находился въ повѣнецкихъ странахъ еще года четыре, когда всѣхъ ихъ по царскому указу отправили въ Сибирь по рудную добычу. Въ 1707 году новые мѣдные заводы были устроены близъ Петрозаводска на Кончезерѣ, а потому за дальностью разстоянія повѣнецкіе заводы и были оставлены, и дальнѣйшее развитіе ихъ предоставлено было вполнѣ частной предпріимчивости, которая однако нисколько не удовлетворила надежды правительства, и лишь развалины доменной печи остались въ Повѣнцѣ, какъ бы въ качествѣ живаго укора потомству въ его апатіи и недостаткѣ инниціативы.

Въ первой же половинѣ прошлаго столѣтія открыто было, по преданію мѣстному, въ Повѣнецкомъ уѣздѣ и мѣстонахожденіе золота при истокѣ р. Сѣвернаго Выга изъ Выгозера; но не прошло и нѣсколькихъ лѣтъ, какъ золото стало попадаться въ породахъ значительной твердости и казна сочла для себя слишкомъ убыточнымъ производить дальнѣйшую разработку, а потому и стала вызывать желающихъ взять рудникъ въ собственное содержаніе. Понятное дѣло, что никто, какъ и слѣдовало ожидать, на этотъ призывъ не явился, и въ 1772 году казна снова принялась за разработку; опять натолкнулись на хорошее и выгодное содержаніе и снова черезъ нѣсколько времени потеряли направленіе залеганія. Такъ дѣло съ повѣнецкимъ золотомъ и кануло въ Лету, хотя, какъ видно, при началѣ каждой разработки Надвоицкаго золотаго рудника золото и попадалось въ значительномъ содержаніи и хотя донесенія о совершенной убыточности жилы никогда не провѣрялись точнымъ и вполнѣ научнымъ изслѣдованіемъ знающихъ людей. Въ этомъ дѣлѣ, словно не зная, съ кѣмъ она имѣетъ дѣло, казна надѣялась на частную предпріимчивость, а частная предпріимчивость только и существовала въ то время здѣсь, какъ и во многихъ другихъ мѣстахъ на Руси, благодаря плодотворному и чудесному вліянію классической Петровой дубинки.

Единственнымъ кореннымъ мѣсторожденіемъ золота относительно Олонецкой губерніи должно быть признано то, которое находится въ деревнѣ Надвоицкой на р. Сѣверномъ Выгѣ, гдѣ драгоцѣнный металлъ этотъ встрѣчается какъ въ видѣ золотосодержащей жилы, такъ и въ розсыпяхъ. Оказалось, что рѣка Выгъ, истекая изъ Выгозера, размыла себѣ ложе по границѣ прикосновенія хлористо-эпидотоваго діорита къ сильно кварцеватому тальковому сланцу; въ этомъ-то сланцѣ и проходитъ по простиранію его кварцевая жила, содержащая гнѣзда разныхъ мѣдныхъ рудъ, а именно: мѣднаго колчедана, пестрой мѣдной руды, мѣдной сини и зелени и жилковатаго малахита; тутъ-то среди этихъ мѣдныхъ рудъ и находимо было золото, встрѣчавшееся также и прямо въ кварцѣ мелкими блестками. Когда начинали углублять развѣдки, то всегда неизмѣнно оказывалось, что, по мѣрѣ углубленія развѣдки, жила бѣднѣла золотосодержаніемъ. Конечно, фактъ этотъ долженъ былъ обезкураживать развѣдчиковъ, которымъ не было извѣстно, что въ Чехіи, на югѣ отъ Праги, близъ Эйле былъ наблюдаемъ совершенно тожественный фактъ: богатая по содержанію золотоносная жила съ углубленіемъ постепенно истощалась, между тѣмъ какъ по близости была открыта новая въ Пржибрамѣ. Достойно вниманія то обстоятельство, что, кромѣ вышеупомянутой золотосодержащей мѣстности, въ другихъ мѣстахъ не было открыто золотоносныхъ жилъ, тогда какъ кварцевыя жилы весьма постоянные спутники, какъ діоритовъ съ ихъ многоразличными разностями и разновидностями, такъ и въ одноименныхъ этимъ по-

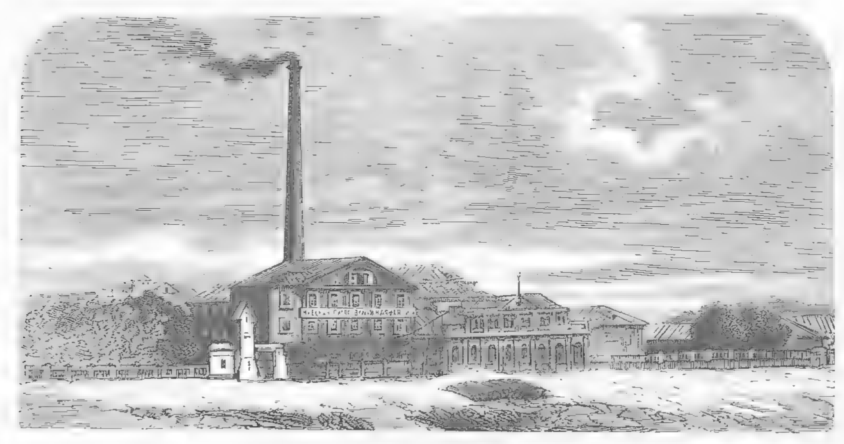
слѣднимъ горныхъ породахъ и наконецъ въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ діоритами; слѣдуетъ полагать, что все это происходитъ лишь отъ того, что другія кварцевыя жилы совершенно еще не развѣданы и не изслѣдованы. Въ наукѣ, да и въ литературѣ, благодаря этому обстоятельству, утвердилось относительно кореннаго мѣсторожденія золота и его розсыпей въ Олонецкой губерніи, убѣжденіе, что эти мѣстности по отношенію къ золотымъ богатствамъ вполнѣ неблагонадежны.

Но едва ли такое мнѣніе можно считать вполнѣ доказаннымъ.

Цѣлыя массы разсказовъ и преданій сохранились въ краѣ о нахожденіи и о разработкѣ въ прошедшемъ же столѣтіи серебряныхъ рудъ въ Олонецкой губерніи. Къ сѣверовостоку отъ города Повѣнца въ старинномъ, нынѣ разоренномъ и упраздненномъ монастырѣ поморскаго толка, извѣстномъ по всей Россіи подъ названіемъ Даниловскаго, говорятъ, въ царствованіе императрицы Екатерины II гдѣ-то въ тундровыхъ мѣстахъ, много къ сѣверу отъ озера Онего, добывали серебряную руду и дѣлали изъ нея серебряные рубли по образцу государственныхъ рублей екатерининскихъ временъ. Эти даниловскіе рубли были извѣстны по всему сѣверу и ходили тамъ даже нѣсколько подороже казенныхъ, такъ какъ выдѣлывались изъ чистѣйшаго серебра; даже норвежцы признавали за даниловскими рублями ихъ превосходство и охотно принимали ихъ въ уплату за товары, а то такъ и просто покупали ихъ изъ-за барышей промѣна. Кромѣ этихъ рублей, въ той же мѣстности въ огромномъ количествѣ выдѣлывались изъ серебра и разныя другія издѣлія: кресты, створы (литыя небольшія иконы съ дверцами) или складни, пуговицы къ сарафанамъ и кафтанамъ скитницъ и скитниковъ и т. п. Этимъ ремесломъ занимались не одни лишь обитатели Даниловскаго скита, но и жители двухъ-трехъ окрестныхъ деревень, напримѣръ Тихвина Бора, Пяльмы. Впослѣдствіи, когда эта тайная выдѣлка серебряныхъ рублей и вещей, называемыхъ въ народѣ и до сихъ поръ, вслѣдствіе таинственности ихъ производства — темными, сдѣлалась извѣстна правительству, приказано было всѣхъ жителей, какъ монастырей Даниловскаго и Лексинскаго, такъ и сосѣднихъ деревень, попавшихся въ серебряномъ дѣлѣ, съ чадами и домочадцами выселить въ отдаленныя мѣстности Сибири для «удобнѣйшаго, будто бы, имъ пути къ разработкѣ столь цѣннаго металла и въ мѣстахъ, гдѣ оный въ изобиліи находится». Конечно, такой указъ былъ немедленно исполненъ, но съ этимъ выселеніемъ, однако, пропали безслѣдно и свѣдѣнія о той мѣстности, гдѣ добывалось серебро; объ этомъ-то обстоятельствѣ и не подумали люди, составлявшіе указъ впопыхахъ къ искорененію зла и въ рвеніи къ соблюденію казеннаго интереса. Говорятъ, однако, что и теперь еще иногда, изъ окрестныхъ Даниловскому монастырю деревень, нѣтъ-нѣтъ, да и появится случайно какое нибудь новое серебряное издѣліе; но весьма трудно предположить, чтобы мѣстнымъ жителямъ извѣстно было коренное мѣсторожденіе этого серебра, такъ какъ производимыя въ этой мѣстности нынѣ серебряныя издѣлія до крайности рѣдки, хотя при этомъ въ то же время и сравнительно малоцѣнны, заключая въ себѣ значительную подмѣсь мѣди. Гораздо болѣе вѣроятно мнѣніе г. Иностранцева, что нынѣшнія издѣлія вокругъ Данилова приготовляются изъ находимыхъ тамъ старинныхъ серебряныхъ вещей переливомъ въ новыя формы. Во время нашего странствованія по Выгу, намъ самимъ пришлось видѣть у одного изъ даниловскихъ выходцевъ серебряный рубль даниловской чеканки, который рѣшительно ничѣмъ не отличается отъ казенныхъ екатерининскихъ рублей; старинныя издѣлія изъ даниловскаго серебра отличаются своею высокопробностью и сдѣланы обыкновенно крайне отчетливо и искусно. «Голь на выдумки хитра», говоритъ русская пословица, и въ подѣлкѣ литыхъ серебряныхъ вещей въ Даниловѣ она вполнѣ оправдывается, такъ какъ способъ, употреблявшійся для отливки какъ рублей, такъ и иныхъ вещей, хотя и незамысловатъ, но крайне остроуменъ. Для отливки брали обыкновенно березовые наросты или, такъ называемый, березовый грибъ, разрѣзали его пополамъ, размачивали въ горячей водѣ, затѣмъ клали между половинками оригиналъ, рубль или вещь, складывали вмѣстѣ половинки, накрѣпко перевязывали ихъ бечевкою и затѣмъ высушивали опять грибъ въ печи; по вынутіи модели изъ

половинокъ, снова накрѣпко перевязывали образовавшуюся такимъ образомъ форму веревкою, просверливали сбоку дырочку и вливали въ нее расплавленный металлъ. Тѣ формы, которыя приходилось намъ видѣть, обладали такою крѣпостью, что едва уступали каменнымъ.

Точно такъ же поступали даниловскіе литейщики и для выдѣлки мѣдныхъ вещей. Намъ случалось часто встрѣчать въ домашнемъ быту крестьянъ складни превосходной работы и притомъ даже съ ажурными серебряными украшеніями. Всѣ почти жители сѣверныхъ уѣздовъ Олонецкой губерніи, всякое крестьянское хозяйство обладаетъ прекрасною мѣдною посудою, которая вся явилась къ нимъ изъ Данилова монастыря, а мы все горюемъ, что мѣдные рудники Олонецкой губерніи слишкомъ бѣдны и не стоятъ разработки; дѣло въ томъ, что до сихъ поръ не удалось еще узнать, гдѣ добывались даниловскія серебро и мѣдь, а если бы только это мѣсто нахожденія было извѣстно, то конечно не пришлось бы раскаиваться въ большихъ затратахъ на устройство мѣднаго завода. Мы постоянно слышали отъ даниловскихъ стариковъ, что даже во времена ихъ юности изъ Данилова, Лексы и другихъ сосѣднихъ селеній ежегодно отпускалось «въ Русь» до 500 пудовъ разныхъ мѣдныхъ издѣлій.

Зданіе писчебумажной фабрики Варгуниныхъ.

Такимъ образомъ, благодаря несовершенству изысканій, случайностямъ и инымъ причинамъ, скорые на рѣшеніе люди пришли теперь къ убѣжденію, что серебра въ Озерной области мало и добывать его не стоитъ, мѣдь добывать, пожалуй, и можно, да тоже не стоитъ овчинка выдѣлки и игра свѣчей, а по скудному содержанію магнитнаго желѣзняка и желѣзнаго блеска въ діоритахъ и глинистыхъ сланцахъ, порѣшили, что и всѣ доселѣ изслѣдованныя коренныя мѣсторожденія желѣзныхъ рудъ должны быть признаны нестоящими разработки и затратъ. Русскій человѣкъ отлично понялъ, что отсутствіе энергіи и почина губятъ цѣлыя сокровища въ Озерной области, и воззрѣніе свое на этотъ фактъ выразилъ въ крайне интересной и остроумной легендѣ, которую мы приведемъ здѣсь цѣликомъ. «Въ прежніе годы», разсказывали намъ въ Обонежьѣ, — «много было въ нашихъ мѣстахъ и золота, и серебра, да теперь-то ужь не знаютъ, гдѣ они лежатъ и попрятаны. Давались они въ руки нашимъ, да сплоховали, опростоволосились. Шла разъ по губѣ мимо наволока (высокій мысъ) лодка съ народомъ, а по берегу на встрѣчу ей мужичекъ идетъ, да такъ-то на кіёкъ-то гнется отъ тяготы — очень ужь тяжелъ старикъ да грузенъ. «Возьмите меня въ лодку, люди добрые!» запросилъ старикъ, а ему въ отвѣтъ изъ лодки: «намъ и такъ трудно справляться на̀водь (противъ воды), а тутъ тебя еще стараго брать съ собою».—«Понудитесь малость, возьмите меня въ лодку — большую корысть наживете!» опять взмолился старикъ, а рыбаки все его не берутъ. Долго просилъ старикъ взять его въ лодку — такъ и не допросился.

«Ну, хоть батожокъ мой возьмите—очень ужь тяжелъ—не по мнѣ». — «Станемъ мы изъ-за твоего батога дряннаго къ берегу приставать!» отвѣчаютъ съ лодки. Бросилъ тутъ старикъ батожокъ свой ó земь—онъ и разсыпался весь на арапчики-голландчики, а самъ старикъ ушелъ въ щельё отъ грузности и щельё за нимъ затворилось. Ахнули тутъ на лодкѣ-то, да поздно за умъ схватились: и давалось имъ счастье въ руки, да сами отъ него отбились, отказались.»

А между тѣмъ стоило бы обратить вниманіе на минеральныя богатства Озерной области. Прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что весь Олонецкій въ особенности край представляетъ громадный запасъ вполнѣ уже готоваго матеріала,—озерныя и болотныя желѣзныя руды, которыя представляютъ собою наиболѣе удобный и выгодный для обработки видъ желѣза. Къ сожалѣнію, до сихъ поръ не было еще сдѣлано особыхъ спеціальныхъ изслѣдованій этого сорта руды, но уже самый фактъ существованія для обработки ея нѣсколькихъ казенныхъ заводовъ и постройки частнаго завода на Святнаволокѣ, доказываетъ вполнѣ безспорно значительную пригодность озерныхъ и болотныхъ рудъ для эксплоатаціи. По частнымъ свѣдѣніямъ извѣстно, что рѣшительно почти всѣ болота и озера Озерной области, за весьма немногими исключеніями, полны этою рудою, причемъ толща ея измѣняется отъ одного вершка до полуаршина; замѣчено также, что чѣмъ меньше и мелководнѣе самое озеро, тѣмъ оно благонадежнѣе въ отношеніи оруденѣлости его вообще и богатства рудою, что руды нѣсколькихъ окрестныхъ озеръ, принадлежащихъ, такъ сказать, къ одной и той же системѣ, представляютъ другъ съ другомъ крайнее сходство, какъ по внѣшнему своему виду, такъ и по внутреннему своему составу. Въ виду того, что рудоносныя озера и болота группируются по большей части около рѣкъ, изслѣдователи пришли къ тому заключенію, что тѣ изъ нихъ, которыя находятся при истокахъ или верховьяхъ рѣкъ, всегда содержатъ руду, отличающуюся лучшими качествами, противъ тѣхъ, которыя расположены близъ нижняго теченія рѣкъ. Въ одномъ лишь Повѣнецкомъ уѣздѣ Олонецкой губерніи было сдѣлано до 1877 года 165 заявокъ на этотъ сортъ желѣзной руды, а потому и слѣдуетъ согласиться, что богатства, представляемыя Озерною областью въ этомъ отношеніи, неизмѣримы. Почти всѣ анализы, сдѣланные до сихъ поръ надъ озерно-болотною рудою, представляютъ въ своемъ составѣ окись марганца въ количествѣ отъ 0,27% до 5,25%; святнаволоцкая руда дала даже 20,18% этой окиси. Рядомъ съ окисью марганца мы встрѣчали въ этихъ рудахъ и содержаніе фосфорной кислоты въ предѣлахъ отъ слѣдовъ до 1,32%. Такія условія нахожденія руды, а именно содержанія въ ней, какъ полезной примѣси — марганца, такъ и вредной — фосфора, вмѣстѣ съ чрезвычайною легкоплавкостью этой руды и запасомъ готоваго горючаго матеріала, дѣлаютъ эту руду одною изъ наиболѣе выгодныхъ и удобныхъ для эксплоатаціи. Что касается содержанія чистаго желѣза, то оно колеблется въ озерныхъ рудахъ отъ 33,83% до 52,26%, тогда какъ болотныя руды преимуществу не обладаютъ столь богатымъ количествомъ чистаго металла. Еще недавно утверждали, что озерныя и болотныя руды, представляющія между собою полное тожество, въ виду того, что болото есть нечто иное, какъ остатки бывшаго нѣкогда на его мѣстѣ озера, происходятъ отъ дѣйствія минеральныхъ ключей, химическаго разрушенія горныхъ породъ, и дѣятельности маленькаго насѣкомаго, извѣстнаго въ наукѣ подъ именемъ желѣзистой галліонеллы; но, замѣтя, что процессъ образованія озерныхъ и болотныхъ рудъ совершается и до нынѣ, ученые должны были измѣнить свои взгляды на этотъ вопросъ и придти къ объясненію болѣе простому и въ то же время болѣе правдоподобному. Озерныя руды являются обыкновенно то въ видѣ лепешечекъ, напоминающихъ собою заржавленную монету, почему и называютъ часто эту руду денежною, то въ видѣ одной половины нѣсколько сплюснутаго шара, то наконецъ въ видѣ нѣсколькихъ образцовъ того и другаго вида, сцементированныхъ вмѣстѣ окисью желѣза; но вмѣстѣ съ тѣмъ, всегда во всѣхъ отдѣльныхъ случаяхъ, можно различить въ центрѣ каждаго отдѣльнаго зерна руды или кварцевое, или полевошпатовое зерно, а въ нѣкоторыхъ большихъ образцахъ даже куски гранита и гнейса. Исходя изъ подобнаго строенія озерныхъ

рудъ, профессоръ Иностранцевъ въ послѣднее время пришелъ къ тому заключенію, что происхожденіе ихъ зависитъ отъ чисто-механическихъ процессовъ, безъ всякаго участія живыхъ организмовъ въ дѣлѣ созиданія рудныхъ экземпляровъ. Въ виду того, что большинство озеръ, приготовляющихъ, такъ сказать, озерную руду, въ берегахъ своихъ имѣютъ выходъ кристаллическихъ горныхъ породъ, — представляется вполнѣ вѣроятнымъ, что, при постепенномъ разрушеніи этихъ послѣднихъ, образуется много закиси желѣза, въ видѣ углекислой соли, которая и выносится затѣмъ ручейками и рѣчками въ самое озеро. Здѣсь происходитъ новый образовательный процессъ: придя въ соприкосновеніе съ твердыми осадками озера, а именно съ гальками кварца, ортоклаза, а иногда гнейса и гранитита, начинается выдѣленіе углекислоты, окисленіе закиси желѣза и переходъ ея въ окись, а также и отложеніе послѣдней вокругъ твердой сердцевины. Но въ то же время, рядомъ съ этимъ чисто-желѣзнымъ отложеніемъ, тѣ же воды приносятъ различныя части растеній; вѣтеръ, въ свою очередь, приноситъ цвѣточную пыль окрестныхъ сосновыхъ лѣсовъ; туда же, умирая, попадаютъ кремнистыя діатомовыя животныя, осаждаются песокъ и глина, все это вмѣстѣ цементируется выдѣляющеюся изъ раствора окисью желѣза и въ концѣ концовъ является предъ наблюдателемъ въ видѣ самыхъ разнообразныхъ особностей. Чтобы понять, откуда заимствуютъ свой матеріалъ озерныя руды, мы припомнимъ, что нахожденіе желѣзныхъ ключей въ Олонецкой губерніи есть фактъ, давно извѣстный. Еще Петръ Великій лечился на Марціальныхъ водахъ въ Петрозаводскомъ нынѣшнемъ уѣздѣ. Въ силу этого и матеріалъ, изъ котораго могутъ образовываться желѣзныя руды, находится на-лицо въ тѣхъ растворахъ, которые выходятъ на свѣтъ Божій. Изъ изученія какъ горныхъ породъ Озерной области, такъ и горныхъ рудъ, пришли къ тому заключенію, что главный запасъ желѣза находится въ зеленокаменныхъ горныхъ породахъ, такъ что, слѣдовательно, выщелащиваніе изъ нихъ желѣза, въ видѣ кислой углекислой закиси— представляется явленіемъ весьма вѣроятнымъ. Этотъ подземный дренажъ обусловливалъ и обусловливаетъ собою какъ новыя образованія въ зеленокаменныхъ породахъ, такъ и выносъ нѣкоторыхъ составныхъ частей ея вонъ изъ породы; первую роль этого дренажа по составленію вторичныхъ горныхъ породъ мы не станемъ разсматривать, тогда какъ вторая его роль весьма важна и поучительна для насъ, такъ какъ при помощи ея является несомнѣнная возможность найти матеріалъ для образованія озерныхъ и болотныхъ рудъ. Эти послѣднія, по мнѣнію спеціалистовъ, образовались и образуются изъ водныхъ растворовъ, которые вытекаютъ главнымъ образомъ изъ зеленокаменныхъ горныхъ породъ, выщелачивая изъ нихъ самихъ или изъ образовавшихся въ нихъ горныхъ рудъ закись желѣза и отлагая ее въ открытыхъ бассейнахъ подъ вліяніемъ окисленія, въ видѣ озерной руды. Запасъ желѣзной руды въ нашихъ сѣверныхъ озерахъ по истинѣ громаденъ; легкость добыванія ея и другія стороннія обстоятельства, сопровождающія нахожденіе этихъ рудъ, безспорно даютъ громадную надежду на возможность и даже безъизбѣжность обширнѣйшей эксплоатаціи этихъ рудъ, едва лишь русская предпріимчивость воспрянетъ отъ своей спячки.

Мѣдныя руды встрѣчаются въ Озерной области во многихъ мѣстахъ и при этомъ являются изслѣдователю въ трехъ, рѣзко отличающихся другъ отъ друга формахъ, а именно въ жильныхъ мѣсторожденіяхъ, въ мѣсторожденіяхъ, образовавшихся въ мѣстахъ прикосновенія зеленокаменныхъ породъ къ другимъ породамъ, и въ вкрапахъ мѣдныхъ рудъ въ другія горныя породы. Какъ бы и подъ какою бы формою ни являлась мѣдь, по обыкновенно во всѣхъ трехъ случаяхъ она представляетъ собою мѣдный колчеданъ, пеструю мѣдную руду, мѣдную зелень и синь, малахитъ и лишь весьма рѣдко чистую самородную мѣдь.

Въ самое послѣднее время очень много говорили о томъ, что близъ деревни Шунги найденъ каменный уголь. Такое близкое отъ Петербурга мѣстонахожденіе каменнаго угля, при громадныхъ удобствахъ перевозки его и въ Петербургъ и въ Кронштадтъ, должно было конечно озаботить морское вѣдомство, которое послало на мѣсто залеганія спеціалиста, добыло нѣкоторое

количество угля, пробовало топить имъ пароходы свои, но должно было придти къ тому заключенію, что шунгскій уголь невозможно употреблять для топки самостоятельно, а необходимо прибавлять значительную долю кардиффа или англійскаго угля, да и то горѣніе будетъ происходить съ трескомъ и разбрасываньемъ кусочковъ, отскакивающихъ вслѣдствіе нагрѣванія. Шуму было надѣлано много, но результаты не оправдали надеждъ, и въ настоящую минуту дѣло поставлено такимъ образомъ, что придется, такъ называемый, шунгскій каменный уголь признать лишь легкимъ подспорьемъ къ кардиффу. Изъ изученія образцовъ этого угля, присланныхъ въ геологическій кабинетъ С.-Петербургскаго Университета, оказалось между прочимъ возможнымъ отличить въ немъ двѣ, рѣзко отличающіяся другъ отъ друга разновидности: одна изъ нихъ отличается своею землистостью, весьма сильно пачкаетъ, тогда какъ другая плотна, разбита массою трещинъ, изъ которыхъ нѣкоторыя выполнены асбестомъ; эти послѣднія трещины сообщаютъэкземплярамъ этой разновидности параллелипипедальную слоеватость и поверхности кусковъ, отпадающихъ при ударѣ, обнаруживаютъ графитовый блескъ. Когда обѣ разновидности были достаточно просушены при 110° Цельсія, то оказалось, что въ землистой разновидности нашлось всего $35^1/_2\%$ горючихъ веществъ и цѣлыхъ $64^1/_2\%$ золы, въ плотной разновидности — $67^1/_2\%$ горючихъ веществъ, но все еще $32^1/_2\%$ золы, что не особенно выгодно для топки. Оказалось, что, какъ по физическимъ качествамъ, такъ и по составу ея, породу эту ни въ какомъ случаѣ нельзя называть каменнымъ углемъ, а характеръ золы прямо указываетъ на то, что мы имѣемъ здѣсь передъ собою богатый углеродомъ глинистый сланецъ, который, судя по трудной все же сгараемости его и лопаніи, находится въ этомъ случаѣ въ видѣ графита.

Таковы-то горныя богатства Озерной области! Кажется природа, изобидѣвшая человѣка пригодною къ земледѣлію почвою, сдѣлала все, чтобы вознаградить его тѣмъ, что можетъ онъ добыть изъ нѣдръ земли. Но прошли вѣка и—все же эти богатства мирно покоятся въ сельгахъ, озерахъ и болотахъ Озерной области, такъ какъ у человѣка не хватаетъ ни энергіи, ни почину, чтобы воспользоваться этими дарами природы. Разъ только въ Озерной области явился геній, который могучею волею своею призвалъ на время къ жизни сонное царство, но геній этотъ безвременно сошелъ въ могилу, а съ тѣмъ вмѣстѣ и возобновилась та волшебная спячка, которою одержима Озерная область. Придетъ ли когда нибудь новый Петръ въ эти мѣста и когда именно придетъ онъ — неизвѣстно, и можно лишь съ полною увѣренностью сказать, что безъ чудодѣйственнаго почина геніальнаго человѣка спячка будетъ долго продолжаться, такъ какъ главными недостатками всякаго русскаго человѣка представляются недостатокъ энергіи, почина, какая-то инертность и косность. Развѣ только нужда и голодъ заставятъ русскаго человѣка отряхнуть съ себя эти только-что перечисленные нами недостатки, а тогда несомнѣнно взоры его упадутъ на Озерную область и онъ примется за разработку ея богатствъ, которыя и громадны по количеству, и превосходны по качеству и притомъ расположены такъ удобно, что могутъ быть и скоро и дешево доставлены въ мѣста сбыта и спроса.

Но кромѣ того, что Петербургъ, какъ ни какъ, а все же столица Россіи и крайне важный вывозной портъ для производимаго чуть ли не всею Россіей сырья, которое отправляется за границу для того, чтобы чуть не въ слѣдующую же навигацію снова явиться на наши рынки въ переработанномъ и слѣдовательно втрое болѣе дорогомъ видѣ; созданіе Петра играетъ еще весьма важную роль, какъ городъ фабричнаго и заводскаго производства, какъ будущій конкурентъ съ иностранными фабричными центрами. Кромѣ уже такихъ фабрикъ и заводовъ, которые удовлетворяютъ потребностямъ самого большаго города, въ Петербургѣ находится масса и такихъ, которые работаютъ на всю Россію и даже высылаютъ свои продукты за границу. Перечислять всѣ эти, крайне важныя по своей производительной мощи, промышленныя заведенія, было бы рѣшительно невозможно, а потому и приходится ограничиться здѣсь лишь нѣкоторыми изъ нихъ, представляющими особенный интересъ и съ году на годъ усиливающими свою заводскую дѣятельность.

Еще въ 1792 году былъ основанъ механическiй чугуннолитейный заводъ Берда, который теперь поставляетъ для нашего флота превосходныя суда, и по быстротѣ своего хода и по прочности своей конструкцiи конкурирующiя съ произведенiями заграничныхъ фирмъ; большинство быстроходныхъ и легкихъ судовъ крейсерскаго типа и клиппернаго вооруженiя выстроены именно этимъ, зарекомендовавшимъ себя, заводомъ. Въ настоящее время владѣлецъ завода старается все болѣе и болѣе расширить мощность производительныхъ силъ своего завода, соотвѣтственно требованiямъ времени и заказнымъ условiямъ, и довелъ обороты до $1^1/_2$ мильоновъ рублей. 17 паровыхъ двигателей, представляющiе собою 204 силы, служатъ здѣсь на пользу, а пожалуй вмѣстѣ съ тѣмъ и во вредъ человѣчеству; 1500 человѣкъ рабочаго населенiя Петербурга находятъ здѣсь трудовой кусокъ хлѣба, обезпечивающiй ихъ пропитанiе и безбѣдное существованiе. Отнюдь не меньше значенiя имѣетъ и желѣзодѣлательный механическо-литейный заводъ русскаго общества механическихъ и горныхъ заводовъ, основанный въ 1852 году и принадлежавшiй прежде гг. Семянникову и Полетикѣ. Дѣятельность и притомъ спе-

Писчебумажная фабрика Варгуниныхъ.

цiальная дѣятельность этого заводскаго учрежденiя опредѣлилась лишь въ послѣднее время и направлена преимущественно къ постройкѣ броненосныхъ судовъ и локомотивовъ, которые обходились страшно дорого, будучи покупаемы заграницею, гдѣ производители совершенно свободно могли запрашивать какiя угодно цѣны за свои произведенiя, зная напередъ объ отсутствiи для нихъ въ Россiи конкурентовъ. Производительная сила завода опредѣляется тоже $1^1/_2$ мильон. рублей при 365 паровыхъ силахъ, примѣненныхъ ко всевозможнымъ цехамъ; заводъ прокармливаетъ до 2000 человѣкъ рабочихъ, давая имъ возможность заработка.

Уже самое положенiе Петербурга вблизи громадныхъ мѣсторожденiй болотной желѣзной руды Финляндiи и Олонецкой губернiи обусловливаетъ существованiе въ немъ обширныхъ обрабатывающихъ желѣзнодѣлательныхъ заводовъ, а потому и понятно, что въ немъ сосредоточено наибольшее количество именно такихъ учрежденiй. Первое мѣсто, конечно, принадлежитъ въ средѣ подобныхъ заводовъ Путиловскому, о которомъ мы и скажемъ нѣсколько словъ. Покойный теперь уже владѣлецъ завода сначала устроилъ 4 завода въ Финляндiи, гдѣ и обрабатывалъ желѣзную болотную руду, и только сравнительно недавно устроилъ свой замѣчательный заводъ за Нарвскою заставою; заводъ этотъ помѣщается на линiи Путиловской желѣзной дороги, которая должна соединять морское устье предполагаемаго канала съ исходомъ его изъ р. Невы, и въ особенности славится громадными приспособленiями къ изготовленiю бессемеровской стали. Количество рельсовъ, поставляемое Путиловскимъ заводомъ, превышаетъ общее количество рельсовъ, выходящихъ изъ другихъ подобныхъ ему учрежденiй, а качествомъ своимъ рельсы эти отнюдь не уступятъ лучшимъ англiйскимъ и бельгiйскимъ рельсамъ. Массы рабочихъ находятъ себѣ хорошiй заработокъ на заводѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ управленiе заводомъ всегда старается употребить всѣ мѣры для того, чтобы бытъ ихъ былъ

улучшенъ, развитіемъ между ними грамотности, учрежденіемъ больницъ и т. п. Къ сожалѣнію, паровая мощь завода неизвѣстна.

При ежегодномъ развитіи книгопечатнаго и газетнаго дѣла въ Россіи, писчебумажная производительность должна была также расти съ году на годъ, но, къ сожалѣнію, и качествомъ производимаго ими продукта и количествомъ производства наши писчебумажные заводы ни въ какомъ случаѣ не могутъ съ избыткомъ удовлетворять спросу и поневолѣ приходится потребителямъ обращаться за границу для восполненія значительнаго недохвата въ этомъ необходимомъ матеріалѣ. Наиболѣе хорошо устроенною и извѣстною доброкачественностью выдѣлываемаго продукта является фабрика Варгунина, могущая конкурировать съ лучшими англійскими фабриками. Въ виду того, что тряпье съ каждымъ годомъ становится дороже и трудно добываемо, пришлось прибѣгнуть къ восполненію недостающаго количества матеріала производства какимъ нибудь такимъ ингредіентомъ, который могъ бы замѣнить тряпье. На Варгунинской фабрикѣ впервые была введена соломенная масса, которой перерабатывается ежегодно въ бумагу около 70,000 пудовъ. Фабрика производитъ ежегодно на $^1/_2$ м. рублей, причемъ потребляетъ ежедневно 200,000 куб. футовъ воды; тряпье, необходимое для производства, фабрика закупаетъ на Нижегородской ярмаркѣ въ количествѣ 125 т. п., а сюда привозится оно мелкими сборщиками, которые съ ранней зимы разъѣзжаютъ по деревнямъ и собираютъ разныя обноски и тряпки; рѣдко случается, чтобы фабрика покупала свой матеріалъ у такъ называемыхъ тряпичниковъ, которые продаютъ свой сборъ сначала мелкимъ торговцамъ и эти уже послѣдніе перепродаютъ ихъ тряпье на фабрику.

Бумагопрядильное дѣло въ столицѣ находится въ рукахъ нѣсколькихъ весьма обширныхъ фирмъ, которыя ведутъ дѣла какъ съ Россіей, такъ и съ рынками Центральной Азіи и даже Китая; однимъ изъ главныхъ производителей въ этомъ дѣлѣ является, такъ называемая, Невская Бумагопрядильня, основанная въ 1830 году. Фабрика эта вырабатываетъ ежегодно 160 тыс. пудовъ пряжи медіо, ватерной и мюльной, которая отчасти расходится въ самой столицѣ, а отчасти отправляется внутрь Россіи для продажи мѣстнымъ потребителямъ, и въ Нижній для перепродажи «на бухарскую руку». Производительность мануфактуры опредѣляется въ 4 мил. рублей ежегодно, т. е., другими словами, достигаетъ весьма большихъ размѣровъ. Хлопокъ покупается преимущественно американскій и потребляется ежегодно въ количествѣ 185 тысячъ пудовъ; только въ послѣднее время сталъ употребляться мануфактурою, такъ называемый, бухарскій хлопокъ, который съ открытіемъ Оренбургской желѣзной дороги пошелъ въ Петербургъ и въ Москву въ весьма значительныхъ количествахъ и достоинствами своими почти равняется хорошимъ сортамъ американскаго хлопка. Невская бумагопрядильня потребляетъ для своего дѣйствія 800 тысячъ пудовъ каменнаго угля кардиффа, такъ какъ доставка его изъ Корнуэльса въ Англіи обходится гораздо дешевле, нежели сухопутная доставка русскихъ дешевыхъ углей изъ Тульскаго и Донецкаго бассейна. Паровая мощь мануфактуры выражается въ 550 силахъ, которыя примѣнены ко всѣмъ заводскимъ нуждамъ и дѣйствіямъ и двигаютъ 170 тысячъ веретенъ, давая хлѣбъ и заработокъ 2,000 человѣкамъ, кормящимся подлѣ завода.

Хорошо работаетъ также и Товарищество Резиновой Мануфактуры, которое открыло свой заводъ всего лишь въ 1860 году и сразу пріобрѣло цѣлую массу заказовъ, такъ какъ обувь, производимая имъ, пошла весьма сильно въ ходъ, а также развилось и употребленіе каучуковыхъ ремней для сельско-хозяйственныхъ машинъ. Заводъ дѣйствуетъ при посредствѣ двухъ паровыхъ машинъ въ 160 паровыхъ силъ, приводящихъ въ движеніе 28 вальцовальныхъ машинъ, и кормитъ 900 человѣкъ рабочихъ, изъ которыхъ болѣе 500 женщинъ, зарабатывающихъ отъ 60 до 120 коп. въ день, смотря по роду своей работы и по важности ея для производства. Главнымъ образомъ мануфактура занята производствомъ резиновой обуви, которой она и выдѣлываетъ до 1,300,000 паръ ежегодно на $1^1/_2$ мил. рублей; произведенія мануфактуры не только расходятся по всей Россіи, но идутъ и въ Гамбургъ на потребу нѣмецкаго

люда, который, несмотря на насмѣшки остальныхъ континентальныхъ европейцевъ, тоже носитъ галоши. Каучукъ для производства получается мануфактурою изъ Парагвая, при посредствѣ англійскихъ оптовыхъ фирмъ, которыя присылаютъ его въ Россію въ плоскихъ круглыхъ лепешкахъ значительной плотности.

Какъ извѣстно, большинство государственныхъ средствъ нашихъ доставляется питейнымъ акцизомъ; но въ настоящее время и само правительство стало заботиться о томъ, чтобы сократить въ народѣ потребленіе спиртныхъ напитковъ, которые не только вредно вліяютъ на его нравственность и благосостояніе, но расшатываютъ даже и непомѣрное здоровье русскаго человѣка. Въ силу такихъ правительственныхъ воззрѣній, производство пива стало пользоваться разными льготами, которыхъ прежде не существовало. Въ Петербургѣ дѣйствуютъ нѣсколько пивоваренныхъ заводовъ съ весьма значительнымъ производствомъ, но важнѣйшимъ изъ нихъ, какъ по количеству, такъ и по качеству производства, признается заводъ «Баварія», находящійся на Петровскомъ островѣ, который выдѣлываетъ 12 сортовъ разнаго пива. Продуктъ производства этого завода можно встрѣтить во всѣхъ губернскихъ городахъ Россіи, куда оно привозится какъ бочками, такъ и въ бутылкахъ заводскаго розлива; послѣднее пиво цѣнится въ особенности высоко и превосходитъ своими достоинствами всѣ пива мѣстнаго производства. Такія качества «Баварскаго» пива зависятъ отъ того, что заводъ совершенно не употребляетъ русскаго хмѣля, а пользуется лишь привознымъ южно-германскимъ, такъ какъ въ Россіи хмѣлеразведеніе не достигло еще особенныхъ успѣховъ и производятся лишь плохіе сорта хмѣля.

Порадовалось бы сердце Великаго Царя-Работника, если бы могъ онъ хотя на минуту встать изъ гроба и посмотрѣть на то, чѣмъ стало его любимое дѣтище; заводскія высокія трубы, грохотъ заводскихъ машинъ и каменноугольный чадъ показали бы ему, что дѣтище его растетъ, развивается и, того и гляди, достигнетъ полнаго развитія своихъ физическихъ и нравственныхъ силъ.

Вл. Майновъ.

Бабки.

ОЧЕРКЪ XVII.

ТОРГОВОЕ ЗНАЧЕНІЕ ПЕТЕРБУРГА.

Историческій очеркъ его торговли. — Движеніе товаровъ по тремъ воднымъ путямъ и желѣзнымъ дорогамъ, ведущимъ къ Петербургу.— Отпускная и привозная торговля Петербурга. — Петербургскій портъ.

Этимъ городомъ отверзошася пространная порта безчисленныхъ вамъ прибытковъ...

(ИЗЪ ПИСЬМА ВИНИУСА КЪ ПЕТРУ ВЕЛИКОМУ).

ева всегда была одной изъ главныхъ торговыхъ артерій земли Русской. Еще въ началѣ нашей исторіи мы видимъ, что торговыя сношенія европейскихъ народовъ съ Среднею Азіею и Индіею производились нынѣшнимъ заброшеннымъ русломъ Аму-Дарьи, Каспійскимъ моремъ, Волгою, Волховомъ и Невою. Въ X вѣкѣ складочнымъ мѣстомъ для этой торговли на сѣверѣ Россіи былъ Новгородъ, находившійся въ постоянныхъ сношеніяхъ съ городомъ Висби, значительнымъ торговымъ мѣстомъ на островѣ Готландѣ. Въ XIV вѣкѣ Висби, вошедшій уже въ составъ ганзейскаго союза, былъ главнымъ складомъ русскихъ товаровъ, хотя Ганза непосредственно торговала въ Новгородѣ и контора ея тамъ считалась одною изъ четырехъ перворазрядныхъ.

Русскія суда плавали тогда по Балтійскому морю, но постоянное стремленіе Ганзы монополизировать торговлю вынудило въ XV вѣкѣ Россію искать тѣснѣйшаго торговаго сближенія съ Англичанами, что и было наконецъ достигнуто открытіемъ въ половинѣ XVI вѣка торговли черезъ Бѣлое море у Архангельска. Въ отмщеніе Нѣмцы приняли рядъ стѣснительныхъ мѣръ для русской торговли по Балтійскому морю. Хотя Шведы въ XVII вѣкѣ старались нѣкоторыми льготами поддержать балтійскую торговлю, но въ общемъ русская торговля черезъ Балтійское море упадала по мѣрѣ того, какъ она возрастала на Бѣломъ морѣ. Притомъ и Шведы во время несовершеннолѣтія Карла XI значительно обременили торговлю пошлинами, а шведская крѣпость Ніеншанцъ (на Охтѣ) при безпрерывной почти враждѣ, бывшей между обѣими державами, много мѣшала производству свободной торговли на Невѣ. Торговля, однако, продолжалась. Новгородъ этимъ путемъ получалъ желѣзо, желѣзныя издѣлія, сталь, мѣдь, латунь, а взамѣнъ отпускалъ хлѣбъ, мѣха и разныя сырыя произведенія. Еще дѣятельнѣе была русская торговля черезъ Нарву.

Такимъ образомъ, мнѣніе, будто бы Петръ Великій первый оцѣнилъ выгоды для Россіи отъ торговли съ Европою по Балтійскому морю, принадлежитъ къ области исторической фантазіи, которою богаты были наши прежніе историки, полагавшіе, что до Петра Россія находилась въ полуварварскомъ состояніи. Замѣчательно еще, что пристрастіе къ иностранцамъ въ торговлѣ вовсе не Петромъ поставлено на первый планъ. Еще съ XVI вѣка предпочтеніе иностранцевъ подавляло въ русскихъ духъ предпріимчивости и отнимало у послѣднихъ возможность производить самимъ торговыя спекуляціи.

Утвердившись прочно въ 1703 году на устьяхъ Невы, Петръ Великій обратилъ свое попеченіе на усиленіе торговли на Балтійскомъ морѣ и въ вновь созданномъ Петербургѣ въ особенности. Не смотря на то, что торговля здѣсь производилась изстари, что Петербургъ, находясь ближе, чѣмъ Архангельскъ, къ внутреннимъ областямъ Россіи, представлялъ посредствомъ Волхова, Мсты и Волги гораздо болѣе удобствъ для выгоднаго сбыта русскихъ произведеній, нетерпѣніе, съ которымъ Петръ приводилъ въ исполненіе все задуманное, понудило его принять рядъ рѣшительныхъ мѣръ.

Не ограничиваясь извѣщеніемъ всѣхъ иностранныхъ державъ объ открытіи новаго порта и заключеніемъ торговыхъ договоровъ съ Франціей, Генуей и Любекомъ, Петръ, для большаго обращенія русской торговли къ Петербургу, въ 1713 году запретилъ пеньку и юфть, а равно всѣ казенные товары: икру, клей, поташъ, смолу, щетину, ревень, возить въ Архангельскъ, а велѣлъ привозить ихъ для отпуска къ Петербургу; затѣмъ обязательный привозъ къ Петербургу былъ сбавленъ до $^2/_3$, наконецъ до $^1/_3$. Въ 1720 году сбавлены таможенныя пошлины для Петербурга: вмѣсто 5% взимали 3%; если же товаръ назначался для вывоза заграницу, то допускался безпошлинно. Точно также для привозныхъ товаровъ каждому купцу въ Петербургѣ дозволялось получать ихъ безпошлинно на сумму равную его отпуску, съ остальнаго же количества взималась только половина тарифной пошлины. Равнымъ образомъ, при доставкѣ товаровъ къ Петербургу изнутри Россіи не платилось сборовъ съ судовъ и извощиковъ.

По окончаніи шведской войны, льготы для Петербурга еще усилились. Къ каждому порту былъ приписанъ небольшой районъ, а для Петербурга назначена вся остальная Россія, и дано право на каждомъ кораблѣ, приходящемъ къ петербургскому порту, доставлять товаровъ на сумму пошлинъ въ 10 ефимковъ безпошлинно. Запрещеніе доставлять къ Архангельску русскіе товары изъ другихъ областей, кромѣ Архангельскаго уѣзда, измѣнило прежнее направленіе нашей торговли и обратило ее отъ Бѣлаго моря къ Балтійскому или, вѣрнѣе, къ Петербургу. Послѣдній сосредоточивалъ движеніе большей части всей тогдашней русской торговли, ибо Рига въ то время производила торгъ товарами, наиболѣе привозимыми изъ Польши и Литвы, а Ревель, Перновъ и Выборгъ вели лишь незначительный торгъ мѣстными произведеніями или же товарами Псковской и Смоленской областей.

Но всего болѣе Петръ Великій содѣйствовалъ торговому процвѣтанію своей столицы, положивъ начало искусственныхъ водяныхъ сообщеній Волги съ Невою. Эти сообщенія какъ бы заставили Волгу сдѣлаться притокомъ Балтійскаго моря. Многіе писатели, глядя на карту, не разъ выражали сожалѣніе, зачѣмъ Волга, бассейнъ которой составляетъ сущность земли Русской, вмѣсто Каспія, не течетъ въ Балтійское море, но новѣйшіе историки разъяснили намъ, что въ смыслѣ прогресса такое измѣненіе было бы гибельнымъ для нашего отечества. Вмѣсто распространенія русской стихіи на востокѣ, при обратномъ теченіи Волги, востокъ естественно заполонилъ бы насъ и подвинулся къ Европѣ. Тѣ же препятствія, которыя встрѣтила торговля, устранились въ свое время искусственными водяными сообщеніями.

Петръ еще въ 1711 году положилъ первое начало соединенія Балтійскаго моря съ Каспійскимъ черезъ Вышневолоцкій каналъ. Въ 1712 году составленъ былъ проектъ этого канала въ обходъ пороговъ по р. Мстѣ, а въ 1719 г. постройка канала отдана новгородцу Сердюкову. Въ томъ же году, для отвращенія убытковъ и частой гибели судовъ на Ладожскомъ озерѣ, на-

чаты были работы по постройкѣ Ладожскаго канала. Одновременно Петръ заботился и объ устройствѣ по рѣкамъ, идущимъ къ Петербургу, бичевниковъ, о заведеніи верфей для постройки судовъ, а въ 1722 году приступилъ къ соединенію Москвы и Петербурга сухопутной дорогою.

Эти мѣры, само собою разумѣется, дали толчекъ петербургской торговлѣ. Въ 1718 году на 52 корабляхъ было вывезено изъ Петербурга только на 268,590 руб. сер., а привезено на 218,049 руб., почти въ шесть разъ менѣе торговли Архангельска, а въ 1726 году отпускъ изъ Петербурга составлялъ уже 2.403,423 руб., а привозъ 1.549,697 руб., противъ торговли Архангельска почти въ шестнадцать разъ болѣе. Въ петербургскомъ отпускѣ временъ Петра Великаго главную роль играли пенька, ленъ, сало, юфть, желѣзо, полотно и персидскіе товары; въ привозѣ — шерстяныя издѣлія, краски, напитки и сахаръ.

Въ началѣ второй половины XVIII столѣтія, когда отмѣна сбора внутреннихъ таможенныхъ пошлинъ очевидно должна была облегчить и усилить заграничную торговлю и когда запретительныя въ пользу Петербурга мѣры Петра по большей части были смягчены или стѣснены, петербургскій портъ заключалъ все-таки три четверти всей внѣшней торговли Россіи. По средней сложности 1758—1760 годовъ, отпускъ изъ Петербурга составлялъ 5.389,353 руб., а привозъ 3.299,779 рублей, причемъ товары, игравшіе важнѣйшую роль въ привозѣ и вывозѣ, остались тѣ же, что и при Петрѣ. Хлѣба изъ Петербурга почти не отпускалось, такъ какъ до 1764 года правительство вывозъ этого товара считало опаснымъ на случай неурожая; зато очень важенъ былъ отпускъ изъ Петербурга пеньки, доходившей до 1.350,000 пудовъ, по цѣнности почти двѣ пятыхъ всего тогдашняго петербургскаго отпуска. Окончательно петровскія стѣсненія другихъ русскихъ портовъ въ пользу Петербурга были отмѣнены лишь по тарифу 1782 года. Въ царствованіе Екатерины II торговля Петербурга начала развиваться довольно быстро; въ періодъ съ конца 60-хъ годовъ до конца 80-хъ годовъ она увеличилась слишкомъ въ два раза. Въ 1774 году учреждена была въ Петербургѣ на казенный счетъ городская верфь для торговаго судостроенія, а затѣмъ, какъ въ царствованіе Екатерины, такъ и въ царствованіе Павла I, были предприняты новыя работы по соединенію Петербурга съ волжскимъ бассейномъ улучшенными водяными путями сообщенія, а именно: въ 1766 начато прорытіе Сясьскаго канала, въ 1774 выкупленъ въ казну Вышневолоцкій каналъ, въ 1777 году начатъ постройкою Сиверсовъ, а въ 1799 году Маріинскій и Свирскій каналы.

Войны революціонной эпохи и съ Наполеономъ I, упадокъ курса ассигнацій и особенно континентальная таможенная система произвели въ концѣ прошлаго и въ началѣ нынѣшняго столѣтія весьма существенныя перемѣны въ ходѣ петербургской торговли. Тѣмъ не менѣе, сравнивая ея обороты за болѣе или менѣе продолжительные періоды времени, мы видимъ постоянное поступательное движеніе впередъ. При этомъ замѣтно уже желаніе правительства регулировать отношенія привоза и вывоза извѣстной послѣдовательной таможенной политикой. Сѣть искусственныхъ водяныхъ сообщеній Петербурга при Александрѣ I была пополнена Тихвинскимъ каналомъ, а равно, начиная съ 1809 года, былъ произведенъ рядъ значительныхъ улучшеній по системамъ Вышневолоцкой, Маріинской и Тихвинской и углубленъ Ладожскій каналъ.

Въ царствованіе Николая Павловича на развитіе торговли Петербурга имѣло наибольшее вліяніе открытіе въ 1830 году московскаго шоссе, а въ 1851 году—желѣзной дороги изъ Москвы въ Петербургъ, которыя усилили торговое движеніе между столицами, а для нашихъ мануфактуръ, сосредоточенныхъ большею частью около Москвы, облегчили пріобрѣтеніе необходимыхъ для нихъ заграничныхъ матеріаловъ. Затѣмъ устроены были многіе каналы и улучшены водяные пути, по которымъ учреждено пароходное сообщеніе. Въ 1828 году открытъ каналъ Герцога Александра Виртембергскаго, установившій сообщеніе петербургскаго порта съ бассейномъ Сѣверной Двины; въ 1830-хъ годахъ сооружены каналы Вышерскій, Онежскій и Бѣлозерскій.

Въ началѣ царствованія нынѣшняго Государя, въ періодъ 1856—58 годовъ, среднимъ числомъ въ годъ привозилось къ Петербургу на 68.121,277 руб., а отпускалось изъ Петербурга на 48.410,613 руб.; общій оборотъ торговли Петербурга составлялъ около 40% всей внѣшней торговли Россіи на европейской границѣ. Такимъ образомъ, за сто лѣтъ заграничная торговля нашей столицы, не принимая въ разсчетъ измѣненія цѣнности денегъ, увеличилась въ двадцать разъ. Она измѣнилась и по роду товаровъ. Въ вывозѣ, впрочемъ, было гораздо менѣе измѣненій. важнѣйшее состояло въ томъ, что хлѣбъ занялъ первое мѣсто въ числѣ отпускныхъ товаровъ; наравнѣ съ хлѣбомъ, а иногда и впереди шло сало, затѣмъ пенька, ленъ, льняное сѣмя и т. д. Въ привозѣ за сто лѣтъ произошли болѣе коренныя перемѣны: созданіе, особенно съ 1822 года, многочисленныхъ фабрикъ выдвинуло на первый планъ привозъ хлопка, пряжи, машинъ, красокъ, каменнаго угля, деревяннаго масла и другихъ предметовъ для потребностей промышленности. Въ это время Петербургъ оставался важнымъ рынкомъ для привознаго сахара.

Зданіе С.-Петербургской биржи.

Въ послѣднія двадцать пять лѣтъ облегченія въ таможенномъ тарифѣ, освобожденіе крестьянъ, развитіе пароходства, открытіе частныхъ банковъ, образованіе акціонерныхъ обществъ и другія причины дали энергическое движеніе всей торговлѣ Петербурга, но болѣе всего содѣйствовали ей желѣзныя дороги. Хотя было обращено вниманіе и на водяные пути, такъ построенъ второй Ладожскій каналъ и значительно улучшена вся Маріинская система, но вообще движеніе по водянымъ путямъ отодвинулось на второй планъ, главную роль въ торговлѣ болѣе цѣнными товарами получили желѣзныя дороги. Постройка желѣзныхъ дорогъ: Петербурго-Варшавской, Балтійской, Финляндской, различныхъ вѣтвей къ дорогѣ Николаевской (Рыбинско-Бологовской, Новгородской, Новоторжской, Боровичской) и особенно увеличеніе движенія по дорогамъ замосковнымъ, которыя направили новыя огромныя количества товаровъ, а особенно хлѣбныхъ, къ Петербургу, придали совсѣмъ другую физіономію торговому движенію петербургскаго порта. Надобно, впрочемъ, сказать, что это измѣненіе касалось болѣе количества товаровъ, а не самаго способа веденія товарной торговли.

Послѣднее осталось почти безъ измѣненія. Зато петербургская биржа совершенно измѣнилась въ томъ смыслѣ, что, вмѣсто собранія глухонѣмыхъ иностранцевъ и нѣсколькихъ стоявшихъ въ углу русскихъ купцовъ, сдѣлки между которыми были заранѣе поутру обработаны маклерами, васильостровская биржа обратилась въ шумное сборище денежныхъ игроковъ. Уве-

личеніе торговли, банковыхъ операцій и сдѣлокъ съ фондами создали огромные новые классы коммиссіонеровъ и биржевыхъ зайцевъ. Потребность въ деньгахъ для путешествій заграницею, а также покупка векселей для платежей по иностраннымъ займамъ, въ свою очередь, создали рядъ новыхъ операцій и новыхъ посредниковъ.

Болѣе неподвижности сохранилось въ отпускной торговлѣ Петербурга. Здѣсь попрежнему иностранныя конторы по коммиссіи отъ заграничныхъ домовъ въ Лондонѣ, Амстердамѣ и Гамбургѣ, а иногда, за свой счетъ, или въ компаніи съ иностранными домами, закупаютъ, обыкновенно зимою, впередъ на продолжительные сроки товары отъ русскихъ оптовыхъ торговцевъ, выдавая послѣднимъ болѣе или менѣе значительные задатки. Русскіе же торговцы достаютъ, необходимые для оправданія своихъ обязательствъ, товары или непосредственно отъ производителей: помѣщиковъ и крестьянъ, черезъ своихъ прикащиковъ, или же отъ второстепенныхъ торговцевъ, кулаковъ и прасоловъ, доставляющихъ мелкія партіи товаровъ къ пристанямъ, на ярмарки и базары. Въ послѣднее, впрочемъ, время нѣкоторые заграничные дома, напримѣръ, для покупки льна и пр., имѣютъ своихъ агентовъ внутри Россіи, обходя посредничество русскихъ монополистовъ.

Вокзалъ Балтійской желѣзной дороги.

Иностранные товары на петербургской биржѣ продаютъ обыкновенно въ кредитъ подъ векселя срокомъ отъ 2 до 12 мѣсяцевъ, но чаще всего 6-ти-мѣсячные; въ мелочной же торговлѣ товары нерѣдко даются купцами въ кредитъ безъ всякихъ векселей до субботняго разсчета. Общіе обороты петербургской биржи съ товарами, монетою, фондами, векселями, а также съ дѣлами по страхованію, транспортированію кладей, банковыми и т. д., не могутъ быть въ точности исчислены, они во всякомъ случаѣ колоссальны и навѣрное превосходятъ милліардъ рублей ежегодно. Само собою разумѣется, что много дѣлъ, и весьма крупныхъ, напримѣръ по разнымъ подрядамъ, поставкамъ, совершается помимо биржи и отражается на ней только косвенно.

Не смотря на громадность своихъ оборотовъ, петербургская биржа отличается сравнительно малымъ количествомъ капиталовъ, что замѣтно уже по числу банкировъ, весьма немногочисленному. Далѣе, не смотря на широкое содѣйствіе торговымъ операціямъ на здѣшней биржѣ государственнаго банка, дисконтный процентъ въ Петербургѣ постоянно гораздо выше, нежели на всѣхъ другихъ европейскихъ биржахъ, не исключая и вѣнской.

Другая отличительная черта петербургской биржевой торговли — это ея косность. Русскимъ фирмамъ нельзя отказать въ предпріимчивости: Духиновы, Журавлевы, Полежаевы, Громовы, Кропачевы, Плешановы и мн. др. производятъ громадныя операціи, захватывающія десятки губерній; онѣ распоряжаются сотнями барокъ и пароходовъ, тысячами прикащиковъ, милліонами кулей; но вся эта предпріимчивость кончается на петербургской биржѣ. Калашниковская пристань и думскіе буяны — крайніе предѣлы русскаго торговаго владычества. Далѣе пускаются очень немногія фирмы, и если есть русскіе дома, торгующіе на значительныя суммы за границею, то онѣ или монопольныя въ чемъ-либо, какъ напримѣръ Елисѣевы, или же имѣютъ очень тѣсныя связи съ иностранцами и только по имени остались русскими.

Въ этомъ отношеніи Петербургъ отсталъ даже отъ Одессы, Таганрога, Риги и другихъ русскихъ портовъ, гдѣ все-таки мѣстный элементъ имѣетъ кое-какое значеніе;—правда, въ этихъ портахъ мѣстные биржевые дѣятели попреимуществу изъ нѣмцевъ, евреевъ, грековъ и итальянцевъ. Косность Петербурга проявляется въ замѣчательномъ фактѣ, что, не взирая на его

приморское положеніе, не смотря на гигантскую торговлю, не смотря на то, что Петръ видѣлъ здѣсь колыбель русскаго торговаго флота, наша столица не соединена до сихъ поръ русскимъ срочнымъ пароходнымъ сообщеніемъ ни съ однимъ изъ заграничныхъ портовъ Западной Европы, не говоря уже о Сѣверной и Южной Америкѣ, Египтѣ, Остъ-Индіи и Китаѣ. Обстоятельство это чрезвычайно важно. Хотя съ перваго раза кажется, что для купца одинаково выгодно посылать свои товары на русскомъ или на иностранномъ пароходѣ, лишь бы только провозъ стоилъ недорого и не выходилъ изъ первоначальныхъ разсчетовъ, но на дѣлѣ это далеко не такъ. Напротивъ, ничто не укрѣпляетъ и не вызываетъ сношеній, какъ срочное, постоянное сообщеніе подъ своимъ флагомъ. Имѣя всегда возможность отправиться въ извѣстный портъ на своемъ пароходѣ, зная, что въ этомъ портѣ непремѣнно найдется агентъ, заинтересованный въ успѣхѣ русскаго предпріятія, каждый купецъ, даже мало знакомый съ иностранными языками, рискнетъ хотя въ видѣ опыта сдѣлать поѣздку, или послать товаръ. Совсѣмъ другое, когда онъ знаетъ, что за предѣлами его роднаго города начинается уже чуждый, почти враждебный міръ.

Поэтому всѣ большіе порты въ мірѣ отправляютъ ежедневно свои пароходы въ разные концы міра, одинъ Петербургъ лишенъ пока этой выгоды и вынужденъ довольствоваться содѣйствіемъ второстепенныхъ англійскихъ, голландскихъ и шведскихъ компаній.

И торговцы, и нѣкоторые экономисты жаловались, что собственно товарная торговля Петербурга со времени построенія сѣти желѣзныхъ дорогъ въ Россіи развивалась медленнѣе, нежели такая же торговля другихъ русскихъ портовъ. Въ этомъ есть, вѣроятно, своя доля справедливости, такъ какъ желѣзныя дороги уравновѣсили отчасти тѣ громадныя преимущества, которыя давало Петербургу его счастливое положеніе на выходѣ къ морю волжскаго бассейна, еще поднятое искусственными водяными сооруженіями. Во всякомъ случаѣ, абсолютно, торговый оборотъ Петербурга значительно изъ года въ годъ увеличивается. Въ 1877 году, за который имѣются послѣднія вполнѣ точныя свѣдѣнія, было вывезено изъ Петербурга черезъ таможни портовую, сухопутную и кронштадтскую, на 134.186,739 рублей, привезено на 66.500,842 руб. Такимъ образомъ общій оборотъ нашего порта въ 200 милл. составляетъ 25% всей заграничной торговли Россіи. Въ вышеприведенныя цифры не включенъ еще привозъ и вывозъ драгоцѣнныхъ металловъ. 1877 годъ, замѣтимъ, не вполнѣ нормальный, потому что, хотя по случаю закрытія южныхъ портовъ и паденія курса, вывозъ изъ Балтійскаго моря былъ болѣе обыкновеннаго, но привозъ чрезвычайно уменьшился отъ войны и введенія золотыхъ таможенныхъ пошлинъ. Въ 1876 году привозъ товаровъ изъ-за границы въ Петербургъ доходилъ до 105.171,299 рублей. При всемъ томъ торговый оборотъ Петербурга составляетъ теперь, какъ мы видимъ, только четверть заграничной торговли Россіи, между тѣмъ еще тридцать лѣтъ тому назадъ онъ составлялъ половину, а сто лѣтъ назадъ даже три четверти. Этотъ разсчетъ нѣсколько измѣнится, если принять въ соображеніе, что помимо конкуренціи другихъ портовъ, Балтійская желѣзная дорога развила чрезвычайно торговлю Ревеля до размѣровъ, какъ напримѣръ въ 1876 и 1877 годахъ, около 60 милл. рубл. и Балтійскаго порта до 3 милл. руб., а оба эти порта можно разсматривать лишь какъ передовые зимніе порты Петербурга, гавань котораго покрыта льдомъ почти пять мѣсяцевъ въ году и недоступна тогда судамъ.

Можно ли разсчитывать на постоянное возрастаніе торговли Петербурга въ будущемъ? Безъ всякаго сомнѣнія, Петербургъ, какъ мы неоднократно говорили, всегда былъ и останется главнымъ портомъ волжскаго бассейна. Хотя отъ этого бассейна протянулось теперь нѣсколько линій желѣзныхъ дорогъ къ Ригѣ, Либавѣ и Кенигсбергу, но зато вся восточная Россія, которая, главнымъ образомъ, питаетъ этотъ бассейнъ своими грузами, лишена пока желѣзныхъ дорогъ и ожидаетъ капиталовъ, рабочихъ рукъ и путей сообщенія, чтобы доставить новые десятки милліоновъ пудовъ товаровъ на Волгу. Большая часть этихъ грузовъ не минетъ Петербурга.

Видъ на Неву подъ Петербургомъ.

Еще Уральская желѣзная дорога не дошла до судоходной системы сибирскихъ рѣкъ, а ужь доставленное ею облегченіе дало себя знать: на петербургской биржѣ немедленно появился милліонъ пудовъ великолѣпной сибирской пшеницы изъ Зауралья, раскупленной по высокой цѣнѣ. Что же будетъ, когда великій сибирскій путь: желѣзная дорога отъ Ярославля и Москвы, протянется до Иркутска и далѣе, быть можетъ, до самаго Тихаго океана и во всякомъ случаѣ до китайской границы. Какое новое количество товаровъ прибавится тогда къ нашему заграничному отпуску и прежде всего отпуску Петербурга, какъ особенно удобно для того поставленному, что доказывается тѣмъ обстоятельствомъ, что и въ настоящее время большая часть сибирскихъ товаровъ: сало, кожи, кудель, коровье масло и пр., не смотря на отдаленность мѣстъ производства, отправляются за границу почти исключительно изъ петербургскаго порта. Уралъ Средняя Азія также будутъ данницами Петербурга, какъ порта. Не сказала еще своего послѣдняго слова и Средняя Россія. Громадное движеніе хлѣбныхъ грузовъ, сразу возникшее по Козлово-Рязанско-Московской линіи и направившееся къ Петербургу, было въ своемъ родѣ откровеніемъ. Многіе тутъ только прозрѣли, какія экономическія богатства таятся еще въ мѣстностяхъ, которыхъ значеніе считалось въ Россіи совершенно второстепеннымъ.

Вообще въ продолженіе послѣднихъ десяти лѣтъ вывозъ хлѣба изъ петербургскаго порта постоянно увеличивается. Въ 1872 году было вывезено хлѣба 3.207,868 четвертей, въ 1873 году 6.296,982 четверти, въ 1874 году 6.802,134 четверти, въ 1875 году 5.950,367 четвертей, въ 1876 году 7.654,030 четвертей, въ 1877 году, когда порты Чернаго и Азовскаго морей были блокированы, вывозъ достигъ до 10.184,868 четвертей; хотя въ 1878 году вывозъ понизился до 5.300,574 четвертей, но въ 1879 году за границу и въ Финляндію было вывезено изъ Петербурга хлѣбныхъ товаровъ 8.950,021 четверть, и если бы послѣдній урожай въ 1879 году на Волгѣ былъ подобенъ урожаю 1878 года, то вывозъ изъ Петербурга въ навигацію прошлаго года, вѣроятно, превзошелъ бы даже отпускъ 1877 года.

Въ навигацію 1879 года было вывезено изъ петербургскаго порта главныхъ хлѣбовъ:

Ржи	3.017,265	четв.
Овса	2.721,588	»
Пшеницы	1.802,004	»
Сѣмени льнянаго	809,466	»
Гречневой крупы	341,724	»
Ячменя	37,696	»
Ржаной муки	207,193	куля
Муки пшеничной	13,088	мѣшковъ.

Въ продолженіе послѣднихъ восьми лѣтъ и даже въ 1877 году столь значительнаго отпуска овса изъ Петербурга, какъ нынче, не бывало.

Вывозомъ хлѣба изъ петербургскаго порта занимались въ 1879 году сорокъ одна фирма, въ томъ числѣ русскихъ было только пять фирмъ, а именно: Я. Прозоровъ съ сыномъ (отпустившій 161,430 четвертей), Василій Якунчиковъ (59,475 четвертей), Семеновъ и комп. (50,026 четвертей), А. Кропачевъ (9,980 четвертей), Антонъ Немиловъ (1,500 четвертей). Четвертая часть всего годоваго отпуска отправлена заграницу (именно 2.209,151 четверть) фирмою Э. Г. Брантъ и комп. За нимъ изъ иностранныхъ фирмъ, по размѣру отпуска, идутъ: Хильсъ и Виншау (531,300 четв.), Блессингъ и комп. (514,382 четв.), Скараманга и комп. (455,900 четв.), Эджертонъ Губбартъ и комп. (455,900 четв.).

Хлѣбъ, отпускаемый изъ Петербурга, идетъ издалека, такъ какъ ближайшія къ Петербургу губерніи сами нуждаются въ привозномъ хлѣбѣ; только небольшая часть овса доставляется изъ сосѣднихъ къ столицѣ Новгородской и Псковской губерній. Главное количество хлѣба для вы-

воза получается изъ Волжскаго бассейна, особенно изъ губерній: Тамбовской, Пензенской, Саратовской, Самарской, Симбирской, Уфимской, Оренбургской, Вятской, Казанской. Этотъ хлѣбъ идетъ большею частью водою. По желѣзной дорогѣ доставляются зерновые хлѣба и мука изъ губерній: Рязанской, Орловской, Воронежской, Тульской и др.

Вывозъ другихъ товаровъ занимаетъ теперь въ Петербургѣ сравнительно съ хлѣбомъ, цѣнность котораго доходитъ отъ 60 до 90 милл. рублей, второстепенное значеніе; особенно упала торговля саломъ, отпускъ котораго былъ такъ важенъ въ Петербургѣ до конца 50-хъ годовъ, когда Петербургъ считался первымъ рынкомъ по части сала въ цѣломъ мірѣ. Самое значеніе сала очень уменьшилось въ послѣднее время отъ конкуренціи разныхъ растительныхъ маслъ и особенно продуктовъ нефти.

Послѣ хлѣба по своей цѣнности наибольшую важность имѣетъ теперь въ петербургскомъ портѣ отпускъ льнянаго сѣмени (въ 1878 г. 464,308 четвертей на 6.502,658 рублей), доставляемаго изъ губерній: Саратовской, Тамбовской и Нижегородской; затѣмъ идутъ ленъ и льняная пакля (въ 1878 г. 1.315,026 пуд. на 6.246,536 руб.); ленъ привозится въ Петербургъ преимущественно изъ Псковской губерніи, а также изъ губерній: Вологодской, Олонецкой, Ярославской и Владимірской.

Вокзалъ С.-Петербурго-Варшавской желѣзной дороги.

Сало занимаетъ шестое мѣсто по отпуску (въ 1878 г. 333,940 пуд. на 1.832,202 руб.). Продуктъ этотъ собирается во многихъ губерніяхъ, но въ особенности много доставляется его изъ Западной Сибири, а затѣмъ изъ губерній: Казанской, Самарской и Оренбургской. Отпускъ лѣса и щетины гораздо важнѣе теперь въ Петербургѣ отпуска сала. Губерніи Новгородская и Олонецкая доставили въ 1878 году для вывоза лѣса на 4.513,114 рублей. Вывозъ щетины постоянно усиливается (въ 1878 г. 47,589 пудовъ на 1.954,475 рублей). Щетина собирается малыми партіями повсюду, но преимущественно въ южной части центральной Россіи. Пенька, которая играла такую роль въ петербургской торговлѣ прошлаго столѣтія, не имѣетъ болѣе существеннаго значенія, составляя напр. въ 1878 г. цѣнность въ 1.044,412 руб. (258,962 пудовъ). Большая часть пеньки, идущая къ петербургскому порту, собирается въ бассейнѣ верхней Волги, а также въ губерніяхъ: Калужской и Смоленской.

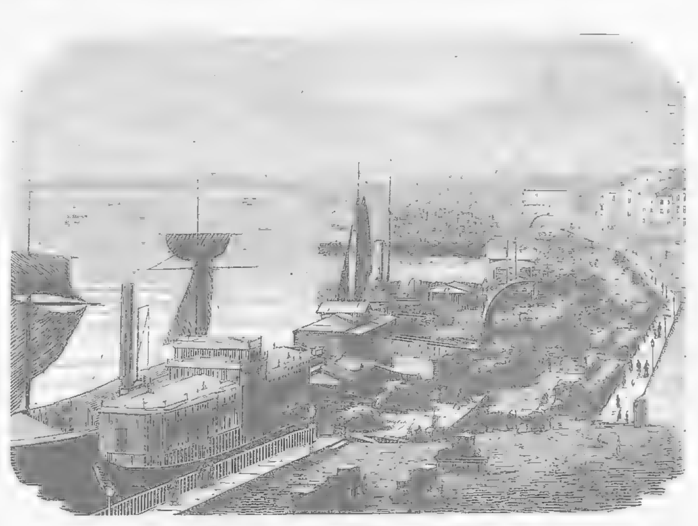
Прочія крупныя статьи петербургскаго отпуска составляютъ каждая въ отдѣльности цѣнность менѣе милліона рублей. Сюда относятся: выжимки изъ сѣмянъ (въ 1878 г. 727,694 пуд. на 566,615 руб.), кость сырая и жженная (въ 1878 г. 908,179 пуд. на 966,034 руб.), веревки и канаты (въ 1878 г. 132,161 пуд. на 653,215 руб.), изъ губерній Ярославской, Тверской, а также мѣстнаго производства—грубый холстъ (въ 1878 г. на 210,200 руб.), спиртъ (количество котораго весьма непостоянно) изъ губерній: Пензенской, Тамбовской, Вятской, а также Эстляндской), масло коровье (въ 1878 г. 39,808 пуд. на 389,398 руб.) преимущественно изъ Сибири, перья (въ 1878 г. на 852,573 руб.); шерсть, поташъ, конопляное сѣмя, пухъ (на 259,814 руб.), кожи, конскія гривы и т. д.

Привозная торговля Петербурга несравненно разнообразнѣе числомъ и качествомъ товаровъ. Сюда для мѣстнаго только потребленія, не считая еще отправокъ въ провинціальные города и на ярмарки, приходятъ всевозможные виды товаровъ. По цѣнности въ привозѣ къ Петербургу важнѣйшую роль играютъ теперь металлы (въ 1878 г. на 20.940,313 руб.), затѣмъ идетъ хлопокъ (на 8.297,706 руб.), большая часть котораго привозится въ Россію черезъ Ревель; желѣзо и стальныя издѣлія (на 7.288,336 руб.), каменный уголь (51 милл. пуд. на 6.971,251 руб.),

деревянное масло (на 4.743,332 руб.), машины (на 4.057,248 руб.), чай (на 2.687,870 руб.). Привозъ шерсти, керосина, кофе и вина превосходитъ милліонъ рублей.

Для передвиженія этого огромнаго количества отпускаемыхъ и привозимыхъ по морю товаровъ требуется конечно весьма дѣятельное судоходство; короткость навигаціи поощряетъ особенно паровое судоходство въ ущербъ парусному. Дѣйствительно, ежегодно приходитъ и уходитъ въ Петербургъ и Кронштадтъ около трехъ тысячъ кораблей. Въ 1878 году, напримѣръ, пришло по заграничному плаванію 2,638 кораблей въ 476,088 ластовъ, съ 28,116 челов. экипажа, въ томъ числѣ было 839 пароходовъ въ 287,951 ластовъ, т. е. болѣе половины, судя по грузовой вмѣстимости. Независимо отъ сего, въ томъ же году по каботажному плаванію прибыло въ Петербургъ 735 кораблей въ 57,147 ластовъ, въ томъ числѣ 389 пароходовъ въ 32,264 ласта. Число отошедшихъ судовъ обыкновенно почти одинаково съ числомъ пришедшихъ судовъ.

Товары, направляющіеся въ Петербургъ водянымъ путемъ, скопляются у Рыбинска, который представляетъ громаднѣйшій внутренній портъ — родъ русскаго Чикаго. Съ Петербургомъ Рыбинскъ соединяется тремя извѣстными водяными системами: Вышневолоцкой, Тихвинской и Маріинской.

Набережная Васильевскаго Острова.

Вышневолоцкая система, нѣкогда самая значительная, наименѣе удобная теперь изъ трехъ системъ, соединяющихъ Петербургъ съ Волжскимъ бассейномъ. Главныя ея неудобства: недостатокъ воды въ Тверцѣ и Мстѣ, мели въ Тверцѣ и боровицкіе пороги на Мстѣ. Срочная доставка грузовъ по этой системѣ невозможна, потому что суда должны выжидать накопленія воды въ резервуарахъ для прохода по Тверцѣ и Мстѣ. Вслѣдствіе такихъ неудобствъ, значительная часть грузовъ переходитъ съ этой системы на Николаевскую желѣзную дорогу на пристаняхъ Вышневолоцкой, Опеченской и другихъ, для доставки въ Петербургъ. Количество проходящихъ по этой системѣ судовъ и грузовъ ежегодно уменьшается съ открытія Николаевской дороги. Дѣятельность Рыбинско-Бологовской желѣзной дороги и улучшенія Маріинской системы еще болѣе уменьшатъ торговое значеніе Вышневолоцкой системы. Въ виду этого, ремонтныя работы на ней ограничиваются лишь поддержкой существующихъ сооруженій.

Тихвинская система составляетъ кратчайшій водный путь между Рыбинскомъ и Петербургомъ. Поэтому по ней перевозились преимущественно срочные и цѣнные грузы изъ С.-Петербурга во внутреннія губерніи и съ нижегородской ярмарки въ Петербургъ, но со времени открытія Николаевской и Московско-Нижегородской желѣзныхъ дорогъ количество проходящихъ судовъ по этой системѣ уменьшилось болѣе чѣмъ вполовину. Рыбинско-Бологовская желѣзная дорога также дурно повліяла на нее. Главное неудобство Тихвинской системы въ томъ, что по ней могутъ идти лишь малыя суда: тихвинки и сомины, вмѣщающія до 1,500—2,000 пудовъ груза. Улучшеніе этой системы во всякомъ случаѣ для торговли Петербурга необходимо и должно состоять въ расчисткѣ порожистыхъ мѣстъ Чагодощи и Сяси и въ углубленіи Мологи.

Маріинская система сдѣлалась теперь главнымъ воднымъ путемъ, соединяющимъ бассейны

морей Балтійскаго, Бѣлаго (съ помощью Сѣверной системы) и Каспійскаго. По этой системѣ ежегодно проходитъ до 50 милліоновъ пудовъ груза. Впрочемъ, движеніе это въ послѣднія девять лѣтъ остается почти безъ перемѣны, не смотря на рядъ работъ, произведенныхъ по улучшенію этого пути (передѣлка шлюзовъ изъ многокамерныхъ въ параллельные и углубленіе фарватера) и на учрежденіе туэрнаго (цѣпнаго) и буксирнаго пароходства по Шекснѣ и Свири. Застой происходитъ отъ дѣятельной конкуренціи Рыбинско-Бологовской желѣзной дороги, которая можетъ однако сохранить свое нынѣшнее положеніе лишь до кореннаго улучшенія Маріинскаго пути, когда волжскія барки станутъ безъ перегрузки доходить до Петербурга. Необходимость подобнаго улучшенія Маріинской системы признается единодушно всѣми. Важнѣйшія неудобства системы слѣдующія: пороги и извилистость фарватера Шексны, узкость и извилистость фарватера и пороги Свири, узкость Сяськаго канала (взамѣнъ котораго, строится нынче новый), недостаточность и неравномѣрность пропускной силы шлюзовъ, неисправность бичевниковъ и постоянно свирѣпствующая на Шекснѣ сибирская язва.

Сумма судовъ, выпущенныхъ у Шлиссельбурга, даетъ довольно точное понятіе о размѣрахъ судоходнаго движенія по внутреннимъ водянымъ путямъ, создаваемаго петербургскимъ портомъ. Въ навигацію 1879 года, всего съ 17 апрѣля по 1 октября, прошло судовъ черезъ Шлиссельбургъ по направленію къ Петербургу груженыхъ 11,882 (въ 1878 г. 11,650), лѣсныхъ плотовъ 19,317 (въ 1878 г. 17,818). По направленію отъ Петербурга выпущено у Шлиссельбурга въ каналы императоровъ Александра II и Петра Великаго судовъ груженыхъ 1,179 (въ 1878 г. 1,063), порожнихъ 5,004 (въ 1878 г. 5,722).

Водяной путь сохранилъ свое главное значеніе для снабженія Петербурга дровами, сѣномъ строительными матеріалами и т. п. громоздкими грузами. Затѣмъ изъ товаровъ, играющихъ роль на биржѣ, за водянымъ путемъ еще осталось значительное количество хлѣба; во всѣхъ прочихъ товарахъ желѣзнодорожный путь начинаетъ въ торговлѣ Петербурга пріобрѣтать все большее и большее значеніе.

Изъ желѣзныхъ дорогъ первенствующую роль въ отношеніи къ торговлѣ Петербурга имѣетъ Николаевская желѣзная дорога, связывающая Петербургъ съ Москвою, Нижнимъ, Южною Россіей и Волгою. Грузовое движеніе по ней постоянно развивается, а именно: было перевезено по Николаевской дорогѣ разныхъ грузовъ:

	пудовъ.
Въ 1873 году	101,495,070
» 1874 »	112,605,711
» 1875 »	130,503,673
» 1876 »	145,316,182
» 1877 »	190,841,164
» 1878 »	155,740,600

Въ этомъ числѣ съ другихъ дорогъ Николаевскою желѣзною дорогою было принято въ 1873 г. около 49 милл. пудовъ, а въ 1877 году количество этого груза простиралось свыше 97 милл. пудовъ; переданныхъ на другія дороги въ 1873 году грузовъ было $9\frac{1}{2}$ милл., а въ 1877 г. уже около 14 милл. пудовъ; наконецъ, транзитныхъ грузовъ, которые собственно до торговли петербургскаго порта прямо не относятся и направляются преимущественно въ Ревель, было въ 1873 г. $4\frac{1}{2}$ милл. пудовъ, а въ 1877 году $24\frac{1}{2}$ милл. пудовъ.

Другія желѣзныя дороги имѣютъ для Петербурга сравнительно второстепенное значеніе. Пригородныя дороги, Царскосельская и Петергофская, важны только для пассажирскаго сообщенія, особенно лѣтомъ, во время дачной жизни; Варшавская дорога, кромѣ пассажирскаго движенія, доставляетъ грузы изъ-за границы, идущіе черезъ Вержболовъ, а также ленъ и другіе грузы Псковской губерніи. Дороги Балтійская и Финляндская служатъ для снабженія Петер-

бурга сельско-хозяйственными продуктами; кромѣ того по первой изъ нихъ во время замерзанія петербургскаго порта доставляется нѣкоторое количество заграничныхъ товаровъ черезъ Ревель и Балтійскій портъ.

Не смотря на громадное мѣстное значеніе торговой дѣятельности Петербурга, какъ столицы, не смотря на то, что городъ этотъ, опередивъ всѣхъ своихъ соперниковъ на Балтійскомъ морѣ, сдѣлался главнымъ пунктомъ заграничной морской торговли всей Россіи и однимъ изъ важнѣйшихъ торговыхъ городовъ Европы, — Петербургъ не имѣетъ до сихъ поръ морскаго порта въ настоящемъ смыслѣ этого слова.

Этотъ недостатокъ зависитъ отчасти отъ не совсѣмъ правильной распланировки столицы. Она слишкомъ приближена къ устью Невы и затѣмъ лучшія и удобнѣйшія части рѣчныхъ береговъ отняты отъ торговыхъ пристаней подъ красивыя набережныя, которыя даютъ Петербургу извѣстную его характеристическую физіономію, но крайне неудобны или вовсе недоступны для торговли. Между тѣмъ Нева способна по своей глубинѣ и обширности вмѣстить въ себѣ флоты всѣхъ европейскихъ государствъ, если бы только на ней своевременно былъ образованъ такой коммерческій портъ, съ товарными складами, къ которому имѣли бы удобный и прямой доступъ морскія суда и пароходы глубокой осадки.

Неудобства петербургскаго порта многочисленны; они заключаются въ мелководіи невскаго бара и необходимости прибѣгать къ посредничеству лихтеровъ, въ городскихъ мостахъ, въ затрудненіяхъ перевозки товаровъ по городу гужемъ на извощикахъ, въ недостаткѣ пристаней и товарныхъ складовъ, въ стѣсненіи плаванія у Кронштадта, служащаго для нашей столицы какъ avant-port, и т. д.

Баръ Невы мелководенъ, какъ и во всѣхъ почти рѣкахъ, хотя наростанія мелей у устья (что видно изъ сравненія старинныхъ шведскихъ картъ съ нынѣшними), вслѣдствіе чистоты воды, совершается въ Невѣ чрезвычайно медленно. На барѣ Невы имѣются три фарватера болѣе глубокіе, но на самомъ важнѣйшемъ изъ нихъ «корабельномъ», который и служитъ для движенія судовъ изъ Кронштадта въ Неву, не смотря на землечерпательныя работы морскаго вѣдомства, глубина не превосходитъ $10\frac{1}{2}$ фут. въ полную воду и понижается до 8 и менѣе футовъ при низкой водѣ. Кто плавалъ лѣтомъ въ Петергофъ, Стрѣльну, Кронштадтъ, тотъ обратилъ вниманіе, что пароходъ, выйдя изъ главнаго рукава Невы, идетъ зигзагами въ пространствѣ воды, обставленномъ баканами и вѣхами. Это и есть корабельный фарватеръ и невскій баръ.

При незначительной глубинѣ на барѣ къ Петербургу доступенъ приходъ только маломѣрныхъ судовъ. А, какъ извѣстно, фрахты большихъ кораблей бываютъ обыкновенно ниже фрахтовъ небольшихъ. Невозможность пройти черезъ баръ, даже разгрузившись, заставляетъ большую часть судовъ, направленныхъ къ нашей столицѣ, останавливаться для выгрузки и нагрузки въ Кронштадтѣ, гдѣ плаваніе судовъ постоянно въ узкомъ рейдѣ. между батареями, стѣсняется якорною стоянкою и передвиженіемъ военныхъ кораблей, а потому, кромѣ опасности сѣсть на мель, суда подвергаются въ Кронштадтѣ еще опасности столкновеній въ ночное время и въ пасмурную погоду.

Эти неудобства заставляютъ кораблехозяевъ платить за плаваніе въ Петербургъ и обратно болѣе высокую страховую премію и влекутъ за собою возвышеніе морскихъ фрахтовъ. Они увеличиваютъ также страховую премію на наши отпускные и привозные товары и, возвышая ихъ стоимость, дѣйствуютъ въ ущербъ русской заграничной торговлѣ. Кромѣ того, если бы у насъ образовался свой купеческій флотъ, то, при настоящемъ положеніи петербургскаго порта, такой флотъ, въ случаѣ нападенія непріятеля на Кронштадтъ, не могъ бы укрыться въ Невѣ и долженъ былъ бы оставаться въ Кронштадтѣ подъ непріятельскими выстрѣлами.

Невозможность кораблямъ съ значительною осадкою пройти въ Неву заставляетъ пришедшіе грузы и отпускные товары на пространствѣ отъ Петербурга до Кронштадта перевозить на мелкосидящихъ баркахъ, называемыхъ лихтерами. Этотъ способъ перевозки очень медленъ (тре-

буется иногда 10 дней для перевозки груза изъ Петербурга въ Кронштадтъ) и очень дорогъ, такъ дорогъ, что иногда отправить товаръ до Кронштадта обходится то же самое, что изъ Кронштадта въ Англію! Это зависитъ отъ того, что тихая погода бываетъ у насъ только лѣтомъ, въ разгаръ же торговой заграничной дѣятельности, т. е. позднею осенью, плаваніе лихтеровъ находится въ самыхъ невыгодныхъ условіяхъ, вслѣдствіе темныхъ ночей, тумановъ и бурной погоды. Осеннее же время важно для торговли, какъ потому, что къ этому только времени поспѣваютъ главнѣйшіе караваны по воднымъ путямъ, такъ и потому, что продукты земледѣлія, важнѣйшіе въ русской торговлѣ, обыкновенно собираются къ осени. Затѣмъ, въ случаѣ большаго требованія русскихъ товаровъ за границу, число лихтеровъ оказывается въ Петербургѣ недостаточнымъ, и цѣнность провоза лихтерами возвышается въ нѣсколько разъ. Бываетъ, что лихтеровъ вовсе нехватаетъ для удовлетворенія экстренной надобности, что ведетъ къ неисправности въ перевозкѣ товаровъ, заставляющей товаровладѣльцевъ платить за излишній простой иностранныхъ кораблей по 100 и болѣе рублей въ сутки штрафа.

Тучковъ мостъ.

Хотя лихтерное плаваніе, какъ каботажное, дозволено по закону только русскимъ подданнымъ, но большая часть петербургскихъ лихтеровъ принадлежитъ иностранцамъ. Кромѣ того, заглазная разгрузка и нагрузка товаровъ въ Кронштадтѣ заставляетъ петербургское купечество имѣть тамъ особыхъ коммиссіонеровъ, также изъ иностранцевъ.

Привозные товары, кромѣ сельдей, каменнаго угля и керосина, выгружаются въ настоящее время на Васильевскомъ островѣ, на такъ называемой Стрѣлкѣ, гдѣ находится таможня и таможенные пакгаузы. Набережная здѣсь не велика, потому судамъ приходится дожидаться очереди и становиться въ нѣсколько рядовъ. Въ разгаръ привоза накопляется иногда до 10 рядовъ кораблей. Выгрузка производится при этомъ вручную, и товары на берегъ перевозятся съ заднихъ рядовъ кораблей черезъ передніе въ тележкахъ. Разнородность товаровъ, скучиваніе на незначительномъ пространствѣ таможенныхъ служителей, иностранныхъ матросовъ и русскихъ рабочихъ производятъ безпорядокъ и медленность во всѣхъ операціяхъ. Эта медленность увеличивается еще нашими устарѣлыми таможенными формальностями, настолько стѣснительными, что купцы избѣгаютъ имѣть дѣло съ таможнями, и образовался обширный классъ, такъ называемыхъ, «экспедиторовъ»—конечно изъ иностранцевъ, вся роль которыхъ ограничивается посредничествомъ между таможнею и импортерами. Привозные товары, выгружаемые на Васильевскомъ островѣ, перевозятся въ пакгаузы, отстоящее довольно далеко отъ берега; но вмѣстимость пакгаузовъ такъ недостаточна, что значительная часть даже дорого стоящихъ товаровъ складывается на открытомъ воздухѣ.

Отпускные товары: сало, ленъ, пенька, спиртъ, масло складываются на буянахъ, разбросанныхъ по разнымъ частямъ города и не имѣющихъ ни хорошихъ крытыхъ помѣщеній, ни надлежащихъ механическихъ приспособленій для выгрузки и нагрузки товаровъ. Приходящіе

по желѣзнымъ дорогамъ товары, за отсутствіемъ складовъ на станціяхъ, потерпѣвъ перевозку по городу гужемъ на ломовыхъ извощикахъ, складываются одни на буянахъ, а другіе въ хлѣбныхъ амбарахъ подъ Невскимъ, или даже просто въ баркахъ на Калашниковской пристани, гдѣ вообще стоятъ постоянно въ навигацію тысячи барокъ, пришедшія по водянымъ путямъ и служащія какъ бы пловучими магазинами. Хотя товаръ тутъ легко подвергается порчѣ, но складъ въ баркѣ удобенъ для лихтерной перевозки и для нагрузки въ тѣ небольшія мореходныя суда, которыя подымаются вверхъ по Невѣ.

Эти суда и лихтеры встрѣчаютъ новыя затрудненія въ городскихъ мостахъ, разводимыхъ лишь по ночамъ, по одному разу въ сутки. Такимъ образомъ каждый изъ приходящихъ въ Петербургъ кораблей долженъ, для прохода подъ Невскій монастырь и обратно, терять до четырехъ сутокъ и болѣе. Не менѣе неудобствъ встрѣчается при передвиженіи привозныхъ, особенно громоздкихъ и малоцѣнныхъ товаровъ на станціи желѣзныхъ дорогъ. Даже вагоны желѣзныхъ дорогъ перевозятся у насъ обыкновенно по улицамъ на извощикахъ, что, кромѣ порчи товаровъ, стѣсняетъ ѣзду по городу и разрушаетъ городскія мостовыя.

Не легче и судамъ, остающимся въ Кронштадтѣ. Лѣсная, средняя и купеческая гавани этого порта представляютъ одинъ бассейнъ, которымъ пользуются какъ военныя, такъ и коммерческія суда, а при нынѣшней осадкѣ пароходовъ они удобно помѣщаются только въ такъ называемой купеческой гавани, весьма незначительной. Недостатокъ простора и глубины въ самыхъ гаваняхъ заставляетъ суда тѣсниться, перепутываться швартовами, мѣшать другъ другу, а при вѣтрѣ сталкиваться и повреждаться. Кромѣ замедленія выгрузки и нагрузки, эта тѣснота угрожаетъ еще уничтоженіемъ судовъ въ случаѣ пожара.

Всѣ вышеозначенныя неудобства и потери лежатъ тяжелымъ бременемъ на потребителяхъ привозныхъ товаровъ и, напрасно возвышая цѣну отпускныхъ товаровъ, препятствуютъ русскимъ товарамъ успѣшно конкурировать на всемірныхъ рынкахъ съ товарами тѣхъ государствъ, которыя не щадятъ никакихъ затратъ для устройства своихъ портовъ. Независимо отъ этого, иностранные купцы, мало знакомые съ дѣйствительною причиною нашихъ затрудненій, часто совершенно несправедливо обвиняютъ петербургское купечество за неисправность въ товарныхъ операціяхъ.

Казалось бы, что, при подобныхъ условіяхъ, купечество должно было непрестанно ходатайствовать о скорѣйшемъ устройствѣ лучшаго въ Петербургѣ порта, на дѣлѣ же мы видимъ совершенно противоположное, именно: купечество являлось постояннымъ противникомъ благихъ намѣреній правительства относительно улучшенія петербургскаго порта.

Этотъ почти невѣроятный фактъ объясняется двоякимъ образомъ. Во-первыхъ, значительная часть здѣшняго купечества, и особенно вліятельная на биржѣ, извлекала выгоды изъ неустройства порта, владѣя складами на островѣ, лихтерами и пр.; переустройство порта лишало эти имущества большей ихъ цѣнности. Во-вторыхъ, за самыми небольшими исключеніями, какъ мы выше говорили, наша заграничная торговля находится въ рукахъ иностранцевъ и притомъ даже не иностранныхъ домовъ, а только коммиссіонеровъ большихъ заграничныхъ домовъ.

Поэтому на петербургской биржѣ очень мало фирмъ, существующихъ даже полвѣка; по большей части, послѣ десяти, много двадцатилѣтней успѣшной эксплоатаціи петербургскаго рынка, коммиссіонеръ ликвидируетъ свои дѣла и вывозитъ заработанный капиталъ за границу. Это одна изъ весьма прискорбныхъ сторонъ здѣшней торговли, противодѣйствовать которой будетъ возможно лишь въ отдаленномъ будущемъ, когда русскіе купцы обзаведутся своими кораблями и устроятъ свои конторы за границею, на что, конечно, нужно и спеціальное образованіе и весьма значительные наслѣдственные капиталы.

Господство же иностранцевъ въ петербургской торговлѣ сдѣлало то, что почти до послѣдняго времени биржевой комитетъ, главный представитель и защитникъ интересовъ биржевой торговли, былъ въ рукахъ иностранцевъ и являлся противникомъ всякихъ улучшеній петер-

бургскаго порта. Улучшеній между тѣмъ было проектировано не мало. Еще въ 1842 году, видя громадныя работы, повсюду предпринимаемыя по улучшенію и расширенію портовъ, инженерный генералъ Заржецкій составилъ очень хорошій проектъ улучшенія петербургскаго порта помощью углубленія корабельнаго фарватера и обращенія Канонирскаго острова въ таможенные склады, соединенные рельсовымъ путемъ съ желѣзнодорожными станціями.

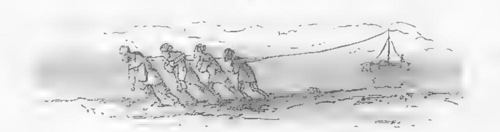
Въ концѣ 60-хъ годовъ, когда вліяніе желѣзныхъ дорогъ на увеличеніе вывоза изъ Россіи товаровъ сдѣлалось ощутительнымъ, поразительныя неустройства здѣшняго порта обратили на себя общее вниманіе. Сразу возникло пятнадцать проектовъ улучшенія, изъ которыхъ наибольшій успѣхъ имѣлъ въ высшихъ правительственныхъ сферахъ проектъ извѣстнаго заводчика и судостроителя Н. И. Путилова. По этому проекту предполагалось углубить екатерингофскій фарватеръ, а бассейны и склады устроить на отмели около деревни Волынкиной и Путиловскаго завода. Послѣ весьма энергическаго противодѣйствія биржеваго купечества и длинныхъ споровъ, въ 1872 году, рѣшено было проведеніе глубокаго морскаго канала сдѣлать на счетъ правительства, устройство же порта, т. е. бассейновъ, набережныхъ и пр. предоставить современемъ частной иниціативѣ.

Компанія гг. Путилова и Кларка взялась за семь милліоновъ рублей углубить новый каналъ; но повидимому суммы этой оказалось недостаточно; грунтъ бара, сверху такой крѣпкій, что съ трудомъ поддается расчисткѣ, на дальнѣйшей глубинѣ представляетъ илъ, вспучивающійся и заполняющій вынутое пространство. Сдѣланы были также важныя измѣненія въ направленіи канала. Компанія не исполнила въ срокъ принятыхъ на себя обязательствъ; почему правительство разрушило контрактъ и, измѣнивъ нѣсколько проектъ соединеніемъ вновь устраиваемаго глубокаго фарватера съ Невою, доканчиваетъ постройку канала на казенный счетъ.

Работы эти идутъ, какъ слышно, успѣшно, и въ скоромъ времени Петербургъ увидитъ у себя, наконецъ, портъ достойный столь важнаго по торговлѣ города. Самая трудная задача состоитъ въ устройствѣ на барѣ судоходнаго канала такой глубины, чтобы большія суда и пароходы, сидящіе до 20 футовъ, могли свободно подходить къ пристанямъ. По окончаніи подобнаго канала, не составитъ никакого труда вырыть около него бассейны для стоянки кораблей, укрѣпить набережныя, на которыхъ возвести пакгаузы, элеваторы, краны и другія механическія приспособленія для выгрузки и нагрузки, положить рельсовые пути и т. д.; словомъ, сдѣлать все, что имѣется во всѣхъ благоустроенныхъ портахъ Европы, Америки и чего недоставало Петербургу.

Васильевскій островъ, конечно, потеряетъ тогда часть своего торговаго значенія. Таможня будетъ по всей вѣроятности перенесена ближе къ новому глубокому порту, на Гутуевскій островъ, и около нея образуется новая чисто-коммерческая часть нашей столицы. Современемъ для того, чтобы вовсе освободить часть Невы между Дворцовымъ мостомъ и Охтой отъ барокъ и лихтеровъ съ товарами, проведутъ новый обводный каналъ отъ Невы къ новому порту. При помощи этого канала барки будутъ становиться рядомъ съ иностранными, глубокосидящими кораблями.

К. Скальковскій.

ОЧЕРКЪ XVIII.

ОЗЕРНАЯ ОБЛАСТЬ ВЪ ЕЯ СОВРЕМЕННОМЪ ЭКОНОМИЧЕСКОМЪ СОСТОЯНІИ.

Составъ и предѣлы области. — Ея гидрографическія особенности. — Климатическія и почвенныя ея условія. — Ея пространство и плотность населенія. — Естественные округи или мѣстности области въ ихъ отношеніяхъ съ характеромъ заселенія и эксплоатаціи. — Мѣстности: Новгородско-Ингрская, Псковская, Онежско-Карельская и Заонежская. — Племенной составъ населенія. — Характеръ его разселенія. — Въ какой мѣрѣ возрастаетъ населеніе Озерной области. — Хлѣбопашество и льноводство въ различныхъ мѣстностяхъ области. — Обезпечивается ли населеніе края мѣстнымъ хлѣбопашествомъ. — Скотоводство. — Эксплоатація лѣсныхъ богатствъ. — Рыболовство. — Минеральныя богатства края и ихъ эксплоатація. — Роль столицы въ отхожихъ промыслахъ населенія. — Участіе мѣстнаго населенія въ торговомъ движеніи по воднымъ и желѣзнымъ путямъ къ Невскому устью и роль Петербурга въ торговой промышленности Озерной области и цѣлой Россіи. — Мѣстные и отхожіе промыслы.

Скалы, поросшія елью.

одъ *Озерною областью* разумѣемъ мы четыре губерніи: С.-Петербургскую, Олонецкую, Новгородскую и Псковскую, принадлежащія, за исключеніемъ сѣверо-восточной и восточной частей Олонецкой губерніи и восточной окраины Новгородской, къ бассейну Балтійскаго моря и въ частности къ рѣчной области Невы съ ея озерами и меньшихъ рѣкъ, впадающихъ въ Финскій заливъ: Луги и Наровы.

Главная характеристическая черта нашей *Озерной области* заключается въ томъ, что она до крайности богата большой, средней и малой величины озерами, соединенными между собою значительными многоводными протоками, которые образуютъ, въ связи съ озерами и питающими ихъ рѣками, такую полную гидрографическую сѣть, что съ нею нетрудно было связать системами каналовъ верховья рѣкъ Волжской и Сѣверодвинской рѣчныхъ областей и такимъ образомъ соединить верховыя части Каспійскаго и Бѣломорскаго бассейновъ съ морскимъ выходомъ всей гидрографической системы Озерной области — устьемъ Невы. Желѣзныя дороги дополнили впослѣдствіи то, чего еще недоставало въ этой сѣти, и въ настоящее время Озерная область крѣпко связана самыми удобными сообщеніями со всѣми прилежащими къ ней областями. А именно съ прилегающею къ ней на сѣверо-западѣ Финскою областью она связана Финляндскою

желѣзною дорогою, съ облегающею ее съ сѣверо-востока и востока Бѣломорскою областью — каналомъ Герцога Александра Виртембергскаго, съ прилегающею на юго-востокѣ Московскою промышленною областью—тремя системами каналовъ (Маріинскою, Тихвинскою и Вышневолоцкою) и двумя желѣзными путями (Николаевскимъ и Рыбинско-Бологовскимъ), съ пограничною на югѣ Бѣлорусскою областью—Варшавскою желѣзною дорогою, наконецъ на западѣ съ Прибалтійскою областью—Чудскимъ озеромъ и Балтійскою желѣзною дорогою. Въ небольшомъ промежуткѣ между Прибалтійскою и Финскою областями Озерная область омывается Финскимъ заливомъ, въ который величественная Нева вноситъ воды великихъ озеръ Ладожскаго и Онежскаго, а Нарова — воды Чудскаго озера.

Климатъ Озерной области довольно суровый, такъ какъ она почти вся расположена между годовыми изотермами 1 и 4° Ц. и только въ юго-западной своей части имѣетъ среднюю годовую температуру до 5°. Близость моря и обиліе озеръ понижаютъ лѣтнюю температуру, такъ что самый теплый мѣсяцъ (іюль) имѣетъ среднюю годовую температуру немного болѣе 17°, т. е. одинаковую съ нѣмецкимъ балтійскимъ поморьемъ, Голштиніею и Гамбургомъ; и вообще лѣтомъ Озерная область пользуется климатомъ приморскихъ странъ. Зимою же, вслѣдствіе замерзанія великихъ озеръ и Финскаго залива, климатъ всей области становится почти совершенно континентальнымъ, такъ что средняя температура холоднѣйшаго мѣсяца въ большей части области простирается отъ —10 до —14°, а слѣдовательно такая же, какъ въ Сѣверной Швеціи и внутри Русской Лапландіи. Но всего неблагопріятнѣе представляется весна въ Озерной области: послѣ кратковременной теплой погоды ледоходъ съ великихъ озеръ понижаетъ температуру въ такой степени, что средняя температура мая мѣсяца на Ладожскомъ озерѣ холоднѣе, чѣмъ въ Тобольскѣ.

Такія климатическія условія Озерной области, при скудости ея почвы, покрытой обширными болотами, поросшей лѣсными зарослями и не представляющей въ большей своей части удобныхъ для культуры земель,—кромѣ отдѣльныхъ, разбросанныхъ спорадически посреди влажныхъ лѣсовъ и болотъ, оазисовъ болѣе возвышенной и твердой почвы и сплошныхъ, болѣе или менѣе широкихъ полосъ, сопровождающихъ теченіе значительныхъ и многоводныхъ рѣкъ,— дѣлаютъ изъ области страну весьма бѣдную и малоспособную для развитія земледѣльческаго населенія.

Зато положеніе области на перепутьѣ изъ лучше одаренныхъ природою областей Волжскаго и Днѣпровскаго бассейновъ къ морскому выходу обширной гидрографической сѣти обусловило съ незапамятныхъ временъ какъ экономическое положеніе, такъ и историческое развитіе населенія этой страны, скуднаго по своей численности, но призваннаго самою природою на владычество надъ водными путями и группировку значительной своей части въ обширный торговый центръ, необходимый для управленія и орудованія тѣмъ транзитнымъ движеніемъ, которое всегда выносило произведенія богатѣйшихъ и обширнѣйшихъ областей Россіи за море къ «Варягамъ» и «Нѣмцамъ» и приносило Россіи обратно произведенія этихъ послѣднихъ, вмѣстѣ съ духовными и культурными вліяніями западно-европейской цивилизаціи. Такимъ центромъ былъ въ теченіе многихъ вѣковъ Великій Новгородъ, а въ послѣднія два столѣтія — Петербургъ.

Озерная область занимаетъ обширную площадь въ 6,700 кв. геогр. миль или 324,000 кв. верстъ (33½ милліона десятинъ), превосходящую, слѣдовательно, пространство Великобританіи съ Ирландіею и окружающими островами и составляющую 7% всего пространства Европейской Россіи.

Изъ этого пространства 630 кв. геогр. миль или отъ 9 до 10% приходятся на значительныя озера, а если присоединить сюда еще неисчислимое количество мелкихъ озеръ и площадей, занятыхъ рѣками и водными болотами, то окажется, что не менѣе 20% всей площади Озерной области находится подъ водою. До 80% суши Озерной области (отъ 20 до 22 мил. дес.) за-

росло лѣсами, только 7% (2½ мил. дес.) занято земледѣльческою культурою (пашнями), остальное—большею частью болотистыми попреимуществу лугами.

Около 3½ милліоновъ жителей обитаетъ на всемъ обширномъ пространствѣ области, но такъ какъ 900,000 изъ нихъ сосредоточены въ столицѣ, ея подгородномъ участкѣ и ближайшихъ ея окрестностяхъ, то на страну приходится немного болѣе 2.600,000 жителей, что составитъ только 420 человѣкъ на квадр. геогр. милю, а если даже причесть и населеніе столицы—570 жителей.

Само собою разумѣется, что это населеніе распредѣлено по пространству области крайне неравномѣрно, и для того, чтобы вникнуть въ причины этой неравномѣрности, мы должны подраздѣлить область на четыре, довольно различныя по своему экономическому характеру, мѣстности.

Первую и самую типическую мѣстность мы назовемъ *Новгородско-Ингрской,* образуя ее изъ всей Петербургской губерніи, кромѣ подстоличнаго ея участка, изъ Новгородской, кромѣ уѣздовъ Бѣлозерскаго и Кириловскаго, и изъ трехъ наименѣе населенныхъ и менѣе плодородныхъ уѣздовъ Псковской губерніи (Холмскаго, Торопецкаго и Великолуцкаго). Это та часть Озерной области, которая прорѣзана самымъ древнимъ воднымъ путемъ къ устью Невы вдоль Мсты и Волхова, въ центрѣ котораго расцвѣлъ въ былыя времена великій Новгородъ, а на оконечности возникъ въ началѣ прошлаго вѣка городъ Великаго Петра. Не смотря на такую способность къ образованію громадныхъ торговыхъ центровъ, скудная дарами природы страна эта внѣ этихъ центровъ никогда не содержала, да и нынѣ не содержитъ большаго числа жителей. Милліонъ шестьсотъ тысячъ населенія, обитающихъ на ея поверхности преимущественно вдоль теченія рѣкъ, составляетъ только 570 жит. на квадр. геогр. милю, а пропорція тѣхъ земель, которыя это населеніе успѣло съ большими усиліями завоевать для культуры, обративъ ихъ въ пахатныя, составляетъ немного болѣе 10% всего пространства области (1½ мил. дес.).

Значительно удаляется отъ этихъ отношеній другая, болѣе южная мѣстность области, которую мы назовемъ *Псковскою* и образуемъ изъ Псковской губерніи (кромѣ трехъ худшихъ, уже поименованныхъ ея уѣздовъ). Мѣстность эта, гораздо менѣе значительная по пространству, содержитъ и питаетъ до 600,000 жит., имѣетъ почти двойную плотность населенія противъ Новгородско-Ингрской, а именно 1,240 жит. на кв. геогр. милю, и при несравненно лучшей почвѣ, болѣе сухой, болѣе способной для земледѣлія, населеніе мѣстности завоевало для культуры и превратило въ пашни 28% всего пространства (до 680 тыс. дес.), засѣвая значительную часть этихъ пашенъ льномъ, такъ что по характеру своему Псковская мѣстность есть наиболѣе земледѣльческая изъ всей области и притомъ же льноводческая, и составляетъ естественный переходъ отъ Озерной области къ сосѣднимъ областямъ Прибалтійской и Бѣлорусской.

Совершенно въ противоположную сторону удаляется отъ типической Новгородской мѣстности, по своимъ культурнымъ условіямъ, третья мѣстность, которую мы назовемъ *Онежско-Карельскою* и образуемъ изъ Олонецкой губерніи (кромѣ наиболѣе пустынныхъ ея уѣздовъ: Повѣнецкаго и Пудожскаго) и двухъ сѣверо-восточныхъ уѣздовъ Новгородской губерніи (Бѣлозерскаго и Кириловскаго). Мѣстность эта расположена, слѣдовательно, попреимуществу около озеръ Онежскаго и Бѣлоозера и пересѣкается Маріинскимъ воднымъ путемъ. Съ климатомъ еще болѣе суровымъ, чѣмъ Новгородско-Ингрская мѣстность, съ почвою еще болѣе покрытою водными поверхностями и заросшею влажными лѣсами, она имѣетъ еще меньшую емкость для населенія и, содержа и питая 400,000 жит., имѣетъ плотность населенія втрое меньшую противъ предъидущей области, а именно только 180 жит. на кв. геогр. милю. Населеніе это завоевало для культуры и превратило въ пашни менѣе 4% всей площади (300 тыс. дес.) и находитъ себѣ подспорье только въ мѣстныхъ неземледѣльческихъ промыслахъ.

Наконецъ самою непривѣтливою, самою неудобною для культуры и осѣдлости, а потому и самою пустынною представляется четвертая мѣстность области, которую мы можемъ назвать *Заонежскою*, образуя ее изъ двухъ самыхъ пустынныхъ уѣздовъ Олонецкой губерніи, Повѣнецкаго

и Пудожскаго, занимающихъ обширное пространство на сѣверо-восточной окраинѣ области. Мѣстность эта содержитъ и питаетъ всего только 50,000 жит., т. е. 50 чел. на кв. геогр. милю, успѣвшихъ отвоевать у суровой и дикой природы сѣвера столь мало пространства для культуры, что пропорція пахатныхъ земель далеко не доходитъ здѣсь до 1% пространства. Очевидно, что Заонежская мѣстность носитъ на себѣ, какъ по характеру природы, гранитнымъ скаламъ и заключающимся между ними воднымъ поверхностямъ, такъ по климатическимъ и культурнымъ условіямъ, несравненно болѣе характеръ сосѣднихъ мѣстностей Финляндіи и Бѣломорской области, чѣмъ типическій характеръ Новгородской области.

Многіе представляютъ себѣ, что Озерная область и особливо части ея, носившія въ прежнія времена наименованія Ингріи и Кареліи, по составу своего населенія являются болѣе инородческими, чѣмъ русскими областями. Между тѣмъ во всей Озерной области (кромѣ столицы и ея окрестностей) можно насчитать всего только 240,000 (т. е. 9%) инородческаго населенія, состоящаго исключительно изъ финскихъ племенъ: Води, Ижоры, Чуди, Веси, Кареловъ и Эстовъ, отчасти въ сильной степени обрусѣвшихъ и наиболѣе сгущенныхъ въ предѣлахъ прежней Ингріи и Кареліи, т. е. въ сѣверной части Петербургской губерніи, гдѣ они составляютъ не болѣе 30% всего населенія, и въ Олонецкой, гдѣ они вообще не превышаютъ того же процента всего населенія, но живутъ сплошными массами между двумя великими озерами и къ границамъ Финляндіи. Даже считающееся столь разноплеменнымъ по своему составу населеніе столицы и ея окрестностей въ сущности представляетъ подавляющее большинство русскаго элемента и заключаетъ только 11% нерусскаго населенія (не свыше 100,000). Инородческая примѣсь столицы состоитъ на половину изъ Нѣмцевъ, въ остальной половинѣ народности идутъ по своей численности въ слѣдующемъ порядкѣ: Финны, Поляки, Евреи, Французы, Шведы, Татары, Латыши и пр. При этомъ замѣчательно, что значительная часть этихъ инородцевъ (до 8,000 человѣкъ) обнаружили свое обрусѣніе главнымъ образомъ въ томъ, что показали при переписи въ концѣ 1869 года русскій языкъ своимъ роднымъ языкомъ.

Не принимая въ разсчетъ столицы и Кронштадтскаго порта, между населеніемъ Озерной области подавляющее большинство принадлежитъ сельскому населенію, такъ какъ всѣ города Озерной области, вмѣстѣ взятые, не имѣютъ свыше 210,000 жит. и составляютъ только 8% всего состава населенія.

Сельское населеніе области размѣщается въ 30,000 селеній, такъ что поселки Озерной области представляются, за немногими исключеніями, до крайности мелкими и состоятъ среднимъ числомъ изъ 14 дворовъ и 80 жителей. Способъ разселенія мелкими поселками, весьма характерный для сѣверныхъ и сѣверо-западныхъ областей Имперіи, зависитъ въ Озерной области отъ двухъ главныхъ причинъ: отъ обилія воды, скудость которой въ центральныхъ и южныхъ областяхъ Россіи препятствуетъ устройству поселковъ въ обширныхъ междурѣчныхъ пространствахъ, и отъ избытка влажности почвы, посреди необъятныхъ болотистыхъ поверхностей которой относительно сухія пространства, способныя для культуры, представляются небольшими островками. На этихъ-то островкахъ располагаются селенія съ ихъ пашнями. Мелкіе эти поселки не могутъ разростись далѣе извѣстныхъ предѣловъ, потому что на островкахъ, на которыхъ они расположены, пахатныхъ земель немного, а подспорье, извлекаемое сельскимъ населеніемъ изъ окружающихъ лѣсовъ, болотъ и озеръ, требуетъ большаго простора. Только въ исключительныхъ случаяхъ, когда мѣстность представляетъ особыя промысловыя выгоды, напримѣръ: ломки цѣннаго камня, мѣста нагрузки товаровъ,—селеніе разростается далеко за предѣлы своихъ обычныхъ размѣровъ. Изъ современныхъ ландшафтныхъ художниковъ русской школы баронъ Клодтъ въ особенности мѣтко схватилъ типическія черты мелкаго поселка Озерной области. Рядъ деревянныхъ и почернѣвшихъ отъ сырости домиковъ протянутъ вдоль возвышенности, ограниченной невысокимъ и некрутымъ скатомъ. У подножія разстилается необозримое болото, поросшее плохимъ лѣсомъ, а на возвышенности за поселкомъ простираются очень необширныя

поля, опять таки ограниченныя скатомъ, у подошвы котораго разстилаются низменности, покрытыя топкими болотами и поросшія лѣсами. Такой типъ поселка есть одинъ изъ преобладающихъ въ области. Даже Божій храмъ, около котораго въ центральной и южной Россіи группируются обширныя села, здѣсь, въ Озерной области, не въ силахъ собрать около себя сколько-нибудь значительнаго селенія. Церковный поселокъ или, какъ его называютъ, «погостъ», обыкновенно состоитъ здѣсь изъ церкви и домовъ священно- и церковно-служителей; мелкіе же крестьянскіе поселки стоятъ отъ погоста въ нѣкоторомъ отдаленіи (напр. въ двухъ и трехъ верстахъ) и расположены на занятыхъ культурою, слабо поднимающихся надъ почвою возвышенностяхъ, отдѣленныхъ весьма часто одна отъ другой болотами и лѣсами. Эти особенности размѣщенія поселковъ Озерной области при многихъ неудобствахъ, напримѣръ отдаленности отъ церкви и школы, имѣютъ и нѣкоторыя выгодныя для населенія стороны: напримѣръ безопасность отъ распространенія пожаровъ, численность и сила которыхъ, замѣтимъ мимоходомъ, въ Озерной области очень незначительны въ сравненіи съ центральными областями Имперіи.

Весьма важнымъ для будущности Озерной области представляется вопросъ, насколько ея населеніе возрастаетъ естественнымъ путемъ, а именно избыткомъ рожденій передъ смертями. Въ 10-лѣтіе 1868—77 годовъ населеніе всей области прибыло этимъ путемъ на $5^1/_2$%, т. е. не менѣе $^1/_2$% въ годъ, хотя въ Петербургѣ въ это 10-лѣтіе прироста вовсе не было, какъ и всегда съ самаго начала XVIII вѣка, и даже былъ ежегодный избытокъ смертей передъ рожденіями (въ 22,000 человѣкъ въ 10 лѣтъ). Если же взять Озерную область безъ Петербурга, то естественный приростъ населенія составилъ въ 10-лѣтіе 8%, т. е. $^3/_4$% въ годъ, хотя былъ одинъ (1868) годъ, въ которомъ населеніе Озерной области вслѣдствіе неурожая уменьшилось на 18,000 человѣкъ. Избытокъ смертей передъ рожденіями въ Петербургѣ объясняется вовсе не климатическими и не санитарными условіями: онъ, къ счастію жителей столицы, только кажущійся и зависитъ отъ того, что въ болѣе или менѣе постоянномъ составѣ ея населенія находится слишкомъ 200,000 крестьянъ разныхъ губерній, большею частью оставившихъ свои семьи дома, куда они возвращаются отъ времени до времени и гдѣ родятся ихъ дѣти. Часть этого наплывнаго населенія умираетъ въ Петербургѣ, также какъ и часть рабочаго люда, прибывающаго лѣтомъ по воднымъ путямъ и желѣзнымъ дорогамъ для разгрузки товаровъ, привозимыхъ водою, для нагрузки и отправки за границу предметовъ вывоза и наконецъ для строительныхъ работъ, принимающихъ повременамъ, какъ напримѣръ въ послѣдніе годы, въ Петербургѣ весьма обширные размѣры. Независимо отъ того, Петербургъ и подстоличная мѣстность стягиваютъ къ себѣ много войскъ и учащейся молодежи. Все это наплывное населеніе, дающее въ столицѣ громадный перевѣсъ мужскому населенію передъ женскимъ, увеличиваетъ только списки смертности безъ соотвѣтствующаго увеличенія списковъ рожденій. Если же выкинуть изъ разсчета всю эту, составляющую отъ 35 до 40% всѣхъ жителей столицы, наплывную часть населенія съ его смертностью, то получится для остальнаго населенія постоянное, естественное приращеніе свыше 1% въ годъ, т. е. бòльшее, чѣмъ въ сельскомъ населеніи Озерной области, въ которомъ приращеніе никакъ не превзойдетъ $^3/_4$%, особливо если причесть къ умершимъ тѣхъ поселянъ области, которые умерли въ столицѣ. Такое отношеніе и понятно, потому что осѣдлая, постоянная часть населенія столицы живетъ въ несравненно лучшихъ экономическихъ условіяхъ, чѣмъ сельское населеніе Озерной области.

Населеніе Озерной области, не принимая въ разсчетъ столицы, должно было бы, на основаніи естественнаго своего прироста, удвоиться въ теченіе 94 лѣтъ; между тѣмъ изъ сличенія цифры населенія 1783 года, около 1.730,000 жителей, съ цифрою 1870 года, когда въ Озерной области (безъ столицы, но съ Кронштадтомъ и Петербургскимъ уѣздомъ) было 2.600,000 жителей, видно, что населеніе въ 87 лѣтъ возросло только на 58%, или въ 94 года на 63% не болѣе, и слѣдовательно увеличилось даже менѣе, чѣмъ въ сосѣдней Бѣломорской области. Это обстоятельство объясняется тѣмъ, что значительная часть естественной прибыли Озерной области ушла на пополненіе населенія столицы, которое, если полагать его

нынѣ свыше 800 тысячъ (безъ Кронштадта и подгороднаго участка), въ столѣтіе съ 1783 года почти учетверилось, разумѣется, не внутреннимъ ростомъ, а приливомъ извнѣ, и преимущественно изъ Озерной области, какъ ближайшей, въ сравненіи съ другими областями Имперіи.

Не смотря на скудость почвы, далеко неблагопріятныя климатическія условія и близость столицы, дающей разнообразные заработки жителямъ области, земледѣліе играетъ все-таки весьма важную роль въ жизни преобладающаго своею численностью сельскаго населенія. Наименьшее значеніе имѣетъ земледѣліе, разумѣется, въ мѣстности, которую мы назвали *Заонежскою*. При всемъ томъ и въ этой мѣстности подъ пашнями находится до 55,000 дес., что составляетъ на наличную душу мужескаго пола немного болѣе 2 десятинъ, а на дворъ болѣе 7 десятинъ, т. е. болѣе пахатной земли, чѣмъ имѣютъ въ средней сложности въ своемъ надѣлѣ бывшіе владѣльческіе крестьяне центральной черноземной области. Впрочемъ изъ упомянутаго количества пахатныхъ земель, т. е. расчищенныхъ изъ-подъ лѣса, подъ дѣйствительными посѣвами состоитъ гораздо менѣе $^2/_3$ земель, вслѣдствіе того, что земля безъ удобренія не даетъ урожая, а удобренія при недостаточномъ развитіи скотоводства не достаетъ на все количество запашекъ. Населеніе мѣстности сѣетъ почти исключительно только три рода хлѣба: рожь, ячмень и овесъ и только отчасти (около города Пудожа) картофель. Первыхъ двухъ хлѣбовъ, идущихъ на потребленіе человѣка, при среднемъ урожаѣ отъ самъ-3 до $3^1/_2$ (обычномъ въ мѣстности), собирается не болѣе 40 тыс. четвертей, что конечно далеко не покрываетъ потребности жителей. Недостающее количество мѣстное населеніе пріобрѣтаетъ покупкою на деньги, добытыя отчасти на промыслахъ — преимущественно охотѣ и лѣсныхъ, а отчасти отъ продажи льна, разводимаго въ довольно значительномъ количествѣ въ Пудожскомъ уѣздѣ, такъ что ежегодный сборъ льнянаго сѣмени простирается отъ 15 до 20 тыс. пуд., доставляя мѣстному населенію отъ 60 до 80 т. руб. Само собою разумѣется, что въ Заонежской мѣстности, гдѣ нѣтъ вовсе владѣльческихъ хозяйствъ, земледѣліе стоитъ еще на самой первобытной степени развитія.

Не въ лучшемъ состояніи находится земледѣліе и въ обширной мѣстности, которую мы назвали *Онежско-Карѣльскою*. Здѣсь на наличную душу мужескаго пола приходится среднимъ числомъ около $1^1/_2$ десят. пашни, а на дворъ около 5 десятинъ. Посѣвы состоятъ попреимуществу изъ тѣхъ же хлѣбовъ, а именно: ржи, ячменя и овса, къ которымъ какъ подспорье присоединяется еще картофель, разводимый напр. въ немаломъ количествѣ въ Кирилловскомъ уѣздѣ. Средніе урожаи тѣ же, какъ и въ предъидущей мѣстности, и хлѣба далеко не достаетъ на потребленіе жителей. Исключеніе составляетъ только одинъ Каргопольскій уѣздъ Олонецкой губерніи, въ которомъ, при болѣе плодородной почвѣ и большемъ обиліи пахатныхъ земель, хлѣба обыкновенно достаетъ на мѣстное потребленіе и даже есть небольшой избытокъ, отчасти идущій на винокуреніе, отчасти сбываемый въ Архангельскую губернію. Недостатокъ хлѣба въ Онежско-Карельской мѣстности пополняется его покупкою, совершающеюся впрочемъ въ несравненно лучшихъ условіяхъ, чѣмъ въ Заонежской мѣстности: вблизи воднаго пути Маріинскаго, прорѣзывающаго всю мѣстность, хлѣбъ не особенно дорогъ, да и купить его есть на что, такъ какъ заработки населенія разнообразнѣе и значительнѣе. Главныя препятствія къ развитію земледѣлія въ мѣстности это — трудность найти посреди сплошныхъ лѣсовъ и болотъ болѣе сухія и возвышенныя мѣста для пашенъ, трудность расчистить ихъ отъ древесныхъ зарослей, пней и камней (тѣхъ эрратическихъ валуновъ, которые оставлены на поверхности Озерной области древними, давно исчезнувшими ледниками), суровость климата, при которой ранніе заморозки часто уничтожаютъ жатву на корню, отсутствіе капиталовъ, могущихъ быть обращенными на земледѣліе, наконецъ въ особенности дороговизна рабочихъ рукъ, находящихъ себѣ болѣе выгодное примѣненіе не только на отхожихъ промыслахъ въ столицѣ, но и на мѣстныхъ, особливо вдоль Маріинскаго пути, на которомъ мѣстами, какъ напримѣръ на Свири, да и вообще во многихъ волостяхъ вдоль пути, крестьяне вовсе бросили хлѣбо-

нашество. Къ этому нужно еще присовокупить, что рабочій инвентарь до такой степени первобытенъ, что бороны, сколоченныя изъ сучковатыхъ еловыхъ вѣтвей, нисколько не измѣнились со времени владычества великаго Новгорода, да и соха сохранила свою древне-русскую форму, съ тою разницею, что употреблявшіяся въ XV и XVI вѣкѣ деревянные сошники замѣнились желѣзными. Что же касается до рабочаго скота, то оттягиваемый запросомъ на него на водныхъ путяхъ, гдѣ онъ гибнетъ отъ эпизоотій, а дома истребляемый хищными животными, онъ на столько недостаточенъ, что крестьяне, при отсутствіи удобренія на существующихъ пахатныхъ земляхъ и при трехпольной системѣ, никогда не могутъ держать полныхъ двухъ полей подъ посѣвами и часть этихъ полей забрасываютъ. Зато внѣ своихъ полевыхъ угодій крестьяне вторгаются въ окружающую ихъ лѣсную стихію съ своимъ подсѣчнымъ или огневымъ хозяйствомъ, не требующимъ никакого удобренія. Такія подсѣки очень трудно измѣрить, но при съемкѣ, произведенной въ 1873 году для выдачи крестьянамъ владѣнныхъ записей, въ одномъ Олонецкомъ уѣздѣ ихъ оказалось до 18 тыс. десятинъ, то есть болѣе, чѣмъ было у тѣхъ же крестьянъ подъ посѣвами полевыхъ угодьевъ.

Какъ выгодна бываетъ эксплоатація такихъ новинъ, доказывается тѣмъ, что вновь расчищенная огнемъ лѣсная и даже осушенная болотная почва даетъ урожай ржи самъ-20, а вазаская кустистая рожь еще вдвое болѣе. Но возможность дѣлать подсѣки все болѣе и болѣе ограничивается администраціей казенныхъ лѣсныхъ дачъ, въ предупрежденіе лѣсоистребленія, а осушеніе болотъ и выжиганіе ихъ сопряжены съ затратою такихъ капиталовъ, которыми крестьянскія хозяйства не обладаютъ

Не въ лучшемъ положеніи находится земледѣльческое хозяйство у землевладѣльцевъ мѣстности. Въ двухъ ея уѣздахъ (Петрозаводскомъ и Олонецкомъ) его почти вовсе не существуетъ; въ остальныхъ подъ посѣвами на владѣльческихъ земляхъ состоитъ всего только 15 тыс. десятинъ, т. е. не болѣе 8% всѣхъ посѣвовъ мѣстности. При существующихъ цѣнахъ на обработку десятины (для посѣва рабочему съ лошадью отъ 5 до 15 руб. и за жатву отъ 5 до 7 руб.) владѣльцы бросили невыгодную для нихъ урочную обработку полей, зачастую дававшую имъ перевѣсъ расходовъ надъ доходами, и нынѣ отдаютъ большею частью свои пашни крестьянамъ йзполу.

Въ нѣсколько болѣе благопріятныхъ условіяхъ находится земледѣліе въ самой типической части области, которую мы назвали *Новгородско-Ингрскою*. Здѣсь крестьяне имѣютъ пахатныхъ земель среднимъ числомъ до 2 десятинъ на наличную душу. Почва, хотя вообще малопроизводительна, но все же суше и лучше, чѣмъ въ Онежско-Карельской мѣстности, и нѣсколько менѣе забросана эрратическими валунами; климатъ умѣреннѣе и благопріятнѣе. Сѣются преимущественно почти тѣ же хлѣба, какъ и въ Онежско-Карельской мѣстности: рожь, составляющая 46% всего посѣва (до 500 тыс. десятинъ), овесъ—45% посѣва (до 470 тыс. десятинъ), ячмень, играющій уже несравненно меньшую роль, чѣмъ въ сосѣдней Онежско-Карельской мѣстности, и занимающій 7% посѣвовъ (болѣе 70 тыс. десятинъ). Посѣвы картофеля представляются уже здѣсь значительнѣе, занимая до 30 тыс. десятинъ, и появляются посѣвы гречи (до 14 тыс. десятинъ). На южной окраинѣ мѣстности и особливо въ уѣздахъ Лужскомъ, Старорусскомъ и отчасти Демянскомъ и Гдовскомъ, являются посѣвы льна, занимающіе во всей мѣстности не менѣе 10 тыс. десятинъ. При всемъ томъ эта главная и наиболѣе типическая часть Озерной области, при среднихъ урожаяхъ, не превышающихъ самъ-4, не можетъ продовольствоваться собственнымъ хлѣбомъ и недостатокъ свой должна пополнять покупкою хлѣба, которымъ впрочемъ мѣстность снабжается безъ затрудненія, благодаря прорѣзывающимъ ее двумъ воднымъ путямъ (Вышневолоцкому и Тихвинскому), а въ особенности желѣзнымъ дорогамъ (Николаевской съ Рыбинско-Бологовскою и Новгородскою вѣтвями, Варшавской, Балтійской и Финляндской). Средства же для покупки недостающаго хлѣба добываются еще легче, чѣмъ въ предъидущей мѣст-

ности, благодаря вліянію столицы и превосходной сѣти желѣзныхъ и водныхъ путей, связывающихъ съ нею различныя части мѣстности.

Въ несравненно лучшемъ положеніи находятся въ этой мѣстности и владѣльческія хозяйства, изъ которыхъ нѣкоторыя ведутся съ знаніемъ дѣла и усовершенствованными пріемами и орудіями. Подъ посѣвами состоитъ изъ владѣльческой земли до 160 тыс. десятинъ, что составляетъ уже 15% всѣхъ посѣвовъ. Впрочемъ развитіе владѣльческаго хлѣбопашества встрѣчаетъ большія затрудненія. Одно изъ нихъ заключается преимущественно въ дороговизнѣ рабочихъ рукъ, привлекаемыхъ отхожими столичными промыслами, подстоличными фабриками и желѣзными и водными путями, грузовое движеніе по которымъ даетъ также выгодные заработки населенію. Вслѣдствіе того стоимость обработки озимой десятины колеблется обыкновенно между 20 и 40 рублями. Другое затрудненіе заключается въ слишкомъ большихъ колебаніяхъ изъ года въ годъ цѣнъ на хлѣбъ, вслѣдствіе которыхъ валовой доходъ съ озимой десятины колеблется отъ 12 до 75 рублей, отчего доходъ съ пашни, эксплоатируемой владѣльцемъ, представляетъ такую непостоянную величину, которая придаетъ всей земледѣльческой эксплоатаціи характеръ очень рискованнаго предпріятія.

Въ лучшихъ условіяхъ находится земледѣліе въ той мѣстности, которую мы назвали *Псковскою*. Здѣсь на наличную душу мужескаго пола приходится всѣхъ пахатныхъ земель (крестьянскихъ и владѣльческихъ) $2^1/_2$ десятины, а подзолистая почва — жирнѣе, лучше и нѣсколько плодороднѣе, чѣмъ въ другихъ частяхъ области, что и дало возможность обширному здѣсь развитію, требующихъ хорошихъ качествъ почвы, льняныхъ посѣвовъ. Вообще культура въ Псковской области разнообразнѣе: рожь занимаетъ 44% всѣхъ посѣвовъ (до 200 тыс. дес.), но овесъ уже менѣе, а именно 30% (30 тыс.), ячмень 11% (50 тыс. дес.). Зато являются другіе хлѣба: греча (6 тыс. дес.), горохъ (16 тыс. дес.) и даже въ небольшомъ количествѣ пшеница (до 3 тыс. дес.), а картофель въ изобиліи (до 20 тыс. дес.). Но самый главный доходъ земледѣльцы извлекаютъ изъ посѣвовъ льна, занимающихъ въ мѣстности до 40 тыс. десятинъ и дающихъ, при среднемъ урожаѣ, льнянаго сѣмени до 150 тыс. четв. и волокна отъ 2 до 3 милл. пудовъ; и если хлѣбовъ, идущихъ на пищу человѣка, при среднемъ урожаѣ, недостаетъ на мѣстное потребленіе, то упомянутая отрасль земледѣлія (льноводство) доставляетъ мѣстному населенію съ большимъ избыткомъ средства на покупку недостающаго ему количества хлѣба, такъ какъ вообще произведеній льноводства изъ предѣловъ Псковской мѣстности вывозится ежегодно на 8 милліоновъ рублей.

Владѣльческія хозяйства Псковской мѣстности также находятся въ лучшемъ положеніи, чѣмъ въ остальной области, на что достаточно указываетъ уже цифра запашекъ на владѣльческихъ земляхъ, превышающая 100 тыс. дес., т. е. 20% всѣхъ запашекъ мѣстности. Хотя нѣкоторыя изъ препятствій, встрѣчаемыхъ развитіемъ сельскаго хозяйства во всей области, какъ, напримѣръ, не вполнѣ плодородная почва и дороговизна рабочихъ рукъ, встрѣчаются и въ Псковской мѣстности, но все-таки льноводство даетъ возможность владѣльцу, эксплоатирующему свои земли, разсчитывать на болѣе постоянные и менѣе подверженные колебаніямъ доходы.

Скотоводство въ области далеко не имѣетъ того развитія, какой бы оно могло имѣть при лучшей эксплоатаціи травяныхъ богатствъ края и удобствѣ сбыта произведеній скотоводства въ столицу. Тѣмъ не менѣе количество скота представляется въ Озерной области сравнительно болѣе многочисленнымъ, чѣмъ во многихъ другихъ областяхъ Имперіи и особливо въ центральныхъ, и нельзя сказать, чтобы количество это уменьшалось; при нѣкоторыхъ колебаніяхъ оно даже постепенно увеличивалось въ послѣднія 30 лѣтъ, хотя въ меньшей пропорціи, чѣмъ увеличивалось населеніе. Такъ количество лошадей въ области колебалось съ 1846 по 1876 г., постепенно возрастая, отъ 520 до 570 тыс. головъ, такъ что на каждые 10 крестьянскихъ дворовъ приходится среднимъ числомъ по 11 лошадей. При этомъ въ мѣстностяхъ Заонежской приходится на 10 дворовъ 9 лошадей, въ Онежско-Карельской, гдѣ множество лошадей гибнетъ на Маріинскомъ пути, на 10 дворовъ

7 лошадей, въ мѣстности Новгородско-Ингрской, гдѣ крестьянинъ, благодаря близости столицы, можетъ извлечь себѣ изъ лошади наибольшую выгоду, на 10 дворовъ 13 лошадей и наконецъ въ Псковской, гдѣ лошадь нужна крестьянину главнымъ образомъ только для земледѣлія, на 10 дворовъ 11 лошадей.

Количество крупнаго рогатаго скота показывало въ періодъ 1846—1876 менѣе наклонности къ увеличенію: оно колебалось въ предѣлахъ отъ 1 мил. до 1.100,000 головъ въ цѣлой области, слѣдовательно составляло среднимъ числомъ болѣе 20 штукъ на 10 дворовъ. При этомъ въ Заонежской мѣстности ихъ приходилось 16, въ Онежско-Карельской 19, въ Новгородско-Ингрской свыше 20, въ Псковской 23, что доказываетъ тѣсную связь между развитіемъ земледѣлія и количествомъ крупнаго рогатаго скота.

Но если количество крупнаго рогатаго скота въ послѣднее 30-лѣтіе не приросло въ значительной мѣрѣ, то несомнѣнно, что какъ качество скота, такъ и вообще эта отрасль скотоводства замѣтно улучшились, особливо въ послѣднее 15-лѣтіе, и притомъ преимущественно въ той наиболѣе типической части области, которую мы назвали Новгородско-Ингрскою. Между тѣмъ какъ въ Псковской мѣстности, гдѣ, при развитіи прибыльнаго льноводства, доходность полей такъ значительна, что одно полеводство можетъ вынести всю тяжесть издержекъ, сопряженныхъ съ сильнымъ удобреніемъ полей, и вслѣдствіе того тамъ еще преобладаетъ *навозное* скотоводство, — въ Новгородско-Ингрской мѣстности начинаетъ уже развиваться такая система хозяйства, въ которой скотоводство имѣетъ преобладающее значеніе, а именно своими *молочными произведеніями* даетъ земледѣльческой эксплоатаціи ея главные доходы. Доходы эти имѣютъ тѣмъ большее значеніе, что при владѣльческой эксплоатаціи земли, вслѣдствіе высокихъ цѣнъ на рабочія руки и низкой естественной производительности почвы, одно хлѣбопашество не даетъ въ разсматриваемой мѣстности сколько нибудь правильнаго постояннаго дохода, а крестьянскіе посѣвы не даютъ крестьянамъ количества хлѣба, достаточнаго для обезпеченія годоваго продовольствія семьи; между тѣмъ какъ *молочное* хозяйство, сопряженное съ надлежащею обработкою молочныхъ продуктовъ—масла, творога и сыровъ, находящее себѣ превосходный сбытъ въ лежащей на окраинѣ мѣстности столицѣ, можетъ поставить всю земельную эксплоатацію этой мѣстности въ предпріятіе, дающее болѣе или менѣе опредѣленную и прочную прибыль. Вотъ почему въ послѣднее 15-лѣтіе молочно-хозяйственное направленіе проявляется все съ большею и большею силою въ мѣстности, а въ особенности развилось *маслодѣліе* по лучшимъ усовершенствованнымъ способамъ, особливо голштинскому, не только во владѣльческихъ, но и въ крестьянскихъ хозяйствахъ. По свѣдѣніямъ, собраннымъ при бывшей въ 1879 году молочной выставкѣ, наша Новгородско-Ингрская мѣстность производитъ до 110 тыс. пуд. масла на 1.150,000 руб. Къ этому должно еще присовокупить произведенія сыроваренныхъ заводовъ, хотя и не особенно многочисленныхъ, но между которыми есть уже хорошіе заводы (числомъ 12) въ уѣздахъ Череповскомъ, Устюжскомъ и Лужскомъ, гдѣ производится до 8 т. пуд. сыровъ: честера, швейцарскаго и французскаго на 60 тыс. руб. Далѣе къ молочнымъ продуктамъ принадлежитъ творогъ, производимый въ значительномъ количествѣ Ямбургскимъ и многими другими уѣздами Петербургской и Новгородской губерній, а именно до 65 тыс. пуд. на сумму до 40 т. руб., не говоря уже о томъ громадномъ количествѣ молока, которое потребляется столицею и доставляется въ нее не только изъ подстоличной мѣстности, но и благодаря желѣзнымъ путямъ изъ болѣе отдаленныхъ частей Новгородско-Ингрской мѣстности. Въ нѣкоторыхъ, даже довольно отдаленныхъ отъ столицы уѣздахъ, какъ напримѣръ Новгородскомъ и Демянскомъ, крестьяне промышляютъ выпойкой телятъ, которыхъ отправляютъ въ столицу.

Порода крупнаго рогатаго скота въ мѣстности была уже издавна несравненно лучше чѣмъ не только въ центральной черноземной полосѣ, но и въ сосѣднихъ областяхъ Московской и Бѣлорусской. Отъ холмогорской и прежней мѣстной породы образовалась вдали отъ столицы особенная мѣстная порода, извѣстная подъ именемъ тихвинской, а ближе къ ней по-

рода крупнаго рогатаго скота все болѣе и болѣе улучшается, благодаря привозу скота альгаусской и голландской породъ не только министерствомъ государственныхъ имуществъ, но и частными владѣльцами. Во владѣльческихъ имѣніяхъ Петербургской губерніи существуетъ не менѣе 11 заводовъ вполнѣ чистокровнаго крупнаго рогатаго скота лучшихъ породъ Западной Европы.

Въ менѣе выгодныхъ условіяхъ находится разведеніе мелкаго рогатаго скота. Во всей области число овецъ колеблется изъ года въ годъ отъ 500 до 620 т. головъ исключительно простой русской породы, что составитъ на каждые 10 дворовъ до 12 головъ; пропорція эта мало измѣняется въ четырехъ мѣстностяхъ области, но колебанія въ общемъ количествѣ мелкаго рогатаго скота гораздо значительнѣе чѣмъ для лошадей и крупнаго скота, такъ какъ мелкій скотъ можетъ быть сбываемъ въ неблагопріятные годы крестьянами съ меньшимъ ущербомъ для ихъ хозяйства, чѣмъ крупный.

Въ луговыхъ угодьяхъ въ Новгородско-Ингрской мѣстности вообще нѣтъ недостатка, и обширныя пространства, при осушкѣ болотъ, на которую нынѣ обращено вниманіе не только сельскихъ хозяевъ, но и Департамента земледѣлія, могли бы еще быть завоеваны для пастбищъ и покосовъ. И въ настоящее время въ столицу привозятся изъ различныхъ уѣздовъ мѣстности, особливо Новоладожскаго, значительные запасы сѣна по Ладожскому каналу и Невѣ. Въ послѣдніе годы, съ открытіемъ Новгородской желѣзной дороги, развилось въ Новгородѣ и его окрестностяхъ прессованіе сѣна, отправляемаго по желѣзному пути въ Петербургъ. Отправка эта началась въ 1873 году съ 70 тыс. пуд. и, быстро развиваясь, дошла въ 1876 до 680 тыс. пудовъ.

Но какія бы улучшенія ни вводились въ сельскомъ хозяйствѣ и земельной эксплоатаціи Озерной области, при медленности самаго хода этихъ улучшеній и невозможности создать необходимые для нихъ оборотные капиталы изъ самаго земледѣлія, сельское населеніе области не можетъ удовлетворить всѣмъ своимъ нуждамъ, не прибѣгая къ промысламъ неземледѣльческимъ.

Въ двухъ мѣстностяхъ области, которыя мы обозначили именемъ Заонежской и Онежско-Карельской,—главное и широкое поле для промысловыхъ заработковъ (мѣстныхъ преимуществу) представляютъ съ одной стороны занимающія въ этихъ двухъ мѣстностяхъ до 10 милл. десятинъ обширныя, необъятныя площади лѣсовъ, посреди которыхъ мелкими островками разбросано населеніе края, а съ другой — значительныя водныя его поверхности.

Лѣса Заонежской и Онежско-Карельской мѣстности еще богаты звѣремъ и дичью, хотя со времени эксплоатаціи звѣриныхъ богатствъ сынами Великаго Новгорода богатства эти не только въ значительной мѣрѣ оскудѣли, но даже нѣкоторые изъ цѣннѣйшихъ звѣрей этого края исчезли безслѣдно. Сюда относится *кабанъ*, за которымъ такъ любили охотиться князья и бояре новгородскіе, *бобръ*, котораго гоны и ловища жаловались еще въ 1685 году царемъ Ѳедоромъ Іоанновичемъ Ковжезерскому монастырю, наравнѣ съ пашнями и другими угодьями, и наконецъ драгоцѣнный *соболь*, которымъ Заволочане еще въ XV вѣкѣ платили штрафы Новгородцамъ. Уменьшилось въ значительной мѣрѣ количество оленя и лося и даже бѣлки.

Наибольшее развитіе звѣриный промыселъ имѣетъ въ Заонежской мѣстности, богатой еще звѣремъ. Здѣшніе полѣсовщики получаютъ немалыя выгоды отъ охоты на оленя, лося, медвѣдя, волка, лисицу, рысь, куницу, горностая, зайца, бѣлку и птицъ: рябчиковъ, глухарей и тетеревей. Бѣлка и рябчикъ составляютъ основу промысла. Хорошій охотникъ въ теченіе года убиваетъ отъ 150 до 200 бѣлокъ, на сумму по вольной продажѣ отъ 15 до 20 руб., и паръ 50 рябчиковъ, на сумму 12 руб. Добыча остальныхъ звѣрей и птицъ болѣе случайна; но она дополняетъ заработокъ полѣсовщика въ лучшихъ условіяхъ до 40 руб. Въ худшихъ условіяхъ, а именно: при запродажѣ впередъ, заработокъ вслѣдствіе браковки и обсчитыванья скупщиковъ сводится на половину. Въ нѣсколько худшихъ условіяхъ находится звѣриный лѣсной про-

мыселъ въ Онежско-Карельской мѣстности и тѣмъ въ худшихъ, чѣмъ ближе къ Маріинскому пути, такъ что въ Вытегорскомъ уѣздѣ и вообще въ широкой полосѣ, сопровождающей Маріинскій путь, правильнаго звѣринаго промысла вовсе уже не существуетъ. Въ обѣихъ мѣстностяхъ области добывается ежегодно звѣря, какъ полагаютъ, болѣе 300 тыс. штукъ, а птицы—до 1 милліона паръ. Послѣдствіемъ значительной добычи бѣлки въ лѣсахъ Заонежской и наиболѣе отдаленныхъ отъ Маріинскаго пути частяхъ Онежско-Карельской мѣстности явилось развитіе въ Каргополѣ особой отрасли кустарной промышленности, имѣющей для мѣстности народно-экономическое значеніе, а именно: такъ-называемаго *бѣличьяго промысла*, т. е. выдѣлыванія бѣличьихъ шкурокъ. Количество выдѣланныхъ въ Каргополѣ шкурокъ въ 1871 году превышало 2 милліона штукъ, но, разумѣется, значительная часть ихъ привозится изъ Бѣломорской области и даже Сибири. Но и этотъ промыселъ доставляетъ нѣсколькимъ стамъ рабочимъ мужчинамъ и тремъ стамъ женщинамъ довольно скудный заработокъ. Лучшая бѣличья швея заработаетъ себѣ только 8—10 коп. въ день, средняя — отъ 6 до 7, тихая — отъ $3^1/_2$ до 5 коп. Лучшіе подборщики мѣховъ зарабатываютъ не болѣе 80 руб. въ семь мѣсяцевъ, обыкновенные—отъ 55 до 60 руб., лучшіе кроильщики—60 руб., посредственные — 40 рублей.

Зато чѣмъ ближе къ сѣти водныхъ путей, тѣмъ выгоднѣе становятся другіе лѣсные промыслы и прежде всего рубка и сплавъ лѣса, которые играютъ наиболѣе видную роль въ Онежско-Карельской мѣстности, доставляющей Петербургу едва ли не половину потребляемаго имъ топлива. Крестьянинъ, получающій за срубку дерева и доставку его на мѣсто сплава отъ 25 до 90 коп. и могущій срубить и вывезти въ зиму до 70 деревьевъ, могъ бы свободно получить, при благопріятныхъ условіяхъ, отъ этого промысла въ зимній заработокъ 40 руб., но, къ сожалѣнію, браковка и обсчитываніе крестьянъ повѣренными лѣсопромышленниковъ уменьшаютъ этотъ заработокъ на половину, да и то при крайне несвоевременной и неаккуратной уплатѣ заработанныхъ денегъ. На лѣсопильныхъ заводахъ рабочимъ даютъ по 3 руб. въ недѣлю, но и тутъ денежные люди, являющіеся посредниками найма между заводомъ и рабочими, давая свои деньги рабочимъ на уплату податей впередъ, одну треть этой платы удерживаютъ въ свою пользу. Изъ остальныхъ лѣсныхъ промысловъ въ краѣ развиты еще куреніе смолы и сидка дегтя, приготовленіе древесной коры и золы, постройка судовъ и выдѣлка деревянныхъ издѣлій. Вообще обороты лѣсопромышленности въ упомянутыхъ двухъ мѣстностяхъ оцѣниваются свыше 1 милл. рублей.

Вездѣ, гдѣ рѣчныя ложбины и долины прорвали и обнажили твердыя горныя породы края, обнаженія эти представили населенію возможность добычи нѣкоторыхъ минеральныхъ богатствъ, но само собою разумѣется, что богатства эти разрабатываются только тамъ, гдѣ, при хорошемъ качествѣ минеральныхъ матерьяловъ есть возможность нагружать ихъ и отправлять по воднымъ путямъ къ столицѣ. Такъ лѣпныя и особливо огнеупорныя глины добываются на берегахъ судоходныхъ рѣкъ Вытегорскаго уѣзда, гдѣ также горный известнякъ перерабатывается въ мѣлъ и известь; на Онежскомъ озерѣ къ с.-з. отъ Петрозаводска на полуостровѣ, недалеко отъ Соломенской пристани, разрабатываются ломки соломенскаго камня, послужившаго однимъ изъ видныхъ матерьяловъ для украшенія Исаакіевскаго собора; на четырехъ главныхъ ломкахъ При-онежья: Каменноборской, Брусменской, Пухтенской и Шокшинской ломаются превосходные, сливные, красные кварциты, неправильно называемые порфирами, изъ которыхъ сдѣланы пьедесталъ монумента Императора Николая I въ Петербургѣ и гробница Наполеона I въ Парижѣ; на знаменитыхъ Тивдійскихъ мраморныхъ ломкахъ добывается до 32 разновидностей тивдійскаго мрамора. Наконецъ, во многихъ мѣстахъ Олонецко-Карельской мѣстности добываются болотныя желѣзныя руды.

Самыя воды Заонежскаго и въ особенности Онежско-Карельскаго края служатъ также для промысловаго населенія театромъ болѣе или менѣе обширной эксплоатаціи, въ видѣ ры-

боловства, которымъ въ двухъ поименованныхъ окрестностяхъ занимается до 8000 человѣкъ. Кромѣ сиговъ и лососей Ладожскаго озера, въ Петербургъ доставляются съ озеръ Онежскаго и Бѣлозерскаго корюшка и несмѣтное количество сушеной и мороженой рыбы подъ именемъ снятковъ. Но и на рыбной ловлѣ главная доля прибыли выпадаетъ на долю хозяевъ-промышленниковъ, работники же получаютъ за весь лѣтній рабочій періодъ въ 5 мѣсяцевъ тяжелой работы по 40 руб. жалованья.

Впрочемъ, въ лѣтнее время большинство свободныхъ рабочихъ Онежско-Карельскаго края, даже тѣхъ, которые занимаются зимою лѣсными промыслами, полѣсованіемъ и бѣличьими промыслами, стекаются на заработки по навигаціи вдоль Маріинскаго пути и сплавнымъ его вѣтвямъ. Здѣсь въ сравнительно короткій навигаціонный сезонъ и заработки прибыльнѣе, такъ какъ они даютъ отъ 10 до 12 руб. въ двѣ недѣли, но зато и несравненно болѣе риска и опасностей, чѣмъ даже въ борьбѣ съ хищнымъ звѣремъ и суровою природою сѣвера въ дремучемъ лѣсу. Главнымъ бичемъ для рабочихъ, занимающихся нагрузкою и разгрузкою на пристаняхъ, сплавомъ и тягою судовъ, являются повальныя болѣзни, уносящія зачастую лучшія силы сельскаго населенія. Народъ на путину, какъ здѣсь называютъ сплавъ судовъ, идетъ бѣдный, изнуренный, часто полуодѣтый и безъ обуви. Напряженіе силъ, сырость посреди влажной стихіи, а иногда жаркая погода съ ея міазмами, а также постоянное соприкосновеніе съ рабочимъ скотомъ способствуютъ развитію повальныхъ болѣзней въ самыхъ страшныхъ ихъ формахъ: тифа, холеры и сибирской язвы. Въ селеніяхъ, расположенныхъ вдоль полосы главнаго воднаго пути, одна треть дворовъ или сиротскихъ, т. е. потерявшихъ единственнаго своего работника домохозяина, или такихъ, въ которыхъ взрослые работники искалѣчены физически, а иногда и нравственно, разрушительнымъ вліяніемъ работъ на Маріинскомъ пути.

Во всякомъ случаѣ, самый лучшій народъ изъ описываемыхъ мѣстностей идетъ на заработки въ столицу. Здѣсь къ 1 янв. 1870 г. было крестьянъ Олонецкой губерніи до 3000 мужчинъ и болѣе 1500 женщинъ. Мужчины, изъ которыхъ болѣе 60% грамотныхъ, занимаются здѣсь преимущественно торговлею въ лавкахъ (627 челов.), столярнымъ ремесломъ (457), прислугою (338). Большинство женщинъ (1104) находится въ услуженіи. Сумма заработковъ, высылаемая этими лицами въ свою губернію, превосходитъ 300 т. р.; но во всякомъ случаѣ отхожіе промыслы въ Онежско-Карельской и Заонежской мѣстностяхъ играютъ меньшую роль, чѣмъ мѣстные— въ лѣсахъ, на озерахъ и вдоль водныхъ путей сообщенія края.

При всемъ томъ сельское населеніе Онежско-Карельской и Заонежской мѣстности бѣдно, за исключеніемъ нѣкотораго и притомъ довольно значительнаго процента дворовъ въ селеніяхъ, расположенныхъ на самыхъ бойкихъ путяхъ сообщенія или вблизи ихъ, и попреимуществу тѣхъ дворовъ, которыхъ домохозяевамъ при благопріятныхъ условіяхъ удалось стать въ положеніе промышленниковъ-хозяевъ или предпринимателей.

Переходя затѣмъ на другую противоположную окраину Озерной области въ мѣстность, которую мы назвали *Псковскою*, мы замѣчаемъ здѣсь иныя условія промысловой неземледѣльческой дѣятельности населенія. Сплошныхъ, непочатыхъ лѣсовъ, какіе преобладаютъ въ Онежско-Карельской и особливо Заонежской мѣстностяхъ, въ Псковской мѣстности нѣтъ. Звѣри и птицы истреблены на столько, что охота за ними можетъ имѣть характеръ только *охоты*, а никакъ не промысла. Лѣсные промыслы въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, а именно: сидка дегтя, рубка лѣса, гужевая его перевозка и сплавъ также играютъ совершенно второстепенную роль въ общей экономіи мѣстности. Нѣсколько большее значеніе въ Псковской мѣстности, хотя и меньшее, чѣмъ въ остальныхъ мѣстностяхъ Озерной области, имѣетъ рыболовство, а именно на Псковскомъ озерѣ, гдѣ оно даетъ заработокъ нѣсколькимъ тысячамъ человѣкъ и производитъ рыбнаго товара на сумму отъ 150 до 400 тыс. рублей.

Всего болѣе изъ мѣстныхъ промысловъ въ Псковской мѣстности развиты тѣ, которые

находятся въ связи съ льноводствомъ, а именно: мятье и трепаніе льна, витье веревокъ, ручное ткачество и т. п.

Несравненно менѣе заработковъ, чѣмъ въ Онежско-Карельской мѣстности, даютъ мѣстности Псковской проходящіе черезъ нее пути сообщенія, такъ какъ значительныхъ судоходныхъ путей мѣстность не имѣетъ, а желѣзный путь, черезъ нее проходящій, даетъ заработки довольно ограниченному числу рабочихъ рукъ.

Въ немного большей пропорціи къ общему количеству населенія, чѣмъ въ Олонецкой губерніи, выходятъ Псковитяне на отхожіе промыслы въ столицу. Здѣсь къ 1-му январю 1870 года было около 5,000 крестьянъ мужескаго пола изъ Псковской губ. и свыше 3200 женск. пола. Главныя занятія Псковитянъ были: прислуга (1114 чел.), производство металлическихъ издѣлій (болѣе 600 чел.), работы на прядильныхъ и ткацкихъ фабрикахъ (133 чел.), промыслы трактирный (212), сапожный (160), портной (169), столярный (128), служба на желѣзныхъ дорогахъ (152) и т. д. Менѣе половины женщинъ (до 1400) находятся въ услуженіи, многія (327) занимаются прачешнымъ ремесломъ, работами на прядильныхъ и ткацкихъ фабрикахъ (128), портнымъ ремесломъ (121) и т. д.

Въ иныхъ условіяхъ находится промысловая, неземледѣльческая дѣятельность сельскаго населенія въ наиболѣе типической части Озерной области, которую мы назвали Новгородско-Ингрскою.

Столь же ничтожное значеніе, какъ и въ Псковской губерніи, имѣетъ здѣсь охота за истребленными въ значительной мѣрѣ дикими звѣрями и птицею, въ лѣсахъ уже утратившихъ свой дикій, непочатой характеръ.

Нѣсколько большее значеніе имѣютъ, однакоже, лѣсные промыслы, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, а именно сидка дегтя, развитая въ особенности въ отнесенныхъ къ этой мѣстности уѣздахъ Псковской губерніи и сосѣднихъ Новгородской, изготовленіе деревянныхъ издѣлій и ложекъ во многихъ уѣздахъ Новгородской, дѣланіе лучинковыхъ драней для крышъ — развившееся въ послѣднее 10-лѣтіе въ Валдайскомъ уѣздѣ, заготовленіе ивовой коры для кожевенныхъ заводовъ, производство гнутой мебели, возникшее нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ городѣ Демянскѣ, рубка и гужевая доставка лѣса къ пристанямъ и станціямъ желѣзныхъ дорогъ, сплавка его по воднымъ путямъ, а наконецъ судостроеніе. Послѣднее играло всегда, и нынѣ играетъ не малую роль вообще въ Озерной области. Въ послѣднее пяти-лѣтіе на рѣкахъ области, впадающихъ въ озера Ладожское, Онежское и Ильмень, строилось ежегодно отъ 1600 до 2000 судовъ на сумму отъ 350 до 450-тысячъ рублей, что составляло отъ 6 до 8% всего судостроенія Европейской Россіи.

Добыча минеральныхъ богатствъ, занимаетъ также не малое количество рукъ въ Новгородско-Ингрской мѣстности. На первомъ планѣ стоитъ ломка плитняковъ, особенно распространенная въ Новоладожскомъ уѣздѣ, гдѣ Путиловскія ломки имѣютъ всеобщую извѣстность и поддерживаютъ благосостояніе сельскаго населенія цѣлой волости; далѣе—ломка и обтесываніе гранитовъ, собираніе и доставленіе въ столицу булыжника, даже песку и глины, однимъ словомъ, добыча и доставка всѣхъ минеральныхъ строительныхъ матеріаловъ, которыхъ столица потребляетъ такое множество. Огромное большинство этихъ матеріаловъ производитъ Новгородско-Ингрская мѣстность и только небольшая сравнительная часть самыхъ цѣнныхъ доставляется изъ Онежско-Карельской мѣстности, Финляндіи и даже изъ заграницы. Остальныя минеральныя богатства, разрабатываемыя въ Новгородско-Ингрской мѣстности, незначительны. Сюда относятся, напримѣръ, огнеупорныя глины Боровичскаго и Демянскаго уѣздовъ, богатыя желѣзныя руды Уломской мѣстности Череповскаго уѣзда и т. п. Въ связи съ этими послѣдними въ Уломѣ издавна былъ развитъ въ обширныхъ размѣрахъ кузнечный и гвоздарный промыселъ, въ послѣдніе годы пришедшій въ замѣтный упадокъ, вслѣдствіе конкуренціи машинныхъ гвоздей и недостатка угля. Изъ остальныхъ мѣстныхъ крестьянскихъ промысловъ кое-гдѣ въ Новгородско-Ингрской мѣстности встрѣчаются промыслы сапожный и шляповаляльный.

Озера и рѣки Новгородско-Ингрской мѣстности играютъ важную роль въ экономіи края своими рыбными богатствами. Достаточно сказать, что на одномъ Ладожскомъ озерѣ рыболовствомъ занимаются до 400 соймъ и доставляютъ въ столицу рыбныхъ товаровъ на 250-тысячъ руб. Ильмень и Чудское озеро, Нева и Балтійское взморье также даютъ значительные заработки рыболовамъ.

Не малое количество мѣстныхъ заработковъ доставляютъ жителямъ Новгородско-Ингрской мѣстности многочисленные, прорѣзывающіе ее пути—водные и желѣзные. Изъ первыхъ особое значеніе, въ экономіи населенія, имѣютъ Ладожскій каналъ и Нева, между тѣмъ какъ Вышневолоцкій, а тѣмъ болѣе Тихвинскій водные пути постепенно приходятъ въ упадокъ, особливо послѣ проведенія Рыбинско-Бологовской желѣзной дороги. Зато четыре радіусообразно сходящіеся къ столицѣ желѣзные пути съ ихъ вѣтвями, доставляютъ значительные мѣстные заработки населенію Новгородско-Ингрской мѣстности.

Но самая характерная черта промысловой дѣятельности сельскаго населенія Новгородско-Ингрской мѣстности, это стремленіе на заработки въ столицу. Зимою къ 1 янв. 1870 г. находилось крестьянъ Петербургской и Новгородской губерній въ столицѣ 25-тысячъ мужчинъ и 19-тысячъ женщинъ, не смотря на то, что не менѣе 15-тысячъ рабочаго населенія столицы, преимущественно изъ крестьянъ этихъ губерній, было отвлечено постройкой Мстинскаго моста. Если принять въ соображеніе упомянутое обстоятельство, а также рабочее и преимущественно фабричное населеніе подстоличнаго участка и береговъ Невы и замѣтное увеличеніе съ 1870 года прилива сельскаго населенія въ Петербургъ, то придется цифру мужчинъ увеличить по крайней мѣрѣ вдвое, а женщинъ въ полтора раза для того, чтобы составить себѣ понятіе, какую массу сельскаго населенія Новгородско-Ингрской мѣстности притягиваетъ къ себѣ столица.

На первомъ планѣ зимнихъ занятій или промысловъ крестьянъ Новгородско-Ингрской мѣстности въ Петербургѣ стоятъ, разумѣется, работы на фабрикахъ, а также промышленныхъ и ремесленныхъ заведеніяхъ столицы, дающихъ заработокъ половинѣ пришлыхъ рабочихъ. Между отраслями обрабатывающей промышленности наиболѣе рукъ изъ крестьянъ Новгородско-Ингрской мѣстности занимаютъ прядильныя и ткацкія фабрики, металлическія и механическія, сапожныя и столярныя заведенія и типографіи. Чрезвычайно важное мѣсто въ ряду занятій крестьянъ Новгородско-Ингрской мѣстности въ столицѣ занимаетъ извозный промыселъ, какъ легковой, такъ и ломовой; на промыселъ этотъ устремляется цѣлая треть крестьянъ мѣстности, прибывающихъ въ Петербургъ, при чемъ въ лѣтнее время значительная часть ихъ уѣзжаютъ въ свои селенія на полевыя работы, прокормивъ въ столицѣ себя и своихъ лошадей и выплативъ на заработанныя деньги всѣ лежащія на своихъ дворахъ повинности. Въ прислугу личную и домовую поступаетъ $^1/_6$ прибывающихъ изъ Новгородско-Ингрской мѣстности мужчинъ, а изъ женщинъ $^2/_3$. Менѣе видную роль играютъ зимою въ столицѣ петербургскіе и новгородскіе крестьяне въ торговлѣ. Зато лѣтомъ эта роль значительно усиливается, особливо въ періодъ навигаціи, во время которой пришлое населеніе играетъ здѣсь большую роль въ нагрузкѣ товаровъ и отправкѣ ихъ за границу. Въ то же время являются въ столицѣ и всѣ тѣ рабочіе, которые принимаютъ участіе въ обширныхъ городскихъ постройкахъ, принявшихъ въ особенности въ последнее 6-лѣтіе столь колоссальные размѣры.

Вообще говоря, значеніе отхожаго промысла въ столицы въ экономіи населенія Новгородско-Ингрской мѣстности громадно, и количество денегъ, высылаемыхъ крестьянами этой мѣстности въ свои селенія, не можетъ быть оцѣнено менѣе чѣмъ отъ 5 до 6 милліоновъ рублей.

Фабричная и заводская и вообще обрабатывающая промышленность имѣетъ громадное развитіе въ области и производитъ цѣнностей на сумму отъ 100 до 150 милл. рублей, занимая отъ 150 до 200 тысячъ рабочихъ. Но 90% этой промышленности сосредоточено въ столицѣ, подстоличномъ участкѣ, на Невѣ и Наровѣ, и только 10% принадлежитъ остальной части области.

Въ тѣсномъ столичномъ и подстоличномъ районѣ обрабатывающая промышленность безконечно разнообразна, но отличается тѣмъ отъ промышленности Московской области, что тамъ ткацкія производства имѣютъ громадное преобладаніе надъ металлическими и механическими, а здѣсь наоборотъ, послѣднія имѣютъ перевѣсъ надъ первыми, хотя и въ Петербургскомъ промышленномъ районѣ производство бумажныхъ матерій и суконъ играетъ весьма видную роль. Само собою разумѣется, что петербургскія фабрики и заводы перерабатываютъ сырые матеріалы, преимущественно не Озерной области, а привезенные издалека: съ одной стороны изъ всего Волжскаго бассейна, имѣющаго съ экономической точки зрѣнія свое устье не въ Астрахани, а въ Петербургѣ и даже изъ Сибири, а съ другой изъ заграничныхъ странъ.

Что же касается до обрабатывающей дѣятельности остальныхъ частей Озерной области, кромѣ очерченнаго нами выше подстоличнаго района съ Нарвою, то она не представляется особенно значительною. Въ Псковской губерніи обрабатывающая промышленность вырабатываетъ цѣнностей на 12 милл. руб., изъ которыхъ 9 милліоновъ приходятся на льняныя, а 1¼ милл. на кожевенныя издѣлія. Въ губерніи Новгородской обрабатывающая промышленность даетъ цѣнностей на три милліона рублей, изъ которыхъ одинъ милліонъ падаетъ на винокуреніе, 500 тыс. на переработку зерноваго хлѣба въ муку, 400 тыс. на фаянсовое и стеклянное производство и по 300 тыс. на металлическое и лѣсопильное. Въ Олонецкой губерніи обрабатывающая промышленность также производитъ цѣнностей на 3 милліона рублей, изъ которыхъ лѣсопильни на 300 тыс., винокурни на 700 тыс., передѣлка зерноваго хлѣба въ муку 400 тыс. руб.; остальное принадлежитъ почти исключительно дѣятельности металическихъ заводовъ, между которыми имѣютъ значеніе казенные заводы: Александровскій пушечно-снарядо-литейный, въ Петрозаводскѣ, и вспомогательные для него чугунные—Кончезерскій и Валазминскій.

Такимъ образомъ мѣстная заводская и фабричная промышленность Озерной области, кромѣ столичнаго района, возникаетъ непосредственно изъ мѣстныхъ условій, перерабатывая или предметы мѣстной добычи: металлы, минералы, лѣсъ, ленъ и кожи, или доставляемый въ громадныхъ массахъ водными и желѣзными путями изъ болѣе плодородныхъ мѣстностей Имперіи хлѣбъ — послѣдній на вино и муку, преимущественно для мѣстнаго потребленія, на которое Озерная область не даетъ достаточнаго количества хлѣба.

По отношенію къ торговлѣ Озерная область поставлена, благодаря своей превосходной сѣти водныхъ путей и желѣзныхъ дорогъ, въ самыя выгодныя условія въ цѣлой Имперіи.

Водные и желѣзные пути доставляли къ устью Невы въ послѣдніе годы только-что окончившагося десятилѣтія отъ 250 до 300 милліоновъ пудовъ разнообразнаго груза. Третья часть этаго груза (по вѣсу) была выпускаема за границу, двѣ трети оставались на потребленіе почти милліоннаго населенія столицы и ея подстоличнаго района. Первое мѣсто по количеству и цѣнности между этими грузами занималъ хлѣбъ, преимущественно проходящій транзитомъ черезъ Озерную область, которая никогда не имѣла своего хлѣбнаго избытка. Хлѣба подвозилось въ Петербургъ ежегодно отъ 80 до 100 милліоновъ пудовъ, изъ которыхъ за границу шло отъ 50 до 60 милл. пудовъ, остальное оставалось въ столицѣ. Затѣмъ второе мѣсто по вѣсу принадлежало дровамъ и лѣснымъ строительнымъ матерьяламъ, которыхъ ввозилось въ столицу 70 до 75 милл. пуд., а третье—матерьяламъ каменнымъ, прибывавшимъ въ количествѣ отъ 40 до 50 милл. пудовъ. Изъ лѣсныхъ матерьяловъ не свыше 20% отправлялось за границу, а остальное, также какъ и всѣ каменные матерьялы, шли на потребленіе столицы. Огромное большинство лѣсныхъ и каменныхъ матерьяловъ производится Озерною областью, и только нѣкоторая часть ихъ привозится изъ Финляндіи. Четвертое мѣсто по вѣсу, но второе по цѣнности занимаютъ льняные и частію пеньковые грузы (ленъ и льняная пакля, пенька и льняное сѣмя), которыхъ ежегодно привозилось въ столицу отъ 8 до 10 милл. пудовъ, на сумму отъ 40 до 50 милл. рублей; половина этихъ грузовъ выпускалась за границу.

Если сравнивать подвозъ къ устью Невы товаровъ во второй половинѣ десятилѣтія 1870 — 1879 годовъ съ подвозомъ въ первыхъ годахъ предшедшаго десятилѣтія, т. е. въ эпоху освобожденія крестьянъ изъ крѣпостной зависимости, то окажется, что подвозъ этотъ увеличился вообще на 70%, и притомъ въ наибольшей степени въ самыхъ цѣнныхъ товарахъ, а именно утроился подвозъ хлѣба и льнянаго сѣмени, удвоился подвозъ льна и пеньки.

Не умалилось и абсолютное значеніе Петербурга и устья Невы по отношенію къ заграничной торговлѣ. Между тѣмъ, какъ Петербургъ отпускалъ за границу въ 10-лѣтіе 1830—1839 одовъ товаровъ среднимъ числомъ ежегодно на 32.800,000 руб., въ 10-лѣтіе 1840—1849 на 33.700,000 руб., въ 10-лѣтіе 1850—1859 на 33.900,000 руб., то есть отпускъ Петербурга до освобожденія крестьянъ изъ крѣпостной зависимости слабо возрасталъ, въ 10-лѣтіе 1860—69 онъ достигалъ среднимъ числомъ ежегодно до 50.800,000 руб., а въ 10-лѣтіе 1870—79 до 75.400,000 руб.

Въ послѣднее 5-ти-лѣтіе главными предметами отпуска Петербургскаго порта были: транзитный хлѣбъ, въ количествѣ ежегодно 55 милл. пуд. на сумму 55 милл. руб., льняные товары (ленъ и пакля, льняное сѣмя и выжимки) 3.200,000 пуд. па 18 милл. руб., доставленные по преимуществу Озерною областью и только отчасти сосѣдними Московскою и Бѣлорусскою; лѣсной товаръ на 4 милл. руб. почти исключительно изъ Озерной области, пенька на 2 милл., попреимуществу транзитная, по отношенію къ Озерной области; сало на 1.860,000, попреимуществу транзитное съ востока и юго-востока, и сильно уменьшившееся въ своемъ количествѣ противъ предшедшихъ десятилѣтій; щетина на 1.800,000 руб., также транзитная; спиртъ на 840 тыс. руб., и металлы почти на столько же, также попреимуществу транзитные.

Въ привозѣ товаровъ заграничныхъ замѣчается почти такое же возрастаніе. Въ 10-лѣтіе 1830—39 год. ихъ было ввезено среднимъ числомъ ежегодно на 38 милл. руб. сер., въ 10-лѣтіе 1840—48 на 44.400,000 руб., въ 10-лѣтіе 1850—59 годовъ на 52.600,00 руб., въ 10-лѣтіе 1860—69 годовъ на 84.600,000 руб., и наконецъ въ 10-лѣтіе 1870—79 на 103 милліона рублей.

Въ послѣднее 5-лѣтіе главными статьями привоза были металлы, среднимъ числомъ ежегодно на сумму до 20 милл. руб., металлическія издѣлія на 7 милл. руб., хлопокъ на сумму 7 милл. руб., машины на 5 милл. руб., каменный уголь на сумму до 5 милл. руб., вина и напитки на 5 милл. руб., краски и химическіе продукты на сумму до 5 милл. руб., растительныя масла на 4 милл. руб., чай на 3 мил. руб., кофе на $2^1/_2$ мил. руб. и т. д.

Значительная часть этихъ товаровъ потребляется столицею, но едва ли не бо́льшее количество ихъ идетъ транзитомъ черезъ Озерную область на внутренніе рынки государства.

Изъ всего сказаннаго ясно, что не оправдались опасенія тѣхъ, которые въ началѣ 1860-хъ годовъ предсказывали, что, обойденная прямыми путями, тянувшимися изъ внутреннихъ, наиболѣе производительныхъ частей Имперіи къ Ригѣ, Либавѣ, Кенигсбергу и сухопутной нашей границѣ, столица придетъ по отношенію къ своей торговлѣ постепенно въ застой и упадокъ.

Справедливымъ остается только то, что, при необыкновенномъ развитіи и возрастаніи торговыхъ сношеній Россіи съ Западной Европою, *относительное* торговое значеніе Петербурга постепенно уменьшается, вслѣдствіе соединенія внутреннихъ рынковъ Россіи со всѣми пунктами ея западной—морской и сухопутной—и южной морской границы цѣлою сѣтью удобныхъ путей сообщенія. Такъ въ 10-лѣтіе 1830—39 годовъ, отпускъ Петербурга составлялъ 45% всего отпуска Имперіи, а привозъ 62% всего привоза, въ 10-лѣтіе 1840—49 года проценты эти понизились, первый до 37, и второй 54%, въ періодъ 1850—59 первый до 32, и второй до 51, (не принимая въ разсчетъ лѣтъ времени Крымской войны), въ 10-лѣтіе 1860—69 годовъ первый до 27, и второй до 48%, и наконецъ въ 1870—79 г. первый до 19, и второй до 26%. Это доказываетъ только то, что обороты Петербурга по отпуску и привозу товаровъ, при всей

значительности своего возрастанія, не возрастали и не развивались такъ быстро, какъ возрасталъ отпускъ въ другихъ русскихъ портахъ и таможенныхъ пунктахъ Западной границы, вслѣдствіе проведенныхъ къ нимъ самостоятельныхъ желѣзныхъ путей.

Зато общій подъемъ въ послѣднее 20-лѣтіе промышленности и торговли цѣлой Имперіи, сосредоточившій въ столицѣ ея значительные капиталы, несомнѣнно отразился не только въ увеличеніи ея населенія по крайней мѣрѣ на 50%, но и въ сооруженіи обширныхъ построекъ, возникшихъ именно въ эту эпоху. Увеличеніе благосостоянія Петербурга доставило несомнѣнныя выгоды и сельскому населенію Озерной области и особливо Новгородско-Ингрской мѣстности, такъ что, не смотря на то, что выкупные платежи бывшихъ владѣльческихъ крестьянъ Озерной области въ значительной мѣрѣ превосходятъ ренту съ земель, поступившихъ имъ въ надѣлъ, бытъ этихъ крестьянъ, вслѣдствіе освобожденія труда и обезпеченнаго пользованія плодами этого труда, въ большинствѣ случаевъ несомнѣнно улучшился, хотя значительный процентъ крестьянскихъ дворовъ, а именно тѣхъ, въ которыхъ нѣтъ достаточныхъ рабочихъ силъ, находится еще на весьма низкомъ уровнѣ благосостоянія.

Изъ $2^1/_2$ милліоновъ крестьянъ Озерной области немного болѣе половины было крестьянъ государственныхъ, а меньшая половина находилась до 1861 года въ крѣпостной зависимости отъ помѣщиковъ. Крестьяне эти, въ количествѣ около 536,000 д. об. п., получили въ 1861 году въ надѣлъ до 2.750,000 дес. земли, т. е. среднимъ числомъ по 5 дес. на ревизскую душу, и къ 1879 году 77% ихъ пріобрѣли свои надѣльныя земли путемъ выкупа, а 23% остались еще въ обязательныхъ къ бывшимъ ихъ владѣльцамъ отношеніяхъ, причемъ впрочемъ повинность натуральная или барщина совершенно прекратилась. Большое количество земель пріобрѣтено еще крестьянами Озерной области въ собственность путемъ добровольной продажи.

Съ открытіемъ дѣятельности земскихъ учрежденій быстро развивалось и народное образованіе, особливо съ 1870 года. Достаточно сказать, что расходы земствъ Озерной области на народное образованіе съ 1870 по 1878 годъ *упятерились*, а именно возросли съ 80 до 400 тыс. рублей, причемъ число школъ (кромѣ столицы) въ 1877 простиралось до 1,430, а учащихся до 28,825 мальчиковъ и 12,670 дѣвочекъ.

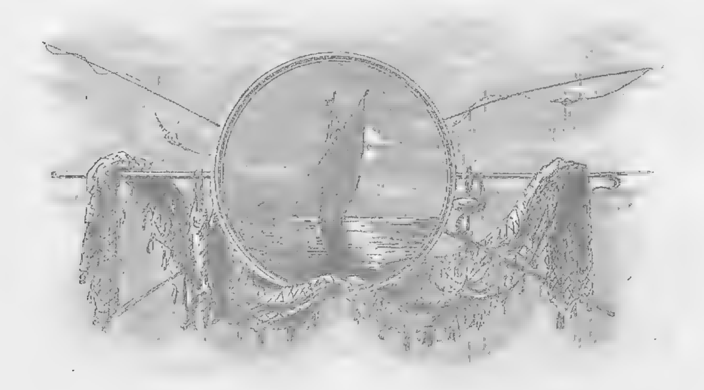
Всего сказаннаго достаточно для того, чтобы опредѣлить ту роль, которую играла Озерная область съ древнѣйшихъ временъ русской исторіи въ экономической жизни Россіи. Бѣдная по природѣ, мало способная къ развитію земледѣлія, страна эта, благодаря своей многоводной гидрографической сѣти и географическому положенію на пути «отъ Варягъ въ Греки», а также на пути отъ самой восточной оконечности Балтійскаго водоема къ колоссальному водоему Волги и Каспійскаго моря, со времени первой своей колонизаціи Славянскимъ племенемъ, подчинившимъ себѣ здѣшнихъ финскихъ аборигеновъ, сдѣлалась узломъ торговыхъ сношеній большей части Европейско-русской равнины съ Европейскимъ западомъ. Въ этомъ узлѣ неминуемо долженъ былъ возникнуть такой городъ, который захватилъ въ свои руки эти торговыя сношенія. Такимъ городомъ съ IX вѣка сдѣлался возникшій почти въ центрѣ Озерной области близъ узла, въ которомъ сталкивались два великіе пути—одинъ съ Днѣпра, а другой съ Волги, Великій Новгородъ. Въ его могучихъ рукахъ сосредоточивалось въ теченіе шести вѣковъ почти все транзитное торговое движеніе къ Финскому заливу Балтійскаго моря, шедшее изъ юго-западной Руси съ Днѣпра, изъ сѣверо-восточной съ верхнихъ частей теченія Волги, также какъ и изъ инородческаго средняго и нижняго теченія Волги и изъ Заволочья, т. е. Сѣверо-двинскаго и Камскаго бассейновъ и даже отдаленной Сибири. Не плодородію своей почвы и не естественнымъ своимъ богатствамъ была обязана своимъ относительно цвѣтущимъ состояніемъ Озерная или Древне-Новгородская область съ IX до конца XV вѣка, а своему посредничеству въ торговыхъ сношеніяхъ Запада съ Востокомъ и присутствію такого обширнаго торговаго центра, каковымъ былъ Новгородъ, захватившій въ свои руки господство надъ этими торговыми сношеніями. Въ XIII вѣкѣ Озерная область одна изъ всѣхъ русскихъ областей уцѣлѣла отъ татарскаго погрома.

Но съ тѣхъ поръ, какъ, развившееся въ Верхневолжской области, Московское Государство завладѣло всѣмъ теченіемъ Волги и собрало около себя значительнѣйшую часть древней Руси, пробилъ послѣдній часъ независимости великаго Новгорода: Москва, стремившаяся захватить въ свои руки выходъ къ морю громадной Волжской рѣчной области, захватила прежде всего Новгородъ, а съ нимъ и почти всю Озерную область. Однакожъ въ теченіе двухъ вѣковъ (XVI и XVII-го) Московскому государству не удалось упрочить свое владычество надъ устьемъ гидрографической сѣти Озерной области, и эти два вѣка были періодомъ наибольшаго упадка экономическаго благосостоянія Озерной области.

Только съ занятіемъ устья Невы, основаніемъ Петербурга и перенесеніемъ въ него столицы Имперіи въ началѣ XVIII вѣка, положеніе Озерной области значительно измѣнилось. Поставленный у выхода къ морю всей Волжской рѣчной области, городъ Великаго Петра не только захватилъ въ свои руки всю транзитную торговлю, направляющуюся, черезъ посредство устроенныхъ въ XVIII и началѣ XIX вѣка искусственныхъ водныхъ путей, изъ этой области къ морю и обратно, но и сдѣлался первостепеннымъ центромъ обрабатывающей промышленности и главнымъ культурнымъ центромъ государства. Сосредоточивая въ себѣ громадныя богатства, стекающіяся въ него изъ всѣхъ частей Имперіи, Петербургъ дѣлится частью этихъ богатствъ съ $2^1/_2$-милліоннымъ сельскимъ населеніемъ Озерной области и возвышаетъ экономическое благосостояніе ея несомнѣнно выше того уровня, на которомъ оно находилось въ самыя цвѣтущія времена древняго Новгорода.

Не поколебалось, а напротивъ возвысилось благосостояніе Петербурга съ покрытіемъ Россіи сѣтью желѣзныхъ дорогъ, и до тѣхъ поръ, пока Петербургъ будетъ занимать царственное мѣсто между городами великой Имперіи, нѣтъ сомнѣнія, что и будущность населенія Озерной области, только въ три раза превышающаго населеніе столицы, будетъ вполнѣ обезпечена, причемъ, впрочемъ, благодаря неблагопріятнымъ условіямъ климата и почвы малоплодородной, суровой, непривѣтливой страны, сельское населеніе ея обречено на несравненно болѣе медленный ростъ, чѣмъ населеніе остальныхъ, лучше одаренныхъ природою областей Русскаго государства, да и самая емкость Озерной области, для вмѣщенія сельскаго населенія, едва-ли можетъ когда-либо быть гораздо значительнѣе той, какою она была въ отдаленныя времена новгородскаго владычества.

П. П. Семеновъ.

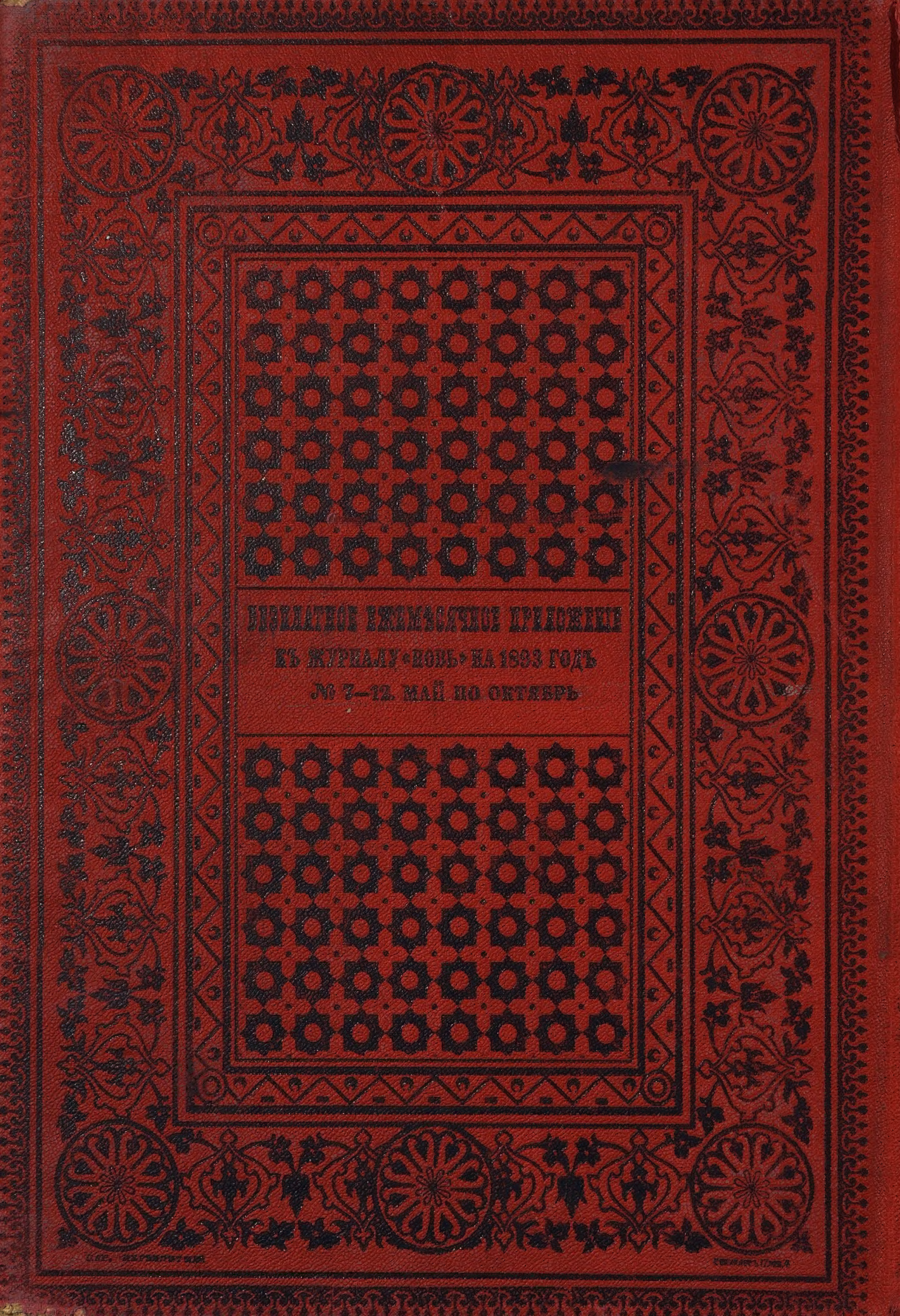
ТОМА I-го ЧАСТИ II-ой.

ОЗЕРНАЯ ИЛИ ДРЕВНЕ-НОВГОРОДСКАЯ ОБЛАСТЬ.

(Продолженіе).

ИСТОРИЧЕСКАЯ

ТОВАРИЩЕСТВО М.О. ВОЛЬФЪ

БЕЗПЛАТНОЕ ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ ПРИЛОЖЕНІЕ
КЪ ЖУРНАЛУ «НОВЬ» НА 1893 ГОДЪ
№ 7–12. МАЙ ПО ОКТЯБРЬ